

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

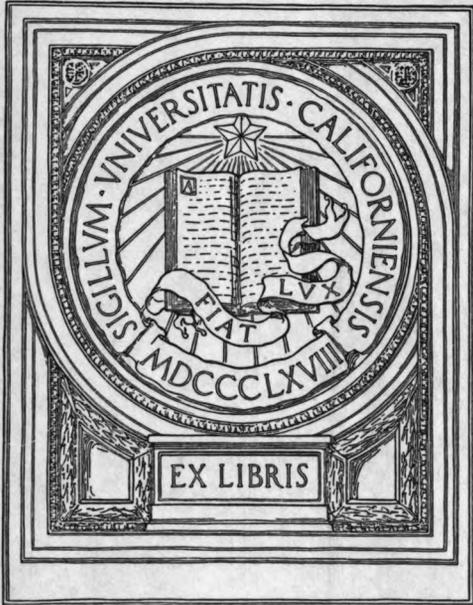
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 3 156 517

· FROM · THE · LIBRARY · OF ·
· PAUL N · MILIUKOV ·

EX LIBRIS

Kazan, Universitet, Obshchestvo Arkheologii
Istorii i Ethnografii

Izviestiia Obshchestva

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

Arkheologii, Istorii i Ethnografii
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ДРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Tom IX кyp I
Томъ IX, вып. 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ комиссіи 1767 г. **Н. Н. Ойрсова.**

Толковая икона села Царицына. **Н. В. Сорокина.**

Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. **Н. З. Тихова.**

Ириси у Чувашъ. **В. К. Магнитскаго.**

Русскія имена и прозвища въ XVII в. **А. И. Соколова.**

Свадебные обычаи Казанскихъ Татаръ. **М. Н. Пинегина.**

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго университета.

1891.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ IX, вып. 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

Памяти П. Д. Шестакова. **Н. А. Фирсова.**

Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ комиссіи 1767 г. **Н. Н. Фирсова.**

Толковая икона села Царицына. **Н. В. Сорокина.**

Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. **Н. З. Тихова.**

Ирихи у Чувашъ. **В. К. Магнитскаго.**

Русскія имена и прозвища въ XVII в. **А. И. Саволова.**

Свадебные обычаи Казанскихъ Татаръ. **М. Н. Пинегина.**

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго университета.

1891.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Печатано по опредѣленію Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи
при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

И. д. Секретаря *А. Александровъ.*

MILUKOV LIBRARY

Н. Н. ВИРСОВЪ.

D1
K3
v.9

В О П Р О С Ъ
О Б Ъ Г Л Ъ Х Ъ И Р А З Б О Й Н И К А Х Ъ ,

ПОДНЯТЫЙ ВЪ КОММИССИИ

ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПРОЕКТА

•
НОВАГО УЛОЖЕНІЯ (1767 г.).

(Читано въ засѣданіи Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и
Этнографіи).

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1890.

M303254

Печатано по опредѣленію Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при
Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Общества *И. Траубенбергъ.*

•

Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ свое время былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ русской жизни. Всѣмъ давно извѣстны соціальныя причины бѣгства русскихъ людей изъ общества, и я объ этомъ предметѣ не стану распространяться; замѣчу только, что побѣги крестьянъ наиболѣе усилились въ эпоху крайняго развитія крѣпостнаго права, а именно во вторую половину XVIII столѣтія. Увеличеніе количества бѣглыхъ вело къ размноженію разбойниковъ. И правительство, и общество отмѣтили эту связь между побѣгами и разбойничествомъ, почему въ сущности то и другое является одной темой, однимъ вопросомъ.

На сколько же этотъ вопросъ былъ важенъ для русскаго общества того времени, — всего лучше намъ могутъ изобразить наказы, съ которыми депутаты изъ провинцій и уѣздовъ, по волѣ Императрицы Екатерины 2-й, явились въ Москву для участія въ извѣстной комиссіи, имѣвшей своею цѣлью составить проектъ Новаго Уложенія. Эти депутатскіе наказы, а равно и протоколы засѣданій комиссіи представляютъ замѣчательный матеріалъ для характеристики воззрѣній современниковъ на многіе общественныя вопросы. Одинъ изъ послѣднихъ и составляетъ предметъ реферата, который я имѣю честь предложить вниманію настоящаго ученаго собранія.

Но прежде любопытно припомнить нѣкоторые факты, относящіеся къ знаменитой комиссіи. Такъ, напр., предъ ея открытіемъ депутаты приняли въ соборѣ присягу, въ которой просили Бога, чтобы Онъ отвратилъ ихъ отъ „корысти, дружбы, вражды и ненавистныхъ зависти, изъ коихъ *страстей родиться бы могла суровость въ мысляхъ и жестокость въ совѣтахъ*“. Затѣмъ, во дворцѣ, при эффектной обстановкѣ, говорились рѣчи; при этомъ одинъ изъ ораторовъ

ровъ, Новгородскій митрополитъ Дмитрій (Съченовъ) открылъ связь между законодательствомъ Юстиніана и Екатерины II-ой, отдавъ предпочтеніе мудрости русской Императрицы.

Произведеніе же этой мудрости—наказъ депутатамъ—читалось на другой день въ грановитой палатѣ, гдѣ и начались засѣданія комиссіи подъ предсѣдательствомъ Александра Бибикова. Многочисленные депутаты отъ дворянъ всѣхъ уѣздовъ, купцовъ, черносозныхъ крестьянъ, казаковъ и отставныхъ солдатъ изъ Наказа Императрицы, между прочимъ, узнали, что смертная казнь „потребна“ только для такого „гражданина“, который, „лишенъ будучи вольности, имѣетъ способъ и силу, могущую возмутить народное спокойствіе“; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ смерть „гражданина“, „ни полезна, ни нужна“ (Наказъ, § 210, стр. 167). Узнали также, что „мучительная строгость“ бесполезна (§ 207). Слушали депутаты и такіа трогательныя рѣчи: „кто не объемлетъ ужасомъ, видя въ исторіи сколько варварскихъ и бесполезныхъ мученій, высканнхъ и въ дѣйствіе приведенныхъ безъ малѣйшаго совѣсти зазора людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ? Кто не чувствуетъ внутри содроганія чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тѣхъ тысячъ безщастныхъ людей, которые оныя претерпѣли и претерпѣваютъ? и т. д. и т. д. „Кто можетъ, говорю я, смотрѣть на растерзаніе сихъ людей съ великими приуготовленіями?“ и т. д. и т. д. Во время чтенія такихъ и подобныхъ рѣчей многіе изъ депутатовъ плакали. Это однако не помѣшало имъ заявить о своихъ далеко не сентиментальныхъ требованьяхъ. Фабриканты, купцы, духовенство и даже казаки (домовитые) просили даровать имъ право владѣть крестьянами; дворянство вооружалось противъ этого, считая право владѣнія людьми своею привиллегіей. Черносозные крестьяне просили, чтобы имъ правительство дозволило вести торговлю, а купцы протестовали, рассматривая торговлю своею монополіей и говоря, что ихъ положеніе и безъ того плохо, а съ дозволеніемъ торговать крестьянамъ они совершенно раззорятся. Многіе изъ дворянъ требовали уничтоженія петровскаго закона, дѣлающаго дворяниномъ cadaго, дослужившагося до офицерскаго чина; другіе, повые дворяне, получившіе дворянство „за выслугу шнагой или перомъ“, конечно, оспаривали предложеніе первыхъ. . . Вообще, всѣ заявили о своихъ узко-эгоистическихъ пожеланіяхъ, вслѣд-

ствіе чего интересы ихъ неминуемо встрѣтились, и они спорили... Какъ-же они отнеслись къ вопросу о бѣглыхъ и разбойникахъ?

Въ депутатскихъ „наказахъ“ по этому вопросу мы найдемъ весьма много данныхъ; такъ мы можемъ узнать о томъ, какъ помѣщичи мотивировали побѣги крѣпостныхъ, какъ жаловались на зло отъ побѣговъ и разбоевъ и какія предлагали мѣры для пресѣченія побѣговъ и уничтоженія разбойничества. Кроме того мы находимъ въ этихъ „наказахъ“ и другія, болѣе частныя, свидѣтельства и между ними указанія на то, куда убѣгаютъ крестьяне и гдѣ скрываются. Съ этихъ-то указаній мы и начнемъ свое изложеніе.

Изъ депутатскихъ наказовъ легко можно усмотрѣть, что случаи побѣговъ были наиболѣе многочисленны въ западной окраинѣ имперіи, откуда масса бѣглыхъ удалялась въ Польшу¹⁾. Вы то и дѣло читаете: „крестьяне отъ помѣщиковъ бѣгутъ въ Польшу цѣлыми семьями“. (14 т. Сбор. Имп. Ист. Общ., стр. 365, 261, 401). Пусторжевское дворянство, какъ и другія дворянскія общества прямо заявило, что его „бѣдныя жилища стоятъ близъ Польши“ и поэтому крестьяне бѣгутъ туда „единого ради того, чтобы тамъ быть вольными“ (14; стр. 295). Рославльскій уѣздъ тоже находился по близости къ Польшѣ, не далѣе 50 верстъ, и вотъ, какъ только крестьяне „услышатъ рекрутскій наборъ, рассказываетъ наказъ отъ дворянъ этого уѣзда, „почти всѣ годные бѣгутъ за польскую границу и оттуда выходятъ потаенно и, подговаривая отцовъ и родственниковъ своихъ, выходятъ за ту польскую границу“²⁾. Естественно, что въ Польшѣ рус-

¹⁾ Особенно много жалобъ изъ разныхъ уѣздовъ и пятигъ Новгородской и Псковской провинцій. Въ тоже время голоса о побѣгахъ и разбойничествѣ несутся и съ сѣвера (напр., отъ вологодскаго дворянства, т. 8. стр. 551 и 552), и изъ центральной Россіи (напр., Суздальск. провинц., т. 8, стр. 533), и съ восточной окраины — этого стараго театра гулящихъ людей (Сарат. Уѣзд., т. 4. стр. 4).

²⁾ 14 т., стр. 425.

скихъ крестьянъ, убѣжавшихъ для воли отъ крѣпостнаго права и рекрутства, скопилось очень много. „По исчисленію“ смоленскаго дворянства ко времени комиссіи 67-го года въ Польшѣ пребывало болѣе 50000 бѣглыхъ крестьянъ изъ одной Смоленской губерніи (14; стр. 420). Депутатамъ было извѣстно, что, кромѣ Польши, бѣглецы направлялись въ Лифляндію (14, 381), Эстляндію, Финляндію (14; 256) и особенно на Волгу; депутатъ отъ брянскаго дворянства Сергѣй Мясоѣдовъ сообщилъ въ одномъ изъ засѣданій комиссіи, что въ 1742 и 43 г.г., когда онъ состоялъ „въ командѣ для сыска бѣглыхъ“, имъ было найдено въ Саратовѣ и въ уѣздѣ по Волгѣ, на судахъ и въ хуторахъ, до 5000 бѣглыхъ крестьянъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ (4 т., стр. 117). Отмѣчено въ наказахъ и то, что немало бѣглаго люда шатается внутри государства. При рекрутскихъ наборахъ вообще укрывались „въ разныхъ мѣстахъ“: у купцовъ и разночинцевъ, которые обыкновенно держали бѣглецовъ до тѣхъ поръ, „пока съ помѣщика положенное число рекрутъ отдано не будетъ“ (4 т., стр. 475). Помѣщики также очень хорошо знали, что нерѣдко бѣглецы находили себѣ пріютъ на желѣзныхъ и стеклянныхъ заводахъ, на фабрикахъ (4 т., 387).

Мы уже видѣли, что крѣпостное право и воинская повинность выставлялись, какъ причины побѣговъ. Въ наказѣ отъ псковской провинціи мы находимъ болѣе подробныя указанія причинъ побѣговъ, находимъ попытку представить классификацію бѣглецовъ. Послѣднихъ, по мнѣнію наказа, „три рода“. 1) Одни крестьяне бѣгутъ въ Польшу. И это происходитъ потому, что они знаютъ „польскія повеленія“: у поляковъ, „по ихъ вольности“, нѣтъ ни рекрутскаго набора, ни казенныхъ сборовъ, а за-то существуетъ свободная продажа вина и соли. 2) Другіе убѣгаютъ внутрь имперіи. На такое предпріятіе поощряетъ ихъ современное положеніе хозяйствъ „знатныхъ богатыхъ и сильныхъ людей“. Эти „сильные и богатые люди“ „по нынѣшнему состоянію“, говорится въ наказѣ, „имѣютъ весьма великія выгоды держать бѣглыхъ людей“. Если же кто и узнаетъ, гдѣ „подъ рукой сильнаго“ проживаетъ его „бѣглый человѣкъ“, „то радъ будетъ и тому“, когда „достанетъ“ его черезъ „нѣсколько лѣтъ“ и даже „съ немалымъ убыткомъ“ для себя. Въ виду этого псковское дворянство надѣется, что „о не-

держави“ этих бѣглыхъ будутъ издавы „настрожайшія подтвержденія“. 3) Наконецъ, весьма много крестьянъ бѣжить въ Чухонщину и Лифляндію“. Да и какъ не бѣжать: нѣтъ ни форпостовъ, ни заставъ, выдачи бѣглыхъ оттуда не бываетъ почти никогда, сыскивать же и ловить ихъ совсѣмъ нельзя, „а особливо незнатнымъ“, владѣющимъ „невеликимъ числомъ душъ“. Даже скорѣе можно самого себя „безъ вѣсти потерять“, чѣмъ вернуть бѣглыхъ, которыхъ въ Чухонщинѣ и Лифляндіи „весьма довольное число“, главнымъ образомъ въ мызахъ „знатныхъ и богатыхъ господъ“. Отмѣтивъ всѣ изложенныя причины побѣговъ, дворянство псковской провинціи сдѣлало оговорку, что крестьяне бѣгутъ „безъ всякаго отъ владѣльцевъ своихъ отягощенія“ (14 т., стр. 266 — 268). Дворянство Псковскаго уѣзда добавляетъ еще одну весьма „важную“, по его мнѣнію, причину побѣговъ: „склонность и жадность народа“ къ „вольному употребленію вина“. И это мнѣніе мотивируется тѣмъ, что безъ вина русскій народъ „съ природы вліянной страсти обойтись не можетъ“, а между тѣмъ по близости кабаковъ нѣтъ: „кои есть—не ближе какъ въ семидесяти и осьмидесяти верстахъ“. За „вольное“ же употребленіе вина штрафъ очень великъ, вслѣдствіе чего „дѣлые дома разоряются“. При всемъ этомъ—Польша рядомъ, гдѣ въ каждой деревнѣ „по вольности ихъ“, имѣется кабакъ, „что ихъ (русскихъ крестьянъ) весьма привлекаетъ“ (14 т., 381 и 382). И смоленское дворянство указывало на боязнь штрафа за корчемство, какъ на одну изъ причинъ побѣговъ, при чемъ, по его мнѣнію, убѣгали не только главные виновники этого преступленія, но и тѣ, „кто про то вѣдалъ или участникомъ былъ“. А „отъ вина нашихъ удержать не возможно“, категорично заявило смоленское дворянство (4 т., 421). Однако были, какъ мы видѣли и выше, причины посерьезнѣе; да и отмѣченные сейчасъ депутатскіе наказы не ограничились такимъ легкимъ объясненіемъ: въ числѣ причинъ бѣгства здѣсь помѣщены рекрутскіе наборы, „государственныя подати“ и „прочія разныя отягощенія“.

Расколъ выставлялся также причиной побѣговъ. „Когда, говорится въ одномъ изъ дворянскихъ наказовъ, „прельщенные къ расколу крестьяне отъ тѣхъ расколовъ своими по мѣщиками отвращаемы бываютъ“, то „тѣ крестьяне чинятъ немалые побѣги и ихъ держатъ и укрываютъ въ своихъ домахъ раскольники же“ (т. 4; стр. 336).

Но это еще не все. Въ иныхъ мѣстностяхъ крестьяне бѣднѣли отъ неурожаевъ; напр., дворянство Вяземскаго уѣзда высказалось въ томъ смыслѣ, что отъ неурожаевъ „по нѣскольку лѣтъ“ крестьяне до того раззорились, что многіе изъ нихъ, „дворы свои оставя“, „пошли безвѣстно“ (14 т. стр. 454).

Бѣглецамъ вездѣ былъ пріютъ, потому-что, при недостаткѣ рабочихъ рукъ въ то время, помѣщики, заводчики, фабриканты не брезгали этою выгодною рабочею силой, не говоря уже о самихъ зажиточныхъ крестьянахъ. Помѣщики-поляки, разумѣется, не были исключеніемъ. Въ депутатскихъ дворянскихъ наказахъ мы часто читаемъ жалобы на то, что польскіе помѣщики не только охотно принимаютъ къ себѣ бѣглыхъ, но „подговариваютъ“ приходитъ къ нимъ еще не убѣжавшихъ крестьянъ изъ Россіи. Это приглашеніе имѣло успѣхъ. По сообщенію наказа отъ дворян Псковской провинціи бѣглецовъ въ Польшу до того „пріумножилось“, что „шляхтамъ польскимъ“ негдѣ уже стало ихъ помѣщать „на своихъ земляхъ“. Тогда „многіе, узнавъ проворство Россійскихъ бѣглецовъ“, начали своихъ крестьянъ переселять „въ чужія и дальнія маетности“, а на оставшіяся свободными мѣста водворятъ русскихъ крестьянъ. Это повлекло за собой тотъ результатъ, что нѣкоторые польскіе помѣщики, прежде сами пахавшіе землю, теперь сдѣлались богатыми землевладѣльцами. По замѣчанію того же наказа, бѣглыхъ въ Польшѣ принимали также жида „для служенія“.

Кромѣ всего этого, мы встрѣчаемъ сѣгованья русскихъ помѣщиковъ на то, что имъ отъѣздъ въ Польшу „строжайше запрещенъ“, а поляки безпрепятственно пріѣзжаютъ въ Россію и подговариваютъ крестьянъ къ уходу (14; 367). Бѣгутъ за границу жены отъ мужей и мужья отъ женъ и тамъ, „согласясь съ другими надобными полами“, „остаюся вѣчно“; супруги, покинутые на родинѣ, „принуждены быть отъ молодости до старости безбрачными“, „или также, слюбясь съ другими, тоже уходятъ въ Польшу“. Особенно же, по мнѣнію, выраженному въ цитируемомъ сейчасъ наказѣ, жалѣтъ необходимо то, что бѣглецы теряютъ православную вѣру „безъ наимаѣйшаго страха Божія“; не только сами они переходятъ въ католичество и униатство, но перекрещиваютъ и дѣтей своихъ подъ вліяніемъ ксендзовъ и униатскихъ поповъ; эти послѣдніе „стараются ихъ ласкать и

всячески въ вѣчное уврѣпленіе шляхетству приманивать“.
(14 т., 297).

Само собой ясно, что на сколько польскимъ помѣщикамъ были выгодны побѣги изъ Россіи къ нимъ, на столько же и даже больше русскіе помѣщики терпѣли отъ этого экономической ущербъ. Прежде всего имъ приходилось раззоряться отъ того, что они были обязаны платить подушныя деньги *и за бѣглыхъ*, слѣдовательно, „съ пуста“, по выраженію наказовъ. Бѣглецы вдобавокъ не исключались и изъ рекрутскихъ наборовъ (14 т.; 266, 297). Вслѣдствіе этого помѣщики были принуждены налагать подушныя деньги и исполненіе воинской повинности на оставшихся у нихъ крестьянъ и тѣмъ увеличивать еще болѣе и безъ того ихъ несчастное положеніе. А это усиленіе тягостей вело только къ новымъ побѣгамъ. Въ наказѣ отъ дворянъ Великолучнаго уѣзда мы встрѣчаемъ заявленіе о совершенной „невозможности“ оставшимся крестьянамъ платить за бѣглыхъ, которыхъ „такое множество“; здѣсь опредѣленно говорится, что отъ непосильныхъ платежей за бѣглыхъ крестьяне „принуждены бѣжать“ (14 т., 367).

Не мало вреда помѣщикамъ приносили побѣги и своей другой стороной. Дѣло въ томъ, что бѣглые сформировывали разбойническія шайки и являлись грабить и жечь деревни прежнихъ своихъ господъ. Въ наказахъ мы постоянно читаемъ, что бѣглецы собираются въ Польшѣ „немалыми разбойническими партіями“, „явно“ оттуда приходятъ въ Россію, „разбиваютъ и грабятъ не только крестьянскіе, но и многихъ помѣщиковъ дома и чинятъ смертныя убійства и пожogi деревнямъ и возвращаются — опять въ свое жъ убѣжище“. А дворянство отъ этого „подвержено“ „многимъ опаснымъ и бѣдственнымъ случаямъ“ и „чувствуетъ несносное разореніе“ (напр., 14, 261, 266, 369). Поляки же не только не выдаютъ бѣглыхъ (по тому-что „не хотятъ, чтобъ сторонѣ Россійской какое удовольствіе оказать“), но даже принимаютъ отъ разбойниковъ награбленное ими добро, укрывая его „въ своихъ маетностяхъ“. Такимъ образомъ „взятое у насъ, жаловались дворяне, „остается въ корысти ихъ“. Этого мало. Въ томъ же наказѣ мы находимъ свидѣтельство, что польскіе помѣщики снабжали разбойничьи шайки ружьями и порохомъ, посылали ихъ для грабежа въ Россію „и тѣмъ искореняли все-

кій покой человѣческой“. Дѣло „дошло до того“, что „многіе помѣщики“ принуждены бѣжать изъ своихъ деревень въ виду нападеній разбойниковъ, „спасая только жизнь своей“. Такіе отѣзды дворянъ изъ помѣстій особенно неудобны въ вешнее и лѣтнее время, когда слѣдовало бы „наблюдать свою экономію, и на годъ заготовлять пропитаніе“. Не мало оказалось и такихъ помѣщиковъ, которые, потерявъ всѣхъ своихъ крестьянъ, отдають свои земли въ казну вмѣсто податей, требуемыхъ правительствомъ за ихъ бѣглыхъ крестьянъ; эти помѣщики „дѣйствительно уже сущую бѣдность претерпѣвають“ (14; 267). Въ виду этой бѣдности смоленское дворянство испрашивало нѣкотораго облегченія въ платежѣ подушныхъ денегъ. Указавъ на фактъ возвращенія иныхъ бѣглыхъ домой, но въ крайней нищетѣ, смоленское дворянство упрашивало правительство не брать податей съ возвратившихся бѣглыхъ, пока они „озаваживаются“, до новой ревизіи ¹⁾ (14; 419 и 420).

Въ комиссіи не ограничивались одними указаніями на разсматриваемое соціальное зло; здѣсь предлагались и *мѣры* къ его устраненію. Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что мѣры принимались правительствомъ и раньше, до составленія депутатскихъ наказовъ. Такъ для искорененія разбойниковъ часто посылались команды; но отъ этихъ командъ мало было толку. Въ одномъ изъ депутатскихъ наказовъ мы читаемъ: „хотя о истребленіи воровъ и разбойниковъ узаконеніе есть, но помощи мало“; причиной являлась та медлительность, съ которой дѣлались распоряженія: „злодѣи успѣвають“, поясняетъ наказъ, „разграбя многихъ, уйти на таковой же промыслъ въ другія мѣста и уѣзды“. (14; 265). Эти команды даже приносили обывателямъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, потому-что, будучи не въ состояніи ловить разбойниковъ, сами являлись бременемъ для населенія. „Посланная отъ городовыхъ канцелярій, говорится въ одномъ наказѣ, „для сыска тѣхъ злодѣевъ воинскія команды, въ самую рабочую пору, безъ всякой очереди и порядку, берутъ въ повяты крестьянъ съ подводами, довольствуясь сверхъ того хлѣбомъ и харчемъ безденежно“ (14; 351).

И о возвращеніи бѣглыхъ въ Россію хлопотало правитель-

¹⁾ А брать только съ тѣхъ, которые убѣжали послѣ недавно бывшей ревизіи.

ство. Такъ въ 1762 и 63 гг. вышли указы, которыми русское правительство вызывало изъ Польши своихъ бѣглецовъ и обѣщало имъ пустыя мѣста для поселеній въ дворцовыхъ волостяхъ. Это мѣропріятіе для помѣщиковъ было весьма невыгодно, почему они его рѣшительно не одобрили. По мнѣнію дворянскихъ наказовъ сказанная правительственная мѣра ничего не принесла, кромѣ вреда. Въ чемъ же вредъ? Въ наказахъ мы находимъ нѣсколько отвѣтовъ на этотъ вопросъ.

1) Крестьяне, поселившіеся на пустыхъ земляхъ „не столько къ пользѣ, сколько ко вреду служатъ“: они подговариваютъ и проводятъ въ Польшу крестьянъ съ семействами, „какъ здѣшнихъ, такъ и состоящихъ отъ гравицы верста за 200“; кромѣ того возвратившіеся бѣглецы виновны въ томъ, что принимаютъ воровъ и разбойниковъ, а также подводятъ ихъ шайки для грабежа обывателей.

2) Вдобавокъ много объявилось такихъ бѣглыхъ, которые никогда не были въ Польшѣ, а сказываютъ что были; тѣмъ не менѣе они пользуются извѣстною „милостью“, т. е. селятся въ дворцовыхъ волостяхъ, отчего „помѣщики и владыцы чувствуютъ великую тягость“ (14; 257, 262, 298).

3) Наконецъ были и такіе бѣглецы, которые уходили „въ дальнія дворцовыя волости“ и тамъ заявляли, что они возвратились изъ Польши, прося при этомъ себѣ мѣсто для поселенія. Ихъ записывали, — будто бы, „безъ всякихъ справокъ“.

Мало утѣшаль помѣщиковъ и законъ (1766 г.), радѣвшій исключительно объ ихъ выгодахъ, повелѣвая платить за бѣглыхъ въ Финляндіи и Эстляндіи ту же самую сумму, каковую платили въ собственно Россіи. Бѣда заключалась въ томъ, что Россійскіе помѣщики въ Финляндію и Эстляндію „почти не имѣли вѣзда“, почему нельзя было развѣдать о бѣглыхъ. „А тѣ, съ укоризной говорится въ наказѣ, „тѣ, у коихъ они живутъ, держатъ ихъ безъ всякаго опасенія; а тѣ бѣглецы, въ надеждѣ же ихъ прикрытія, являсь вторично и многократно, бѣгутъ обратно въ тѣ же мѣста, и чрезъ нѣсколько времени перемѣняя свои законы, остаются совсѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ“ (14 т. 256).

Давно уже правительство считало одною изъ важнѣйшихъ причинъ побѣговъ то обстоятельство, что много находилось людей, съ удовольствіемъ принимавшихъ бѣглецовъ.

Въ 1754 г. былъ изданъ указъ о „немаломъ“ штрафѣ за держаніе бѣглыхъ. Но этотъ законъ былъ очень неудобенъ для людей, нуждавшихся въ рабочихъ рукахъ, и плохо исполнялся ¹⁾. Въ комиссіи 67 г. черносошные крестьяне отъ лица саратовскаго депутата Матвѣя Смирнова даже просили, чтобы для нихъ было сдѣлано ограниченіе дѣйствія упомянутаго закона. Они просили не взыскивать съ нихъ штрафныхъ денегъ за тѣхъ приходящихъ къ нимъ въ рабочую пору бѣглыхъ, которые пробудутъ у нихъ не болѣе недѣли. Помѣщики, разумѣется, протестовали противъ такой просьбы. Такъ, депутатъ отъ суздальскаго дворянства графъ Андрей Толстой сказалъ: „если дать имъ это позволеніе, то отъ сего произойдетъ вредъ всему государству; ибо многіе, провѣдавши объ немъ, будутъ покидать дома свои и оставшимся на мѣстѣ причинять отягощеніе, а въ платежѣ государственныхъ и помѣщичьихъ доходовъ остановку“. Также Лихаревъ, депутатъ отъ рязанскаго дворянства, утверждалъ, „что такое дозволеніе можетъ подать поводъ къ побѣгамъ“ (4 т., 115 и 117). Словомъ, просьба черносошныхъ крестьянъ проваливалась. Депутатъ Ломоносовъ опредѣленно предлагалъ подтвердить саратовскимъ крестьянамъ, чтобы они отсылали въ мѣстную воеводскую канцеляцію всѣхъ тѣхъ, которые придутъ къ нимъ съ письменными видами. По его мнѣнію, такимъ путемъ „побѣги крестьянъ и прочихъ людей могутъ быть прекращены, а помѣщики и управляющіе у государственныхъ крестьянъ избавятся отъ большихъ безпокойствъ“ (4 т., 123).

Все это исходило изъ того убѣжденія дворянъ, по которому главными виновниками побѣговъ считались не владельцы крестьянъ, а пріемщики и укрыватели бѣглецовъ. Въ дворянскихъ наказахъ мы очень часто встрѣчаемъ разсужденія на эту тему. Для примѣра приведемъ разсужденіе дворянъ Переяславскаго уѣзда; въ ихъ наказѣ прямо объявляется, что „корень“ побѣговъ „держатели и укрыватели“. Почему же? А вотъ почему: „пріемщики и держатели, трактуетъ наказъ, „наивяще виновны, такъ какъ укрывательствомъ своимъ побуждаютъ и другихъ подобныхъ тѣмъ къ чиненію побѣговъ“. И дальше: „чѣмъ же бы менѣе было такихъ пріемщиковъ и держателей, тѣмъ менѣе бы было бѣглыхъ, и когда бы не имѣли они сыскать себѣ пристанища,

¹⁾ Онъ не помѣщенъ въ Полномъ Собр. Законовъ.

то и не попускало бы ихъ отваживаться оставлять свои жилища, а слѣдственно бѣ чрезъ то могло умалиться воровство“ (8 т., 498). Пристанодержатель считался опаснѣе вора и разбойника. Въ одномъ наказѣ за поимку „всякаго подозрительнаго человѣка“—„подговорщика или вора и разбойника, а *напаче* пристанодержателя“ проэктировалось „награжденіе“ въ сумму не менѣе 50 руб. (14 т., 355). Какимъ же образомъ повліяетъ на „держателей“, чтобы они впредѣ не осмѣливались принимать бѣглыхъ?

Дворяне были недовольны прежними правительственными мѣрами для пресѣченія укрывательства. Они въ комиссіи требовали за это преступленіе штрафъ въ 300 рублей „за мужескую душу“ на годъ и половину этой суммы „за женскую“. Такой штрафъ — для „пріемщиковъ“—помѣщиковъ. Если же въ данномъ преступленіи виновными оказались бы прикащики и старосты, то для нихъ испрашивалось битие *плетми* и—отдача въ солдаты годнымъ для службы, а негоднымъ—битие *кнутомъ* и ссылка на поселеніе „съ зачетомъ въ рекруты“¹⁾. Крестьянъ-пріемщиковъ, по дворянскому проэктору, ждало еще болѣе тяжкое наказаніе; дворяне просили бить ихъ кнутомъ, „а годныхъ—плетми“. Дальше же возмездіе должно было коснуться не только виновныхъ, но и ихъ одвосельчанъ, потому-что дворяне рекомендовали „править со всѣхъ живущихъ въ ономъ селѣ или деревнѣ крестьянъ вышеописанную сумму денегъ (т. е. 300 и 150 р.) и обидимаго удовольствоваться“. Тѣже самыя наказанія испрашивались „и за подговоръ къ побѣгу“ (8 т. 560). За пріемщиками были обязаны наблюдать „полицейскіе командиры“, а гдѣ ихъ нѣтъ,—сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, которые за нерадѣніе должны были подвергнуться „тягчайшему штрафу“ и „жесточайшимъ тѣлеснымъ наказаніямъ“ (4 т., 373; *ibid.* 8, 465).

Дворяне считали недостаточными и прежнія мѣры правительства для поимки и возвращенія бѣглыхъ прежнимъ ихъ владѣльцамъ²⁾. Они требовали содѣйствія въ по-

¹⁾ Къ негоднымъ для военной службы помѣщики оказались еще строже; они просили: бить негодныхъ для службы кнутомъ,—ссылать ихъ въ каторгу (4 т., 424).

²⁾ Хотя просили также сыскивать бѣглыхъ по указамъ Петра В. 1721 и 22 гг. (4 т.; 373).

имѣ бѣглыхъ („безъ всякаго послабленія“) со стороны самихъ дворянъ, ихъ прикащиковъ и старость, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ „подъ опасеніемъ Ея Имп. Велич. гнѣва и разоренія“ (4 т., 373). Въ депутатскомъ наказѣ отъ дворянъ Новгородскаго уѣзда (Бѣжецкой пятины) рекомендуется награда за поимку бѣглыхъ—10 рублей за „мужескій“ полъ и 5 р. за „женскій“ (14 т., 355). Затѣмъ испрашивали учрежденіе должностей земскихъ судей или становыхъ опекуновъ (въ другихъ наказахъ). Такъ, дворяне Дмитріевскаго уѣзда просили для себя *четырёхъ* земскихъ судей, изъ которыхъ каждому пришлось бы имѣть „въ надзираніи своемъ по 11000 душъ“; дворяне Псковскаго уѣзда требовали ¹⁾, чтобы правительство „учредило становыхъ опекуновъ надъ каждымъ 10000 душъ“ (14 т., 377). Въ обязанности, какъ земскаго судьи, такъ и становаго опекуна, по проэктамъ, должно было войти, между прочимъ, стараніе о поимкѣ бѣглыхъ. „Земскій судья, говорится въ наказѣ, „долженъ наистрожайше приказать сотскимъ и десятскимъ... крѣпко смотрѣть въ своихъ частяхъ, чтобы не держалъ никто бѣглыхъ и чтобы не было шатающихся безъ паспортовъ“. Сотские и десятские обязаны доносить о такихъ судьяхъ, а послѣдній — отсылать оказавшихся „подозрительными людьми“ „для слѣдствія въ надлежащія мѣста“ (8 т., 503). Точно также и становой опекунъ долженъ заботиться о поимкѣ бѣглыхъ по объявленіи объ нихъ помѣщиками (14 т., 379). Что же касается возвращенія бѣглыхъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ, то въ 1765 г. (9-го ноября) было повелѣно о пойманныхъ и заключенныхъ въ полиціяхъ бѣглыхъ печатать въ газетахъ „съ такимъ изъясненіемъ, чтобы ихъ хозяева пріѣзжали бы за ними сами или, по крайней мѣрѣ, посылали за ними повѣренныхъ“; неисполненіе этого въ теченіи года влекло за собой то, что бѣглецы опредѣлялись въ казенныя работы, а молодые отдавались въ ученіе ремесламъ и безвозвратно пропадали для своихъ господъ. Это дворянамъ очень не нравилось, и они просили, чтобы къ нимъ пересылали бѣглыхъ по прежнимъ указамъ, „пре-

¹⁾ «Вмѣсто нынѣшнихъ уѣздныхъ комиссаровъ, коихъ званіе, дѣла и безсильная власть давно уже вошли въ безпоправочное презрѣніе».

провождая отъ города до города“. Эту просьбу помѣщики мотивировали бѣдностью многихъ изъ своей братіи, имѣющихъ „крестьянъ не болѣе, какъ челоуѣка по два и по три“, да „и тѣ, поясняя наказъ, „бѣгутъ, оставя своихъ господъ, и явятся въ поимкѣ въ дальнихъ городахъ“. Послать этимъ „владѣльцамъ“ некого за поиманными бѣглецами, и сами ѣхать часто не въ состояніи „за бѣдностью, старостью, увѣчемъ и за бытіемъ на службѣ“; нѣкоторые даже просто опасаются дальняго пути и имѣютъ на это нѣкоторое основаніе; ихъ на дорогѣ могутъ убить бѣглецы: „люди и крестьяне“, говорится въ наказѣ, „взявъ *безпричинную злость*“ „противъ своихъ господъ“ ¹⁾, ихъ убиваютъ „до смерти“, „зная, что за такія ихъ злодѣйства не только смертной казни“, но даже „пристрастныхъ допросовъ чинить не велѣно“. Въ добавленіе къ этимъ аргументамъ дворянство предсказывало еще то, что бѣглецы, зная объ опредѣленномъ для возвращенія ихъ господамъ годовомъ срокѣ, нарочно станутъ называть своими господами другихъ помѣщиковъ, чтобы тѣмъ самымъ протянуть время на годъ: „по прошествіи же года, настоящіе владѣльцы тѣхъ своихъ людей и крестьянъ навсегда лишиться неповинно могутъ“ (4; 373 и 374). Въ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ мызахъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, скрывалось много бѣглыхъ, дворяне испрашивали назначать ревизіи „не обходя ни одной души мужеска и женска пола“ (4 т. 385).

Будучи недовольны мѣрами, которыя предпринимались правительствомъ по отношенію собственно къ бѣглымъ, помѣщики не могли не отмѣтить недостаточности средствъ для искорененія разбойниковъ и воровъ. Мы уже знаемъ ихъ мнѣніе о воинскихъ командахъ; вслѣдствіе крайней слабости этихъ командъ, дворяне Новгородскаго уѣзда просили вербовать для поимки бѣглыхъ хотя и отставныхъ солдатъ, но „неувѣчныхъ бы и непрестарѣлыхъ, съ ружьемъ и мундиромъ“ (14 т. 342). Другіе дворяне были менѣ скромны. Они просили, чтобы давалось „вспоможеніе отъ стоящихъ въ близости полковъ“, „если партія разбойническая гдѣ либо окажется велика“ (14 т., 379).

¹⁾ «А особливо противъ тѣхъ, которые, не терпя ихъ шлютовства и злодѣянія, отъ того (т. е. отъ безпричинной злости) стараются ихъ отвращать.

Помѣщики были недовольны и судомъ надъ разбойниками и ворами „*по формѣ*“; въ такомъ судѣ присягу принималъ отвѣтчикъ, который „къ закрытію злодѣйства своего“ могъ всегда дать ложную присягу, отчего „бѣдный хозяинъ... „на послѣдокъ“ „оставался въ чувствительномъ огорченіи“; были недовольны такимъ судомъ и испрашивали позволеніе выбирать для суда и другихъ дѣлъ *земскаго начальника* („начальника отъ земли“) изъ дворянъ (14; 352). А разъ воръ или разбойникъ пойманъ, онъ не могъ уже ждать отъ помѣщиковъ никакой пощады. Строгость помѣщиковъ особенно рельефно выразилась въ вопросѣ о *наказанияхъ* разбойникамъ. Правительство на бумагѣ было гораздо гуманнѣе своихъ благородныхъ подданныхъ. Не говоря уже о наказѣ императрицы, довольно упомянуть, что въ 1763 г. (10-го февраля) былъ изданъ указъ, во второмъ пунктѣ котораго повелѣвалось: — *ворамъ, сознавшимъ* во всемъ *на вопросахъ, не „чинить“ ни пытокъ, ни „пристрастныхъ допросовъ“*, а только „дѣлать довольныя увѣщанія“. По мнѣнію же Судиславскаго „благороднаго“ дворянства „таковыя злодѣи“ не чувствуютъ „монаршаго матернаго милосердія, въ истинное признаніе не приходятъ отъ увѣщанія“ и, въ концѣ концовъ, законъ 1763 г. породилъ „множество разбоевъ и смертныхъ убійствъ“, „окромѣ татевныхъ и малыхъ воровскихъ дѣлъ, *которыхъ уже исчислить почти невозможно*“. Вслѣдствіе этого судиславское дворянство, „защищая животъ свой и неповинное отъ такихъ злодѣевъ страданіе и безпокойство“, просило у верховной власти объ изданіи „строжайшаго“ закова для уничтоженія воровъ и разбойниковъ. Судиславское дворянство при этомъ было на столько безпристрастно, что рекомендовало поступать, „какъ съ сущими злодѣями“, съ самими помѣщиками, еслибы они явились виновными „въ таковыхъ же богопротивныхъ дѣлахъ“ (4 т., 285 и 286). А за дворянами водились таки грѣшки, называемые разбойничествомъ. Въ Исторіи Россіи Соловьева собрано достаточно фактовъ помѣщичьихъ разбоевъ, въ которыхъ участвовали разнаго рода гардемарины, корнеты, ассесоры и даже дамы — дворянки. Для примѣра укажемъ на одинъ изъ такихъ фактовъ. Когда въ 1750 году была поймана одна изъ воровскихъ шакъ, то отъ нея узнали, что отставной прапорщикъ Сабельниковъ „держалъ разбойную пристань“, отпускалъ разбойниковъ на ихъ промыселъ, по-

лучая известную долю изъ награбленныхъ денегъ, да и самъ „ѣздилъ на разбой“. Даже само дворянство, вообще воюя въ своихъ наказахъ съ разбойниками изъ народа, не оставило своимъ очень деликатнымъ вниманіемъ и помѣщичьего грабежа: „нынѣ помѣщики, говорится въ наказѣ отъ дворянъ Лихвинскаго уѣзда, сдѣлавъ въ своихъ деревняхъ черезъ малую рѣчку мостъ, *грабительски* берутъ мостовое въ противность Е. И. В. указовъ“ (8 т., 446).

Какой же „настрожайшій“ законъ дворянство испрашивало для разбойниковъ? Далекое не новыя; оно возвращалось къ юридическимъ принципамъ Уложения. „По Уложению, съ удовольствіемъ вспоминается въ одномъ изъ дворянскихъ наказовъ, „ворамъ и разбойникамъ, и становщикамъ, и смертоубійцамъ, и потому подобнымъ злодѣямъ чинить велѣно розыски, и пытки, и смертныя казни, а по указамъ оныя и въ приписныхъ городахъ производились. А нынѣ, кромѣ провинціальныхъ канцелярій, чинить не велѣно“. Отъ того-то, по мнѣнію наказа, вору и разбойнику „размножаются“, „не страшась и суда Божія и не чувствуя монаршаго милосердія“. И вотъ дворянство „въ пресѣченіе“ зла просило, чтобы „по прежнему“ „чинили разбойникамъ *розыски* и *пытки* при воеводскихъ канцеляріяхъ; если это будетъ повелѣно, то наказъ обѣщаетъ, что злодѣи перестанутъ „размножаться“ (4 т., 420).

Изъ изложенныхъ въ известной системѣ мнѣній и указаній депутатовъ непосредственно вытекаетъ нѣсколько замѣчаній. Прежде всего мы должны отмѣтить тотъ общій фактъ, что голоса о бѣглыхъ и разбойникахъ раздаются почти исключительно изъ среды дворянства. Только дворянство живо заинтересовано этимъ вопросомъ; представители другихъ сословій къ нему довольно равнодушны. Если же чернососные крестьяне и вышли изъ равнодушія въ вопросѣ о бѣглыхъ, то ихъ просьба явилась совершенно противоположной просьбамъ дворянъ.

Неравнодушіе помѣщиковъ къ вопросу о бѣглыхъ и разбойникахъ, ихъ крайнее озлобленіе противъ этихъ гулящихъ людей вполне понятны, потому-что никто больше дворянъ-владѣльцевъ не страдалъ отъ выставляемаго ими социальнаго зла. Между тѣмъ другое социальное зло—крѣпостное право, хотя и считалось дворянами одной изъ причинъ побѣговъ, но никто изъ нихъ не думалъ, что это—*главная* причина, почему мы и встрѣчаемъ на этотъ счетъ только

мухое указаніе въ депутатскихъ наказахъ. Напротивъ, мы видимъ со стороны дворянства завѣреніе, что побѣги прекратятся, если пострже относиться къ пріемщикамъ, что разбой прекратятся, если жестокими пытками и казнями правительство будетъ наказывать пойманныхъ „воровъ“. Стало быть, *главная* причина побѣговъ и разбойничества заключалась, по мнѣнію дворянъ, въ своеволіи и „безпричинной“ злости крестьянъ съ одной стороны и въ слабости правительственныхъ мѣръ—съ другой. Дворяне не одинъ разъ оговариваются, что крестьяне бѣгутъ „безъ всякаго отягощенія“ отъ помѣщиковъ, въ противность свидѣтельству Сиверса, писавшему въ 1766 г. Екатеринѣ, что крестьяне бѣгутъ отъ „тиранства господъ“. Дворяне вѣрно указывали на другія важныя причины побѣговъ—тяжелыя экономическія требованія правительства и рекрутство, но они не помыслили даже объ юридическихъ ограниченіяхъ своей власти. Я не говорю уже объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, — идея, которою въ Россіи XVIII вѣка прониклось только нѣсколько высокихъ и гуманныхъ умовъ... Несомнѣнно сами крѣпостные могли бы высказаться въ комиссіи вполне удовлетворительно по своему вопросу, но они, за отсутствіемъ, не могли подать голоса...

Прошло не особенно много времени послѣ закрытія комиссіи, какъ грозный голосъ всѣхъ безправныхъ и обездоленныхъ послышался на восточной окраинѣ государства и заставилъ затрепетать правительство и всѣхъ владѣльцевъ людьми. Крѣпостные высказались... Государство снова, какъ при Разинѣ, заколебалось въ своихъ основахъ. Но какъ тогда, такъ и теперь средства государства оказались сильнѣе, чѣмъ у бунтующихъ массъ и оно, хотя и съ трудомъ, умирило ихъ...

ПАМЯТИ

ПЕТРА ДМИТРИЕВИЧА ШЕСТАКОВА.

Мысли его объ общественномъ воспитаніи въ Россіи вообще и о просвѣщеніи инородческаго населенія сѣверо-восточной Россіи въ частности.

(Читано въ засѣданіи Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 17 Декабря 1890 года по случаю исполнившейся первой годовщины его смерти Предсѣдателемъ Общества, заслуж. орд. проф. Н. А. Ойрсовымъ).

Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ, который былъ очень близокъ къ нашему обществу, состоя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, на самыхъ первыхъ порахъ его существованія, его предсѣдателемъ и организаторомъ его, находился почти двадцать лѣтъ во главѣ управленія учебно-воспитательнымъ дѣломъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ.

Этотъ округъ былъ самымъ обширнымъ въ имперіи; къ нему причислено было 11-ть губерній, расположенныхъ по воднымъ системамъ Волги, Камы и Урала. На этомъ огромномъ пространствѣ рядомъ и часто среди русскаго населенія обитало и обитаетъ свыше 4 мил. инородческаго населенія, что конечно весьма значительно усложняло и затрудняло задачу учебно-воспитательнаго управленія въ сѣверо-восточномъ краѣ нашего государства. Уже этой непрерывной долговременности служенія покойнаго Петра Дмитріевича на высокомъ, отвѣтственномъ, постѣ главнаго начальника учебно-воспитательнаго дѣла въ этомъ краѣ достаточно, чтобы имя его и дѣятельность могли имѣть право на почетное и важное мѣсто въ исторіи нашего духовнаго развитія. Но это право его на вниманіе историка въ нашихъ глазахъ еще болѣе должно увеличиться,

если мы примемъ въ соображеніе тѣ, прежде не существовавшія условія общественнаго развитія Россіи, при которыхъ ему пришлось занимать означенный высокій постъ попечителя учебнаго округа въ нашемъ краѣ.

Петръ Дмитриевичъ явился въ Казани въ 1863 году въ должности помощника попечителя учебнаго округа и вскорѣ, за болѣзнію самого попечителя Стендера, сталъ управлять округомъ и наконецъ, по выходѣ послѣдняго въ отставку, въ 1865 году самъ назначенъ былъ попечителемъ. Это была блестящая пора въ исторіи Россіи, не только въ царствованіе императора АЛЕКСАНДРА II, но и вообще въ нашей исторіи. То была пора недавняго освобожденія крестьянъ отъ вѣковаго рабства; то была пора, когда готовились къ обнародованію новые судебные уставы, положенія о земскомъ и городскомъ самоуправленіи, новый законъ о воинской повинности и другія важныя реформы, за тѣмъ осуществившіяся. Всѣ эти великія реформы могущественно подѣйствовали на учебно-воспитательное дѣло въ Россіи, повлекли за собою въ немъ также важныя измѣненія и нововведенія: въ 1863 году университетамъ дарованъ былъ новый уставъ, доставившій этимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ имперіи самоуправленіе и богатія, сравнительно съ прежнимъ временемъ, средства къ учено-педагогической дѣятельности, открывшій широко двери въ эти заведенія прошедшей среднюю школу молодежи и освободившій ее отъ прежняго стѣснительнаго наблюденія университетской инспекціи за ея внѣшнимъ поведеніемъ; при университетѣ нашемъ возникаютъ ученые общества: естественно-историческое съ отдѣленіями этнографіи и антропологии; общество врачей; наше общество археологии, исторіи и этнографіи; устраиваются съѣзды ученыхъ; возникаетъ благотворительное общество вспоможенія недостаточнымъ студентамъ нашего университета; появляется въ Казани новое высшее учебное заведеніе—Ветеринарный Институтъ; въ системѣ средняго образованія совершаются важныя измѣненія; къ гимназіямъ, радикально преобразованнымъ, прибавляются новыя среднія заведенія подъ именемъ реальныхъ училищъ; возникаютъ также прежде несуществовавшія женскія гимназіи и прогимназіи; въ Казани устраиваются высшіе женскіе курсы; въ системѣ ниспаго образованія происходятъ еще болѣе значительныя перемѣны: въ городахъ и селахъ возникаетъ такое множество начальныхъ школъ какъ

для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, о которомъ прежде едвали кто и мечталъ; прежнія, сослужившія хорошую службу дѣлу народнаго образованія, уѣздныя училища должны уступить мѣсто училищамъ новаго типа подъ названіемъ городскихъ училищъ; устраиваются институты и семинаріи для приготовленія учителей какъ для этихъ послѣднихъ, такъ и для начальныхъ народныхъ училищъ. Наконецъ поднимается и разрѣшается въ извѣстномъ направленіи имѣющей, по справедливому выраженію гр. Д. А. Толстаго, значеніе важнаго государственнаго вопроса, вопросъ инородческой, или, частнѣе, вопросъ о дѣйствительномъ просвѣщеніи инородческаго населенія, въ громадномъ большинствѣ русскаго и христіанскаго только по имени, и о сближеніи его путемъ школьнаго ученія въ дѣйствительности съ русскимъ христіанскимъ населеніемъ.

Но эта преобразовательная пора славнаго движенія вмѣстѣ съ тѣмъ была самая тяжкая въ жизни Россіи. Такія великія освободительныя и просвѣтительныя идеи, которыми проникнуты вышеозначенные государственные акты, никогда не воплощаются въ осязательное дѣло безъ борьбы съ противоположными темными началами. И борьба обозначилась въ Русскомъ государствѣ сейчасъ же, какъ пронесся мощный голосъ Державнаго вождя Русской земли объ освобожденіи крестьянъ изъ подъ неволи. Въ 1863 году явственно обнаружившійся мятежь въ предѣлахъ прежней Рѣчи Посполитой, гдѣ развилось наиболѣе сильно рабство, былъ отвѣтомъ на освободительную политику покойнаго Императора.

Возстаніе польское отпрыгнулось и на Волгѣ. Эта приволжская диверсія польскаго возстанія, начатаго подъ предлогомъ возстановленія польской политической независимости, какъ и самое возстаніе, имѣла печальный исходъ для виновниковъ ихъ. Но внутренняя борьба тѣмъ не менѣе не прекращалась; она выразилась въ слѣдующихъ явленіяхъ нашей жизни, засвидѣтельствованныхъ покойнымъ Петромъ Дмитріевичемъ публично (*Слово, произнесенное имъ 9 апр. 1879 г. въ актовомъ залѣ Университета по случаю спасенія жизни Имп. Александра II отъ злод. покушенія 2-го апрѣля. Прилож. къ цирк. по Каз. уч. округу № 4; 1879 г.*) и для каждаго изъ насъ извѣстныхъ. „Ты ли это святорусская дорогая наша земля, — приходится съ горечью воскликнуть, — въ которой чуть не каждый день убиваетъ себя кто-нибудь изъ сыновъ твоихъ, въ которой

дѣти поднимаются на родителей, не признавая не только родственнаго авторитета, но даже обязанностей своихъ въ отношеніи къ родителямъ; гдѣ не только не признается, но самымъ дерзкимъ образомъ, явно, на соблазнъ другимъ, нарушается святость домашняго очага, гдѣ являются исчадія духа лжи и тьмы, которыя, подъ предлогомъ общаго блага и счастья народнаго, не признають никакихъ правъ и никакихъ обязанностей, даже права и обязанности жить, которыя стоятъ за угломъ съ кинжаломъ и револьверомъ и ждутъ своихъ жертвъ, и чѣмъ болѣе личность имѣетъ заслугъ предъ отечествомъ, тѣмъ менѣе она безопасна, тѣмъ скорѣе она можетъ ожидать смерти изъ за угла отъ этихъ самозванныхъ распорядителей судьбами отечества, отъ этой болѣзненной накипи современнаго общества“ и гдѣ наконецъ (*Слово 1-го марта 1882 г. Цирк. по Каз. Уч. Окр. № 3-й; 1882 г.*) „царь освободитель, всю жизнь свою посвятившій сердечной заботѣ о благѣ горячо любимаго имъ народа, всю жизнь свою твердо державшій государственное знамя мира, законности, свободы и свѣта, палъ, какъ безстрашный боецъ, въ борьбѣ съ исчадіями мрака, стремящимися къ анархіи и сокрушенію всего строя общественной и государственной жизни Россіи“. Вліяніе этой среды стало проникать, хотя и не въ значительной мѣрѣ, и въ школу. Рядомъ, рука объ руку съ означеннымъ зломъ, появилось въ общественномъ организмѣ Россіи другая тоже весьма злокачественная язва: я разумѣю обвиненія, болшею частью тайныя, изъ за угла, обвиненія, направленныя противъ людей, совершенно не причастныхъ первому злу, напротивъ убѣжденных приверженцевъ великихъ освободительныхъ началъ, возвѣщенныхъ царемъ освободителемъ и мученикомъ, — обвиненія въ политической неблагонадежности. И прежде всего такія нападенія направлялись на самый беззащитный въ матеріальномъ отношеніи элементъ общества, который болше сочувственно отвесся къ преобразовательной дѣятельности правительства, — это на школу и первѣе всего на Университеты. Ко всѣмъ отмѣченнымъ преобразовательнымъ дѣяніямъ правительства, а равно явленіямъ жизни общества, отражавшимся и на жизни школы, покойный попечитель Петръ Дмитриевичъ поставленъ былъ чрезвычайно близко, или какъ исполнитель правительственныхъ распоряженій, или какъ инициаторъ новыхъ мѣропріятій и вообще какъ начальный человекъ учебно-воспита-

тельнаго дѣла въ обширной части имперіи. Если бы возможно было всесторонне рассмотреть долголѣтнюю административно-педагогическую дѣятельность покойнаго Петра Дмитріевича, которая при его жизни признавалась неоднократно и гласно въ высшей степени плодотворною и полезною и со стороны сослуживцевъ покойнаго, и остального общества, и наконецъ со стороны высшаго правительства, то это рассмотрение составило бы въ высшей степени поучительныя главы изъ исторіи нашего духовнаго и общественнаго развитія въ переживаемую нами вторую половину XIX столѣтія. Но это дѣло будущаго времени: это будетъ возможно тогда лишь, когда будетъ извѣстна официальная и частная переписка покойнаго, когда явятся на свѣтъ воспоминанія или даже простыя замѣтки людей, хорошо знавшихъ покойнаго и безпристрастныхъ, о дѣятельности его, и когда наконецъ можно будетъ пользоваться обширнымъ его дневникомъ, который онъ аккуратно велъ въ теченіи своей служебной дѣятельности въ Казани; внося въ него не только фактическія отмѣтки, но и часто секретныя бумаги и распоряженія, а равно и свои сужденія по поводу выдававшихся событій и тѣсно связанныхъ съ ними лицъ.

Не смотря на то въ дѣятельности покойнаго есть пунктъ, который и теперь имѣется возможность до нѣкоторой степени уяснить себѣ: это его идеи объ общественномъ воспитаніи въ Россіи вообще и о просвѣщеніи инородческаго населенія сѣверо-восточной Россіи въ частности. Вопросъ этотъ, думаю, не можетъ не представляться важнымъ, когда онъ примѣняется къ личности, стоявшей много лѣтъ во главѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ обширной и разноплеменной части Россіи. Позволяю себѣ высказать и то мнѣніе, что этотъ вопросъ и въ настоящее время, когда поднимаются толки о необходимости измѣненія существующей системы общественнаго воспитанія, не только у насъ, но и за границей, — не лишенъ значенія современности. Къ счастью кромѣ личныхъ воспоминаній о покойномъ, съ которыми обстоятельства ставили насъ въ довольно близкое соприкосновеніе, мы имѣемъ для того источникъ, который можетъ быть доступенъ всякому, и на основаніи котораго можно проверить то, что имѣетъ быть сейчасъ сообщено. Это печатные труды покойнаго, помѣщенные большою частію въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Ихъ можно раздѣлить на три категоріи: а) труды, относящіеся въ области

педагогii в) труды по классической литературѣ и с) труды по русской исторіи. Я не имѣю въ виду входить въ детальное разсмотрѣніе этихъ трудовъ со стороны ихъ научнаго достоинства. Для меня въ настоящемъ случаѣ эти труды, (которые, — не могу всетаки не высказать о нихъ общаго сужденія, — написаны съ полнѣйшею добросовѣстностію и свидѣтельствуютъ о вѣщательной эрудици и педагогической опытности покойнаго), — составляютъ главнымъ образомъ источникъ, изъ котораго я собралъ разсѣянные въ нихъ данныя для усиленнаго разрѣшенія поставленнаго вопроса. Поэтому труды по классической филологіи я долженъ оставить въ сторонѣ. Для первой части поставленнаго вопроса, къ которой я теперь приступаю, я пользовался слѣдующими печатными сочиненіями покойнаго Петра Дмитріевича, за доставленіе которыхъ мнѣ я приношу мою искреннюю признательность А. С. Рождествину, приводившему въ извѣстность бібліотеку покойнаго.

- 1) Географія Смоленской губерніи 1857 г. Оттискъ изъ памятной книжки Смоленской губерніи за 1857 г.
- 2) Общественное воспитаніе. Оттискъ журнала „Воспитаніе“ за 1861-й г. № 4.
- 3) Песталоцци. Его жизнь и практическая дѣятельность. Оттискъ изъ журнала „Воспитаніе“ за 1861 г. № 8-й и 9-й.
- 4) Очерки общественнаго воспитанія (безъ обозначенія, гдѣ и когда напечатано).
- 5) Суровый домъ близъ Хамбурга (Rauches Haus zu Nurn) Оттискъ изъ журнала „Воспитаніе“ за 1863 г.
- 6) Мысли Н. Мих. Карамзина о воспитаніи. Каз. 1866 г.
- 7) Московскій Университетъ въ 1840-хъ годахъ. Русская старина 1886 г.

Относительно задачъ воспитанія вообще безъ различія, будетъ-ли то домашнимъ или общественнымъ, которыхъ касается покойный Петръ Дмитріевичъ, онъ высказывается въ названныхъ своихъ печатныхъ трудахъ весьма кратко, вѣроятно, въ томъ убѣжденіи, что этотъ вопросъ хорошо уже исчерпанъ. Задача воспитанія заключается, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы изъ воспитанника образовать человѣка, т. е., чтобы изъ него вышелъ человѣкъ здоровый въ физическомъ отношеніи, съ твердымъ и честнымъ характеромъ и съ здоровыми нравственно-религіозными убѣжденіями. Самая лучшая воспитательная среда—это семейство, мать и отецъ. Но это, по убѣжденію Петра Дмитріевича, не значитъ, что ребенка слѣдуетъ воспитывать, не обращая вниманія на религію и на-

родность, къ которымъ онъ принадлежитъ по своему происхожденію. Здѣсь онъ является рѣшительнымъ противникомъ воспитательной теоріи Ж. Ж. Руссо. По убѣжденію покойнаго воспитывать молодое поколеніе, отрѣшаясь отъ національности и религіи и вообще отъ основныхъ, выработанныхъ отечественною исторіей, началъ, значитъ обезличивать питомцевъ. Примѣняя это убѣжденіе къ нашему отечеству, онъ, согласно съ мнѣніемъ Карамзина (мысли Карамзина о воспитаніи) является рѣшительнымъ противникомъ воспитанія дѣтей русскихъ подъ руководствомъ иностранцевъ, что было въ ходу въ теченіи слишкомъ ста лѣтъ и что не упразднено совсѣмъ, къ сожалѣнію, и теперь. „Чужестранецъ, говоритъ П. Д., по нашему крайнему убѣжденію, не долженъ быть домашнимъ воспитателемъ русскихъ дѣтей: изъ чужестранца нельзя сдѣлать русскаго; чужестранецъ имѣетъ свои, свойственные его національности, взгляды и убѣжденія, нравы и привычки, и хотя бы онъ и воздерживался отъ передачи ихъ на словахъ своему питомцу, онъ не въ силахъ не выдать на дѣлѣ, въ дѣйствіяхъ, сложившихся въ немъ убѣжденій, не въ силахъ не выказать своихъ нравовъ и привычекъ,—а извѣстно, что примѣръ дѣйствуетъ на ребенка быстрѣе и сильнѣе всякихъ словъ. И потому питомецъ воспитателя — иноземца никогда вполнѣ русскимъ не будетъ“ (Мысли Карамзина о воспитаніи 12—13). Еще рѣшительнѣе покойный выражался противъ обычая извѣстной группы русскихъ людей посылать своихъ дѣтей ранѣе зрѣлаго возраста въ науку за границу. Приведа цѣлый отрывокъ изъ статьи Карамзина „Странникъ“, проникнутый полнымъ отрицаніемъ этого обычая и дѣйствительно замѣчательный во многихъ отношеніяхъ, покойный отъ себя прибавляетъ: „Дай Богъ, чтобы родители не поручали воспитанія своихъ дѣтей иноземнымъ воспитателямъ; тогда и только тогда можемъ мы надѣяться, что между нами не будетъ русскихъ, любящихъ чужую землю больше своей родины, не будетъ англомановъ, галломановъ и всяческихъ мановъ, а будутъ русскіе, любящіе отечество и ставящіе его интересы выше всего“ (Тамъ же 14—15). Покойный, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, не можетъ помириться и съ тѣми русскими, которые надолго оставляютъ родину, чтобы наслаждаться жизнію въ чужой землѣ. „Человѣкъ, который десять, двадцать лѣтъ можетъ пробыть въ чужихъ земляхъ, между чужими людьми, не тоскуя

о тѣхъ, съ которыми онъ родился подъ однимъ небомъ, питался однимъ воздухомъ, учился произносить одни звуки, играя въ младенчествѣ на одномъ полѣ, вмѣстѣ плакалъ и улыбался,— сей человекъ никогда не будетъ мнѣ другомъ“ (Слово Карамзина. Тамъ же, 15)“. Такимъ образомъ, по убѣжденію покойнаго Петра Д., воспитаніе всякаго русскаго человека должно быть всестороннее и національное, т. е. въ духѣ основныхъ началъ народности, выработанныхъ нашей исторіей, — православія и самодержавія. Но онъ очень хорошо зналъ, что рѣдкое семейство, хотя семейство и составляетъ главную воспитательную среду, въ силахъ дать подобное воспитаніе. Отсюда — необходимость общественнаго воспитанія, сознававшася съ издавна, о чемъ свидѣтельства приводитъ самъ же Петръ Дм. Говоря объ этомъ предметѣ, онъ въ своихъ печатныхъ сочиненіяхъ, не много говоритъ о томъ, чему слѣдуетъ учить въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а касается наиболѣе воспитанія или, точнѣе, воспитанія нравственнаго въ обширномъ значеніи этого слова, и рассуждаетъ о дѣлѣ не только на основаніи изученной имъ философской и педагогической литературы, древней и новой, но и на основаніи собственнаго опыта.

Дѣло общественнаго воспитанія въ странѣ онъ поставляетъ не только правомъ, но и обязанностью государства. Однако по вопросу объ обязательномъ обученіи всѣхъ безъ изыятія подданныхъ онъ не склонялся къ разрѣшенію его въ утвердительномъ смыслѣ. Впрочемъ онъ возрѣнія по этому вопросу печатно съ опредѣленностью не высказывалъ. Онъ находилъ, сколько я знаю изъ частныхъ съ нимъ бесѣдъ, законъ объ обязательной грамотности, предлагавшійся въ литературѣ, не нужнымъ, такъ какъ приведеніе его въ исполненіе не можетъ обойтись безъ принудительныхъ мѣръ, чего въ воспитательномъ дѣлѣ онъ не допускалъ, и излишнимъ потому, что сами городскіе и сельскіе обыватели силою вещей приведены будутъ къ мысли о необходимости для своихъ дѣтей заводить школы. „На первыхъ порахъ, говоритъ онъ, училищнымъ совѣтамъ, по нашему крайнему убѣжденію, слѣдуетъ озаботиться не о количествѣ, а о качествѣ школъ, чтобы послѣднія были рационально устроены и имѣли наставниковъ, хорошо подготовленныхъ и, что самое

главное, съ религіознымъ, нравственнымъ направлениемъ. Вполнѣ доброкачественная школа можетъ быть разсадникомъ не только хорошо развитыхъ учениковъ, но и полезныхъ народныхъ учителей (Мысли Карамзина о воспитаніи. 11)⁴.

Для того, что бы могли возникнуть такія школы, покойный совѣтуетъ училищнымъ совѣтамъ, „въ руки которыхъ передано народное образованіе,—относиться къ тяжелому и важному труду народныхъ учителей съ полнымъ уваженіемъ и озаботиться объ улучшеніи ихъ матеріальнаго, по истиннѣ горькаго, положенія. (Тамъ же)⁴.

Объ общественномъ воспитаніи женщинъ онъ высказался въ печати вполне опредѣленно. Онъ вполне признаетъ право женщинъ на допущеніе къ общественному воспитанію какъ въ высшихъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Передавая взглядъ Карамзина на женщину, Петръ Дм. пишетъ между прочимъ: „Какъ поразился бы Карамзинъ, если бы дожилъ до открытія нашихъ теперешнихъ женскихъ училищъ, имѣющихъ то важное преимущество передъ закрытыми женскими заведеніями, что они не отрываютъ дѣвицы отъ семьи, гдѣ ея настоящее мѣсто, какъ будущей матери, воспитательницы и хозяйки (Мысли Карамзина о восп. 17)⁴. Покойный также вполне признавалъ право русской женщины и на высшее, общее университетское, образованіе и потому всѣми силами поддерживалъ существовавшіе въ Казани въ теченіи 10 лѣтъ высшіе женскіе курсы. Но признавая такимъ образомъ за женщиной право на общественное образованіе, онъ не былъ сторонникомъ полной женской эманципаціи; онъ не находилъ полезнымъ дать возможность женщинамъ „выходить на политическую арену изъ лона семейнаго счастья, гдѣ на ихъ долю выпало завидное, высокое и святое предназначеніе. Благо той семьѣ, тому обществу и государству, гдѣ женщина воспитывается для семейной жизни и, не стремясь играть несвойственной ей роли мужчины, остается женщиною, стыдливою, скромною, трудолюбивою и бережливой помощницей мужа и любящей воспитательницей дѣтей“ (Тамъ же 21).

Говоря объ общественномъ воспитаніи, Петръ Дмитріевичъ разумѣлъ тѣ школы, куда сами родители добровольно отдаютъ своихъ дѣтей для обученія и воспитанія, добровольно, такимъ образомъ, передавая свои воспитательныя права лицамъ, облеченнымъ довѣріемъ со стороны государства и общественной

власти. Исходя из той основной мысли, что общественная воспитательная школа составляет замѣну естественной воспитательной среды, именно семьи, онъ и къ воспитателямъ и учителямъ общественныхъ школъ предъявляетъ соответствующія требованія. По его убѣжденію общественная школа должна во внутреннемъ своемъ строѣ походить на семью, руководиться началами любви, уваженія и той разумной строгости по отношенію къ питомцамъ, которыя предъявляютъ родители нормальной семьи къ своимъ дѣтямъ. Приведу нѣсколько выписокъ изъ печатныхъ трудовъ покойнаго съ цѣлю иллюстраціи этихъ и другихъ общихъ его положеній.

„Принимая на себя обязанность воспитателя въ общественномъ заведеніи, берегитесь брать роль только чиновника: чиновникъ воспитателемъ быть не можетъ, воспитатель не долженъ быть чиновникомъ“. Способами чиновничьяго отношенія воспитателя къ дѣлу, разыгрываніемъ роли начальника надъ воспитанниками, горделивымъ и тѣмъ болѣе пренебрежительнымъ къ нимъ, какъ существамъ глупымъ и нисшимъ, отношеніемъ и крикливыми приказаніями, а равно излишнею фамилиарностію, никогда онъ не приобрѣтетъ къ себѣ любви и уваженія со стороны воспитанниковъ,—этихъ главныхъ условий успѣха воспитательнаго дѣла. „Уваженіе и любовь—чувства; а чувство нельзя вложить предписаніемъ; нельзя приказать: люби и уважай такого-то, какъ можно приказать сдѣлать на караулъ цѣлому полку, не только одному солдату. Масса дѣтей, собранная съ воспитательною цѣлю, не полкъ, воспитательное заведеніе — не казарма, начальникъ ихъ, вѣрнѣе, главный воспитатель—не полковой командирь. Дисциплина училища не можетъ и не должна быть матеріальная, а нравственная“.

„Не физическою силою и командою внушается чувство любви, уваженія и довѣрія..... Воспитатель, по нашему мнѣнію, долженъ быть *человѣкомъ*; тогда онъ скорѣе изъ воспитанника образуетъ чловѣка. Если воспитатель желаетъ, чтобы воспитанникъ былъ близокъ къ нему, имѣлъ довѣріе, ему не слѣдуетъ становиться на ходули, какъ малы бы они ни были: ему слѣдуетъ поступать согласно съ своей природою, показывать себя такимъ, каковъ онъ есть, быть натуральнымъ. Дѣти, увидѣвъ и убѣдившись, что воспитатель открыто, прямо дѣйствуетъ съ ними, и сами отъ него не будутъ прятаться. А

если вы достигните того, что дитя не прячется предъ вами, а является такимъ, каково оно есть, вы уже много сдѣлали для успѣха въ дѣлѣ его воспитанія, потому что вы получили возможность узнать его внутреннія свойства, его характеръ, и, стало быть, можете дѣйствовать на него согласно съ его организаціей, можете развивать его индивидуально“ (Тамъ же). Только дѣйствуя такимъ образомъ, т. е., только относясь самъ почеловѣчески, съ любовію къ дѣлу воспитанія, воспитатель приобретаетъ, по мнѣнію покойнаго, педагогическую опытность и научится освобождаться отъ недостатковъ, вредящихъ дѣлу воспитанія“. „Всякій, пишетъ покойный П. Д.,—занимавшійся воспитаніемъ, собственнымъ опытомъ узналъ, какъ образуется и крѣпнетъ его характеръ, какъ, подобно выросшей корѣ, спадаютъ съ него горячность и жесткость. Многие изъ насъ, поступая на чреду воспитательнаго служенія, пылки, горячи и иногда жестоки. Сами мы давно вышли изъ младенческихъ лѣтъ и нерѣдко позабываемъ, каковы мы были дѣтьми, каковы были наши взгляды и убѣжденія въ то давнее время, и потому насъ неприятно поражаютъ дѣтскія понятія и убѣжденія, столь сильно расходящіяся съ нашими. Мы понимаемъ, что они ложны и часто вредны и, изъ добраго, безъ сомнѣнія, желанія поскорѣ искоренить это ложное воззрѣніе дѣтей, пылаемъ, горячимся, приобретаемъ къ суровымъ мѣрамъ и нерѣдко этою горячностью и суровостію портимъ вначалѣ сіе дѣло, отдаляемъ отъ себя сердца нашихъ воспитанниковъ, лишаемъ ихъ довѣрія и сами себѣ заграждаемъ дорогу къ ихъ усовершенствованію. Но чѣмъ больше мы живемъ съ дѣтьми, чѣмъ зорче и внимательнѣе мы всматриваемся, тѣмъ яснѣе возстаютъ передъ нашими глазами былые годы нашего дѣтства, и внутренній голосъ громко начинаетъ говорить намъ: вы сами были такими-же, сами также ложно смотрѣли на вещи, какъ эти дѣти, сами дѣлали такіе-же непростительные промахи. И подъ могучимъ говоромъ этого голоса, подъ сильнымъ вліяніемъ опыта, наша жесткость начинаетъ спадать, смягчается сердце, укрощается волненіе крови, и голосъ нашъ въ разговорѣ съ дѣтьми изъ громкаго, крикливаго и грознаго становится мягкимъ, но чрезъ то болѣе внушительнымъ для нихъ. Не теорія воспитываетъ врача, а практика, самое дѣло. Тоже прилагается и къ воспитателю. Можно прочитать цѣлѣтмы педагогическихъ сочиненій, выслушать полнѣйшій курсъ

педагогике,—и не умѣть взяться за дѣло, не знать природы дѣтей. Но займитесь съ любовью воспитаніемъ дѣтей, поживите съ ними подольше, узнайте ихъ покороче, и вы увидите, что съ ними можно дѣлать дѣло, что они не такъ дурны и тупы, какъ о нихъ думаютъ и говорятъ взрослые; вы пріобрѣтете необходимый въ дѣлѣ воспитанія навыкъ, умѣнье управлять ребенкомъ безъ грозныхъ, раздирающихъ душу, криковъ, безъ ужасающихъ мѣръ“ (Тамъ же 7—8).

Но кромѣ довѣрія и любви воспитатель для успѣха дѣла необходимо долженъ пріобрѣсти со стороны воспитанниковъ уваженіе. Только при такомъ условіи онъ, по мнѣнію П. Д., можетъ рассчитывать на благотворное вліяніе на нихъ. Для этого онъ долженъ служить самъ для нихъ образцомъ безупречного человѣка въ нравственномъ отношеніи.

„Путь наставленій—долгій путь; самый краткій и дѣйствительный путь примѣровъ. Longum iter per graeserta, brevis et efficax per exempla“. Длинныя разсужденія и морали мало трогаютъ учениковъ: ихъ логика простая, умъ прямой, они любятъ дѣло, а не слово. Голосъ дѣлъ вашихъ могущественнѣе подѣйствуетъ на нихъ, чѣмъ голосъ вашихъ устъ. Напрасно предаваться печальной иллюзіи, будто дѣти въ своемъ простодушномъ невѣдѣніи многого не понимаютъ и не замѣчаютъ.... Не надѣйтесь укрѣпить отъ ихъ зоркихъ глазъ даже тайны семейной жизни. Напрасны будутъ тогда ваши назидательно-нравственные уроки; на ваши рѣчи они будутъ апеллировать вашимъ дѣламъ; и самое малое, но вмѣстѣ самое худшее будетъ, если они, насмѣхаясь надъ вами, станутъ подражать вамъ,—это зло неисправимое, потому что пороки проникнутъ мозгъ костей ихъ, сдѣлаются правами всей ихъ жизни“ (Тамъ же).

Въ своей статьѣ „Очерки общественнаго воспитанія“ покойный, такъ сказать, въ лицахъ, очевидно взятыхъ имъ изъ дѣйствительности, даетъ указаніе на то, что педагоги, даже въ извѣстномъ отношеніи почтенные, вредно вліяли на учениковъ средне-учебнаго заведенія, и это только въ силу того, что они за собой имѣли привычки нежелательнаго свойства. Одинъ, который былъ былъ инспекторомъ, предавался игрѣ въ карты съ цѣлю полученія прибыли; другой, который былъ директоромъ, въ сущности ничего не дѣлалъ, являясь въ заведеніе лишь на краткое время, во всемъ величій власти начальника;

третій—учитель немилосердо любилъ врать, четвертый—надзиратель отличался скупостью и пр. Съ тѣмъ, что онъ рассказываетъ относительно вреднаго вліянія такихъ недостатковъ воспитателей на воспитанниковъ, нельзя не согласиться. Но рождается вопросъ: гдѣ же найти воспитателей и учителей, совершенно свободныхъ отъ всякихъ недостатковъ и слабостей, дѣйствительныхъ, или почитаемыхъ за таковыя. Иной безупреченъ въ нравственномъ отношеніи совсѣмъ, но имѣетъ странныя привычки, которыхъ не осудить никакой кодексъ нравственности, но которыя дѣлаютъ его предметомъ смѣха и даже осмѣянія въ обществѣ и, стало быть, въ школѣ. Это возраженіе покойный признавалъ существеннымъ и не видѣлъ возможнымъ его устранить, называя общія свои педагогическія сужденія идеалами, *ria desideria*. Но имѣются качества, которыя неотложно слѣдуетъ требовать, по его мнѣнію, отъ воспитателя, будетъ-ли онъ сельскимъ учителемъ, директоромъ заведенія, профессоромъ и высшимъ начальникомъ учебно-воспитательнаго дѣла, и которыя присущіе ему недостатки и слабости въ состояніи всегда сдѣлать безвредными для дѣла воспитанія, поддерживая постоянное уваженіе къ нему въ воспитанникахъ.

Это достигается прежде всего, „когда воспитатель непременно будетъ оказывать уваженіе къ личности всѣхъ воспитанниковъ, потому что истертая, но полная вѣчной истины фраза—если ты хочешь, чтобы тебя уважали, уважай другихъ. Безъ уваженія къ воспитывающимся невозможенъ успѣхъ въ дѣлѣ воспитанія. Это уваженіе его къ воспитанникамъ высказывается въ ласковомъ, человѣческомъ обращеніи съ ними, въ удаленіи всего, что можетъ оскорбить человѣческое чувство въ нихъ“.... Такимъ постояннымъ уваженіемъ къ нимъ вы много сдѣлаете для ихъ воспитанія: вы своимъ примѣромъ перелаете и въ нихъ уваженіе къ другимъ, высокое, гуманное чувство, которое послужитъ и къ развитію чести, потому что уважающій подобныхъ себѣ и привыкшій къ уваженію своей личности не позволитъ себѣ безчестнаго поступка, чтобы не потерять уваженія людей, имъ уважаемыхъ, и къ развитію законности, потому что законъ вполнѣ уважается лишь тамъ, гдѣ въ уваженіи человѣческая личность“ (Общ. вост. 19)

Кромѣ любви къ принятому дѣлу воспитанія и уваженія къ личному достоинству питомцевъ, по мнѣнію П. Д., необ-

ходимо, чтобы воспитатель былъ образцомъ для нихъ въ исполненіи порученнаго ему дѣла: поэтому всякія, подѣ разными благовидными предлогами, уклоненія отъ исполненія обязанностей, принятыхъ воспитателемъ, манкировка уроками, или лекціями и т. п., по справедливому его замѣчанію, не внушая конечно къ нему уваженія въ воспитанникахъ, имѣютъ вредное вліяніе на нихъ въ томъ отношеніи, что незамѣтно ирриучаютъ ихъ къ неправильному взгляду на долгъ служебный, лишая въ тоже время самаго воспитателя права предъявлять имъ законныя требованія объ исполненіи ими обязанностей. Но самымъ необходимымъ условіемъ, для успѣшности дѣла воспитанія, онъ признаетъ безусловную честность воспитателя вообще и правдивость въ сношеніяхъ его съ воспитанниками. Всякія уклоненія воспитателя отъ пути чести и нравственнаго долга, хотя бы они совершались и внѣ учебнаго заведенія въ родѣ, напр., легкой наживы способами, хотя и не преслѣдуемыми положительнымъ закономъ, но въ существѣ несомвѣстимыми съ понятіемъ о высоко-нравственномъ человѣкѣ, подрываютъ въ корень уваженіе къ нему въ воспитанникахъ и дѣлаютъ его вреднымъ для дѣла воспитанія, такъ какъ слабыхъ изъ нихъ возбуждаютъ къ желанію подражанія такому поведенію. По мнѣнію покойнаго воспитателя въ сношеніяхъ съ воспитанниками долженъ и поступать всегда правдиво, каждую вещь и отношеніе называть свойственными имъ именами, долженъ прямо свидѣтельствовать предъ воспитанниками на ихъ вопросы о незнаніи или маломъ знаніи того, о чемъ они спрашиваютъ, не скрывать незнанія или малаго знанія того, не прибѣгать къ уверткамъ и разнымъ хитросплетеніямъ, рассчитаннымъ на поддержаніе своего ученаго авторитета. Всякіе личные счеты и интриги въ учебномъ заведеніи между его членами, окольные пути дѣйствій ихъ возбуждаютъ въ воспитанникахъ, которые скоро узнаютъ объ нихъ, не только чувство неуваженія, но и отвращеніе въ лучшихъ изъ нихъ, деморализируя слабыхъ.

Мысли покойнаго о воспитательномъ дѣлѣ, только что мною приведенныя, повидимому, имъ примѣнялись, главнымъ образомъ, къ нисшимъ и среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Но изъ статьи, напечатанной покойнымъ, когда онъ уже былъ не у власти, подѣ заглавіемъ „Московскій университетъ въ сороковыхъ годахъ“, видно, что онъ распространяетъ ихъ и на дѣателей воспитанія и образованія въ высшей школѣ, университетѣ. Дѣй-

ствительно, съ какою любовію и уваженіемъ покойный, самъ уже старикъ, для котораго дѣло воспитанія было за обычай, вспоминаеть о своихъ воспитателяхъ профессорахъ! За что онъ чтить ихъ память?

„За то, пишетъ онъ“, что мы выходили изъ университета со взглядомъ просвѣтленнымъ, намъ былъ указанъ путь для самостоятельныхъ научныхъ занятій, мы впитали въ себя уваженіе къ дѣлу, мы привыкли къ труду, что мы вынесли честныя нравственныя стремленія, которыя и были путеводною нитью нашей послѣдующей жизни. Вѣчная благодарность университету, насъ воспитавшему, и нашимъ благороднымъ незабвеннымъ наставникамъ“.

За эту же любовь къ воспитательному дѣлу, за это же приученіе студентовъ посредствомъ своего примѣра къ честному и безкорыстному исполненію долга, за эту любовь и добродушіе, честность и прямоту въ отношеніи къ студентамъ, покойный пишетъ слово любви и уваженія непосредственному воспитателю зрѣлыхъ воспитанниковъ, инспектору Нахимову, не смотря на то, что въ поведеніи его находили странности и слабости, по обычаю, въ весьма замѣчательныхъ, выдающихся, дѣтеляхъ преувеличенныя.

Наконецъ покойный П. Д., говоря о качествахъ, необходимыхъ для воспитателя вообще, даетъ понять, какъ, по его мнѣнію, долженъ поступать человѣкъ, которому ввѣряется руководительство ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла въ цѣломъ округѣ. Это онъ выражаетъ, когда касается дѣятельности знаменитаго попечителя Московскаго учебнаго округа графа С. Г. Строганова. „Мы уважали, говоритъ покойный, графа Сергѣя Григорьевича и тогда, когда были студентами, и когда сдѣлались учителями. Онъ зналъ каждаго изъ насъ, учителей, лично. Онъ часто посѣщаль университетъ и во время лекцій и во время экзаменовъ; на лекціи приходилъ онъ обыкновенно или вмѣстѣ съ профессоромъ, или до него; присутствовалъ на диспутахъ, нерѣдко посѣщаль гимназіи какъ въ Москвѣ, такъ и въ губернскихъ городахъ Московскаго округа, московскія уѣздныя и приходскія училища. Не смотря на свое аристократическое происхожденіе и огромное богатство, графъ былъ простъ въ обхожденіи, ласковъ, гуманенъ. Отъ него никогда не слышали крику, и громкихъ, а тѣмъ болѣе рѣзкихъ замѣчаній. Онъ всегда держалъ себя съ достоинствомъ, говорилъ

тихо, спокойно выслушивая. Доносамъ онъ не имѣлъ вѣры, пока не разузнаетъ основательно истины“. Изъ дальнѣйшаго повѣствованія покойнаго мы усматриваемъ, что графъ Строгановъ былъ безпристрастенъ, не давалъ въ обиду никого изъ своихъ подчиненныхъ, приходилъ охотно на помощь къ дѣйствительно нуждавшимся въ ней, какъ учителямъ, тамъ и учащимся. Не могу отъ себя лично къ сказанному не присовокупить моего личнаго мнѣнія, которое, вѣроятно, раздѣляютъ всѣ, хорошо знавшіе покойнаго, что въ портретѣ Московскаго попечителя гр. Строганова, имъ нарисованномъ, усматриваются характеристическія черты самаго покойнаго П. Д., какъ главнаго руководителя учебно-воспитательнаго дѣла въ нашемъ краѣ.

Отмѣченныя мною основныя педагогическія воззрѣнія усвоилъ себѣ П. Д. въ большинствѣ ихъ ранѣе прибытія своего въ Казань.

Здѣсь онъ, смѣло можно сказать одно только, не измѣнилъ имъ нимало. Но здѣсь онъ встрѣтился съ воспитательнымъ вопросомъ, который не былъ ему основательно извѣстенъ, пока онъ учился и затѣмъ служилъ въ Московскомъ учебномъ округѣ, какъ онъ впрочемъ не былъ извѣстенъ хорошо и многимъ другимъ педагогамъ, теоретикамъ и практикамъ, въ Россіи.

Около времени прибытія въ Казань покойнаго, на окраинѣ города, въ лачугѣ, заведена была частная школа для ученія дѣтей крещенныхъ татаръ. Въ началѣ существованія этой школы учениковъ ея нужно было считать единицами. Основатель этой школы былъ извѣстенъ лишь въ кругу немногихъ ученыхъ; обществу былъ совершенно неизвѣстенъ. Школа заведена была на его личныя средства, удѣлявшіяся отъ болѣе чѣмъ скромнаго содержанія по службѣ, составляшаго единственный источникъ для пропитанія себя, жены и родныхъ.

Я, занимавшійся тогда инородческимъ вопросомъ какъ историкъ, товарищъ учредителя школы по университетскому преподаванію, съ величайшимъ интересомъ и вниманіемъ слѣдилъ за судьбами начинанія его; внимательно также прислушивался къ тому мнѣнію, которое высказывалось въ обществѣ по поводу этого начинанія; и долженъ сказать, что оно въ большинствѣ не пользовалось подобающимъ сочувствіемъ и одобреніемъ; самые скромные изъ цѣнителей этого дѣла выражали соболѣзнованіе, что такой почтенный человѣкъ, какимъ всѣ

считали Н. И. Ильминскаго, тратить свои силы и деньги на пустое предпріятіе. Но изъ этого пустаго предпріятія вышла и выросла цѣлая система просвѣщенія инородцевъ и сближенія ихъ посредствомъ школы съ русскимъ населеніемъ, дѣйствующая и теперь. Въ основу ихъ поставлено такое положеніе: это — учить инородцевъ, желающихъ быть не по имени только христіанами православной вѣры, слѣдуетъ такъ, что бы они понимали ученіе; этого достигнуть можно только тогда, когда ученіе вѣрѣ и другимъ правиламъ жизни, съ вѣрою православною связаннымъ, а равно богослуженію будутъ ведено на понятномъ для учащихся языкѣ, т. е., на ихъ родномъ, и когда ученіе и воспитаніе въ школахъ будутъ свободны отъ всякихъ принудительныхъ мѣръ и будутъ ведены въ духѣ евангельскомъ, съ любовію къ дѣлу и къ учащимся, съ терпѣніемъ и безкорыстіемъ, т. е., когда воспитатели и учителя въ ней будутъ обладать свойствами, которыя, какъ мы уже видѣли, покойный П. Д. признавалъ необходимыми и въ дѣлѣ воспитанія вообще. Въ сущности—это простая педагогическая аксіома, примѣнявшаяся отъ времени до времени къ инородцамъ и у насъ задолго ранѣе до появленія на западѣ педагогическихъ теорій въ этомъ смыслѣ, но потомъ у насъ забывавшаяся. Но извѣстно, что самыя простыя истины вмѣстѣ съ тѣмъ оказываются самыми трудными для пониманія. Такъ и эта простая истина о просвѣщеніи инородцевъ не сразу была понята и должнымъ образомъ оцѣнена въ Казани въ началѣ шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія. Но я не имѣю намѣренія здѣсь подробно излагать ходъ дѣла, зачатого Н. И. Ильминскимъ и его сотрудникомъ о. Тимоѣевымъ, такъ какъ сравнительно недавно вышла въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ „Казанская центральная крещено-татарская школа. *Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія крещеныхъ татаръ. Намечатана иждивеніемъ попечителя школы, казанскаго 1-й гильдіи купца П. В. Щетинкина. Казань 1887*“. По этому превосходному труду, составленному многоуважаемымъ Н. И. Ильминскимъ, читатель его можетъ шагъ за шагомъ прослѣдить исторію развитія и примѣненія къ дѣлу идеи, положенной въ основаніе этой школы и за тѣмъ, какъ она мало помалу, благодаря неусыпной энергической и безкорыстной дѣятельности учредителей школы, внимательному и высоко-просвѣщенному отношенію къ ней со стороны тогдашняго Мин. Н. Пр. Графа Д. А. Толстаго и со сторо-

ны, наконецъ, покойнаго Государя Императора Александра II и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, тогда Наслѣдника престола, и другихъ особъ Царственной семьи,— какъ она, эта идея легла въ основаніе цѣлой системы просвѣщенія инородцевъ. Изъ этого-же труда ясно открывается и то глубоко-сочувственное отношеніе покойнаго П. Д. къ дѣлу, начатому Н. И. Ильминскимъ съ самаго почти начала его (онъ разрѣшилъ открытіе школы крещено-татарской) и при дальнѣйшемъ его развитіи. Но покойный не ограничился дѣятельностью на этомъ пути какъ лишь просвѣщенный начальникъ учебно-воспитательной части въ обширномъ краѣ. Онъ пожелалъ уяснить себѣ дѣло христіанскаго просвѣщенія инородцевъ, силою исторіи введенныхъ въ составъ нашего великаго государства, чрезъ научное историческое изслѣдованіе дѣятельности прежнихъ насадителей среди нихъ христіанскаго просвѣщенія. Въ результатъ этого направленія въ дѣятельности покойнаго было появленіе въ печати нѣсколькихъ трудовъ, посвященныхъ этому вопросу и тѣсно связаннымъ съ нимъ вопросамъ по исторіи, археологіи и этнографіи сѣверовосточнаго края Россіи. Труды эти: 1) Св. Стефанъ, Первосвятитель Пермскій. (Изв. и уч. Зап. Каз. Ун. за 1868 г. вып. 1). 2) Чтеніе древнѣйшей зырянской надписи, единственнаго сохранившагося до сего времени памятника св. Стефана Велико-Пермскаго. (Ж. М. Н. Просв. за 1871 годъ). 3) Просвѣтитель Лопарей архимандритъ Θεодоритъ и св. Трифонъ Печенегскій (Ж. М. Н. Пр. 1868 г. 4) Родственно-ли Меря съ Вогулами? *По поводу сочиненій: Д. А. Корсакова „Меря и Ростовское княжество“ и графа А. С. Уварова— „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“.* (Учен. Зап. Каз. Унив. за 1873 г. № 1-й) 5) Напоминаніе о древнемъ городѣ Маджарѣ. Читано въ засѣданіи Казанскаго арх. съѣзда 1877 г. 31 іюля 6) Гдѣ книги, писанныя зырянскою или Пермскою азбукою, составленною св. Стефаномъ Велико-Пермскимъ? Читано въ засѣданіи того-же съѣзда 9-го августа 1877 г. 7) Замѣтка о вліяніи русскаго языка на инородческіе. Читано въ засѣданіи съѣзда 16 авг.— Послѣдніе два труда еще не сдѣлались доступными для публики, такъ какъ второй томъ „Трудовъ четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи“, въ которомъ они напечатаны, еще не вышелъ въ свѣтъ, хотя и нужно ожидать скорого его появленія въ продажѣ.

Въ этихъ трудахъ, а равно въ рѣчахъ покойнаго попечителя, напечатанныхъ въ трудѣ г. Ильминскаго, мною названномъ, высказывается тотъ же взглядъ на просвѣщеніе инородцевъ, котораго держался и держится Ник. Ивановичъ. Поэтому я нахожу удобнѣйшимъ воздержаться отъ приведенія изъ нихъ соответствующихъ выписокъ въ настоящемъ сообщеніи. Но тутъ есть другая сторона дѣла, на которую я почитаю долгомъ обратить вниманіе общества. Это то, что покойный Петръ Дм., начавъ свои занятія съ дѣлю главнымъ образомъ разъясненія вопроса о христіанскомъ просвѣщеніи инородцевъ сѣверо-восточной Россіи, неизбѣжно долженъ былъ вступить и вступить въ область вопросовъ историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ, которые составляютъ предметъ занятій нашего общества. Нѣкоторыя положенія, которыя высказалъ покойный въ поименованныхъ трудахъ, могутъ быть оспариваемы, такъ какъ и самъ покойный выдавалъ ихъ не въ видѣ непреложныхъ научныхъ истинъ, а въ видѣ научныхъ предположеній или гипотезъ. Но позволяю себѣ сказать, что самый строгій критикъ не откажетъ имъ въ признаніи научнаго ихъ достоинства въ виду совершенно научныхъ приемовъ въ изслѣдованіи взятыхъ имъ вопросовъ. Въ особенности это примѣняется къ тѣмъ мѣстамъ трудовъ покойнаго, гдѣ общаются историко-этнографическія свѣдѣнія объ инородцахъ. Тутъ онъ писалъ на основаніи предварительной солидной подготовки, на основаніи изученія языковъ инородческихъ и историческихъ источниковъ, и изданныхъ, и отчасти неизданныхъ.

Я со своей стороны позволяю себѣ думать, что трудъ покойнаго о Св. Стефанѣ Велико-пермскомъ не утратитъ на долго своего значенія, какъ особенно выдающійся своими научными достоинствами. Перечисленные мною труды покойнаго напечатаны ранѣе возникновенія нашего общества, которому съ такою честію и пользою послужилъ П. Д.; но между нимъ и научною дѣятельностію нашего общества особенно по инородческой этнографіи существуетъ родственная, преемственная, связь, такъ какъ наше общество не ослабѣваетъ на этомъ пути, выдѣливъ изъ среды своей такихъ дѣятелей, какъ покойный М. П. Веске и здравствующій теперь проф. Ив. Н. Смирновъ, который въ сегодняшнемъ же засѣданіи сдѣлаетъ сообщеніе, составляющее начало новаго обширнаго его этнографическаго труда. Такое направленіе занятій нашего обще-

ства, на мой взглядъ, слѣдуетъ признать заслуживающимъ полнаго вниманія не въ интересахъ только науки, но и въ интересахъ дальнѣйшаго христіанскаго просвѣщенія инородцевъ: чѣмъ лучше будетъ изученъ внутренній бытъ ихъ, тѣмъ вернѣе могутъ дѣйствовать истинные ревнители этого святаго дѣла. Отсюда я полагалъ бы, конечно съ согласія наслѣдниковъ его, полезнымъ издать особой книгою труды перваго предсѣдателя нашего общества покойнаго П. Д., посвященные исторіи и этнографіи, разбѣянные теперь по разнымъ періодическимъ изданіямъ и потому трудно находимые, и старательно продолжать начатое имъ дѣло.

У насъ средствъ на то мало, или даже вовсе нѣтъ. Но я позволяю себѣ надѣяться, что благожелательное и просвѣщенное начальство Казанскаго уч. округа не откажетъ въ своемъ вниманіи къ нашему ходатайству о пособіи, съ которымъ совѣтъ общества предлагаетъ общему его собранію, въ настоящее его засѣданіе, войти къ Г. Министру Нар. Посвѣщенія.

Предсѣдатель Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ,

Заслуж. проф. Н. ѲИРСОВЪ.

Толковая икона
НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕРКВИ

СЕЛА ЦАРИЦЫНА ,

(КАЗАНСКАГО УЪЗДА).

Съ приложеніемъ фотографическаго снимка.

~~~~~
Проф. Н. Сорокина.

—————
КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1 8 9 1.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологін, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь П. Траубенбергъ.

Прошлымъ лѣтомъ мнѣ удалось побывать въ селѣ Царицынѣ, отстоящемъ отъ Казани въ 6 верстахъ и осмотрѣть весьма интересныя древности. Но, прежде чѣмъ я изложу свои наблюденія, скажу два слова о томъ, что извѣстно намъ о прошломъ этого селенія.

Въ „книгѣ Казанскаго уѣзда 7075 г. государевыхъ царя и Великаго князя дворцовыхъ сель и деревень и пустошей и селищ“ упоминается дворцовое село Царицыно и въ немъ церковь Николая Чудотворца. До 1593 г. оно было за Андреемъ Плещеевымъ, а въ этомъ году дано въ помѣстье Троицкому Свѣяжскому монастырю. На мѣстѣ когда-то существовавшей церкви, въ 1829 г. выстроена каменная ¹⁾, которая красиво расположена почти на берегу быстрой Ноксы.

Кромѣ этихъ скудныхъ свѣдѣній, можно еще упомянуть и о томъ, что Пугачевъ, передъ тѣмъ какъ броситься на Казань, имѣлъ здѣсь свою главную квартиру. Рассказываютъ, что въ окрестностяхъ Царицына въ лѣсу были выкопаны глубокія ямы, гдѣ содержались плѣнники; но, эта молва не можетъ быть подтверждена ничѣмъ, такъ какъ никакихъ слѣдовъ отъ ямъ не осталось.

Затѣмъ, всѣ историки пишутъ, что въ день осады Казани, часть войска Пугачева двинулась именно изъ Царицына.

---

¹⁾ *И. Изюсковъ*. Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанскаго уѣзда, съ краткимъ ихъ описаніемъ. 1885. стр. 14.

Вотъ то небольшое, что намъ извѣстно изъ прошлаго этого села. Никакихъ разказовъ о пребываніи разбойничьихъ шаекъ мнѣ не удалось слышать.

6-го іюля (1889) я пріѣхалъ въ Царицыно и, благодаря любезному содѣйствію тамошняго духовенства, воспользовался случаемъ осмотрѣть церковныя древности.

Прежде всего была посѣщена мною совершенно развалившаяся деревянная часовня на кладбищѣ. Она теперь окончательно оставлена, крыльцо покривилось, стѣны носятъ слѣды дождевыхъ потоковъ.

Прямо противъ входной двери, на стѣнѣ, виситъ деревянный и чрезвычайно ветхій складень, одна сторона котораго отгалилась. Средина занята рѣзнымъ изъ дерева Николаемъ угодникомъ; правая рука его благословляетъ, на лѣвой замѣтенъ штифтъ, который по всей вѣроятности поддерживалъ исчезнувшую небольшую церковь; металлическая эпитрахиль носитъ слѣды красной краски и позолоты.

На створкахъ складня можно еще различить изображенія чудесъ святителя Николая, ликъ Матери Божіей, Великомученицы Варвары и нѣсколькихъ святыхъ, носящихъ имена жертвователей.

Въ верхней части надъ святителемъ Николаемъ икона Св. Троицы.

Кромѣ того, на стѣнахъ часовни висятъ, покривившись, еще нѣсколько большихъ иконъ, но до такой степени почернѣвшихъ, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить даже какіе святыя изображены на нихъ?

Кѣмъ и когда выстроена часовня—неизвѣстно.

Но самый большой интересъ возбуждаетъ икона, находящаяся въ самой церкви и которую народъ называетъ „икона Неопалимыя купины“.

Разсказываютъ, что много лѣтъ тому назадъ, во время богослуженія, въ церковь вошла какая-то женщина съ ребенкомъ и поставила на одну изъ оконъ эту икону. Затепливъ лампаду, она просила поддерживать огонь и скрылась, чтобы уже больше не являться.

Поддерживался ли дѣйствительно огонь въ лампадѣ— неизвѣстно, но я увидѣлъ икону на окнѣ, покрытую толстымъ слоемъ пыли, и безъ лампадки. Надо однако замѣтить, что жители села Царицына сильно вѣрують въ чудодѣйственную силу „Неопалимой купины“ и во время пожаровъ всегда выносятъ ее на мѣсто катастрофы, въ надеждѣ прекратить этимъ распространеніе огня.

При ближайшемъ знакомствѣ съ иконой, оказывается слѣдующее: нарисована она на доскѣ въ 54 сантиметра длины, 15 сантим. ширины и 3¹/₂ толщины. Краски вообще сохранились превосходно, особенно въ срединѣ; только углы значительно потемнѣли, такъ что мѣстами съ трудомъ можно прочесть текстъ, заимствованный изъ пророчествъ Исаи и Іезекіиля.

Кромѣ того, нижняя часть иконы попорчена догорѣвшей восковой свѣчкой и здѣсь-же замѣтны довольно сильные дефекты. Тамъ гдѣ краска отпала, можно легко убѣдиться, что рисунокъ сдѣланъ по *левкасу* (употребляя терминологию сельскихъ иконописцевъ). Икона обведена коричневой полосой, образующей какъ-бы рамку около 4¹/₂ сантим. ширины. Внешній край рамы состоитъ изъ красной и бѣлой полосокъ, внутренній—изъ очень тонкой красной черточки и болѣе широкой—черной.

Все внутреннее пространство закрашено сѣроватымъ фономъ, который былъ, вѣроятно, бѣлымъ. На этомъ-то фонѣ, какъ разъ по срединѣ, изображена звѣздовидная фигура, построенная изъ двухъ четырехъугольниковъ: одного темно-

коричневого, совпадающего съ продольной и поперечной осями иконы, другой—ярко-красный, совпадающій съ діагоналями доски.

Верхній, темно-коричневый уголь перваго четырехугольника занятъ изображеніемъ шестикрылаго серафима; на золотомъ его вѣнчикѣ можно разобрать надпись „*серафимъ*“.

Внизу, на противоположномъ концѣ, такое-же точно изображение и съ такою-же надписью.

Первый и лѣвый углы темнокоричневаго четырехугольника служатъ фономъ для летающихъ серафимовъ, съ золотыми вѣнчиками и буквами „*сера*“ (фигма); оба серафима какъ-бы стремятся къ центру иконы, одна—справа, другою—слѣва.

Что касается до краснаго четырехугольника, совпадающаго съ діагоналями доски, то 1) на лѣво, вверху, на ярко-красномъ фонѣ представленъ ангелъ въ красномъ одѣяніи съ золотымъ вѣнчикомъ, золотой книгой въ рукахъ и золотыми-же крыльями; кругомъ надпись: „*святый евангелистъ Матфей описанъ ангеломъ толкованіе по сему Господь*“. 2) На право, вверху видѣнъ красный орелъ съ золотымъ вѣнчикомъ, золотой книгой и распростертыми золотыми крыльями; кругомъ надпись: „*святый евангелистъ Марко описанъ орломъ толкованіе возлете на небеса*“. 3) Внизу, на лѣво—красный левъ, съ открытою пастью съ золотымъ вѣнчикомъ, золотой книгой и золотыми крыльями; кругомъ надпись: „*святый евангелистъ Иоаннъ описанъ львомъ толкованіе во гробъ положися*“. 4) Направо, внизу красный телець съ золотымъ вѣнчикомъ, золотыми крыльями и золотой книгой, кругомъ надпись: „*святый евангелистъ Лука описанъ тельцомъ толкованіе миръ*“.

Прибавлю еще, что ангелъ, левъ и телець, хотя представлены ярко красными, одинаково съ фономъ тѣхъ треуголь-

никовъ, на которыхъ они находятся, но имѣютъ блики, хорошо сохранившіеся, чего нельзя сказать объ изображеніи орла. Кромѣ того, вѣнчики всѣхъ ихъ густо покрыты сплошной позолотой и только по внѣшнему краю проходитъ тонкая и рѣзкая бѣлая черта.

Надъ этой звѣздой, занимающей центръ иконы, на верху изображенъ Господь Саваофъ. Онъ представленъ сидящимъ на облакахъ ¹⁾, въ бѣлой одеждѣ ²⁾, съ строгимъ выраженіемъ лица и благословляющими руками. Длинная, остроконечная, раздвоенная борода и волосы сдѣланы какъ-бы съ просѣдью. Изъ-за потемнѣвшаго лика, на фонѣ большого позолоченнаго вѣнчика, видна звѣзда, состоящая изъ двухъ четырехугольниковъ, подобно тому, который изображенъ посрединѣ иконъ: первый—темный, расположенъ такъ, что вокругъ головы образуется треугольникъ, какъ это рисуютъ у Всевидящаго Ока, другой (задній)—свѣтлый, сдѣланъ не симметрично. Пространство за всей фигурой наполнено ярко-краснымъ свѣтомъ, пронизаннымъ золотыми лучами, исходящими отъ большого позолоченнаго вѣнчика, какъ отъ солнца. Подъ благословляющими руками находятся ангельскія головки съ крыльями, сіяніемъ и надписями „херувимъ“.

Голова Господа Саваофа вдается въ рамку. На рамкѣ сверху надпись: „*Образъ Всевидѣщаго Ока Господне*“; на лѣвой и правой сторонахъ рамы имѣются какъ бы особые образки, съ черными ободками и краснымъ фономъ. На первой изображенъ Ангель-хранитель въ бѣлой одеждѣ, съ золотыми крыльями и такимъ же вѣнчикомъ; лѣвая рука опущена, въ правой держитъ восьмиконечный красный крестъ, положенный на правое плечо; надъ головой на красномъ фонѣ надпись „*святый ангелъ хранитель*“.

¹⁾ Облака нарисованы очень хорошо.

²⁾ Складки и тѣни на одеждѣ сдѣланы коричневой краской.

На правой сторонѣ рамы нарисованъ мученикъ Александръ. Онъ изображенъ въ святительскомъ одѣяніи синяго цвѣта и съ широкимъ узорчатымъ золотымъ шитьемъ по подолу; тѣни и складки сдѣланы бѣлою краской. На плечи накинута красный плащъ, причемъ лѣвая рука отъ него свободна и лежитъ у пояса, а въ правой—держитъ осмиконечный бѣлый крестъ. Нижняя часть фигуры и ликъ святителя очень попорчены, краска мѣстами отскочила. Кругомъ головы золотой, сплошной вѣнчикъ, а надъ головой, на красномъ фонѣ надпись: „святый мученикъ Александръ“.

Въ лѣвомъ углу иконы (на верху), на бѣломъ фонѣ, около Господа Саваофа, приведены слѣдующія слова:

„Книга пророка Исаіи, глава (6). Видѣхъ Исаіе Господа сядища на престолѣ высоцѣ и исполнь домъ славы Его и серафимы стояху окрестъ Его шесть крыль единому и шесть крыль другому покрываху другъ ко другу и глаголаху святъ святъ святъ Богъ Господь Саваофъ исполнь слава Его вся земля. И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ серафимовъ и въ руцѣ своей имяше уголь горя (цѣ) его - же клещами взять отъ алтаря и прикоснуся устамъ моимъ и рече: и прикоснуся сіе устомъ твоимъ отыметъ Господь беззаконія твоя и грѣхи твоя очиститъ“.

Въ лѣвомъ углу, внизу, изображенъ Исаія, стоящій на одномъ колѣнѣ; вокругъ него находятся растенія, сзади какъ будто пень отъ срубленнаго дерева. Фигура имѣетъ ненатуральное положеніе и можно принять ее за сидящую на указанномъ пнѣ. Голова окружена золотымъ вѣнчикомъ, волосы на головѣ и длинная раздвоенная борода—сѣдые; одежда синяя съ бѣлыми бликами и такими-же складками. Нижняя часть фигуры закутана въ простой плащъ; руки съ благоговѣніемъ подняты, въ виду приближающагося серафима. Серафимъ изображенъ въ видѣ фигуры во весь ростъ и безъ

одежды; два красныхъ, расположенныхъ на крестъ, крыла прикрываютъ ноги, а четыре такихъ-же красныхъ крыла расположены за плечами. Ликъ серафима попорченъ, остался одинъ золотой вѣнчикъ; лѣвая рука свободно виситъ въ воздухѣ, правая владываетъ щипцами раскаленный уголь въ уста Исаи.

Нѣсколько правѣе и ближе къ срединѣ (между лучами центральной звѣзды, львомъ св. Марка и серафимомъ), отдѣленный отъ Исаи и серафима съ углемъ густымъ слоемъ темныхъ облаковъ, нарисованъ другой летящій серафимъ въ тотъ моментъ, когда онъ беретъ щипцами уголь изъ „олтаря“. Фигура эта совершенно сходна съ первою; только на золотомъ вѣнчикѣ стоитъ подпись „сераѳи(мъ)“; самъ же „олтарь“ изображенъ въ видѣ шестиграннаго, продолговатаго сруба, съ полукруглымъ отверстіемъ по срединѣ; какъ воздухъ въ которомъ паритъ серафимъ, такъ и „олтарь“ ярко-краснаго цвѣта.

На правомъ углу (вверху) иконы, на бѣломъ фонѣ, по другую сторону изображенія Господа Саваофа, приведены слѣдующія слова:

„Книга пророка Іезекіиля. Глава 1. И видяхъ и се духъ воздвизайся грядяще отъ сѣвера и облакъ великій вмемъ и свѣтъ окрестъ его и огонь блистая. Посредъ... животныхъ.. и яко подобіе чловѣка въ нихъ. И четыре лица единому и четыре крыла единому. И видехъ се коло едино на земли держащаяся животныхъ четырехъ и виденіе колесъ якоже аще-бы было коло въ колеси.... мнѣ сыне члов... ев... сей... и рцы... овомъ израилевымъ и отверзохъ уста моя и напита мя свиткомъ симъ“.

Въ правомъ углу (внизу) находится изображеніе колѣно-преклоненнаго пророка Іезекіиля въ синемъ одѣяніи, поверхъ котораго наброшенъ красный широкій плащъ. Лѣвая рука протянута, правая прижимаетъ къ груди бѣлый небольшой

свитокъ. Сѣдые волосы и такая же раздвоенная борода обрамляютъ темный ликъ, на которомъ выражается глубокое благоговеніе.

Пророкъ помѣщенъ на зеленоватомъ холмѣ, понижающемся тремя уступами въ лѣвую сторону; никакихъ растеній вокругъ фигуры незамѣтно.

По направленію къ св. Іезекиілю сверху, отъ звѣздовидной фигуры, занимающей центръ иконы, опускается длинное темное облако, изъ котораго протянута рука въ красномъ рукавѣ и предлагающая пророку свитокъ. Облако непосредственно исходитъ отъ яркаго пламени, которое на периферіи ограничено остроконечными огненными языками. Внутри этого пламени замѣчается четыре головы (ангела, орла, тельца и льва), окруженные золотыми вѣнчиками и снабженные четырьмя крыльями каждая. Нѣсколько ниже и лѣвѣе видно красное колесо и цѣлая система круговъ; какъ на ободѣ колеса, такъ и на кругахъ, изображены глаза (по пяти и семи). Наконецъ, свѣтлое облако розоваго дыма проходитъ по краю огня, именно тамъ, гдѣ замѣчаются языки пламени.

Такимъ образомъ, внизу звѣздовидной фигуры, составляющей центръ иконы, мы видимъ съ одной стороны изображеніе видѣнія пророка Исаи, съ другой—видѣніе пророка Іезекиіля. Раздѣляетъ эти видѣнія серафимъ на темномъ фонѣ, составляющій нижній конецъ темнаго четырехъ-угольника фигуры.

Въ срединѣ иконы видимъ три концентрическихъ желтыхъ круга или полосы. На внѣшнемъ надпись (вправо, сверху): „Уль Исаія проявля(я) солнце издевическія утropy васьсія во тмѣ заблуждѣшимъ“. На среднемъ: „Величитъ душе моя Господа и возрадовася духъ мой о Возъ Спасъ моему яко призрѣ на смиреніе рабы своея се бо отъ нынѣ блажатъ мя вси роди“. На внутреннемъ: „Духъ Господенъ на мнѣ его же ради помаза мя благовѣстити ниц...“

Центръ иконы занимаетъ младенецъ Иисусъ въ синемъ одѣяніи и красномъ плащѣ; въ лѣвой рукѣ—свитокъ, правая—благословляетъ. Отъ него, черезъ красный фонъ круга, исходятъ золотые лучи. Вокругъ головы золотой вѣнчикъ съ крестомъ; по лѣвую сторону буква „Н“, по правую „Ѡ“, и надъ головой „Ѧ“; по бокамъ (на красномъ фонѣ) IC и XC . Кругомъ всей фигуры Спасителя вышеупомянутая надпись „*Духъ Господенъ на мнѣ*“ и т. д.

Отъ этого центрального круга съ Иисусомъ, отходятъ четыре огненные (красные съ золотомъ) луча, доходящіе до круга внѣшняго съ надписью „*Умъ Ісаія проявляя*“ и т. д.

Все пространство между кругомъ съ надписью „*Духъ Господенъ на мнѣ*“ и вторымъ съ надписью „*Величитъ душе моя Господа*“ занимаетъ большой красный ликъ ¹⁾, подобный тому, какимъ изображается солнце (съ красными глазами, носомъ и ртомъ). Такимъ образомъ, Спаситель помѣщенъ какъ разъ между глазами этого лика, придающей всей иконѣ какой-то устрашающій характеръ, если позволено такъ выразиться. Багровый дискъ въ центрѣ сразу обращаетъ на себя вниманіе, а огненные глаза смотрятъ гнѣвно и свирѣпо.

Пространство между кругомъ съ изреченіемъ „*величитъ Душе моя Господа*“ (вторымъ по счету) и самымъ внѣшнимъ съ надписью „*Умъ Ісаія проявляя*“ имѣетъ черный фонъ; на немъ вверху (какъ разъ надъ Спасителемъ) изображена голова Матери Божіей съ распростертыми руками, въ красномъ покрывалѣ съ золотымъ вѣнчикомъ и надписью по бокамъ головы „ MP “ и „ QV “ и, кромѣ того, пять серафимовъ: нижній; нарисованный en-face, съ вѣнчикомъ и надписью „*серафимъ*“ и четыре нарисованные въ $\frac{3}{4}$ оборота головы, съ

---

¹⁾ Только средняя часть иконы нѣсколько свѣтлѣе.

такими-же вѣнчиками и такими-же надписями, какъ-бы устремляющимися къ Спасителю; крылья серафимовъ и облака сдѣланы бѣлыми штрихами. Въ промежуткахъ между всѣми этими фигурами размѣщены звѣзды, большія и малыя.

Наконецъ, на бѣломъ общемъ фонѣ иконы, имѣются еще четыре фигуры ангеловъ: два верхнихъ съ золотыми вѣнчиками и такими-же крыльями стоятъ на одномъ колѣнѣ и держатъ въ рукахъ концы своихъ красныхъ верхнихъ плащей; два нижнихъ изображены летящими и съ свободными руками. Надъ верхними надписи „АГГЛІ“, а надъ нижними „ГДНІ“.

Проф. О. И. Буслаевъ, къ которому я посылалъ фотографическій снимокъ съ иконы, прося высказать о ней свое мнѣніе, пишетъ мнѣ слѣдующее:

а) „Царицынская икона относится къ разряду многочисленныхъ, содержанія символическаго. Эта икона „толковая“, каковы напр. „*Единородный Сынъ*“; „*Приидите, людие, трипостасному Божеству поклонимся*“, „*Во гробъ плотскъ*“, а также цѣлыя молитвы лицевыя: „*Върую*“, „*Отче нашъ*“, „*Богородице Дѣво радуйся*“ и друг., какъ показано у меня ¹⁾ въ „общихъ понятіяхъ о русской иконописи“, съ приложеніемъ рисунковъ (въ Музейскомъ Сборникѣ 1866 г.). Такимъ иконамъ соотвѣтствовали „*Толковыя Псалтыри*“ и „*Толковыя Апокалипсисы*“, какъ простые, такъ и лицевыя.

б) Въ народѣ эта икона слыветъ подъ названіемъ „Неопалимой купины“ потому, что въ своемъ цѣломъ составѣ и характерѣ имѣетъ съ нею *много общаго*. По древнѣйшимъ изображеніямъ, точно въ такой-же геометрической фигурѣ явилась Моисею Богородица, въ типѣ *Знаменія Пресвятой Богородицы*, занимающая всю середину пылающаго куста.

Въ Царицынской иконѣ мѣсто Моисея занимаютъ пророки Исаія и Іезекіиль.

По происхожденію она позднѣе неопалимой купины и есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе того-же типа, въ которомъ изображеніе Знаменія Пресвятой Богородицы ведетъ

---

¹⁾ Подробное заглавіе слѣдующее: *О. Буслаевъ. Общія понятія о русской иконописи въ сборникѣ 1866 года, изданномъ обществомъ древнерусскаго искусства, при Московскомъ публичномъ музеѣ. Москва. 1866.*

свое начало къ временамъ катакомбной иконографіи. Надобно прислушиваться къ гласу народа: въ немъ чуются иногда звуки незапамятныхъ преданій.

с) Тексты изъ книгъ Исаи и Іезекіиля и ихъ обоихъ изображеніе даютъ разумѣть, что эта икона есть не что иное, какъ символическое представленіе и толкованіе пророчествъ, то есть, какъ бы одна изъ миниатюръ *толковаго* пророчества.

д) Осьмиугольный чертежъ, составленный изъ двухъ квадратовъ, называется въ иконографіи „осьмиугольнымъ *ореоломъ*“, когда обнимаетъ собою цѣлыя фигуры—одну или нѣсколько, и называется *нимбомъ* (т. е. сіяніемъ или вѣнцомъ), когда обнимаетъ только голову фигуры, какъ въ Царицынской иконѣ главу Саваофа. Происхожденіе и значеніе этого чертежа подробно объяснены въ моемъ „Лицевомъ Апокалипсисѣ“ ¹⁾.

е) Красное лицо, посреди котораго написанъ Иисусъ Христосъ, есть не что иное, какъ *Солнце*—это символическое представленіе пророчества: „*Солнце* (т. е. Христосъ) *изъ двѣхъ-снѣя утробы возсія*“,—такъ что это солнце есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ Христосъ. Объ изображеніи солнца въ видѣ

---

¹⁾ Въ письмѣ своемъ къ проф. Буслаеву, я указывалъ на треугольникъ вокругъ головы Саваофа и имѣлъ неосторожность выразиться, что фигура эта похожа на ту, въ которой всегда изображается у насъ Всевидающее Око. На это, Ѡ. И. дѣлаетъ такого рода важную поправку: „икона названа „Всевидающимъ Окомъ Господнемъ“ въ надписи надъ фигурой Саваофа, къ которому конечно и относится. Но усмотрѣннаго въ замѣчаніяхъ треугольника на иконѣ вовсе нѣтъ, такъ какъ это одинъ изъ угловъ фигуры, о коей рѣчь будетъ въ слѣдующемъ пунктѣ (пунктъ д). Что-же касается до утверженія, будто такой треугольникъ „*сеида*“ рисуютъ у Всевидающаго Ока, то надобно знать, что представленіе глаза въ треугольникѣ есть пустая эмблема, заимствованная къ намъ съ Запада не ранѣе XVIII вѣка. У насъ-же изстари была икона Христа Младенца, подъ названіемъ *Недреманнаго Ока*: онъ перевязанъ крестъ-на-крестъ ораремъ, какъ діаконъ, и лежитъ на подушкѣ, нѣсколько приподнявшись. Есть и на Афонѣ.“

лица—профиль и en face—смотр. тамъ-же, въ моемъ „Лицевомъ Апокалипсисѣ“.

f) Мученикъ Александръ стоитъ внѣ символическаго содержанія иконы. Это, можетъ быть святой во имя котораго наречень заказчикъ Царицынской иконы, или—иконописецъ, который ее писалъ; а можетъ быть, попалъ сюда и по какой другой случайности“.

Таково мнѣніе о Царицынской иконѣ нашего маститаго ученаго.

Что-же касается до времени, къ какому она относится и о чемъ проф. Буслаевъ забылъ упомянуть въ своемъ письмѣ, то, по словамъ проф. И. Н. Смирнова, который видѣлъ Ѳ. И. на съѣздѣ археологовъ въ Москвѣ, онъ относитъ икону къ XVII или, быть можетъ, къ концу XVI вѣка.

14 февраля 90 г.

Н. З. ТИХОВЪ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ СЛАВЯНСКАГО ЖИЛИЩА.

БОЛГАРСКІЙ ДОМЪ

И

ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ НЕМУ ПОСТРОЙКИ

ПО ДАННЫМЪ ЯЗЫКА И НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1894.

По опредѣленію Совѣта Общества Археологич, Исторіи и Этнографіи
печатать дозволяется.

Секретарь *П. Траубенберг.*

БОЛГАРСКІЙ ДОМЪ

и относящіяся къ нему постройки по даннымъ языка и народныхъ пѣсень.

Въ области изслѣдованій о славянскихъ жилищахъ въ наукѣ сдѣлано до сихъ поръ еще очень мало. Таковой изслѣдователь на почвѣ древнѣйшей культуры Славянъ какъ *Krekъ*, сказавши объ устройствѣ др.-слав. дома, т. е. собственно—приведа только названія отдѣльныхъ частей его, выражаетъ именно такого рода жалобу, что этой области нашего вѣдѣнія оказано очень мало должнаго вниманія, и единственное и пріятное исключеніе представляетъ небольшая статья гр. *Уварова*, помѣщенная во II т. Трудовъ московскаго археологическаго общества (¹). Подобную-же жалобу, даже укоръ—высказалъ и *Heikel*, авторъ недавно вышедшаго труда о финскихъ жилищахъ; онъ говоритъ, что въ русской литературѣ нѣтъ окончательно ниодной работы, ниодной достойной упоминанія статьи, имѣющей своимъ предметомъ изслѣдованіе о жилищахъ,—существуютъ только въ высшей степени недостаточныя замѣтки, разсѣянныя преимущественно въ періодическихъ изданіяхъ (²).

(¹) *Gregor Krek*. Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte. 2-е изд. Graz 1887 г. стр. 145 прим.

(²) *Axel. O. Heikel*. Die Gebäude der Čeremissen, Mordwinen, Esten und Finnen. Helsingfors 1888 р. XI. (Въ «Jurnal de la société finno-ougrienne» Т. IV).

Эти жалобы дѣйствительно справедливы, что и дало мнѣ поводъ заняться этимъ вопросомъ касательно той части славянъ, которая мнѣ болѣе всего доступна и которой я болѣе всего пока занимался.

Я не смѣю конечно претендовать на большое значеніе предлагаемаго вниманію общества моего реферата, а считаю его только сводомъ тѣхъ данныхъ, которыя имѣются главнымъ образомъ въ сборникахъ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ ⁽¹⁾ и въ словарь Дювернуа ⁽²⁾. Я собралъ здѣсь всѣ стихи, имѣющіе названія дома, его частей, двора, построекъ, привелъ ихъ въ нѣкоторую систему и весь имѣвшійся въ рукахъ разрозненный матеріалъ старался облечь въ болѣе удобную для пользованія форму.—Матеріалъ, которымъ я располагалъ, является во многихъ отношеніяхъ очень-таки недостаточнымъ; такъ, напр., я не могу яснѣе сказать о формѣ дома, о его размѣрахъ, о наружныхъ украшеніяхъ, не могу ручаться за его положеніе относительно другихъ построекъ на дворѣ и т. п. Тѣмъ не менѣе позволяю себѣ думать, что

---

(1) Въ распоряженіи моемъ были слѣдующіе 4 сборника: а) *Безсоновъ*. Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и другихъ болгаръ (во «Временникѣ Императорскаго московскаго общества исторіи и древностей російскихъ») М. 1855, кн. 21—22. б) *Верковић*. Народне песме македонски Бугара. Книга перва. Женске песме. У Београду 1860. в) *Качановскій*. Памятники Болгарскаго народнаго творчества. Вып. I. Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ. Спб. 1882. (въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ т. XXX. № 1). г) *Миладиновци* бр. Вѣлгарски народни пѣсни. Загребъ 1861.—Цитаты изъ этихъ сборниковъ указаны подъ слѣдующими сокращеніями: *В*—Безсоновъ. *В*—Верковић, *К*—Качановскій, *М*—Миладиновци. Крупныя цифры указываютъ на № пѣсни, а мелкія, помѣщенныя рядомъ,—страницу Сборника.

(2) *Дювернуа*. Словарь Болгарскаго языка по памятникамъ народной словесности и произведеніямъ новѣйшей печати. М. 1835—89. I—VII (последнихъ двухъ выпусковъ здѣсь въ Казани еще не имѣется). Сокращенія, указанныя имъ, но которыя не могли быть проверены мною, я отмѣчаю курсивомъ: *Д*.—*Dozon*. Chansons populaires bulgares inedites. Paris. 1875. Затѣмъ—*Пк*.—Показалець или Рѣководство, какъ да ся извѣсѣтъ и издирѣтъ най-стари чърти нашего бытія, языка, народопокълнѣнія, стараго ни правленія, славнаго ни прошествія и проч. отъ *Г. С. Раковскаго*. Одесса 1859 г.

и въ предлагаемомъ видѣ рефератъ мой можетъ принести нѣкоторую пользу изслѣдователямъ на почвѣ славянской культуры—вообще, и славянскаго жилища—въ частности.

Большинство болгарскихъ построекъ, блг.—*градешъ* (Двр. 400) или *постройка* (Двр. 1779), необходимыхъ въ сельскомъ быту, заключается во дворѣ, называемомъ также *дворъ*, *двори*, *дворове*, *дворище* или же—*просторище* ⁽¹⁾ (Двр. 469): Болгарскіе *двори* или *дворове* въ пѣсняхъ постоянно имѣютъ эпитетъ *рамни* или *равни*, что указываетъ, вѣроятно, на то обстоятельство, что *двори* или располагаются въ равнинѣ, или выровнены нарочно; въ послѣднемъ именно случаѣ они иногда выстилаются камнемъ, почему и называются *камни* (М. 105₁₈₈) т. е. *камены* (К. 155₃₁₁). Хорошій дворъ долженъ быть чисто выметенъ ⁽²⁾, причемъ обязанность эта вполнѣ возлагается на женщину ⁽³⁾. Обратная черта, т. е. грязь, запущенность двора представляетъ—такъ сказать—захудалость владѣльца ⁽⁴⁾.

Дворъ огороженъ *заборомъ*, вслѣдствіе чего называется также *обграда* ⁽⁵⁾; заборъ дѣлается изъ дерева ⁽⁶⁾ или иногда изъ камня ⁽⁷⁾, и носить нѣсколько названій: *ограда* ⁽¹⁾,

⁽¹⁾ «Сяка селска къща има на около си голѣмо просторище, кое Българи въобще казвѣтъ дворъ» *Ик.* 33.

⁽²⁾ «Земешъ, керко, дворе да изметешъ» (В. 212₃₂₀); «двори биха разметени» (В. 36₄₅, 155₁₆₇, 202₂₁₅).

⁽³⁾ «Димяна мете дворе со метлица босилкова, со лопата страторова (?) фрлила метла, лопата» (В. 288₃₁₃); «за нея елекъ (=лѣкарство) готовъ: мотика-та и лопата» (В. 293₃₂₁); дѣвойки двори метѣхъ (*Д.* 29, 12) «рано ѣ станѣла невѣста, равни ѣ двори помела» (*Д.* 25, 35—36).

⁽⁴⁾ «Двори-тъ буренясали» (В. I, 24₁₂₃), т. е. поросли бурьяномъ.

⁽⁵⁾ «Средъ таѣж обградѣ. т. е. селскій дворъ». (*Ик.* 35).

⁽⁶⁾ (Юда) «гора (т. е. лѣсъ) трошеше (=ломала), двори градеше» (В. 1).

⁽⁷⁾ «Годеникъ-тъ вали камъни и ги вози за направѣ на къщѣ или оградѣ» (*Ч.* 72).

дзиздж (¹) бедени (²) или дуваръ (³). Вѣроятно онъ представляетъ изъ себя иногда частоколь, причемъ кольца называются *пармадзи* (⁴). Деревянный заборъ замѣняется плетнемъ, который называется *плетъ*, *плетина*, *плетница* (⁵), *заплетъ* (Дюв. 714) или *каламотъ* (? Дюв. 917). Плетень дѣлается въ четыре ряда или яруса, называемыхъ *повой*, каждый повой—изъ прутьевъ (= *пъртъ*), которые втыкаются сразу по-два около каждаго плетневаго кола (= *коль* или *притка*) (⁶). Пятый рядъ служить для прикрѣпленія первыхъ рядовъ, въ свою очередь этотъ пятый рядъ прутьевъ закрѣпляется особой деревянной наставкой, дощечкой, называемой *прилошка*, которая прибивается къ каждому колу плетня и при этомъ обвивается еще тонкой сѣткой изъ прутьевъ (⁷). Чтобы плетень крѣпче держался, то снаружи и изнутри на разстояніи 3-хъ колеьевъ ставятся *подпоры* или *подпорки* (⁸), которыя имѣются и у *дувара* (⁹). Все это сооруженіе своего рода—называется *тса*

(¹) «Преку дзиздѣ платно префѣрли» (105₁₅₉).

(²) «Фѣрли Шарца прек' бедени» (М. 147₂₈₄); «сѣ фѣрли надъ бѣла бедена» (М. 145₂₂₆).

(³) «Дуваре се трасать» (К. 155₃₅₄); бутна (Марко) коня, презъ дувара прерипна» (К. 155₃₅₂); см. также К. 132₂₈₄ и 166₃₉₁.

(⁴) «Имашъ Иванъ дворе Стамболови, на дворе те скали отъ кара-грошъ, пармадзи-ти отъ флорина». М. 605₄₉₈.

(⁵) «Дворъ ѣ обграденъ укрѣжно съ плѣтъ» (Пк. 33); «Стоянтъ презъ плета надниена» (М. 128₁₈₅); «ако си ергенъ, прескокни плетотъ» (М. 305₃₈₃); «си прескакала плетина». (М. 425₄₂₉); «а нѣкон измазвѣтъ тѣя плѣтеца лѣтъ съ гвѣвѣжды лайна или прѣсть» (Пк. 34).

(⁶) «Плѣтъ-тъ обично—ѣ изплѣтенъ художественно отъ четири повоа; а всяки повой ся плѣте съсъ два пърта кои ся подпѣхвѣтъ единъ подъ други до сяки коль. А пятый повой заплита подпоркы». Пк. 34. Замѣтимъ, что у русскихъ плетень устраивается именно такимъ-же образомъ.

(⁷) Въ найгорный повой сѣ' забити напрѣкы, кѣси дръвчета отъ 4 яды, конхъ звѣтъ *прилошки*. Ти сѣ' уплѣтени съ потько пъртие на поверхность, коя ся простира надъ обѣ странѣ плѣта, само отъ повоа, и на края на всякѣ прилошкѣ забита ѣ клѣчка (= палочка, клинъ) да ся не разплита пъртие то. Пк. 34.

(⁸) «Пятый повой заплита подпоркы, кои сѣ' исправени сръщу колне и отъ втрѣ и отъ вѣнъ прѣзь три кола разстояния» Пк. 34. (Дюв. 1718).

(⁹) «Се дуаре одъ юначки главы, а подпоры одъ юначке носе» (К. 132₂₈₄, 147₃₂₇); «серебрны подпоры» (К. 152₃₄₆).

(Шк. 32); самый плетень въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замывается или коровьимъ пометомъ, или глиной (Дюв. 1665).

Чтобы попасть во дворъ, надо пройти чрезъ **ворота**, называемыя иногда „*голема врата*“ т. е. большія „*врата*“ (1), *вратня*, *вратникъ* (2) чрезъ которыя можно проѣхать. Наравнѣ съ этимъ названіемъ употребляется также *порта*, *порти* (-ты) (3). Очень нерѣдко при названіи *порта* имѣется эпитетъ *вити* (4), т. е. витыя ворота; возможно, что этотъ эпитетъ указываетъ на особаго рода украшеніе, вѣроятно—на рѣзъ б у, въ то время какъ существованіе другого эпитета: „*шарены порты*“ или „*шарены врата*“ (5) (=пестрыя) указываетъ на расписываніе воротъ в р а с к а м и. Кромѣ того имѣется выраженіе „*тежки порти*“ (6) потому ли, что они сдѣланы прочно, основательно, или потому, что они бываютъ иногда *жельзны*, *жельзници*, *самородъ одъ жельзо* (7) или *порты дежирове* (К. 75₁₅₉), *чимширъ порти* (М. 120₁₇₄, 211₁₂₈) и *порти челико’и* (8) т. е. стальные. Порта имѣетъ *темель*=основаніе, фундаментъ, а въ данномъ случаѣ—по всей вѣроятности—воротные столбы (9).

Рядомъ съ *големи врата* въ заборѣ имѣются *мала врата* (10) или *мали порти* (В. 36₁₈). Эти *мала врата* называемыя также *вратици* (М. 143₂₁₃, 605₄₉₆), *вратицка* (В.

(1) См. В. I, 23₁₁₈; К. 39₁₀₇; М. 1, 33₃₃, 89₁₃₃, 92₁₈₇, 173₃₇₈.

(2) См. ниже слѣд. стран. прим. 2.

(3) См. В. I, 3, 34₄₄, 155₁₆₇, 202₂₁₅; К. 39₁₁₇, 132₂₆₁; М. 70₁₀₁, 134₁₉₃, 171₂₆₅, 229₃₅₉.

(4) См. В. 287₃₁₈; М. 65₁₇, 88₁₈₁, 101₁₄₇, 105₁₅₈, 121₁₇₄, 145₂₃₂, 147₂₃₄.—Не указываетъ ли впрочемъ этотъ эпитетъ на особую форму воротъ, именно—съ перекладной на верху въ косякахъ? Срв. Дюв. в. в. *вити* 2.

(5) «Излезна (Елена) на шарены порты,... почекай Петре, да отворишь шарены врата» (К. 112₂₂₅).

(6) См. М. 159₂₅₀, 168₂₆₆, 173₂₇₃.

(7) См. М. 68₉₈, 121₁₇₄, 172₃₀₇.—Имѣются *порта позлатена* (К. 138₃₀₁).

(8) «Шъ чизма бие порта позлатена, порта ми се изъ темель круте» (К. 138₃₀₁).

(9) См. К. 232₂₈₆; М. 229₃₃₉, 334₃₉₂, 429₄₅₁.

(10) «Отвори (Недо) мала-та врата—вратицка» (М. 334₃₉₂).

118_{1,2}), *вратничка*, *вратниче* и *вертничко* ⁽¹⁾ вполне соответствуют нашей **калитѣ** ⁽²⁾. Она называется также *капня* или *протка*. (См. Дюв. 933 и 1953).

Голема врата бывают, по всей вероятности, двусторчатя, потому что слово *вратникъ* употребляется и въ значеніи *воротня* ⁽³⁾. Кроме того косвенное доказательство нашего предположенія можно видѣть въ употребленіи словъ *врата* и *порты* во множественномъ числѣ. Надъ воротами имѣется **навѣсъ**, называемый *полесокъ* ⁽⁴⁾. Материаломъ для воротъ служатъ **доски**, сбиваемыя иногда не особенно плотно, такъ что оставляется *процѣпъ* ⁽⁵⁾ или *отзѣвка* (Дюв. 1534), т. е. щель и **прутья** (Пв. 34). Чтобы удобнѣе было отворять ворота, придѣлываются *халки* ⁽⁶⁾—нѣчто въ родѣ **кольца** или **скобы**, а для **запора** употребляются *ключеве*, *ключалки*, *лостове*, *завѣрница* ⁽⁷⁾ и т. д.

Въ плетнѣ вероятно также дѣлаются **ворота**, **проходъ** въ немъ существуетъ несомнѣнно, на что указываетъ между прочимъ слово *прѣлазъ* или *прѣлѣзъ* ⁽⁸⁾.

Но войдемъ теперь чрезъ описанныя **ворота** въ самый дворъ. Прежде всего мы остановимъ свое вниманіе на **домѣ**.

⁽¹⁾ «Она на вертничко стояла и у рака торба держала» (К. 70₁₄₈).

⁽²⁾ «Вратникъ обычно оставятъ единъ голѣмъ на истокъ и до него едни малки врата; първы имъ служи да влизятъ колия и добытъкъ, а вторый да вхождятъ человекци» Пв. 34. (Дюв. 273).

⁽³⁾ «Изъ улицѣ-тѣ ся влазило въ дворе изъ врата, които съ два вратника ся отворяли на вѣтрѣ.» Дюв. 273.

⁽⁴⁾ «Старецотъ стретилъ едни умници кѣде се мѣчеле да го качееъ на полесокъ единъ волъ, за да се напасить отъ тревата, шчо била израстена на полесокотъ.» Дюв. 1746. «Нѣкон си (врата) сѣ отгорѣ *полъсени* и покрыти». Ibid.

⁽⁵⁾ «Азъ... глѣдамъ презъ процѣпътъ на вратата, а то (момченцето) обѣрща—обѣрща очицитеси,—тѣрси ма!» (Дюв. 1955).

⁽⁶⁾ «Шемширь сѣ порти тракнули, сребърни *халки* дрѣвшѣли» Д. 44. (Дюв. 1782).

⁽⁷⁾ См. Дюв. въ соответственныхъ мѣстахъ.

⁽⁸⁾ См. цитаты у Дюв. 1861.

Названіе *домъ* имѣется и у Болгаръ, но больше употребляется въ формѣ нарѣчій: *дома*, *домака* и т. п., т. е. дома, домой. Въ-сто этого слова сдѣлались употребительными названія *кѣща* ⁽¹⁾, *кашта*, *кѣшта*, ⁽²⁾ *кукя* ⁽³⁾ или *куѣа* (В. 283_{3,05}), *кужица* (М. 270_{8,88}), затѣмъ—*ижа* (К. 120_{1,19})—хижина, домъ, и наконецъ—*сарай*, *сарая* ⁽⁴⁾. Несомнѣнно, что послѣднее названіе, какъ указываютъ нѣкоторыя выраженія въ пѣсняхъ ⁽⁵⁾, означаетъ такую-же постройку какъ и *кѣща*, только отличающуюся нѣсколько своими размѣрами. Послѣднее выражается, по моему мнѣнію, эпитетомъ *вишни* или *високи*, очень часто сопутствующимъ понятію *сарай*. Домъ громадныхъ размѣровъ называется *керхана* съ эпитетомъ *висока*, (М. 77_{1,07}) а небольшая *лачуга* называется *колиба* (Дюв. 1003; К. 223_{5,52}). ⁽⁶⁾

Посмотримъ теперь, какъ устроенъ домъ Болгарина. Самое зданіе состоитъ изъ *стѣнъ*, которыя носятъ у болгаръ тѣже названія, что и заборъ, именно: *зидове* (В. 222_{2,41}, 282_{1,01}; М. 162_{3,3}), *бедени* (М. 121_{1,4}), *дударъ* (К. 120_{2,5}, 216_{5,32}); кромѣ того имѣется особое названіе, существующее и въ русскомъ языкѣ, — *стена* ⁽⁷⁾. Вдоль стѣнъ идетъ *заваленка*, называемая *незулъ*, *пазулъ* и *незулче*. Устраивается она на подобіе того, какъ у русскихъ, т. е. изъ плетня и земли ⁽⁸⁾. Въ стѣнкахъ продѣланы *оѣна*, называемыя *прозорци* или

⁽¹⁾ См. М. 100_{1,45}, 112_{1,66}, 130_{1,87}, 141_{2,02}, 227_{2,88}, 328_{3,91}, 387_{4,14}.

⁽²⁾ См. В. I, 23_{1,18}, 51_{2,48}, II, 117₈₇; В. 71₈₀, 139_{1,47}, 181_{1,93}, 212_{2,24}, 215_{2,27}, 222_{2,40}, 252_{2,78}; К. 76_{1,62}, 94_{1,98}, 101_{2,09}.

⁽³⁾ См. М. 121_{1,4}, 131_{1,89}, 132_{1,90}, 159_{2,48}, 274_{3,70}, 348_{3,98}, 368_{4,05}, 393_{4,18}, 408_{4,21}, 484_{4,61}, 634_{5,08}.

⁽⁴⁾ См. В. I, 10₆₁; В. 112_{1,18}, 200_{2,13}, 255_{2,77}, 275_{2,96}, 290_{3,16}, 296_{3,24}, 309_{3,34}; К. 114_{2,82}, 124_{2,82}, 155_{3,52}; М. 70_{1,01}, 159_{2,50}, 177_{2,77}, 289_{3,76}, 592_{4,92}.

⁽⁵⁾ «Остана свои куки, свои вишни сарая» (М. 159_{2,48}); «ке пра'амъ куки-сарая» (М. 289_{3,76}).

⁽⁶⁾ Существуетъ слово *папазеви* со значеніемъ исключительно «поиска кѣща», т. е. дома священника. (См. Дюв. 1597).

⁽⁷⁾ «На стѣнѣтъ ѣжъ закачи» (В. I, 23_{1,14}); «бучѣте харбии въ стѣнѣтъкъ» (В. I, 38_{1,07}); см. также словарикъ къ сборнику В. В. Качановскаго подъ слов. *стена*.

⁽⁸⁾ См. Слов. Дюверн. 1611.

пръзорци (Б. I, 23₁₁₈; Д. 51; М. 133₁₉₁), *пенджерци*, *пенджерци* (¹) *баджа* (²) и *цаклога* (³). Пенджерци или пръзорци имѣють **стѣкла**—*джамди* (М. 289₃₇₆, 408₄₁₁) и закрываются иногда **ставнями**, называемыми *облонъ* (Дюв. 1442), *капакъ* или *кюпсикъ* (Дюв. 932). Сверху болгарская къща имѣеть *покриво* или *покривъ* (Б. I, 23₁₁₈; В. 282₃₀₄; Дюв. 1741—2), т. е. **крышу**, называемую также *стръ(х)а* (⁴) и *ганды* (К. 119₂₁₅). Поддерживаютъ крышу особаго рода **шесть** съ загнутыми на подобіе врюка концами, которые называются *куки*, вдоль идетъ *капа'ица* (⁵) или *капчузъ* (Дюв.), т. е. нѣчто въ родѣ желобка, по которому стекаетъ съ крыши дождевая вода. Они опираются на *било*, верхнее бревно домового сруба (Дюв. 95). Материаломъ для крыши служитъ или **солома** = *слама* (⁶) или **черепица** = *керамиде* (В. 222₂₁₁).

Кромѣ только что описанной къщи у Болгаръ имѣется *кукя чардакѣа* (М. 408₄₁₁) или *со високи-те чардаци* (М. 393₄₁₆), т. е. **двух-этажная** (въ два *ката* или *пода* (⁷)). Выраженіе *високи чардакъ* или *чардаци* употребляется почти постоянно (⁸), причеиъ слово „чардакъ“ замѣняется иногда словомъ *палати* или *пулати* (В. 136₁₄₇; М. 168₂₅₈) съ тѣмъ-же эпитетомъ *високи*. Снаружи чардака идутъ *тремове* или *тремо'и* (⁹), возвышаясь надъ нижнимъ этажомъ (¹⁰). Назва-

(¹) (Б. I, 23₁₁₈; Д. 59; К. 39₁₀₇; М. 137₁₉₅, 289₃₇₆, 349₃₉₈, 408₄₂₁; Ч. 252).

(²) «Та се качи в'рѣс баджата» (В. 31₄₁); «однесе во своята кука и той си затвори баджи и мѣзгалки» (М. 2₃) «Санокъ (=всю ночь) си стояфъ на баджа-та, санокъ сумъ сепръ гладала» (М. 368₄₀₅).

(³) «Погледа (Никола) на цаелоту» (М. 92₁₃₇).

(⁴) «Стрен му се бисеръ поднизане» (М. 121₁₇₄); см. также (Б. I, 23₁₁₈; Дюв. 1700 и К. 586).

(⁵) «Гугушки се разгуга'е на твои те капа'ици». (М. 481₄₅₀).

(⁶) «На кашта ми слама, у кашта ми слава» (К. 101₂₀₉).

(⁷) См. Дюв. 945 и 1727.

(⁸) См. В. I, 51₂₄₈, 56₂₅₅, II, 96₆₁; В. 37₄₆, 76₈₃, 116₁₂₂, 158₁₆₉, 179₁₉₂, 249₂₆₀, 285₃₀₇, 297₃₂₅; К. 50₁₂₅, 83₁₇₁, 88₁₈₂, 90₁₈₆, 93₁₉₅, 131₂₇₉, 138₃₀₂, 154₃₅₀, 158₃₆₂, 214₅₂₈, 216₅₃₅, 218₅₄₅; М. 68₉₇, 69₁₀₀, 70₁₀₁, 79₁₁₁, 89₁₃₈, 153₂₄₁, 258₃₆₁, 367₄₀₄, 373₄₀₇, 628₅₀₂, 636₅₀₃.

(⁹) См. В. 106₁₁₈, 216₃₂₇; М. 434₄₃₂, 507₄₅₉.

(¹⁰) Заспала (Рада) на дворъ потъ тремоть» (М. 507₄₅₉).

нiю *тремове* соотвѣтствуютъ существующiя въ болгарскомъ языкѣ слова *отводъ*—галлерей, *бухария* и *кйошка* (¹). Чардакъ несомѣнно покрытъ *крышей*, надъ которой выдается иногда *баджа* или *тюнаци* (²), т. е. дымовая *труба* (³).

Но войдемъ теперь внутрь болгарскаго дома. Прежде всего мы поднимаемся на *крыльцо*, называемое *одзръ* (Дюв. 1468), съ досчатымъ *поломъ*—*потомъ* (Дюв. 1804) и открываемъ *дверь*—*врати* (В. 139_{1,7}; Дюв. 272). Дверь держится на *косякахъ*, называемыхъ по преимуществу *дирекъ* (⁴) или *диреци*, *диредзи* (⁵), затѣмъ — *ступове* (В. 282_{0,4}), *колове* (К. 47_{1,9}) или—наконецъ — *стѣклове* (⁶). Въ основанiи въ косякахъ положенъ *порогъ*, обозначаемый словомъ *прагъ* (⁷) или *прадиште* (⁸). Двери снабжены, вѣроятно, какими нибудь *скобами* или *кольцами*, на что имѣется въ пѣсняхъ только косвенныя указанiя (⁹).

Итакъ чрезъ эти *врати* мы входимъ въ самую *кѣщцу* или *жю*. Въ большинствѣ случаевъ *полъ* въ ней, называе-

(¹) См. Дюв. 178, 964 и 1524.

(²) См. слов. при сборн. Качановскаго.

(³) *Чардакъ* иногда представляетъ изъ себя, по всей вѣроятности, просто вышку, съ которой можно далеко видѣть. Подтверженiе этому мы имѣемъ въ слѣдующихъ выраженiяхъ въ пѣсняхъ: «я илѣзь Яно отъ вѣнъ на дворѣ да погледнешъ отъ високъ чердакъ» (В. I, 56₂₆₅) и «коньо си в'рза (Стоянъ) *подъ* чердакъ, Стоянъ си качи на чардакъ» (В. 297₈₂₅). Очевидно, что чардакъ долженъ находиться отдѣльно отъ дома, если надо выходить наружу, чтобы влѣзть на него, и если можно *подъ чардакъ* привязать коня.

(⁴) См. В. 3; К. 94₁₀₀; М. 68₉₇; Дюверн. 508—9.

(⁵) См. а) В. 1, 222₂₄₁, 282₃₀₄; К. 124₂₈₃, 182₄₄₄, 183₄₄₉; М. 105₁₅₉, 173₂₇₀; б) М. 121₁₇₄, 634₅₀₈.

(⁶) См. Дюв. 509 *подъ* словомъ *дирекъ*.

(⁷) *Маняньки деца—прагове* (К. 47₁₁₉); «се на *прага* запрела» (=остановилась). К. 61₁₃₄ и Слов. Дюв. 1826.

(⁸) «Занела водица отъ черевца та плиснала на прадиште то» (К. 38₁₀₆). Дювернуа приводитъ выраженiе: «Тебе би Черно турнала на малки врата *доленъ прагъ*» (Дюв. 1827), т. е. «бросила бы тебя, Черно, на дверь въ *нижний порогъ*». Не указываетъ ли это выраженiе на то, что какъ нижнiй брусъ въ дверной рамѣ, такъ и верхнiй называются одинаково—*прагове*?

(⁹) За *диреци* привязывается конь или приплетаются босы (К. 124₂₈₃, 182₄₄₄, 183₄₄₉) и наоборотъ—отвязываются (К. 94₁₀₀).

мый земля (Б. I, 23₁₁₃), *одърз*, *подз*, *потонз* или *таванз* ⁽¹⁾, чисто выметенъ ⁽²⁾ и только у дурного хозяина, который не прочь покутить,—„отъ тутуна (т. е. табаку) куя поплювана“ (М. 348₈₉₈). Мы можемъ окинуть взоромъ всю *одаю* (одаю) ⁽³⁾, т. е. *жомнату*, называемую также *прусть* (Пк. 31), *стая* ⁽⁴⁾ или *соба* ⁽⁵⁾. Она иногда довольно обширна: *широка ода'а* (М. 91₁₃₆), у б р а н а к о в р а м и, почему и имѣеть эпитетъ *шарена* ⁽⁶⁾, т. е. пестрая. Сквозь *прозорци*, запираемые при помощи *мандало* или *мандалце*—особой деревянной *рогатки* ⁽⁷⁾, проникаетъ свѣтъ, который даетъ возможность разсмотреть всю *пожщину* (Дюв. 1743); т. е. относящееся къ дому и помѣщающееся въ немъ.

Вдоль стѣнъ стоятъ *високи диваны* ⁽⁸⁾, служащiе для болгарина и *скамьей* ⁽⁹⁾ и *ложемъ* ⁽¹⁰⁾. Такимъ образомъ въ послѣднемъ случаѣ о д а я дѣлается *спальной* ⁽¹¹⁾, для названiя которой существуетъ особое слово *конанз* ⁽¹²⁾. Здѣсь

⁽¹⁾ См. Дюв. 1468, 1727 и 1804.

⁽²⁾ «Ке ме (т. е. прѣтокъ) фжрлать (=бросать) въ сретъ кѣщи, ка ке станать отъ утрина въ понеделникъ, земать метла и лопата, ке ме *сметатъ*, ке ме фжрлать на бунице» (М. 387₄₁₄); «имамъ жена работна: често куя *метше*—на трети день, на пети день» (М. 274₃₇₀); «редъ ми дошелъ, да *ометемъ* ижу» (К. 120₂₄₀).

⁽³⁾ См. В. 131₁₃₉; К. 75₁₅₉, 164₃₈₅; М. 168₁₅₈, 169₂₆₁, 180₂₈₁, 234₃₄₃, 428₄₃₀, 434₄₈₂, 475₄₄₈, 590₄₉₂, 592₄₉₂; Дюверн. 1465.

⁽⁴⁾ См. Дюв. 1153 (с. v. *лѣжа*) и 1783 (с. v. *порутенъ*).

⁽⁵⁾ «Мама Петрана плетеше въ *соба-та*» Д. 51 (Дюв. 1937); «ние оба—во топла-та *соба*» М. 464₄₄₄.

⁽⁶⁾ См. В. 309₃₄₁; К. 185₄₅₅; М. 55₆₈, 83₁₈₁, 96₁₄₁, 145₂₂₂, 173₂₆₉, 193₃₀₉, 242₃₄₉, 308₃₈₄, 496₄₅₅, 500₄₅₆.

⁽⁷⁾ *Мандало* служитъ запоромъ и для дверей. См. Дюв. 1169.

⁽⁸⁾ См. Б. I, 23₁₁₃; В. 223₂₄₂; К. 169₃₉₅, 182₄₄₅, 216₅₃₈; М. 84₁₂₂, 96₁₄₁, 101₁₄₈, 168₂₅₈, 173₂₇₃, 180₂₈₂, 182₂₈₇, 191₃₀₄, 192₃₀₇.

⁽⁹⁾ «Марко *седитъ* на диванъ *високи*» (М. 84₁₂₂); «Тодоръ *седналъ* на диванъ *високи*» (М. 191₃₀₄).

⁽¹⁰⁾ «Ясъ *ке легна* на диванъ *да стiа*» (М. 182₃₈₇).

⁽¹¹⁾ «Тызи *стишь* (Момчiле) у ладны *одаи*» (К. 182₄₄₃); «ке *влеза* въ *шарена одаа*, ке *легна* да се *престiа*» (М. 242₃₄₀); «Митре *лежитъ* боленъ во *одаа*» (М. 180₂₈₁).

⁽¹²⁾ См. Б. I, 25₁₂₆, 37₁₈₉; К. 49₁₂₄, 99₃₀₈; М. 134₁₂₂, 508₄₅₉.

постилается *легло*, *легало* ⁽¹⁾ или *мека* (=мягкая) *постеля*, *постелка*, *постельтя*, называемая также *бѣла постеля* или *постеля басмаля* ⁽²⁾, а иногда — просто *рогожина* ⁽³⁾ т. е. *рогожа*. Для обозначенія собственно *бровати*, на которой стелется постеля, существуетъ нѣсколько особыхъ словъ: *одъръ*, *одровина*, *патъ*, *патѣцъ* и *ракла* ⁽⁴⁾.

Состоить постеля изъ *перины*, называемой *перница* съ эпитетами: *мека*, *шарена* (пестрая), *кумашля* (атласная), *копринена* (шелковая) ⁽⁵⁾; тутъ-же лежатъ *подушки*, называемыя—во первыхъ — *озлавици* также *шарены* (К. 49₁₃), или *злавици* ⁽⁶⁾, *оламници* (М. 610₉₇) и *злавья* (К. 185₅₅), во вторыхъ — *душегъ* или *душеци* ⁽⁷⁾ и наконецъ — *проскефалъ* ⁽⁸⁾. Покрывается перина *одѣяломъ*, носящимъ названія: *завивка* ⁽⁹⁾, *прекрова* или *покрово* ⁽¹⁰⁾ и *юртанъ*, *юртанъ* ⁽¹¹⁾ съ эпитетами: *шаренъ*, *свиленъ* (шелковый) и *басма* (изъ узорчатаго полотна).

Кромѣ *дивана* имѣется и другая *мобиль* или *мобель* (Дюв. 1228), т. е. *мебель* или *кжичина* (Дюв. 1094), напр.: *скамьи*—*скамля* (К. слв. 585), *лавица* (Дюв. 1094), *одъръ* (Дюв. 1468), называемыя въ городскихъ болгарскихъ домахъ—*миндеръ* ⁽¹²⁾, *стулъ* (К. 21₉₉). Тутъ же, подлѣ *скамліи* или *лавици*, стоитъ *столъ*, называемый — во первыхъ—также *столъ* ⁽¹³⁾,

⁽¹⁾ См. Б. I, 23₁₁₃; К. 121₂₅₃; Ч. 215.

⁽²⁾ См. В. 112₁₁₈; К. 46₁₁₈, 113₃₂₇, 130₂₇₈, 187₄₆₁, 209₅₁₇; М. 55₆₅, 88₁₂₈, 297₃₇₉, 308₃₈₄, 397₄₁₈, 496₄₅₅, 500₄₅₆.

⁽³⁾ См. В. 37₄₆, 122₁₂₈, 259₂₈₀; М. 336₃₉₉.

⁽⁴⁾ См. Дюв. 1467, 1468, 1607, 2015.

⁽⁵⁾ См. М. 55₆₅, 102₁₅₅, 244₃₅₀, 297₃₇₉, 336₃₉₃, 397₄₁₈, 434₄₃₂, 496₄₅₅, 500₄₅₆.

⁽⁶⁾ См. К. 46₁₁₈, 113₃₂₇, 130₂₇₇.

⁽⁷⁾ См. М. 297₃₇₉, 310₃₈₅; Дюв. 583.

⁽⁸⁾ См. В. 37₄₆, 122₁₂₈, 207₂₂₀.

⁽⁹⁾ См. Б. I, 24₁₂₂; К. 46₁₁₈, 113₂₂₇.

⁽¹⁰⁾ См. К. 69₁₄₆, 113₂₂₇.

⁽¹¹⁾ См. В. 166₁₇₇; М. 102₁₅₅, 169₂₆₁, 297₃₇₉, 310₃₈₅, 434₄₃₂, 645₅₀₀.

⁽¹²⁾ См. М. 174₂₇₅, 588₄₉₁; Дюв. 1212.

⁽¹³⁾ См. В. 36₄₅, 330₃₆₀; М. 648₅₀₇, 667₅₁₃.—Замѣтимъ здѣсь, что это слово употребляется и въ значеніи *престола*: «сѣды (дете) на царскіи столъ» (К. 113₂₃₁).

на которомъ хлѣбъ ѣдятъ ⁽¹⁾ и письма пишутъ ⁽²⁾, во вторыхъ—*тарнеза* ⁽³⁾, затѣмъ—*маса* ⁽⁴⁾, *прѣля* ⁽⁵⁾, *престоля* ⁽⁶⁾ и наконецъ—*софра*, *совра* ⁽⁷⁾ или *сохра* ⁽⁸⁾ съ эпитетами—*позлатена*, *златна*, *безцани камени* (т. е. софры). Столъ покрывается салфеткой, называемой *мѣсалъ* и приготовляемой иногда изъ шерсти ⁽⁹⁾, на которую потомъ ставится всевозможная *нареда*, т. е. кушанья, питія и т. п. (Дюв. 1342).

Въ срединѣ вѣщи горитъ огонь—*огниште*, *кѣтъ* (В. слв.) или *оджакъ* ⁽¹⁰⁾. Неподалеку отъ очага стоитъ печь—*пещь* ⁽¹¹⁾ или *форуна*, *фурна* или *воруна*, *вурнѣя* ⁽¹²⁾ и *кюмбе* (Дюв. 1084). Промежутки между стѣнами и очагомъ называются *катъ* или *кланинъ* ⁽¹³⁾. Отъ этой печи идетъ по направленію въ дымовому отверстию, продѣланному или надъ очагомъ, или надъ дверью и называемому *дымникъ*, *дым-*

⁽¹⁾ «Столо стои, тои не слѣва, и ми кладе лѣвъ да яда» (В. 36₄₅).

⁽²⁾ «Видофт (два брата) край цѣрно то море, на столъ (=за столомъ) седе'е *книга* (=письмо) *пише'е*» (М. 648₃₀₇). Въ болгар. яз. имѣется и специальное названіе: *писалище* (Дюв. 1642) или *писмовникъ* (*ibid.* 1644).

⁽³⁾ См. К. 2₆₉, 70₁₅₀, 112₂₂₅, 130₂₇₃, 136₂₉₃.—Это слово употребляется въ значеніи *столъ*—какъ предметъ и *столъ*—какъ кушанья.

⁽⁴⁾ См. Дюв. 1175. Значеніе и этого слова двойное, подобно *тарнеза*.

⁽⁵⁾ См. Дюв. 1961. Здѣсь приведены у Дюв. синонимы: *маса*, *столъ*, *трапеза*, *софра*.

⁽⁶⁾ Это слово употребляется въ двухъ значеніяхъ: *престоля* и *столъ*. См. Дюв. 1884.

⁽⁷⁾ См. К. 108₂₁₆, 137₂₉₈, 149₃₃₆, 158₃₆₄, 176₄₁₀; М. 84₁₁₇, 428₄₃₀.

⁽⁸⁾ См. В. I, 15₇₃, 36₁₈₆.—Употребленіе послѣднихъ двухъ словъ двойное—подобно слову *тарнеза* или *маса*:

⁽⁹⁾ «Прикры трапезѣ-тѣ съ *вълненъ мѣсалъ*». См. Дюв. 1196.

⁽¹⁰⁾ «Въ сретѣ куки огонь гореше» (М. 368₄₀₅); «на оджак-отъ—навалила силенъ оганъ» (М. 276₃₇₀). См. также Дюв. 1461.

⁽¹¹⁾ «Прѣдъ нежъ пещь ѣ огнище». *Пк.* 32 (Дюв. 1461). Въ сборникѣ Милад. имѣется указаніе, что «въ *кѣщи* Стойна 'лѣпъ си пещь» (М. 227₃₃₈) и что хлѣбъ печется въ печи: «опече (бѣли хлябове) на деветь пещи» (М. 211₃₂₈). См. также Дюв. 1635.

⁽¹²⁾ См. В. 315₃₄₇; К. 22₉₀, 124₂₆₂, 177₄₁₆, 185₄₅₂, 186₄₅₆ и слов.; М. 88₁₂₆, 145₂₂₅, 204₃₂₂, 242₃₄₉, 307₂₈₃.

⁽¹³⁾ См. М. р. 534 словарь: *kat* и *klank*.

мякъ или *куминь*, *коминъ* ⁽¹⁾, **труба**—*кюникъ* или *кюнецъ* ⁽²⁾, которая иногда выдается наружу и называется *баджа* (см. выше). Труба прикрывается **въюшкой**, для обозначенія которой имѣется слово *капакъ* (Дюв. 932) или *плюча* (Дюв. 1668). Кромѣ того въ печи устроены **отдушины**, называемыя *духло* (Дюв. 581), а въ трубѣ вдѣлана деревянная **ко-лодка**, снабженная *цѣпью* съ большимъ крюкомъ, на которомъ держатся котлы во время варки кушаній. На своемъ протяженіи цѣпь эта (= *верига*) имѣетъ еще нѣсколько меньшій крючокъ, при посредствѣ котораго она можетъ дѣлаться или короче, или длиннѣе. Весь снарядъ этотъ называется *веригница* ⁽³⁾.

Кромѣ очага и печи въ домѣ всегда имѣется *мангалъ*, т. е. желѣзный или глиняный тазъ, въ которомъ лежатъ горячіе угли. Всѣ входящіе грѣются около него, нагрѣвается хорошо и сама комната ⁽⁴⁾. Иногда въ одаѣ стоятъ **сундуки**—*ковчег* и притомъ *шарени* (М. 145_{,...}, 193_{,...}); на стѣнахъ устроены *поллиц* (М. 280_{,...}, 661_{,...}), т. е. **полки** для посуды, *водники*—**крючег** для ведеръ съ водою и *подводники* ⁽⁵⁾—доски подъ этими крючками, имѣющія тоже назначеніе, что и поллиц. Кромѣ того по стѣнамъ (вѣроятно) развѣшано или только разставлено *оружіе* ⁽⁶⁾.

Надъ всей этой комнатою (*одая*) возвышается **пото-**

⁽¹⁾ «Димъ и пушъгъ (=чадъ), отъ дѣ излѣзва, зъве ся по нѣгдѣ си *куминь*, а по нѣгдѣ си *димнякъ*» Пк. 32 (Дюв. 588, 1009 и 1972),

⁽²⁾ См. Дюв. 985 и 1084.

⁽³⁾ «Посрѣды димняка има напрѣки закиздено дърво, кое зъвѣтъ веригницѣ, защото отъ него выси закачена верига съ кука отъ едина край. Веригата има и посрѣдѣ малѣкъ кукицѣ и на долниъ край другѣ по голѣмичѣкъ; долная кука служи да закачѣтъ мѣдници (погрѣвачи) за варидбѣ; а срѣдная служи да съкратѣвѣтъ веригѣ спорѣдъ потреби нмъ». Пк. 33. (Дюв. 215—6).

⁽⁴⁾ См. Дюв. 1169.

⁽⁵⁾ «Азъ го турнахъ въ подводникъ-отъ, капна капѣа удави го» (М. 280_{,...}) См. также Дюв. 1699.

⁽⁶⁾ «Улезни шарени одая та си земли сабля димискія» (Б. 185_{,...}) или: «пуци го (дете Голомеше) въ шарена одаа, дека стое тешко-то оружѣ» (М. 173_{,...}).

ЛОЖЬ — *таванъ* ⁽¹⁾, состоящій изъ досокъ, наложенныхъ на **перекладыны**, которыя называются каждая—*греды* ⁽²⁾. **Щели** (= *дупки, цепотины*) между досокъ замазываются обыкновенно коровьимъ пометомъ ⁽³⁾.—Въ этой же общей комнатѣ имѣется *скривалище* или *яма*, т. е. комната безъ оконъ, сокрытая очень искусно въ стѣнахъ и служащая для хранения всякихъ драгоценностей. Подъ поломъ устраивается иногда *зимникъ*, соответствующій вполне русскому **подполью** (**подполу**), гдѣ з и м о й сохраняется вино и всякія овощи. (Пк. 31).

Поднимемся теперь по **лѣстницѣ**, называемой *скали* (М. 605₄₉₈) или *лэси* (К. слв.), **ступени** которой носятъ названіе *греды* или *грیدا* (Дюв. 407, 411),—поднимемся къ **двери**—*вракя* (М. 393₄₁₆), ведущей на *високи чардакъ*. Высота его, ширина и длина бывають иногда одинаковы ⁽⁴⁾. Въ немъ, какъ и въ нижнемъ этажѣ, имѣется *одаа* или *одая*, также *шарена* ⁽⁵⁾ или *ладна* ⁽⁶⁾ (холодная), съ **окнами** — *джамо'и* (= стекла) ⁽⁷⁾. Здѣсь также разставлены *тырнези* (К. 83₁₇₁) и *дивани* (М. 628₅₀₂) съ *копринени перници* (М. 628₅₀₂), *шарени душеци* (М. 153₂₄₁) или *шилтина* (М. 628₅₀₂), которыя также покрываетъ *шарени јорганъ* (М. 258₃₆₁). Озна на чардакъ нерѣдко украшаются особаго рода **рѣшеткой**, называемой *пармаци* или *пармадзи* ⁽⁸⁾; въ этимъ словамъ почти

⁽¹⁾ См. В. I, 23₁₁₃ и Кач. слов.

⁽²⁾ «И греди за тавани-те» (Д. 5, 19). См. также: В. 31₄₁; М. 263₃₆₄, 533₄₇₀, 660₅₁₁. — Качановскій въ словарикѣ своемъ приводитъ слово *греды* съ значеніемъ малоросс. *греды*, которое по слов. Желеховскаго означаетъ: «über dem Ofen hervorstehendes Gerüst (Bretter, Geflecht) zum Aufbewahren des Geschirres u. zum Dörren mancher Früchte», что вовсе не подходитъ къ болгарскому значенію слова *греды*.

⁽³⁾ «А на таванъ-тъ дупки-тъ (цепотины-тъ) были замазаны съ краве лайно» (пометъ). У. 238 (См. Дюв. 1096).

⁽⁴⁾ «Направи и високъ чардакъ; колко е високъ, толко е широкъ» (В. 249₂₆₉).

⁽⁵⁾ См. М. 258₃₆₀, 423₄₂₇, 628₅₀₂.

⁽⁶⁾ См. К. 83₁₇₁, 216₅₃₅.

⁽⁷⁾ «Куеи немашь, високи чардаци, шарени одаи, уба'и джамо'и» (М. 423₄₂₇).

⁽⁸⁾ См. М. 168₂₅₈, 177₂₇₇, 373₄₀₇, 393₄₁₆, 605₄₉₈.

постоянно присоединяется эпитетъ *дробни* или *чести*, т. е. частой, плотной. Кроме того имѣется здѣсь *полица*—что-то въ родѣ скамейки⁽¹⁾, здѣсь-же виситъ иногда люлька—*молтя*, *молчица* (К. 47₁₃₀; М. 49₅₇), въ которой баюкаютъ дѣтей⁽²⁾. Приходятъ сюда на чердакъ и посидѣть, и пообѣдать, „*коприну прясть*“ (В. 179₁₉₂) и вина выпить⁽³⁾.

Изъ пѣсенъ не видно, чтобы домъ дѣлился внутри на части, т. е. чтобы въ немъ находилось нѣсколько комнатъ. Только изъ словаря Дювернуа мы можемъ извлечь нѣсколько данныхъ, указывающихъ на то, что болгарскій домъ имѣетъ отдѣленія, называемыя *раздѣлка* (Дюв. 1996); для этого устраиваются *перегородки*—*преграда* или *преградка* (Дюв. 1842). При помощи этихъ перегородокъ образуется—во первыхъ: *передняя*—*прутъ*, темная комната, предназначенная между прочимъ для сундуковъ съ платьемъ (Дюв. 1957), затѣмъ—*столовая*—*добрувалните*, *трапезариа* (Дюв. 524) и также *прутъ*; *гостинная*—также *прутъ*, можетъ быть только отдѣльно отъ другихъ комнатъ; относительно этой гостинной Дювернуа приводитъ любопытную выдержку изъ одной болгарской книги: „слово прустъ въ старински нѣкои български вѣшти е студена лѣтна одая, чиста за гостіе“ (Дюв. 1957); изъ другихъ комнатъ указывается въ словарѣ на *двѣстемникъ*, назначаемый для молодыхъ (Дюв. 479), указывается и на нѣчто въ родѣ купальной комнаты—*стай*⁽⁴⁾. Въ комнатахъ, можетъ быть какъ предметъ роскоши, имѣется иногда *гардеробъ*—*вѣстрѣбъ*⁽⁵⁾, *шеафъ* въ стѣнѣ, имѣющій нѣсколько отдѣленій—*ракла* (Дюв. 2015), надъ кроватью имѣется пологъ *пердѣ*; слово это означаетъ также занавѣ

(1) «Сѣ накачи (Мара Бакра) на чардак-отъ, сѣ приседна на полица» (М, 367₄₀₄).

(2) «Седнала крадьовица... на високи те палати, край чести-те пармаци дете люля» (М. 168₂₅₈).

(3) «Изведе га на високи чарлаци на изнесе това руйно вино» (К. 138₃₀₈).

(4) «Стантѣ, които служатъ за вѣшане въ корито (лѣжитѣ), не трябва да служатъ за четене» (См. Дюв. 1153 подъ словомъ *лѣжа*—корито).

(5) «Вѣстрѣбъ—мѣсто, гдѣто ся турять дрѣхы-те. Ч. 121 (См. Дюв. 327),

въ сѣку или штору.—Все только что указанное нельзя считать принадлежностью каждаго дома,—я думаю, что это встрѣчается только въ городахъ.

Таково устройство болгарской кѣщи. Чтобы дополнить наше описаніе, посмотримъ, что за матеріалъ (*градиво* и *кересте*; Дюв. 400, 957) употребляется для постройки. Прежде всего, конечно,—дерево въ видѣ бревенъ (*соха*; ср. *иреда*), затѣмъ—дособъ⁽¹⁾ (= *дѣска*, *итица*; К. слв.) наконецъ—прутьевъ (*прѣтъ*, *прѣтъ*). Особенно интересна постройка послѣдняго рода. Въ одной пѣснѣ у Верковича мы читаемъ: „три девойке... идать въ гора (*лъсъ*) да отсекають четири сохи (*бревна*) высоки, да направеть высокъ чардакъ“ (В. 116₁₂₂). Вѣроятно, что эти четыре бревна ставятся по угламъ, а промежутки между ними уставляются кольями и закладываются прутьями, что и называется *преплѣтъ*⁽²⁾ или *преплите* (К. 47₁₁₉). Образовавшійся плетень замазывается бѣлой глиной или известкой—*варъ*, *киречь* (Дюв. 197, 965) или *бѣлмла*, *бѣлопрѣстица* (Пв. 31)⁽³⁾.—Кромѣ того, матеріаломъ для постройки служитъ *кирпичъ*, называемый или *керпичъ*, *кѣрпичъ* (В. 1; М. 665₁₁₃; Дюв. 966), или *керамида*, *черамида* (В. 1; Дюв. 957; К. слв. 591), *плита* и *плитня* (Дюв. 1666—67) или—наконецъ—*тугла* (К. 10₀ и 588 слв.); употребляется и простой *камень*⁽⁴⁾ или каменные плиты—*плоча*, изъ которыхъ тонкія идутъ главнымъ образомъ на крышу (Дюв. 1668).

(¹) Кѣшта-та изгорѣ, дѣска по дѣска падахъ. (В. II, 117₈₇); «чисти дѣски за подстѣните». Д. 5, 18 (См. Дюв. 586).

(²) «И редомъ колци за стѣните (да сберѣ), добри прѣтъ за преплѣтанѣ... за повивъ коли юнаци погодени, за преплѣтъ прѣтъ момѣ неженени». Д. р. 9, 10. (См. Дюв. 1872).

(³) Такого рода постройка употреблялась уже давно на югѣ Россіи. Такъ на Траяновой колоннѣ (Пв. по Р. X.), мы имѣемъ уже изображеніе подобной постройки: на углахъ поставлено вертикально 4 бревна, промежутки же забиты досками. См. «Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества» статья гр. Уварова: «Жилища; деревянныя постройки».

(⁴) «Годеникъ-тъ вади камень и ги вози за направъ на кѣщъ или оградъ». Ч. 72 (См. Дюв. 1462 подъ словомъ *ограда*).

Посмотримъ теперь на другія *прирады* (Дюв. 1901), т. е. **пристройжи** и **службы**, находящіяся на дворѣ Болгарина. Прежде всего около **к ѡ щ** и ютится **чуланъ**—*задница* (Дюв. 672) и **к л ѣ т ь**—*задникъ* ⁽¹⁾, назначаемый для молодыхъ. Въ чуланѣ хранится все почти имущество болгарина и сѣбствныя припасы. Противъ дома или нѣсколько въ сторону устраивается *пешникъ* — простой навѣсъ на четырехъ столбахъ съ п е ч ь ю подъ нимъ, въ которой лѣтомъ пекутъ хлѣбъ и приготавливаютъ другую пищу. На заднихъ столбахъ устроены **колышки**, на которыхъ владутся печныя лопаты, **бочерги** (*ожягъ*) и **помело** (*помѣтъ*) ⁽²⁾. Чело печи (= *уста печины*) закрываются нарочно приготовленной каменной плитой—*плоча* (*ibid*).

Невдалека отъ дома, нѣсколько къ сторонѣ, помѣщается **погребъ**, вырытый въ землѣ, почему и называется главнымъ образомъ *зевникъ* ⁽³⁾, *земникъ* ⁽⁴⁾ или *зимникъ* ⁽⁵⁾, съ эпитетами—*темни земницы* или *зимницы* и *ладны* (= *хладны*) *зевницы*. Кроме того существуетъ нѣсколько другихъ названій, напр.: *изба* ⁽⁶⁾—*глубока*, *тѣмна* и *студкна*; *земни клетки* ⁽⁷⁾, *длубоке подрумы* (К. 142₁₁₅), *подница* (Дюв. 1713), *поница* (Дюв. 1765), *понджа* (Дюв. 1766), *потонъ* (Дюв. 1804), *пивница* (К. 27₉₇) и наконецъ—*керали* ⁽⁸⁾, *килери* ⁽⁹⁾, *киляре* и *килари* ⁽¹⁰⁾ съ постояннымъ почти эпитетомъ—*земни*. Главнымъ назначеніемъ погреба служить хранить *руйнно вино* ⁽¹¹⁾,

⁽¹⁾ См. В. I, 23₁₁₃ прим.

⁽²⁾ См. выдержку въ слов. Дюв. стр. 1634.

⁽³⁾ См. К. 75₁₅₉, 83₁₇₃, 87₁₈₀, 92₁₉₂, 104₂₁₁, 182₄₄₅, 186₄₅₇, 188₄₆₃; М. 89₁₂₂; также Дюв. 766.

⁽⁴⁾ См. В. 287₃₁₂; К. 61₁₂₄, 71₁₃₁, 88₁₃₁.

⁽⁵⁾ См. В. I, 15₇₅, 17₈₇, 23₁₁₃, 25₁₂₆; М. 172₂₀₆.

⁽⁶⁾ См. В. I pp. 112—114; Дюв. 799.

⁽⁷⁾ См. Дюв. 977.

⁽⁸⁾ См. М. 144₂₁₈, 144₂₂₁, 189₃₀₁, 191₃₀₄, 201₃₁₉, 468₄₄₅, 590₄₉₂.

⁽⁹⁾ См. М. 259₃₆₁, 341₃₉₅, 383₄₁₂, 385₄₁₂, 412₄₂₂, 430₄₃₄.

⁽¹⁰⁾ См. В. 252₂₇₃; М. 341₃₉₅; также Дюв. 961.

⁽¹¹⁾ См. В. 287₃₁₂; К. 61₁₂₄, 75₁₅₉, 87₁₈₀, 88₁₃₁, 142₂₁₅; М. 590₄₉₂.

беречь шарени ковчедзи или сандаци (¹) съ рубо юначко или нисто рухо, съ платно бобучерно, свильни пелени или-же хранить оружіе хозяина (²).

У болгарина имѣется особое помѣщеніе для мякины (= *пльва*), употребляющейся въ кормъ скоту, которое называется *пльвникъ*, *пльвня*, *плевна*. Онъ устраивается изъ плетня или камней и покрывается соломой или черепицей (³).

Скотъ, — лошади и коровы, овцы, свиньи помѣщаются въ *хлѣву*, называемомъ *хльвъ* или *хлавъ* (К. 590 слв.) и *вражъ* (Дюв. 404). Это — большей частью — продолговатое помѣщеніе, вырытое нѣсколько въ землѣ, стѣны котораго вымазываются бѣлой глиной или известкой; крышей служить настилка изъ прутьевъ или черепица (⁴). Для хлѣва имѣется достаточно названій, смотря по тому, какія животныя въ немъ помѣщаются.

Конюшня особенно богата названіями; такъ она именуется, во 1-хъ — *конюшница* или *конюшница* (⁵), во 2-хъ — *кашита потземница* (⁶), т. е. подземный домъ или помѣщеніе, ватѣмъ — *земни керали* (⁷), *оборъ* (Дюв. 1444), *подникъ* (Дюв. 1713) и наконецъ — *ялѣры* (⁸), *ялѣры*, *яеры* (⁹), *ялѣры*, *алѣръ* (¹⁰). Первое названіе имѣеть при себѣ почти постоянно эпитетъ

(¹) См. В. 252₂₇₃; К. 83₁₇₂, 92₁₉₃, 182₄₄₅, 186₄₅₇, 188₄₆₃; М. 172₂₆₆, 189₃₀₁, 201₃₁₉, 259₃₆₁, 341₃₉₅, 383₄₁₃, 385₄₁₃, 412₄₂₂, 432₄₃₄, 468₄₄₅.

(²) «Да улезнешъ у ладне дзевници, да узмешъ саблю ржавицу» (К. 186₄₅₇).

(³) «А за пльву имѣть особижъ покритѣ отъ сламѣ или скѣделы стажъ тоже отъ пергѣя, а некои си отъ видѣ камень, какѣ зъвъжѣ *плевникъ*». Пк. 35 (Дюв. 774, 1662). См. также слов. Качан.

(⁴) «Хльвъ е обычно дълговата стая въ земѣж ископана нѣколко стѣна на долу и отъ страны съ камень видѣ измазана». Пк. 85 (Дюв. 774).

(⁵) См. В. 287₃₁₂, 301₃₂₉; М. 65₈₈, 88₁₂₈, 101₁₄₈, 123₁₇₈, 143₂₁₃, 173₂₆₉, 189₃₀₁, 201₃₁₉.

(⁶) «Слѣзела е Тодора кашти потземници, наседла б'рва коня» (В. 123₁₂₉).

(⁷) «Влези си во земни керали, подседлай ми коня шареного» (М. 96₁₄₁).

(⁸) См. К. 18₈₃, 155₃₅₂, 169₃₉₇, 183₄₄₇, 185₄₅₃, 186₄₅₇, 210₅₁₈.

(⁹) См. К. 50₁₂₆, 69₁₄₆, 87₁₇₉, 131₂₇₉, 156₃₅₅, 158₃₆₄, 191₄₇₂.

(¹⁰) См. В. I, 23₁₁₃; II, 89₅₀; К. 86₁₇₈, 107₂₁₅, 200₄₉₃; М. 326₃₉₀; Дюв. 41.

темни, а послѣднія—*ладны*. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ словъ прекрасно показываютъ, что конюшня вырывается нѣсколько въ землѣ (*земни керали, кашта потземница*), не имѣетъ оконъ, почему она и *темни*, недостаточно защищена отъ холода, почему и *ладна* (хладна). Въ ней имѣются *ясле* (¹) (= *ясли*), въ которыя закладывается кормъ для лошадей.

Овчарня также носитъ нѣсколько названій, напр.: *полята* (²), *кошары, кошери* (³), *еврекъ* или *ишрякъ* (⁴), *тжрло, терло* (⁵), *мандра, мандричка* (⁶), *кышла* (Дюв. 1083)—зимняя овчарня, *бачило* (⁷), гдѣ запирають стадо или на-ночь, или на зиму и *бачія* (⁸)—загонъ для доенія овецъ.

Свиной хлѣвъ называется *кочина* или *кочанъ* (Дюв. 1029), *куриный*—*курникъ* (Дюв. 1075), *кокошарникъ* (ibid 997), *кочекъ* и *кочина* (ibid. 1029).

У Болгарина на дворѣ имѣется помѣщеніе и для зернового хлѣба—*амбаръ* или *хамбаръ* (⁹), раздѣленный на *субѣи*, называемыя *състыцы* (Пе. 35) или *стыо'и* (¹⁰); удѣлено мѣстено и для *дровяного сарая*—*дръвника* (Дюв. 569).

Рядомъ съ *плѣвникомъ*, описаннымъ нѣсколько выше, устроена еще *плетневая обирада*, гдѣ хранится сѣно

(¹) «Бѣгай, курво, предъ коне у ясле!.. Она сишла у ясле, предъ коня у ясле легла» (К. 130₂₇₆).

(²) См. К. 212₃₃₀ и слов.

(³) См. К. 98₁₀₅; «Запалила съм девет кошери, девет кошери съ млади овчери, кошери горѣжт, агнета горѣжт, овцете блѣжт, яра са дига» Д. 56, 8—17 (Дюв. 1030).

(⁴) «*Еврекъ*—место у овчарницы, гдѣ се яганци притвараю, да не би окисали матере» (В. слв.); см. также В. 136₁₄₄ и Дюв. 594; «малко надалечко отъ къщи той си изгради единъ ишрякъ за овчници тѣ» (Дюв. 594).

(⁵) См. К. 119₃₄₃; М. 206₃₂₄, 234₃₄₃.

(⁶) См. В. 155₁₇₅, 281₃₀₂; также Дюв. 1170.

(⁷) См. В. 307₃₃₉ и слов.; М. 91₁₉₆, 205₃₂₃, 206₃₃₄, 472₄₄₇ и Дюв. 64.

(⁸) См. М. 140₁₉₉ и Дюв. 64.

(⁹) См. В. 255₂₇₇, 265₂₈₆; К. 214₃₂₇; М. 55₆₆, 234₃₄₃, 257₃₆₀, 431₄₃₁, 431₄₅₀, 566₄₆₃, 638₅₀₄. См. также Дюв. 29.

(¹⁰) «Наполнамъ големи амбары, исполнамъ големи секон» (М. 566₄₆₃).

и солома ⁽¹⁾, послѣ молотбы хлѣба на гумнѣ. Гумно (В. 315₄₄), называемое также *врага*, устроивается въ самомъ дворѣ, въ срединѣ его или нѣсколько въ сторонѣ; въ самомъ центрѣ гумна вбитъ коль называемый *стожаръ* ⁽²⁾.

На дворѣ роется иногда колодезь, называемый *кладенецъ* ⁽³⁾, *чешма* ⁽⁴⁾, *бунаръ*, *бунарче* ⁽⁵⁾ или *азбелъ* (Дюв. 312), иногда разукрашенный, почему и получаетъ эпитетъ *шадрема чешма* ⁽⁶⁾ или *бъла чешма* (М. 239₄₄). Гдѣ нибудь въ сторонѣ отведено мѣсто для навоза, собираемаго изъ хлѣвовъ ⁽⁷⁾; этотъ навозъ носить названія: *бунитше* ⁽⁸⁾, *дюбре* или *дюбриште* ⁽⁹⁾, *мюбре* (Дюв. 437), *буклукъ* (Дюв. 130), *буклукъ*, *спитъ* (Дюв. 167) и *кунитше* (Дюв. 1073).

На дворѣ иногда можно видѣть возвышающееся *дерево* ⁽¹⁰⁾, подъ которымъ виситъ *мюлька*, *лелляка* ⁽¹¹⁾, а то посланъ *одаръ* ⁽¹²⁾.

⁽¹⁾ «Покрай плѣвника има друга обграда отъ плѣтъ, дѣ имѣтъ купы отъ сѣно, фикъ, борчякъ, просяница и друг.» Пк. 35 (Дюв. 1952).

⁽²⁾ «Въ общаѣ обградѣ посрѣдѣ или настраны е оставлено празно уравнѣно мѣсто за *врага* (гумно—хърмакъ), дѣ си вържѣтъ жито и други, а на срѣдѣ врага има забитъ коль, кого зѣвѣтъ *стожаръ*». Пк. 35 (Дюв. 274).

⁽³⁾ См. К. 104₂₁₁; М. 145₂₂₅, Дюв. 972.—Колодезь имѣется не только внутри дворовъ, но и передъ ними, среди села и даже «край села» (См. К. 49₁₂₃, 147₃₂₈; М. 185₃₈₅).

⁽⁴⁾ См. К. 112₂₂₄; М. 239₃₄₆, 605₄₉₆.

⁽⁵⁾ «Влеза на дворѣ ке т' иста'а, ак не бунаръ триста сѣжни глобокъ» (М. 142₃₀₅). См. также В. 4₃; М. 38₃₈, 372₄₀₆; Дюв. 172.

⁽⁶⁾ См. К. 49₁₂₃, 112₂₂₄, 147₃₂₇.

⁽⁷⁾ «Торъ-тъ (гюбре), что ся собира по хлѣвовете (ахъръ), бива двоакъ» (Дюв. 41 и 437).

⁽⁸⁾ См. В. II, 88₃₈; В. 10₁₀; К. 49₁₂₅; М. 37₃₇, 302₃₆₁₇, 305₃₈₈, 576₄₈₇; Дюв. 173.

⁽⁹⁾ «Она (майта) си зема сѣкира и уби млади Стояна и погреба го у дюбре» (К. 72₁₅₄); «тогова казѣ овенъ бараджѣ: да рите това дюбриште, тува е млади Стояне» (К. 72₁₅₆).

⁽¹⁰⁾ «На сретъ двори едмо сухо дѣрво» (М. 106₁₆₁); «ивнигнала яболшница стрѣде дворѣ песочина» (М. 622₅₀₀).

⁽¹¹⁾ См. В. II, 64₁₁; К. 113₂₂₈; М. 194₃₀₉.

⁽¹²⁾ «Потъ вруша та има еденъ шаренъ одаръ...» (М. 469₄₄₆); «моме спитъ стрѣде дворѣ—на одаротъ» (М. 354₄₀₀).—Относительно *одаръ* см. также В. I, 23₁₁₃; М. 507₄₅₉, 524₄₆₈, 645₅₀₆.

или *постелка* (1); тутъ же имѣются по временамъ и *столове*— въ данномъ случаѣ—*скамьи*, потому что употребляются для сидѣнья (2), иногда можно видѣть *просторе*, т. е. *шесты*, на которыхъ развѣшивается бѣлье для просушки (3). За дворомъ или за домою врасуется садъ (съ огородами), называемый *градина* (4), *баща*, *башта* (5), *башча*, *бабча* (6), *азбабча* (М. 570₁₀₀), *бостанъ* (7), *пилеворъ* или *пелмолъ* (Дюв. 1639) и наконецъ *седмца* (М. 621₁₀₀).

У Болгаръ имѣется, судя по пѣснямъ, *баня* (8), изъ которой „*Яна идетъ измѣна, истрѣсна исккпана*“ (9); эта баня *теплая* (М. 440₁₀₀), но какъ она устроена, пользуясь только одними пѣснями, мы окончательно ничего не можемъ сказать за отсутствіемъ данныхъ.

Таковъ видъ болгарскаго двора со всѣми постройками; это—*усадыба* въ нашемъ смыслѣ этого слова: все подъ руками, все въ порядкѣ, всякому живому существу и всякому предмету назначено свое мѣсто,—и все это собрано въ одной *обградѣ*, въ извѣстныхъ точно опредѣленныхъ границахъ.

Чтобы закончить—собственно говоря—перечень болгарскихъ построекъ, я долженъ назвать еще нѣсколько.—Въ

---

(1) «Номети равни двора и постели пѣстрѣ постельѣ» (Б. I, 85); «си посла рамци дворои, си посла мека постеля» (М. 468₄₄₆) «постелка му зелена мурава, завивга му отъ горѣ листѣ то» (Б. I, 24₁₂₂).

(2) «У двори ми среберни столе, на столе сѣды Иванъ Господаръ» (Б. 101₃₀₀); «седне у дворе—на столове» (К. 19₃₄); см. также К. 18₃₃.

(3) «Вънка изляла басмѣ пелена да простне на позлатени просторе (=прѣте по които ся простиратъ дрѣхы за сушеніе)». Дюв. 1948.

(4) См. Б. I, 4₃₇; В. 31₄₁, 113₁₁₈, 147₁₅₇; К. 9₇₈, 113₂₂₇; М. 111₁₀₅, 134₁₂₈, 270₂₆₈, 379₄₀₉, 381₄₁₀, 389₄₇₅.—Въ указанныхъ пѣсняхъ нерѣдко можно встрѣтить такое выраженіе, какъ: «затъ кашта та въ градина та». (См. В. 31₄₁, 147₁₅₇; М. 379₄₀₉, 381₄₁₀).

(5) См. В. 68₇₇, 200₂₁₃, 260₂₂₁, 277₂₉₈; К. 63₁₃₆.

(6) См. М. 185₂₉₅, 187₂₉₇, 327₃₃₁, 335₃₃₈, 357₄₀₁, 364₄₀₈.

(7) См. М. 427₄₃₀ и Дюв. 139.

(8) См. В. 68₇₇; М. 417₄₂₅, 426₄₂₉, 440₄₃₅.—Дюв. не замѣтилъ этихъ цитатъ въ сборникахъ пѣсенъ, почему не приводитъ ихъ, а даетъ только значеніе «минеральный источникъ» (Дюв. 57). Одно значеніе таково и есть.

(9) См. М. 417₄₂₅, 426₄₂₉.

пѣсняхъ очень часто фигурируетъ *меана* или *меѣна*, *меѣна* (¹), т. е. *кабачокъ*, называемый также *керчма* или *к'рчма* (²), *пивница* (Дюв. 1637); это любимое мѣстечко героевъ—гайдуковъ, которые собираются сюда попить „вино и люта ракія“. Слова *меана*, *крчма* почти постоянно сопровождаются эпитетами *ладна*, *ладни*,—потому ли, что въ ней освѣжаются, или потому, что сама *меана* не отличается тепломъ. Въ одной пѣснѣ *меѣана* отождествляется съ *землянкой*—*зевница* (³), что проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на способъ ея постройки. Разъ она роется въ землѣ, то немудрено, что она и холодна—*ладна*.

Часто также встрѣчаемъ мы въ пѣсняхъ *темница*, *тюрьма*, называемая *темница*, *тевница* (⁴) или *знданз*, *занданз*, *зенданз*, *зонданз* (⁵). Конечно, она не представляетъ ничего привлекательнаго, и поэтому къ ней прилагается эпитетъ *темна* и даже *черна темница* (М. 106₁₆₀). Изъ чего и какъ она строится, вообще—сказать трудно, въ одной только пѣснѣ она названа *дервена*, т. е. деревянная (⁶). Можно предполагать, также на основаніи одной пѣсни, что *тавница* бываетъ и на дворѣ: отъ нея (говорится въ этой пѣснѣ) и до дома идетъ *сеньтя*, т. е. *навѣсъ* (⁷), конечно не вездѣ и не всегда, надо думать, это бываетъ. Затѣмъ иногда въ пѣсняхъ указывается на *башни*, устраиваемыя во дворѣ (⁸) или отдѣль-

(¹) См. К. 39₁₀₆, 132₂₈₆, 133₂₈₉, 133₃₀₃, 204₅₁₄; М. 126₁₈₃; 127₁₈₃; Дюв. 1202.

(²) См. В. 304₃₀₅, 315₃₄₆; К. 199₄₉₁; М. 124₁₈₀; Дюв. 1062.

(³) «Та улезне (Марко) у ладне механе, ка улезна у ладне зевници, тамо найде шедесе айдуци». К. 139₃₀₆.

(⁴) См. В. 215₂₂₇, 321₃₅₄; К. 19₈₅, 39₁₀₈, 114₂₃₂, 216₅₈₂; М. 106₁₆₀, 141₃₀₁.

(⁵) См. В. 96₁₀₈; К. 83₁₇₀, 113₂₂₉, 123₂₆₈, 132₂₈₂; М. 67₉₆, 78₁₀₉, 138₁₉₈, 189₂₉₉; Дев. 788.

(⁶) «Отворилъ (Ангель теvничаръ) до деветь *дервене теvнице*» (К. 114₂₃₂),

(⁷) «На дете мама сеньтю правила, сеньтю одъ тавнице до сарая» (К. 114₂₃₂).

(⁸) «Бутна коня, презъ кале прелетнело... пообори тѣ високи чардаци» (К. 218₅₄₅); «Отишель Митра Нейти на дворове и излезе на куде високе» (К. 86₁₇₇).

но ⁽¹⁾ для защиты отъ враговъ. Эти башни, называемыя *кале* ⁽²⁾, *кула* ⁽³⁾ или *батъ* ⁽⁴⁾, отличаются своей высотой ⁽⁵⁾; онѣ снабжены отверстіями (вѣроятно для орудій) и окнами ⁽⁶⁾, построены, какъ говорится въ пѣснѣ, на кремневомъ основаніи ⁽⁷⁾ и сами сдѣланы изъ камня.

Изъ хозяйственныхъ построекъ должны быть указаны еще мельницы—мельница (М. р. 534, Дюв. 1189)—водяныя, называемыя *воденици* ⁽⁸⁾, *комларка* (Дюв. 1001), и вѣтряныя — *вргтенки* (Дюв. 292), *жерка* (ibid. 626). Въ нихъ конечно имѣется поставъ—*вителъ* (Дюв. 239), а въ водяной мельницѣ—*волесо—окно* (М. 265_{...)};—*кузница—ковачница* (Дюв. 989), *вожемятня* или *суеуновальня—валявица, вала'вица* ⁽⁹⁾, *сальный заводъ—муджийница* (Дюв. 1248) и *сладкъ, сладочный магазинъ—влагалница* или *магазия* (Дюв. 1154).

Изъ другихъ построекъ, встрѣчающихся въ пѣсняхъ, но находящихся въ городахъ, назовемъ *кофейни—кафене* ⁽¹⁰⁾ или *кавене* ⁽¹¹⁾ и *салхана* ⁽¹²⁾—*бойня*; эти кофейни и салханы необходимы для болгарина, почему онѣ и говорить объ нихъ въ своихъ пѣсняхъ.

⁽¹⁾ «Я-сумъ билъ на Дунавъ на кула-та». М. 504_{...}.

⁽²⁾ См. В. I, 15₇₅; К. 218₃₄₅; М. 10₉; Дюв. 917.

⁽³⁾ См. К. 86₁₇₇, 208₅₁₃, 211₅₁₉; М. 504₄₅₉, 517₄₆₃; Дюв. 1068.

⁽⁴⁾ «Рѣчь *батъ* значи по старо-български зданіе високо или крѣпость» (Дюв. 62).

⁽⁵⁾ «Отишелъ Митра Нейти на дворова и излезе на куле високе» (К. 86₁₇₇) «заградила Самовила вито кале ни на небе, ни на земя, загради го въ темень облакъ» (М. 10₉).

⁽⁶⁾ «Традилъ (Димитре) кула камена сась седемдесѣ *мазале* (отверстіе) сась седемдесѣ *пенджере* (окно)». (К. 211₅₁₉). См. также Дюв.: *мазала* (р. 1158), *мазала*, *мазгала*, *мазгалка* (р. 1254).

⁽⁷⁾ «Дай ми Боже есенски доже'и, да откорниъ (=чтобы отстала, отлеплась) кула отъ кременя» (М. 517₄₆₃).

⁽⁸⁾ См. К. 181₄₃₉, 216₅₃₁; М. 118₁₇₁, 137₁₉₅, 265₃₄₅, р. 531; Дюв. 259.

⁽⁹⁾ См. К. 181₄₃₉, 216₅₃₁; М. 137₁₉₅, 265₃₄₅; Дюв. 190.

⁽¹⁰⁾ См. В. I, 37₁₈₈; К. 39₁₀₈; Дюв. 947.

⁽¹¹⁾ См. К. 209₅₁₅; Дюв. 906.

⁽¹²⁾ «Отправиль Стоянъ «на Стамбулъ новъ салханъ хилъдо овни» (В. I, 19₉₆).

Мнѣ остается еще упомянуть только о лѣтнемъ жилищѣ—шатрѣ—*чадаръ, чадоръ* (¹), дѣлающемся изъ полотна, а потому и называющемся *бѣли*; т. е. бѣлый; затѣмъ укажу на *шалашъ* овчара, въ которомъ онъ проводитъ лѣтнее время,—шалашъ, называемый *одая* (Дюв. 1465).

Передъ нами получается такимъ образомъ нѣкоторая картина болгарскаго жилища и различныхъ относящихся къ нему построекъ. Интересно было-бы теперь опредѣлить, насколько болгары самостоятельны въ дѣлѣ стройки, насколько они удержали древній, общеславянскій характеръ жилья, и насколько они позаимствовали отъ другихъ народовъ. Я не имѣю другого орудія для рѣшенія этого вопроса кромѣ какъ только языка,—орудія во многихъ отношеніяхъ всетаки несовершеннаго и недостаточнаго для даннаго случая. Все-таки, насколько буду въ силахъ, попытаюсь сдѣлать это.

Я приведу въ алфавитномъ порядкѣ указанныя мною названія жилища и построекъ, укажу, которыя изъ нихъ др.-слав. происхожденія, болгарскаго, затѣмъ—которыя изъ этихъ названій заимствованы и изъ какого языка. Насколько возможно будетъ для меня, постараюсь отмѣтить, съ какого вѣка имѣются извѣстныя слова въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ, и въ какихъ значеніяхъ употребляются они въ прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (²).

(¹) См. В. 76₈₃; М. 87₁₂₅, 88₁₂₆, 155₂₄₅, 158₂₄₈, 174₂₇₇.

(²) При этомъ я пользовался слѣдующими пособіями: 1) для опредѣленія вѣковъ, съ которыхъ начинаютъ встрѣчаться извѣстныя слова—трудомъ Миклошича: *Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinitum* (MLP.); для указанія, въ какихъ нарѣчіяхъ употребляется какое нибудь слово,—трудомъ Миклошича: *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* (MEW.) и Будиловича: *«Первобытныя славяне съ ихъ языкъ, бытъ и понятія ихъ по даннымъ лексикальнымъ»* (Будил.); для провѣрки указываемыхъ ими значеній обращался къ словарямъ: сербскому—Лавровскаго, чешскому—Коченнаго (Кочеспу), хорутанскому—Янежича (Janezic), польскому—Бартошевича; малорусскому—Жедеховскаго и русскому—Даля; при указаніи турецкихъ словъ, заимствованныхъ болгарами, пользовался

- 1) **авбафча**—садъ. Слово турецкое (см. бафча).
- 2) **амбаръ, хамбаръ**; это слово имѣется съ одинаковымъ значеніемъ въ русскомъ яз.—*амбаръ*, малорусск. *амбаръ, амбаръ*, сербск. *амбар*; словацк. *hambar* (MEW — Будил.); происхожденія турецкаго: *ambar*; араб. *et-bar, atbar* (Дюв.).
- 3) **ажъръ**—конюшня — имѣется еще на почвѣ сербскаго нарѣчія: *ажар, хар*; происходитъ отъ турецк. *akhor* (Дюв.—MEW). Срв. **яжыръ**.
- 4) **баджа** 1)—овно; 2)—дымовая труба; въ послѣднемъ значеніи имѣется и въ сербскомъ языкѣ; происходитъ 1) отъ турецко-персидск. *badža* (Ценк.), 2) — отъ персид. *badja* (Дюв.).
- 5) **баня**—баня; встрѣчается въ значеніи „купальня“, „мѣсто гдѣ моются“ еще въ памятникахъ XIII в. Въ томъ же значеніи имѣется въ русскомъ, малорусск. и сербск. яз., между тѣмъ какъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ значеніе нѣсколько другое. Въ хоруганскомъ *banja*—ванна, корыто для купанья; въ польск.—*bania*—ванна; брюхастый, выпуклый сосудъ; въ чешск. *baně* и в.-лужицк. *banja*—все брюхастое, выпуклое: кружка; тыква (!) (Будил.—MEW); такое же значеніе имѣется и въ малорусск. (галицк.) нарѣчіи (см. Жел.). Переходъ значенія очень любопытенъ.
- 6) **батъ**—башня, крѣпость. Происхожденіе этого слова непонятно.

са словаремъ Ценкера (Z e n k e r: «Dictionnaire turc-arabe-persan»), при помощи котораго проверять большую часть словъ, указываемыхъ Миклошичемъ и Дювернуа. (Замѣчу, что у послѣдняго транскрипція турецкихъ словъ прировнена къ французскому правописанію и произношенію). Все таки нѣкоторыя слова остались непроверенными, не смотря на все мое желаніе, и въ этихъ случаяхъ я ссылался прямо на Миклошича или Дювернуа (MEW.—Дюв.).—Надо сказать кромѣ того, что въ предлагаемомъ указателѣ приведены и объяснены только тѣ слова, которыя непосредственно относятся къ устройству дома и двора, но не указаны, напр., названія утвари, постели и т. п.

- 7) **баѣча, бахча**—садъ. Имѣется въ сербскомъ яз., затѣмъ въ русскомъ и малорусскомъ: *бахча, бакча*—садъ, огородъ; происхожденія турецко-татарскаго: *bakčea* (Ценк.), *bakhdje* (Дюв.), *bagča* (MEW) турець.
- 8) **бачило**—зимняя овчарня, **бачия**—загонъ для доенія овецъ сопоставляются Миклошичемъ съ румынск. словомъ *bač*—старшій братъ, дѣлатель сыра и съ албанскимъ *bač*—старшій братъ, которыя и могли служить оригиналомъ для только что указанныхъ болгарскихъ словъ; встрѣчаются производныя отъ одного корня съ ними также въ сербскомъ яз. *бач*—пастухъ, *бачија*—мѣсто, куда стоняютъ скотъ для доенія, въ чешск.—*bača*—главный пастухъ и въ польск. *basca*—пастухъ (MEW). Сравн. также русск. **бачога арх.** загородка на скотскомъ выгонѣ для мелкаго скота (Даль).
- 9) **башта, баща**—садъ имѣется также въ сербск. яз.—*башча*—садъ, огородъ и хорутан.—*bašca*—садъ (Будил). Происхожденіе, вѣроятно, таково-же, какъ и слова *баѣча, бахча* (см. 7).
- 10) **бедень, —ни**—1) заборъ вокругъ двора; 2) стѣны дома. Имѣется въ формѣ *беден* и *бедем* въ сербскомъ языкѣ съ тѣмъ-же значеніемъ. Происхожденіе турецкое отъ *beden* (Ценк.—Дюв.).
- 11) **било**—верхнее бревно домового сруба. Въ этомъ значеніи данное слово стоитъ одиноко среди славянскихъ нарѣчій, употребляясь только въ болгарскомъ языкѣ. Сравн. сербск. *било*—горный хребетъ. Происхожденія вѣроятно, славянскаго.
- 12) **боклузь, буклузь**—навозная куча отъ турецк. *boğ-luq* (Дюв.). Имѣется только въ болгарскомъ языкѣ.
- 13) **бостанъ**—садъ, встрѣчается еще въ сербск. яз. *бостан*—садъ, гдѣ растутъ дыни, въ польск. *basztan* и малорусск.

- баитанъ*—огородъ, гдѣ растутъ овощи (MEW); съ турецк. *bostan* (MEW.—Дюв).
- 14) **бунаръ, рче**—колодезь имѣется и въ сербскомъ яз. съ тѣмъ-же значеніемъ—*бунар*—колодезь; происходитъ отъ турецк. *boynar, rounar* (Дюв.).
- 15) **буниште**—навозная куча; это слово употребляется еще только въ сербскомъ яз. Миклошичъ объясняетъ его изъ греческ. *βουνόν (βουνός?)*—холмъ, куча (MEW).
- 16) **бухарія**—галлерей. Происхожденіе этого слова непонятно.
- 17) **бѣдилка, бѣлопрѣстица** (отъ *прѣсть*—глина)—бѣлая глина, употребляемая для обмазки плетней; въ Малороссіи бѣлая глина особенно употребительна для побѣлвхатъ. Происхожденіе этихъ словъ чисто-славянское.
- 18) **валявица, валяица**—кожемятня или сукновальня, въ сербск. яз. мы имѣемъ тождественное слово по происхожденію и значенію — *валялица* или *валярница*. Происхожденіе чисто-славянское.
- 19) **варъ**—известь, встрѣчается въ письменности уже въ XIII в., но въ настоящее время существуетъ только у болгаръ.
- 20) **верига**—цѣпь отъ печной трубы къ очагу; это слово встрѣчается въ письменныхъ памятникахъ уже съ XI в., употребляется и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ со значеніемъ „цѣпь“. (Будил.).
- 21) **веригница**—колодезь въ трубѣ съ цѣпью (см. верига). Въ сербскомъ языкѣ существуетъ слово, соотвѣтствующее данному болгарскому, именно—*верижъача*—бревно, на которомъ виситъ цѣпь съ котломъ.
- 22) **вертнико**—калитка. Происхожденіе славянское (на почвѣ болгарскаго языка); въ другихъ нарѣчіяхъ тождественнаго слова не имѣется.
- 23) **витель**—поставъ мельничный,—слово, встрѣчающееся въ формѣ *витель* уже въ XV в. въ значеніи *machine*; существуетъ оно также въ сербск. яз.—*витао*—мото-

- вило, мельничное колесо (Вуѣ) и въ хорутанск. *vitel* = мотвило (Янеж.). Происхождение этого слова чисто славянское отъ корня *vi* (*vi-1* MEW).
- 24) **влагалница** = складочный магазинъ, складъ; встрѣчается еще въ XIV в.; происходитъ отъ славянскаго корня.
- 25) **воденица** = водяная мельница; имѣется и въ сербскомъ языкѣ въ той-же формѣ и съ тѣмъ-же значеніемъ. Образовалось уже на болгаро-сербской почвѣ отъ славянской основы.
- 26) **водникъ** = врюкъ въ стѣнѣ для ведеръ съ водой; слово только болгарское.
- 27) **воруна, форуна** = печь, слово происхожденія романскаго; сравн. латин. *foгнах* = печь. Въ данной формѣ встрѣчается только въ болгарскомъ языкѣ (срав. *вурна*).
- 28) **врата, — тня, — тникъ** = ворота. Уже памятникахъ XV вѣка встрѣчается это слово въ формѣ *врата* съ тѣмъ-же значеніемъ, имѣется и въ настоящее время во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ съ соотвѣтствующими иногда только фонетическими измѣненіями. По происхожденію — чисто древне-славянское, образованное отъ общаго индоевропейскаго корня. (MEW. — Будил.)
- 29) **врати, вравя** = двери — тако-же происхожденія, какъ и предыдущее слово; съ даннымъ значеніемъ употребляется въ большей части славянскихъ нарѣчій.
- 30) **вратицы, — ꙗка, — тичка** = калитка; только что сказанное о происхожденіи слово *врати* нужно связать и въ данномъ случаѣ. Употребляется только въ болгарскомъ языкѣ.
- 31) **вражь** = гумно. Встрѣчается уже въ XIV в. въ значеніи „молотьба“. Въ тожественной формѣ, съ незначительнымъ только фонетическимъ измѣненіемъ, имѣется и на почвѣ русскаго и малорусск. нар. — *ворох* со значеніемъ „куча“, „сгребенный въ кучу, но невѣян-

ный еще хлѣбъ“ (Даль). Происхождение др.-славянское (MEW).

- 32) **врътенка**—вѣтряная мельница; имѣется только въ болгарскомъ языкѣ; образовано изъ славянскаго корня.
- 33) **вурнія, фурна**—печь, имѣется и въ сербскомъ яз. въ формѣ *вуруна, фуруна* съ тѣмъ-же значеніемъ. Происхожденія романскаго (срав. лат. *furnus*), можетъ быть чрезъ посредство турецкаго *furun* (MEW).
- 34) **въбелъ**—володезь; Дювернуа (р. 312) сравниваетъ это слово съ ц.-слав. *ѡболя, ѡболя*, встрѣчающимся въ рукописи XII в. въ значеніи *φοῦλο*, *puteum*—володезь. Употребляется это слово только у болгаръ; происхожденіе греческое изъ *ἔμβολον* (Дюв.).
- 35). **ганды**—крыша. Употребляется только въ болгарскомъ языкѣ; происхожденія турецкаго: *xanə damı* (Кач.), *khāne*—домъ и *dam*—крыша (Ценк.).
- 36) **градежъ**—постройка, встрѣчается въ письменности съ XVI в.; употребляется только у болгаръ; происхожденіе славянское (MEW).
- 37) **градиво**—строительный матеріалъ; это слово встрѣчается въ томъ-же значеніи и формѣ у сербовъ; происходитъ изъ др.-славянск. корня.
- 38) **градина**—садъ, имѣется въ памятникѣ XVI в.; въ указанномъ значеніи употребляется и въ сербскомъ языкѣ, причемъ въ послѣднемъ оно имѣетъ и другія значенія: заборъ, изгородь, плетень — болѣе первоначальныя. Происхожденіе такое-же, какъ и слова *градежъ*.
- 39) **гражъ**—хлѣвъ, имѣется въ формѣ *граждь* (коньскъ) уже въ XI в.; употребляется только у болгаръ; происхожденіе то-же, что и слова *градежъ*.
- 40) **града**—1) бревно, 2) перекладина (въ потолкѣ дома), матица; въ первомъ значеніи встрѣчается уже съ XIII в. въ формѣ *града*, имѣется и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Происходитъ несомнѣнно отъ указан-

- наго др.-славянскаго слова, но каково происхождение послѣдняго—точно не извѣстно (MEW).
- 41) **грѣда, грида**—ступени въ лѣстницѣ; имѣется только въ болгарскомъ языкѣ; каково происхождение этого слова, сказать трудно; можетъ быть оно стоитъ близко къ предыдущему, а можетъ быть и связано съ глаголомъ **градж**—иду.
- 42) **гумно**—гумно, мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ; въ письменности встрѣчается уже въ XI в. Во всѣхъ славянскихъ нарѣчιάхъ это слово употребляется съ тѣмъ-же значеніемъ, только въ полабскомъ *gumno*—садъ. Происхождение др.-славянское (MEW.—Буд.).
- 43) **гюбре**—навозная куча; имѣется и въ сербскомъ яз. въ формѣ *ђубре*; происхожденія турецкаго: *gubre* (Дюв.).
- 44) **дворъ**—дворъ, aula, Hof; встрѣчается въ памятникахъ съ XI в., употребительно во всѣхъ славянскихъ нарѣчιάхъ. Происхожденія др.-славянскаго отъ общей аrioевропейской основы (MEW.).
- 45) **джамои**—стѣкла, имѣется и у сербовъ; происхожденія турецкаго отъ *džam*—стѣкло (Ценк.), *djam* (Дюв.).
- 46) **даизде** см. вид—.
- 47) **дирекъ**, —ци, —дзи—восякъ, имѣется и въ сербскомъ яз.; происхождение турецкое отъ *direk* (Дюв.), *dirék* (MEW).
- 48) **добрувалиште**—столовая, имѣется только въ болгарскомъ языкѣ; происходитъ отъ славянскѣй основы.
- 49) **домъ**—домъ, domus, употребляется въ письменныхъ памятникахъ уже въ XI в., проходитъ по всѣмъ славянскимъ нарѣчιάмъ; происхожденія др.-славянскаго (MEW.—Будил.).
- 50) **дръвниѣъ**—дрвяной сарай, имѣется въ данной формѣ только въ болгарскомъ яз.; образовано изъ славянскѣй основы.

- 51) **дуваръ**—1) заборъ вокругъ двора, 2) стѣны дома. Въ послѣднемъ значеніи имѣется и въ сербскомъ языкѣ. Происхожденія турецкаго отъ *douvar* (Дюв.).
- 52) **дужло**—отдушина въ печи, встрѣчается только въ болгарскомъ яз., образовано отъ славянской основы.
- 53) **дъска**—доска, встрѣчается въ письменности уже съ XIII в. употребляется въ томъ-же значеніи во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; слово **з а и м с т в о в а н н о е** въ далекое время, но отъ какого народа—затрудняется сказать и Миклошичъ (MEW); онъ сопоставляетъ его съ греческ. *δίσκος*, латин. *discus*, др.-верх.-нѣм. *disk*, *tisk*—Tisch—столь.
- 54) **дымникъ, дымнякъ**—дымовое отверстіе, встрѣчается почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (Будил.), происходитъ отъ славянской основы.
- 55) **дѣвственникъ**—комната для молодыхъ послѣ свадьбы, слово образовано на почвѣ уже болгарскаго яз. отъ славянской основы.
- 56) **дюбре, дюбриште**—навозная куча; слово турецкое см. **гюбре**.
- 57) **егрекъ, игракъ**—овчарня, употребляется только въ болгарскомъ яз., происхожденія турецкаго *equirek* (Дюв.), а послѣднее происходитъ вѣроятно отъ латинск. *grex*.
- 58) **жерка**—мельница; въ данной формѣ (жрка) встрѣчается еще въ XVI в. со значеніемъ „верхній камень въ мельничномъ поставѣ“; изъ современныхъ славянскихъ нарѣчій употребляется только у болгаръ; происходитъ отъ славянской основы (сравни русск. *жерновъ*).
- 59) **задникъ**—вѣтъ, **задница**—чуланъ, въ этихъ значеніяхъ данныя слова имѣются только въ болгарскомъ яз. и псковск. говорѣ русск. яз.: „**задникъ**—нары; **кутникъ**, помость въ заднемъ углу“ и „**задница**“—задній покой въ избѣ, задняя вѣтъ, за избой“ (Даль); происходятъ отъ славянской основы.

- 60) **занданъ, венданъ, зонданъ, зьнданъ**—тюрьма, встрѣчается въ формѣ *zindan* въ сербск. яз.; происхожденія турецкаго отъ *zundan* (MEW), *zindân* (Дюв).
- 61) **заплеть**—плетень, только болгарское слово; происходитъ отъ славянской основы.
- 62) **зевниѣъ, земниѣъ, зимниѣъ**—погребъ, употребляется только у болгаръ, происходитъ отъ славянской основы, причѣмъ названіе даетъ нѣкоторыя указанія на способъ стройки погребѣ. **Зевница**—меана, ворчма, вабачокъ.
- 63) **земя**—поль, земля; встрѣчается въ письменности съ XI в., употребительно во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происхожденіе — др.-славянское отъ ариевропейской основы (MEW.—Будил.); даетъ указаніе на то обстоятельство, что болѣе иногда служить почва, настилки-женедѣляется. Сравн. малорусск. обычай строить „хаты“ съ землянымъ поломъ, усыпая его только пескомъ и уливая водой.
- 64) **зидъ, зидове**—стѣны дома, встрѣчается въ значеніи „стѣна“ въ глаголическихъ памятникахъ, употребляется во всѣхъ почти славянскихъ нарѣчіяхъ; происхожденіе др.-славянское (MEW.—Будил.).
- 65) **ижѣ**—домъ, хижина; въ формѣ *izja* встрѣчается уже въ памятникахъ XIV в., употребляется съ нѣкоторыми фонетическими измѣненіями во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; Мильошичъ производитъ его изъ германск. яз.: др.-верхн.-нѣм. *hus*, готск. *hus* (въ *gudhus*)—Haus. (MEW.—Будил.).
- 66) **ивба**—погребъ; въ этомъ значеніи употребляется еще только въ хорватск. яз., въ остальныхъ-же нарѣчіяхъ славянскихъ данное слово означаетъ „жилую комнату“. Объясняется оно изъ др.-славянск. *истъба, истъзъка*. (MPL.—MEW.—Будил.), которое, можетъ быть, перво-

начально, потому что имѣть соотвѣтствующія формы въ другихъ европейскихъ языкахъ (MEW.)

- 67) **кавене, кафене**—кофейня, заведение гдѣ пьютъ кофе; имѣется въ данномъ значеніи и формѣ только у болгарь; заимствовано изъ турецкаго *qahvehne* (Дюв.).
- 68) **каламотъ**—плетень, плетневый заборъ; употребляется только у болгарь; происходитъ отъ новогреческаго *καλαμωτή* (Дюв.).
- 69) **кале**—башня; имѣется и у сербовъ; происходитъ отъ турецкаго *kal'a* (MEW.).
- 70) **капаица, капчугъ**—желобъ на крышѣ для стока воды; въ сербскомъ языкѣ словомъ *капавица* (= *капа'ица*) означаетъ „дождевая вода стекающая съ крышъ“; второе слово встрѣчается только у болгарь. Происходятъ отъ славянскои основы.
- 71) **капагъ**—1) ставня, 2) вьюшка въ печной трубѣ; въ первомъ значеніи имѣется и въ сербскомъ; происходитъ отъ турецк. *karak* (MEW.), *qarâq* (Дюв.).
- 72) **капия**—калитка, имѣется и у сербовъ; происходитъ отъ турецкаго *кари* (MEW.), *qarou* (Дюв.).
- 73) **капчугъ** см. **капаица**; **кафене** см. **кавене**.
- 74) **каты**—1) этажъ; встрѣчается и въ сербскомъ языкѣ; происхождение турецкое отъ *kat* (MEW.—Ценк.), *qat* (Дюв.).—2) **каты**—промежутокъ между печью и стѣной; съ нѣкоторыми фонетическими измѣненіями встрѣчается и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происхожденія славянскаго (MEW). — **кашта** см. ниже **кѣшта, кѣща**.
- 75) **келаръ, кераль**—погребъ, кладовая; *керали земли*—конюшня; въ данной формѣ и значеніи встрѣчается только у болгарь; происходитъ отъ греческаго *κελλάριον*, новогреческ. *κελλάρι*; сравн. латинск. *cellarium*, нѣмецк. *Keller* (MEW.—Дюв.). Вторая форма образовалась изъ первой путемъ только перестановки звуковъ **л и р**.

- 76) **кересте**—строительный материалъ; имѣется только у болгаръ; происходитъ отъ турецкаго *kerastè, kirestè* (Дюв.).
- 77) **керамиде**—1.) Черепица на крышу, 2) кирпичъ; встрѣчается въ первомъ значеніи еще въ памятникахъ XIV в., имѣется и въ сербскомъ яз. въ формѣ *ћерамида*; *ћеремида*; происходитъ отъ греческаго *κεραμίδς*, ново-греческ. *κεραμίδα* (MEW.), можетъ быть при посредствѣ турецк. *k'érémít* (ibid).
- 78) **керпичъ, върпичъ**—необожженный кирпичъ; имѣется на почвѣ русскаго языка—*кирпичъ* и сербскаго—*ћерпичъ*; происхожденія турецко-татарскаго отъ *k'érpič* (MEW), *kerpidj, kerpuđj* (Дюв.).
- 79) **керхана**—громадный домъ; имѣется только у болгаръ; происходитъ отъ турецкаго *k'irkhane* (Дюв.).
- 80) **килари, килари, килери**—погребъ; въ сербскомъ яз. тожественное по формѣ слово *килер* значить „столовая, комната для бушанья“. Происхожденіе тоже, что и вышеуказаннаго слова **келаръ**.
- 81) **кйопша**—галерея, балконъ; имѣется только въ болгарскомъ языкѣ; заимствовано отъ турецкаго *k'ieuschk* (Дюв.).
- 82) **киречъ**—пзвестка; употребляется только у болгаръ; происходитъ отъ турецкаго *kiredj* (Дюв.).
- 83) **кладенець**—володезь, встрѣчается уже въ памятникахъ XVI в.; въ тожественной формѣ имѣется почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Происхожденіе этого слова Миклошичъ ведетъ отъ германск. *kaldinga*—(MEW.).
- 84) **кланигъ**—промежутокъ между печью и очагомъ; кромѣ болгарскаго языка въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ не встрѣчается; происхожденіе непонятно.
- 85) **клети земни**—погребъ; въ данномъ значеніи имѣется только въ хорутанск. нарѣчій, а въ прочихъ—употребляется или въ значеніи „чуланъ“, или „жилое помѣще-

- ніе, комната“. Въ письменныхъ памятникахъ встрѣчается уже съ XI в.; происхожденія др.-славянскаго (MEW.—Будил.).
- 86) **влюнѣъ**—труба; имѣется только у болгаръ; происхожденіе непонятно.
- 87) **ковачница**—кузница; въ данной формѣ имѣется еще на почвѣ сербскаго и хорутанскаго нарѣчій; происходитъ отъ славянской основы.
- 88) **кокошарникѣъ**—куриный хлѣвъ, въ сербск. яз. имѣется въ формѣ *кокошар*; произведено отъ славянской основы (MEW.).
- 89) **колиба**—хижина, лачуга; въ письменности встрѣчается уже съ XVI в.; употребляется также въ сербскомъ, чешскомъ, польскомъ и малорусск. яз.; происходитъ отъ греческ. *καλίβρυ*. Турки заимствовали это слово отъ славянъ въ формѣ *kaliba*.
- 90) **колиларка**—водяная мельница; употребляется только у болгаръ; происходитъ отъ славянской основы.
- 91) **коль**—1) коль (въ плетнѣ); 2) **колове**—косяки; встрѣчается въ письменности съ XI., употребляется почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ; происходитъ отъ славянской основы (MEW.).
- 92) **коминѣъ**, **куминѣъ**—дымовое отверстіе, въ данномъ значеніи имѣется еще на почвѣ сербскаго, хорутанскаго и польскаго яз. (Будил.), въ прочихъ-же какъ и въ памятникахъ XIV в., употребляется въ значеніи „печь“. Происхожденія романскаго, вѣроятно съ итальянскаго *comino* (Будил.).
- 93) **конаѣъ**—спальня, ложе, имѣется и въ сербскомъ яз.; происхожденіе турецкое отъ *qonaq* (Дюв.).
- 94) **конушница**, **конюшница**—конюшня; имѣется еще на почвѣ сербскаго и русскаго яз.; происхожденія славянскаго.
- 95) **кочанѣъ**—свиной хлѣвъ; **кочѣѣъ**—куриный хлѣвъ, **кочина**—1) свиной хлѣвъ, 2) куриный хлѣвъ; проис-

хожденія вѣроятно, германскаго отъ ср.-верхн.-герман. *kote*; имѣется съ нѣкоторыми фонетическими измѣненіями у сербовъ и поляковъ въ значеніи „куринный хлѣвъ“ (Будил.).

- 96) **кошары, кошери**—овчарня; въ письменности встрѣчается съ XIV в., имѣется съ тѣмъ-же значеніемъ во всѣхъ почти славянскихъ нарѣчіяхъ, происходитъ отъ др.-славянск. основы (MEW.—Будил.).
- 97) **к'рчма, керчма**—ворчма, кабакобъ; въ письменныхъ памятникахъ встрѣчается только съ XVII в., но имѣется во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происхожденія, вѣроятно, турецко-татарскаго (ср. MEW.).
- 98) **куея, куица, кућа**—домъ; см. ниже **кѣшта, кѣща**.
- 99) **куки**—крюки, шести загнутые на концѣ кривою (на крышѣ); имѣется также въ сербскомъ и ниже-лужицкомъ нар., какъ составная часть слова (коуконосъ) встрѣчается въ памятникахъ XVI—XVII в. Происхожденіе, вѣроятно, др.-славянское (MEW.).
- 100) **кула**—башня; встрѣчается и въ сербскомъ языкѣ; происходитъ отъ турецкаго *kullé* (MEW), *qoullé* (Дюв.).—**куминъ** см. **коминъ**.
- 101) **купиште**—навозная куча; въ этой формѣ встрѣчается только у болгаръ; происходитъ отъ др.-славянск. основы (MEW.).
- 102) **курниѣъ**—куринный хлѣвъ, имѣется только на почвѣ болгарскаго нарѣчія; произведено отъ др.-славянск. основы.
- 103) **кѣтъ**—очагъ, только болгарское слово; можетъ быть находится въ связи съ др.-славянск. **кѣтъ**—уголь.
- 104) **кѣшла**—зимняя овчарня, имѣется только въ болгарскомъ яз., происходитъ отъ турецк. *quchlâ*; *quchlâq* (Дюв.).
- 105) **кюмбе**—печь, встрѣчается только у болгаръ; происходитъ отъ турецк. *kumbed*, *gumbed* (Дюв.).

- 106) **кюнецъ**—труба, имѣется только въ болгарскомъ нарѣчїи, происходитъ отъ турецкаго *kinek* (Дюв.).
- 107) **кюпсиѣъ**—ставня,—только болгарское слово; происхождение непонятно.
- 108) **кѣшта, кѣща**—домъ, жилище, встрѣчается въ письменности съ XI в. въ значенїи „палатка“, а въ значенїи „хижина, домъ“—съ XIII в.; въ послѣднемъ значенїи, съ незначительными фонетическими измѣненїями въ формѣ, употребляется въ большинствѣ славянскихъ нарѣчїй; происхождение др. - с л а в я н с к о е (MEW.—Будил.) Ср. **кашта, вука**.
- 109) **лѣси**—лѣстница; слово только болгарское въ данной формѣ; прочїя славянскїя нарѣчїя представляютъ сложные образованїя (Будил.); произведено отъ с л а в я н с к о й основы.
- 110) **лѣса** = плетень — съ вольями, прутьями, подпорками; встрѣчается въ глаголическихъ памятникахъ, употребляется и въ прочихъ славянскихъ нарѣчїяхъ съ незначительными вариантами въ значенїи (Будил.); происходитъ отъ др. - с л а в я н с к . основы.
- 111) **магазинъ**—складочный магазинъ, происходитъ отъ турецкаго *tağzan*; имѣется въ сербскомъ (*магаза*), русскомъ и малорусскомъ (*магазинъ, гамазея*) (MEW.).
- 112) **мангалъ**—глиняный или металлическій тазъ для горячихъ углей; имѣется и въ сербскомъ яз.; происходитъ отъ турецкаго *tangal* (MEW.—Дюв.).
- 113) **мандало**,—лице—рогатка для запора оконъ; имѣется и въ сербскомъ языкѣ въ формѣ *мандал*, но въ значенїи „засовъ для воротъ“; происходитъ отъ греческаго *μάνδαλος* при посредствѣ, вѣроятно, турецкаго *mandal* (MEW), *mándál'* (Дюв.).
- 114) **мандра**,—ричва—овчарня, имѣется и въ сербскомъ языкѣ; происходитъ изъ греческаго *μάνδρα*, можетъ быть—черезъ посредство турецкаго *mandra* (MEW.).

- 115) **меана, механа, межена**—кабачокъ, имѣется и въ сербскомъ яз. въ формѣ *меана*; происходитъ отъ т у р е ц к . *tejhanè* (MEW), *teikhanè* (Дюв.).
- 116) **мельница**—мельница; въ данной формѣ имѣется еще только въ русскомъ и полабскомъ яз. (Будил.); происхожденія д р . - с л а в я н с к а г о .
- 117) **мумдѣйница**—сальный, салотопенный заводъ—только болгарское слово; происхожденія, по всей вѣроятности, т у р е ц к а г о (отъ *тѣт*—воскъ? Цень.).
- 118) **обграда**—дворъ; въ данной формѣ имѣется только у болгаръ; образовано отъ славянской основы.
- 119) **облонъ**—ставня; въ этомъ значеніи встрѣчается только у болгаръ; это слово можетъ быть родственно съ бѣлорусск. *болона*—оконое стекло и русск. *болонка*—стекло; послѣднія слова относятся къ одной основѣ *bolna* (MEW), изъ которой образовались: нов.-славян. *блана*—кожица, пергаментъ; чешск. *blána*—вожа, кора; польск. *blona*—кожа; русск. *оболонка*—вожица; и т. п. (MEW.).
- 120) **оборъ**—конюшня, сарай; встрѣчается въ письменности съ XVI в., употребительно съ нѣкоторыми отклоненіями въ значеніи во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (Будил.); происхожденія д р . - с л а в я н с к а г о .
- 121) **огниште**—очагъ; встрѣчается въ памятникахъ съ XVI в., употребительно во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происходитъ отъ д р . - с л а в я н с к о й основы.
- 122) **ограда**—заборъ, въ письменности встрѣчается съ XIV в., употребляется съ незначительными фонетическими измѣненіями во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происходитъ отъ д р . — с л а в я н с к о й основы.
- 123) **одаа, одая**—1) комната, 2) шалашъ овчаря; имѣется также въ сербскомъ и польскомъ яз., происходитъ отъ турецк. *ода*—комната, домъ (MEW—Дюв.).
- 124) **оджажъ**—очагъ; имѣется и въ сербск. яз. въ томъ-же значеніи, а кромѣ того въ значеніи „домъ, дворъ“; происходитъ отъ т у р е ц к . *odzak* (MEW), *odjēq* (Дюв.).

- 125) **одъръ**—1) крыльцо, 2) поль, 3) скамья, ложе; въ послѣднемъ значеніи встрѣчается въ письменности съ XI в., употребляется почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; первыя два значенія представляютъ только развитіе изъ послѣдняго, исключительно на почвѣ болгарскаго нарѣчія; происхожденіе др.-с л а в я н с к о е.
- 126) **овно**—колесо водяной мельницы; въ данномъ значеніи свойственно только болгарскому языку; происхожденіе др.-с л а в я н с к о е; сравн. сербск. **овно**—колодезь.
- 127) **отводъ**—галлерея, въ этомъ значеніи—только болгарское слово; происходитъ отъ с л а в я н с к о й основы.
- 128) **пазуль, пезуль, пезулче**—завалинка у дома, земляная насыпь; имѣется только въ болгарскомъ языкѣ; происходитъ отъ ново-греческ. *πέζουλι*—подножіе (Дюв.). Раковскій въ своемъ „Показалець“ объясняетъ слово *пазуль* отъ *пазити*—охранять т. е. *пазуль*—то, что охраняетъ къщж отъ дѣйствія воды на основаніе (Пк.32),—но это скорѣе народная этимологія а не дѣйствительное объясненіе слова.
- 129) **палати, пулати**—комната (во 2-мъ этажѣ—*чардакъ*) въ письменности встрѣчается уже съ XI в., употребительно во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происходитъ отъ л а т и н с к . *palatium*, заимствованнаго въ очень древнее время (MEW.—Будил).
- 130) **пармадзи, —маци**—1) колья въ заборѣ, частоколь, 2) рѣшетки въ окнахъ; имѣется въ сербскомъ яз. въ значеніи „деревянная перегородка; происходитъ отъ, т у р е ц к . *parmaq* (Дюв.)
- 131) **пеливоль, пилеворъ**—садъ, имѣется въ памятникахъ XVI в., употребляется въ сербскомъ яз. (*перивој, пеливој, пеливја, -воје*) и въ хорутанскомъ (*perivoj*); заимствовано съ ново-греческ. *περιβολή* (MEW.—Будил.); вторая форма представляетъ, быть можетъ примѣръ народной этимологіи (*пеле*—птица и *воръ* отъ основы *ver*—вертѣть, двигать).

- 132) **пенджери, пенджури**—окна, имѣтся и въ сербскомъ яз., происходитъ отъ турецк. *péndžéré* (MEW) *pendjèrè* (Дюв).
- 133) **пѣшникъ**—лѣтняя пекарня при домѣ; слово болгарское; образовано отъ славянско й основы (см. слѣд. слово).
- 134) **пѣць** = печь; въ письменности встрѣчается уже съ XI в.,—слово общее во всѣхъ славянскихъ нарѣчiяхъ, происходитъ отъ др.-славянско й основы (MEW.—Будил).
- 135) **пивница**—1) погребъ, 2) кабачокъ; въ первомъ значенiи встрѣчается въ памятникахъ съ XIV в., употребляется во всѣхъ славянскихъ нарѣчiяхъ; образовано отъ др.-славянско й основы (MEW.—Будил).
- 136) **плеть, плетина, —тища**—плетень, въ письменности встрѣчается съ XVI в., имѣтся съ незначительными фонетическими измѣненiями во всѣхъ славянскихъ нарѣчiяхъ; происходитъ отъ др.-славянско й основы (MEW.—Будил).
- 137) **плита, плитня**—кирпичъ; въ первой формѣ имѣтся въ памятникахъ XVI в., встрѣчается въ русскомъ, малорусск. и хорватск. яз.; происхожденiя греческаго отъ *πλινθος*, но изъ давняго времени (MEW).
- 138) **плоча**—1) каменная плита, 2) вьюшка, крышка въ трубѣ, 3) заслонъ у печи; въ первомъ значенiи встрѣчается въ письменности съ XIV в., имѣтся и у сербовъ; происхожденiя, вѣроятно, германскаго (MLP.—MEW).
- 139) **плѣвникъ, плѣвня, плѣмна**—сарай для мякны; въ первой формѣ имѣтся уже въ XI в., встрѣчается въ сербскомъ, чешскомъ, хорутанскомъ нарѣчi.; происхожденiя др.—славянскаго (MEW).
- 140) **повой**—рядъ прутьевъ въ плетнѣ; въ данномъ значенiи имѣтся только въ болгарскомъ яз., происходитъ отъ славянско й основы.

- 141) **подъ**—1) **поль**, встрѣчается въ древнѣйшихъ памятни-
кахъ, употребляется и въ большинствѣ славянскихъ
нарѣчій; происхождение др.-славянское отъ аrio-
европейской основы (MEW.); 2)—**этажъ**, имѣется еще
на почвѣ только сербскаго и хорутанскаго нарѣч.,
происходить отъ предыдущаго слова.
- 142) **подводникъ**—доска подъ *водникомъ* (см. это слово);
чисто болгарское слово, образовано отъ славян-
ской основы.
- 143) **подникъ**—конюшня,—только болгарское слово въ дан-
номъ значеніи, образовано отъ славянской осно-
вы; даетъ нѣкоторое указаніе на способъ постройки
конюшни.
- 144) **подница**—погребъ, встрѣчается въ письменности еще
въ XIII в., но съ этимъ значеніемъ сохранилось только
у болгаръ; происходитъ отъ славянской основы
(сравн. **подъ**—1).
- 145) **подпоры**,—**рки**,—воля, подпирające плетень; имѣется
въ письменности съ XIV в., употребительно съ нѣко-
торыми незначительными измѣненіями въ значеніи у
всѣхъ славянъ; происходитъ отъ др.—славянск.
основы.
- 146) **подрумы**—погребъ; имѣется въ сербскомъ (*подрум*)
и польскомъ (*rodzina*): происходитъ отъ турецк.
bidurum (Цень.). Сопоставлять съ греческимъ *ἵππο-*
δομιος мѣшаетъ значеніе (MEW.).
- 147) **поеривъ**, **поериво**—крыша; въ письменности встрѣ-
чается съ XVII только въѣа; имѣется въ большей части
славянскихъ нарѣчій; образовано отъ славянской
основы.
- 148) **полесоѣъ**—навѣсъ надъ воротами,—слово только бол-
гарское; образовано отъ славянской основы.
- 149) **понджа**—погребъ,—слово болгарское, происхождение
непонятно, можетъ быть находится въ связи съ *по-*
ница (см. слѣд. слово).

- 150) **поница** = погребъ, встрѣчается въ письменности съ XVI в., имѣется теперь только въ болгарскомъ языкѣ; происхождение **с о м н и т е л ь н о** (ср. MEW).
- 151) **порта**,—**ти**,—**ты**—ворота; имѣется въ этомъ значеніи только у болгаръ; происхождение **р о м а н с к о е** (срв. латинск. *porta*).
- 152) **постройка**—русск. постройка; имѣется въ нѣкоторыхъ изъ прочихъ славянскихъ нарѣчій; происходитъ отъ **с л а в я н с к о й** основы.
- 153) **потземница** **кашта**—конюшня; слово болгарское—исключительно, образовано отъ **с л а в я н с к о й** основы; показываетъ нѣсколько на способъ стройки конюшни.
- 154) **потонъ**—1) полъ, полъ на крыльцѣ; 2) погребъ;—слово болгарское; Миелошичъ производитъ отъ греческаго *πάτωμα* (MEW.) (1).
- 155) **поята**—овчарня; въ значеніи „кровь, домъ“ встрѣчается еще въ XIII в., имѣется въ сербскомъ яз. съ значеніемъ „конюшня, сарай съ сѣномъ, комната“ и въ хорватскомъ—съ значеніемъ „сарай для мякины“; происхожденія др.-славянскаго (срв. *Fick*, *Vergl. Wört.* II, 638; MEW.—Будил.).
- 156) **прагъ**, **прадиште**—порогъ; въ письменности встрѣчается съ X в., употребляется во всѣхъ славянскихъ нарѣчійяхъ; происхожденія др.-славянскаго (MEW.—Будил.).
- 157) **преграда**,—**дѣа**—перегородка; въ памятникахъ встрѣчается съ XIII в., имѣется во всѣхъ славянскихъ нарѣчійяхъ; образовано изъ др.-славянскаго основы.
- 158) **прелѣвъ**, **прѣлазь**—проходъ въ плетнѣ; слово болгарское; происходитъ отъ **с л а в я н с к о й** основы.
- 159) **приграда**—пристройка; встрѣчается въ памятникахъ уже съ XI в., имѣется еще въ русскомъ языкѣ, хотя

---

1) Значенія этого слова я никакъ не могъ провѣрить, потому что не нашолъ въ имѣющихся у меня словаряхъ.

глаголь *прирадити* употребляется и въ сербскомъ, и хорутанскомъ; происхожденія др.-славянскаго.

- 160) **прилошка**—деревянная дощечка на плетневыхъ вольяхъ; слово—въ данномъ значеніи—только болгарское; образовано отъ славянскоѣ основы.
- 161) **притка**—воль; встрѣчается въ сербскомъ и хорутанск. нарѣч.; происходитъ отъ славянскоѣ основы.
- 162) **прозорци, прѣзорци**—овна; обѣ данныя формы встрѣчаются въ письменности съ XIV в., имѣются въ формѣ *прозор* въ сербск., хорватск. и хорутанск. нарѣчійхъ (Будил.); происходятъ отъ славянскоѣ основы.
- 163) **просторище**—мѣстность, на которой расположенъ дворъ со всѣми постройками; въ формѣ *простор* имѣется почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ; образовано отъ славянскоѣ основы.
- 164) **протка**—кадитка,—слово только болгарское; происхожденіе сомнительно; быть можетъ — славянскоѣ основы *tŭk*—тыкать, протыкать?
- 165) **прусть**—комната: 1) темная передняя, 2) столовая, 3) гостинная; имѣется въ памятникахъ XIV в. съ значеніемъ „паперть“; въ настоящее время существуетъ только у болгаръ; происхожденіе сомнительно (MEW.).
- 166) **пръть, прѣть, пѣръть**—пруть; въ памятникахъ письменности встрѣчается съ XIII в., съ незначительными измѣненіями имѣется во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ; происхожденія др.-славянскаго.
- 167) **раздѣлка**—отдѣленіе (въ домѣ); въ данной формѣ имѣется только у болгаръ; происходитъ отъ славянскоѣ основы.
- 168) **садица**—садъ; форма—болгарская; происходитъ отъ славянскоѣ основы.
- 169) **салхана**—бойня,—слово имѣющееся только въ болгарскомъ языкѣ; происходитъ отъ турецкаго *silkhane* (Ценк.)

- 170) **сарай**—домъ, (дворецъ); въ данномъ значеніи употребляется иногда только въ сербскомъ яз.; въ русскомъ яз. имѣеть значеніе „обширнаго хлѣва, навѣса“; происхожденія турецкаго отъ *sarh* (Ценк.)
- 171) **сѣньтя**—навѣсъ („отъ тевниці до сарая“); въ письменности встрѣчается съ XVII только въѣка; съ незначительными измѣненіями въ формѣ имѣется во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; образовано отъ др.-славянскаго—стѣнь (изъ него—стѣнь и тѣнь), тожественнаго съ греческ. *σκά* (MEW).
- 172) **скали** = лѣстница, встрѣчается въ памятникахъ съ XIII в., имѣется въ сербскомъ, хорватскомъ и русскомъ яз.; происходитъ отъ латинск. *scala* (MEW.—Будил.)
- 173) **слама**—солома (для крышъ), имѣется во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, образованно отъ аrioевропейско й основы (MEW.)
- 174) **смѣтъ**—навозная куча; слово—болгарское, образовано отъ славянско й основы.
- 175) **соба**—комната; употребляется еще въ сербскомъ и хорватск. нарѣч., происходитъ отъ мадярскаго *szoba* (Будил.).
- 176) **сожа**—бревно, въ письменности встрѣчается съ XII в., имѣется и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, —иногда съ указаннымъ, значеніемъ, а иногда—въ значеніи „орудія для пахоты; происхожденія др.-славянскаго (MEW.).
- 177) **стая**—комната; въ данномъ значеніи имѣется только въ болгарскомъ яз., въ прочихъ-же славянскихъ нарѣчіяхъ удержало значеніе „хлѣвъ, стойло“, съ которымъ встрѣчается и въ письменности съ XV в.; происходитъ отъ славянско й основы (MEW.—Будил.).
- 178) **стѣна**—стѣна дома; въ письменности встрѣчается съ XI в., употребительно во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ съ незначительными только фонетическими измѣненіями;

происхожденія др.-славянскаго отъ аrioевропейской основы (MEW—Будил.)

- 179) **стрѣха**—крыша,—слово общее во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, въ памятникахъ встрѣчается съ XIV в., происхожденіе др.-славянское (MEW.—Будил.)
- 180) **ступове**—косяки,—форма, собственно говоря,—сербская; встрѣчается въ памятникахъ XIV в.; происходитъ отъ славянской основы (ср. слѣдующее слово).
- 181) **стѣлбове**—косяки, проходить по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ главнымъ образомъ—со значеніемъ „столбъ, прямо поставленный большой обрубкомъ бревна“; въ письменности встрѣчается съ XIII в.; происхожденія др.-славянскаго (MEW).
- 182) **стѣсѣцы**,=**сежо** и (вм. стѣсекови)=**сусѣви**, отдѣленія въ хлѣбномъ амбарѣ; въ письменности встрѣчается съ XV в., употребляется почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (MEW.); происходитъ отъ др.-славянской основы.
- 183) **таванъ**—1) потолокъ, 2) полъ; употребляется также въ сербскомъ яз; происходитъ 1) отъ турецк. *tavan*—крыша, потолокъ (Цень.—MEW), а 2) — отъ турецкаго—же *taban*—пятка, подножіе (Цень. (')).
- 184) **тавница**, **тевница**, **темница**—тюрьма; въ письменности встрѣчается съ XI в., проходить по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ съ незначительными только фонетическими измѣненіями; происходитъ отъ др.-славянской основы (MEW.—Будил.)
- 185) **темель**—1) основаніе, фундаментъ, 2) воротные столбы (?); въ письменности встрѣчается съ XVI в., имѣется

---

¹⁾ Можетъ быть также, что значеніе *tavan*— потолокъ развилось изъ прежняго значенія тур. *tavan*—полъ, въ виду того, что въ двухъэтажныхъ домахъ потолокъ нижняго этажа есть въ тоже время полъ верхняго этажа.

- въ сербскомъ и хорватск. нарѣч., происходитъ отъ греческаго *θεμέλιον* (MEW.—Дюв.)
- 186) **терло, тярло**—овчарня; имѣется въ данномъ значеніи и у сербовъ; происходитъ отъ славянскоѣ основы (MEW.)
- 187) **трапезариа**—столовая, заимствовано съ греческаго, употребляется у болгаръ и сербовъ.
- 188) **трёмове, тремо'и** = галерея; въ данномъ значеніи имѣется еще только у сербовъ, между тѣмъ какъ въ памятникахъ славянскихъ и въ русскомъ яз. означаетъ „башня, вышка, свѣтлица.“ Происходитъ отъ греческаго *τῆρομνον* (MEW.).
- 189) **тугла**—кирпичъ; слово болгарское, происходитъ отъ турецк. *tugla* (MEW.—Цень.)
- 190) **тюнаци**—дымовая труба (см. выше **кюнець**.)
- 191) **форуна, фурна**—печь (см. выше **воруна, вурна**.)
- 192) **хлавъ, хлѣвъ**—хлѣвъ; въ письменности встрѣчается въ формѣ *хлѣвъ* уже въ XI в., проходитъ по всѣмъ славянскимъ нарѣчіяхъ съ незначительными только измѣненіями фонетическими и семасіологическими; происходитъ отъ др.-славянскоѣ основы (MEW.—Будил.)
- 193) **цавлота**—окно, стекло, въ данной формѣ имѣется еще только въ сербскомъ языкѣ; въ формѣ *стѣкло* встрѣчается въ памятникахъ XIV в., существуетъ и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; происхождение, по словамъ Миклошича, германское (MEW.).
- 194) **чадаръ, чадоръ**—шатеръ, встрѣчается во всѣхъ почти славянскихъ нарѣчіяхъ; происхожденія турецко—татарскаго отъ *çador* (MEW.—Цень.).
- 195) **чардакъ, чардаци**—чердакъ, второй этажъ; встрѣчается еще въ русскомъ и сербскомъ яз., происходитъ отъ турецк. *çardak* (MEW.).
- 196) **черамида**—кирпичъ (см. выше **керамида**).

- 197) **чѣпма**—володевь,—слово только болгарское, происходитъ отъ турецк. *çeşme* (Ценн.)
- 198) **штица**—доска (см. выше дѣска).
- 199) **яслѣ**—ясли; въ письменности встрѣчается съ XI в., употребляется во всѣхъ славянскихъ нарѣчiяхъ; происхождение др.-славянское (MEW.—Будил.)
- 200) **яхары, яхеры, яеры, яхыры**—конюшня (см. выше ажъръ).

Попытаемся теперь изложить тѣ выводы, которые можно сдѣлать на основанiи всего выше сказаннаго.

Прежде всего мы можемъ представить себѣ исторiю развитiя болгарскаго жилища,—исторiю, скрывающуюся въ названiяхъ построекъ и сочетанiяхъ этихъ названiй съ другими словами. Исходнымъ пунктомъ можетъ служить въ данномъ случаѣ прекрасный терминъ, представляющiй выраженiе понятiя „конюшня“,—**вапта потземница**. Сочетанiе слова **вапта**, означающаго постоянно „жилое помѣщенiе,—домъ“, съ **потземница**, т. е. подземный домъ, землянка,—прямо можетъ указывать на такое древнее жилище, которое вырывалось въ землѣ, но которое съ теченiемъ времени, оказавшись неудобнымъ для людей, обратилось въ помѣщенiе для животныхъ. По той-же причинѣ изъ жилища для людей образовался **зевникъ, земникъ**—погребъ. Подтвержденiемъ того, что подобная перемѣна въ назначенiи извѣстной формы жилья возможна и иногда даже несомнѣнна, служитъ обращенiе др.-славянскаго и почти обще-славянскаго термина **лаго помѣщенiя изба** (=истъка) на почвѣ болгарской—въ простой погребъ „глубокiй, темный и студеный“. (см. выше. стр. 19.) Обратный переходъ также имѣетъ мѣсто въ болгарск. яз., именно: **стая** въ болгарск. яз. означаетъ вообще „помѣщенiе“ и въ частности—„комната“, между тѣмъ какъ въ др.-славянскомъ и въ прочихъ славянскихъ нарѣчiяхъ

это слово значить „хлѣвъ, стойло“; такимъ образомъ слово „стая“ приобрѣло сначала болѣе общее значеніе, а затѣмъ— частное: „комната“.

Какъ переживаніе обычая строить для жилья зѣмлянки остался, какъ мнѣ кажется, обычай выкапывать нѣсколько землю для устройства хлѣва (см. выше стр. 20 прим. 3).

Кромѣ землянки для жилища употребляетъ *шалашъ* изъ прутьевъ. Въ болгарскомъ языкѣ на это имѣется указаніе въ употребленіи слово *одая* въ значеніи какъ *комнаты*, т. е. жилого помѣщенія, и какъ *шалаша* овчаря. Болѣе вѣское доказательство этого заключается, по моему мнѣнію, въ самомъ названіи *кѣшта*, которое въ др.-славянскомъ языкѣ означаетъ всякаго рода *тѣнѣ*; затѣмъ— *пала тку* (изъ древесныхъ вѣтвей); съ этимъ словомъ несомнѣнно связано и слово *кустъ* ⁽¹⁾, хотя оно имѣется только въ русскомъ, малорусскомъ и хорватскомъ яз., и хотя въ письменности является въ формѣ *коустъ* а не *кѣстъ*, но это уже въ памятникахъ XV в. и притомъ—русской редакціи.

Отъ землянки и древеснаго шалаша стали переходить въ деревянному жилью,—сначала съ постройкѣ изъ 4 столбовъ, врытыхъ въ землю, причемъ промежутки между ними были задѣланы или прутьями, или досками, затѣмъ—въ простому срубъ изъ бревень, и то и другое—съ крышей, но безъ потолка. На послѣднее указываетъ, по моему мнѣнію, во первыхъ—отсутствіе въ болгарскомъ языкѣ родного слова для обозначенія потолка, а только—заимствованное и притомъ—въ позднѣйшее время отъ турокъ, а во вторыхъ—отсутствіе у всѣхъ славянъ общаго слова для обо-

(1) Если-бы слово *кѣшта* было родственно съ *ККТЪ*=уголь, то на почвѣ русскаго языка получила бы форма *куча* и тѣ значенія „шалашъ, хижина“; но этого не имѣется, наоборотъ—форма *куща* очень употребительна и даже въ очень отдаленныхъ мѣстностяхъ (см. Даль слов.), такъ что заимствованія откуда нибудь нельзя и допустить.—Отсутствіе слова *кустъ* въ памятникахъ древняе XV в. еще не доказываетъ полнаго отсутствія его въ языкѣ болѣе ранняго времени.

значенія этого понятія „потоловъ“, что слѣдуетъ отнести еще къ очень древней исторіи жилища.—Землянка осталась всетаки и тутъ въ видѣ подполья, куда стали складывать для храненія разнаго рода пищу, затѣмъ одежду и т. п.—Настланого пола не было, его замѣняла природная почва.

Тепло первоначально получалось отъ огня—очага, на срединѣ, причемъ дымъ шелъ въ отверстіе, которое служило въ то же время и окномъ; на это указываетъ между прочимъ, одновременное употребленіе слова баджа и въ значеніи—дымова я труба, и въ значеніи—о к н о.—Печь появилась гораздо позднѣе, какъ результатъ усовершенствованія внутренней обстановки жилья, но очагъ всетаки остался тутъ-же на срединѣ кашты. Если-бы топить печь въ домѣ и лѣтомъ, то прибавлялось-бы тепла и безъ дого уже въ теплое время,—поэтому, какъ мнѣ кажется, устраивается болгариниомъ лѣтняя кухня—пешниѣ въ дома, на дворѣ,—кухня, открытая со всѣхъ сторонъ, но защищенная только сверху.

Такова, по моему мнѣнію, исторія развитія болгарскаго жилища на основаніи предлагаемаго матеріала.

Затѣмъ, кромѣ того, что представить исторію жилища, мы можемъ констатировать зависимость болгаръ отъ чуждыхъ народностей,—главнымъ образомъ, конечно, отъ турокъ, на долю которыхъ изъ всего количества разобранныхъ словъ приходится 57 примѣровъ, затѣмъ—зависимость отъ грековъ—16 словъ (впрочемъ изъ нихъ третья часть относится къ давнему времени) и наконецъ—къ зависимости отъ романскихъ народовъ (5 словъ и шестое—древнее: скали) и германскихъ—5 словъ, изъ которыхъ 4 существовали въ славянскомъ языкѣ уже въ древности. Если прибавить еще мадарское соба и 8 словъ неизвѣстнаго происхожденія, то чуждый элементъ въ названіяхъ жилища и частей его въ болгарскомъ яз. выразится числомъ 93, остальные-же 107 названій будутъ приходиться на общеславянскія слова, въгнчающіеся издавна уже въ памятникахъ письменности;

или—на слова чисто болгарскія, образовавшіяся отъ славянскихъ основъ.

Навонецъ послѣднее, что я могу отмѣтить изъ описательной части и лингвистической, это—параллельное какъ будто-употребленіе названій чисто славянскихъ съ заимствованными, напр.: **врата** и **жалитка**—тур. *капия*, роман. *порта*, а слав. *врата*, *врати*, *вратникъ*; **заборъ** и **стѣны**—тур. *беденъ*, *дуваръ*, а слав. *зидове*, *стена*, *ограда*; **крыша**—тур. *ганды*, а слав. *покривъ*, *стрѣха*; **косыки**—тур. *дирекъ*, *диреци*, а слав. *колове*, *ступове*, *стѣлбове*; **комната**—мадьяр. *соба*, тур. *одая*,—слав. *стала*, *прустѣ*; **очагъ**—тур. *оджакъ*, слав. *омиште*; **печь**—тур. *кюмбе*, роман. *форуна*, *фурна*,—слав. *пець* и т. д. — Эти параллели какъ будто понижаютъ нѣсколько степень зависимости болгаръ отъ чуждыхъ народовъ, но мы не можемъ этого утверждать положительно. Причина заключается въ недостаткахъ сборниковъ, которые служили источникомъ для предлагаемой работы. Въ этихъ сборникахъ, исключая В. В. Качановскаго, никто изъ собирателей не отмѣчалъ точно, въ какой мѣстности и отъ кого записана пѣсня, поэтому и нельзя ручаться за непремѣнное существованіе параллелей въ извѣстной мѣстности (1), а это было-бы очень полезно прослѣдить по картѣ и возможно было-бы вывести любопытныя заключенія.

---

(1) Существованіе параллелей очень возможно по моему мнѣнію, и появленіе ихъ очень понятно. Разъ приходилось невольно изучать языкъ владельцев—турокъ или ихъ помощниковъ—грековъ фанаріотовъ, то вслѣдствіе постоянной необходимости говорить на этихъ чуждыхъ языкахъ невольно вкрадывались въ болгарскій языкъ и слова турецкія и греческія, которыми болгары иногда замѣняли свои собственныя, а потомъ даже забывали.— Все таки утверждать это, какъ я сказалъ, пока нельзя,—нужны болѣе точныя изслѣдованія.

ОБЪ ПРИХАХЪ У ЧУВАШЪ.

Объ Ирихахъ у чувашъ краткія свѣдѣнія сообщаются многими авторами, писавшими о чувашахъ. Прежде чѣмъ сообщить нѣсколько новыхъ данныхъ, собранныхъ нами по этому предмету, я считаю умѣстнымъ сгруппировать въ одно уже имѣющіяся свѣдѣнія.

Неизвѣстный авторъ статьи о Чувашахъ прошлаго столѣтія говоритъ объ Ирихахъ слѣдующее: „Нѣкоторые изъ Чувашъ имѣютъ у себя домашнихъ идоловъ, называемыхъ ирихами, итярями (второе слово, повидимому, искажено наборщикомъ). Они почитаютъ ириховъ такими духами, кои могутъ причинять, по просьбѣ своихъ хозяевъ, вредъ и болѣзни ихъ сосѣдямъ, любятъ обитать въ свинцовыхъ кружкахъ, въ средину коихъ продѣта красная шерстяная нитка съ привязанной на концѣ кисточкой рябиновыхъ ягодъ, которую они ежегодно мѣняютъ, по созрѣніи новыхъ ягодъ. Сей приборъ, ими обожаемый, обернувъ чистымъ полотномъ и берестю, они подвѣшиваютъ подъ потолокъ, прикрѣпляютъ къ нему разныя оловянныя и свинцовыя бляхи и хранятъ въ чистотѣ. Ирихи бываютъ злые (хаяръ, въ подлинникѣ невѣрно ханіаръ) и смиренныя (ивваги). Ирихамъ и тюрямъ (?) Чуваша приносятъ въ жертву бѣлыхъ утокъ, саламату съ масломъ и небольшія прѣсныя лепешки. Обрядъ жертвоприношенія имъ совершаются въ домахъ“ ¹⁾.

---

¹⁾ Сѣверный архивъ 1827 №№ X и XI, стр. 130, 228. Въ 1888 г. статья о Чувашахъ перепечатана въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, редакціей коихъ издано сто отдѣльныхъ оттисковъ подъ заглавіемъ: О чувашахъ. Этнографическій очеркъ неизвѣстнаго автора XVIII ст. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Магницкаго. Казань. 1888 г.

А. Θ. Фуксъ въ своихъ Запискахъ о Чувашахъ говорить: „Чуваши ни о чемъ такъ подробно не умѣютъ рассказывать, какъ объ Ирихѣ. Его дѣлають Іомсъ, расплавляя олово и выливая его въ формочку. Ирихъ не простой кусокъ олова, но маленькій идолъ съ руками, ногами, глазами и величиною въ вершокъ. Ириха всегда ставятъ въ елѣтахъ, молятся ему и приносятъ ему жертвы. Жертва Ириху по-чувашски называется *Кимерь*, по-русски—кисель, приготовляемый изъ яшной муки съ масломъ и съ водою; еще приносятъ ему въ жертву прѣсныя лепешки. Ириху молятся, когда болятъ глаза, зубы, уши или когда бываетъ сыпь и вереды. По прошествіи десяти лѣтъ, опредѣляютъ въ жертву Ириху барана.—Рябиновую или липовую вѣтку, на которой виситъ Ирихъ, всякій годъ перемѣняютъ, бросая старую въ воду, а самъ Ирихъ всегда остается“ ¹⁾. К. Θ. Фуксъ въ отвѣтъ на это сообщеніе въ тѣхъ же Запискахъ пишетъ: „Чуваши не идолопоклонники. У нихъ нѣтъ идоловъ и ничего такого, чему бы они молились. Ихъ Ирихъ, или вѣточки, связанные изъ рябины, въ каждомъ (?) домѣ надъ дверьми находящіяся, служатъ имъ для удаленія недоброжелательнаго духа, вредящаго, какъ они думаютъ, достиженію супружеской цѣли“ ²⁾.

Протоіерей В. П. Вишневскій въ статьѣ о религіозныхъ повѣрьяхъ чувашъ ихъ Ирихѣ говоритъ такъ: „Ирихъ книгу приписываютъ разнаго рода сыпи на тѣлѣ, коросту, чирьи, болѣзнь глазную. Для умилостивленія его они устраиваютъ кузовья, и кладутъ въ нихъ рябиновыя вѣтки, кусочки олова, обрѣзки ногтей, волосы, кисель и хранятъ свои кузовья въ житницах“ ³⁾.

Бывшій адъюнктъ-профессоръ Казанскаго Университета В. А. Сбоевъ въ своихъ письмахъ о чувашахъ, печатавшихся въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, опредѣляетъ ириха такъ: „Ирихъ, божество, посылающее на людей разныя наружныя болѣзни, таѣ-то: оспу, корь, чирьи, коросты, глазную болѣзнь и проч. Кого постигаетъ одна изъ такихъ болѣзней, тотъ долженъ принести ириху въ жертву гороховый

^{1) 2)} Записки Александра Фукса о чувашахъ и черемисахъ Казанской губерніи. Казань. 1740 г., стр. 93, 96 — 97 и 141.

³⁾ Казанскія Губернскія Вѣдомости 1846 г. № 23.

висель и нѣсколько ягнятъ по назначенію іомси. У одного изъ ягнятъ отнимають голову и кладутъ ее въ особый кузовъ, который обыкновенно вѣшается въ углу амбара, украшается разными вѣтвями, блестящими и мелкими серебряными деньгами, и который называется также прихомъ и служитъ предохранительнымъ средствомъ отъ вышеупомянутыхъ болѣзней“. Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же писемъ, по поводу сообщенія А. А. Фуксъ, онъ говоритъ: „Всѣ эти сказанія, противорѣчающія одно другому, совершенно несправедливы. Прихи были просто кадки или кузова поставившіяся или вѣшавшіяся въ углу амбаровъ и наполнявшіяся костями принесенныхъ въ жертву животныхъ. Очень явно, что въ „Запискахъ о Чувашахъ“ принята случайная принадлежность предмета за самый предметъ. Точно надъ кузовами съ костями жертвенныхъ животныхъ ставились иногда вѣтки, но въ нихъ привѣшивали не одинъ кусокъ олова, а многія блестяща, а у богатыхъ чувашъ—и серебряныя деньги. Ни объ идолообразномъ устройствѣ приха, ни объ рассказываемой „Записками о Чувашахъ“ церемоніи бросаніе стараго приха въ воду я ни прежде ни теперь не слыхалъ ни слова“¹⁾.

Н. И. Золотницкій въ статьѣ о жертвенныхъ приношеніяхъ чувашъ говоритъ: „Словомъ йрих, имѣющимъ настоящее значеніе „посвященія“, у чувашъ означается и предметъ посвященія и мѣсто посвященія (приношенія) и жилище того духа, которому дѣлается посвященіе, это же слово составляетъ общее именованіе и самихъ духовъ, которые при томъ имѣютъ частныя названія по своимъ свойствамъ, по качеству мѣстности, по имени селенія или владѣльца усадьбы, по именамъ христіанскихъ и мухамеданскихъ святыхъ и даже по именамъ древнихъ влaстителей. Духи эти не только переходятъ вмѣстѣ съ своими жилищами при перемѣщеніи послѣднихъ, но и размножаются, подобно киремети, посредствомъ отдѣленія частицъ отъ ихъ жилищъ“²⁾.

Профессоръ Е. А. Маловъ въ статьѣ: о вліяніи еврейства на чувашъ говоритъ: „Слово прихъ (йрих), по нашему мнѣнію, имѣетъ совершенно иное значеніе“.

---

¹⁾ Исслѣдованія объ инородцахъ Казанской губерніи. Казань: 1855 г. стр. 124—125.

²⁾ Казанскія Губернскія Вѣдомости 1875 г. № 100.

„Я произвожу это слово отъ еврейскаго *яракъ*—прозя-
бать, произрастать, отсюда *яракъ*—молодая зелень, а также
ерекъ—зелень. Послѣднее слово особенно указываетъ на
прихъ-прихъ. Въ Библии слово *ерекъ* употребляется, когда
говорится о зелени (Псал. 36, 2. Быт. 9, 3. Исх. 10, 15.
Сравн. *ярокъ* зелень, мурава. Иов. 39, 8). Такимъ образомъ
слово *йирихъ* есть еврейское“¹⁾.

Позднѣйшіе авторы для выясненія значенія приховъ въ
жизни чувашъ сообщаютъ фактическихъ данныхъ болѣе,
чѣмъ мало. Такъ священникъ В. Я. Смѣловъ въ статьѣ
„Нѣчто о чувашскихъ языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ“
объ ирихахъ говоритъ лишь слѣдующее: „Йирихъ—большую
частью какое-нибудь дерево, рѣдко—старый амбаръ. Йирихъ
посылаетъ наружныя болѣзни, особенно чирьи. Въ жертву
приносятся куски холста, серебряная монета, а для избав-
ленія отъ чирьевъ—кружечки изъ олова. Кружечки эти пред-
варительно накладываются на чирей“²⁾.

Діаконъ В. И. Миролюбовъ въ статьѣ: „Изъ быта кре-
щенныхъ чувашъ (добавимъ—села *Чутеева*, Цивильскаго уѣз-
да) говоритъ „Ирихъ—это два, три отдѣльно растущія де-
рева, болшею частью —вязовыя; духъ, обитающій въ нихъ,
менѣе злореденъ для чувашъ, чѣмъ духъ киремети. Онъ
можетъ вредить людямъ только наружными болѣзнями, какъ-
то: вередями, ранами, и разною сыпью на тѣлѣ, поѣтому и
жертва ириху приносится скромная. Онъ довольствуется
только перышками, косточками птицъ, разными привѣсоч-
ками, какъ-то: шелковыми ниточками, разными тухланами
(кружечками изъ бѣлой жести или свинца) и разными об-
носками обуви и т. п. Срубить одно изъ такихъ деревьевъ у
чувашъ считается также дѣломъ невозможнымъ. Еслибы кто
рѣшился поднять святотатственную руку на ириха, то такой
смѣльчакъ, по вѣрованію чувашъ, на всю жизнь останется
покрытымъ неизлѣчимыми струпьями“³⁾.

Священникъ И. Архангельскій въ очеркѣ чувашской
народности говоритъ: „Славяне отводятъ для своего *чура*

---

¹⁾ О вліяніи еврейства на чувашъ (Опытъ объясненія нѣкоторыхъ
чувашскихъ словъ). Протоіерея Евиміа Малова. Казань 1882 г. стр. 16.

²⁾ Извѣстія по Казанской Епархіи 1880 г. № 20.

³⁾ Извѣстія по Каз. Епархіи 1889 г. № 21.

или домового помещеніе подь очагомъ или подь печью, а въ извѣстное время—передній уголъ подполья. Чуваші своихъ *йыя*, *йыйхъ*, *йыйра* помѣщаютъ, гдѣ хранятся главные плоды ихъ земледѣльческаго быта—зерновой хлѣбъ—т. е. въ амбарѣ. Нагляднымъ выраженіемъ этого помѣщенія служить кузовъ съ извѣстнымъ содержимымъ, который и зовется *йыйрихъ*. А такъ какъ изъ всѣхъ видовъ хлѣба у чувашъ преимуществуетъ рожь, то она и называется *йыйра-жь*, а главные остатки, или отброски, т. е. отруби, называются *йыйритъ*. Кузовъ помѣщается въ одномъ изъ угловъ амбара въ висачемъ, а если есть полки выше сусѣковъ, въ стоячемъ положеніи. Въ кузовѣ находятся обрѣзки волосъ и ногтей, какъ предметы посвященія, принадлежащіе организму посвящающаго, менѣе другихъ подверженныя разложенію. Сюда же кладутся кусочки олова *тухланъ*,—металла способнаго подниматься (?) (плавиться) скорѣе другихъ металловъ. Есть мнѣніе (чье?), что тухланъ замѣняетъ древняго фетиша чувашъ, маленькаго вершковаго идола, имѣющаго человѣческія формы, который готовится изъ олова (въ родѣ боговъ Лавана, украденныхъ Рахилью). Изъ распросовъ лучшихъ чувашъ по этому поводу, полнымъ довѣріемъ коихъ пользовался въ свое время пишущій эти строки, удалось узнать только то, что подобныхъ формъ нынѣ въ *йыйрихъ* нѣтъ; но у нихъ сохранилось преданіе, что ихъ предки на память съ умершихъ „садчиковъ“, которые сажали (селили) чувашъ на извѣстныхъ мѣстахъ, дѣлали куклы деревянные или оловянные, похожія на нихъ, садчиковъ. Какого размѣра были эти куклы и гдѣ онѣ хранились, теперь чуваші не знаютъ. Куклы эти носили имѣна тѣхъ садчиковъ, въ память коихъ онѣ сдѣланы; напр.: Юшанъ—дубовый, твердый (такъ ли? йюшанъ—дубъ, а дубовый по-чувашски йюшанранъ) и т. под. Тутъ же въ кузовъ кладутся обрѣзки холста, ситца, сукна, ремешки отъ выдѣланныхъ кожъ и овчинъ и даже щепочки отъ новаго сруба, вообще отъ всякихъ чувашскихъ обновъ. У чувашъ всякая обнова—въ обуви, въ одеждѣ, и въ жильѣ должна получить, таекъ сказать, санкцію йыя или йыйхъ. Тутъ же кладутся мелкія монеты. Снаружи кузовъ украшается разноцвѣтными ленточками, а у богатыхъ серебряными монетами. Еще необходимую принадлежность *йыйриха* составляютъ вѣтки рябины, помѣщаемыя внутри и внѣ кузова... *Йыйрихъ*, въ которомъ обобщен-

лось понятіе чувашъ объ умершихъ предкахъ.... наказываетъ чувашъ за отступленіе отъ завѣтовъ старины и порядка, переданнаго предками, и за неуваженіе ихъ памяти—болѣю въ поясницѣ, лишаями, коростой, скорбутомъ, чирьями, нарываами, глазными и другими нажомными болѣзнями, къ которымъ чуваша относятъ изъ міазматическихъ болѣзней оспу и корь по ихъ наружному виду“¹⁾).

Слово ирихъ нѣсколько разъ встрѣчается въ фельетонной статьѣ А. Жакмона: „Чуваша въ Оренбургской губерніи“. но въ дѣйствительности авторъ подъ названіемъ ирихъ описываетъ жертвоприношенія чувашъ киреметямъ, Богу и въ честь покойниковъ; о самомъ же ирихѣ мы не находимъ у него ни одинаго слова“²⁾).

Перехожу къ изложенію свѣдѣній, собранныхъ непосредственно. Въ 1885 году бывшій учитель, чувашинъ села Тюрлемы, Чебоксарскаго уѣзда, Мак. Петр. Арзамасовъ доставилъ мнѣ подъ названіемъ ирихъ самодѣльную чувашскую куэлу, изображавшую женщину. По его словамъ, эту куэлу передалъ ему грамотный чувашинъ деревни Читламы того же уѣзда Григорій Петровъ Бычковъ, который добылъ ее тайно въ лачугѣ своего сосѣда, гдѣ она хранилась въ углу на полѣ въ игрушечной зимней повозкѣ. Куэлу отъ Арзамасова я приобрѣлъ и подарилъ бывшему секретарю Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи С. К. Кузнецову. Этотъ случай и побудилъ меня попытаться собрать объ ирихахъ новыхъ данныхъ.

Проѣзжая зимой 1887 г. Чебоксарскимъ уѣздомъ для осмотра училищъ, я просилъ нѣкоторыхъ учителей добыть мнѣ при случаѣ кузовъ, въ который складываются чувашами жертвенныя приношенія Ириху. Первымъ на мою просьбу откликнулся учитель *Толиковской* церковно-приходской школы, дьяконъ села Яндашева П. А. Троицкій. Въ мартѣ 1888 г. онъ прислалъ мнѣ слѣдующее письмо: „Въ бытность Вашу у насъ въ школѣ вы просили, чтобы мы доставили вамъ какъ-нибудь чувашскій ирихъ (въ школѣ при мнѣ былъ и законоучитель священникъ Г. И. Громовъ, котораго

---

¹⁾ Самарскія Епарх. Извѣстія 1886 г. №№ 13, 14 и 15. Намъ извѣстно, что авторъ наблюдалъ бытъ чувашъ въ Буинскомъ уѣздѣ Симбирской губ. въ Шемуршинскомъ приходѣ.

²⁾ Московскія Вѣдомости 1890 г. № 45 и 70.

П. А. Троицкій и подразумѣваетъ). Вы объясняли, что это есть какая-то кукла, но на самомъ дѣлѣ оказалось не кукла, а расплавленный свинецъ или олово, слитки коего нанизаны на нитку, на подобіе серебряныхъ монетъ. Намъ удалось приобрести его случайно. Сосѣдъ мой Н. Е. Яндашевскій купилъ съ торговъ у односельца Аввакума Владимірова старый чувашскій амбаръ, который онъ и перевезъ къ себѣ на дворъ. Во время складыванія на дворѣ бревно изъ одного гнилаго бревна высыпались неожиданно упомянутые слитки. Было это въ присутствіи многихъ чувашъ. Нѣкоторые изъ нихъ помоложе, удивлялись: что это за штука? Но одинъ старенькій объяснилъ, что это есть „ирихъ“ и рассказалъ употребленіе его. Ириху налилось горсти двѣ. Если вы таковымъ интересуетесь, то потрудитесь сообщить адресъ вашей квартиры, и я перешлю его вамъ, какъ вскрыется Волга“.

Я, конечно, не замедлилъ отвѣтомъ и попросилъ П. А. Троицкаго записать и сообщить мнѣ тѣ объясненія, которыя сдѣлалъ старенькій чувашинъ объ употребленіи слитковъ.

Во второмъ письмѣ, отъ 20 апрѣля, П. А. Троицкій объ ирихахъ сообщилъ слѣдующее:

„Ирихъ—вещь родовая, наслѣдственная; переходитъ онъ изъ роду въ родъ, но съ того мѣста, гдѣ разъ назначено ему быть не трогается до сгніенія или случайнаго исчезновенія амбара или лагучи, въ которыхъ онъ хранится. По мнѣнію чувашъ, ирихъ есть какое-то цѣлебное вещество или божество, предохраняющее ихъ отъ глазныхъ болѣзней, веретовъ и другихъ подобныхъ нарывовъ; заболѣвъ, напр., чувашинъ глазами и вотъ онъ начинаетъ молить „ирихъ“.

Для моленья печется предварительно изъ пшеничной муки прѣсная лепешка. На этой лепешкѣ, до посадки ея въ печь, дѣлается по срединѣ концомъ скалки углубленіе, а по краямъ, пальцами рукъ, пять защиповъ. Когда лепешка испечется, начинаютъ варить „нимеръ“. Это есть родъ киселя. „Нимеръ“ готовится такъ: въ подвѣшенный надъ горномъ (вочахъ) котелъ наливаютъ воды, кладутъ потребное количество соли и начинаютъ кипятить воду; когда вода вскипитъ, пускаютъ въ нее извѣстную пропорцію пшеничной муки и коровьяго масла (сю) и снова смѣсь начинаютъ кипятить. Кипятятъ довольно долго. Наконецъ „сю нимеръ“ готовъ. Тогда на средину избы выставляютъ столъ, ставятъ

на него „сю нимерь“, кладутъ упомянутую выше пшеничную лепешку и топоръ или косарь; передъ иконами на божницѣ затепляютъ восковую свѣчу и затѣмъ приступаютъ къ изготовленію „приха“.

Ирихи дѣлаются такъ: одна изъ старухъ иногда и стариковъ (изготовленіемъ приховъ заправляютъ болѣе женщины, мужчины же участвуютъ побочно) беретъ въ руку широкую лучину, на средину ея вкладетъ маленький кусокъ олова или свинца и затѣмъ свободный конецъ лучины зажигаетъ, держа лучину подъ топоромъ или косаремъ; огонь, достигнувъ до средины лучины, гдѣ положено олово или свинецъ, расплавляетъ послѣдній, расплавившееся вещество капаетъ па топоръ или косарь, и вотъ—„прихъ“ готовъ. Топоръ или косарь кладутъ подъ расплавляемое олово или свинецъ потому, что съ нихъ застывшій сплавъ легко снимается, а это-де обстоятельство знаменуетъ то, что также легко прихъ долженъ очищать струпы у просящихъ у него исцѣленія. Получившійся на топорѣ или косарѣ слитокъ снимается и вздѣвается на нитку. Послѣ этого начинаютъ молить приха, чтобы онъ избавилъ отъ такой-то болѣзни. Молятся приху такъ: Сирлакъ пирѣ, прихъ, косне тюрлетъ и т. д., т. е. Помилуй насъ, прихъ; глаза исцѣли! Какъ мы тебя, прихъ, бережемъ, такъ и ты насъ береги отъ всякихъ завѣдуемыхъ тобою болѣзней!

Послѣ молитвы прежде всего вырѣзаются средина лепешки съ сдѣланнымъ на ней углубленіемъ и края съ защипами, въ вырѣзанную средину лепешки вкладется часть нимеря, отрѣзанныя части лепешки завязываются въ тряпку и опускаются въ кузовъ (йѣрѣх пѣрни, какъ намъ называлъ по-чувашски одинъ учитель чувашинъ); въ то же время къ кузову привязываются оловянные слитки и затѣмъ кузовъ уносится въ амбаръ или лачугу въ жертву ириху. Послѣ этого совершители обряда садятся за столъ сами и принимаютъ кушать все оставшееся за выдѣломъ ириху.

Изготовленіе приха и моленье ему совершаются тайно не только отъ сосѣдей, но и родственниковъ совершителей обряда.

У кого въ домѣ нѣтъ родового кузова, а вѣра въ приха есть, тѣ изготовленный „прихъ“ вѣшаютъ въ полѣ или въ лѣсу на кусточкахъ.

Объ прихахъ—заканчиваетъ письмо П. А. Троицкій—сообщила всѣ подробности старушка, которая при васъ сидѣла у насъ въ школѣ съ канчалушкой (прялкой); старикъ же, бывший при выпаденіи приховъ изъ гнилого амбара въ с. Яндашевѣ, рассказывалъ мало, сухо, коротко“....

Къ сожалѣнію, и во второмъ письмѣ П. А. Троицкаго есть существенныя недомолвки. Такъ изъ его описанія не видно: кѣмъ и съ какими обрядностями снимается и приносится въ избу родовой кузовъ? Какъ располагаются передъ столомъ совершители обряда? Съ какими обрядностями привязываются къ кузову оловянные слитки и затѣмъ послѣдній уносится? Не менѣе жаль, что молитва приху приведена П. А. Троицкимъ не сполна и не указано лицо, читающее молитву. Особенно важно бы знать: какъ называются почувашски мѣста въ полѣ или въ лѣсахъ, гдѣ вѣшаются слитки совершителями обряда, неимѣющими родового кузова? Вѣшаются ли слитки всегда на извѣстныхъ опредѣленныхъ мѣстахъ или же каждый разъ въ разныхъ? Отвѣты на эти вопросы важны для выясненія особенностей жертвоприношенія прихамъ и биреметамъ, что этнографами постоянно смѣшивается.

Разсортировавъ доставленные мнѣ П. А. Троицкимъ слитки, я насчиталъ ихъ 121 экземпляръ. Въ этомъ числѣ оказались два слитка свинцовыхъ и 119 оловянныхъ. Слитки имѣютъ ту форму, какую сплавъ получилъ при паденіи на холодное желѣзо. Нѣкоторые кусочки олова упали на желѣзо—видимо не расплавившимися и за это забракованы. Самый большой слитокъ не болѣе 20-ти копѣечной серебряной монеты. По краямъ слитковъ имѣется по одной дырочкѣ, въ которыя продѣты нитки, длиною отъ 1½, четверти до 1½, вершковъ. Каждый отдѣльный слитокъ навизанъ на особую нитку. Нитки—льняныя, небѣленныя, въ большинствѣ случаевъ не крученныя (обрывки пряжи); одинъ слитокъ оказался навизаннымъ на синюю крученую нитку. Концы нитокъ большею частію оставлены свободными для подвязыванія, у нѣкоторыхъ же онѣ связаны въ кольцо для подвѣшиванія слитковъ. По разборкѣ слитковъ, остался пучекъ нитокъ безъ слитковъ.

Въ моихъ „Матеріалахъ къ объясненію старой чувашской вѣры“ Казань. 1881 г., въ выноскѣ на 82 стр., со словъ чувашина села Абашъ Василія Якимова, говорится:

„Если желаютъ кому за что-либо отомстить, то загибаютъ йриха (т. е. слитую штучку) по поламъ, въ родѣ пирога, и при этомъ говорятъ: согни киреметь (прихъ?) моего врага такъ, какъ я согнулъ этого йриха! Далѣе: иногда ворожецы рекомендуютъ кому либо изъ проходящихъ къ нимъ за совѣтомъ идти къ такой-то киремети (на мѣсто жертвенныхъ приношеній приху?) отыскать близъ нея на его бѣду согнутаго йриха и разогнуть, чтобы бѣда прошла“.

Въ числѣ 121 слитка, доставленныхъ мнѣ П. А. Троицкимъ, пять слитковъ и дѣйствительно оказались согнутыми, но сплюснуты ли они съ указанной цѣлью или при переноскѣ слитковъ,—сказать положительно нельзя, потому что слитки сплюсциваются при самомъ легкомъ нажимѣ на нихъ.

Вслѣдъ за П. А. Троицкимъ мнѣ доставленъ былъ кузовъ, съ привѣшенными къ нему оловянными слитками учительницей Абашевского сельскаго училища Чебоксарскаго уѣзда К. П. Богоявленской. Кузовокъ этотъ сшитъ изъ бересты. Великою отъ $1\frac{1}{2}$ вершка въ вышину и $1\frac{1}{2}$ вершка въ ширину. Въ отверстіе его, чтобы кузовъ не суживался, вставленъ изнутри черемуховый обручикъ, пришитый къ краямъ кузовка нитками. Снаружи къ отверстию прикрѣплена лямочка изъ крученаго лыка. Оловянные слитки, нанизанные на обрывки нерученой пряжи, разной длины, привязаны къ лычной лямочкѣ въ мѣстѣ ея прикрѣпленія съ наружной стороны. По счету слитковъ оказалось 15; изъ нихъ два свинцовыхъ. Великою и по формѣ слитки одинаковы съ описанными выше. Согнутыхъ пирогомъ нѣтъ ни одного. Внутри кузовка было вложено 7 нохратокъ (изъ бѣлой жести кружечки),—одинъ величиною въ 15-ти копѣечную монету, остальные—съ горошину. По словамъ доставительницы, кузовокъ добытъ ея учениками изъ деревни Чиршъ кассы, Абашевского прихода. Кузовокъ видимо сдѣланъ недавно.

Въ іюнѣ 1887 года учитель - чувашинъ Кюгесьской школы Матвѣй Григорьевъ доставилъ изъ того же Абашевского прихода подъ именемъ „йерѣх пѣрни“ (приховъ кузовъ) четырехъ-угольную корзину, сплетенную изъ лыкъ. Къ сожалѣнію, этотъ доставитель счелъ неприличнымъ доставить корзину въ томъ видѣ, какъ она была доставлена ему, а предварительно вымылъ ее, оборвалъ всѣ принадлеж-

ности къ ней и выбросилъ подстилку, бывшую на днѣ. Доставленная Григорьевымъ корзинка по измѣренію оказалась: вышиной $2\frac{1}{4}$ вершка, такой же она ширины къ одному краю, а къ другому 2 вершка. Надъ отверстіемъ, какъ и у предшествовавшаго кузовка, веревочная лямка. Корзинка видимо давняя. Въ корзинку было вложено: 15 слитковъ, 10 нахратовъ, $7\frac{1}{2}$ ячменныхъ колобковъ и 4 восковыя свѣчи.

Всѣ слитки, бывшіе въ корзинѣ,—свинцовые, величиной вчетверо болѣе описанныхъ выше; отлиты они, повидимому изъ чайныхъ оберточныхъ листовъ и нанизаны на нитки.

Изъ числа нахратовъ двѣ—величиною въ горошину, остальные 8 въ серебряный пятикопѣечникъ.

Колобки, или какъ назвалъ ихъ по-чувашики предположительно одинъ чувашинъ, *тюрметъ*, походятъ на копѣечную булку, но вдвое менѣе. По краямъ колобковъ имѣется до 7 защиповъ, а въ серединѣ—углубленіе. У одного колобка въ углубленіи замѣтна бѣлесоватая засохшая масса, вѣроятно, пимерь. Края четырехъ колобковъ и одной половинки источены, повидимому, насѣкомыми.

Восковыя свѣчи длиной до $2\frac{1}{2}$ вершковъ, а толщиною въ стволъ вороньяго пера; одна изъ нихъ бѣлаго воска, остальные три желтаго. Свѣтели у желтыхъ обожжены.

Доставитель корзинки, хотя и чувашинъ, но о культѣ приховъ чувашами ничего сообщить не могъ, потому что съ дѣтства жилъ въ г. Чебоксарахъ, гдѣ совсѣмъ обрусѣлъ.

Въ мартѣ 1889 г. былъ доставленъ мнѣ приховъ кузовъ учителемъ-чувашинцемъ Яковимъ Ивановымъ изъ деревни Малыхъ Мемей (Куль башъ), Свіяжскаго уѣзда. Мало-меминскій кузовъ сдѣланъ изъ вязовой коры, имѣетъ форму обыкновенныхъ русскихъ кузовьевъ. Вышиной отъ 3 верш., шириной по дну около 2-хъ вершковъ. Лямка для подвѣшиванія ниточная. Оловянные слитки привязаны въ мѣстахъ прикрѣпленія лямки съ обѣихъ сторонъ. Съ одной стороны кузова прикрѣплено пять оловянныхъ слитковъ и одинъ свинцовый, съ другой—девять. Кузовъ взятъ тайно изъ лачуги вдовы Анны Мазаровой, считающейся въ деревнѣ ворожеей.

По собраннымъ до полученія этого кузова свѣдѣніямъ отъ учениковъ Мало Меминской школы Братства св. Гурія,

въ деревнѣ Малыхъ Миляхъ прихи имѣются въ пяти домахъ. Одинъ изъ владѣльцевъ приха извѣстенъ въ деревнѣ подъ именемъ „*йерех-набай*“—дѣдушка, имѣющій прихъ ¹⁾).

Въ жертву прихамъ, кромѣ перечисленныхъ выше приношеній, въ Малыхъ Мемяхъ приносятся еще куриныя яйца, зачерненные сажей съ того или другого конца. Отъ тѣхъ лицъ, у которыхъ нѣтъ приховъ; жертва приху всовывается въ плетни и заборы, окружающіе усадебную осѣдность владѣльцевъ приха. Разъ былъ такой случай, рассказывали мнѣ ученики. Чувашскіе мальчики, игравшіе на улицѣ, замѣтили повѣшенный на плетень оловянный слитокъ, сняли его на землю и стали хлестать прутьями. На другой день у одного изъ шалуновъ вскочилъ чирій. Родители этого мальчика, узнавъ объ участи его въ предшествовавшей провазѣ, для умилостивленія приха послѣшили принести въ жертву яйцо.

Бывшій учитель Бичуринскаго 2-хъ класснаго училища, Чебоксарскаго уѣзда, изъ чувашъ Ядринскаго уѣзда Ѡ. Н. Никифоровъ сообщилъ намъ, что словомъ прихъ чуваша называютъ духа. Наружнымъ изображеніемъ его служить кукла, представляющая дѣвушку. Такую куклу вложенную въ кузовъ съ жертвенными приношеніями приху, онъ видѣлъ въ дѣтствѣ въ амбарѣ своего однопоросенца. Случилось такъ, что съ амбара вѣтромъ сорвало крышу, и деревенскіе мальчики, узнавъ объ имѣющемся въ амбарѣ прихѣ, лазили въ амбаръ посмотрѣть приха. Что касается рябины, то она у чувашъ считается вообще цѣлебнымъ средствомъ отъ вредоносныхъ духовъ. Такъ чуваша навѣшиваютъ части рябиновыхъ вѣтокъ на шею дѣтямъ, больныхъ скорбутомъ, что по-чувашски называется „*Вубурь чумлатъ*“. Близъ мѣста нахожденія приховъ строго воспрещается исправлять естественныя нужды. Въ послѣднее время, по словамъ г. Никифорова, много приховъ брошено чувашами въ рѣчку въ Тимирсянскомъ приходѣ, Буинскаго уѣзда, подъ вліяніемъ поученій одного чувашина.

Лучшій экземпляръ приха, въ формѣ круглаго небольшого лукошка, имѣется въ Миссіонерскомъ Пріютѣ въ Ка-

---

¹⁾ Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ дер. Таганашевой, былъ чувашинъ подъ названіемъ Иприхъ Хведеръ, т. е. Хранитель приха Ѡедоръ. См. Матеріалы къ об. старой чув. вѣри. стр. 80.

зани. Тамъ же хранятся принадлежности приха, обнаруженнаго въ деревнѣ Масловой (Кивьяль), Чебоксарскаго уѣзда, подъ именемъ „*Мелимъ хузя*“ и описаннаго въ моихъ „Матеріалахъ къ объясненію старой чувашской вѣры (стр. 68—77). Н. И. Золотницкій названіе этого приха произвелъ отъ имени магометанскаго святаго, но, судя по тому, что прихи у чувашъ переходятъ изъ рода въ родъ по наследству, что чувашскія языческія имена были одинаковы съ татарскими и что титуль „*ходжа*“ (татар. козя, кузя, чуваш. хозя, хузя) носили и чуваша, можно предполагать, что „*Мелимъ хузя*“ былъ предокъ тѣхъ чувашъ, у потомковъ коего онъ былъ обнаруженъ.

Отъ слова прихъ, кромѣ лицъ, и вещей носятъ названія селенія, рѣчки и острова. Такъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ существуютъ деревни: Ирихъ сирьмы (Ириховъ оврагъ) въ Кошкинскомъ и Акулевскомъ приходахъ. Въ томъ же Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ юго-западномъ его углу, подъ деревнями Большое и Малое Карачурино Янгилединскаго прихода, Козмодемьянскаго уѣзда, протекаетъ рѣчка Йерекъ шу. На берегу этой рѣчки чувашами совершаются обильныя жертвенныя приношенія ¹⁾. Въ ядринскомъ уѣздѣ рѣчка „*Йерекъ шу носъ*“ течетъ въ присурскихъ лѣсахъ, близъ Кошлоушскаго прихода.

Несомнѣнно отъ слова прихъ получилъ названіе „Ириховъ островъ“ на рѣкѣ Волгѣ, при деревнѣ Арахчиной, выше села Верхняго Услона. Съ этимъ названіемъ островъ упоминается въ одномъ документѣ подъ 1594 годомъ ²⁾. До 1795 г. Иреховъ островъ принадлежалъ помѣщику Желтишину, а теперъ — городу Казани.

---

¹⁾ Волжскій Вѣстникъ 1887 г. № 201. (Корреспонденція изъ Чебоксарскаго у.).

²⁾ Село Верхній Услонъ. Извѣстія по Казанской Епархіи 1881 г. № 7.

РУССКІЯ ИМЕНА И ПРОЗВИЦА

ВЪ XVII ВѢКѢ.

Представляемый мною сборникъ русскихъ „мірскихъ“ именъ и прозвищъ извлеченъ изъ рукописныхъ документовъ, принадлежащихъ Казанскому Обществу Исторіи, Археологіи и Этнографіи: изъ писцовыхъ и отказныхъ книгъ, разныхъ грамотъ, челобитныхъ, наказныхъ памятей, судныхъ дѣлъ, явочныхъ, кабальныхъ и поручныхъ записей и т. п. Всѣ эти документы относятся къ Казанскому и Нижегородскому краю, къ разнымъ годамъ XVII-го столѣтія.

Считаю необходимымъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній и объясненій.

Русскія личныя имена, на ряду съ христіанскими, были старину весьма обычнымъ явленіемъ во всѣхъ слояхъ и сословіяхъ народа. Всѣмъ извѣстны такъ называемыя „княжія“ имена въ древнемъ періодѣ нашей исторіи. Въ XIII-мъ столѣтіи они встрѣчаются рѣже, а въ XIV-мъ уже совсѣмъ уступаютъ мѣсто христіанскимъ именамъ (*). Но въ народѣ имена такого рода, называвшіяся „мірскими“, жили еще въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, мало-по-малу выходя изъ употребленія—сперва въ высшемъ сословіи, а потомъ и въ простомъ народѣ. Въ XVII-мъ в. они весьма рѣдко встрѣчаются въ средѣ чиновныхъ и служилыхъ людей; но между посадскими людьми и особливо между крестьянами они попадаются еще очень часто, особенно въ начальныхъ годахъ столѣтія, хотя и уступаютъ по численности обыкновеннымъ христіанскимъ именамъ. Замѣтно однакожь, что въ теченіе XVII-го вѣка они становятся все менѣе и менѣе употреби-

---

(*) По замѣчанію Карамзина, послѣдній князь, носившій русское имя, былъ Ярославъ, сынъ Владиміра Андреевича Храбраго.

тельными, а къ концу его почти совсѣмъ исчезаютъ, перешедши въ простыя прозвища.

Рядомъ съ мірскими именами, съ самаго древняго времени появляются прозвища, которыя часто ничѣмъ не различались отъ мірскихъ именъ. Стоить заглянуть въ родословныя книги, чтобъ увидѣть, какъ многочисленны и какъ разнообразны были прозвища, прибавлявшіяся къ именамъ въ княжескихъ и дворянскихъ родахъ (*). Именованіе по родамъ и фамиліямъ, вмѣсто прозвищъ, стало входить у насъ въ употребленіе съ конца XIV-го в., а въ XVI-мъ уже совсѣмъ утвердилось. Но въ простомъ народѣ прозвища сохранялись еще долго, сохраняются и въ настоящее время. Въ XVII-мъ в., какъ видно изъ разсмотрѣнныхъ документовъ, имена очень часто употреблялись какъ прозвища, и на оборотъ (**).

Изъ именъ, какъ мірскихъ, такъ и христіанскихъ, и изъ прозвищъ возникли фамильныя прованія, получившія у великоруссовъ форму прилагательнаго имени съ окончаніями на *овъ*, *инъ*, *скій*, или въ родит. падежѣ ед. числа *ою*, *ово*, *аю*, или множ. числа *ихъ*. *ихъ*: Захарыинъ, Романовъ, Мстиславскій, Солового, Щербатово, Дурново, Веселаго, Мертваго, Нагихъ и т. п.

Почти всѣ приведенныя въ моемъ спискѣ имена и прозвища принадлежатъ крестьянамъ и посадскимъ людямъ. Въ упомянутыхъ выше документахъ, изъ которыхъ извлечены они, обыкновенно обозначаются имя, отчество и фамилія или

(*) Напримѣръ: Василій Овчина, Данило Щеня, Федоръ Кутузъ, Иванъ Тугой-лукъ, Владиміръ Темносиній и мн. др. Даже попадаются явно насмѣшливыя прованія: Баранья-голова, Дуракъ, Харя, Хопало, Собака, Дубовый-носъ, Глупой и т. п. Очень часто прозвище было и именемъ (мірскимъ) лица, и вносилось въ родословные списки безъ прибавленія христіанскаго имени; такъ встрѣчаются: у Александра (Кутузова) дѣти Немятой да Посникъ; у князя Ивана (Мещерскаго) дѣти Бархатъ да Аксамить и т. п.

(**) Въ одномъ Азбуковникѣ (XVIII-го в.), въ «предисловіи голкованію именъ человѣческихъ» говорится: «Прежде убо славяне, еще суще погани, не имѣяху книгъ, понеже не розумѣяху писанія. И того ради дѣтямъ своимъ даяху имена яко же восхищеть отецъ или мати дѣтищу, яко же суть сія: Богданъ, Бажень, Второй, Третьякъ и прочая подобная симъ, аже нынѣ прозвища именуются».

прозвище (иногда же только имя и отчество, безъ прозвища), напримѣръ: Потѣха Ивановъ сынъ Опаринъ, Шестой Офонасьевъ сынъ Серебренникъ прозвище Кроха, Жданъ Клементьевъ сынъ Облоуковъ, Дмитрий Третьяковъ сынъ Ончиковъ, Васька Григорьевъ сынъ Ярило, Невѣжа Тимофеевъ сынъ Бобоѣдовъ, Алексѣйко Онуфреевъ а прозвище Попъ, Иванъ Ивановъ сынъ Ермолинъ прозвище Рогожа, Вавило прозвище Бажень, Первово сынъ Гагарина, Истома Ивановъ сынъ Трисисолома, Тимоха Меньшово сынъ Сухая-заколотка, Мурза Онисимовъ Коротково, скоморохъ Жданко Веселой, Ивашка Тяжеловы-шубы, Васька Терентьевъ сынъ Татаринъ и т. п. Лица служилаго сословія почти всѣ носятъ христіанскія имена („молитвенныя“, какъ тогда называли) и обыкновенныя фамильныя прованія въ нынѣшней формѣ. Только изрѣдка попадаютъ въ средѣ ихъ: Игумень Леонтьевъ сынъ Бѣлово, Бусурманъ Леонтьевъ сынъ Бѣлово, Курдюкъ Семеновъ сынъ Карамзинъ, Томило Семеновъ сынъ Карамзинъ, Одинецъ Михайловъ сынъ Беклемишевъ, дьякъ Алмазь Чистого, дьякъ Бажень Степановъ, дьякъ Гулай Золотаревъ, дьякъ Неуповой Кобошкинъ, подьячій Ерманъ Баженовъ, городской прикащикъ Юшанъ Лобановъ. Между духовенствомъ подобныя имена еще рѣже: мнѣ встрѣтились только имена поповъ Посникъ (т. е. Постникъ) и Девятой и прозвища Трубникъ и Списокъ.

Почти всѣ имена, судя по отчеству и прозвищамъ, а также по содержанию документовъ, мы должны отнести къ русскимъ людямъ. Правда, по имени и фамиліи не всегда можно догадаться о народности носившаго ихъ лица: такъ упоминаются между мордвой, даже не крещеной: Тишка Потѣшкинъ, Гришка Башенинъ и т. п., попадаетъ торговый нѣмчинъ Романъ Юрьевъ сынъ Рѣзвой. Точно также и русскимъ людямъ, какъ извѣстно, давались имена явно ичродческія: Бахтеаръ, Муса, Сабуръ, Санчукъ, Угримъ и др. Иногда въ документахъ обозначается народность лица: нѣмчинъ, литвинъ, мордвинъ, татаринъ; но не всегда.

По тогдашнему обыкновению, большая часть именъ вносились въ списки въ уменьшительной формѣ: Митька, Олешка, Стенька, Ондрейко, Павликъ, Павелко, Володимѣрко, Десятка, Пятунка, Ермачко, Жданко, Огаѣйца, Марьица, Катеринка, Оленка, Овдотьца; даже попадаютъ такія уничтожительныя отмѣтки: „вдова Федорка Елисеева дочеришко

Ивановская женишко“. Но дворянъ и священниковъ писцы прописывали правильнымъ, прямымъ именемъ. Въ челобитныхъ на имя царя уменьшительная форма имени считалась необходимой и для служилаго человѣка, и для простолюдина; при этомъ духовные люди именовали себя въ челобитяхъ „богомольцами“, дворяне и служилые люди „холопами“, а крестьяне „сиротами“: „бьетъ челомъ холопъ твой Петрушка князь Степановъ сынъ Асановъ“, „бьетъ челомъ сирота твой крестьянинъ Васька Игнатьевъ сынъ Горшокъ“.

Многія, въ настоящее время очень обыкновенныя, имена вовсе не попадались мнѣ въ разобранныхъ документахъ: такъ не встрѣчались Ольга, Вѣра, Надежда, Всеволодъ, Вячеславъ. Изъ приведенныхъ въ спискѣ русскихъ именъ были, какъ видно, болѣе употребительны: Жданъ, Бажень, Томило, Китай, Безсонъ, Смирной, Русинъ, Богданъ, Первой, Второй, Третьякъ, Гуляй, Дружина, Замятня, Казаринъ, Милюта, Меньшикъ, Неустрой, Некрасъ, Нечай, Потѣха, Посникъ, Поздѣй.—Въ числѣ именъ, внесенныхъ въ списокъ, есть и такія, которыя, можетъ быть, происходятъ отъ обыкновенныхъ христіанскихъ: Елка (Елисей?), Дорошка (Дорофей?) и др.

Поводы, по которымъ какое-либо прозвище давалось извѣстному лицу, были весьма разнообразны, но не всегда могутъ поддаться объясненію. Иногда прозвище указываетъ на родину или мѣсто происхожденія: Вологженинъ, Галичанинъ, Крымсково, Торопченинъ, Романовецъ, Городчанинъ, Нагай, Устюжанецъ; очень часто на ремесло или занятіе: Дровишникъ, Завощикъ, Калашникъ, Порубщикъ, Рогозинникъ, Рудометь, Щепетильникъ, Дружина Ивановъ сынъ Нашивошникъ, Посникъ Никифоровъ сынъ Сапожникъ, Власко Пахомовъ сынъ Скоморохъ; часто также прозвище указываетъ на свойство человѣка, на тѣлесный недостатокъ: Веселой, Лихачъ, Молчанъ, Плакса, Нѣмта, Горбунъ, Корноухъ, Кривошея, Шумило Мининъ сынъ Безносой (*).

Нѣкоторыя, по-видимому, непонятныя имена и прозвища могутъ быть объяснены изъ мѣстныхъ народныхъ гово-

---

(*) Всего чаще встрѣчаются фамильныя прозванія въ нѣмѣшней формѣ: Ивановъ, Рукавишниковъ, Городчаниновъ, Крупениковъ и т. п.; они въ списокъ не внесены. Изъ прозвищъ, указывающихъ на родину, ремесло, тѣлесный недостатокъ, лишь немногіе вошли въ списокъ.

ровъ, какъ напр.: басалай, ваула, завьяла, копоской, котражд, курбатый, рахманый, салтыгъ, саранъ, шадра, шиша, шидшига и мн. др.

Что касается до прозвищъ въ родѣ: Мерзлая-голова, Кривой-волпакъ, Набезденежъ, Высокія-щи, Овсяной-разумъ, Подсѣки-ворова, Помойная-каша, „стрѣлецъ Матюшка прозвище Съ-копейкой-два-гроша“ и т. п.,—они представляютъ не что иное, какъ насмѣшливыя клички, какія и въ настоящее время нерѣдко встрѣчаются между простымъ народомъ, но клички, до такой степени закрѣпившіяся за известными лицами, что онѣ внесены и въ официальные документы.

Нѣкоторыя имена и прозвища напоминаютъ такія же, встрѣчающіяся въ русской исторіи, или въ былинахъ, или въ сказкахъ: Басарга, Бахтеяръ, Булатъ, Буславъ, Буславъ, Валгасъ, Вишата, Грязной, Добрыня, Дружина, Дунай, Дюкъ, Ермакъ, Замятня, Залѣшенинъ, Казаринъ, Калита, Кирца, Китай, Кобыкъ, Колча, Кудашъ, Курдюкъ, Кучко, Людой, Ляцунъ, Мирославъ, Мосяга, Мурза, Нагай, Несмѣянъ, Неумойка, Образецъ, Одинецъ, Окуль, Панъ, Пересвѣтъ, Ратманъ, Русинъ, Сабуръ, Салтанъ, Салтыкъ, Соловей, Сотко, Суръ, Суханъ, Тихомиръ, Тархъ, Торхъ, Угримъ, Улакъ, Уранъ, Ушакъ, Чермной, Шемяка, Якунь, Яридо и др. (*).

ИМЕНА.

Алмазъ	Безсолъ, Безсолко
Алтынъ	Безсонъ, Безсонко
Аталыкъ	Бирмашъ
Бажень, Баженко	Богатинка
Баимъ, Баимка	Братуля, Братуха
Бакалда	Будило
Басадайко	Булатъ
Батенко	Булгакъ
Батрачко	Буславъ
Бахтеяръ	Бусурманъ

(*) Въ представляемомъ спискѣ имена и прозвища внесены въ такой формѣ, въ какой они попадались въ документахъ. Такъ, вмѣсто окончаній *ый, ий* вездѣ стоитъ *ай, ей*: Смирной, Чистой, Горячей, Вороней; *Васидей, Григорей* и т. п. Въ уменьшительныхъ именахъ окончанія *ка и ко* употреблялись безразлично: *Ивашка и Ивашко, Китайка и Китайко*.

Бухара
 Бѣлоусъ
 Бѣлай, Бѣляйба
 Вага
 Валгасъ, Валгаско
 Ваула
 Веденка
 Верещага
 Виша
 Внукъ
 Ворошилво
 Ворыпай
 Всполохъ
 Второй, Вторунка, Вторуш-
 ка, Вторышка, Вторка
 Галанъ, Галана
 Галинь
 Гладышъ
 Голуба (женское имя)
 Голча
 Гордюшка (Гордій?)
 Горяйко, Горяинко
 Грачъ
 Грязной
 Гулимъ
 Гулиха
 Гуляй, Гуляйко
 Гундоръ
 Густомѣсъ (въ другомъ мѣ-
 стѣ: Пустомѣстъ)
 Девятой, Девятво
 Десятъ, Десятой, Десятка
 Добрыня, Добрынка
 Докува
 Долгишъ
 Дорогой, Дорогунка
 Дорошка (Дорожь? Доро-
 фей?)
 Достафья (женское имя)
 Дружина, Дружинка
 Дубеня, Дубина

Егупъ
 Елка (Елисей?)
 Ермавъ, Ермачко
 Жаденка
 Жданъ, Жданко
 Завьяль, Завьялко
 Залѣшенинъ
 Замятна, Замятенка
 Злоба
 Золотой
 Зукъ
 Игоша, Игонко, Игошка (Иг-
 натій?)
 Игумень
 Истома
 Ишукъ
 Казаринъ, Казаринко
 Калина, Калинка (Калли-
 ниевъ?)
 Кисель
 Китай, Китайка, Китачко,
 Китунка
 Кликунь
 Кобякъ
 Ковеза
 Козанъ
 Колмакъ
 Коношка (Кононъ?)
 Копенка, Купенка
 Копосъ, Копоско
 Копть (копотъ?)
 Кормило, Кормилко (Кор-
 нилій?)
 Коротай, Каратай
 Короткой
 Которхъ
 Кресникъ
 Крупеникъ
 Крутикъ
 Кудашъ
 Кудинъ (Авиндинъ?)

Кунава (женское имя)
 Курбатъ, Курбатво
 Курдюкъ
 Кушко (Кучко?)
 Ластуха
 Лихачъ, Лихачко
 Лобанъ
 Любава, Любавка, Любка
 (женское имя)
 Любимъ, Любимко
 Лютой
 Май
 Макушка (Макарий?)
 Малець
 Малѣй
 Мамлей, Момлей
 Манъ
 Мардашъ
 Марецъ
 Мелеха, Мелешка (Мелен-
 тій?)
 Меньшой, Меньшикъ, Мень-
 шичко
 Милашка
 Милованъ, Милованка
 Милюта, Милютеа
 Мирославъ
 Мишута
 Моклоъ
 Молчанъ
 Мосяга, Мосяшка (Моисей?)
 Мурза
 Надежа, Надежко
 Найдень
 Небаженъ
 Невѣжа, Невѣжка
 Невѣрка
 Нежданъ
 Нелюдь, Неклюдко
 Нелюбъ
 Некрасъ, Некраско

Непогода
 Несвитай
 Несмѣянъ
 Неупокой, Неупокойко
 Неустратей, Неустратка
 (Ниеостратъ?)
 Неустрой, Неустройко
 Нехорошей, Нехорошко
 Нечай, Нечайко
 Новинко
 Ногавица
 Образецъ
 Овсяникъ
 Одинецъ
 Оватко
 Окинша (Тавинфъ?)
 Окуль, Окулко
 Оничка (Аника?)
 Онцырко (Онисифоръ?)
 Ончутка
 Орѣхъ
 Останя
 Отай
 Охотка, Охотня
 Ощера
 Панко, Паникъ, Паня
 Пасыновъ
 Первой, Первушка
 Пересвѣтъ
 Плева
 Плохъ
 Подосенъ
 Подурай
 Поздѣй, Поздѣйко, Поздьяъ,
 Позной
 Попо
 Пороша
 Посникъ, Постникъ, Пос-
 ничко
 Потѣха, Потѣшка
 Правоторхъ, Правоторъ

Присылео	Сурь
Пустомѣсть (см. Густомѣсь)	Сусло
Путило, Путилео	Терпило
Пѣнко	Тетюра
Пѣшець	Типунъ
Пятой, Пятео, Пятунка, Пя- туня	Тихомиръ
Ратманъ, Ратманко	Томило, Томилко
Рахманъ, Рахманинъ	Торота
Рокита	Торхъ
Рослякъ	Трегубъ
Роспутео	Тренька, Трешка (Трифонъ?)
Ростегайко	Третьякъ, Третьячко
Русинъ, Русинко, Русанъ	Угримъ
Рюма	Уланъ, Уланко
Сабуръ	Уранъ
Садошка (Садокъ?)	Утѣшь
Салтанъ, Салтанко	Ушагъ
Салтыкъ	Худякъ, Худячко
Самко, Самушка, Самышка (Самей? Самуилъ?)	Черемисинъ
Саранъ	Четвертой, Четвертеа
Сарычъ	Чечура
Свинка	Чистой
Семейка (Самей?)	Чувагъ, Чувашко
Скурша	Чура
Смирной, Смирка	Шебяка, Шибяка
Смола	Шеломъ
Соболя, Соболя, Соболица (женск. имя)	Шестой, Шестагъ, Шестач- ко, Шестунка
Содомъ	Широнка
Соловей	Ширяй
Солодь	Шяша, Шяшва
Софрыга, Сыврыга	Шяшига
Субота, Суботка	Шумило, Шумилка
Суворъ	Шумъ, Шумка
Сунбухъ	Юшманъ
	Якунко
	Янка, Янко.

ПРОЗВИЩА.

Бабенъ, Бабинъ, Бобенъ
 Бабка
 Багоръ
 Баженко
 Байдара
 Байракъ
 Балашъ, Балашеновъ
 Балуи
 Банной
 Баранъ, Боранъ, Баране-
 новъ
 Барыба, Барыба
 Барышъ
 Басарга
 Батальщикъ
 Бахматъ
 Бачной
 Баюшъ, Ваюшка
 Бебена
 Безбородой
 Безводной
 Безрядной
 Безсонъ, Безсонка
 Безхлѣбница
 Бетя
 Бирглазъ
 Биричъ
 Бирюкъ
 Блинъ, Блинникъ
 Бобошъ
 Богданъ, Богдашко
 Богомоль
 Божедомъ
 Болото
 Большая-борода
 Большая-сѣкера
 Борода
 Борона
 Бурсуъ

Братченко
 Брилка
 Брехъ
 Брусеня
 Брюхо, Брюшко, Брюханъ
 Бубенъ
 Будылиха (женское пр.)
 Булыгиа (женское пр.)
 Булында
 Булянка
 Бурда
 Бурена
 Буслай
 Бусурманъ
 Бухала
 Буя
 Быдыльщикъ
 Бѣлово
 Бѣлоногъ
 Бѣлуха
 Бѣлай, Бѣляко
 Бѣсъ
 Бѣшеной
 Вага
 Валгасъ, Валгасво
 Варава
 Ватошникъ
 Верещага
 Веселой
 Ветчина
 Винникъ
 Винокуреновъ
 Вишата
 Водорѣзъ
 Вологда
 Волкъ, Волчокъ, Волченко
 Волчиха (женское пр.)
 Волынка
 Вельдй

Воробей
Ворона, Вороней
Вострая-сѣкира
Вострой-обухъ
Вотряга, Вятряга
Всячина
Выморъ
Высокія-щи
Выщигъ
Вялой
Галаня, Галанка, Голаня
Галка, Галченокъ
Гладышъ
Глазырь
Глухой, Глухово
Гнуса, Гнуска
Гогара
Годовикъ
Голенъ, Голенокъ
Голохребтикъ
Голуба
Голякъ, Голекъ
Голята
Горбина, Горбинка
Горе
Горохъ
Гороць
Гортовина
Горшокъ
Горячей
Горячія-щи
Гребень (род. пад. Гребеня)
Греза
Грибовщикъ
Грудка
Груздь
Грязной
Губа
Гусь, Гусенокъ
Девятой, Девятого
Дедюха

Дериглазь
Дешевой
Двошерстной
Догадай
Долгая-полва
Долгиня
Долгіе руки
Долгіе-поньки
Долгополь
Домолега
Домѣрщикъ
Дроздь
Дровишникъ
Дружина, Дружинка
Дружокъ
Дуда, Дуденокъ
Дудоладъ
Дудоръ, Дудора
Дунай
Дюжиръ
Дюжъ
Едреной
Елпашъ
Ень
Ершъ
Жадай, Жадайка
Жадной
Жареной
Жаркой
Жгибѣсовъ
Желена
Желтоногой
Живной
Жидвой
Жилы, Жилка
Жолобъ
Жуекъ, Жучво, Жучокъ, Жу-
ченокъ
Журавль
Забаль
Завошикъ

Заггимеровъ
Зай, Заяцъ
Заколяпа
Заразко
Зауморъ
Захвораѣ
Зеленой-возгря
Зерщикъ
Зобокъ
Зубатой, Зубатого
Зубъ, Зубокъ
Зыкъ
Игонникъ
Истомка
Казанченко
Калачъ
Калита
Канокъ
Капуста
Карла
Катышъ
Кашмакъ
Кирша
Кисель
Кислякъ
Кликунъ
Клокъ
Клыкъ
Клюка
Князь
Кобель
Кобызь (Кобза?)
Кованено
Ковшесникъ
Коза
Козакъ, Козакъ
Козанъ, Козонъ
Козель
Кока
Кокура
Колмакъ

Колободъ
Колобъ
Колтыра
Колча
Колыня
Колупанъ
Кондаратецъ
Конекъ, Коняшка
Конюшенокъ
Копенникъ
Корела
Корноухъ
Корова
Корель
Короткой, Коротково
Корташъ
Корюкъ
Косило
Костера
Костромка
Костыль
Котенокъ
Которость
Кочанъ
Кочодыкъ
Краденый
Кривда
Кривой-волпакъ
Кривоногъ
Криворотъ
Кривошея
Кривошопъ
Кринка
Кромина
Кроха
Крупной
Кручина
Крымсво
Крячко
Кудреватой
Кузло

Куленокъ
Куликъ
Кунаръ
Курапа
Лабута
Ладило
Латыня
Латышъ, Латышево
Легуня
Лепеха
Лепленя
Лещъ
Лиса
Лихачъ
Лобоненовъ
Лосенокъ
Лоскутъ
Лось
Лохъ
Лошковой
Лунникъ
Лучникъ
Лытка
Любимъ, Любимво
Лягута
Ляма
Ляпунъ, Ляпушеа
Ляскишъ
Макаренко
Мавура
Малець
Малиненокъ
Малой, Малышъ
Масленикъ
Матора (Мотора?)
Медвѣдникъ
Медвѣдъ, Медвѣдко
Мердяха
Мерзлая-голова
Мертвой
Метальннеъ

Мигунъ
Михутеноеъ
Моклець
Моклокъ
Молодой
Молчанъ
Морозъ
Морохотье
Мочало
Мошеникъ
Мошокъ, Мошненовъ
Муромецъ
Муртовка
Муха
Мыльниёъ
Мытьянецъ
Мѣловшиёъ
Мѣхъ, Мѣшокъ
Мѣшкарь
Мязря
Мяконьково
Набезденежьёъ
Нагай
Найденъ
Нашивошникъ
Недѣлка, Недѣлька
Несоленой
Нетунай
Неумоенно
Неустроева-палата
Нехорошей
Нечай
Нимака
Новиёъ
Новоженя
Новошерстной
Носъ
Нѣмта
Облость
Обметала
Обратчикъ

Обуменовъ	Приходець
Овсяникъ	Пришлой, Пришлецъ
Овсяница (женское пр.)	Прѣзжей
Овсяной-разумъ	Проданецъ
Огложена	Прыткой
Одиотство	Прѣсной
Однолѣтокъ	Пузанъ
Ожгибѣсовъ	Пузо
Омокало	Пустота
Оранка	Пустоха, Пустошка
Орель	Пшенисной
Осмѣга	Пшонка
Охлюста	Пыка
Охта	Пѣшей
Панъ, Паненокъ	Ревъ
Пепелышъ	Резанъ, Рязанъ
Пестъ	Репенокъ
Петеля	Реутъ
Пила	Рогожа
Пищула	Рогозинникъ
Плакса	Рогъ
Плошка	Родной, Родново
Плошина	Розвождяй
Плѣшакъ, Плѣханъ	Роздьяконовъ
Подгребальщикъ	Розинникъ
Подлѣсной	Розсылщикъ
Подосеноеъ	Розсыпка
Подсѣвки-корова	Рожесникъ
Подшивала	Ронжа
Подъемщикъ	Росказъ
Полетай	Роспопа
Половинка	Росторгуй
Помогай	Роца
Помойная-каша	Рубецъ
Попъ, Попко	Рудакъ
Порятникъ	Рудометъ
Потираха	Рукавинникъ
Потолока	Рыбка
Потѣшка	Рыболовка (женское пр.)
Прибытокъ	Рыжая-корова
Пригнѣтъ (Пригнетъ)	Рѣзвой

Рѣпа	Стремоусть, Стромоеусть
Рябь, Рябой, Ряба	Стрижь
Ряха	Стрѣльничь
Самара	Стрюкъ
Самочерной, Самочерново	Стульчикъ
Свинка	Ступа
Свѣшникъ	Суботка
Семикъ	Судоплатъ
Сибра	Сурначей
Сивоха	Сусана
Синица	Сусло
Ситникъ	Сусорь
Скоморохъ	Сухань, Суханка
Съ-копейкой-два-гроша	Сухая-заболотка
Скорая (женское пр.)	Сухой
Своробогать	Сушиленовъ
Скочко	Сырченевъ
Скугора	Сыченой, Сыченово
Слабой	Сѣрой
Слащъ	Тарара
Сливало	Тарарюха (женское пр.)
Слонъ	Таровина
Смола	Татарка, Тоторка
Сморкало	Тяжелова-шуба
Снѣгирь	Тезя
Собинка	Телица
Соболь	Темникъ
Сокоря	Теплена
Соленой, Соленово	Тина
Соловолокъ	Толстикъ
Солодена	Толстоглазой
Соломяные-вудри	Томилка
Сотко	Тонкой
Софрыга	Топорище
Списокъ	Торовой
Спиченовъ	Торопъ
Сполохъ	Торпище
Стехоня	Тотаринъ, Тутаринъ
Столешникъ	Третьякъ
Стошка	Трубникъ
Страшникъ	Трушникъ

Трясисолома
Турасть
Тыркось
Тюлень
Тюра
Тяжелой
Удальщикъ
Удебщикъ, Удобщикъ
Ублейщикъ
Унжа
Урюченко
Усиеъ
Утенокъ
Утятникъ
Уфура
Ушакъ
Фура
Халтура
Хлысть
Ходокъ
Холщевникъ
Хомутина
Хорошь (род. пад. Хороша)
Хохлачъ
Хрипунъ, Хрипуненокъ
Хруна
Хряпъ
Цапля
Цыба, Цыбана
Часовникъ
Чахлой
Чермной, Чермново
Черная-головка
Черненокъ
Чапура
Черной, Черного
Чернобровой
Чекунъ
Черепанъ
Чернышь
Чертище

Четырехъ-братовъ
Чехона
Чешиха
Чешокъ
Чечура
Чистого
Чортъ
Чувагъ, Чувикъ
Чувашка
Чура
Шабала
Шавенокъ
Шадра
Шайдуръ
Шалей
Шахтора
Шваль (род. пад. Шваля)
Шваръ
Шведъ
Швора
Шевель
Шелепа
Шемяка, Шемяка
Шестеперь
Шибанъ
Шиганъ
Шило
Широквой, Широково
Ширяй
Шитой
Шишига-бѣсъ
Шипка
Шляхта
Шмакъ
Шмырь
Шоренокъ
Шпынь
Щапыга
Щегола
Щека
Щепельникъ

Щепетильникъ, Щепетин-
никъ

Щербакъ

Щегина

Щунка

Ялуна

Ярило

Ярыжка

Ярышъ.

А. Соколовъ.

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ

КАЗАНСКИХЪ ТАТАРЪ.

I.

Свадьбы татаръ устраиваются почти исключительно черезъ свахъ-старухъ (яучи). Последнія необходимы въ силу навязаннаго магометанскимъ закономъ того обычая, что женихъ не долженъ видѣть своей невѣсты прежде, чѣмъ она сдѣлается его женою. Однако проворные парни и любопытныя дѣвушки, благодаря находчивости расторопныхъ старухъ, иногда отыскиваютъ случай еще и до сватовства взглянуть на своихъ суженыхъ. Вполнѣ понятное любопытство съ обѣихъ сторонъ такъ или иначе находятъ себѣ удовлетвореніе: какъ бы нечаянный взглядъ въ окно въ заранѣ условленное время, — встрѣча на улицѣ, при чемъ шаловливый вѣтерокъ во время распахнетъ покрывало, или незамѣтная щелка въ дверяхъ у общихъ знакомыхъ покажетъ жениху его суженую, когда та сидитъ въ гостяхъ у подруги. Получивъ нѣкоторое понятіе о намѣченной дѣвушкѣ, женихъ, а чаще отецъ его, отправляетъ къ ея родителямъ сваху. При первомъ ея посѣщеніи родители невѣсты даютъ обыкновенно уклончивый отвѣтъ: надо подумать, — приходи черезъ нѣсколько дней. Сваха уходитъ. Тотчасъ же начинаютъ собираться всевозможныя свѣдѣнія о женихѣ: о его лѣтахъ, о состояніи, поведеніи и т. д. Въ то же время посылаютъ муллѣ рублевку съ просьбой, чтобъ онъ записалъ свой сонъ въ слѣдующую ночь и объяснилъ его предзнаменованіе. Тотъ охотно исполняетъ это обычное порученіе и присылаетъ на другой день отвѣтъ: сонъ

описанъ подробно и дано разъясненіе его значенія ¹⁾ Въ случаѣ благопріятныхъ предзнаменованій и удовлетворительныхъ свидѣній о женихѣ родители рѣшаются дать свое согласіе на бракъ ихъ дочери съ тѣмъ или другимъ соискателемъ ея руки. Послѣ этого между родными жениха и невѣсты начинается настоящій торгъ о калымѣ и приданомъ. То и другое, конечно, пропорціонально состоянію семей. Калымъ—это тюркское слово и означаетъ плату за невѣсту. У вазанскихъ татаръ слово *калымъ* не употребляется; его замѣнило арабское *мехръ* или—по мѣстному произношенію—*магаръ*, которое впрочемъ выражаетъ нѣсколько другое понятіе, чѣмъ калымъ. Размѣръ магара почти невозможно опредѣлить. Въ Казани у богатыхъ татаръ онъ назначается въ одну, двѣ, пять и болѣе тысячъ рублей; въ деревняхъ же зажиточные платятъ до 500 руб., бѣдные—начиная отъ нѣсколькихъ рублей до сотни.

Сваха приводитъ наконецъ къ соглашенію стороны, при чемъ точно опредѣляется не только приданое невѣсты, но и подарки жениха, намѣчается ихъ цѣнность, выговаривается и то, всѣ-ли подарки или какіе изъ нихъ зачтутся въ магаръ. Послѣ этого происходитъ обрученіе.

Обрученіе у татаръ бываетъ двоякаго рода. Первое обрученіе—чисто народнаго происхожденія; называется оно *клок-сиенсуци* (радость ушей) и состоитъ въ обмѣнѣ подарками: черезъ сваху женихъ даритъ невѣстѣ матерію на платьѣ, бѣлила, румяны и фрукты, а невѣста отдариваетъ бѣльемъ, или шлетъ жениху подстилку подъ ноги во время молитвы, тубетейку, суево для казакина, бухарской матеріи для халата (чапанъ) или карманные часы. Другое обрученіе—*джеб-кабул* образовалось подъ вліяніемъ магометанства и представляетъ собою прототипъ свадьбы: мулла спрашиваетъ при свидѣтеляхъ черезъ родителей согласіе жениха и невѣсты и читаетъ молитву, хотя и не записываетъ брачующихся въ книгу. Это обрученіе

---

¹⁾ Такое предъугадываніе будущаго по снамъ мутлы весьма распространено у мѣстныхъ татаръ. Этотъ своеобразный оракулъ вопрошается при всякомъ сомнительномъ случаѣ жизни. Намъ извѣстенъ напр. слѣдующій случай: по смерти одного богача изъ мѣстныхъ татаръ при разборѣ его бумагъ было найдено болѣе тысячи снотолкованій; но заказу мутлы обязанъ видѣть сны и объяснять ихъ. Такъ какъ такой привилегіей пользуются изъ мѣстныхъ мутлъ только двое, то понятно, какъ великъ ихъ доходъ отъ снотолкованій.

имѣетъ значеніе въ случаѣ развода; послѣ *джеб-кабул* женихъ и невѣста *de jure* расходятся уже какъ мужъ и жена, хотя таковыми они еще не были на самомъ дѣлѣ; между тѣмъ *клок-сіенсучи* не накладываетъ никакихъ правовыхъ обязательствъ.

Съ самаго дня помолвки женихъ почти ежедневно посылаетъ своей невѣстѣ подарки, частью обязательные, частью просто изъ любезной щедрости или вѣрнѣе—изъ хвастливаго самолюбія: шлются украшенія изъ золота и серебра, изъ любимаго татарами жемчуга и цѣнныхъ камней; количество и цѣнность подарковъ, разумѣется, всецѣло зависитъ отъ состоянія и тщеславія жениха. За отсутствіемъ собственныхъ денегъ на покупку подарковъ женихъ прибѣгаетъ къ займамъ у своихъ друзей. Отказъ въ деньгахъ въ такомъ случаѣ считается теперь неудобнымъ, а было время, когда валымъ уплачивался изъ сборныхъ средствъ членовъ рода. Лѣтъ сто назадъ близкіе друзья и родственники присылали жениху разныя вещи для подарковъ его невѣстѣ, чтобъ тѣмъ облегчить ему свадебные расходы.

Въ день свадьбы женихъ обязанъ непременно послать невѣстѣ кадку меду и кадку коровьяго масла. Масло и медъ составляютъ съ испоконъ вѣку необходимость и первое кушанье свадебныхъ пировъ. Кромѣ того отъ жениха посылаются пироги, жаренныя утки, гуси, индѣйки, бѣлый хлѣбъ въ видѣ огромныхъ караваевъ съ изюмомъ; все это должно быть въ четномъ числѣ. Эта провизія отправляется на нѣсколькихъ плетенкахъ или саяхъ, число которыхъ должно быть четнымъ; при выѣздѣ изъ двора такого обоза поворачиваютъ непременно направо, хотя бы ѣхать надо было и налѣво; конечно, для этого въ большинствѣ случаевъ приходится дѣлать объѣздъ, тѣмъ болѣе, что при выѣздѣ на невѣстинъ дворъ стараются принять направленіе на югостокъ (къ Меккѣ).

Лѣтъ 50 тому назадъ свадебныхъ пировъ бывало помногу; начинались они за недѣлю и ранѣе до брака и происходили ежедневно поочереды у родныхъ жениха и невѣсты; въ одинъ день собирались женщины, въ другой—мужчины. Теперь же до свадьбы у невѣсты собираются лишь два знакомыя женщины, чтобы посмотрѣть на жениховы подарки, при этомъ онѣ и сами привозятъ съ собой въ даръ материн на платья.

Первый свадебный пиръ теперь устраивается въ домѣ невесты въ день свадьбы. Собираются нѣсколько муллъ и знакомыхъ мужчинъ со стороны невесты. Пріятели жениха между тѣмъ съѣзжаются къ нему на квартиру. Слегка закусивъ, они ѣдутъ гурьбой къ невестѣ на четномъ числѣ экипажей, одни безъ жениха: онъ остается дома. У невесты жениховыхъ гостей принимаютъ съ особымъ почетомъ. Наконецъ пріѣзжаетъ главный мулла, которому всѣ гости выражаютъ обычное почтеніе прикладываніемъ къ сердцу правой руки и произношеніемъ по арабски священнаго привѣтствія *ас саламу галейкам* (миръ вамъ), на что слѣдуетъ отвѣтить *за галейкам-ассалям* (и вамъ миръ). Подходящимъ къ нему мулла подаетъ свои руки, и каждый беретъ ихъ обѣими руками такъ, чтобы большой палецъ правой руки обхватывался таковымъ же ¹⁾.

Въ комнатѣ гдѣ принимаются гости, полъ устилается коврами или кошмами (стульевъ не бываетъ). Мулла садится на полъ въ переднемъ углу; всѣ слѣдуютъ его примѣру: сложивъ ноги по восточному, садятся и образуютъ кругъ; при этомъ отецъ жениха сидитъ на особой подушкѣ (кабын-миндара), которая нарочно готовится невестой; на подушкѣ бываетъ надѣто нѣсколько бархатныхъ или атласныхъ наволочекъ, вышитыхъ разноцвѣтными шелками; эту подушку впоследствии увозятъ отцу жениха вмѣстѣ съ другими подарками.

---

¹⁾ Позволивъ себѣ сказать нѣсколько словъ о татарскомъ приемѣ здороваться, мы считаемъ не безынтереснымъ привести и то объясненіе, какое даютъ мусульмане (ученые) этому приему. По преданію, записанному въ магометанскихъ книгахъ, пророки Илія и Елисей однажды подошли къ источнику живой воды: напившись этой воды, они оба приобрѣли безсмертіе. Вскорѣ Илія былъ взятъ на небо, а Елисей остался на землѣ: онъ и до сихъ поръ ходитъ по ней, постоянно мѣняя свой видъ. Каждый правовѣрный можетъ встрѣтить этого безсмертнаго въ образѣ своего знакомаго или незнакомаго богача или нищаго, умнаго или глупаго, ученаго или безумнаго. Есть лишь одна примѣта, по которой можно узнать этого пророка: у него очень мягкіе большіе пальцы на рукахъ, потому что въ нихъ нѣтъ костей. Если правовѣрному удастся по этому свойству рукъ встрѣчнаго человѣка догадаться, что съ нимъ говоритъ Елисей, то онъ можетъ отъ него получить все, что только попроситъ. Чтобы не пропустить такого счастливаго случая заявить о своихъ желаніяхъ пророку, мусульмане и обхватываютъ такъ охотно при встрѣчѣ большіе пальцы другъ другу.

Мудла спрашиваетъ отца невѣсты о магарѣ; затѣмъ выбираетъ кого нибудь изъ присутствующихъ и посылаетъ ихъ спросить невѣсту, согласна-ли она выйти за мужъ за такого-то. Когда выборные свидѣтели возвратятся съ утвердительнымъ отвѣтомъ, то мудла начинаетъ читать молитву на арабскомъ языкѣ (хутбе):

„Хвала Богу, облагодѣтельствовашему насъ способностью говорить и объясняться, удостоившему насъ красотою рѣчи и влїаніемъ слова! Онъ—Всевышній—все сотворилъ для пользы человѣка; Онъ запретилъ все, что вредно, и разрѣшилъ все, что полезно. Онъ предписалъ намъ сочетаніе бракомъ и запретилъ развратъ; Онъ—Всевышній—говорить (въ Алькоранѣ): берите себѣ въ супружество изъ женщинъ тѣхъ, которыя вамъ понравятся, по двѣ по три или по четыре. О вѣчно-благодатный! намъ принадлежитъ воздаяніе, благодарность Тебѣ за милости Твои! О Руководитель всещедрый! на насъ лежитъ долгъ признательности за дары супружества! Господи, указывай намъ путь къ довольству и совершенству, и запечатлѣй воѣ наши дѣянія Твоимъ совершенствомъ! Мы свидѣтельствуемъ, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, единого, безтоварица, и что Мухамедъ Его рабъ и посланникъ, одаренный всѣми превосходствами передъ смертными. Да будетъ благословеніе Божіе надъ лучшимъ изъ Его твореній—Мухамедомъ, посланнымъ отъ Бога съ чудесами, надъ его семействомъ—святыней, освѣщающей истину! Богъ, направляя насъ на путь истины—на Исламъ, опредѣлилъ супружество границею между дозволеннымъ и запрещеннымъ. Такъ говоритъ Пророкъ, да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе! Супружество есть мой суннетъ ¹⁾. Кто опровергаетъ мой суннетъ, тотъ не принадлежитъ мнѣ. Женящійся—любитъ, взятая въ замужество—любима. и магаръ между нами долженъ быть на основаніи обоюднато согласія. Благослови чету, испроси для нихъ милосердіе и блага Господни, ибо Онъ всемилосердъ и милостивъ“.

Послѣ таковой молитвы слѣдуетъ на арабско-персидскомъ

---

¹⁾ *Суннетъ* означаетъ все то, что по преданію говорилъ и дѣлалъ Магометъ. Для праворѣснаго исполненіе суннета не предписано, а только рекомендуется; по этому женитьба,—какъ суннетъ, лишь похвальна, но не такъ обязательна, какъ напр. молитва, постъ и проч.

и татарскомъ языкѣхъ весьма напыщенный и длинный монологъ, содержащій въ себѣ вопросъ, обращенный къ отцу невѣсты:

„По повелѣнію Бога небесъ и міровъ, Творца свѣта и тьмы, и по суннету великаго пророка Мухаммеда Мустафы, да будетъ благословіе Бога надъ нимъ и надъ всѣмъ его семействомъ, по правиламъ секты Имама Азама (господствующая секта въ здѣшнемъ краѣ), и по согласію Имама Абу-Юсуфа-ал-кази и Имама Мухаммеда сына Аль Хасана, придворнаго Ашибани (имена законодателей) и прочихъ Имамовъ, при свидѣльствѣ присутствующихъ знатныхъ особъ, при согласіи обѣихъ сторонъ (жениха и невѣсты) и при магарѣ такой то величины соглашается ли (отецъ невѣсты) выдать свою дочь, заявившую свое согласіе такому - то (называется лицо, которое по порученію муллы спрашивало дѣвушку о согласіи), по правиламъ мусульманской религіи за того-то, сына такого то?

Слѣдуетъ отвѣтъ (въ прошедш. врем.): выдать.

Ты, такой - то (называется отецъ жениха), довѣренный ¹⁾ со стороны сына своего, соглашаешься-ли взять такую-то, дочь такого-то, при такомъ то количествѣ магара въ законное замужество за своего сына?

Отвѣтъ: взялъ.—Аминь ²⁾.

Послѣ окончанія молитвы и вопросовъ мулла записываетъ новобрачныхъ въ книгу и дѣлаетъ въ ней отмѣтку о томъ, сколько уже выплачено магара и сколько еще слѣдуетъ уплатить его въ случаѣ развода. Тутъ же расписываются и свидѣтели (ваким), уполномоченные со стороны невѣсты и жениха. Этимъ заканчиваются брачныя формальности.

Послѣ молитвы и записи начинается пиръ. Разставлены передъ гостями на полу тарелки, разложены *деревянныя* ³⁾

¹⁾ Ни женихъ, ни невѣста не могутъ присутствовать при обрядѣ; поэтому ихъ отцы считаются какъ бы довѣренными для совершенія брака. Если нѣтъ отцевъ, то вмѣсто ихъ являются близкіе родственники или знакомые.

²⁾ Молитва и вопросы были напечатаны въ первый разъ на русскомъ языкѣ въ весьма рѣдкой въ настоящее время книгѣ д-ра Фукса: «Казанскіе татары», Казань, 1844 г. Здѣсь мы приводимъ то и другое съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, въ видахъ большой близости къ подлиннику.

³⁾ У магомстанъ употребленіе серебряныхъ ложекъ считается предосудительнымъ, какъ роскошь (исрафъ), а потому при муллахъ ихъ не подаютъ.

ложки, разостланы вмѣсто салфетокъ длинный полотенца съ громадными вышивками по концамъ (я имѣю въ виду свадьбу въ среднемъ по состоянію классѣ). Наконецъ подаются на двухъ блюдахъ масло и медъ. Каждый изъ присутствующихъ беретъ на ложку и масла, и меда, намазываетъ то и другое на хлѣбъ и кушаетъ это необходимое свадебное блюдо съ торжественнымъ видомъ священнодѣйствія. Затѣмъ подаются другія блюда, число и разнообразіе которыхъ по истинѣ удивительны ¹⁾.

Наконецъ послѣ продолжительнаго обѣда подаютъ гостямъ кружку разведеннаго на водѣ меда (шербетъ); каждый изъ гостей выпиваетъ изъ кружки по глотку или по два, и кладетъ на подносъ съ шербетомъ денегъ, начиная съ мелкой монеты: рубль, два, пять и больше, смотря по состоянію. Сборъ этихъ денегъ называется шербатомъ отъ того, что въ старину, какъ говоритъ д-ръ Фуксъ, эти деньги владели въ кубокъ съ медомъ (шербетъ) и относили въ комнату невѣсты, которая принятіемъ ихъ выражала свое согласіе на бракъ съ женихомъ,

Послѣ меда подается чай. Окончивъ чаепитіе и дружно прочитавъ про себя краткую молитву, гости поднимаются съ пола и развѣзжаются. Свадебный обѣдъ кончился. Но новобрачный еще не является къ своей молодой; соединеніе ихъ пока лишь только формальное.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней устраивается другой свадебный пиръ — исключительно для женщинъ; называется онъ *булекъ-богу* — смотрѣть подарки. Въ 12 или 1 часъ дня гости начинаютъ съѣзжаться одна за другой, въ самыхъ богатыхъ нарядахъ; чапаны изъ бухарской шелковой матеріи закрываютъ ихъ лица. За ними ѣдутъ служанки съ узлами. Войдя въ комнаты, гости сбрасываютъ свои чапаны. Здѣсь

---

¹⁾ Вотъ приблизительно это меню: 1) пловъ съ бараниной, 2) супъ съ пельменями, 3) губадья (пирогъ съ начинкой: риса, мяса, яицъ и еще риса), 4) пирогъ съ уткой, которую запекать щѣликомъ, 5) мясо вареное (съ хрѣномъ и варенымъ картофелемъ); жаренныя: 6) утка, 7) гусь, 8) индѣйка, 9) курица, 10) лещъ; холодныя: 11) гусь (съ хрѣномъ), 12) севрюга или осетрина; сладкія: 13) паштетъ (пирогъ съ постилой), 14) кисель клюквенный съ густыми сливками, 15) взбитыя сливки съ бѣзе, 16) олю (моченый бухарскій плодъ), 17) виноградъ и 18) яблокъ крымскіе.

каждая желает блеснуть своимъ нарядомъ и перещеголять другихъ. Камзолы въ родѣ древне-русскихъ душегрѣевъ, парчевые или изъ бархата разныхъ цвѣтовъ, съ золотыми обшивками, надѣты поверхъ богатыхъ шелковыхъ платьевъ, покроемъ похожихъ на домашнія блузы нашихъ дамъ, только несравненно шире этихъ блузъ. Передняя часть головы прикрыта бархатнымъ колпачкомъ, вышитымъ чуть не сплошь золотомъ или отборнымъ жемчугомъ; стоимость такого колпачка доходитъ до 400 руб. На рукахъ можно видѣть старинные браслеты, широкіе, часто изъ матеріи, унизанной жемчугомъ, камнями, червонцами; множество колецъ, со всевозможными камешками, покрываютъ чуть не всѣ пальцы рукъ.

Каждая пріѣхавшая гостья должна сдѣлать невѣстѣ подарокъ; эти подарки и привозятъ служанки за своими господами въ узлахъ. Гостья, поздоровавшись со всѣми, идетъ къ столу, гдѣ разложены подаренныя вещи пріѣхавшихъ раньше ея. Сваха показываетъ ей эти предметы и рассказываетъ, кто и что подарилъ. Осмотрѣвъ все, гостья вынимаетъ привезенное ею и кладетъ свой подарокъ тутъ же на столъ; затѣмъ садится на диванъ (вѣрнѣе — на нары, поставленные вдоль стѣны, покрытыя персидскими коврами и забросанныя подушками). Сваха тотчасъ же удовлетворяетъ любопытство гостей, показывая имъ новый подарокъ. Богатыя родственницы дарятъ для камзола парчи или бархата, шелковой матеріи на платье, дорогіе платки и т. п.; знакомыя привозятъ то же матерій для платьевъ, вышитые колпачки, ленты и позументы для обшивки и т. д. Пріѣздъ гостей и разсматриваніе подарковъ продолжается довольно долго. Угощеніе начинается чаемъ; затѣмъ слѣдуютъ лакомства; наконецъ подается обѣдъ. Онъ начинается обязательнымъ свадебнымъ блюдомъ—масломъ и медомъ, которые кушаются опять съ такой же благоговѣйною важностью, какъ и мужчинами; далѣе слѣдуютъ перечисленныя выше блюда. Все приготовлено на маслѣ и все очень жирно; понятно, что соленые огурцы и капуста уничтожаются быстро и въ большомъ количествѣ. Не смотря на то, что подается чуть не 20 кушаній, гостьями не пропускается ни одно блюдо.

По окончаніи продолжительнаго обѣда хозяйка даетъ женѣ муллы нѣсколько рублей;—она раздаетъ деньги также

и бѣднымъ гостямъ, которыя являются на обѣдъ часто въ чужихъ нарядахъ. Всѣ разѣзжаются.

Проходитъ недѣля и болѣе времени. Наконецъ настаётъ заранѣ условленный день соединенія новобрачныхъ.

Часовъ въ 9—10 вечера сваха отправляется за молодымъ; для него отъ жены посылается особая лошадь. Въ домъ новобрачной ѣдетъ сваха впереди, а мужъ долженъ ѣхать позади. Когда молодой намѣревается отворить дверь въ комнату, гдѣ его ждетъ молодая, то въ сѣняхъ его останавливаютъ мальчижи (братья или родственники жены) и просятъ денегъ, заявляя, что иначе не пустятъ его къ женѣ. Тотъ даетъ имъ нѣсколько копѣекъ или рублей, смотря по состоянію, и входитъ для него открытъ.

Между тѣмъ молодая заранѣ готовится къ встрѣчѣ своего мужа. Одѣвшись въ лучшее платье, она все-таки не должна имѣть на себѣ золотыхъ украшеній.

Въ Казани передъ первымъ приходомъ мужа новобрачная надѣваетъ мѣховой камзолъ и закрывается большимъ парчевымъ пологомъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ молодая прячется подъ кровать, подъ перину или подушки; мужу слѣдуетъ найти ее и открыть ей лицо. Часто случается, что въ этотъ моментъ онъ въ первый разъ видитъ свою жену и впервые разговариваетъ съ ней. Затѣмъ молодые молятся, пьютъ чай, ѣдятъ медъ и масло, медленно беря въ ротъ по маленькимъ кусочкамъ; при этомъ мужъ долженъ положить денегъ (обыкновенно—червонецъ) въ пользу жены. Притворенныя двери осаждаются любопытными родственницами и знакомыми, которыя въ щель высматриваютъ новобрачныхъ. Прислуживаетъ молодымъ—сваха; она-же въ деревняхъ устраиваетъ и брачную постель, за что получаетъ отъ мужа особую плату. Любопытно, что въ Казани должны готовить брачную постель снохи (жены братьевъ молодой), если таковыя есть, тети или вообще родственницы; за это онѣ также получаютъ вознагражденіе.

Когда молодые покончатъ ужинъ и помолятся еще разъ, сваха желаетъ имъ спокойной и пріятной ночи, гаситъ огни и уходитъ. На памяти уже настоящаго поколѣнія вывелся въ Казани слѣдующій обычай. Женихъ пріѣзжалъ со своими друзьями; онъ уходилъ въ спальню, а тѣ начинали пировать. Подавались имъ совершенно тупые ножи, цѣльные пироги, не-

разрѣзанная дичь, безъ соли и перца, не откупоренныя бутылки безъ штопора; они должны были ухитриться все разрѣзать и откупорить. Замѣчательно, что подобный символическій обычай лѣтъ 50 томуназадъ правтывовался и у русскихъ въ предѣлахъ Вятской губерніи.

На другой день послѣ первой брачной ночи рано утромъ молодые идутъ въ баню, которую топятъ родственники или сваха; мужъ оставляетъ тамъ деньги въ пользу тѣхъ, кто готовилъ имъ баню; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ прячетъ эти деньги такъ, что ихъ находятъ съ трудомъ. Въ тотъ же день являются подростки—родственники справляются о здоровьѣ новобрачныхъ; молодая даритъ имъ рубашки. Послѣ первой ночи супругъ дѣлаетъ своей женѣ самый богатый подарокъ по своему состоянію; но бываетъ и такъ, что не встрѣтивъ въ новобрачной желаемыхъ качествъ, на другой же день оставляетъ ее и беретъ у муллы разводную. Если же все обстоитъ благополучно, то молодой остается въ брачной спальнѣ три дня; за это время туда никто уже не входитъ, кромѣ свахи: она подаетъ молодымъ чай, пищу, воду и все необходимое. На четвертый день, послѣ утренняго чая, молодой уѣзжаетъ къ своимъ родителямъ. Вечеромъ отъ жены за мужемъ посылается лошадь, иначе онъ не пріѣдетъ, какъ-бы не желанный. Пріѣхавъ къ женѣ, онъ остается у ней до утра. Такъ повторяется каждый день въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ это время молодой избѣгаетъ встрѣчи съ тестемъ и тѣщей, пока не будетъ устроено особое свиданіе этихъ новыхъ родственникововъ,—при чемъ они обмѣниваются подарками. Затѣмъ мужъ можетъ уже и не каждыя сутки ночевать у жены. Молодая остается жить въ домѣ своихъ родителей и проводить у нихъ еще годъ, два, три иногда даже десять лѣтъ; время зависитъ отъ ихъ матеріальнаго достатка.

Наконецъ приходитъ время переѣхать женѣ въ домъ мужа. Начинается разборка приданаго: накладываются сундуки, завязываются узлы, чистится посуда; затѣмъ все это ставится на подводѣ. Хвастливое тщеславіе заставляетъ размѣщать приданое на возможно большее число саней или дрожекъ. Между тѣмъ пріѣзжаетъ мужъ за женой; съ нимъ являются нѣсколько близкихъ друзей; ихъ угощаютъ обѣдомъ.

Въ деревняхъ сохранился еще такой обычай. Молодая посылаетъ со свахой изъ своей комнаты мужу въ подарокъ

бѣлю рубашку; ее беретъ одинъ изъ гостей и развѣшиваетъ на дугѣ у лучшей кибитки такъ, что рукава обвиваютъ дугу, а станъ покрываетъ спину лошади. Въ эту кибитку садится молодая со свахой, а мужъ кучеромъ на козла. Всѣ уѣзжаютъ. Въ Мамадышскомъ уѣздѣ переѣхавшія за зиму въ дома своихъ мужей весной, при началѣ сабана, выѣзжаютъ на этотъ народный праздникъ тоже съ рубашкой (бѣдныя—съ полотенцемъ) на дугѣ; эта рубашка или полотенце дарится одержавшему верхъ въ состязаніяхъ. Въ Казани этотъ обычай сгладился: у переѣхавшихъ зимой къ мужьямъ рубашки только выпрашиваютъ при началѣ сабана.

Подѣхавъ къ крыльцу мужниного дома, молодая сходить съ дрожекъ. Въ Казани ей въ это время подаютъ воды, и она омываетъ руки и ноги. Въ Тетюшскомъ же уѣздѣ для молодой кладутъ на землю подушки, на которыя она и ступаетъ, а затѣмъ идетъ въ домъ по разостланнымъ коврамъ, кошмамъ или шубамъ и садится на нарахъ. Свекоръ проситъ ее, чтобъ она отерла лицо и показала ему, при чемъ даетъ ей денегъ. Тогда она снимаетъ покрывало, если впрочемъ позволить то мужъ.

Теперь начинаются обѣды (свадебныя?) въ домѣ молодаго; гости собираются по три дня: сперва мужчины, затѣмъ женщины и наконецъ—дѣвушки-невѣсты. Ъздятъ смотрѣть приданое, которое раскладывается по столамъ. Обѣды устраиваются одинаково съ тѣми, что были у невесты при свадьбѣ. Добавленіе состоитъ лишь въ томъ, что послѣ многочисленныхъ блюдъ гостямъ подаютъ на трехъ подносахъ громадной величины пирожное—*коқтыш*; ему придаютъ полукруглую овальную форму и украшаютъ сверху узорами или цвѣтами; одинъ коқтышъ готовится изъ тѣста съ медомъ (у бѣдныхъ только этимъ однимъ и ограничиваются), другой—изъ миндаля, третій—изъ орѣховъ; каждый изъ нихъ вѣсомъ доходитъ иногда до 2 пудовъ. Это пирожное заранѣе разрѣзывается и подается всѣмъ, начиная со старшихъ. Каждый гость или гостья беретъ по частицѣ и, немного отвѣдавъ, завертываетъ ее въ розданную заранѣе бумагу; а потомъ въ платокъ, чтобъ привезти домашнимъ свадебнаго гостинца.

Этимъ заканчиваемъ описаніе татарскихъ свадебныхъ обрядовъ. Далѣе мы сдѣлаемъ попытку объяснить происхож-

деніе нѣкоторыхъ изъ нихъ; въ этомъ намъ поможетъ сравнительный методъ.

II.

Въ настоящее время та отрасль науки, которая занимается изслѣдованіемъ фактовъ бытовой жизни разныхъ племенъ и народовъ, исходитъ изъ того основнаго воззрѣнія, что всѣ обычаи или унаслѣдованныя привычки, какъ-бы они ни были смѣшны и абсурдны на нашъ взглядъ, имѣли нѣбогда жизненное значеніе, были когда-то необходимыми вслѣдствіе иныхъ формъ жизни. „Нѣтъ ничего въ обрядѣ или обычаѣ такого, чего-бы не было въ жизни“—вотъ формула этого принципа, предложенная Липпертомъ въ его Ист. первоб. культуры ¹⁾.

Сравнительное изученіе античной мѣологіи, древнихъ авторовъ и современнаго этнологическаго матеріала установило существованіе среди первобытныхъ людей во 1-хъ—такой формы половыхъ отношеній, которая прямо противоположна современной моногаміи;—а именно: почти у всѣхъ извѣстныхъ народовъ; современныхъ и древнихъ, сохранились болѣе или менѣе ясно слѣды „безпорядочнаго полового сожитія“, при которомъ женщины состоятъ въ половой связи со всѣми и каждымъ изъ мужчинъ одного съ ними стаднаго соединенія; во 2, измѣненіе этого стаднаго состоянія въ такую организацію семьи и родственныхъ узъ, которая идетъ въ разрѣзъ съ обычнымъ для насъ преобладаніемъ мужчины и выражается въ такъ назыв. материнствѣ. Въ этомъ періодѣ человеческой жизни при мимолетныхъ и переплетающихся соединеніяхъ мужчинъ и женщинъ конечно не могло быть и рѣчи о какой нибудь родственной связи между дѣтьми и отцомъ, потому что послѣдняго нельзя указать. Но постепенно происходитъ рожденіе новыхъ формъ жизни, въ силу той или другой необходимости. Старыя формы разлагаются, но не уничтожаются сразу: онѣ обладаютъ замѣчательной живучестью, и въ качествѣ *перезживаній* сохраняются во всякой новой, болѣе совершенной ступени развитія. Такъ и безпорядочное половое сожитіе постепенно видоизмѣняется въ ту форму, при которой уменьшается число лицъ имѣющихъ общее на первыхъ порахъ

¹⁾ Lippert: Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau. 1887. 2 B.

право сожителства съ известной женщиной; при этомъ пользоваться всѣми женщинами стаднаго соединенія присваиваютъ себѣ право только племенные вожди, прочіе же мужчины, разбиваясь народственныя группы, имѣютъ сношенія съ известными, опредѣленными женщинами. Дальнѣйшей формой является та, при которой къ половому общенію съ одною и тою же женщиной допускаются одни лишь родственныя другъ съ другомъ лица, обыкновенно дяди съ племянниками, потомъ отецъ съ сыновьями, наконецъ одни лишь братья. На этой почвѣ уже возникаетъ *легирасть*, послѣдняя стадія при вымираніи первобытнаго общенія женъ. Левирать-это обязательное сожителство вдовы съ братомъ ея умершаго мужа, съ девредемъ или левиромъ, а также и сожителство съ нимъ или съ другими мужчинами жены въ случаѣ бесплодія ея мужа.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ первобытныя формы полового сожитія. Несомнѣнно, что ихъ пережило и татарское племя. Такое заключеніе у насъ получается какъ при анализѣ свадебныхъ обычаевъ, такъ и по даннымъ языка.

Языкъ—это вѣрный и надежный свидѣтель измѣненій въ жизни того или другаго народа. Языкъ часто говоритъ о существованіи въ первобытной жизни такихъ явленій, отъ которыхъ въ настоящее время почти не осталось слѣдовъ. Посмотримъ поэтому какъ обозначаютъ татары понятія ближайшаго семейнаго родства.

Ата(ы)—отецъ, самецъ (*ата-лар*—отцы; башкиры такъ называютъ старшихъ братьевъ).

Атай—дядя, братъ (старшій), вообще старшій по возрасту (въ турецкихъ языкахъ и въ персидскомъ *ата*—значить—господинъ, князь; у казан. татаръ *ата-кми*—влиятельный, почтенный человекъ).

Абзы (отъ *абыз*—ученый) старшій братъ, дядя, вообще человекъ старше говорящаго.

Ама(кай)—мать, самка; въ древнемъ языкѣ (у Баберъ Наме) *ана* означало мать и бабушку; теперь *дауани*—бабушка и старшая сестра матери.

Аби—бабка.

ана, абста(ы) сестра старшая, тетка по матери, вообще женщина старше по возрасту.

тута—сестра, тетка (по отцу); *туташ*—барышня, дѣвица.

кыз—дочь.

ул (уыл)—сынъ

ир—мужъ, мужчина, мужьяв;

абушка въ древнемъ татарскомъ (у Рубчужи: Ист. про-
роковъ означало: мужъ, старикъ, „главный въ семействѣ“.

хатын—жена, женщина.

Всматриваясь въ значенія приведенныхъ словъ, мы замѣ-
чаемъ, что татарскій языкъ не имѣеть особыхъ словъ для обо-
значенія кровнаго родства. Различается не кровная связь, а воз-
растъ членовъ семьи. *Ага(и)* и *абзы* означаютъ вообще мужчину
старше обращающагося къ нему съ рѣчью, будетъ-ли это дядя,
братъ или посторонній человекъ. *Ана, абстай* означаютъ женщи-
ну старше говорящаго, будетъ-ли она теткой, сестрой или про-
сто чужой, но уважаемой и старшей. Такимъ образомъ перво-
бытный татаринъ различалъ окружающихъ его мужчинъ и
женщинъ лишь по возрасту, но не зналъ еще кровной связи,
происхожденія отъ однихъ родителей. Онъ видѣлъ вокругъ
себя группу самцовъ—(*ата*), и самокъ—(*ана*). Женщины раз-
личали полъ (*уыл* и *кыз*) мелкоты, которая нарождалась отъ
нихъ; своихъ временныхъ самцовъ онѣ называли *кавъ* и всѣхъ
мужчинъ (*ир*); въ свою очередь мужчины не различали сво-
ихъ самокъ отъ другихъ женщинъ (*хатын*).

Мужчина въ домѣ женщины являлся *кавъ* бы гостемъ,
для отдыха послѣ охотничьихъ и военныхъ экспедицій, и дол-
женъ былъ подчиняться женщинѣ, отъ которой сперва полу-
чалъ даже пищу. Отсюда очень высокое у большинства перво-
бытныхъ народовъ положеніе женщины. Киргизъ и сейчасъ,
при полной власти мужа, называетъ жену *уй-десе*—хозяйка
дома, госпожа; сибирскій татаринъ—*бица*, а башкиръ *бича*—
госпожа.

Самое слово жениться—*ийлан*—собственно значить одо-
миться (у алтайцевъ *юйлен*—водвориться, у киргизъ—уй зна-
чить домъ и жена); оно образовалось, на нашъ взглядъ, въ
тѣ времена, когда у татаръ еще не было современнаго поня-
тія *женитьбы*, а когда мужчина постоянно перекочевывалъ
изъ юрты одной женщины въ юрту другой, имѣя съ ними
мимолетную связь. Конечно при подобныхъ условіяхъ у перво-
бытныхъ татаръ не могло быть даже и самаго понятія семей-
ной жизни; это подтверждается отчасти данными ихъ языка:
семейство—*јагамат*-арабское слово; оно по всей вѣроятности

займствовано уже въ магометанскій періодъ, при возникновеніи въ жизненной обстановкѣ такого новаго понятія, которому не нашлось подходящаго слова въ первобытномъ языкѣ:

Съ теченіемъ времени установился обычай имѣть сожителство съ опредѣленными женщинами. Съ приобрѣтеніемъ домашняго скота все болѣе росла власть мужчины, потому что онъ приобрѣталъ свои средства къ жизни. Женщина становится предметомъ владѣнія; возникаетъ патріархатъ, но материнство сохраняетъ ясныя слѣды.

На этой-то ступени развитія брачныхъ институцій и застаютъ татаръ первыя наблюденія европейцевъ надъ ихъ жизнью. У Плана Карпини читаемъ слѣдующую характеристику семейной жизни татаръ (II, 2; IV).

„Каждый татаринъ имѣетъ столько женъ, сколько можетъ ихъ содержать. Татары женятся безъ разбора на всѣхъ родственницахъ, кромѣ матери, дочери или сестры отъ одной матери; на сестрахъ же отъ одного отца и на женахъ отцовскихъ послѣ его смерти жениться могутъ. По смерти брата на вдовѣ обязанъ жениться младшій братъ или другой кто младшій изъ родственниковъ. На всѣхъ прочихъ татары женятся безъ разбора и покупаютъ ихъ у родителей дорогою цѣной. По смерти мужа жены рѣдко вступаютъ во второй бракъ, если только кто захочетъ жениться на своей невѣстѣ или мачихѣ. Женившись татаринъ до тѣхъ поръ не считаетъ жену своей, пока она не зачнетъ отъ него и не родитъ; тогда только мужъ и получаетъ приданое, когда жена родитъ ему мальчика. Бесплодную жену татаринъ отпускаетъ. Каждая жена его имѣетъ свою ставку; одинъ день мужъ ѣстъ, пьетъ и спитъ у одной жены, на завтра переходитъ въ ставку другой; впрочемъ у старшей бываетъ чаще. Они ни чѣмъ не различаютъ дѣтей прижитыхъ отъ наложницъ и отъ женъ; отецъ даетъ каждому то, что хочетъ; если онъ вельможа, то и сынъ отъ наложницы дѣлается тоже вельможей“.

При рѣзко выраженномъ патріархатѣ здѣсь мы видимъ совершенно ясныя слѣды материнства: половое сожителство въ близкомъ родствѣ, многоженство, признаніе родни лишь по матери и полное игнорированіе родственной связи по отцу; наконецъ левиратъ со всѣми своими характерными признаками. Слѣдовательно, татары назадъ тому 6¹/₂, вѣковъ находились въ переходномъ состояніи отъ материнства къ патріархату, иначе

говора въ стадіи—*материнско-отческой*. Изъ описанія Плана Карпини становится яснымъ, что левиратъ у татаръ составлялъ часть семейнаго договора, по которому вдовѣ не дозволялось выходить за мужа за лицо, постороннее для семьи мужа, иначе, какъ съ разрѣшенія родственниковъ послѣдняго, которые могли ее оставить при себѣ или отпустить, обыкновенно за выкупъ. Въ *материнско-отческомъ* періодѣ левиратъ сталкивается съ другимъ принципомъ, неизвѣстнымъ при материнствѣ а именно, что вдовы отца по наслѣдству переходятъ къ сыновьямъ; при этомъ старшій сынъ беретъ своихъ мачихъ¹⁾. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи матеріаловъ, по которымъ бы могли прослѣдить измѣненія въ брачной жизни татаръ до нашего времени. При анализѣ современныхъ брачныхъ обычаевъ мы будемъ имѣть въ виду таковыя же у другихъ отраслей татарскаго племени и нѣкоторыя указанія въ литературѣ прошлаго вѣка, у Палласа и Гмелина.

Слѣды материнства, столь ясныя въ описаніи Плана Карпини, сохранились и въ только что сообщенныхъ нами обычаяхъ настоящаго времени, когда у татаръ уже давно царитъ полный патріархатъ. Наиболѣе яснымъ на нашъ взглядъ переживаніемъ представляется долговременное пребываніе молодой у своихъ родителей и временныя посѣщенія ея мужемъ. Это несомнѣнные слѣды материнства. Къ таковымъ же мы склонны причислить и практикующійся въ Тетюшскомъ уѣздѣ бракъ *убтома* невѣсты изъ отцовскаго дома къ жениху. Это рудиментъ отъ первобытнаго свободнаго брака, хорошо сохранившаяся у славянъ и русскихъ въ Сибири. Но человѣческія учрежденія состоятъ изъ такихъ же отдѣльныхъ наслоеній, какъ и земля, на которой люди живутъ. Тамъ и здѣсь: къ остаткамъ отъ материнства примѣшались слѣды умыванія невѣсты, которое возникаетъ на почвѣ экзогаміи, при формированіи патріарха. Мужъ посѣщаетъ жену лишь поздно вечеромъ, какъ бы украдкой, скрывается отъ тестя и тещи. Подобный обычай имѣетъ мѣсто не у однихъ лишь татаръ; онъ встрѣчается у черкесъ до рожденія женой перваго ребенка, у нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ племенъ и въ средней Африкѣ, наконецъ существовалъ у спартанцевъ и на о. Критѣ.

¹⁾ См. Этнографич. Обзорніе кн. 15, ст. Тайлора.

Умываніе невѣстъ—это почти общее явленіе у племенъ различныхъ расъ и странъ. Возникаетъ оно еще въ тѣ времена, когда распространено дѣтоубійство, жертвами котораго становятся по преимуществу дѣвочки. Недостатокъ женщинъ заставляетъ самцовъ за ними охотиться; въ дикомъ состояніи вонечно употребляются и дивіе приемы. Австралійскій дикарь, напр., чтобы овладѣть женщиной чужаго рода, оглушаетъ ее ударомъ дубины и тащитъ въ ближайшій лѣсъ. По возвращеніи изъ лѣса устраивается примиреніе съ взбѣшенными родственниками путемъ какого нибудь выкупа. Понятіе о тяжести насилія съ бракомъ укореняется такъ глубоко, что остается въ употребленіи и послѣ того, какъ минуется надобность въ немъ. Мало по малу уводъ ставится лишь брачнымъ обрядомъ съ большей или меньшею ясностью.

У татаръ на Кавказѣ свадьба сопровождается пиршествомъ, среди котораго женихъ врывается съ товарищами въ домъ и силой уводитъ невѣсту, разрѣзавъ ножомъ ей платье на груди. Въ Крыму одинъ изъ брачныхъ обрядовъ состоитъ въ схваткѣ между друзьями жениха съ родственниками невѣсты. У сибирскихъ татаръ послѣ брака устраиваются игры, на которыхъ молодой борется съ жениной родней. У башкиръ подобныя состязанія во время брачныхъ обрядовъ происходятъ нѣсколько разъ. У казанскихъ татаръ мы видимъ переживаніе этого обычая въ ослабленной формѣ: родственники невѣсты (мальчики) не пускаютъ къ ней жениха, пока онъ не дастъ выкупа. Затѣмъ, предъ входомъ молодаго въ спальню, его жена прячется въ комнату, и ему нужно ее отыскать; это обычай практикуется впрочемъ не вездѣ. Здѣсь же, въ Казани, какъ мы уже сказали, молодая закутывается съ ногъ до головы въ теплую одежду и мужъ долженъ ее открыть. Непосредственно за этимъ обычаемъ слѣдуетъ другой, выражающій господство мужа надъ женой и желаніе помучить ее при первомъ же свиданіи: жена обязана разуть своего мужа, который заранѣе надѣваетъ ичеги на мокрыя портянки, сверху смазываетъ ичеги саломъ, чтобы затруднить сниманіе ихъ; затѣмъ кушаетъ свой завязываетъ такъ, чтобы жена потратила не малое время на отысканіе концовъ и распутываніе узла.

Къ несомнѣннымъ признакамъ умыканія слѣдуетъ отнести и тотъ обычай (встрѣчаемый въ Мамад. у.), когда молодая жена, по пріѣздѣ въ домъ мужа, ступаетъ на подушки,

ковры или шубы. Самъ по себѣ этотъ фактъ тѣмень, но онъ говоритъ кое-что при сравненіи его съ подобнымъ же у киргизъ Оренбургской губ., у которыхъ молодую везуть свахи-старухи; она сидитъ на простынѣ или коврѣ, который, по пріѣздѣ къ мужу, старухи и тащатъ съ телѣги вмѣстѣ съ женой. Намъ вѣжется, что первый фактъ—видоизмѣненіе втораго—особенно, если принять во вниманіе обычай отатарившихся черемисъ въ томъ же Мамадышскомъ уѣздѣ, у которыхъ подъ ноги молодой на подушку кладутъ денегъ; молодая ступаетъ на нихъ и три раза повертывается кругомъ, затѣмъ идетъ дальше, а деньги съ подушки разбрасываются во всѣ стороны собравшемуся народу. Не остатки ли это прежняго откупа роднымъ невѣсты за похищенную у нихъ дочь?

У татаръ подъ вліяніемъ магометанства сохранилась купля невѣсты въ самомъ чистомъ видѣ; первоначальный калымъ замѣнился магометанскимъ магаромъ. Какъ же примирить куплю невѣсты съ приданнымъ, которое дается за ней? Нельзя же одновременно продавать женщину и надѣлать ее приданнымъ. Эти два повидимому непримиримыя явленія существующія у многихъ народовъ и у русскихъ разныхъ губерній, находятъ себѣ разъясненіе именно на практикѣ ихъ у татаръ. Въ Гадаѣ, въ одномъ изъ важнѣйшихъ комментариевъ мусульманскаго права, о магарѣ (по тюркски—калымъ) прямо говорится, какъ о платѣ родителямъ невѣсты, за то, что они употребили свои средства на покупку приданнаго дочери¹⁾. У татаръ-крестьянъ въ предѣлахъ Казанской губ. этотъ мусульманскій взглядъ на магаръ подтверждается обычаемъ „дѣлать дочери приданое на деньги, полученныя родителемъ съ ея жениха“. Объ этомъ обычаѣ говоритъ намъ неизвѣстный авторъ любопытнаго очерка „Народные обычаи у Татаръ Казанской губерніи“. „Приданое, говорится въ этой статьѣ, дѣлается родителями невѣсты на деньги, полученныя съ жениха. Оно составляетъ собственность жены, и никто—ни мужъ, ни родственники его—не имѣютъ на него никакого права. По смерти жены, при ея бездѣтности, приданое поступаетъ къ ея родителямъ и родственникамъ, вообще къ тому семейству, изъ котораго она была взята. Но если послѣ нея останутся дѣти, то оно составляетъ ихъ собствен-

¹⁾ См. М. Ковалевскій: Первоб. право, ч. 2: Семья.

²⁾ Труды Казан. Статист. Комит. 1869 г.

ность“. Что на определенное количество калыма дается определенное же количество приданого, это подтверждают обычаи самоёдовъ, корель, а въ нашей губ. черемисъ, чувашъ, вотяковъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ *утреннемъ дарѣ* татаръ послѣ первой брачной ночи. Нашъ почтенный ученый, знатокъ первобытнаго права, М. Ковалевскій предложилъ слѣдующее определеніе и объясненіе этого весьма распространеннаго обычая. „Это есть прежде всего даръ, дѣлаемый мужемъ женѣ въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью, во вторыхъ, — этотъ даръ имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда новобрачной является сохранившая свою дѣвственность дѣвушка; наконецъ, — цѣлью даренія является вознагражденіе мужемъ жены за потерянную ею въ сожителствѣ съ нимъ дѣвственность.—Предоставленіе мужемъ женѣ утренняго дара есть особый видъ купли, въ которой объектомъ продажи является не женщина и не право попечительства надъ нею ея родителей, какъ это имѣетъ мѣсто при уплатѣ калыма, а право вступать съ нею въ половую связь“. Вопли соглашаясь съ этимъ определеніемъ утренняго дара въ современномъ его видѣ, мы склонны думать, что это—такъ сказать—нравственное значеніе обычая явилось уже на болѣе поздней ступени развитія; происхожденіе же его, на нашъ взглядъ, кроется еще въ періодѣ материнства, когда человекъ, временно пользующійся извѣстною женщиной, долженъ доставлять ей и средства для пропитанія. Такъ у наировъ въ Индіи, у которыхъ материнство сохранилось почти въ чистомъ видѣ, мужчина-охотникъ долженъ принести женщинѣ, къ которой онъ приходитъ ночевать, дичи или звѣря для пищи, а богатый торговецъ даритъ ей денегъ или цѣнныя вещи. Вотъ, по нашему взгляду, гдѣ эмбрионъ утренняго дара.

Покончивъ съ матеріальной стороной въ свадебныхъ обычаяхъ татаръ, сдѣлаемъ теперь указанія на переживанія отъ первобытной религіи. Прежде всего обратимъ вниманіе на обязательное свадебное кушанье медъ и масло. Всеобщая распространенность и обязательность этого блюда уже набрасываетъ на него нѣкоторую религіозную окраску. Когда же мы у крещеныхъ сибирскихъ татаръ видимъ обычай разводить во время свадьбы костеръ и лить въ огонь масло съ медомъ, или по крайней мѣрѣ масло, то для насъ становится яснымъ, что это первобытное возліаніе въ жертву богамъ, видоизмѣ-

нилось подь вліаніемъ другой религіи и другаго образа жизни въ обязательное свадебное блюдо для гостей.

Упомянутый нами костеръ съ возліаніемъ масла— въ Сибири, затѣмъ омовеніе молодой рукъ и ногъ при входѣ въ домъ мужа, и разрѣзываніе ею хлѣба на ломти, что во многихъ мѣстахъ Каз. губ. бываетъ ея первымъ дѣломъ въ мужниномъ домѣ, и наконецъ— обычный пирогъ *кок-тми*,—все это мы склонны сблизить съ греческимъ свадебнымъ ритуаломъ. Извѣстно, что у грековъ и римлянъ свадебные обряды были вызваны къ жизни весьма сильно развитымъ культомъ предковъ. Такъ переходъ невѣсты въ домъ жениха окружался у нихъ особой торжественностью и носилъ черты религіозной церемоніи. Въ Греціи молодые приближались къ очагу; въ это время новобрачную обливали чистой водой, и читались молитвы; затѣмъ молодые съѣдали пирогъ или хлѣбъ разломивъ его пополамъ. У римлянъ въ домѣ жениха невѣстѣ также подносили огонь и воду: огонь— символъ домашнихъ боговъ, вода—для религіозныхъ возліаній при жертвоприношеніяхъ. Затѣмъ слѣдовало преломленіе тутъ же съѣдаемаго супругами пшеничнаго пирога.

Мы удалились въ далекую область влассическаго міра, потому-что тамъ во всей силѣ и цѣлости дѣйствовалъ въ жизни первобытный культъ предковъ, не ясныя слѣды котораго проявляются и въ свадебныхъ обычаяхъ татаръ. Что у послѣднихъ также имѣло мѣсто поклоненіе предкамъ, въ этомъ мы убѣждены по имѣющимся уже въ нашемъ распоряженіи матеріаламъ, а извѣстно, что общія вѣрованія проявляются въ болѣе или менѣе одинаковыхъ формахъ; лишь постороннія вліанія способны ихъ подавить и видоизмѣнить. Поэтому на обязанности изслѣдователей народной жизни лежитъ высокая задача по разрозненнымъ и неяснымъ слѣдамъ возстановить прошедшее съ возможной ясностью и полнотой.

М. Пинегинъ.

TO VINDI
ABRILIAO

Содержаніе ранѣе вышедшихъ томовъ „Извѣстій Общества
Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ
Казанскомъ Университетѣ“.

Т. I. Уставъ Общества, списокъ членовъ-учредителей Общества, Протоколы засѣданій Совѣта и Общаго Собранія. Прозѣкъ Публичнаго Историко-Этнографическаго Музея, сост. В. М. Флоринскимъ.—Приложенія. Свѣдѣнія о древностяхъ, найденныхъ близъ деревни Увекъ. Описаніе русскихъ монетъ клада 4 сентября 1878 г. *В. К. Савельева* и *Н. А. Толмачева*. О нѣкоторыхъ малозвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію исторіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова*. Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. *Н. А. Изюмова*. О замѣчательной Китайской монетѣ бонца X или начала XI в., пріобрѣтенной въ селѣ Болгарахъ. *В. П. Васильева*. 1879. Ц. 1 р.

Т. II. Годовой отчетъ за 1878 г. Протоколы засѣданій Общества.—Приложенія. Два городища Спасскаго уѣзда. *П. Фанагорскаго*. Объ историческомъ значеніи библіотеки Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академіи. *П. В. Владимірова*. Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древн. жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. *Н. А. Изюмова*. Описаніе части клада русскихъ денегъ XV в., открытаго въ Казанскомъ кремлѣ 4 сент. 1878 г. *А. Ѳ. Лихачева*. Замѣтка о харатейномъ Евангеліи к. XIV или нач. XV в. *П. Д. Шестакова*. Нѣсколько словъ о могильникѣ, находящемся близъ деревни Ананьиной. *П. Д. Шестакова*. Описаніе монетъ, найденныхъ въ д. Карташихъ Каз. г. *В. К. Савельева*. Описаніе городищъ и кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ д. Сенгилея Симб. губ. *М. И. Изюмичева*. О старинномъ кладбищѣ близъ с. Виляморскаго Вят. губ. *А. Рязанцева*. Попытка объясненія одного мѣста изъ Булгарской лѣтописи Шерефъ-Эддина. *П. Д. Шестакова*. Выдержки изъ архива Елабужскаго духовнаго Правленія. *Ею-же*. Описаніе дополнительной лекціи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Укека. *В. К. Савельева*. Описаніе чудскихъ вещей, пожертвованныхъ въ музей Общества А. Е. Теплоуховымъ. Бытъ Вотяковъ Саранульскаго уѣзда. *В. Кошурникова*. К. 1880. Ц. 1 р.

Т. III. О задачахъ дѣятельности К. О. И. А. и Э. *С. М. Шнилевскаго*. Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Виляръ и Моркваши. *Н. И. Золотницкаго*. По поводу сообщенія Н. И. Золотницкаго. *П. Д. Шестакова*. Замѣтка о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. губ. *Н. А. Изюмова*. Объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Вилярскѣ. *Ею-же*. Описаніе Вилярскихъ и Баранскаго городищъ. *В. А. Казаринова*. Замѣтка о Калмыкахъ Астрахан. губерніи. *П. Смирнова*. Изъ поѣздки въ село Шуматово Ядр. у. Каз. губ. (бытъ Чуваши) *Б. К. Мамитскаго*. О раскопкахъ близъ д. Палкиной на р. Чусовой. *П. И. Кротова*. У Вотяковъ Елабужскаго уѣзда. *Г. И. Потанина*. Изъ дорожныхъ замѣтокъ во время этногр. экскурсіи. *С. К. Кузнецова*. О Чаллыномъ городищѣ. *А. М. Зайцева*. Одно изъ древнихъ булгаро-татарскихъ городищъ

въ Тет. у. *Е. Т. Соловьева*. Преданія Чувашъ и Татаръ Чебокс. у. Каз. г. *М. А. Арамазова*. Остатки древности въ с. Укекѣ. *Г. С. Саблукова*. Предварительное сообщеніе о раскопкахъ близъ с. Шурана. *П. А. Пономарева*. Предв. сообщеніе о раскопкахъ надъ Ройскимъ истокомъ. *С. К. Кузнецова*. Замѣтки о вышепом. раскопкахъ. *А. А. Штукеберга*. Краткое описаніе Краснослободскаго муж. монастыря (Пенз. г.). *Д. В. Ильченко*. Описаніе рус. сер. копѣекъ изъ склада 1881 г. *В. К. Савельева*. Описаніе двухъ коллекцій джуч. монетъ пожерт. обществу. *Ею-же*. Описаніе глада золотоордынскихъ монетъ, найденнаго въ 1831 г. *Н. П. Заюкина*. Атамановы кости. *С. К. Кузнецова*. К. 1884. Ц. 2 п. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1880—88 г. Приложенія.—Духовная *В. Н. Татищева*. 0 Мишаряхъ чистоп. уѣзда *В. А. Казаринова*. Свѣдѣнія о Мишаряхъ. *Е. А. Малова*.

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—1884 гг. Скиескій слѣдъ на биларской почвѣ. *А. Ө. Лихачева*. Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. г. *В. К. Мамитскаго*. Слѣсь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1 и 2. Нѣсколько словъ о русскомъ вліяніи на инородцевъ Казанскаго края. *И. Н. Смирнова*. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. Ө. Высоцкаго*. Развалины древнихъ зданій при селѣ Болгарахъ. *В. А. Казаринова*. Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Спицына*. Нензанныя грамоты изъ Аоонскихъ архивовъ. *В. В. Качановскаго*. Матеріалы для русскаго словаря. *А. Д. Жулина*. Обычай колодованія въ Симб. г. *М. Извозчикова*. Каз. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Изслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемискаго языка *М. П. Веске*. Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Ө. Высоцкаго*. Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитриева*. Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева*. Старая церковь въ селѣ Богородскомъ. *Н. В. Сорокина*. Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова*. Каз. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. I. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. *М. П. Веске*.

— Вып. II. Вотьяки. Историко-этнографическій очеркъ *И. Н. Смирнова*. Каз. 1890. Ц. 2 р. 25 к.

— Вып. III. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній Каз. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. I. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ Комиссіи. *Н. Н. Өирсова*. Памяти П. Д. Шестакова. *Н. А. Өирсова*. Толкованіе икона села Царицына (съ фотографіей). *Н. В. Сорокина*. Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. *Н. З. Тихова*. Ирихи у Чувашъ. *В. К. Мамитскаго*. Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. П. Соколова*. Свадебные обычаи Казанскихъ татаръ. *М. Н. Пинешина*. Каз. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

Вып. II. Пермьки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова*. Каз. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

Всѣ изданія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получать въ Казани у книгопродавцевъ *А. А. Дубровина* и *Н. Я. Вахмакова*, въ С.-Пет. бургѣ у *А. С. Суворина* и *Карбасникова*.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ ІХ, вып. 2.

ПЕРМЯКИ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

И. И. Смирнова.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.
1891.

Цѣна 1 р. 75 к.

MILUKOV LIBRARY

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ IX, вып. 2.

ПЕРМЯКИ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

И. И. Смирнова.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1891.

Печатано по опредѣленію Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь П. Траубенбергъ.

ВЪ СТОЛБЦѢ ПЕРВОЙ

Памяти Михаила Петровича Веско
посвящает автор.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль, которую я преслѣдовалъ, выпуская свой третій историко-этнографическій очеркъ, остается также, что и прежде: дать научно систематизированный и восполненный личнымъ наблюденіями сводъ данныхъ объ избранной народности. Для выполненія ея пришлось совершить путешествіе по Чердынскому и Соликамскому уѣздамъ Пермской губерніи—и за содѣйствіе, оказанное мнѣ въ этомъ отношеніи, считаю своимъ пріятнымъ долгомъ принести благодарность Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета.

Оглавление.

	<i>Стран.</i>
Глава I.	
Обзор литературы, посвященной исторіи и этнографіи Перми (Коми)	3—77.
Глава II.	
Очеркъ исторіи Пермьковъ	77—177.
Глава III.	
Внѣшній бытъ Пермьковъ	177—207.
Глава IV.	
Семейныя и общественныя отношенія	207—232.
Глава V.	
Духовное творчество Пермьковъ	232—289.

Глава I.

Обзоръ литературы, посвященной исторіи и этнографіи Перми
(Коми).

Periplus Otheri et Wulfstani. Script. rer. Danic. T. II. Hafniae. Ed.
Langebeki. 1773.

Отеръ, современникъ Алфреда Великаго, совершилъ путешествіе къ С. Двинѣ во второй половинѣ IX в. Въ разсказѣ объ этомъ плаваніи, записанномъ съ его словъ Алфредомъ В., онъ первый упомянулъ о Біарміи. Мы находимъ необходимымъ привести его извѣстіе цѣликомъ въ виду искаженій, которымъ оно подвергалось въ нашей литературѣ. „Тутъ увидалъ онъ огромную рѣку, которая далеко (longissime) проникала въ глубь страны. У устья ея онъ остановился и не рѣшался войти въ рѣку изъ страха предъ жителями, такъ какъ земля по другую сторону рѣки имѣла многочисленное населеніе. Страна по правую сторону рѣки была-бы совсѣмъ пустыней, еслибы случайно не появлялись по мѣстамъ немногіе рыболовы, охотники, которые всѣ были Финны... Біармы въ большомъ количествѣ населяютъ свою страну, но онъ не рѣшился въ нее проникнуть. Страна же Терсвихъ Финновъ (Terfina Land) была пустынна... Біармы много съ нимъ разговаривали о своей землѣ и сосѣднихъ земляхъ, но онъ не знаетъ, правду-ли они разсказывали, такъ какъ не видалъ этого собственными глазами. Ему кажется (arbitrari se), что Финны и Біармійцы говорятъ однимъ языкомъ“ (р. 71).

Немного свѣдѣній даетъ намъ человѣкъ, который лично посѣтилъ Двинскій край и былъ въ состояніи объясняться съ Біармійцами на родномъ для нихъ языкѣ. Въ пересказахъ и вольной передачѣ извѣстія Отера значительно измѣняются. Strinholm, а за нимъ Г. Полевой въ своихъ „Очеркахъ Русской Исторіи“ приписываютъ Отеру вещи, которыхъ онъ нигде не говорилъ: будто онъ нашелъ Біармію хорошо обработанной съ густымъ осѣдлымъ населеніемъ¹⁾; заблужденіе это встрѣчаемъ мы и у почтеннаго изслѣдователя пермской старины А. А. Дмитріева²⁾. У Отера, какъ мы уже видѣли, нѣтъ никакого намека на осѣдлость Біармійцевъ; онъ говоритъ только объ ихъ многочисленности; что-же касается словъ объ обработанности страны, то они относятся не къ Біарміи, а къ той подчиненной Норвегіи (Halogaland) Финнской области, въ которой Отеръ былъ сборщикомъ дани ранѣе, чѣмъ поступилъ на службу къ Альфреду. Самую крупную цѣнность въ извѣстіяхъ Отера, конечно, имѣютъ слова, относящіяся къ тождеству языковъ Финнскаго и Біармійскаго. Эти слова, сказанныя человѣкомъ, который зналъ финскій (лопарскій) языкъ, имѣютъ капитальное значеніе въ вопросѣ о народности жителей двинскаго низовья.

2. Скандинавскія саги. Scripta Hist. Islandorum. T. I—XII. Hafniae. 1828—1846.

Путешествіе Отера открыло для предприимчивыхъ Норманновъ новый край, въ которомъ они могли исцѣпить себя славы и богатства. Въ теченіе IX—XII вѣковъ сюда направляется рядъ походовъ, которыя болѣе или менѣе подробно воспѣты въ сагахъ. Мы не можемъ въ сожалѣнію воспользоваться этимъ матеріаломъ во всемъ его объемѣ—частію потому, что онъ недоступенъ намъ по языку, частію потому, что не все изданное оказалось возможнымъ найти подъ руками.

¹⁾ Strinh.—Wikingszüge. Полевой I. с. 148—150.

²⁾ Перм. Стар. I, 32.

Къ періоду отъ половины IX в. до конца X в. по со- держанію и къ XII в. по времени составленія относится *Eigla* или *Eigills Saga*. Эта сага съ латинскимъ переводомъ и примѣ- чаніями издана въ 1869 г. и составляетъ объемистую книгу въ 772 стр. Отрывки изъ нея также съ латинскимъ пере- водомъ помѣщены въ *Antiquitates Celto-Scandicae*. Ни того, ни другаго изданія мы не имѣемъ подъ руками. Изъ крат- каго изложенія Саги у Мюллера („*Sagenbibliothek*“) мы узнаемъ только то, что Эйгиль, современникъ Эриха Кровавой Сѣвиры, предпринималъ экспедицію въ Біармію для сбора данн.

Сагами, рассказывающими о походахъ въ Біармію Эри- ха Кровавой Сѣвиры, сына его Гаральда Графяля, Гагена Адельстейна, *Harald Hårfagers Saga*, *Gåkon Iarls Saga* — (по- мѣщены, кажется, всѣ въ сборникъ *Heimskringla*) мы не могли воспользоваться, такъ какъ переводы ихъ намъ неизвѣстны.

О *Herrods-Saga*, отрывки изъ которой приведены въ кни- гѣ *Schaeffer'a Lapponia*, мы можемъ судить только по вы- держкамъ изъ нея, помѣщеннымъ у Мопе въ его „*Gesch. d. Heidenthum in Nördl. Europa*“. Она, какъ и разсматриваемая ниже сага о походѣ Торера-Собаки, между прочимъ гово- ритъ о роцѣ и идолѣ біармійскаго божества Юмала, но фан- тастичѣе по своему содержанію: заборъ вокругъ святилища и самый идолъ, оказывается, были очень искусно сдѣланы изъ драгоцѣннаго дерева, украшены золотомъ и драгоцѣнными камнями, которые своими лучами освѣщаютъ окрестности; корона Юмала украшена была 12 драгоцѣнными камнями; его вольцо стоитъ 300 марокъ; его золотая чаша такъ велика, что изъ нея могутъ напиться четверо мужчинъ; всѣ эти богатства (роца и дворецъ) принадлежали, по словамъ саги, біармійско- му королю Герверу.

Нашъ разборъ ограничивается главнымъ образомъ той частью сагъ, которая въ извлеченіи нашла себѣ мѣсто въ жизнеописаніяхъ Олафа Тругсона и Олафа Святаго.

Въ „Исторіи Олафа Тругсона“ помѣщенъ между прочимъ скатый рассказъ объ экспедиціи Гаральда Графяля въ Біар-

мію около 965 г. Гаральдъ выдержалъ борьбу съ Біармійцами у устья Двины и опустошилъ страну на значительномъ пространствѣ. Разсказъ интересенъ по отрывку изъ Harald Gráföls Saga, въ которомъ говорится, какъ Гаральдъ заставилъ біармійскіе роды бѣжать.

Изъ латинскаго перевода этого отрывка оказывается, что Біармійцы, повидимому, имѣли укрѣпленія (городки). Приводимъ его:

Loquens animose oppressor regulorum
Ardentem gladium rubefecit
In oriente, ubi fecit gentes
Trans oppida fugere Bjarmicas
... nactus est arbiter virorum
In ripa Vinae clarum nomen.

Стрингольмъ даетъ нѣсколько отличный переводъ этого отрывка

Der Weitfeierte, der Könige gezwungen,
Färbte in Osten sein Schwert,
Da sach ich Bjarmalands Männer fliehen
Nordwärts vom brennenden Dorf.

Разнорѣчіе двухъ переводовъ имѣетъ для насъ существенное значеніе. Вопросъ идетъ о томъ, имѣли-ли Біармійцы укрѣпленные городки, подобно Коми, Югрѣ и Лопи, или жили въ открытыхъ деревняхъ.

„Исторія Олафа Св.“ нашла себѣ мѣсто 1) въ сборникѣ извѣстномъ подъ названіемъ Heimskringla и составленномъ Снорро-Стурлезономъ въ XIII в. 2) въ такъ называемомъ Codex Flateyensis и цѣломъ рядѣ другихъ рукописныхъ сборниковъ XIII в. Исландскій текстъ, помѣщенный въ одномъ изъ сборниковъ, составленныхъ нѣсколько позже Снорро-Стурлезона, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія изданъ въ латинскомъ переводѣ въ коллекціи Scripta Hist. Island. IV—V. Оригиналъ, которымъ пользовались переводчики,

отличается лишь стилистически отъ текста, помѣщеннаго въ Heimskringla.

Въ „исторіи Олафа Св.“ имѣеть мѣсто наиболѣе извѣстная у насъ сага о походѣ Тореръ-Гунда и Карли въ Біармію. Сага эта передана Карамзинымъ, Савельевымъ въ книгѣ „Мухамедд. нумизматика“ и въ „Очеркахъ Русской Исторіи“ Полеваго. Савельевъ приводитъ ее въ редакціи „Heimskringla“ по Стрингольму. Пересказъ г. Полеваго сдѣланъ, какъ кажется, независимо отъ Савельева. Въ „Очеркахъ“ его мы читаемъ, что къ Карлу и Гунштейну присоединился Тореръ-Гундъ. Въ „исторіи Олафа“ по этому поводу сказана болѣе содержательная и характерная фраза: „Тореръ Собака послалъ къ братьямъ гонцовъ съ извѣстіемъ, что онъ то же въ это лѣто рѣшилъ отправиться въ Біармію, и желалъ-бы плыть вмѣстѣ и поровну раздѣлить барышъ и добычу, которые приобрѣтутъ“. Затѣмъ у г. Полеваго мы имѣеть фразу „у кого было золото или товаръ, получили хорошій барышъ“; въ „И. О.“ сказано менѣе опредѣленно: „У Карла было много денегъ и онъ купилъ большое количество шкуръ“. Погребальныя обычаи Біармійцевъ у г. Полеваго представляются хорошо извѣстными всѣмъ викигамъ, участвовавшимъ въ экспедиціи, въ „И. О.“ о нихъ сообщаетъ Тореръ, какъ человѣкъ бывалый; онъ-же предлагаетъ и грабежъ. Самый погребальный обычай у г. Полеваго описанъ не точно; помѣщаемъ для сравненія его текстъ и текстъ „И. О.“

„Оч. Р. И“.

„долю (умершаго) хоронили у нихъ въ землю на священномъ мѣстѣ за городомъ, а надъ могилой ссыпали высокій холмъ или ставили надъ ней небольшую лачужку...“

„И. О.“ (S. N. I. IV, 276).

„quam rescipiam in sylvas, extractis tumulis aut domibus conditam abdi, terra et argento commixtis“
(„каковыя деньги уносили въ лѣса, устраивая надъ ними холмы (бурганы) или дома и смѣшивая деньги съ землей“...“

Въ ближайшій таковой лѣсъ отправились и викинги. Ни о какомъ храмѣ Юмала, который будто-бы стоялъ рядомъ съ мѣстомъ погребенія и о которомъ говорятъ Стрингольмъ, Савельевъ и Полевой, въ „И. О.“ нѣтъ ни слова. Нѣтъ рѣчи о храмѣ, нужно думать, и въ редакціи Olaf-Saga въ Heimskringla. Моне, пользовавшійся этой редакціей, положительно заявляетъ, что у Біармійцевъ не было храмовъ.

Въ глубинѣ лѣса викинги нашли деревянную загородъ (*sepimentum ligneum*, а не храмъ Юмалы) съ воротами. Тореръ и Карли перелѣзли черезъ тынь отодвинули засовы и открыли ворота. Тореръ сообщилъ своимъ спутникамъ, что въ этой оградѣ (*in hac agra*) есть курганъ (*tumulus*), въ которомъ золото перемѣшано съ серебромъ и землей. Викинги поднялись на курганъ, собрали сколько могли денегъ, выбирая изъ одеждъ (*vestibus excerptas*) вмѣстѣ съ землей, которую не отдѣляли въ торопяхъ. Затѣмъ Тореръ высыпалъ за пазуху деньги изъ чаши, стоявшей на колѣнахъ у идола Юмалы, и захватилъ ее за дужку (*ansam*), которой была она снабжена. Карли воспользовался массивнымъ ожерельемъ (*crasso monili*). Въ передачѣ г. Полеваго дѣло представляется такъ, какъ будто викинги ограбили не могильникъ, а храмовое имущество. „Добыча, выпавшая на долю викинговъ была такъ велика, что каждый захватилъ съ собою серебра столько, сколько могъ унести. Но имъ все казалось мало; добрались они и до самаго изображенія Юмалы. . . Трескъ и возню викинговъ въ храмѣ услышали подошедшіе между тѣмъ сторожа. . .“ О храмѣ и хранящихся въ немъкладахъ говорить и Савельевъ, хотя рядомъ упоминаетъ и могилы.

Эймундова сага, извѣстная у насъ по переводу Сенковскаго, относится также къ циклу сагъ, повѣствующихъ объ эпохѣ Олафа Святаго. Интересъ ея по отношенію къ Біарміи заключается въ томъ, что она даетъ до нѣкоторой степени возможность судить о южныхъ границахъ Біарміи по норманскимъ представленіямъ. Святополье, разби-

тый братомъ своимъ Ярославомъ въ борьбѣ изъ-за Кіевскаго Стола, бѣжитъ въ Біармію и возвращается оттуда къ Киеву съ войскомъ, состоявшимъ изъ біармійскихъ всадниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Біармія Эймундовой саги начиналась не особенно далеко отъ Кіевской или южной Руси т. е. захватывала собой полосу средней Россіи.

Къ началу XIII вѣка относится помѣщенный въ X т. I. S. H. (р. 266) рассказъ о послѣднемъ набѣгѣ викинговъ на Біармію—Андрея Скіальдарбанда и Ивара Утвики. Рассказъ этотъ любопытенъ между прочимъ по тому, что въ немъ заключается извѣстіе о торговлѣ Норманновъ съ Суздалемъ. Раньше Скіальдарбанда въ Біармію отправился между прочимъ нѣкій Огмундъ родомъ изъ Spanheim'a. Этотъ Огмундъ отправился съ товарами въ Regnum Sudurdalorum или Sursdali. По отношенію къ Біармійцамъ онъ заключаетъ извѣстіе, что ихъ король былъ въ это время во враждѣ съ Норвежцами (Halogenses) и Біармійцы перебили спутниковъ Огмунда, выждавъ зимы. Скіальдарбандъ съ товарищами произвели въ отмщеніе большой грабежъ въ Біарміи и привезли громадную добычу изъ шкуръ и чистаго серебра.

Какую историческую и этнографическую цѣнность имѣютъ наши саги? Шленцеръ очень сурово отнесся къ этому источнику, усматривая въ немъ одиѣ глупыя выдумки. Въ болѣе мягкой формѣ подобное-же скептическое отношеніе проявляютъ въ сагамъ Карамзинъ, Савельевъ и позднѣйшіе изслѣдователи. Въ наше время, благодаря развитію археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, возможна другая оцѣнка. Установимъ сначала тѣ черты быта Біармійцевъ, которыя можно констатировать изъ сагъ. Біармійцы имѣли князей. Богатства ихъ состояли изъ шкуръ, серебра въ слиткахъ и денегъ. Въ области вѣрваній саги отмѣчаютъ, что Біармійцы имѣли бога по имени Юмала, поклонялись его деревянному истукану, хоронили въ курганяхъ и клали съ усопшимъ его имущество—въ вещахъ и деньгахъ. Ни одна изъ этихъ бытовыхъ чертъ не находится въ противорѣчій съ тѣми данными, которыми мы располагаемъ относительно древнихъ обитателей

нашего сѣвера. Саги говорятъ о Біармійскихъ конунгахъ — мы знаемъ князей у Суми, Лопарей, Перми, Югры. Если послѣдующіе историки, какъ Саксо Грамматикъ, заговорили о Біарміи, какъ могущественномъ государствѣ, существовавшемъ еще до Р. Х., то это уже ихъ вина. Саги говорятъ объ укрѣпленіяхъ въ которыхъ скрывались отъ Норманновъ Біармійцы; земляныя укрѣпленія (города, linna, kar) извѣстны съ XII в. у западныхъ Финновъ, Перми и Югры. Саги представляютъ Біармійцевъ обладателями мѣховъ, серебра и денегъ; что мѣха, были главнымъ богатствомъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ, не нужно доказывать. Не противорѣчатъ даннымъ исторіи и особенно современной археологіи и извѣстія о серебрянѣ въ слиткахъ и деньгахъ. Мы знаемъ, что еще московскій князь просилъ съ Новгорода серебра закамскаго или закаменскаго; слитки серебра въ видѣ прутьевъ открыты были въ нынѣшнемъ столѣтіи не въ одномъ пунктѣ пермской территоріи; воспоминаніе объ этихъ слиткахъ, какъ мы увидимъ ниже, до сихъ поръ сохранилось въ языкѣ Пермяковъ называющихъ рубль — ш а т ь, т. е. п р у т ь. О томъ, что сѣвернымъ инородцамъ извѣстны были и монеты, свидѣтельствуетъ археологія, константировавшая присутствіе персидскихъ, арабскихъ и другихъ восточныхъ монетъ на нашемъ Сѣверѣ. Въ области вѣроваіи саги также въ основныхъ чертахъ не представляютъ ничего невѣроятнаго. Имя Юмала извѣстно западнымъ Финнамъ-Чухнамъ, Эстамъ и Лопарямъ (Юммаль, Юбмаль). Курганное погребеніе констатировано на С. З. и въ средней Россіи многочисленными археологическими изслѣдованіями; тѣже изслѣдованія обнаружили обычай класть съ усопшимъ его вещи и деньги.

Что кладбища и мѣста моленія у Финновъ соединяются, мы знаемъ изъ данныхъ относительно Вотяковъ. Обычай огораживанія кладбищъ или мольбищъ широко распространенъ у всѣхъ нашихъ Финновъ — Черемисъ, Вотяковъ. Обычай устраивать надъ усопшимъ нѣчто вродѣ домика извѣстенъ у Маньсовъ и у современныхъ русскихъ Двинянь. Деревян-

ные идола известны у Лопарей, Пермьковъ, Югры; идола съ чашей на колѣнахъ известны были въ Обдоріи. Обычай одѣвать идола, украшать ихъ серебромъ былъ въ ходу у Пермьковъ эпохи св. Стефана и у Югры. Сотникъ Памъ обвиняетъ Стефана предъ Пермьками въ томъ, что онъ «съ нарочитыхъ кумировъ сѣмавъ пелено и помета отрочищу своему и сей створи въ нихъ гащи и онуца и ногавища...» Новицкій говоритъ относительно Вогульскихъ и Остацкихъ кумировъ, что они повиваются холстами, сувнами, кожами; „Старикъ Обскій“ былъ «одѣянъ одеждою червленою съ золотой грудью». Нахрачевъ истуканъ описывается «одѣянъ одеждою зеленою»; предъ нимъ лежали принесенные поклонниками вафтаны. Можетъ быть обиліе одеждъ надѣтыхъ на идола Біармійцевъ и наложенныхъ около него вызвало слова Herrods Saga: „его одежда была дороже трехъ кораблей наполненныхъ богатѣйшимъ грузомъ, плававшихъ по греческому морю“. Существованіе при идолахъ стражей также известно у сѣверныхъ инородцевъ. Кондійскаго идола, по словамъ Новицкаго, охраняли два стража въ червленыхъ одеждахъ, съ украшенными копьями въ рукахъ. Даже такія известія сагъ, какъ упоминаемая въ Herrods Saga принадлежность кладбища и идола Юмалы пермскому королю или князю не противорѣчитъ тому, что мы знаемъ относительно сѣверныхъ инородцевъ. У Новицкаго въ его «Описаніи Остацкаго народа» мы находимъ слѣдующее сообщеніе «...достигомъ жилища сихъ нарицаемые юрты Нахрачевы отъ имени начальствующаго тамъ Нахрача Евплаева, иже есть начальникъ, державецъ и служитель того сѣвернаго истукана... Сей Нахрачъ державецъ бѣше сего кумира... Обскіе и прочихъ протоковъ шайтанчики, сѣсть служителие кумировъ, приходяду къ сему державцу кумира и дарами умоляху, да въ ихъ селенія отпустить“.

Подводя итогъ всѣмъ этимъ сопоставленіямъ, мы имѣемъ полное право сказать, что видимъ въ исландскихъ сагахъ очень цѣнный историко-этнографическій источникъ. Думаемъ,

что сопоставленіе бытовыхъ чертъ, которыя окажутся въ незатронутыхъ нами сагахъ, съ историко-этнографическими данными, которыми мы располагаемъ относительно отдѣльныхъ Финскихъ племенъ и расширеніе этихъ свѣдѣній, только подтвердитъ нашъ выводъ.

Но этотъ народъ, культура котораго обрисовывается предъ нами въ сагахъ—эти *Vjagmas* не были нашими Пермьями и Зырянами. Почитаніе Юмала, курганное погребеніе, согласно съ извѣстіями Отера и филологическихъ данными, которыя констатированы Кастреномъ, Шьогреномъ и Веске относительно древняго населенія Подвинья, заставляютъ насъ считать древнихъ Біарміяцевъ представителями западно-финской вѣтви.

Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. т. т. I—X. Спб. 1841—1885.

Первый русскій лѣтописецъ приводитъ въ своемъ перечнѣ народовъ, населявшихъ восточно-европейскую равнину сдѣлавшееся извѣстнымъ на западъ уже за два слишкомъ вѣка имя народа *Пермь*. Онъ не входитъ, какъ Отеръ, въ область вопросовъ о языкѣ, которымъ говорила Пермь, но даетъ болѣе точное опредѣленіе занимаемой ею территоріи. Въ то время, какъ Отеръ говоритъ только, что Біармы жили на В. отъ устья Двины, нашъ лѣтописецъ отводитъ своей Перми болѣе опредѣленное мѣсто между Заволоцкой Чудью съ одной стороны, Печерой и Югрой съ другой. Въ виду того, что Печерой является народъ, жившій въ бассейнѣ рѣки того же названія, территорію Перми нужно искать по первоначальному лѣтописцу на З. отъ Печеры, ближайшимъ образомъ въ бассейнѣ Вычегды.

Новгородскія лѣтописи представляютъ нѣсколько новыхъ данныхъ, уясняющихъ положеніе земель, занятыхъ Пермью и отношеніе ихъ на В. Новгороду. Мы узнаемъ изъ нихъ, что Югра и Печера занимали земли въ бассейнѣ Печеры. Подъ 1185 г. лѣтопись сообщаетъ, что «избіени быша Печерскія данники и Югорскіе на Печерѣ». Западная гра-

лица Перми опредѣляется тѣмъ, что Двинская область входила въ составъ Заволочья («идоша Новгородцы съ княземъ Юрьемъ на Заволочье, и придоша на Двину», «посла рать на Двину за волокъ», «взя всю землю Заволочью, на Двинѣ погосты вси на щить»).

Эпоха Стефана привлекаетъ къ Пермскому краю вниманіе всей Русской земли и заставляетъ лѣтописцевъ обмолвиться нѣсколькими словами о древней религіи Перми. Эти немногія слова имѣютъ очень крупную цѣнность для историка: они дополняютъ, какъ мы увидимъ ниже, новыми чертами картину вѣрованій, набросанную Епифаніемъ. Изъ Новгород. лѣтописи мы узнаемъ о поклоненіи звѣрямъ, деревьямъ, огню и золотой бабѣ. Никоновская лѣтопись даетъ дальнѣйшія черты—говоря о поклоненіи „домомъ, водѣ, солнцу, каменію, волотъ, козамъ (лѣтопись, кажется смѣшиваетъ боговъ, храмы и жертвы). Другое крупное событіе въ жизни Перми — подчиненіе подъ власть Москвы—даетъ лѣтописцамъ поводъ сообщить нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣній относительно организаци и культуры Перми—таковы напр. извѣстія о городкахъ и князьбахъ въ Никоновскомъ лѣтописцѣ.

Житіе св. Стефана. Памят. Стар. Р. Лит. Изд. Куш.-Безб. IV. Спб. 1862.

Житіе св. Стефана при всѣхъ своихъ несовершенствахъ является цѣннымъ источникомъ для древней исторіи народа Перми. Епифаній былъ современникомъ Стефана и составилъ свой рассказъ на основаніи того, что слышалъ отъ самаго Стефана и его учениковъ. Реторичность и искусственность формы не помѣшала ему сообщить цѣнные свѣдѣнія о предѣлахъ страны, занятой Пермскими, и ихъ внутреннемъ бытѣ. Для того, чтобы оцѣнить географическія извѣстія біографа, слѣдуетъ принять во вниманіе то, что мы знаемъ о Перми изъ предшествующей эпохи. О Перми, Печерѣ и Югрѣ упоминаетъ первоначальная лѣтопись; объ этихъ странахъ, какъ владѣніяхъ Новгорода, говорятъ договорныя грамоты—но большее, что можно извлечь изъ обоихъ источниковъ, заключается въ томъ, что Пермь можно считать на 3. отъ Печеры, какъ

сама Печера является на З. отъ Югры. Въ договорныхъ грамотахъ границы Перми выставляются нѣсколько подробнѣе. Пермь стоитъ между Заволочьемъ и Терской областью съ одной стороны, Печерой и Югрой съ другой. Мы узнаемъ не только восточныя, но и западныя границы ея. Вопросъ о томъ, до какихъ предѣловъ доходила Пермь на З., зависитъ отъ того, что понимать подъ именемъ Заволочья и Трѣ. Если мы Заволочье ограничимъ страной на В. отъ Бѣлозера и Подвиньемъ, а Трѣ нынѣшнимъ Кольскимъ полуостровомъ, то можно будетъ принять, что Пермь представляла страну, заключенную между С. Двиной и Печерой. У Епифанія свидѣнія о Перми обильнѣе: онъ говоритъ намъ о рѣкахъ, орошающихъ страну, и областяхъ, съ которыми она сосѣдитъ. Съ точки зрѣнія современныхъ приемовъ топографіи можно, конечно, многое сказать относительно описанія Перми, сдѣланнаго „премудрымъ“ монахомъ XIV в. Прежде всего онъ не ориентировать читателя. Мы не знаемъ, что лежало на С., что на Ю., какая область откуда примыкала, какое значеніе имѣли рѣки при разграниченіи страны. Затѣмъ Епифаній не достаточно отдѣляетъ одну отъ другой двѣ Перми, о которыхъ онъ знаетъ. Въ перечнѣ народовъ, сосѣдившихъ съ Пермью, оказывается Пермь Великая, глаголемая Чусовая. Въ перечнѣ рѣкъ мы встрѣчаемъ съ одной стороны, что Вымь обходитъ всю землю Пермскую, съ другой стороны обходитъ и проходитъ сквозь всю землю Пермскую и Кама. Ясно, что біографъ слышалъ о двухъ областяхъ, носящихъ имя Пермь, но не счелъ нужнымъ отдѣлить ихъ одну отъ другой, хотя довольно точно опредѣлялъ территорію Перми Чусовской (область нынѣшнихъ Пермь-Ковъ): Кама, дѣйствительно, обходя своимъ верхнимъ теченіемъ на З. и С. Пермьскую территорію, проходитъ сквозь нее, когда поворачиваетъ къ Ю. близъ Чердыни. Границы Перми Сѣверной также выяснятся нѣсколько, если мы примемъ во вниманіе, что Вычегда, по Епифанію, истекаетъ изъ земли Пермской—ясно, что Пермь простиралась на В. по крайней

мѣрѣ до истоковъ этой рѣки. Дальнѣйшимъ указаніемъ на границы Вымской или Вычегодской Перми является то обстоятельство, что Епифаній отграничиваетъ ее съ С. З. отъ Пинежанъ (Пинежи)—иноязычниковъ, съ В. отъ Печеры, Югры и Вогуличей, съ Ю. и Ю. З. отъ Вилежанъ, Вычегжанъ, Двинянь, Устюжанъ, Южанъ, Сырьянь, Гайанъ, Вятчанъ, съ Ю. В. отъ Перми Чусовской. Всматриваясь въ эти сбитыя безпорядочно названія пограничныхъ мѣстъ и народовъ, мы приходимъ къ заключенію, что границы Вымской Перми эпохи Епифанія совпадаютъ съ границами нынѣшняго Зырянскаго племени. Начиная съ Ю. В. Зыряне дѣйствительно имѣютъ на своей границѣ Пермской край, Кайскій округъ, земли по теченію р. Вятки въ предѣлахъ Слободскаго у. и примыкавшую къ нимъ Сырьянскую волость, съ Ю. З. бассейны Виледи и Юга, теченіе Вычегды, С. Двины и верховья Пинеги на З. (близъ границъ Яренскаго у.), на С. Тиманскую тундру и бассейнъ Печеры съ Самоѣдами. Что представляется болѣе или менѣе неяснымъ въ топографіи Епифанія, это сосѣдство Перми съ Лопью и Корелой. Нѣтъ сомнѣній, что это сосѣдство имѣло мѣсто на З., но въ настоящее время Корелы живутъ на С. З. отъ Двины главнымъ образомъ въ Кемскомъ уѣздѣ и только незначительный процентъ ихъ встрѣчается въ Архангельскомъ и Онежскомъ уѣздахъ, а Лопари занимаютъ исключительно Кемскій уѣздъ. Затрудненіе это устраняется однако результатами, въ которыхъ пришли Шюгрень, Кастрень и Веске въ своихъ изслѣдованіяхъ о древнихъ жителяхъ Заволочья. Названныя изслѣдователи совершенно точно, какъ увидимъ мы далѣе, доказали, что бассейнъ Пинеги входилъ въ область поселеній Западныхъ Финновъ, которые у русскихъ назывались Корелами, и самая рѣка обязана имъ своимъ названіемъ. Пинежане-иноязычницы, нужно думать, составляли одно и тоже съ Корелой и Лопью.

Обращается къ бытовымъ даннымъ относительно Перми. Критика этой части труда Епифанія должна быть построе-

на на сравненіи его извѣстій съ тѣмъ, что мы знаемъ относительно быта родичей и сосѣдей Зырянъ. Важнѣйшую часть извѣстій „премудраго“ монаха составляютъ указанія, относящіяся къ вѣрованіямъ и культу древнихъ Пермлянъ. Мы узнаемъ, что Пермь была народомъ, видѣвшимъ вокругъ себя массу боговъ—въ лѣсахъ, рѣкахъ, озерахъ, — боговъ, которые подавали своимъ поклонникамъ удачу въ ловѣ. Какъ назывались эти боги, Епифаній не считаетъ нужнымъ говорить, но его извѣстія о существѣ ихъ окажутся безусловно достовѣрными, если мы сравнимъ то, что онъ сообщаетъ, съ тѣмъ, что мы знаемъ о Вотякахъ и другихъ родичахъ и сосѣдяхъ Перми. Въ области культа сравнительное изслѣдованіе констатируетъ также полную достовѣрность извѣстій Епифанія. Разберемъ эти извѣстія по группамъ.

1. Идолы боговъ. Изъ отдѣльныхъ мѣстъ житія св. Стефана оказывается, что Пермяне дѣлали изъ дерева челоуѣкообразныя изображенія своихъ боговъ, большаго или меньшаго размѣра. Намеки на существованіе идоловъ встрѣчаются и у Вотяковъ. О деревянныхъ идолахъ Лопарей говорятъ писатели XVI и XVII в. Деревянныхъ идоловъ имѣли и имѣють до настоящаго времени Остяки.

2. Мѣста моленія. Помѣщенія, гдѣ стояли изображенія боговъ, у Епифанія называются „кумирницами“, „мольбищами“. Какой видъ они имѣли, изъ житія не видно: но можно догадываться, что это были деревянные постройки, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ они называются храмами и ихъ можно было истреблять огнемъ. Въ кумирницахъ стояли идолы и передъ ними жертвенные столы — „жертвища“, „требища“, которыя Стефанъ опрокидывалъ; здѣсь-же помѣщался складъ жертвенныхъ вещей. Кумирницы находились подъ охраной особыхъ лицъ, которыхъ Епифаній называетъ „кумирниками“ и „идолослужителями“. Особые деревянные сооруженія для религіозныхъ цѣлей сохраняются до сихъ поръ, какъ мы знаемъ уже, у Вотяковъ (куа, бадзымъ-куа). Деревянные сараи, какъ помѣщенія для боговъ и хранилища приносимыхъ

ими жертвъ, извѣстны и Уграмъ. При этихъ сараяхъ живутъ у Маньсовъ служители „шайтанщии“ боговъ, которые по временамъ разбѣзжаютъ за подаяніями и охраняютъ ихъ имущество.

3. Жертвы. Жертвы состояли у Пермлянъ изъ звѣриныхъ шкуръ, которыя они надѣвали на идоловъ или вѣшали около нихъ, и изъ металлическихъ вещей—золота, серебра, олова. Въ такомъ видѣ жертвоприношенія остаются и до сихъ поръ у сибирскихъ инородцевъ.

4. Жрецы. Посредниками между толпой и богами являлись у Пермлянъ особые люди, которые называются у Епифанія одержимыми волшебеніемъ, кудесниками, обаянниками. Эти люди имѣютъ способность „напускать боговъ“ на того или другаго человѣка, добывать черезъ нихъ свѣдѣнія съ самыхъ дальнихъ концовъ міра; они получаютъ это искусство отъ своихъ родителей и передаютъ его дѣтямъ. Черты, которыми характеризуются пермскіе кудесники, хорошо знакомы всякому, кто занимался бытомъ вапихъ сѣверныхъ инородцевъ. Эти „одержимые волшебеніемъ“ — близкіе родичи лопарскихъ нойдовъ XVI в. и современныхъ сибирскихъ шамановъ. Какъ колдуны кудесники и обаянники, они наконецъ являются предками вотяцкихъ туно и пермяцкихъ „вѣжливецъ“. Префирательство Стефана съ Памомъ — яркая картина изъ древняго пермяцкаго быта; pendant къ ней мы имѣемъ въ книгѣ Харузина „Русскіе Лопари“. На стр. 223 г. Харузинъ приводитъ разсказъ объ испытаніи, которому подвергнулъ искусство лопарскихъ нойдовъ узнавать, что „сдѣлается въ дальней странѣ“, одинъ путешественникъ, и тождественное съ памовскимъ объясненіе, которое далъ нойда своей неудачѣ.

Кромѣ этихъ важнѣйшихъ указаній испорченный риторикой разсказъ Епифанія заключаетъ въ себѣ данныя, на основаніи которыхъ мы можемъ составить нѣкоторое, хотя блѣдное, представленіе о внѣшнемъ бытѣ Пермлянъ—ихъ жилищахъ, занятіяхъ, оружіи, объ ихъ общественныхъ отноше-

ніяхъ и характерѣ зависимости отъ Москвы. Въ то время, какъ Новгородцы продолжаютъ называть Пермскія земли своей областью, онѣ, по Епифанію, были уже въ рукахъ Москвы, платили туда дань и получали оттуда чиновниковъ (тивуновъ, доводчиковъ и приставниковъ). Новгородцы рисуются въ трудѣ Епифанія какъ временные, хотя и не желанные для Пермичей, гости—(ушкуйники, разбойницы). Эти извѣстія Епифанія нуждаются въ обстоятельномъ комментарий, такъ какъ находятся въ противорѣчьи съ тѣмъ, что мы знаемъ о Вымской Перми въ XV в. Едва-ли при существованіи Вымскихъ князей въ краѣ могли имѣть мѣсто Московскіе чиновники, состоявшіе обыкновенно при намѣстникахъ, тиуны и ихъ доводчики. Примирить эти противорѣчія можно только при предположеніи, что рѣчи Пама относятся къ Пермьякамъ, жившимъ въ Устюжскомъ округѣ, который дѣйствительно еще до Стефана перешелъ въ руки Москвы. Большое мѣсто житія св. Стефана—обиліе реторики; упрекнуть его въ невѣжествѣ, шарлатанствѣ или искаженіи фактовъ мы не можемъ. Суровые приговоры митрополита Евгенія и акад. Шюгрена, изъ которыхъ первый говоритъ, что „житіе“ Епифанія отличается болѣе риторическими разсужденіями, чѣмъ историческими разъясненіями, а второй по поводу топографіи Перми замѣчаетъ, что она можетъ только спутать, но не выяснитъ представленія о предѣлахъ Перми—мы считаемъ несправедливыми и неосновательными. То, что сообщаетъ Епифаній, блѣдно, неполно, но всегда вѣрно дѣйствительности. Мы оцѣнимъ трудъ нашего монаха, если сравнимъ его извѣстія съ тѣмъ, что осталось на З. отъ географическаго наслѣдства викинговъ.

Descriptio Groenlandiae auctore Iware Bardsonio (Antiquitates Americanae. Ed. Rafn. Hafniae. 1837. p. 281—318).

Хорографическій трудъ Ивара Бардсона представляетъ собою яркое проявленіе того упадка географическихъ свѣдѣній, который наступилъ въ Скандинавіи съ прекращеніемъ норманскихъ походовъ. Иваръ былъ Гренландецъ по

происхожденію и жилъ въ XIV или XV в. т. е. былъ почти современникомъ Епифанія. Описанію Гренландіи у него предшествуетъ краткое описаніе всей земли. Описывая Европу, Иваръ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о Біармінъ: „На С. отъ Норвегіи находитъ Финмархія. За ней береговая линия склоняется на Ю. и потомъ на В., прежде чѣмъ дойдемъ до Біарминъ, которая находится въ даннческихъ отношеніяхъ къ русскому царю (Gardensi regi). Отъ Біарминъ тянутся земли до пустынь на С. до границъ Гренландіи“. Другой отрывокъ повторяетъ это извѣстіе съ легкими измѣненіями: „близъ Даніи лежитъ малая Швеція, тутъ находится Эйляндія, потомъ Готландія, потомъ Гельсингія, потомъ Вермія и двѣ Квепландіи, которыя дальше, чѣмъ Біармія, простираются въ С. Отъ границъ Біарминъ идутъ чрезъ Гиперборейскія страны различныя необитаемыя земли до границъ Гренландіи“. Свообразныя представленія о Біарминъ ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что потомки викинговъ основательно забыли край, который эти послѣдніе такъ охотно посѣщали.

Карта Фга Мауго. Матеріалы для историко-географическаго атласа Россіи. Спб. 1871.

На этой картѣ, составленной въ 1459 г., имѣется примѣчаніе относительно Пермій и Пермьянъ, въ которомъ составитель карты рисуетъ Пермьянъ чертами сѣверныхъ звѣролововъ инородцевъ: они изображаются живущими въ землѣ, въ пещерахъ, одѣвающимися въ звѣриныя шкуры. Пермьяне снабжали, по Мауго, русскихъ торговцевъ соболями и горностаями. Извѣстія Мауго не совпадаютъ съ тѣмъ, что говоритъ Епифаній—напр. въ отношеніи жилищъ, но мы не имѣемъ основанія заподозрить ихъ въ виду тѣхъ данныхъ о развитіи пермскаго жилища, которыми располагаемъ. Мауго, по всей вѣроятности, говоритъ о восточныхъ, пещерскихъ Пермьякахъ—такъ какъ въ этой области между Печерой и Ураломъ преимущественно водились соболи. Мауго не помѣщаетъ на картѣ ни Камы, ни Печеры, ни С. Двины.

Дорожникъ или «Указатель пути въ Печеру, Югру и къ р. Оби».
Около нач. XVI в.

Этотъ памятникъ русской географической литературы мы знаемъ по латинскому переводу помѣщаемому въ „Запискахъ о Московіи“ Герберштейна. Сообщая рядъ новыхъ географическихъ данныхъ о сѣверномъ краѣ, дорожникъ знакомитъ насъ и съ обитателями русскаго сѣвера — европейскаго и азіатскаго — Самоядью близъ Пустозерска, Вогуличами съ Сосвы и Оби и Югричами съ Оби. Заключались-ли въ „дорожникѣ“ тѣ этнографическія данныя о Пермякахъ, которыя мы находимъ у Герберштейна, опредѣленно сказать нельзя. Мы склоняемся къ предположенію, что Герберштейнъ заимствовалъ ихъ изъ другихъ русскихъ источниковъ.

Герберштейнъ. Записки о Московіи. Спб. 1866.

О Перми и Пермичахъ въ мемуарахъ Герберштейна находятя скудныя свѣдѣнія. Любопытны извѣстія о дани лошадей и мѣхами, которую будто-бы платили Пермяки, о продолжающемъ идолослуженіи язычниковъ Пермяковъ и объ употребленіи собакъ въ качествѣ вьючныхъ животныхъ.

Discorso di Moscovia. del Franco Tiopolo. Monum. histor. Russiae. Tom. I.

Нѣсколько замѣчаній о Перми брошенныхъ Tiopolo показываютъ только его полное невѣдѣніе относительно этой области. Г. Tiopolo увѣряетъ, что Пермь была завоевана Батыемъ (da Baido Tartago) и освобождена Иваномъ III. Физическія свойства и границы страны намѣчены самыми общими чертами.

Писцовыя книги.—Книги сошнаго письма Чердынскія и Чердынскаго уѣзда. Писца Яхонтова. Изд. Шишонко. Пермь. 1880.

Писцовыя книги Соликамскаго и Кунгурскаго у.у. Изд. Шишонко. Пермь. 1872.

Извлеченія: Пермская лѣтопись—изд. Шишонко, «Пермская Старина» Дмитріева. Вып. 1—2.

Писцовыя книги по Чердынскому, Усольскому уѣздамъ и Строгановскимъ вотчинамъ Яхонтова, Кайсарова, Елиза-

рова и Бѣльскаго являются важнѣйшимъ послѣ лѣтописей и актовъ источникомъ для исторіи Пермьяковъ въ XVI и XVII в. Библиографическія свѣдѣнія объ этихъ книгахъ читатель найдетъ въ почтенномъ трудѣ А. А. Дмитріева. Мы отмѣтимъ здѣсь лишь то значеніе, которое имѣютъ они для изученія прошлаго Пермьяковъ. Составители писцовыхъ книгъ не говорятъ, къ сожалѣнію, о народности тѣхъ тяглыхъ людей, земли которыхъ они описываютъ, не отдѣляютъ отчетливо пришлаго русскаго населенія отъ туземнаго, но ихъ записи позволяютъ все-же хотя до нѣкоторой степени судить о составѣ населенія отдѣльныхъ уѣздовъ Пермской земли. Чисто русскія населенія можно отличить отъ пермяцкихъ по характернымъ русскимъ названіямъ—Блиново, Гузничево, Распопино, Красноперово, Хребтово и др. Не такъ ясно дѣло относительно селеній, которыя имѣютъ не русскія названія, но русскихъ по именамъ насельниковъ. Очень вѣроятно, что между ними большинство составляли крещеные Пермяки, но положительныхъ указаній книги все-же не даютъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ указанія на поселки, обязанные своимъ происхожденіемъ другимъ инородцамъ—родичамъ и сосѣдямъ Перми. Въ Чердынскомъ уѣздѣ Кайсаровъ описываетъ деревни Вотскую, гдѣ судя по прозвищамъ жителей Вотяки жили рядомъ съ Пермяками и Зырянами (Оверька Лунеговъ, Сенка Зырянъ), Остяцкую на Вишерѣ, Чувашево тамъ-же; кромѣ цѣлыхъ селеній, основанныхъ чуждыми Перми элементами, мы встрѣчаемъ инородцевъ-одиночекъ въ Пермяцкихъ селеніяхъ—Вотиновъ (Я. 28, 34, 39), Югриновъ (31), Зырянъ (15, 33). Писцовыя книги заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ древнихъ Пермяцкихъ именъ, которыя позволяютъ намъ съ одной стороны опредѣлить долю Пермьяковъ въ посадскомъ и деревенскомъ населеніи края, съ другой стороны связь съ Пермью ряда Ч у д с к и хъ городищъ.

Другой рядъ цѣнныхъ указаній, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ, представляютъ собою данныя, относящіяся

въ вѣщному быту. Писцовыя книги позволяютъ дѣлать заключенія о характерѣ осѣдлой жизни (размѣрѣ деревень), количествѣ поземельной собственности и формахъ земледѣльческаго хозяйства; мы встрѣчаемъ здѣсь указанія на двупольную систему, перелогъ, пашенные лѣса—однимъ словомъ на всѣ тѣ черты, которыя характеризуетъ современное хозяйство Вотьяковъ и Пермьяковъ, затѣмъ свѣдѣнія о характерѣ владѣній другими угодьями, напр. рыбными ловлями. Раскрывая картину экономическаго быта страны въ пору своего составленія, писцовыя книги позволяютъ заглянуть и въ прошлое, сообщая рядъ извѣстій о покинутыхъ древними насельниками городищъ и селищъ.

Не слѣдуетъ, наконецъ, оцѣнивая значеніе писцовыхъ книгъ, игнорировать и то расширеніе чисто-географическихъ свѣдѣній о Пермской землѣ, которое создаютъ онѣ, сообщая намъ длинный рядъ названій мелкихъ рѣчекъ, озеръ и другихъ водъ. Многія изъ этихъ названій служатъ показателями предѣловъ бывшей Пермской территоріи. При всѣхъ своихъ крупныхъ достоинствахъ этотъ источникъ не всегда однако внушаетъ къ себѣ довѣріе. Мы увидимъ въ текстѣ примѣры крайне небрежнаго, а можетъ быть и недобросовѣстнаго отношенія къ фактамъ (извѣстія Кайсарова о пустынности рѣкъ, принадлежащихъ Строгановымъ).

Книга большому чертежу. Спб. 1838. «Древ. Рос. Идрогр.» Спб. 1773.

Книга большому чертежу—первый и драгоцѣнный памятникъ московской гео-и-картографіи—представляетъ обобщеніе тѣхъ свѣдѣній о сѣверо-востокѣ Россіи, которыя накопились у русскихъ людей. Памятникъ этотъ даетъ опредѣленный смыслъ термину «Пермь Великая», приурочивая его къ теченію Камы. По сравненію съ писцовыми книгами „Книга Большому Чертежу“ бѣднѣе данными; она даетъ нѣсколько новыхъ географическихъ фактовъ (притоки Вишеры Вельсуй и Ульсуй), но обходитъ молчаніемъ всѣ притоки Камы между Усолемъ и устьемъ Чусовой. Въ изданіи 1680 г. эти пропуски въ

нѣкоторыхъ отношеніяхъ дополненъ. Упомянуты рѣки Зырянка, Ленва, Яйва. Но съ дополненіями возникли и неточности. Составители книги слышали о чудскихъ городищахъ и Майкорѣ, но помѣстимъ ихъ не на Иньвѣ, о которой они умалчиваютъ, а на Зырянѣ. Строгановскія владѣнія на правомъ берегу Камы остались безъ вниманія, можетъ быть—потому, что для государственныхъ цѣлей свѣдѣнія о нихъ были ненужны.

А к т ы и г р а м а т ы.—Собраніе Госуд. грам. и догов. т. I—V. Акты историч. т. I—V. Сиб. 1841—43. Дополн. къ акт. историч. т. I—V. 1846—1853. Акты Археограф. Экспедиціи. т. I—IV. Сиб. 1836—1838. Перм. лѣтопись—Изд. Шишонко.

Въ ряду актовъ, относящихся во множествѣ къ исторіи пермской земли мы должны прежде всего упомянуть о договорныхъ граматахъ Новгорода съ великими князьями Владимірскими и Московскими, въ которыхъ Пермь упоминается въ числѣ Новгородскихъ волостей; исключительно-важное значеніе имѣютъ посланіе митрополита Симона, уставная грамота Пермичамъ и дарственная грамота Строгановымъ. Посланіе Симона заключаетъ въ себѣ черты для характеристики вѣрованій и быта Пермяковъ (указаніе на левиратъ). Уставная грамота 1553 г. имѣетъ значеніе первостепеннаго историка для характеристики тѣхъ отношеній, въ которыя стали Пермляки къ Москвѣ послѣ прекращенія власти собственныхъ князей. Къ великому сожалѣнію, издана эта грамота съ большими пропусками, касающимися существеннаго промысла Пермяковъ — охоты. Текстъ уставной грамоты не даетъ возможности опредѣлить, что въ ней относится къ Пермичамъ, какъ народности, и какъ жителямъ пермской территоріи. Грамота употребляетъ выраженіе Пермичъ, Пермитипъ, Пермякъ безразлично въ смыслѣ „людей пермскіе земли“.

Можно предположить, что люди, считающіеся по луткамъ, должны быть Пермяками. Неясность границъ между двумя группами пермскаго населенія даетъ себя особенно

чувствовать въ отдѣлѣ о судебномъ процессѣ. Единственнымъ средствомъ разобраться въ терминахъ является характеръ судебной пошлины—денежной или бѣлками. Можно предположить, что всѣ тѣ статьи, въ которыхъ денежной единицей является бѣлка, имѣютъ отношеніе непосредственно къ Пермьякамъ. Уставная грамота важна помимо приведенныхъ уже отношеній еще и тѣмъ, что она даетъ возможность уяснить до нѣкоторой степени характеръ управленія Перми въ пору самостоятельнаго и вассальнаго существованія—мы встрѣчаемъ въ ней указанія на отношенія, установленныя грамотами пермскихъ князей.

Грамоты уясняютъ вопросы, которыя остаются темными въ писцовыхъ книгахъ. Мы говорили уже, что писцовыя книги говорятъ просто о крестьянахъ, не входя въ подробности относительно ихъ происхожденія. Грамоты позволяютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ подставить вмѣсто неопредѣленнаго „крестьянинъ“ опредѣленное Пермьякъ. Примѣръ представляетъ челобитная Инвенскаго крестьянина Баяндина и Обвинскаго Плотникова о причисленіи ихъ по платѣ дани къ Усолюю. Изъ книги сошнаго письма Яхонтова мы знаемъ, что въ 1579 на Инвьѣ были деревни Купрось, Кудымкорь, Туманское городище (Майкорь), на Обвь—погость Обва, Кривая, Наволока, Федорова; по именамъ и прозваніямъ насельниковъ можетъ догадываться, что между этихъ селеній значительный процентъ составляли Пермьяки, но положительныхъ основаній для того, чтобы признать эти селенія пермяцкими книга Яхонтова все-же не даетъ. Челобитная Баяндина и Плотникова проливаетъ яркій свѣтъ на этотъ вопросъ. Пермичи уставныхъ грамотъ, крестьяне писцовыхъ книгъ выступаютъ здѣсь, какъ представители опредѣленной національности. „Обвинскаго и Инвенскаго стану крестьяне, писали Чердынцы или Пермичи въ отвѣтъ на челобитье названныхъ крестьянъ, были съ ними истари, какъ и Пермь во крещеніе приведена. . .

Пермичи обнищали и врозь разбрелись по льготнымъ мѣстамъ—къ нимъ на Обву и на Ильву.

Особенную цѣну имѣютъ грамоты для исторіи колони-заціоннаго движенія. Для характеристики экономическаго быта грамоты важны своими указавіями на вліяніе климата. Капитальное значеніе для уясненія разнообразныхъ сторонъ пермскаго быта имѣютъ акты, относящіеся къ владѣніямъ Строгановыхъ. Длинный рядъ ихъ открывается грамотой 4 апр. 1558 г. Мы знакомимся изъ этихъ грамотъ съ характеромъ, который имѣла страна отъ устья Лысьвы до устья Чусовой, съ отношеніямъ, въ которые становились новые владѣльцы къ отхожимъ Пермьякамъ, съ составомъ колонистовъ. Акты раскрываютъ присутствіе пермяцкаго населенія тамъ, гдѣ мы предположили его на основаніи мѣстныхъ названій („средняя Пермская дуброва, гдѣ Пермьяки живутъ“), освѣщаютъ процесъ, путемъ котораго свободные люди постепенно обратились въ крѣпостныхъ.

Подобно писцовымъ книгамъ акты обогащаютъ изслѣдователя значительнымъ количествомъ географическихъ, археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній. Укажемъ для примѣра два названія урочищъ — Молебный врагъ близъ р. Шаквы, Молебный камень по Сылвѣ, дающія указаніе на мѣста моленій, на рядъ названій неизвѣстныхъ по писцовымъ книгамъ городищъ: Анюшворъ, Рябово городище (?), Лашкаръ, Патрино городище, Гурдино городище, Атламышево городище, Ашкаръ, Кашкарово городище.

Эбергартъ Избраннедесъ. Путешествіе и журналъ по указу Великихъ Государей, Царей и Великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича отправленнаго изъ Москвы въ Китай Э. Я. посланникомъ въ 1692 году, марта 14. — Древ. Рос. Вивліоена. Изд. II, часть VIII. М. 1789. 360—475.

Избрандесъ ѣхалъ чрезъ Вологодскую и Пермскую губерніи и даетъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній относительно

поселенія. Городъ Тотму онъ называетъ Тотма-лѣтъ. Не имѣя подъ руками оригинала, мы не можемъ сказать, въ какой степени точно передается названіе въ русскомъ переводѣ. Приставка лѣтъ во всякомъ случаѣ является интересной. Не означаетъ - ли она на языкѣ мѣстнаго населенія города или селенія? Относительно Сольвычегодска интересно замѣчаніе о живущихъ въ немъ «художникахъ» а наипаче серебряныхъ и мѣдныхъ дѣлъ мастерахъ. Отсюда И. пробѣжалъ черезъ землю Зырянъ (С г р е п о в ѣ въ рус. пер!), черезъ волость Усги. Здѣсь онъ сдѣлалъ наблюденіе, которое даетъ намъ мѣрку для оцѣнки филологическихъ показаній путешественниковъ «языкъ сего народа. . . съ Ливонскимъ имѣетъ нѣкоторое сходство, ибо нѣкоторые изъ людей моихъ, кои Ливонскаго языка искусны, имѣли съ тамошними обхожденіе, разумѣли и они заимно ихъ рѣчи понимать могли. . .» Изъ этго факта И. сдѣлалъ заключеніе, что Зыряне ранѣе жили по Лифляндскимъ и Курляндскимъ границамъ. Зыряне ни одеждой, ни жилищами, ни бытомъ, по мнѣнію путешественника, не отличались отъ Русскихъ, но управлялись своими выборными судьями и въ случаѣ недовольства апеллировали въ Москву «въ канцелярію иностранныхъ дѣлъ».

Ph. I. Strahlenberg. Das Nord-und Oestliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730.

Относительно Пермской области въ книгѣ Штраленберга всего нѣсколько строкъ. Онъ отождествляетъ ее съ Біарміей древнихъ, сообщаетъ на основаніи русскихъ лѣтописей о св. Стефанѣ и перечисляетъ составляющія ее части: Iuga, Suchna, Wologda, Wiatka, Cholmogorod, Lop-Corela, Petschora, Ugoria oder Wogulitza, Samojedja, Pertassi, Permecki, Gami und Tjhusowaja“. Рѣки „обходящія и проходящія“ (wolche. . durchschnitten und umgeben..“). Эту область по Ш. слѣдующія; Двина, Печера, Сухона, Югъ, Вымъ, Вычегда, Вятка и Кама. Изъ топографическихъ данныхъ относительно Перми очевидно, что Ш. положилъ въ основу своихъ замѣчаній о

Перми топографію Еппіфанія, но по своему перетолковалъ нѣкоторыя его выраженія: вмѣсто сосѣдящихъ земель у него явились области, входящія изстари въ составъ большой страны („Diese grosse Landschaft begriff vor Alters folgende Districte unh Länderejen in sich...“). „Пермь глаголемая (Гамаль) Чусовая“ обратилась при этомъ въ „Permecki, Gami, Tschussowaja“.

Новицкій. Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ. 1715—1834. Спб.

Сочиненіе Новицкаго — крупнѣйшій памятникъ старой этнографической литературы русской—имѣетъ лишь косвенное значеніе для изслѣдователя Пермяковъ.

Авторъ сообщаетъ ходячее въ его время возрѣніе, что Остяки образовались изъ Пермлянъ, которые для спасенія своей вѣры переселились за Уралъ.—На стр. 75 мы видимъ точное указаніе на юртъ, основанный Памъ - сотникомъ, состязался съ св. Стефаномъ и бѣжалъ потомъ за Камень.—Основаніемъ для такого возрѣнія служатъ сходство языка. Новицкій не признаетъ самостоятельнаго Остяцкаго языка и говоритъ, что различіе нарѣчій, которымъ говорятъ народъ на верхнемъ и среднемъ теченія Оби, отъ Пермскаго обуславливается тѣмъ, что переселенцы подверглись влиянію Татаръ и другихъ Тюркско-Монгольскихъ народовъ Сибири; тамъ, гдѣ, какъ въ низовьяхъ Оби, зауральскіе Пермяне находятся въ постоянномъ общеніи съ европейскими, они сохранили свой языкъ неизмѣннымъ. Взглядъ Новицкаго и его современниковъ на происхожденіе Остяковъ, конечно, не можетъ быть принятъ въ настоящее время во всей полнотѣ. Мы знаемъ, что языкъ Вогуловъ и Остяковъ существенно отличается отъ нарѣчій пермской группы, но сообщенныя имъ возрѣнія относительно древней судьбы Остяцкой страны и ея отношеній къ судьбѣ Перми заключаютъ въ себѣ зерно правды и находятся въ согласіи съ фактами существованія пермскихъ мѣстныхъ названій въ за-каменской сторонѣ.

Рычковъ. Дневныя Записки. Спб. 1770.

Во второй части журнала Рычкова описывается путешествие по Соликамскому и Чердынскому уездамъ. Страницы, посвященныя этому краю, не заключая въ себѣ этнографическаго матеріала, любопытны по извѣстіямъ археологическаго характера и народнымъ преданіямъ. Рычковъ видѣлъ еще на городищѣ села Рождественскаго на Обвѣ «множество дикаго камня, кирпича и муравленыхъ плитъ», слышалъ преданія о воротахъ изъ дикаго камня.—Представленія Рычкова о прошломъ Пермскаго края навѣяны, кажется, сагами. Онъ считаетъ Соликамскій уездъ древней Біарміей, „въ которой обитали Чуди, соединенные съ нѣкоторыми поколѣніями Славянскаго народа“. О торговлѣ Пермской онъ говоритъ на основаніи Штраленберга и находитъ разсказы о ней согласными съ „великимъ множествомъ остатковъ п р о с т р а н н ы хъ древнихъ селеній, свидѣтельствующихъ древнее величество страны“.

Gunnlaugs—Saga. Hafniae. 1775.

Книга интересна для насъ по упоминанію объ Orvarodds—Saga, которая заключаетъ въ себѣ не только разсказъ о приключеніяхъ Олда и Асмунда въ Біарміи, но и свѣдѣнія о Гардарикѣ и сосѣднихъ съ нею земляхъ.

Лепехинъ. Путешествіе. Спб. 1780—1805. Ч. III—IV.

Извѣстія Лепехина, представляются, кажется, единственнымъ источникомъ для ознакомленія съ Пермскими, который даетъ намъ XVIII ст. Тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ слѣдуетъ отнестись къ тому обстоятельству, что они слишкомъ кратки. Лепехинъ видалъ Пермскихъ и Вятскихъ Пермяковъ, но о тѣхъ и другихъ говоритъ лишь мимоходомъ. Существенно цѣннымъ изъ всѣхъ его данныхъ можно назвать характеристику быта Пермяковъ заводскихъ и указаніе на обычай приносить на счетъ общества въ жертву быка и барана. IV часть заключаетъ въ приложеніи между прочимъ сводъ литературныхъ данныхъ о Біарміи-Перми.

Н. С. Поповъ. Хозяйственное Описаніе Пермской губерніи Спб. 1813, III

Скудныя этнографическія извѣстія «Хозяйственнаго Описанія» о численности Пермяковъ въ отдѣльныхъ волостяхъ Чердынскаго и Соликамскаго у.у. въ настоящее время имѣютъ уже историческое значеніе въ виду обрусѣнія этого народа. Въ Юрлинской волости онъ считаетъ ихъ напр. 1271 ч., а по данныхъ 1886 г. ихъ было здѣсь уже совершенно обрусѣвшихъ 794 ч.

Такое же историческое значеніе имѣетъ извѣстіе о костюмѣ, напр. объ обычаяхъ носить шапки изъ краснаго сукна.

Немногія страницы, посвященныя Поповымъ Пермякамъ имѣютъ цѣну главнымъ образомъ благодаря археологическимъ указаніямъ, заключающимся въ нихъ.

Берхъ. Путешествіе въ Чердынь и Соликамскъ. Спб. 1821.

Книга Берха до сихъ поръ сохраняетъ интересъ для историка и археолога благодаря тому, что заключаетъ себѣ выводы изъ единственныхъ болѣе или менѣе научныхъ раскопокъ чудскихъ городищъ. Берхъ раскопалъ траншеями городища Чердынское, Искоръ и Уросъ и не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ битыхъ изъ глины печей и небольшого количества желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей. Берхъ скептически относится къ предположенію о торговыхъ сношеніяхъ Перми съ Востокомъ и Западомъ. Скептицизмъ этотъ въ настоящее время, въ виду археологическихъ открытій, представляется такъ - же мало основательнымъ, какъ и скептицизмъ Шлецера. По вопросу объ отношеніи Перми къ Біарміи книга Берха заключаетъ нѣсколько основательныхъ замѣчаній. Берхъ совершенно правильно полагаетъ, что Біармія была „при берегахъ Ледовитаго моря“.

I, F. Erdmann. Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland. Leipz. 1826. II, 2.

Эрдманъ воспроизводитъ въ своихъ замѣткахъ о Пермискомъ краѣ фантазіи, которыя возникли у него подъ впечат-

леніемъ тождества именъ Біарміи и Перми. „Пермская губернія принадлежала безспорно къ тому великому государству, изъ обломковъ котораго произошли въ настоящее время столь разсѣянные Финнскіе народы, и была преимущественнымъ мѣстомъ жительства Біармійцевъ, которые дали ей и свое имя и потомками которыхъ являются Пермьки“. Эта великая, по соображеніямъ автора, Пермь получила первый потрясшій ее въ основаніяхъ ударъ еще въ V в. въ эпоху великаго переселенія народовъ, въ XII в. она была разрушена окончательно Чингисханомъ. Фантазируя по поводу прошлаго, Эрдманъ проявляетъ невѣдѣніе относительно настоящаго. Потомковъ древнихъ Біармовъ - Пермьковъ онъ находитъ въ Верхотурскомъ, Камышинскомъ, Екатеринбургскомъ, Оханскомъ уѣздѣ; въ Соликамскомъ же и Чердынскомъ уѣздахъ жителями являются Вогулы (finnische Nationen, eigentlich Wogulen), въ послѣднемъ вмѣстѣ съ Зырянами.

Энциклопедическій лексиконъ, изд. Плюшаромъ. т. XI, XII. Спб. 1838.

Подъ словами: „Бярмія“, „Вогуличи“, „Вымъ“, „Вымскіе князья“, „Весленга“, „Воненга“, „Войпель“ сообщаются любопытные факты и соображенія на счетъ Вычегодской Перми, принадлежащія по большей части Надеждину. Авторъ увѣренъ въ тождествѣ Зырянъ съ Біармами Отера, хотя ничемъ не подкрѣпляетъ своего положенія. По поводу Зырянскаго названія Выми „Ем-ва“ высказывается, подъ влияніемъ Лепехина предположеніе, не жила-ли ранѣе на этой рѣкѣ Емь нашихъ лѣтописей.

Мельниковъ. Дорожныя Записки на пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь. III. От. Зап. т. IX, XIII, XVIII.

Путевыя записки Мельникова мало даютъ историку и этнографу. Авторъ мелькомъ говоритъ о городищахъ, высказываетъ курьезное предположеніе на счетъ того, что селенія

съ названіями на гортъ и каръ основаны Норманнами. Главное значеніе статьи для своего времени заключалось въ томъ, что авторъ довольно подробно описываетъ пермскія находки и даже даетъ таблицы съ рисунками ихъ.

Хлопкинъ. Нѣсколько словъ о Пермскихъ. Изв. Геогр. Общ. 1849.

Статька Хлопина представляетъ собою поверхностную характеристику вѣшняго и внутренняго быта Пермскихъ. Въ отношеніи вѣшняго быта авторъ ограничивается немногими словами относительно устройства дома, занятій и пищи, въ области внутренняго—онъ затрогиваетъ вѣрованія и обряды ихъ, то и другое слишкомъ сжато и блѣдно. Извѣстія автора о преобладающихъ занятіяхъ Пермскихъ имѣютъ въ настоящее время уже чисто - историческое значеніе. Больше интереса представляютъ сообщенія о колдунахъ. Изъ обычаевъ авторъ отмѣчаетъ приношеніе можжевельника и пихтовыхъ вѣтвей въ ночь на В. четвергъ. Замѣтка о Пермскихъ музыкальныхъ инструментахъ на половину уже имѣетъ историческое значеніе (трехструнная скрипка). Свадебный обрядъ описанъ коротко и совершенно безцвѣтно: ни одной особенности, характеризующей пермскій обрядъ, авторъ не въ состояніи оказался отмѣтить. Говоря о похоронныхъ и поминальныхъ обрядахъ Хлопинъ отмѣтилъ нѣсколько интересныхъ деталей (поясочка, мочало и челпанъ на гробъ, вѣра, что покойники питаются паромъ).

Самую цѣнную часть замѣтки Хлопина составляютъ его извѣстія о распространеніи Пермскаго племени, Мы имѣемъ здѣсь указанія на происхожденіе нѣкоторыхъ — «русскихъ» селеній Пермской губерніи. Замѣтки о вѣрованіяхъ ничего не въ состояніи дать изслѣдователю благодаря своей безцвѣтности и неумѣстному юмористическому тону. Единственнымъ интереснымъ указаніемъ въ этой сферѣ можно считать указанія на обычай носить защитными въ ладонкахъ растенія и относить лѣсному дядѣ табакъ.

Н. Поповъ. Этнографическія замѣтки о Пермякахъ. Ж. М. В. Д. 1852. Ч. 39.

Статья Попова посвящена населенію крайняго сѣвера пермской территоріи — Гайнской вол. Чердынскаго у. Въ 50-хъ годахъ это былъ одинъ изъ самыхъ глухихъ угловъ. По сравненію съ короткими замѣтками Хлопина статья Попова заключаетъ въ себѣ нѣсколько новыхъ подробностей относительно устройства дома (жерновки противъ печи), костюма (бѣлый шабуръ), музыкальныхъ инструментовъ; замѣчанія о похоронномъ и поминальномъ обрядѣ очень сжаты; нѣкоторую цѣнность имѣетъ указаніе на роль женщины. Помимо указанныхъ сторонъ статейка любопытна благодаря упоминанію двухъ языческихъ Пермскихъ именъ.

Хлоповъ. Хозяйственный и нравственный бытъ Пермиковъ. Ж. М. Гос. Имущ. 1852. II.

Статья Хлопова заключаетъ нѣсколько не безынтересныхъ данныхъ относительно занятій (охоты), вѣрованій (примѣты лѣшаго, жертвы ему, водяныя силы), музыкальныхъ инструментовъ, обрядовъ свадебныхъ и похоронныхъ. Относительно старины Пермской Хлоповъ держится Берха. Противъ рассказовъ о богатствѣ Перми онъ возражаетъ тѣмъ, что „монетъ никогда находимо не было“.

Макарій (архим.). Распространеніе христіанства въ предѣлахъ Пермской епархіи. Ж. М. Н. Пр. 1857, I.

Статья архимандрита Макарія заключаетъ въ себѣ нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣній о распространеніи христіанства въ уѣздахъ Чердынскомъ, Сѣликамскомъ, Пермскомъ и Оханскомъ. Кромѣ того въ ней заключаются важныя для историка Перми указанія на предѣлы распространенія Остяковъ.

Луканинъ. Движеніе народонаселенія въ Сѣликамскомъ уѣздѣ.

— Движеніе народонаселенія въ Чердынскомъ уѣздѣ.

Роговъ. Движеніе народонаселенія въ Инвенской дачѣ.

Вѣст. Р. Геогр. Общ. 1855, III; 1857, V.

Работы Луканина и Рогова заключаютъ въ себѣ, помимо интересныхъ статистическихъ фактовъ, нѣсколько любо-

пытныхъ этнографическихъ данныхъ—таковы въ особенности свѣдѣнія о степеняхъ обрусѣнія, представляемыхъ Пермьями въ отдѣльныхъ приходахъ края, о характерѣ пермцакаго хозяйства, о брачномъ возрастѣ, „незаконныхъ“ рожденіяхъ, объ уходѣ за дѣтьми.

Роговъ. Матеріалы для описанія быта Пермьяковъ. Ж. М. В. Д. 1858.
т. 29.—Пермскій Сборникъ. т. II. Москва. 1860.

Статья Рогова составляетъ главный литературный источникъ для изученія быта Пивенскихъ Пермьяковъ. Наибольшую цѣнность имѣютъ заключающіяся въ ней этнографическія данныя. Экскурсіи автора въ область исторіи и филологіи нельзя назвать удачными. Объясненіе слова «Біармія» изъ пермцацкихъ словъ б и — огонь, а р — маленькая рыбка, м у—земля (земля маленькой рыбки) можетъ быть интересно только, какъ филологическій курьезъ. Сообщение о томъ, что на югѣ Пермской области жили Болгары, могло бы имѣть цѣну, еслибы авторъ чѣмъ нибудь подтвердилъ его.

Взглядъ г. Рогова на предметы, находимые въ чудскихъ городищахъ и ямахъ, заслуживаетъ уваженія по своей осторожности: «памятники, открытые въ Пермской странѣ, вѣроятно, принадлежатъ не однимъ Пермьякамъ, но и другимъ народамъ; что-же было собственностью Пермьяковъ и что другихъ — различить нѣтъ возможности». Также должны мы сказать о значеніи, которое авторъ приписываетъ въ дѣлѣ опредѣленія древнихъ жилищъ Пермьяковъ мѣстнымъ названіямъ. Указанія на современныя жилища Пермьяковъ въ настоящее время отчасти приобрѣли уже значеніе историческихъ. Вопросъ объ обрусѣніи Пермьяковъ затронуть г. Роговымъ, къ сожалѣнію, только слегка.

Говоря о древней культурѣ Пермьяковъ, г. Роговъ основывается исключительно на той картинѣ, которую рисуетъ относительно Финновъ Тацитъ. Данныя языка, существенно важныя въ этомъ отношеніи, онъ совершенно игнорируетъ, хотя болѣе, чѣмъ кто либо изъ писавшихъ о Пермьякахъ,

могъ ими воспользоваться. Большое мѣсто статьи г. Рогова, какъ это ни странно было бы ожидать отъ составителя Пермскаго словаря, составляютъ объясненія мѣстныхъ, главнымъ образомъ рѣчныхъ названій. Бóльшую часть этихъ объясненій слѣдуетъ считать неудачной. Причина заключается въ томъ, что г. Роговъ ставитъ задачу объясненія въ томъ, чтобы найти одно или два слова, изъ сочетанія которыхъ могло бы получиться данное названіе, не заботясь о томъ, какой смыслъ будутъ имѣть эти слова; напр. р. Кордозъ (кор — лубъ + доз — посуда) = лубяная посуда, р. Шеметь — квасъ, Весляна — мѣра, Пыль — мука, Полва — вода, которой надо бояться (пол — бойся + ва), Суроль — правдъ живи, Вержай — крестный, воспріемникъ, Кула — умираю, Чыр — громъ. Придумывая такія объясненія, г. Роговъ не задавался, повидимому, вопросами: есть ли что нибудь подобное въ названіяхъ другихъ народовъ, напр. Русскаго, каковы способы образованія мѣстныхъ и въ частности рѣчныхъ названій у Пермьяковъ. Если бы онъ принялъ во вниманіе то обстоятельство, что рѣка называется у Пермьяковъ иногда по свойствамъ прилегающей мѣстности или ея собственнымъ, иногда по роду, который на ней поселился, иногда (очень рѣдко) по поселеніямъ расположеннымъ на ея берегахъ, онъ не сталъ бы переводить названія Лячаншоръ — дави вода, Гайва — ау! вода, такъ какъ они образовались изъ сочетанія слова ва съ именемъ населенія и должны быть переведены Гаева рѣка, Лячанова рѣка, какъ Кочкоръ — Кочево городище, Мечкоръ — Мечево городище (ср. Мечкино озеро), Челва — Челова рѣка, ср. Чел-ыбъ.

Характеристика быта Пермьяковъ, сдѣланная г. Роговымъ, стоитъ внѣ сравненія съ тѣми скудными данными, которыя мы имѣемъ отъ его предшественниковъ. Авторъ даетъ весьма удачную антропологическую характеристику Пермьяковъ — отмѣчая два типа, бѣлокурый и черный — описываетъ характерными чертами нѣкоторыя ихъ психическія особенности. Переходя къ вѣрованіямъ Пермьяковъ, г. Роговъ

сообщаетъ, въ какихъ видахъ представляютъ они себѣ водянаго, лѣшаго, сусѣдку. О роли колдуновъ онъ немного прибавляетъ къ тому, что мы знаемъ отъ Епифанія. Существенную новость составляетъ описаніе черъ-ѡшвана. Дѣлая характеристику семейныхъ отношеній, г. Роговъ сообщаетъ о любопытномъ обычаѣ, въ силу котораго члены семьи и работники называются именемъ домохозяина, о склонности Пермяковъ къ семейнымъ раздѣламъ, о развитіи помочей.

Въ описаніи проводъ рекрута заслуживаетъ вниманія указаніе на обычай провожаемаго благодарить печь за то, что она его вывормила. Къ лучшимъ страницамъ очерка г. Рогова нужно отнести тѣ, на которыхъ онъ описываетъ устройство пермяцкихъ домовъ и селеній и по пути сообщаетъ о суевѣрныхъ обрядахъ, соединенныхъ съ завладкой новаго дома и переходомъ въ него. Такихъ обстоятельныхъ описаній немного можно указать въ литературѣ, посвященной инородцамъ.

Статья, помѣщенная г. Роговымъ въ „Пермскомъ сборникѣ“, представляетъ собою окончаніе его очерка Пермяковъ. Здѣсь мы имѣемъ подробное описаніе пермяцкой одежды, пици, праздниковъ. Говоря объ этихъ послѣднихъ, авторъ сообщаетъ нѣсколько деталей, сближающихъ съ одной стороны Пермяковъ съ Вотьягами (гаданіе объ урожаѣ по зернамъ въ Васильевъ вечеръ), съ другой знакомящихъ насъ съ переживаніями старыхъ жертвоприношеній. Въ раду игръ, описанныхъ г. Роговымъ, слѣдуетъ отмѣтить игру въ жены съ сопровождающими ее пѣснями, которыя указываютъ на заимствованіе у русскихъ.

Съ особенной подробностью описана въ очеркѣ пермяцкая свадьба и роль въ ней колдуновъ - вѣжливецъ. Описаніе родинъ, похоронъ и поминовъ заключаетъ въ себѣ цѣнныя указанія на пермяцкую старину.

Пермскій Сборникъ. Т. I, II. Москва. 1859—1860.

Первая книжка этого, въ сожалѣнію, скоро прекратившагося изданія, содержитъ прекрасную и рѣдкую по своему замыслу статью о. Словцова „Соликамская деревня въ XVI в.“, „Замѣтку о пермскихъ древностяхъ“ Ешевскаго (съ двумя таблицами рисунковъ) и статью Крупенина „Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи пермскаго края“. Во второй книжкѣ, кромѣ продолженія разсмотрѣнной уже статьи Рогова, напечатаны статья Ешевскаго „Пермскія древности въ Лазар. Институтѣ вост. яз.“, „Указатель сочиненій, въ которыхъ заключаются статистическія и географическія свѣдѣнія о Пермской губерніи“ И. Чупина, „Указатели“ статей о Перми въ Перм. Губ. В. и „Каз. Изв.“ S. (Смышляева). Статью Крупенина мы разсмотримъ подъ слѣдующимъ №. О статьяхъ Ешевскаго слѣдуетъ сказать, что въ нихъ впервые было отмѣчено сходство древнихъ болгарскихъ вещей съ чудскими и сообщены со словъ Соликамскаго уѣзднаго учителя Любимова, что при раскопкахъ городищъ были найдены человѣческія остовы, обращенные головой на Ю.

Historische Skizze des Culturzustandes im Gouvernement Perm. Ermans Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Bd. XXII. Berlin. 1863.

Статья эта представляетъ собою пересказъ вышеозначенной статьи Крупенина. Авторъ рѣшительно, хотя безъ доказательствъ, высказывается противъ отождествленія Перми съ Біарміей. Онъ отрицаетъ даже торговыя сношенія съ В. и З., не предполагая очевидно о существованіи монетъ, добытыхъ въ Пермской почвѣ. Статья обильно снабжена редакціонными примѣчаніями, исполненными вѣры въ авторитетъ Кастрена и тождества древней «цвѣтущей» Біарміи съ Пермью. Редакція снабжаетъ кромѣ того текстъ статьи вопросительными и восклицательными знаками, которые подчасъ свидѣтельствуютъ о ея собственномъ плохомъ пониманіи дѣла; таково напр. удивленіе по поводу того, что у Чуди было много городковъ и низкая

культура (стр. 87); редакція увѣрена, что существованіе городковъ свидѣтельствуеъ объ очень плотномъ осѣдломъ населеніи. — Обзоръ событій со времени поселенія русскихъ въ Пермскомъ краѣ до XVIII в. сдѣланъ и сжато, но согласно съ источниками.

- Sjögren. Die Syrjänen, ein historisch—statistisch—philologischer Versuch.
— Über die älteste Wohnsitze der Iemen.
— Wann und wie wurden Sawolotschje und die sawolokschen Tschuden russisch (Gesamm. Schr. I). Спб. 1861.

Изслѣдованія Шюгрена имѣютъ право на исключительное вниманіе при рѣшеніи вопроса о предѣлахъ древней Біарміи и eo ipso границахъ древней территоріи народа Коми. Шюгрень выдвинулъ рядъ новыхъ данныхъ, которыми можетъ пользоваться историкъ при изслѣдованіи этого предмета. Этими источниками являются мѣстные названія, личные имена (прозванія), народныя преданія, особенности русскаго говора страны.

Особенно рельефно выдвинулъ онъ значеніе мѣстныхъ названій. „Во всякомъ случаѣ, читаемъ мы на стр. 304, основательное изученіе рѣчныхъ и другихъ названій можетъ имѣть для исторіи Россіи благотворныя и можетъ быть неожиданныя послѣдствія. Нужно только сначала основательно изучить инородческіе языки, на которыхъ говорятъ внутри Россіи“. Шюгрень самъ широко, хотя не всегда удачно, пользуется этимъ источникомъ и приходитъ благодаря ему къ новымъ и во всякомъ случаѣ весьма любопытнымъ соображеніямъ.

Значительная часть изслѣдованія посвящена вопросу о древнихъ жилищахъ Перми. Родиной Коми Ш. считаетъ верховья Камы, сѣверную часть Пермской губерніи и Уральскій хребетъ. Отсюда они двинулись частію на В., частію и главнымъ образомъ на З. и С. З. На В. „Пермскіе народы“ простирались до Сибири и были или вытѣснены Югрой или смѣшались съ ними. Западной границей онъ прежде всего

принимаетъ Двину. „Западнѣ Устюга не все нерусское является финскимъ; нѣкоторыя изъ мѣстныхъ названій являются аналогичными съ зырянскими“. Такія названія онъ находитъ: въ Тотемскомъ уѣздѣ Йолга, Сивежь, Ловчижь, Киршенга, Кочинга, Ележь, Едма, Вожболъ (только одно изъ этихъ названій Едма можетъ быть въ дѣйствительности признано Зырянскимъ), въ Кадниковскомъ Шингоръ, Шорега, Томашъ, Шиченга, Чухта, дер. Котлакса, въ Вологодскомъ уѣздѣ Петомъ, Почеба, Лухать, Ненба, П о л о м б а ж ь, Ч а р м а, В о с и м а, Шоболга, Л а п с а р а: Грязовскомъ Каргачъ, Ченягъ, Катлась, Висья, Камья, Тиувенга, Обнора, въ Вельскомъ Еважь, Пырчила, Содмешъ, Шаренга, Вожга. Давши свой перечень, Шюгрень оговаривается, что между перечисленными названіями нѣкоторыя могутъ быть и Л о п а р с к и м и. Относительно южной границы Шюгрень ограничивается таинственнымъ замѣчаніемъ: „На югѣ трудно провести съ опредѣленностью былыя границы Коми. Въ настоящее время они занимаютъ крайній С. З. и крайній С. В. Вятской губерніи. Я з н а ю однако, что они должны были жить въ этой губерніи гораздо южнѣе, хотя въ настоящее время не могу провести опредѣленную пограничную черту. Рѣка Вятка во всякомъ случаѣ образовала, какъ показываетъ біографъ св. Стефана, по крайней мѣрѣ позднѣйшую границу“. Вступивши въ область Вятской губерніи, Шюгрень не останавливается на ней: „мимоходомъ могу замѣтить, что Зыряне простирались и дальше, такъ какъ многія мѣстныя названія въ Костромской губерніи и даже Владимірской могутъ быть произведены изъ Зырянскаго языка. Они идутъ даже далѣе и подходятъ къ древней столицѣ—Москвѣ“. Шюгрень самъ сознавалъ неубѣдительность своихъ положеній. „То, что я теперь мимоходомъ написалъ относительно Зырянъ, могутъ счесть за химеры“ и общался со временемъ обстоятельно защитить притязаніе Пермьковъ и Вотьяковъ на такія далекія области.

Капитальное значеніе имѣетъ вопросъ о сѣверныхъ границахъ Пермской земли, такъ какъ отъ того или другаго рѣшенія

его зависить другой вопросъ—объ отношеніяхъ Перми къ Біарміи. Шёгрень начинаетъ съ положенія, что Зыряне по Печерѣ доходили до Пустозерска, который у нихъ носитъ названіе *Sar-dog*—край моря. Переходя къ Мезени, онъ отмѣчаетъ зырянскія названія ниже Усть-Важки: Росова, Выжлецъ, Пеза (Печа?), Гоежа, Выръюга (зырянское + фин.), дер. Мырина (вѣроятно), Шигма, Юрома, Сова, Парсова (вѣроятно), Пырышня и Кеда. Въ бассейнѣ Пинеги въ Архангельской губерніи онъ находитъ названія, которыя или дѣйствительно зырянскія или кажутся таковыми (!). Пожуга, Покшенга могутъ быть и Зырянскими, Косвей, Сылуга и Пылнюга являются вѣрнѣе Зырянскими, хотя и съ финскими приставками, озеро Тиноватское, Кылма, Кочкома, Кошура, Матвера, Поча еще менѣе сомнительны. Погость Перемь, Сова, Варсова, Пырышня и Кеда, Черка, озеро Малотыцкое, Инца, Нырсенга, Кучема, Бачъ, Чусса, Кыргусъ, Чугя, Пукшенга, Паленга, у Ледовитаго Океана по замѣчанію Шёгрена *klingen ganz Syrjanisch* и на этомъ основаніи онъ считаетъ возможнымъ предполагать въ этомъ краѣ бывшее присутствіе Зырянъ. Тутъ же онъ встрѣчаетъ и чисто-финскія названія.

Затѣмъ въ Архангельскомъ уѣздѣ зырянскими кажутся Шёгрену Маймакса, Ненокса, Кумбышь, Лодма, Ижма, Муксома, Вавчуга, Пермилово, Лявля, Юрась. Авторъ признаетъ впрочемъ, что на нижней Двинѣ меньше зырянскихъ названій и они сосредоточиваются на В. отъ рѣки. Отъ Холмогоръ Двина становится, по его мнѣнію, болѣе зырянской. Здѣсь кажутся ему зырянскими названія рѣкъ Погрима, Модја, Веча, Мигласъ, Кумбыжь, Кадыжь, Равусорва, Колесара, Чачва, Ухвась, въ Шенкурскомъ у. Пукса, Ледъ, Поча, Пеза, Пашта, Лыгмасъ, Кемасъ, Кушева, Пышема, Южуга, Ваенга, Урась, Кора, Шужега, Кысема, Ундышь, Рывушь, Медъ, Вадја, Нондрусъ, Ягозеро; въ Сольвыгодскомъ Вагмасъ, Ваймась, Ераташь, Пучега, Шокома,

Нюгмасъ, Ездренга, Кестважъ, Ягрышъ, Сужега, Нечмашъ, Соленга, Тадима, Севтра, Кустышъ, Ньюба, Гапъ, Ествашъ, Хоргова, Койша, Сивняшъ, Шаткурья, Вадога, Уйважъ, Анвижъ, Шулега, Милгишъ, Кундышъ, Тырашъ, Вайа, Лотча, Реважъ, Палишъ, Мотарсорка, Торсорка. Исходя изъ предположенія, что всѣ эти названія зырянскія, Шöгрень приходитъ къ заключенію, что Зырянскія жилища простирались нѣкогда по Двинѣ до Ледовитаго Океана. Самое имя Двины Шöгрень считаетъ зырянскимъ (в ы н - с и л а).

Цѣнность выводовъ покойнаго академика зависитъ, конечно, отъ основательности его филологическаго діагноза. Имѣя предъ собою массу нерусскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежащихъ не одному инородческому языку названій, онъ пришелъ къ естественному выводу, что въ Заволочьи обитало не одно, а нѣсколько инородческихъ племенъ. При такихъ условіяхъ онъ долженъ былъ для приурочиванія отдѣльныхъ названій тому или другому народу имѣть объективныя основанія—ясно выраженные признаки, благодаря которымъ названія одного народа отъ названій другаго могъ-бы отличить всякій читатель и продолжатель его работъ. Мы не можемъ сказать, чтобы покойный академикъ далеко ушелъ въ этомъ направленіи. Онъ не довольствуется, конечно, тѣмъ, что въ данномъ языкѣ имѣется комплексъ звуковъ, тождественнымъ съ опредѣляемымъ названіемъ, чтобы приурочить его къ этому языку; у него нельзя найти курьезовъ въ родѣ „рѣка размышленія“, „я умираю“. Взамѣнъ этихъ грубыхъ нелѣпостей Шöгрень вноситъ однако не менѣе вредный въ научномъ отношеніи субъективизмъ. Онъ называетъ то или другое названіе зырянскимъ, финскимъ не на основаніи морфологическаго анализа и справки съ словарями, а исходя изъ в п е ч а т л ѣ н і я, которое оно производитъ на его слухъ. Названія Сова, Пырышня, Кеда, Нырсенга, Кучема—*klingen ganz syryjanisch*; чисто по зырянски, читаемъ мы на стр. з в у ч а т ь Бачъ, Чуса, Пыргусъ, Чугя, Пукшенга, Паленга. Всякій, конечно согла-

сится, что подобный критерій отличается крайней неопредѣленностью и можетъ завести въ дебри самой безпросвѣтной фантастики. Шöгрень самъ признаетъ иногда недостаточность своего критерія. На стр. 290 мы имѣемъ рядъ названій, которыя ему кажутся Финнскими; въ примѣчаніяхъ онъ говоритъ однако: „нѣкоторыя немногія изъ этихъ названій могутъ быть и Зырянскими“, на стр. 300 перечисляя рядъ Зырянскихъ названій, онъ замѣчаетъ „нѣкоторыя изъ этихъ названій могутъ быть и Лопарскими“. На стр. 323 мы читаемъ новое замѣчаніе въ этомъ родѣ: „во всей Двинской области мы имѣемъ кромѣ Пермскихъ и Лопарскихъ, которые не всегда въ состояніи точно отличить другъ отъ друга, и Финскіе слѣды... Трудность объясняется тѣмъ, что перечисленные народы болѣе или менѣе родственны“.

Недостаточная увѣренность въ филологическомъ чутьѣ обнаруживается и въ проблематической формѣ опредѣленій: на страницахъ, посвященныхъ опредѣленію сѣверныхъ границъ Біарміи, Шöгрень въ обиліи разсыпаетъ *wahrscheinlich*, *höchst wahrscheinlich*, *mag sein*: деревня Мырина, вѣроятно, носитъ зырянское названіе, какъ и Шигма и Юрома¹, „Шиднема — полузырянское, полуфинское“; Шулонема признано зырянскимъ названіемъ, но въ скобкахъ замѣчено: „оно можетъ быть и финскимъ“, „Покшенга можетъ быть и зырянскимъ“, „Косвей, Сылуга и Пюлюга вѣроятно же можно признать зырянскими, хотя они и имѣютъ финскія приставки“, „Кылма можетъ быть и зырянскимъ, Кочкома, Кошура, Мытевра, Поча еще менѣе подлежатъ сомнѣнію“. „Нырсенга и Кучема звучатъ совершенно по зырянски“. Въ Архангельскомъ уѣздѣ Шöгрень находитъ своеобразныя названія, которыя для мѣстныхъ Зырянъ, какъ и для него, звучатъ по Зырянски; „Погрима, Моджа, и Веча кажутся скорѣе Зырянскими“, „въ Шенкурскомъ зырянскимъ можетъ быть Пукса, вѣроятно же Поча, Поля“,

„Туда на сольвычегодской границѣ навѣрное Зырянское“. „Къ зырянскимъ названіямъ, въ высокой степени вѣроятно, принадлежатъ Вагмасъ, Веймашъ, Ераташъ, Пучега, Шокша, навѣрно Нюгмасъ, Ездренга, Кестважъ“.

Дѣйствительно-ли однако зыряно-пермяцкими являются всѣ тѣ названія, на основаніи которыхъ Шёгрень строитъ свои выводы. Обратимся для рѣшенія этого вопроса къ ихъ разсмотрѣнію. Примемъ прежде всего во вниманіе, что Коми и Финны-Корелы принадлежатъ къ двумъ различнымъ группамъ финнскаго міра и достаточно рѣзко различаются по языку, чтобы названіе одного народа можно было принять за названіе другаго. Что-же мы видимъ? Перечисляя названія, которыя дали ему право заключать, что древнѣйшими обитателями Заволочья были Корелы-Финны, Шёгрень приводитъ слѣдующія: Ухто ма, Лахо ма, Урдома, Удима, Кодьма, Хайма, Соде н га, Лудо н га, Юм ы ш ъ, Авн е га, Синег а, Сойга, Луп ь я.

Обращаясь къ названіямъ, которыя Шёгрень считаетъ зырянскими, мы встрѣчаемъ: Кучема, Лодма, Ижма, Погрима, Пышема, Кысема, Нырсе н га, Пушшенга, Паленга, Ваенга, Ездренга, Соденга, Шуж е га, Пучега, Сужега, Шулега, Кумб ы ш ъ, Кадыжъ, Ундышъ, Ягрышъ, Кустышъ, Кундышъ, Мод ь я, Чугя, Вадья, Вайа, затѣмъ Куше в а, Чач в а, Раку-с о р, Мота-с о р, Тор-с о р, Коле с о р а, Миглы с ѣ, Лагмасъ, Кемасъ, Вагмасъ, Нюгмасъ, Вай м а ш ъ, Ераташъ, Кест в а ш ъ, Нечмашъ, Ест в а ж ъ, Упаважъ, Тырашъ, Реважъ, Шат-к у р ь я.

Изъ сопоставленія двухъ разсмотрѣнныхъ группъ оказывается, что первая половина „зырянскихъ“ названій по типу (по суффиксамъ) не отличается нисколько отъ „финско-корельскихъ“. Мало того названіе Соденга фигурируетъ и въ спискѣ финскихъ и въ спискѣ зырянскихъ названій. Единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ этого факта—тотъ, что финскихъ названій нельзя отличить по типу отъ зыря-

но-пермяцких и, стало быть, всякая попытка разграничить области, которые нѣкогда занимали оба народа, должна считаться неосуществимой. Такъ-ли это однако на самомъ дѣлѣ? Чтобы провѣрить діагнозъ Шюгрена, возьмемъ рѣчныя названія изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ Финны и Коми сохранились всего чище и дали первыя названія водамъ. Въ Соликамскомъ уѣздѣ по обѣ стороны Камы мы видимъ массу рѣчныхъ названій съ суффиксами в а и ш о р ь, въ предѣлахъ Финляндіи преобладающими рѣчными названіями являются названія съ суффиксомъ жоки: Кеми-жоки, Симо-жоки, Карась-жоки, Ивала-жоки, Патсь-жоки, Типо-жоки, Лутмо-жоки и т. д. и т. д. Между финскими и пермяцко-зырянскими рѣчными названіями оказывается при этомъ сопоставленіи такая типическая разница, что смѣшать ихъ представляется безусловно невозможнымъ.

Разбираясь на основаніи констатированныхъ выше признаковъ среди обѣихъ группъ, мы приходимъ къ заключенію, что среди quasi-финскихъ рѣчныхъ названій нѣтъ ни одного дѣйствительно финскаго, а среди quasi-зырянскихъ или пермяцкихъ таковыми могутъ быть признаны 5—6 вверхъ по Двинѣ отъ Холмогоръ: въ Холмогорскомъ у. Ракусорка, Чачва, въ Шенкурскомъ у. Кушава, Ваджа; въ Сольвычегодскомъ Мотасорка, Торсорка. Этихъ 5—6 названій еще слишкомъ недостаточно для того, чтобы признать С. Двину пра-зырянской рѣкой. Что касается соображеній на счетъ того, что названіе Двина зырянское и стоитъ въ связи съ словомъ вын сила, то онѣ могутъ вызвать только недоумѣніе на счетъ филологическихъ принциповъ Шюгрена. Если Финнъ (принимая этотъ терминъ въ широкомъ смыслѣ), согласно законамъ своей рѣчи, опускаетъ начальное *d* въ названія рѣки и называетъ ее Вина, мы это понимаемъ. Но подъ вліяніемъ какихъ побужденій Русскіе, если бы они взяли у Зырянъ рѣчное названіе, прибавили *d* въ началѣ его, этого, навѣрное, не объяснить никто. Не лучше-ли было - бы предположить, что первоначально рѣка называлась у Финновъ *Divina*, и

только въ послѣдствіи съ исчезновеніемъ короткаго гласнаго *i* Финны перестали произносить и начальный *d*.

Кромѣ звуковаго впечатлѣнія Шюгрень опредѣляетъ національность названія еще однимъ путемъ—географическимъ. Встрѣтивъ на территоріи былого Заволочья названіе, которое имѣетъ еще мѣсто положимъ на территоріи, занимаемой Пермскими или Зырянскими, онъ считаетъ его пермскимъ или зырянскимъ; такъ онъ поступаетъ напр. съ названіями притоковъ Пинеги — Илешъ, Вотча, Пира, Нјула, Нюхча. Этотъ родъ опредѣленія можетъ, конечно, имѣть нѣкоторое значеніе, но употреблять его можно только тогда, когда названій мало для того, чтобы опредѣлить типъ, а языкъ, изъ котораго они могутъ быть истолкованы, исчезъ. Къ болѣе или менѣе прочнымъ выводамъ этимъ путемъ прійти нельзя.

Мы должны быть увѣрены, что всѣ названія занятаго даннымъ народомъ района принадлежатъ ему, не заимствованы у другихъ насельниковъ, и эта увѣренность можетъ быть только результатомъ тщательнаго филологическаго изслѣдованія. Притомъ Шюгрень пользуется этимъ способомъ далеко не послѣдовательно. Принявъ его принципъ, мы должны были-бы признать лопарскими всѣ названія на *енга*, *онга*, которыя въ изобиліи встрѣчаются въ Заволочьи по теченію Двины въ частности, такъ какъ рѣки съ такими названіями встрѣчаются въ занятомъ Лопарями углу Кольскаго полуострова, а нѣкоторыя названія оказываются прямо тождественными (*Ваенга*). Можетъ быть даже, что въ этомъ случаѣ мы оказались бы ближе къ истинѣ, чѣмъ Шюгрень, такъ какъ часть мѣстныхъ названій въ области Двины по типу приближается къ Лопарскимъ. Припомнимъ *Шужега*, *Пучега*, *Авнега*, *Синегга*, которыя легко разлагаются на *Шуж-юга*, *Пуч-юга*, *Авн-юга*, *Син-юга*. Непрочность, точнѣе негодность фундамента, на которомъ держится гипотеза Шюгрена на счетъ первоначальнаго совпаденія границъ страны Коми и Біарміи Скандинавовъ, заставляетъ насъ отнести къ ней отрицательно. Эта несостоятельность основнаго содер-

жанія обширнаго изслѣдованія Шюгрена не мѣшаетъ однако тому, чтобы признать за его трудомъ крупное научное значеніе. Не говоря уже о матеріалѣ—извѣстіяхъ о древнихъ городищахъ, извлеченныхъ изъ писцовыхъ книгъ и личныхъ наблюденій, о сводѣ народныхъ преданій и личныхъ именъ, мы должны признать, что Шюгрень первый предпринялъ попытку опредѣлить территорію, на которой жили древніе Коми, и сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ шаговъ для ея выполнения.

Castren. Bemerkungen über Sawolotscheskaja Tschud. Nord. Reisen und Forsch. V. Kl. Schr. S. Pet. 1862.

Въ статьѣ, заглавіе которой мы выписали, Кастрень разсматриваетъ вопросъ о народности древнихъ Двинянь—Заволоцкой Чуди, Біармовъ тожь. Рѣшается вопросъ въ пользу З. Финновъ. Нѣкоторые изъ аргументовъ, на которыхъ основано такое рѣшеніе, отличаются чрезмѣрной тонкостью и въ силу этого представляются сомнительными: таковы напр. соображенія, что именно Западныя Финны съ ихъ трудолюбіемъ, любовью къ земледѣлію, и стойкимъ характеромъ были народовъ, наиболѣе способнымъ къ тому, чтобы бороться съ дикой сѣверной природой. Большую цѣнность имѣютъ указанія на мѣстныя названія, особенности русскаго говора въ Архангельской губерніи, физическій типъ и обычаи. Въ истолкованіи мѣстныхъ названій Кастрень впадаетъ однако въ ошибку Шюгрена: онъ не подозреваетъ какъ будто, что мѣстныя названія у всѣхъ Финновъ строятся по опредѣленнымъ типамъ изъ опредѣленныхъ элементовъ. На стр. 95 онъ объявляетъ названія деревень Ижма, Лодма, Уйма, Сюземская (конечно отъ р. Сюзьмы) финскими, хотя по типу онѣ пермскія и перенесены съ пермскихъ названій рѣкъ, истолковывая ихъ изъ опредѣляющихъ +шаа земля, что имѣетъ формальный смыслъ, на стр. 96 онъ объясняетъ названіе Сурминская (дорус. Сурма) изъ глагола *s u g m a*—портить, что является уже вовсе бессмыслицей, на стр. 105 названіе

рѣки Цильма онъ производитъ уже отъ фин. прилагательнаго *kultmä* холодный. Біармы - Финны, по Кастрену, жили отъ Бѣлаго моря до Камы; слѣды ихъ открыты въ Тобольской губ. и должны идти до Алтая. Слѣдомъ Финновъ на нижней Печерѣ является будто - бы названіе Асопольская отъ *asun* жить, тогда какъ это названіе состоитъ изъ сочетанія по ле съ личнымъ пермскимъ именемъ А съ. По отношенію къ Коми онъ допускаетъ, что они двигались за Корелами на С. З. и достигали отдѣльными группами сѣверной Двины. Финнами считаетъ Кастренъ и Чудь сѣверо-восточную, Печерскую. Противъ такого толкованія говоритъ то, что, какъ первые насельники, Финны должны были оставить послѣ себя слѣды въ названіяхъ главныхъ водъ, а этого нѣтъ, 2) Чудь преданій застали Русскіе, а при Русскихъ здѣсь были только Коми и Югра. Интересны указанія на Чудскіе памятники Печерскаго края.

Исторія Пермской Епархіи. Перм. Епар. Изв. 1867—1868 г.

Статья начинается съ изложенія языческихъ вѣрованій Пермяковъ. Авторъ въ христіанскомъ смыслѣ истолковываетъ представленіе Пермяковъ объ Іенѣ (создатель неба и земли). Большую часть фактическихъ данныхъ онъ заимствуетъ у автора „Сказанія о жизни и трудахъ Св. Стефана“—А. М. Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ вводитъ въ свой трудъ ошибки и другихъ авторовъ: такъ со словъ Попова онъ утверждаетъ, что главнымъ идоломъ почти у всѣхъ жителей Перми былъ Іомала; преданіе записанное Новицкимъ относительно пермцакаго происхожденія частію Остяковъ, дойдя черезъ „Странникъ“ до нашего автора, вызвало у него соображеніе, что „всѣ идолы Пермяковъ съ распространеніемъ христіанской вѣры въ Пермской странѣ перешли съ удалившимися Остяками въ Березовскій край“.

П. К-овъ. Распространеніе и утвержденіе христіанства въ древней Перми. Перм. Епарх. Изв. 1868.

Соображенія автора о древней культурѣ Перми, основанныя на рѣчахъ, владыкаемыхъ Елифаніемъ въ уста Пермяковъ, не выдерживаютъ критики. Дѣятельность преемниковъ Стефана—Исаакія, Герасима—возстановляется гадательно при помощи „вѣроятно“, „несомнѣнно“.

Шестаковъ. П. Д. Святой Стефанъ Великопермскій. Каз. 1868.

Покойный П. В. Шестаковъ трактуетъ болѣе подробно, чѣмъ названные авторы, вопросъ о Св. Стефанѣ. Онъ даетъ обзоръ источниковъ и пособій и разборъ текстовъ, оставшихся послѣ зырянскаго просвѣтителя.

Европеусъ. Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ сѣверной и средней Россіи до прибытія Славянъ. Ж. М. Н. Пр. 1868, т. III, 55—71.

Г. Европеусъ выступаетъ съ теоріей, которая частію находится въ противорѣчій съ Шюгреновской, частію дополняетъ ее. Въ то время, какъ Шюгренъ отдаетъ все древнее Заволочье Финнамъ-Кореламъ, авторъ разсматриваемой статьи утверждаетъ, что Финскія поселенія на В. отъ Нарвы не спускались южнѣ широтъ Финскаго залива, Ладожскаго озера, Бѣлоозера, а на В. не заходили за предѣлы Пинеги. Уже въ предѣлахъ теченія С. Двины Финскія названія, по мнѣнію г. Европеуса, чередуются съ древне-Остяцкими и Финны, вступивши въ область этой рѣки, вытѣснили прежнихъ насельниковъ. Воспоминанія о Югрѣ сохранились въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ въ названіяхъ деревень Югорская, Югринская, въ прозвищахъ Югринъ и массѣ угорскихъ мѣстныхъ названій, которая наполняетъ западную половину Вологодской губерніи' и небольшую часть ея за Двиной. Югорскія же племена Весь, Меря и Мурома, судя по мѣстнымъ названіямъ, занимали территорію отъ Бѣлоозера до Ови.

Гипотеза Европеуса цѣликомъ основана на объясненіи мѣстныхъ названій изъ нарѣчій угорской группы. Отъ достоинства этихъ объясненій зависитъ поэтому и достоинство гипотезы. Рядъ угорскихъ названій открывається у нашего автора объясненіемъ рѣчнаго названія Печенга. Г. Европеусъ допускаетъ два объясненія этого названія изъ остяцкаго языка: *petse* (сосна) + *jink* (вода, рѣка) или *petseng* сосновый. Съ точки зрѣнія аналогіи съ другими Финскими названіями рѣвъ можно допустить оба толкованія: мы имѣемъ, напр. въ Пермско-Зырянскомъ: Ижма—изъ (камень) + ва (вода) и Бод-ја (ивовая) съ опущеннымъ шоръ. Первое толкованіе можно было бы предпочесть, такъ какъ оно болѣе соотвѣтствуетъ обычному построенію Финскихъ мѣстоименій, но насъ удерживаетъ отъ этого то обстоятельство, что мы не встрѣчаемъ у современныхъ представителей угорской группы названій, въ которыхъ *jink* чувствовалось-бы такъ раздѣльно, какъ ва и шоръ у Перми. Второе толкованіе имѣетъ за себя болѣе данныхъ въ современной угорской номенклатурѣ. Мы имѣемъ рядъ рѣчекъ въ области Сѣвернаго Урала близкихъ по типу: Сординг-я, Локчин-я, Ляпин-я. Можно предположить, что и заволоцкія названія на нга имѣли первоначально этотъ же типъ. Позднѣе я исчезло также, какъ въ нѣкоторыхъ пермскихъ названіяхъ ва, и осталась одна опредѣляющая часть. Этотъ процессъ наблюдается, кажется, въ названіяхъ современной Угры: одинъ изъ притоконъ Косъ-ю носитъ названіе Кожанъ. Для того, чтобы безъ колебаній принять толкованіе г. Европеуса, слѣдовало-бы выяснить только одинъ вопросъ: мы встрѣчаемъ названія съ окончаніемъ на нга или на территоріи, занятой въ настоящее время Лопарями, или, какъ въ Финляндіи, на такихъ мѣстахъ, гдѣ ранѣе жили Лопари; не могутъ-ли эти названія съ такимъ-же успѣхомъ быть истолкованы изъ Лопарскаго? Нѣкоторое основаніе для того, чтобы поставить такой вопросъ заключаются въ томъ, что первая часть названія Печенга *petse*—сосна одинаково звучитъ въ Лопарскомъ и Остяцкомъ языкахъ. Како-

во бы не было рѣшеніе этого вопроса, положительная заслуга Европеуса состоятъ въ томъ, что онъ ограничилъ районъ, въ которомъ мы должны производить поиски.

Далѣе у г. Европеуса слѣдуетъ группа окончаній, которыя онъ считаетъ Угорскими—јога, јега, јага (въ русскомъ ега). Въ виду того, что нѣкоторыя изъ этихъ окончаній имѣютъ Лопари (јога) и Самоѣды (јага), не говоря уже о возможности измѣненій въ устахъ русскаго народа Финнскаго јоки, вопросъ о приуроченіи ихъ къ одной изъ этихъ народностей долженъ быть рѣшенъ анализомъ опредѣляющихъ частей. Если эти опредѣляющія части будутъ объясняться изъ угорскихъ нарѣчій, вопросъ будетъ рѣшенъ положительно въ пользу послѣднихъ. Г. Европеусъ избираетъ для подтвержденія своего положенія неудачный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ примѣръ. Даво Печуга. Разлагается оно на печ(е) + йуга || йога. Но отъ этого вопросъ не рѣшается. Обѣ части совершенно тождественно въ Лопарскомъ нарѣчій и въ Остяцкомъ. Въ пользу толкованія г. Европеуса и здѣсь впрочемъ говорятъ данныя современной угорской номенклатуры. На л.л. 122 — 124 карты Стрѣльбицкаго мы имѣемъ образцы того, какъ измѣняются въ устахъ русскаго человѣка угорскія названія сложные съ яга: мы имѣемъ Наябу-яга, Хай-яга и Парныко (Парны-яга), Лимп ега (Лимп-яга).

Слѣдующимъ названіемъ, которое даетъ новый угорскій суффиксъ, является Печегда. Г. Европеусъ истолковываетъ его изъ двухъ угорскихъ словъ печ + ша гет (рукавъ рѣки). Толкованіе съ конструктивной стороны чрезвычайно удачно. Оно даетъ намъ ключъ къ уясненію происхожденія другихъ тождественныхъ названій—Вычегда, Шижегда. Но г. Европеусъ идетъ дальше. Къ слову ша гет онъ приводитъ и окончаніе рѣчнаго названія В о л о г д а и аналогичныхъ. Тутъ предполагается довольно длинная исторія: шагет перешло въ сагет (ср. Шаготь, Сохоть рѣки въ Яр. г.) сагет въ тагет, тагет въ лагет (ср. Лехта, Лехоть—тамъ-же) которое въ русскомъ языкѣ приняло форму логда (лохта). Чтобы

соображенія г. Европеуса возымѣли въ данномъ случаѣ цѣну для историка, нужно было бы выяснить, не говоря уже о звуковыхъ соотвѣтствіяхъ, принадлежатъ-ли формы ша г е т, та г е т и ла г е т отдѣльнымъ нарѣчіямъ угорской группы или онѣ представляютъ собою ступени развитія слова въ одномъ нарѣчій или языкѣ.

Изъ угорскихъ нарѣчій объясняются у г. Европеуса окончанія везъ (vez—вода. М.), болъ (folyo—рѣка. М. А не falu деревня?), бо й (изъ того же корня съ переходомъ і въ j), по х та, ба х та (погот—деревня. Ост.).

Спеціально о Коми г. Европеусъ высказывается мимоходомъ. На стр. 65 мы читаемъ, что имъ принадлежатъ рѣчныя названія на сора, сера, шеръ южнѣ Бѣла озера. Здѣсь они жили ранѣе Веси.

Въ томъ видѣ, какъ изложена гипотеза г. Европеуса, она заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, полного вниманія, какъ удачная попытка подойти къ разрѣшенію одного изъ сложныхъ вопросовъ исторической географіи. Въ пользу истолкованія суффикса болъ изъ угорскихъ нарѣчій говоритъ тотъ фактъ что есть рѣчки по близости Урала въ предѣлахъ кочеванія Маньзовъ, носяція названія съ суффиксомъ болъ, напр. Хамъ-болъ—притокъ Косъ-ю. Можно пожалѣть во всякомъ случаѣ, что г. Европеусъ не осуществилъ своего плана издать на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ свои обширныя статьи изъ «S o m i» по тому же вопросу.

Европеусъ. Объ Угорскомъ народѣ. Спб. 1874.

Рефератъ г. Европеуса посвященъ дальнѣйшей разработкѣ того-же вопроса. Авторъ точнѣе опредѣляетъ территорію древней Югрии и положеніе ея относительно другихъ Финскихъ племенъ. Онъ отводитъ древнимъ Финнамъ-Кареламъ территорію около Ладожскаго и Онежскаго озеръ и всю Біармію—старую и новую—отдаетъ во власть Югры безъ всякой примѣси Финновъ. Всматриваясь въ карту, которая представляетъ собою резюме его соображеній, мы замѣчаемъ,

что авторъ прихотливо и безъ всякихъ аргументовъ дѣлитъ между финскими племенами великую Восточно-Европейскую равнину. Принявши за исходную точку для своего обозрѣнія карты г. Европеуса Казань, мы будемъ имѣть территорію Казани и земли отъ нея до Калуги на З., на С. отъ устья Ветлуги до Сѣв. Океана во владѣніяхъ Югры; въ текстѣ Югрѣ отводится пространство, заключенное между Ураломъ и С. Скандинавіей, Ильменемъ и истоками Волги съ В. на З., между Окой и Ледовитымъ океаномъ съ Ю. на С. Правый берегъ Волги до Нижняго считается за Чувашиами. Черемисы вопреки свидѣтельству первоначальной лѣтописи оказываются на территоріи между верхнимъ теченіемъ Вятки (отъ нынѣшняго Нолинска) до истоковъ Сысолы и нынѣшняго Кая, Зыряне съ Вотяками отъ устья Кильмези (притокъ Вятки) до слиянія Сосвы съ Лозвой съ одной стороны и по лѣвому берегу Камы отъ ея устья чрезъ Кунгуръ до Тавды. Область нынѣшнихъ Пермскихъ представляетъ на картѣ пустое мѣсто между владѣніями Черемисъ и Зырянъ. Г. Европеусъ увѣряетъ своихъ читателей, что его карта составлена на основаніи мѣстныхъ названій, но не даетъ себѣ труда перечислить ихъ основные типы. Мы самымъ положительнымъ образомъ можемъ засвидѣтельствовать, что ни одного собственно-черемисскаго названія нѣтъ на томъ пространствѣ, которое онъ отводитъ Черемисамъ, и съ другой стороны зыряно-пермскихъ рѣчныхъ названій съ окончаніями на ва и шоръ встрѣчаются въ значительномъ количествѣ на территоріи, которая такъ щедро отмежевана Югрѣ. Два этихъ факта свидѣлствуютъ, что г. Европеусъ въ одномъ случаѣ не знаетъ типичныхъ черемисскихъ названій, въ другомъ замалчиваетъ существованіе невыгодныхъ для него данныхъ. Изъ обоихъ вытекаетъ заключеніе, что почтенный авторъ не достаточно ясно представлялъ себѣ права Югры на отведенную ей территорію, т. е. не располагалъ совѣщательно несомнѣнно Югорскихъ типичныхъ названій.

Научное достоинство новаго труда во всякомъ случаѣ ниже предшествовавшаго. Г. Европеусъ за время, отдѣляющее этотъ трудъ отъ перваго, имѣлъ случай встрѣтить возраженія со стороны защитниковъ Шюгреновской теоріи и пришелъ въ сильное раздраженіе. Въ отвѣтъ на попытку противниковъ отстоять старую теорію онъ урѣзываетъ у древнихъ Финновъ и тѣ скромные предѣлы, которые отвелъ имъ въ 1868 г., и объявляетъ Югорской всю территорію отъ Онежскаго озера до Урала, отъ С. Океана до Оки. По пути съ Финнами онъ изгоняетъ съ территоріи Югры и Зырянъ, забывая ихъ почти цѣликомъ въ Сибирь. Съ успѣхами на пути одолѣнія соперниковъ древней Югры у г. Европеуса измѣняется все ученое поведеніе; онъ уже не доказываетъ, не объясняетъ, а категорически вѣщаетъ: количество „угорскихъ“ названій возрастаетъ до 36; сюда попадаютъ:

1) суффиксы, образовавшіеся изъ заимствованныхъ словъ (ранда—берегъ = strand, порга—порогъ), 2) суффиксы взятые изъ финскихъ нарѣчій различныхъ группъ (ватъ—мордов., ва—зыряно-перм., 3) суффиксы отвлеченныхъ словъ, никогда ни у какого народа не встрѣчающіеся въ мѣстныхъ названіяхъ.

Категорично, безъ всякихъ разсужденій читателю сообщается значеніе другихъ „югорскихъ“ суффиксовъ: — д а л ь = вершина рѣки, д о р ь = озеро, в а л ь = деревня, домъ, м а р ь, м е р ь = гора, н о р ь = мысъ, п а л д а, — п а л ь, — п е л ь = поле, я н г а = болото. Нельзя сказать, чтобы тонъ г. Европеуса находился въ соотвѣтствіи съ основательностью его положеній. При пересмотрѣ его списка „угорскихъ“ окончаній мы встрѣчаемъ рядъ такихъ, которыя во всякомъ случаѣ не принадлежатъ языкамъ живыхъ представителей угорской семьи. Н е м а есть Финнское *njemi*, в а — Зырянское, К у р ь я — Зырянское, л е н д а — родичъ эстон. *linna* — городище (Веске. Сл. Ф. К. О.) ш е р а, ш о р а (-сара, -сора) — Зыряно-Пермязское. Если всѣ эти суффиксы угорскаго происхожденія и заимствованы на-

родами, которые ими пользуются въ настоящее время, то это надо было доказать.

Тонъ ученаго прорицателя не покидаетъ г. Европеуса и въ другихъ вопросахъ. На стр. 11 намъ сообщается, что у г. Европеуса имѣеть въ рукахъ явныя доказательства тому, что нарѣчіе Важской Чуди въ Шенкурскомъ уѣздѣ ближе всего къ языку нынѣшнихъ Остяковъ, а нарѣчіе насельниковъ Юга и Ветлуги—къ нарѣчію Вогуличей. Какія эти доказательства, авторъ не считаетъ нужнымъ сообщить.

На той-же стр. 11 мы имѣемъ положительное заявленіе, что частью древней Югріи была Великая Пермь русскихъ лѣтописей, Біармія Скандинавовъ. Эта Югрія была единственнымъ государствомъ.

Принимая съ сожалѣніемъ въ расчетъ всѣ невыгодныя для дѣла особенности изслѣдованія г. Европеуса, мы считаемъ все же возможнымъ констатировать, что онъ далъ нѣсколько новыхъ фактовъ, увеличивающихъ вѣроятность его гипотезы. Суффиксы—н о р,—п о с т,—б а с л я,—т о р,—д о р могутъ быть признаны безспорно угорскими и г. Европеусъ истолковалъ ихъ совершенно согласно съ общимъ характеромъ восточно-финской терминологіи природы. Провѣряя толкованія, которыя даетъ г. Европеусъ своимъ окончаніямъ, на основаніи скуднаго матеріала, имѣющагося у насъ подъ руками, мы можемъ признать угорское происхожденіе за суффиксами: — г у м у с , — в о л . Оба слова встрѣчаются въ нарѣчій Ляпинскихъ Вогуловъ именно съ тѣми значеніями, которыя даетъ имъ г. Европеусъ.

Кл. Поповъ. Зыряне и Зырянскій край. Изв. Имп. М. О. Люб. Ест..
Антр. и Этн. т. XIII, вып. 2-й. М. 1874.

Не смотря на свое заглавіе, книга г. Попова имѣеть нѣкоторыми своими частями прямое отношеніе къ Пермьякамъ, не говоря уже о томъ, что изслѣдованіе, посвященное родственному народу, является существенно важнымъ пособіемъ при изученіи современнаго быта Пермьяковъ.

Въ первой главѣ своей книги г. Поповъ касается вопроса о древнихъ Біармійцахъ и рѣшительно считаетъ ихъ Зырянами. То обстоятельство, что по свидѣтельству Отера Біармійцы говорили финнскимъ языкомъ, его мало смущаетъ.

Мнѣніе, высказанное относительно Зырянъ на стр. 3, не мѣшаетъ г. Попову на слѣдующей страницѣ предложить читателямъ другое, мало съ нимъ согласное: „всѣ встрѣчающіяся у Нестора названія чудскихъ народовъ суть мѣстныя географическія названія почти однородной этнографической массы, отдѣльныя части которой еще не успѣли выработать себѣ особыхъ болѣе или менѣе своеобразныхъ физиономій“.

Во второй главѣ, касающейся обрусѣнія Зырянъ, мы встрѣчаемъ существенно важное для насъ указаніе: что въ чудскихъ ямахъ близъ г. Вельска и въ другихъ зырянскихъ уѣздахъ Вологодской губерніи встрѣчаются „мѣдные коньки“, мѣдныя бусы (6). Это указаніе драгоцѣнно для опредѣленія района распространенія бронзовыхъ издѣлій такъ называемаго „Чудскаго“ типа.

Для рѣшенія вопроса о Чуди имѣютъ значеніе указанія автора на то, что „сами Зыряне слѣды жилищъ своихъ предковъ называютъ, какъ и русскіе, чудскими могилами, считая Чудь народомъ чуждымъ себѣ и даже враждебнымъ“.

Прямое отношеніе къ нашей задачѣ имѣютъ страницы, трактующія о древней культурѣ Зырянъ и Пермьковъ. Авторъ удачно опредѣлилъ типъ древняго жилища предковъ нынѣшнихъ Зырянъ и Пермьковъ, воспользовавшись свидѣтельствомъ Ибн-Доста о жилищахъ въ землѣ Булгаръ. По вопросу о томъ, знакомы ли были предки Зырянъ съ земледѣліемъ, г. Поповъ проявляетъ слишкомъ большой скептицизмъ къ даннымъ языка. Онъ убѣжденъ, что „въ очень многихъ языкахъ есть собственныя слова для обозначенія понятій (вещей?), заимствованныхъ у другихъ народовъ“ 2) что у Зырянъ существуютъ собственные термины для вещей, которыя они узнали въ новѣйшее время: овесъ и пше-

ница, напр., имѣютъ зырянскія названія, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ зырянскаго края стали извѣстны лишь съ 1845 г. (стр. 14). Авторъ не принимаетъ во вниманіе того, что вопросъ объ относительно древности зырянскихъ терминовъ и ихъ культурно-историческомъ значеніи можетъ быть разрѣшенъ только послѣ сравнительнаго изученія всѣхъ нарѣчій Пермской группы. Соображенія г. Попова о питаніи древнихъ Зырянъ заслуживаютъ полнаго вниманія.

Большую честь г. Попову дѣлаетъ то, что онъ, говоря о древнемъ семейномъ строѣ, отмѣтилъ существующія въ источникахъ указанія на левиратъ или ужицество у древнихъ Пермяковъ.

Разсужденія г. Попова о древней религіи Пермлянъ нельзя назвать особенно удачными. Истолкованіе имени божества „Вой-пель“ (вой—сѣверъ + пель—ухо) отдастъ комизмомъ, сближеніе же Золотой Бабы съ Юмала слишвомъ натянуто.

Гораздо болѣе интереса, чѣмъ теоретическія соображенія г. Попова, представляютъ приводимыя имъ въ этой главѣ зырянскія преданія. Разсказъ Вышерскихъ Зырянъ объ оленѣ, прибѣгавшемъ къ часовнѣ для жертвы, безусловно тождествененъ съ аналогичнымъ же разсказомъ Гидаевскихъ Пермяковъ, записаннымъ г. Ивановымъ. Сказка или преданіе объ Ягъ-Мортѣ или лѣсномъ, боровомъ человѣкѣ, сильно испорченная риторически-литературной передачей, любопытна по заключающемуся въ ней воспоминанію о борьбѣ Зырянъ съ какимъ то черно-волосымъ племенемъ.

Списокъ населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи. Спб. 1875.

Этнографическія свѣдѣнія о Пермякахъ заимствованы изъ статей Рогова. Значеніе важнаго источника списка придаютъ названія населенныхъ мѣстъ и урочищъ, позволяющія опредѣлить древнюю территорію племени. Введеніе представляетъ между прочимъ хорошій сводъ историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ данныхъ о Пермякахъ.

Aspelin. I. B. De la civilisation préhistorique des peuples permien
et de leur commerce avec l'orient. Leide. 1878. 26 p. (Travaux
de la 3-me Session du Congrès des Orientalistes. Vol. II).

Извѣстный финскій археологъ считаетъ область Пермь-
ковъ, Вотяковъ и Зырянъ Біарміей Скандинавовъ. Съ осо-
беннымъ вниманіемъ онъ останавливается на серебряныхъ
сосудахъ, которые находятся въ Пермской почвѣ и прихо-
дитъ къ заключенію, что Чудь предъявляла на нихъ бѣльшой
спросъ, чѣмъ на монеты. Существенный интересъ и новизна
реферата г. Аспелина состоитъ въ томъ, что онъ отвергаетъ
принятое мнѣніе, будто предметы эти приходили черезъ Бул-
гаръ съ Волги и выдвигаетъ гипотезу, по которой торговымъ
путемъ былъ Иртышъ. Основаніемъ для этой гипотезы явля-
ется то обстоятельство, что всѣ почти серебряные сосуды
византійскаго и восточнаго происхожденія найдены не на бе-
регахъ Волги, а въ предѣлахъ Пермской губерніи.

A. Teplouchoff. Ueber die prähistorischen Opferstätten am Uralgebirge.
Archiv für Anthropologie. Bd. XII. 201—232. 1880.

Статья покойнаго А. Θ. Теплоухова затрогиваетъ во-
просъ о назначеніи такъ называемыхъ „костищъ“. Авторъ
считаетъ ихъ за мѣста языческихъ жертвоприношеній. Осно-
ваніями для такого предположенія являются 1) преданія о
языческихъ храмахъ, находившихся неподалеку отъ нихъ,
2) фактъ, что кости являются пережженными и собран-
ными въ большомъ количествѣ какъ бы въ ящикахъ.
Присутствіе въ костищахъ значительнаго количества ко-
стяныхъ стрѣлъ онъ объясняетъ обычаемъ приносить въ
жертву стрѣлы, который, подобно нынѣшнимъ Вогуламъ,
могли имѣть и Пермяки. Такими-же жертвами являются, по
мнѣнію автора, и горшечки съ продѣланными по краямъ дву-
мя круглыми отверстиями для подвѣшивания. Онъ ссылается
на подобный обычай кочевыхъ Финновъ, не указывая къ со-
жалѣнію, какихъ именно. Присутствіе маленькихъ горшеч-
ковъ онъ объясняетъ тѣмъ, что въ нихъ предлагались бо-

гамъ такія приношенія, какъ кровь, медь, воскъ и т. п. Относительно бусъ, между которыми встрѣчается и вызолоченныя, А. Θ. Теплоуховъ высказываетъ предположеніе, что онѣ входили въ составъ ожерелій, которыя навѣшивались поклонниками на шею идоламъ. Примѣровъ такого обычая у сосѣдей Чуди онъ къ сожалѣнію не указываетъ. Бронзовую статуетку, найденную на одномъ костыцѣ близъ Обвы, онъ считаетъ идоломъ. Послѣднимъ родомъ жертвенныхъ приношеній являются маленькіе желѣзные ножички. Путь, которымъ идетъ авторъ къ рѣшенію вопроса—сопоставленіе съ современными и исторически - извѣстными у инородцевъ формами культа — совершенно правиленъ. Статья покойнаго А. Θ. Теплоухова много выиграла бы въ доказательности, если бы онъ не ограничился немногими извѣстіями о Богулахъ.

Памятная книжка Пермской губерніи на 1880 г. Пермь. 1880.

IV отдѣлъ книжки заключаетъ въ себѣ статистико-этнографическій очеркъ губерніи, заключающій въ себѣ нѣсколько страничекъ о Пермьяхъ — заимствование изъ статей Рогова. Нѣкоторое значеніе имѣютъ статистическія указанія, сравнительно съ спискомъ населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи болѣе новыя.

А. П. Ивановъ. Матеріалы къ антропологии Пермскаго края. Тр. Каз. Общ. Естеств. Т. X, вып. 1. Каз. 1881.

Небольшой очеркъ г. Иванова представляетъ собой цѣнное прибавленіе къ литературѣ о Пермьяхъ. Мы встрѣчаемъ въ немъ нѣсколько интересныхъ преданій и обычаевъ, относящихся къ вопросу о Чуди. Преданіе объ оленѣ, прибѣгавшемъ для закланія въ день Св. Ильи пророка, любопытно по своему полному тождеству съ таковымъ - же у Зырянъ. Г. Ивановъ не вдается въ обсужденіе вопроса о Чуди, но склоняется, повидимому къ мысли, что Чудь и Пермьяки одинъ и тотъ-же народъ. „Смотря на лица Гидаевцевъ, чи-

таемъ мы на стр. 13, вслушиваясь въ ихъ рѣчи, ихъ преданія и сказки. . . я невольно приобрѣталъ убѣжденіе, что передъ мной не о б р у с ѣ в ш і е Пермяки, не потомки новгородцевъ-завоевателей, а потомки когда-то сильной и великой Чуди“. . . Самую цѣнную часть очерка г. Иванова составляетъ, конечно, описаніе его археологическихъ открытій.

Добротворскій. Пермяки. Вѣстникъ Европы. 1883. № 3, 4.

Г. Добротворскій долгое время жилъ среди Пермяковъ, овладѣлъ ихъ языкомъ и потому находился въ счастливыхъ условіяхъ для этнографическихъ наблюденій. Его очеркъ начинается съ обзора историческихъ судебъ Пермяковъ. Любопытнѣе всего въ этомъ обзорѣ пермяцкія преданія о братьяхъ Осьясѣ и Ожясѣ, въ которомъ имѣется намекъ на человѣческія жертвоприношенія у Пермяковъ, затѣмъ преданія о Чуди. Говоря о культурѣ древнихъ Финновъ, г. Добротворскій неархеологически понимаетъ слова „городъ“ и выводитъ заключеніе, что Финны вынесли изъ Азіи значительное культурное развитіе: „задолго до колонизаціи Біарміи и Югорской земли здѣсь была высокая культура“. Частности историческаго отдѣла статьи г. Добротворскаго не всѣ выдерживаютъ критику. Неизвѣстно, напр., на какомъ основаніи онъ утверждаетъ, что уже въ XI в. Новгородцы овладѣли Холмгородомъ, который якобы описываетъ Отеръ. Говорить о томъ, что прочныхъ жилищъ Пермяки себѣ не строили для того, чтобы не жаль было бросать ихъ, когда подойдутъ Русскіе, можно только, не обращая вниманія на исторію развитія жилища у восточныхъ Финновъ. Тѣ постройки, которые описываетъ г. Добротворскій (очень обстоятельно, скажемъ кстати), имѣютъ мѣсто у Вотяковъ и др. Финновъ. Древнюю социальную организацію П. г. Добротворскій описываетъ „по догадкамъ“, не объясняя, на чемъ эти догадки основаны. На основаніи словъ гижны—писать и лыдны—читать онъ предполагаетъ, что у Пермяковъ когда-то существовала письменность—въ нашемъ смыслѣ этого слова.

Переходя къ современному быту Пермьяковъ, авторъ даетъ прекрасную картину ихъ жилья, орудій труда, средствъ передвиженія, костюма. Говоря о пищѣ, г. Добротворскій мимоходомъ даетъ читателю возможность замѣтить, что онъ мало знакомъ съ языческимъ финскимъ культомъ. Онъ объясняетъ напр. обычай, запрещающій улотребленіе въ пищу зайцевъ и пѣтуховъ, тѣмъ, что оба животныя нѣкогда приносились въ жертву и составили табу для простаго смертнаго. Почтенный авторъ не сдѣлалъ бы, конечно, такого объясненія, если-бы зналъ, что Финны, держащіеся язычества, поѣдаютъ жертвенныхъ животныхъ, а не воздерживаются отъ ихъ употребленія.

Характеризуя нравственность Пермьяковъ, г. Добротворскій впадаетъ въ обычную ошибку всѣхъ авторовъ, говорящихъ о высокой честности Финновъ: онъ утверждаетъ, что воровство не было Пермьякамъ извѣстно до знакомства съ Русскими. Какъ-же объяснить въ такомъ случаѣ присутствіе въ пермяцкомъ языкѣ собственныхъ словъ, означающихъ воровство?

Умственные способности Пермьяковъ и ихъ общественный строй авторъ обрисовываетъ мѣткими, характерными чертами.

Вѣрованія Пермьяковъ изложены очень сжато. Авторъ не воспользовался драгоценнымъ матеріаломъ—миеологическими сказками. Въ толкованіи Пермьяцкаго дуализма онъ дѣлаетъ ошибку, считая Кереметя чуждымъ богомъ. Чертей онъ не отличаетъ отъ лѣсовиковъ. Остатки древняго культа въ видѣ обрядовъ, сопровождающихъ важнѣйшіе моменты общественной и частной жизни, обрисованы у г. Добротворскаго сжато—можетъ быть, по недостатку матеріала.

Брачный обрядъ въ его существенныхъ особенностяхъ представленъ очень рельефно. Г. Добротворскій устанавливаетъ даже моменты въ исторіи развитія брака. По пути затрогивается вопросъ о положеніи женщины и дѣтей въ пермяцкой семьѣ. Погребальный обрядъ въ связи съ воззрѣніями на загробную жизнь очерченъ также достаточно ясно.

Шишонко. Пермская летопись. Пер. I—V. Кн. I—VI. Пермь. 1881—1887.

Книга Шишонко представляет собою совершенно своеобразное явление въ русской литературѣ. Первоначальный планъ изданія заключался, повидимому, въ томъ, чтобы расположить по годамъ извѣстія о Пермской землѣ и касающіеся ея акты. Но объ этомъ планѣ можно только догадываться; такъ затемненъ онъ безчисленнымъ множествомъ вставокъ, сдѣланныхъ встать и не встать. Благодаря этимъ вставкамъ изданіе превратилось въ библиотеку, въ которой нашли себѣ мѣсто перепечатки значительнаго количества изданнаго о Пермскомъ краѣ матеріала. Пользоваться этимъ изданіемъ благодаря отсутствію оглавленія и указателя чрезвычайно трудно. Собственные разсужденія издателя составляютъ самую слабую сторону сборника.

П. П. Семеновъ. Географическій Словарь Рос. Имп. Спб. 1884.

В. Ө. Миллеръ. Описаніе коллекціи Дашковскаго Этнограф. Музея. Москва. 1887.

Въ обоихъ названныхъ трудахъ изслѣдователь имѣетъ указаніе литературы, относящейся къ Пермьякамъ. „Описаніе“ вромѣ того заключаетъ точныя свѣдѣнія о пермяцкомъ костюмѣ.

Подосеновъ. Пермьки. Перм. Еп. Изв. 1886, № 1—4.

Статья г. Подосенова не закончена. Г. Подосеновъ задался цѣлью провѣрить сообщенія Добротворскаго о Пермьякахъ въ виду того, что „описаніе этого послѣдняго не подходитъ въ тому, что извѣстно о Пермьякахъ Пермской губерніи“, и дать самостоятельную характеристику Пермскихъ, главнымъ образомъ Инвенскихъ Коми. Онъ разсылалъ въ теченіе года краткія программы въ лицамъ, близко знакомымъ съ бытомъ Пермьяковъ, между прочимъ къ Пермьякамъ учителямъ. Авторъ не даетъ чисто - этнографическаго матеріала и ограничивается разработкой историческихъ вопросовъ. Онъ предлагаетъ данныя, имѣющіяся у Добротворскаго и Рогова по вопросу объ отно-

шеніяхъ Пермьяковъ къ Чуди. Переходя къ вопросу объ отношеніяхъ Пермской земли къ древней Біарміи, онъ склоняется къ мысли о тождествѣ этихъ двухъ понятій и по пути приводитъ съ глубокой вѣрой въ его точность курьезное истолкованіе словъ Біармія изъ словъ Би (огонь) + ар (рыба) + му (земля). Біарміяцы-Пермьяки были въ то же время и Чудью.

Родиной Пермьяковъ г. Подосеновъ считаетъ Ср. Азію; на какомъ основаніи, это его тайна. Фактъ присутствія въ Западной Сибири рѣкъ съ пермяцкими названіями онъ совершенно правильно истолковываетъ, какъ результатъ благо пребыванія здѣсь Пермьяковъ. Западные границы пермяцкой страны г. Добротворскій проводитъ близъ г. Вятки.

Разсуждая о древней культурѣ Пермьяковъ, г. Подосеновъ выражаетъ на основаніи присутствія словъ гижны — (писать) и лыдны — читать предположеніе, что Пермьяки имѣли когда-то свою письменность. Этотъ выводъ нельзя, конечно, причислить къ такимъ, которые обогащаютъ науку положительными пріобрѣтеніями. Г. Подосеновъ, вѣроятно, нѣсколько измѣнилъ бы его редакцію, еслибы обратилъ вниманіе на то, что первое слово кромѣ значенія писать имѣетъ значеніе чертить, дѣлать узоры (какъ и русское слово писать), а второе — значеніе с ч и т а т ь. Принимая во вниманіе эти опущенныя авторомъ значенія, мы прійдемъ къ болѣе скромному и болѣе сообразному съ культурой Пермьяковъ предположенію, что имъ извѣстно было искусство изображать знаками числа и, конечно, угадывать по знаку изображенное число. Заговоривъ о пермяцкой письменности, г. Подосеновъ воспользовался случаемъ, чтобы сообщить — въ первый разъ, если не ошибаемся — о такъ называемыхъ «кабалахъ», которыя раскладываются въ лѣсу на пняхъ въ видѣ ходатайства предъ лѣшнимъ.

Маліевъ. Антропологическій очеркъ племени Пермьяковъ. Тр. Каз. Общ. Естеств. Т. XVI. в. 4. Каз. 1887.

Выполнивъ свою задачу — антропологическую характеристику Пермьяковъ — г. Маліевъ сообщаетъ нѣсколько дан-

ныхъ этнографическаго характера—о видѣ жилищъ, костюмѣ, пищѣ и питъѣ, о свободѣ добрыхъ половыхъ сношеній. Новаго эти данныя ничего въ себѣ не заключаютъ. Къ очерку приложенъ списокъ извѣстныхъ автору статей о Пермьякахъ, заключающій въ себѣ нѣсколько №№ не упомянутыхъ у В. Θ. Миллера.

Пермяки Ошибскаго прихода. Перм. Еп. Вѣд. 1889, № 13—14.

Авторъ, бывшій 12 лѣтъ священникомъ въ самомъ глухомъ изъ Пермскихъ приходовъ Соликамскаго уѣзда, имѣлъ возможность хорошо ознакомиться съ бытомъ своихъ прихожанъ и сообщить о нихъ не мало любопытнаго. Количество сообщаемыхъ имъ новыхъ фактовъ не соотвѣтствуетъ однако средствамъ, которыми онъ располагалъ. Авторъ сочувственно относится къ своимъ бывшимъ прихожанамъ, увѣряетъ читателей, что въ ихъ жизни проглядываетъ природный умъ, но не иллюстрируетъ своей характеристики фактами. Какъ служитель церкви, онъ останавливается, конечно, главнымъ образомъ на вѣрованіяхъ Пермяковъ — да и въ этой сферѣ онъ отдаетъ почти все свое вниманіе усвоенію Пермяками христіанства, не заглядывая глубоко въ область языческаго міровоззрѣнія.

Къ числу сообщеній, которыми авторъ обогащаетъ литературу о Пермьякахъ, мы относимъ указанія на то, что Пермяки называютъ всѣхъ святыхъ и изображающія ихъ иконы богами, предполагаютъ, что эти боги, подобно людямъ, имѣютъ семьи, являются источниками несчастій и болѣзней, требуютъ жертвъ, что они, далѣе, остерегаются покупать новыя иконы, чтобы не купить бога, который можетъ надѣлать зла, приписываютъ новой иконѣ несчастія, которыя случаются въ дому послѣ ея пріобрѣтенія, и стараются въ такомъ случаѣ отдѣлаться отъ нея. Въ область нашихъ свѣдѣній о семейномъ бытѣ Пермяковъ авторъ вноситъ указанія на своеобразный обычай, въ силу котораго за крещеніе ребенка жена платитъ своими заработанными деньгами, на обы-

чай братъ, если дѣти не живутъ, въ кумовья перваго встрѣчаго, на мотивы, въ силу которыхъ преслѣдуется супружеская невѣрность. Погребальный обрядъ и поминки описаны авторомъ довольно блѣдно, но все же не безъ нѣкоторыхъ новыхъ деталей (обычай сбрасывать землю съ покрыва, чтобы она не давила покойнаго), характеристика воззрѣній на жизнь души послѣ смерти. Можно пожалѣть, что авторъ—по извѣстнымъ, конечно, ему соображеніямъ—умолчалъ о вещахъ, не зная которыхъ онъ не могъ. Мы говоримъ о кровавыхъ жертвоприношеніяхъ. Въ Ошибскомъ приходѣ, какъ и въ другихъ, имѣются часовни, куда приносятъ куриць, барашковъ живыхъ или зарѣзанныхъ, цѣлыхъ или частями, въ жертву «богу». Извѣстенъ, конечно, автору и настоящій смыслъ пусканія больной скотины «на мѣръ»; скотина назначается богу, который наслалъ на нее болѣзнь, но поступаетъ за вычетомъ крупной доли на обще-деревенскую трапезу также въ пользу духовенства.

Б. Поповъ. Древнѣйшіе города Перми Великой — Искоръ и Покча. Перм. Епарх. Вѣд. 1889, № 19—21.

Статья о. Попова любопытна по нѣсколькимъ мѣстнымъ преданіямъ, помѣщеннымъ въ ней—объ Искорской пристани, торговомъ движеніи по Лювѣ и приспособленныхъ для него прудахъ, объ Искорскихъ владбищахъ, о мѣстѣ жительства Покчинскаго князя. Нѣкоторое историческое значеніе имѣетъ указаніе на хранящуюся въ архивѣ покчинской церкви рукопись отъ 1625 г., въ которой упоминается о пожняхъ, пожертвованныхъ церкви княземъ Пермскимъ Матвѣемъ.

Представленіе о. Попова о характерѣ общественныхъ отношеній въ Перми до подчиненія ея въ Москвѣ, не совсѣмъ вѣрное въ деталяхъ, ближе подходитъ къ дѣйствительности, чѣмъ разсужденія другихъ писателей о государяхъ Біарміи - Перми. Онъ допускаетъ существованіе нѣсколькихъ князьковъ; «князьки жили въ главныхъ (?) городкахъ, около

которыхъ было много (?) другихъ селеній, называвшихся впоследствии „городищами“.

А. Дмитриевъ. Пермская старина. Вып. I—II. Пермь. 1889—90.

Изслѣдованіе г. Дмитриева имѣетъ значеніе очень цѣннаго пособія при изученіи исторіи Пермяковъ. Въ первомъ выпускѣ авторъ посвящаетъ значительное количество страницъ вопросамъ объ отношеніи Біарміи Скандинавовъ къ Перми, Чуди къ Пермьякамъ. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ на основаніи тщательной критики матеріаловъ, мы считаемъ возможнымъ причислить къ прочнымъ приобретеніямъ нашей исторической науки. Разрѣшивши съ успѣхомъ предварительные вопросы, г. Дмитриевъ посвящаетъ почти все свое вниманіе исторіи колонизаціи велико-пермскаго края и переходу значительной части его изъ достоянія государственнаго въ частное. Авторъ пользуется здѣсь указаніями актовъ и писцовыхъ книгъ, приводитъ подробныя извлеченія изъ тѣхъ изъ нихъ, которые не напечатаны, и этимъ поднимаетъ свою книгу на степень источника. Историкъ Пермьяковъ найдетъ въ трудѣ г. Дмитриева сводъ данныхъ, объясняющихъ тотъ капитальный важности фактъ, что бѣльшая часть Пермьяковъ очутилась въ крѣпостной зависимости отъ Строгановыхъ — фактъ, представляющій собою явленія безпримѣрное въ исторіи отношеній русскаго государства къ инородцамъ.

А. Спицинъ. Вещественныя памятники древнѣйшихъ обитателей Вятскаго края. Вятка. 1889.

Брошюрка г. Спицина представляетъ извлеченіе изъ его обширнаго изслѣдованія о Вятскихъ древностяхъ, исполненнаго по порученію М. Арх. общества. Въ отдѣлѣ о Чудскихъ древностяхъ мы встрѣчаемъ гипотезу, касающуюся древнихъ торговыхъ отношеній Перми, гипотезу близкую къ той, которую высказалъ Аспелинъ.—Сношенія Перми съ Востокомъ возникли черезъ Уралъ и Сибирь. Персидскіе куп-

цы, отыскивая рынки для сбыта своихъ товаровъ, пробираются по слѣдамъ Сибирскихъ инородцевъ черезъ Уралъ въ Европу и устраиваютъ на верховьяхъ Камы мѣновой центръ, который превращается съ теченіемъ времени въ постоянную факторію. Эта факторія стягиваетъ къ одному политическому центру звѣроловныя и частью пастушескія племена, знакомитъ ихъ съ земледѣліемъ и разными удобствами культуры. Персидскіе и вообще восточные купцы заносятъ сюда отъ бибирскихъ племенъ моду на бронзовыя шумящія привѣски. Факторія превратилась въ колонію и перемѣстилась съ верховьевъ Камы на ея низовья ближе къ волжскому пути. Такъ возникли Болгары.—Г. Спицынъ идетъ дальше Аспелина, приписывая восточнымъ купцамъ такое значеніе, на которое нѣтъ никакихъ намековъ въ доступныхъ намъ источникахъ. Въ виду того, что рефератъ даетъ только тезисы, а доказательства ихъ должны найти свое мѣсто въ будущей книгѣ г. Спицына, мы не считаемъ своевременнымъ входить въ подробное разсмотрѣніе его гипотезы.

Взглядъ, высказанный г. Спицынымъ на чудскія городища, далеко отъ преувеличеній, къ которымъ приходятъ авторы, пользующіеся неподходящимъ масштабомъ. Г. Спицынъ предполагаетъ, что Чудь селилась отдѣльными родовыми группами и городища ихъ (кары) служили не столько укрѣпленіями, сколько центрами административными, торговыми и судебными. Если мы будемъ принимать три послѣдніе пышные термина въ самомъ элементарномъ ихъ значеніи, соображенія г. Спицына нужно будетъ признать вполне справедливыми. Г. Спицынъ высказываетъ по пути и совершенно независимо отъ Альквиста соображеніе, что самое искусство построенія городищъ Чудь переняла отъ Булгаръ.

А. А. Спицынъ. Чудскія древности въ Зюндинскомъ краѣ. Вят. Губ. Вѣд. 1889, № 60—62.

Статья г. Спицына, заключающая извѣстія о находкахъ г. Шатрова, содержитъ помимо цѣнныхъ археологическихкихъ

новостей (писанный камень съ Колыча, подвѣски съ ремнями, развалившійся ременный поясъ, остатки бревенчатой постройки) преданія о Чуди и въ высшей степени интересное сообщеніе о Чудскомъ камнѣ, на который Пермляки въ семьѣ приносили съѣстное.

Лыткинъ. Зырянскій край при епископахъ Пермскихъ и Зырянскій языкъ. Спб. 1889.

Книга г. Лыткина состоитъ изъ двухъ частей. Въ первую входитъ статья «Пятисотлѣтіе Зырянскаго края» перепечатанная изъ Ж. М. Н. Пр. за 1883 г., жизнеописаніе св. Стефана и свѣдѣнія о Пермскихъ спискахъ послѣ Стефана, во вторую матеріалы по Зырянскому языку — словари и тексты. Въ первой статьѣ, которая для историка имѣетъ наибольшее значеніе, можно отмѣтить прямо противорѣчащее источникамъ увѣреніе, что св. Стефанъ былъ Зырянинъ: «я внутренне убѣжденъ въ томъ, что Стефанъ по мужской или женской линіи Зырянинъ, какъ братья Кирилль и Меодій Славяне. Въ характерѣ Стефана много зырянскаго: добросердечіе, правдивость, трудолюбіе, твердость, пытливость и трезвость ума; его переводы на Зырянскій языкъ обнаруживаютъ, что онъ и думали по зырянски, а не по русски, какъ это дѣлаютъ новые переводчики Зыряне». Эта любопытная тирада свидѣтельствуешь конечно о живости воображенія у г. Лыткина, отчасти о его пылкомъ зырянскомъ патріотизмѣ, но, какъ историческое положеніе, она неудачна: историки привыкли скептически относиться къ такимъ тонкимъ вещамъ, какъ внутреннее убѣжденіе.

На слѣдующихъ страницахъ статьи г. Лыткина мы встрѣчаемъ детали, которыя поражаютъ насъ своей новизной. Мы узнаемъ, что въ концѣ 1379 г. Стефанъ проповѣдывалъ въ Котласѣ (Пырасѣ), потомъ въ Гамѣ и въ 1380 г. появился въ Йем-дынѣ (Усть-Вымѣ). Г. Лыткинъ не считаетъ нужнымъ говорить, основывается ли эта хронологія на свидѣтельствахъ

источниковъ (?) или составляетъ продуктъ внутренняго убѣжденія. Только благодаря ученой точности г. К.л. Попова мы имѣемъ возможность опредѣлить источникъ нѣкоторыхъ изъ этихъ извѣстій. Московскій этнографъ приводитъ въ своихъ „Зырянахъ“ преданіе о пребываніи св. Стефана въ Гамѣ (Гамской волости).—Въ разсказѣ о состязаніи св. Стефана съ Памомъ мы видимъ продуктъ внутренняго убѣжденія г. Лыткина возведеннымъ уже на степень безспорнаго историческаго факта: „образованный Зырянинъ Стефанъ не отказался и отъ предложенія необразованнаго Зырянина Памы. (?)“—Главная цѣнность статьи г. Лыткина состоитъ въ установленіи хронологіи, отсутствіе которой рѣзко чувствуется въ житіи Епифанія. Соображенія на счетъ политическаго значенія Пермской епископів безусловно справедливы. Вопросъ о причинахъ непрочности заложеннаго Стефаномъ зданія Пермской письменности рѣшается слишкомъ односторонне. Г. Лыткинъ винитъ во всемъ русскихъ преемниковъ Стефана: „преемники Стефана были русскіе люди и думали по русски; они не заботились о Зырянской граматѣ въ школахъ—имѣли малое смотрѣніе за малымъ колесомъ въ школахъ св. Стефана“, по своеобразному выраженію автора—и русская грамота воцарилась въ этой школѣ. Мы увидимъ, что Пермскихъ епископовъ можно и не винить въ умышленномъ игнорированіи зырянскаго дѣла, въ противу-зырянской интригѣ — говоря излюбленнымъ языкомъ нашего времени. Еще въ концѣ XV в. епископъ Филофей даже подписывался по зырянски въ своихъ посланіяхъ къ паствѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1492 г. Пермская епархія была соединена съ Вологодской, а потомъ въ нее включены были и Двинскія волости, они не могли уже болѣе заниматься исключительно Зырянами; люди подобныя Филофею, конечно, составляли между ними исключеніе. Зырянская школа и грамота были предоставлены вниманію самихъ Зырянъ и вымерли медленной смертью.

Послѣ обзора дѣятельности св. Стефана г. Лыткинъ переходитъ въ вопросу о терминахъ „Пермь“, „Пермь Великая“ и „Зырянинъ“ съ намѣреніемъ „уяснить затемненный нашими учеными“ смыслъ ихъ. Нельзя сказать, чтобы нашъ авторъ выполнилъ свое намѣреніе съ успѣхомъ. Онъ производитъ слова Пермь отъ парма—поросшая лѣсомъ возвышенность и думаетъ, что Пермь первоначальной лѣтописи представляетъ собою возвышенность, находящуюся между верховьями Ижмы и Вычегды и переходящую въ Тиманскій кряжъ. Г. Лыткинъ не смущаетъ то обстоятельство, что предполагаемая (даже географически) парма лежала въ сторонѣ отъ воднаго пути къ Югрѣ, который шелъ по Вычегдѣ, двумъ Мылвамъ и Печерѣ. Не ограничиваясь своимъ открытіемъ, онъ увѣряетъ, что эту именно парму знали Норманны подъ именемъ Beormas, что и русская лѣтопись и Норманны говорятъ о территории, а не о народѣ—о возвышенной пармѣ, а не о Зырянахъ. Мы видимъ въ этихъ увѣреніяхъ нѣкоторое затемненіе смысла историческихъ терминовъ, но виноваты тутъ уже не ученые, а эрудиція нашего „уясняющаго“ автора. Прежде всего каждому извѣстно и г. Лыткинымъ не опровергнуто, что Біармія Отера находилась на В. отъ Двины; затѣмъ Biarmas у Отера является именемъ народа, а страна называется по нимъ уже Bjarmaland. Несторъ также говоритъ о Перми, какъ о народѣ: „и се суть инии языци, иже даютъ дань Руси. . Пермь, Печера“, „въ Афетовы же части сѣдитъ Русь, Чудь и вси языци. . . Пермь, Печера. . .“

Соображенія г. Лыткина на счетъ происхожденія слова Зыряне - Сырьяне едва ли способны удержаться въ наукѣ. Оказывается что названіе Сырьяне происходитъ отъ слова серень—рыхлый снѣгъ и означаетъ Сысольцевъ, жителей Сысола, которая называется у Зырянъ Сыгтыль - ва талая вода. Названіе будто бы сочинено Стефаномъ. Въ 1570 г. слово Серьяне - Сысоляне замѣняетъ прежнее слово Пермьяне.—Мы думаемъ, что г. Лыткинъ 1) напрасно припи-

сываетъ Стефану сочиненіе слова Сырьяне 2) напрасно приурочиваетъ его къ Сысолѣ.

Независимо отъ св. Стефана и гораздо раньше 1570 г. въ актахъ, касающихся Вятскаго края, упоминается Сырьянская волость въ Слободскомъ уѣздѣ. Увѣрять, что съ 1570 г. слово Зыряне стали замѣнять Пермiane нѣтъ основанія, такъ какъ въ актахъ, относящихся къ тяжбѣ Самоѣдовъ Мезенской тундры съ Зырянами они еще называются Пермьяками. Этотъ терминъ встрѣчается затѣмъ въ 1574 г. въ писцовой книгѣ Пустозерской волости. Предоставляя настоящимъ лингвистамъ истолкованіе слова, замѣтимъ только, что оно въ широкомъ распространеніи у за-уральскихъ инородцевъ, которые называютъ страны на западъ отъ Урала Зырянской стороной (Сыран-палъ) въ противоположность восточной, Вогульской — Манзи-палъ.

Обращаемся къ Великой Перми, „великой пармѣ“ — по соображеніямъ г. Лыткина. Это отроги Урала, прорѣзывающіе страну между Чусовой, Вишерой и Камой, распространенные будто-бы въ видѣ плосковерхой возвышенности. „По обширности своего распространенія эта парма есть великая“. Въ географическомъ комментарий г. Лыткина любопытно прежде всего то, что предполагаемая великая парма лежитъ за предѣлами исторической Великой Перми. Эта послѣдняя имѣла своимъ центромъ Чердынъ и распространялась на Западъ отъ Камы. Затѣмъ страна между Вишерой, Чусовой, Камой и Ураломъ вовсе не представляетъ собою сплошной возвышенности, которая могла-бы называться великой пармой въ отличіе отъ меньшихъ пармъ, которыя въ большомъ количествѣ извѣстны въ Пермскомъ краю. „Западная часть губерніи, читаемъ мы въ введеніи къ „Списку населен. мѣстъ“, вся покрыта отпрысками горъ, расположенныхъ почти безъ всякой видимой связи между собою“. Уѣзды Чердынскій, Соликамскій и Пермскій покрыты обширными лѣсами, которые прерываются топкими болотами. Плоская возвышенность идетъ сѣвернѣе и западнѣе между бассейнами Печеры и С. Двины

съ одной стороны и Камы съ другой. Отроги Урала и такъ называемые камни обособлены одинъ отъ другаго долинами рѣкъ и низменностями, носятъ всѣ обособленные и не русскими данными названія, напр. Полюдовъ камень, Кваркушъ. Гдѣ обширная мѣстность называется у туземцевъ пармой, она такъ же зовется и русскими. Такова парма на С. отъ Печеры и Уньи.

Веске. Славяно-Финскія культурныя отношенія по даннымъ языка.
Каз. 1890.

Трудъ преждевременно утраченнаго русской наукой изслѣдователя на своихъ первыхъ страницахъ заключаетъ цѣнный матеріалъ для уясненія вопроса о первоначальномъ населеніи Заволочья. Покойный Веске, пользуясь новыми матеріалами, подробно разработалъ вопросы только затронутые Шюгреномъ и Кастреномъ. Въ основныхъ своихъ воззрѣніяхъ онъ уклоняется отъ Шюгрена. Въ то время, какъ тотъ считаетъ названіе Двины Зырянскимъ, Веске производитъ его отъ Финнскаго віэно—спокойный, не объясняя какъ и Шюгрень, откуда взялось въ русскомъ названіи начальное *д*.

Слѣды пребыванія Кореловъ по среднему и нижнему теченію Двины Веске усматриваетъ въ названіяхъ 1) рѣкъ — Пинега (ціэни—малый + йоки рѣка), Онега (эно большой + жоки рѣка), 2) урочищъ, каковы Суло-нем-скяя (суло открытый + вјэми коса) и подобныя ему, затѣмъ на половину русифицированныя К э г—островъ, К а с к о—горская, П у р—наволокъ, Р а в д а—горка, Х о л м о—горы, М а р ь е—горская, С е л г—озеро и, что является особенно цѣннымъ дополненіемъ работъ Шюгрена и Кастрена, въ языкѣ русскаго населенія, сохранившемъ массу терминовъ, относящихся къ преобладающимъ занятіямъ населенія: таковы термины относящіяся къ рыболовству и явленіямъ сѣверной природы: вальчакъ, лохъ, кирьякъ, лоншати, салакуша, сельдь, макса, сойма, мылка, торбать, салма, шалга, кенда, мегъ, юркой, шора, кочви, хонга, конда, мянда и мн. др.

Первую группу этихъ слѣдовъ мы не можемъ еще считать безспорно Финнской: характеръ окончанія приближаетъ ее къ Лопарскому и предполагаемому древне-Зырянскому йога. Что касается послѣдней группы, то ея карельское происхожденіе доказано Веске неоспоримо.

Спеціально по отношенію къ Пермскимъ и Зырянамъ книга Веске содержитъ весьма любопытныя частныя соображенія относительно названій нѣкоторыхъ рѣкъ (Югъ, Вель, Уфтуга, Тотьма) и одно общаго характера на счетъ значенія суффикса *ма*. Мы касались вопроса объ этомъ суффиксѣ въ очеркѣ „Вотяки“ и пришли на основаніи сопоставленія опредѣляющихъ частей къ названіямъ съ суффиксами и *ва* къ предположенію, что оба суффикса тождественны по значенію. Веске приходитъ къ тому-же выводу другимъ путемъ, констатируя въ финскихъ нарѣчіяхъ чередованіе губныхъ *б, в, м*, и такимъ образомъ позволяетъ включить суффиксъ рѣчныхъ названій *ма* въ число признаковъ былаго пребыванія насельниковъ пермской группы.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и И. Кондаковымъ. Вып. III. Древности временъ переселенія народовъ. Сиб. 1890.

Пермскимъ древностямъ въ этой книгѣ страницы 72—95. Ближайшее значеніе этихъ страницъ заключается въ цѣломъ рядѣ новыхъ данныхъ относительно находокъ, извлеченныхъ изъ Пермской почвы. Послѣ скудныхъ указаній, заключающихся въ извѣстныхъ книгахъ Савельева и Смышляева и введеніи къ списку населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи, III выпускъ „Р. Д.“ представляетъ въ этомъ отношеніи цѣлое богатство. Вторую заслугу составителей рассматриваемаго выпуска составляетъ классификація находокъ на греко-византійскія и восточныя сассанидскія и анализъ ихъ съ точки зрѣнія мотивовъ и стили. — Попытка связать Перми древности съ древностями Сибири, Кавказа, Южной Россіи и Западной Европы очень интересна. Не все въ ней доказательно и ясно, связь

между вещами Сибири и Донской Области выступает въ книгѣ гораздо очевиднѣе, чѣмъ таковая между древностями Пермскими и Сибирскими, но попытка авторовъ цѣнна уже по тому одному, что не позволяетъ послѣдующимъ изслѣдователямъ Вятскихъ и Пермскихъ древностей игнорировать остальной міръ и фантазировать на тѣму о самобытной чудской культурѣ. Гипотеза на счетъ причины, вызвавшей появленіе среди привозныхъ вещей главнымъ образомъ блюдь — употребленіе ихъ въ культѣ—представляется вполне правдоподобной и, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, подтверждается фактами, которые остались неизвѣстными авторамъ. — Можно пожелать, чтобы въ дальнѣйшихъ выпускахъ такъ-же сравнительно былъ затронутъ и другой матеріалъ, представляемый „подземной Пермью“.

Дополненія. Историко-географическое описаніе Пермской губерніи, сочиненное для атласа 1800 г.

Описаніе содержитъ извѣстія о кочевьяхъ Вогуловъ по Вишерѣ, о пещерахъ-мольбищахъ ихъ по Яйвѣ и Лобвѣ, о различіяхъ нарѣчій Вогуль Кунгурскихъ, Чердынскихъ и Верхотурскихъ. Относительно Пермяковъ можно отмѣтить, что авторъ „Описанія“ знаетъ еще Пермяковъ по р. Юму. О древней Біарміи онъ разсуждаетъ въ духѣ изслѣдователей прошлаго вѣка — говоритъ о „мужествомъ и войнами славныхъ князьяхъ“, о благоустройствѣ этого государства въ глубокой древности еще до Р. Х. и его знатнѣйшемъ городѣ Чердыни, о торговлѣ съ Индіей. Басни о союзѣ съ Біарміяцами «Финландскаго короля Ювола VII (!)», о побѣдѣ Біарміяцевъ надъ войсками датскаго короля Регнера Лодброка сообщаются съ полной серьезностью.

Ersch und Gruber. Allgem. Encykl. der Wiss. III. Sect. P. Leipzig. 1842.

Авторъ статьи подѣ заглавіемъ *Per m*, подобно составителю „Описанія“ толкуеть о „durch kriegerische Tapferkeit berühmten Fürsten“ Біармовъ, правившихъ ими еще

задолго до Рюрика. Въ общемъ статья не представляетъ ничего новаго для читателя, знакомой съ русской литературой предмета. Въ статьѣ подъ титуломъ *Vjagmalanđ* приводятся между прочимъ басни Саксо Грамматика о повелителяхъ Біармін.

Пермяки. Москвитянинъ. 1847. I.

Историческая часть статьи составлена главнымъ образомъ по Карамзину; этнографическая послужила предметомъ плагиата для Хлопина (В. Геогр. общ. 1849.), если, впрочемъ, не написана имъ-же безъ подписи. Пользовался этой статьей, не называя ея, и авторъ замѣтки въ Ж. М. Г. И. (образецъ пѣсни).

Antiquités Russes d'après les monum. histor. des Islandais et des anc. Scandinaves. Vol. I—II. Copenhagen. 1850—1852.

Монументальный сборникъ, извѣстный подъ этимъ заглавіемъ, попалъ намъ въ руки послѣ того, какъ была уже составлена замѣтка о сагахъ. Здѣсь заключаются извлеченія изъ большей части тѣхъ сагъ, которыя мы лишь упомянули въ этой замѣткѣ.

Saga af Hálfri ok Hálfsgrekum рассказываетъ о конунгѣ *Hjörleifr'n*, который совершилъ экспедицію въ Біармію и *t u m l u m* *effringebat*.

Orvarodds-saga содержитъ свѣдѣнія о моленіи Біармійцевъ, и любопытныя данныя о разграбленномъ Одомъ и Асмундомъ курганѣ на берегу Двины. „Сюда, если ктонибудь умираетъ или рождается, бросаются пригоршни полныя серебра и праха (*huc enim, quisquis e vita decesserit, item si quis in lucem editus fuerit, manus argento plenae et tantundem pulveris terrestres comportandae sunt*). Въ рассказѣ о томъ, какъ викинговъ напрыли Біармійцы, встрѣчается какъ-будто намекъ на то, что у Біармійцевъ было въ большой цѣнѣ желѣзное оружіе. *Vobiscum arma commutare volunt et quidem arma argentea ferreis*, говоритъ

Викингамъ отъ лица Біармійцевъ бывшій среди нихъ норвежець. Въ *Heidreks konungs-saga* имѣется указаніе на то, что чрезъ Біармію совершились набѣги на восточныя страны.

Saga af Herraudi ok Bósa заключаетъ свѣдѣнія о характерѣ поселеній въ Біарміи. Герраудъ и Бози, пробираясь черезъ Двинскій лѣсъ встрѣтили здѣсь строенія, служившія жильемъ для одиночной семьи. Жилье состояло изъ маленькой лачужки (*soepasulum*).

Извлеченія изъ саги о Гаральдѣ прекрасноволосомъ заключаютъ краткія извѣстія о походахъ въ Біармію. Изъ саги о Гаральдѣ Графельдѣ приводится тотъ отрывокъ пѣсни сопутствовавшего ему скальда Глума Гейра, который нѣсколько вольно переводитъ Стрингольмъ (*nordwärts vom brennenden Dorf || a regione ardentis territorii in boream versa*).

Разсказъ о походѣ Карли извлеченъ изъ *Heimskringla* и не заключаетъ въ себѣ ничего существенно отличающагося отъ редакціи S. H. I.

Извлеченія изъ *Egils - saga* заключаютъ сухое извѣстіе о походѣ Эриха Кровавой Сѣкиры въ Біармію; такъ-же бѣденъ бытовыми чертами отрывокъ изъ *Kormaks-saga*.

Во второмъ томѣ сборника содержится кромѣ историческаго матеріала и географическій: *Fragmentum Orcadense historiae Norvegiae*, въ которомъ заключается извѣстіе, что *Viarnones* живутъ на В. отъ Норвегіи за Финнами и Юрелами (*Kugiáli et Kweni, Cornuti Finni*), описаніе и *fac-simile* „земнаго круга“ изъ одного исландскаго сборника XII ст. (на этомъ кругѣ на В. отъ Исландіи написано: *Viarnar habitavit hic*), географическія извѣстія, принадлежащія аббату Николаю Тангейрарскому и извлеченныя изъ книгъ Гаука Эрлендсона и Скальгольта, любопытныя по заключающемуся въ нихъ представленію о Біарміи, какъ странѣ отдѣленной отъ Гренландіи необитаемыми пустынями.

Арх. Макарій. Пермскія древности. Записки Имп. Р. Археол. Общ. Т. VIII. 1856.

Статья Арх. Макарія представляет болѣе подробное, чѣмъ у Мельникова и Попова, обзорѣніе пермскихъ древностей. Авторъ говоритъ о городищахъ, не ограничиваясь названіями, но и описывая ихъ, сообщаетъ преданія о чудскихъ могильникахъ, мѣстахъ побоищъ, находкахъ съ древними вещами.

Самуилъ Пеннъ. Матеріалы для исторіи Пермскаго края. Перм. Губ. Вѣд. 1858. № 6, 7.

Статья заключаетъ въ себѣ сжатые извѣстія о чудскихъ древностяхъ края (между прочимъ о серебряныхъ прутьяхъ, выпахиваемыхъ изъ земли), знакомитъ съ народными представленіями о чудакахъ (крѣпкіе карлики), даетъ очеркъ границъ, въ которыхъ жило пермское племя и характеристичку древнихъ его вѣрованій (по лѣтописямъ).

Смышляевъ. Историкъ и пособія для изученія Пермскаго края. Пермь. 1870.

Книжка г. Смышляева составляетъ очень цѣнное справочное пособіе для всѣхъ, изучающихъ Пермскій край включая въ себѣ рядомъ съ другими свѣдѣнія относящіяся въ области археологіи, исторіи и этнографіи.

Koskinen. Finnische Geschichte. Leip. 1874.

Авторъ книги, посвященной западнымъ Финнамъ, профессоръ Гельсингфорскаго университета, на нѣсколькихъ страницахъ трактуетъ о древнѣйшихъ временахъ Финновъ, проявляя необыкновенную, хотя и не особенно основательную, хронологическую пунктуальность относительно событій, самое существованіе которыхъ нуждается въ доказательствахъ. Финны - Корелы около 100 г. по Р. Х. подъ вліяніемъ толчка, даннаго какими-то средне-азіатскими народными передвиженіями, двинулись съ Волги на С. по Югу,

Сухонѣ и Двинѣ, откуда потомъ распространились въ странѣ великихъ озеръ. Часть этихъ Кареловъ, направившись по Двинѣ, столънулась съ обитавшей тамъ ранѣе Пермью и изъ этого соединенія образовалось обширное Пермское государство. Біармы покорили сосѣднихъ Лопарей и брали съ нихъ дань мѣхами. Позднѣе около 700 г. начинается новое движеніе Финновъ на З. подъ вліяніемъ толчка, который дали Булгары, направившіеся въ концѣ VII в. съ Дуная на С. и основавшіе тамъ Великую Булгарію (sic!).

Сообщая свои открытія, профессоръ Коскинентъ, видимо думаетъ, что онѣ не нуждаются въ доказательствахъ и не даетъ себѣ труда указать, на чемъ основываетъ свои положенія.

Чупинъ. Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи. Пермь. 1876.

Трудъ Н. К. Чупина остался, къ сожалѣнію, недоконченнымъ. Въ вышедшихъ выпускахъ сообщены свѣдѣнія о селахъ Верхъ - Язвенскомъ, Вильгортѣ, Гайнѣ, Губдорѣ, (Я)Евнидорѣ, Искорѣ и пр.

Пермяковъ Чупинъ вполне отождествляетъ съ Зырянами и описываетъ подъ этимъ послѣднимъ именемъ, о границахъ ихъ поселеній онъ замѣчаетъ, что въ былое время Пермьки простирались гораздо далѣе на Ю., судя по названіямъ урочищъ (которыхъ впрочемъ не приводитъ). Эти Зыряне по предложенію Чупина обрусѣли или вымерли. Описывая с. Ильинское, Чупинъ сообщаетъ о чудскихъ городищахъ и могильникѣ въ его окрестностяхъ и приводитъ списокъ книгъ и статей, въ которыхъ заключаются о немъ свѣдѣнія. Самой важной для Пермяковъ изъ помѣщенныхъ въ словарь статей является статья о р. Иньвѣ и живущихъ на ней Пермькахъ, также снабженная библиографическими указаніями:

Глава II.

Очеркъ исторіи Пермьковъ.

Пермяки нашего времени представляют собою южную вѣтвь того племени, которое было извѣстно нашимъ лѣтописцамъ подъ именемъ Перми и включало въ себя рядомъ съ предками Пермьковъ и предковъ нынѣшнихъ Зырянъ. Въ XVI в. этнографическій терминъ Пермь замѣняется производнымъ Пермяки. Мы встрѣчаемъ его въ этомъ значеніи въ трехъ актахъ XVI в.—уставной грамотѣ, данной Московскимъ царемъ Усольцамъ и Чердынцамъ въ 1553 г., въ жалованной грамотѣ Капинскимъ и Тиманскимъ Самоѣдамъ въ 1545 г. и въ писцовой книгѣ Пустозерской волости 1574 г. Терминъ Пермяки во всѣхъ трехъ документахъ имѣетъ такое-же широкое значеніе, какъ и Пермь. Въ уставной грамотѣ 1553 г. онъ означаетъ пермяцкое и русское населеніе Чердынского и Соликамскаго уѣздовъ, въ актахъ, относящихся къ Самоѣдамъ подъ Пермяками (вмѣстѣ съ Печорянами) разумѣются нынѣшніе Зыряне, отбивавшіе у Самоѣдовъ звѣринные промыслы. До конца XVI в. мы не знаемъ, стало быть, Пермьковъ въ нынѣшнемъ значеніи этого слова. Широкое значеніе русскаго названія вполне совпадаетъ съ границами названія, которое даютъ себѣ сами Пермяки—Коми, Коми-йась, Коми-отиръ; какъ и названіе Пермяки, названіе Коми распространяется на Вологодско-Архангельскихъ и Вятско-Пермскихъ представителей племени. Общность самоназванія указываютъ на то, что нынѣшніе Пермяки и Зыряне

считаютъ и считали себя во всё времена членами одного этнографическаго организма. Принимая въ расчетъ это обстоятельство, мы не имѣемъ, естественно, ни возможности, ни основанія отдѣлять исторію Пермяковъ и особенно ея древнѣйшій періодъ отъ исторіи Зырянъ.

Первый вопросъ, который долженъ поставить себя изслѣдователь, приступающій къ исторіи Пермяковъ, это вопросъ о ихъ древней родинѣ—были-ли они аборигенами занимаемыхъ нынѣ земель или пришли въ нихъ откуда нибудь извнѣ. Отвѣтъ на него заключается прежде всего въ мѣстныхъ названіяхъ Зыряно-Пермяцкаго края. Разбираясь въ этихъ названіяхъ, мы можемъ опредѣлить этнографическія наслоенія края, что принадлежало когда-то племени Коми и что другимъ этнографическимъ элементамъ. Отличить съ извѣстной точностью Зыряно - Пермьскія названія отъ всякихъ другихъ для изслѣдователей болѣе или менѣе знакомыхъ съ нарѣчіями Пермской группы не представляетъ большихъ затрудненій. Зыряно - Пермьскія названія рѣкъ, ручьевъ, болотъ, озеръ, горъ и населенныхъ мѣстъ сводятся къ нѣсколькимъ рѣзко опредѣленнымъ типамъ.

Для обозначенія текучихъ водъ служитъ цѣлый рядъ названій. Въ области нынѣшнихъ Пермяковъ преобладаютъ названія, составленныя изъ слова ва (вода, рѣка) или шоръ—рѣчка съ какимъ нибудь опредѣляющимъ свойства отдѣльной рѣки или ручья словомъ: Йог-ва = сорная вода (рѣка), Лем-ва (Лем-пу-ва) = черемуховая вода, Кось-ва = сухая, перебористая рѣка, Лоз-ва = синяя рѣка, Виль-ва = новая рѣка, Галья - шоръ = галистая рѣка, Горт - шоръ = дворовая рѣка (рѣка съ жильемъ на берегу), Ыб - шоръ = полевая рѣчка, Оша - шоръ = медвѣжья рѣчка, Вой - шоръ = сѣверная рѣчка, Слуда - шоръ = слудистая рѣчка, Ара - шоръ = рыбная рѣчка, Коче-шоръ = заячья рѣчка.

Окончаніе ва замѣняется въ устахъ Русскихъ и, повидимому, даже близкихъ къ Коми Вотяговъ окончаніемъ ма. Въ виду того, что суффиксъ ма въ рѣчныхъ названіяхъ

имѣть, какъ мы увидимъ, очень широкое распространеніе; мы считаемъ существенно важнымъ выяснитъ его истинное значеніе. Со времянь Кастрена въ русской исторической наукѣ принято мнѣніе, что ма есть ничто иное, какъ финское таа—земля. Авторитетъ извѣстнаго финнолога помѣшалъ русскимъ изслѣдователямъ обратить вниманіе на крупную несообразность, заключающуюся въ этомъ толкованіи: слово, означающее землю, въ сочетаніи съ различными опредѣлителями употребляется для обозначенія текучей воды. Такого нелѣпаго построенія названій не представляется на всемъ пространствѣ финнскаго міра: сами западные Финны, языку которыхъ принадлежатъ слова таа, употребляютъ въ названіяхъ рѣкъ жоки (Шюха-жоки, Сіурна-жоки, Лива-жоки), Лопари—јога, Маньзы, Остяки и Вогулы—југанъ, јага, Мордва—лей, Черемисы—ангеръ, Вотяки—шуръ, Пермь—извѣстные уже намъ ва и шоръ. Одною изученія конструцїи финскихъ рѣчныхъ названій достаточно было-бы для того, чтобы поставить вѣрстѣ надъ Кастреновскою догадкою и предположить, что мы имѣемъ въ окончаніи ма или слово, означающее воду, рѣку въ нарѣчїи какого нибудь исчезнушаго финнскаго племени, или искаженіе Пермско-Зырянскаго ва. Въ своемъ очеркѣ „Вотяки“ мы на основаніи сравненія опредѣляющихъ частей въ рѣчныхъ названіяхъ на ва и ма констатировали, что корни опредѣлители въ тѣхъ и другихъ названіяхъ во многихъ случаяхъ являются общими и заключали отсюда 1) что ма, какъ и ва, означаетъ воду 2) принадлежитъ вмѣстѣ съ своими опредѣлителями къ словарю пермской группы и 3) можетъ представлять слово для обозначенія рѣки въ нарѣчїи той исчезнувшей вѣтви Перми, которая называется Чудью и жила раѣе Вотяковъ на занимаемыхъ ими нинѣ земляхъ.

Одновременно почти съ нами того-же вопроса коснулся покойный М. П. Веске въ своемъ изслѣдованіи «Славяно-Финскія культурныя отношенія по даннымъ языка». «Въ названіяхъ мѣстѣ Сѣверной и Средней Россїи, говоритъ онъ

на стр. своего труда очень часто употребляется окончание *ма*. На первый взгляд кажется, что это финское *maa*, но *ма* встрѣчается также, какъ суффиксъ въ словахъ прибалтійскихъ, а также прикамскихъ и другихъ нарѣчій. Кроме того мы имѣемъ ясные признаки существованія звуковаго закона въ финскихъ нарѣчьяхъ, по которому звуки *б* (*п*) и *в* переходятъ въ *м*. . . На основаніи этого можно думать, что *ма* въ названіяхъ рѣкъ болѣе или менѣе часто замѣняется собою Зырянское *ва*. . . Изъ этой цитаты не вполне ясно считалъ-ли Веске форму *ма* параллельной *ва*, какъ мы, или видоизмѣненіемъ ея въ устахъ Финновъ не - Зырянъ; приведенные имъ примѣры допускаютъ то и другое толкованіе (саарва фин. и саарма эст., усма и усва въ фин. съ одной стороны и морд. бальманъ, рус. болванъ съ другой).

Въ настоящее время мы располагаемъ новыми данными, которыя не измѣняя нашихъ мнѣній на счетъ суффикса *ма*, позволяютъ иначе взглянуть на происхожденіе его. Въ числѣ крупныхъ притоковъ Печеры на нашихъ большихъ и малыхъ вартахъ фигурируетъ Иж-ма. Кастрень не обинуясь считаетъ это названіе финскимъ (*iso* — большой + *maa* земля). Между тѣмъ у Латкина въ его описаніи путешествія на Печеру находятся положительныя доказательства того, что названіе Ижма есть искаженное зырянское Изъ-ва (каменистая рѣка). Латкинъ приводитъ сказанную ему Самоѣдомъ-проводникомъ по зырянски фразу „изба Ижемцевъ— „Изъ ватасъ-лэнъ корва“. Тоже отношеніе между суффиксами *ма* и *ва* представляется въ другомъ примѣрѣ, который дастъ намъ «Книга Большому Чертежу». Въ числѣ западныхъ притоковъ Оби упоминается здѣсь Лома. Просматривая карту теченія Оби въ Тобольской губерніи, мы не находимъ рѣки съ такимъ названіемъ, но судя по положенію ея — выше, т. е. южнѣе Войкара — можно съ увѣренностью сказать, что мы имѣемъ дѣло съ нынѣшней Лозвой или Лозьвой. И здѣсь зыряно-пермязцкій суффиксъ *ва* въ устахъ русскихъ людей, а можетъ быть и Вогуловъ, превратился въ *ма*. Двухъ этихъ

примѣровъ достаточно для того, что констатировать фактъ превращенія в а въ устахъ не-Пермяковъ въ м а. Этотъ фактъ въ соединеніи съ тѣмъ, что было высказано ранѣе нами и Веске, дѣлаетъ несомнѣннымъ, что ббольшая часть рѣ ч н ы хъ названій на м а имѣютъ пермское происхожденіе и, встрѣчаясь массаами, можетъ свидѣтельствовать о быломъ пребываніи въ томъ или другомъ краѣ народа Коми.

Въ предѣлахъ Вологодской губерніи рядомъ съ названіями на м а и в а встрѣчается рядъ новыхъ, составленныхъ изъ словъ, обозначающихъ текучую воду или русло, съ какими-нибудь опредѣлителями. Таковы въ названіяхъ притоковъ Печеры:

- а) л я г а: Йогра - ляга (Вогульская рѣчка), Ичедь-ляга (маленькая рѣчка, ложбина, оврагъ), Иджедь-ляга (большая рѣчка), Шарь-ляга.
- б) ј о л ь (рѣчка): Сотсемъ - јоль, Йод - јоль, Иджид-јоль (большая рѣчка), Вѣжа-јоль (прит. Выма).
- в) ю (йу — рѣчка): Увъ - ю, Пирсь - ю, Кось-ю (сухая рѣчка), Сарь - ю, Рась-ю, Сѣдь-ю (черная рѣчка), Матвинь-ю, Сой-ю,
- г) в о ж ь (рукавъ): Лун-вожь, Шод-вошь, Люн-вожь,
- д) т ы (рѣчка): Сядей-ты,

въ названіяхъ притоковъ Вычегды:

- е) ю г ь: Югъ, Нюрюкъ (болотистая рѣчка), Кортюгъ (железистая рѣчка).

Мы причисляемъ суффиксъ югъ къ пермскимъ, опираясь на соображенія покойнаго Веске, который въ цитированномъ уже нами трудѣ выразилъ предположеніе, что окончаніе югъ представляетъ собою ту древнюю, близкую къ ј о к и, ј о г а, јага, југанъ форму, изъ которой развилась позднѣе зырянская форма ю. Принимая толкованіе покойнаго ученаго, мы не руководствуемся исключительно вѣрой въ его филологическій авторитетъ. Въ пользу его говорить то весьма харак-

терное обстоятельство, что суффиксъ ю г ъ встрѣчается по большей части въ названіяхъ притоковъ рѣкъ, которыя носятъ названія на м а и, стало быть, имѣютъ пермское происхожденіе.

Въ числѣ притоковъ М о л о м ы мы имѣемъ: Верлюкъ, Кузюкъ, Шублюкъ, Шульдюгъ.

Въ притокъ Ветлуги В о х м у впадаютъ: Нерюкъ, Карюгъ, Мастюгъ, Парюгъ, Нюрюгъ, Кортюгъ, Юрюкъ.

Другой притокъ Ветлуги П у ш м а имѣетъ притоки: Пинюгъ, Телюгъ, Пегнюгъ, Тистюгъ, Кичугъ.

Кромѣ названій, вполне сохранившихъ въ русской передачѣ свою зырянскую форму, мы имѣемъ названія, утратившія родовой суффиксъ и сохранившія одну опредѣляющую часть. Такія названія имѣютъ мѣсто главнымъ образомъ въ обрусѣвшихъ частяхъ края. Такое исчезновеніе суффикса имѣло мѣсто уже въ XVII в. Въ «Книгѣ Большому Чертежу» мы читаемъ: „а отъ Волвы 80 верстѣ пала въ Печеру рѣка М ы л о большое. . . а рѣка Мыло большое течетъ изъ рѣки Мыла меньшаго“. Въ этихъ рѣкахъ Большое и Меньшее М ы л о м ы узнаемъ двѣ М ы л в ы—притокъ Печеры и притокъ Вычегды. Аналогичное явленіе констатировалъ Латвинъ въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія: притокъ Печеры Вел-ва назывался уже въ его время просто Вель безъ родоваго в а.

Въ ряду исчезающихъ по мѣрѣ обрусѣнія суффиксовъ вмѣстѣ съ в а стоитъ и суффиксъ ш о р ъ: мы имѣемъ въ краю, населенномъ еще сохранившими свою народность Пермьяками, названія, составленныя изъ слова шоръ — рѣчка и опредѣляющаго прилагательнаго на ја (ья): Бадья-шоръ (ивовая рѣчка), Изья-шоръ (каменистая рѣчка), Кошья-шоръ, Вія-шоръ, Сенья-шоръ, Сывья-шоръ; въ обрусѣвшихъ частяхъ того-же Пермцакаго края мы имѣемъ эти названія уже въ сократившейся формѣ—Бадья.

Фактъ, который мы констатируемъ, даетъ намъ право отнести къ числу зыряно-пермцацкихъ по своему происхожденію рѣчныя названія съ окончаніемъ на я (ја).

Новый типъ названій не представляетъ уже собой признака, на основаніи котораго мы безошибочно въ состояніи заключить о быломъ пребываніи въ краѣ Перми. Суффиксъ я (ја, јаа, јага) встрѣчается въ вогульскихъ названіяхъ рѣкъ. Въ виду того, что Вогулы, какъ мы увидимъ далѣе, были нѣкогда сосѣдями Пермяковъ въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ, отличить пермяцкое неполное названіе отъ полного вогульского можно только съ словарями обоихъ языковъ въ рукахъ.

Въ связи съ рѣчными названіями стоятъ названія урочищъ или населенныхъ мѣстъ, расположенныхъ по верховьямъ, по теченію или въ устьяхъ рѣкъ; первыя имѣютъ въ окончаніи и л ѣ, вторыя д о р ѣ, третьи д и н ѣ:

иль (вершина): Верхъ-иль, Шоръ-иль, Ык-иль (М. Арх.).

доръ (край): Пол-ты-доръ, Кожмо-доръ, В е ж а - д о р ѣ.

динъ (устье): Мысл-динъ, Чор-динъ.

вожь (пространство между двумя сливающимися рѣками, рукавъ): Ош-вожь.

Рядомъ съ названіями рѣкъ слѣдуетъ отмѣтить названія стоячихъ водъ, озеръ и болотъ: озеро—ти (ты), болото—нюръ (н'оръ).

Слѣдующую группу признаковъ представляютъ названія для различныхъ видовъ суши и населенныхъ мѣстъ. Родовыми частями въ такихъ названіяхъ являются:

а) п а р м а (лѣсистая возвышенность): (и) Лема-парма,

б) м ы с ь (рус.): Каса - м а с ь, Бѣль-мысь, Муръ-мосъ,
К в а т ь - п е л ь - м ы с ь, Г а л я - м ы с ь, К у з ь - м ы с ь,
И л е ш - м ы с ь, Р о с к ы т ь - м ы с ь, Л а п ы д ь - м ы с ь,

в) й ы р ь (вершина): Носъ-йуръ, Кэчъ-йуръ, Вонъ-йуръ,
Ы д ж и т ь - й ы р ь, Ш о р ь - й ы р ь, С а в а - й ы р ь,
У д а р ь - й ы р ь, Ж и к ь - й ы р ь,

г) к ы р ь (гора):

д) к е р о с ь (гора): Пувья-кересь, В и ж ь я - к е р е с ь,
И н ь в а - к е р е с ь, Ч е ш а - к е р о с ь,

е) ы б ь (ибъ, поле): Качанъ - ибъ, Яг - ибъ, Ш е р - и б ь,
Ц е л - и б ь, П у к с - и б ь, О ш - и б ь, Г и р - и б ь, Н и п а н ь - ы б ь,

- ж) ди (островъ): Шежемъ-ди,
- з) гортъ (домъ, дворъ, деревня): Виль-гортъ, Пешни-гортъ, Шишни-гортъ, Чини-гортъ, Поза-гортъ,
- и) сѳртъ (изба) Автыль-сортъ, Сам-сортъ, Ы б - с ѳ р т ъ,
- к) грездъ (деревня),
- л) коръ (каръ, городъ): Кудым - каръ, Меч - коръ, Дой-коръ, Май-коръ,
- м) позъ (гнѣздо): Сюз-позъ,
- н) инъ (мѣсто) Мозеинъ (?), Важва-инъ,
- о) кулась (промежутокъ между какими либо урочищами): Кык-вер-кулась, Кык-к-ер-ка-ва-с-ь, Пѳль-к-о-ва-с-ь, Кык-шор-ка-ла-с-ь, Павгемъ-ковасъ,
- п) покать (рус.): Ой покать, Лун-покать,
- р) пальникъ (рус.): Шайтанъ-пальникъ, Васка-пальникъ, Зюль-пальникъ,
- с) шутемъ (оставленная пашня): Ы д ж и т ь - ш у т е м ъ,
- т) вичъ (лугъ): Нюр-вичъ (болотистый лугъ) *).

Въ виду того, что поля, горы, мысы, долины, покаты, пальники находятся или находились во владѣннн челоувѳка, большая часть названій такихъ урочищъ составлена изъ личнаго имени съ тѣмъ или другимъ родовымъ названіемъ. Это обстоятельство вызываетъ необходимость знакомства съ личными пермяцкими именами. По отношенію къ тѣмъ именамъ, которыя образовались изъ своеобразно-призносимыхъ христіанскихъ, затрудненій не представляется: всѣ они имѣютъ мѣсто въ словаряхъ Рогова и Видемана, но значительная часть несомнѣнно личныхъ именъ имѣетъ не христіанское, а языческо-пермяцкое происхожденіе. Слѣды такихъ именъ сохранились въ фамиліяхъ современныхъ Пермяковъ и въ древнихъ памятникахъ въ родѣ актовъ и писцовыхъ книгъ. Въ виду важности этого матеріала, приводимъ здѣсь списовъ личныхъ именъ, извлеченный нами изъ писцовыхъ книгъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ.

Баб-во	Ч.	Бакшей-во	Ч.
Баз-овъ	—	Бакъ	—

*) Названія, напечатанныя разрядкой, взяты нами изъ поземельныхъ книгъ Пермяцкихъ волостей Соликамскаго уѣзда.

Басарыга	Ч.	Жебег-овъ	Ч.
Бебьяк-овъ	—		
Береенъ (?)	—	Зав-инъ	—
Биб-инъ	—	Зай-екъ	—
Бизай-евъ	—	Зезя	—
Бузд-овъ	—	Зен-ко	—
Булгач-ко	—	Зибъ	—
		Зубол-евъ	—
Вагор-евъ	—	Зыкъ	—
(Вахра)	—		
Варач-евъ	—	Идег-овъ	—
(Варуча)	С.		
Вилесъ	Ч.	Кагиль	—
Вистама	—	Канб-овъ	—
Воблачъ	—	Каудал-ка	—
Вожъ (?)	—	Кетовъ	— (Титовъ?)
Возер-овъ	—	Кибан-овъ	—
Волег-овъ	—	Кнчаз-инъ	—
Вотинъ	—	Кой	—
Выз-овъ	С.	Колтыря	—
Вымятей-ко	Ч.	Конша	—
Вят-ка	—	Копан-ко	—
		Кошвар-евъ	—
Габай-евъ	— (Ср. Габ-овъ	Кропачъ	—
Гай	— починокъ въ	Кунъ	—
(Гашко)	— Бѣлоев. вол.		
	Солик. у.).	Лазга	—
Дал-ко	Ч.	Левкасъ	С.
Дез-евъ	—	Лунег-овъ	Ч.
Дей	—		
Демшовъ	—	Мелекъ	—
		Мер-ко	—
Ез-евъ	—	Микос-евъ	—
(Ес-ка)	—	Мич-ко	—
		Моготъ	—

Мозданъ	—	Снобула-евъ	—
Мозаръ	—	Сыре-евъ	—
Мурза (?)	—	Сюк-овъ	—
Маншур-овъ (?)	—		
Муш-ка	—	Тей-ко	—
Мармыш-винъ (?)	—	Тетювъ	—
		Тоблагуй	—
Навит-ка	—	Толыг-овъ	—
Нѣмта	—	Трей-ко	—
		Тулугъ	—
Обай-овъ	—	Тунег-овъ	—
(Одинецъ)	—		
Озяк-овъ	—	Уд-винъ	—
Овчанъ	—	Ужег-овъ	—
Олекъ	— Ср. Олек-вич	Урай	—
Он-ко	— ур. въ Бѣлов.	(Ур-винъ)	—
Остыня	— вол. Сол. у.)		
		Хар-ко	—
Парок-инъ	—	Хозяшъ	—
Паршевъ	—		
Пеняй	—	Чаз-евъ	—
Печенидынъ	— (?)	Чаусъ	—
Пигас-ко	—	Чеш-ковъ	С.
Под-овъ	—	Чуван-овъ	Ч.
		Чюгай-ко	—
Рак-инъ	— (Ср. Рака-вич	Чюеля	—
Ратег-овъ	— уроч. въ В.	Чудовъ	—
Рид-инъ	— Инв. вол.		
Росой	— Солик. у.)	Шавшук-овъ	—
Рудач-ко	—	Шад-ко	—
		Шадра	— (Ср. Шадра-
Сар-ко	—	Шамга	— шутѣмъ-уро-
Сартак-овъ	—	Шебан-овъ	— чище въ В.
Семек-овъ	—	Шипида	— Инв. вол.
Сит-ко	—	Шир-ка	— Солик. у.)

Шомш-инъ —	Яворъ —
Шуд-овъ —	Ям-овъ (?) —
Юш-ко —	Яруш-инъ — (?)

Къ этому списку мы присоединяемъ:

А) личные имена и прозвища, сохранившіяся въ современныхъ фамиліяхъ Пермьяковъ:

Андыр-евъ.	Жакъ-овъ.
Баж-инъ.	Исып-(овъ).
Бак-(инъ).	Кивил-евъ.
Балич-евъ.	Кольчур-(инъ).
Бармат-овъ.	Кон-инъ.
Барт-овъ.	Коньг-инъ.
Бат-(инъ).	Кочаш-(евъ).
Бач-евъ.	Кучевас-овъ.
Баянд-(инъ).	Кушман-овъ.
Брезг-(инъ).	
Бус-овъ.	Лехан-(овъ).
Важуй-евъ.	Логач-(евъ).
Вылес-(овъ).	
Гут-(овъ).	Март-(инъ).
	Мазе-(инъ).
	Майбур-овъ.
Дозмор-овъ.	Миз-евъ.
Долд-(инъ).	Мильчак-овъ.
Дурс-инъ.	Мошег-овъ.
Епано-въ.	Надым-(овъ).
Еп-инъ.	Нис-(овъ).
Ес-(винъ).	

Ольк-(овъ).	Суран-овъ.
Олькай-(овъ).	Сыркан-овъ.
Оныш-(овъ).	Смстер-(овъ).
Отег-(овъ).	
	Тун-евъ.
Пальш-инъ.	Туля-евъ.
Пикул-евъ.	
Пол-инъ.	Ут-евъ.
Перш-инъ.	
Под-(вишы).	Хозяш-(евы).
Подьян-овъ.	
Порс-евъ.	Цыб-инъ.
Посют-инъ.	
Пыстог-овъ.	Чакил-(евы).
	Чет-инъ.
Рен-евъ.	Чугаин-овъ.
Ратег-овъ.	
	Шабун-инъ.
Сакул-инъ.	Шайдур-овъ.
Салкин-овъ.	Шаньшер-овъ.
Сайкан-(овъ).	
Сам-(ковъ).	Ябур-(овъ).
Сампо-(евъ).	Яр-(ковъ).
Седег-(овъ).	Яраш-(евъ).

В) личные имена, сохранившіяся въ названіяхъ урочищъ (извлечены изъ постатейныхъ земельныхъ книгъ, хранящихся въ волостныхъ правленіяхъ Соликамскаго уѣзда).

Аз-(овый мысъ).	Будю-(мысъ).
Азбак-(овсео).	
	Гаргонь-(ево поле).
Бебей-(логъ).	Гуша-(шутэмъ).
Бирися-(мысъ).	
Болясь-(грива).	Джель(пальникъ).
Боско-(шутэмъ).	Дзява(—)

Дзюльганъ (сай).
Дюдю-(логъ).

Ельган-(мышь).
Ерашъ-(мышь).

Жигин-(ыбъ).

Зюд-(ыбъ).
Зюль-(пальникъ).

Кальчик-(йыръ).
Каб-юр-(пальникъ).
Кама-мышь.
Канюкъ-(шутэмъ).
Качить-(мышь).
Кудым-(ово).
Коника-мышь.
Курэгъ-(мышь).
Курила-(мышь).
Кыч-юръ-(пальникъ).
Кырнышъ-(мышь).

Лапыдъ-(мышь).
Лечкан-(ова).
Ляган-(овско).

Матысъ-(вэръ).
Моско-(шутэмъ).
Мочканъ.
Мурмар-(овско).
Мус-(ыбъ).
Мэдэръ-(мышь).

Носко-(мышь).

Оние-(ова).
Онок-(овско).
Осек-(йыръ).

Паскить-(логъ).
Печкана-(вичъ).
Пичканъ-(пальникъ).
Путрач-(евско).
Пивьга-(мышь).
Посай-(сай).

Ректан-(овско).
Род-(евъ-мышь).
Роскытъ-(мышь).
Рыжокъ-(мышь).

Сапс-(ыбъ).
Саран-(ыбъ).
Серго-(мышь).
Сятэсъ-(пальникъ).
Силькан-(вичъ).

Турап-(овской логъ).

Узикъ-(вичъ).

Чара-(ыбъ).
Чигасъ-(пальникъ).
Чуыля-(мышь).
Чулимъ-(пальникъ).
Чульган-(овскій йыръ).
Чурскан-(ултъ).
Чикман-(овская старица).

Шагай-(мышь).
Шеричъ-(вичъ).

Имѣя въ своемъ распоряженіи рядъ признаковъ, по которымъ можно распознать мѣстности, носящія зыряно-пермяцкія названія, мы можемъ перейти къ изслѣдованію предѣловъ, въ которыхъ жило когда-то пермское племя.

Начнемъ нашъ обзоръ съ губерніи, гдѣ Пермь до сихъ поръ составляютъ плотную, обособленную языкомъ и бытомъ массу — Пермской. Въ настоящее время пермяцкія селенія расположены главнымъ образомъ въ области западныхъ притоковъ Камы: Иньвы, Пожвы, Яйвы, Лысьвы и впадающихъ въ нихъ Юсьвы, Егвы, Вильвы, въ Соликамскомъ уѣздѣ и Косы съ ея притоками въ Чердынскомъ. Названія рѣкъ, прорѣзывающихъ страну на Ю. отъ бассейна Иньвы, позволяютъ намъ констатировать въ ней слѣды былаго, теперь обрусѣвшаго пермяцкаго населенія. Мы имѣемъ здѣсь прежде всего Обву съ массой притоковъ, носящихъ пермяцкія названія: Дарья - шоръ, Кича - шер(ской), Кызь - ва, Поль - ва, Сива, Лысьва, Лип - ва, Язь (ягъ) - ва, Сюрва, (Челва, Нердва), затѣмъ. внизъ по Камѣ отъ устья Обвы — Туй-ва, Ласьва, Нытва, Сива составляющая нижней частью своего теченія границу между Пермской и Вятской губерніями. Кромѣ рѣчныхъ названій слѣдами Пермь въ этой области являются названія деревень — Пермскаго уѣзда Мош-евской, Чакула-евской, Чакул-евъ, Габ-ина, Чиемановъ мысъ, Рос-ина, Ошмас-ка, Рочашер-ка, Азова, Щетина, Дюлдина, Кочева, Бажина, Люкина, Жай-горская, Шадрина, Волегова, Кочевъ, Реневъ, Зозмуровъ, Бачина, Жакова, Естюнько, Чузганова, Кочина, Вилес-овъ, Вазьевъ, Мошова, Кишова, Кошьяшорская, Помозовская; въ Соликамскомъ уѣздѣ южнѣ Обвы: Машева, Кыскоръ, Бабаева, Нюрвичъ, Юркавожъ, Чел-ева, Чиеманъ, (Буткановы), Харина, Помосова, на С. и З. отъ Обвы: Югова, (Чудскихъ), Шадрята, Данькова, Мутчеръ, Ярина, Батина, Юнжашоръ, Визята, Сарова, Ошева, Ягина, Мошина, Канина, Лямпина, Чалова, по теченію Чермоса поч. Олековской. На С. отъ Иньвы въ бассейнѣ р. Кондаса, поч. Уролъ, р. Лозшеръ, Равшеръ, затѣмъ Лысьва, Лызыбъ.

Въ предѣлахъ Чердынскаго уѣзда Пермѣи занимають въ настоящее время западный уголь — главнымъ образомъ бассейнъ р. Косвы. На В. отъ Камы мы находимъ ихъ только въ приходѣ села Верхъ-Язьвы, но названія рѣкъ позволяютъ утверждать, что край этотъ издавна былъ извѣстенъ Пермѣкамъ. Они дали названія всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ въ Каму со стороны Урала. Начиная съ самой сѣверной изъ нихъ Колвы мы имѣемъ Язьву, Вильву—притоки Вишеры, Ульвичъ, Яйву, Косьву, Чусовую (Чусва) съ притоками Койва, Вильва, Усьва, Сылва (+ Шаква). Помимо рѣчныхъ названій мы имѣемъ здѣсь пермѣцкія названія урочищъ и населенныхъ мѣстъ: Цыдвинское (Сѣд - ва), Нырѣвъ, Искоръ, Пам-горть, Виль-горть, Кушман-гор(т)ское, Лек-мортовскій, Покча, Серегово(?), Губдоръ, Редикоръ, Чигир-иб-ское, Вельгуръ, Мошева, (Сурмогъ), Чикманъ, Нюровская, Асовское (на Ю. отъ Чусовой), Мечка (здѣсь-же). Теченіе Сылвы составляетъ рѣзкую границу пермскихъ названій на Ю. На С. В. и З. эти названія переходятъ за предѣлы Пермской губерніи. По близости отъ границы между этой губерніей и Вологодской мы имѣемъ двѣ Мылвы, идя по которымъ вступаемъ въ бассейны Печеры и Вычегды. Не настаивая на пермѣцкомъ происхожденіи названій южныхъ притоковъ Печеры—Унья, Кисунья, Палья—мы имѣемъ возможность безъ малѣйшихъ колебаній назвать зыряно-пермѣцкими притоки Илыча: Егра-ляга, Ичедъ-ляга, Сотсемъ-ель, Укъ-ю, Пирсъ-ю, Косъ - ю, ос. Шежемди, ос. Мачеласта - ди, Саръ - ю, сел. Юрт-му, Морт-Юръ, Когиль-динъ, Лагодинъ, р. Идждь-ляга, Шаръ-ляга, притоки Мылвы Расъ-ю, Юд-юль, притоки Печеры Коснодѣль, с. Епино, Сойвинское, Пыре-динская, ос. Войзимъ-ди, ос. Шоръ-ди, Кузь-ди, р. Сай-ю, оз. Гудырья, с. Лемты-бож-ская, р. Матвинъ-ю, ос. Кучпозья-ди, с. Лемты, ос. Ошкумась-ди, р. Иджидъ-юль; притоки Шугура—Иджидъ-потокъ, Сѣдъ-ю, Ичеть-потокъ, въ предѣлахъ Архангельской губерніи р. Кожва съ притоками Лунвошь (Лешанка)—(л. 122) притоки Усы Шаръ-ю, Косъ-ю, Саръ-ю.

Седь-ю, Лемва, Колва, (л. 105) Рась-ю, Сой-ва съ притоками Люн-вошъ, Шод-вошъ, с. Кодач-дин(ская), Иж-ма (Изьва) съ селеніями Лачег-ская, Кушъ-Коджъ, Ровъ-динъ, Чувкидинъ, далѣе на З. р. Цильма съ притоками Косма, Мыла, Пижда; выше Усть-Цильмы притоки Печеры Нечева, Сосья.

Въ обширныхъ бассейнахъ Вычегды и Сухоны зыряно-Пермяцкими оказываются названія урочищъ и населенныхъ мѣстъ, начиная съ верховьевъ первой: с.с. Баджольская, Вильгортская, Помоздинская, р. Помозъ, с.с. Седь-ты-динъ, Вopolдинъ, р. р. Вишера (?), Нившера (?), с. Пас-вомын-ская, Сужа-ибъ, рр. Сужель, Зул-объ (ыб), с. Зулобдинская, р. Гудва, притоки Выма: Помрасъ, Изясъ, Ниолачь (стрѣла), Чисва, Йора, Памъ, Комычь (Комидзь), Йола (Йол-ва), Божь-ю, Тодья (болотистая), с. Керасъ, р. Кылтова, Вежа-юль, с. Грездъ, Нундо-Керасъ, Сереговское, Ероздинская, р. р. Пывва, От-юль, Екта-юль, Нюль, (Муръ-я, Идяш-я, Таваа), с. Ибская м. и б. По Вычегдѣ до Усть-Выма: Согчемская, Нуръ-юль, Сад-ель, Коквицкое, Полтыдоръ, Кожмодоръ, Ляты, Ижел-ти-нская, отъ Усть-Выма: с.с. Какви-цы, Тыдор-ская, Керас-ская, Ролты, Выз-дин-ская, Каса-масть, Аба-бачъ, Ель, Кочма, на З. отъ Яренска: Непшоръ, Ягвель, Ирт-овское (Ир-ты), Грездъ, Целибское, р. Лен-ка, (ср. Лен-ва), р. Гиджегъ (?), Шенома, р. Юль, с. Ельская, р. Лупья (?), р. Чакулва, с. Язинская гора (?), по Виледи (Вилегодская Пермца писц. книгъ) селенія: Язинець (?), Нырма, Зыково, въ бассейнѣ с. Двины въ предѣлахъ Вологодской губерніи р. Тойма, область Пермогорье. По западному берегу Сухоны до Устья: р. Узьма, д.д. Посегова, Кушева, Синегі (?), Кошево, Пучегуръ, на З. отъ Устья: с. Конегино, по Югу и его притокамъ: с. Карасово, Чел-ма, Чупаново (?), Ханюгъ, Вачево, Илимова, Кочевская, Ярцова, Вяткина гора, Сакулевская выставка, пог. Учотскій, с. Лойма, Ракинская, р. Нюла, р. Лудожоль, с. Векшоръ, Вильгортъ, по верховьямъ Лузы: Тунег-овская, р. Лунья, Сѣтка, Чекма.

На З. отъ впаденія Юга въ Сухону пермскія названія встрѣчаются въ первый разъ около Тотмы: рѣка Тотма и ея притокъ Полюкъ, и на Ю. З. отъ нея Толшма съ притоками Ельшма, Сингома, Шерошма. Изъ бассейна Толшмы мы вступаемъ въ бассейнъ Костромы. Кострому можно было-бы принять границей рѣчныхъ названій на м а. На западъ отъ нея въ предѣлахъ Ярославской губерніи крупныя рѣки носятъ уже названія съ другими окончаніями. Устьемъ Костромы и теченіемъ Волги какъ бы отграничиваются на Ю. З. названія на ма, но пройдя на картѣ югозападный уголъ Костромской губерніи и вступивши во Владимірскую, мы находимъ рѣки Вязму и Ухтому, которыя приводятъ насъ въ главной рѣкѣ губерніи—Клязьмѣ. Впадающія съ С. В. губерніи въ Клязьму рѣки носятъ названія съ окончаніями на и хъ: Люл-ихъ, Та-ихъ, Тюл-ихъ, Ланд-ихъ. Въ какомъ отношеніи стоятъ эти названія къ названіямъ съ суффиксомъ ю г, предоставляютъ судить филологамъ.

Идя вверхъ по теченію рѣки мы вступаемъ въ Московскую губернію. Здѣсь намъ встрѣчается рядъ рѣчныхъ названій пермскаго типа: кромѣ Клязьмы на С. отъ нея Яхрома (притокъ Сестры), Вѣдома, на югъ Моск-в а рѣка—названіе этой послѣдней сохранила чистую пермскую форму и уже Шюгреномъ было признано пермскимъ—на крайнемъ югѣ губерніи Прот - ва, вступающая частью своего теченія въ С. В. уголъ Калужской губерніи. Южнѣе Протвы мы уже не встрѣчаемъ рѣчныхъ названій разсматриваемаго типа. Тутъ уже идутъ южно-Финскія названія.

Обращаемся къ странѣ на С. отъ Сухоны и Вычегды и пойдёмъ назадъ по теченію этихъ рѣкъ. Въ бассейнѣ Кубины мы имѣемъ притоки: Кизьма, Нишма, Шурма, М о л а , Ножма, Пигома, Ухтома, Катрома. Затѣмъ рѣчныя названія Пермскаго типа встрѣчаются въ значительномъ количествѣ на Ю. отъ Бѣла - озера: Визьма (прит. Андозы) р. Кумсара (?), р. Шулма, р. Улозара, р. Мотома, р. Конома (прит. Шексны), р. С и з ь м а (прит. Шексны), р. К и ч м а, р. Ельма (прит. Куб. оз.).

Въ предѣлахъ Вологодской губерніи пермскими являются названія притоковъ Вага: Вель, Пезма, Вотчава (!), притоковъ Сухоны: двѣ Пелшмы.

На С. и З. отъ Яренска мы имѣемъ: р. Тыла - жоль (прит. Яренги), притоки Вашьи Чурма, Мышаель, Юртама, Тола, Туйтума, Силва, с.с. Ибская, Гамшоръ, Вожагоръ, Чиряшоръ, Ночья - шоръ, Чонашоръ, Почашоръ, Кейшоръ, Сожма, с.с. Важгортской, Паспонское, Вильгортская, р. Пучкома, притоки верхней Пинеги: Нжоль, Маева, Выя (?).

Притоки Мезени: Ирва, Вожель, Дерта-жоль, Микшерская, Муч-дин-ская, Семчайоль; селенія Вил-иб-ская, Макариб-ская, Вел-ыб-ская, Раз-горт-ская, Нижне - Велыб - ская, Сел-ыб-ская.

Переходимъ къ третьему поясу, включающему въ себя бассейны Вятки и Камы.

По М о л о м ѣ мы имѣемъ названія—Пермятская, Езевская, Расовской, Ожеговской, р. Лучум - бара, Азовской, Зыковской, Кошкаревской, Одеговской, Патринское, по р. В е л и к о й : Шибановское, Перминово, Зоново, Шурской, Зоновской, Баковской, Перминовская, Зоновской 2, Петра Зонова, Зоновская, Пермьяковскій, Перминово, по Л ѣ т в ѣ въ Вологодской г. Учашоръ, Норитва, Д о н д - ж о л ь , Бардышъ-жоль, Сетка (Сѣд), Арцаель, въ Вятской губ. Лекма, Сова, по Чепцѣ Зонова, Изегова, Лячинская, по К о б р ѣ Косныревской, Пермьятской, Пермьякова, притоки Вятки: Небычь, Лекма, Пермская, Реневской, по Холуницѣ: Пермьяковская, Брезгинская, по верховьямъ Камы: р. Има, Юва (Парышъ) Ньюба, с. Шерабская, д. Алкибская, Лязебская, Кичаново, Безгачева, Лозыбская, Вылыбская, Ашкановское, Лозебская 2, (р. Кымъ), р. Чусъ, р. Кужва, Волва, Сюзъва, Лытва, Сова.

На Ю. отъ Чепцы и линіи, которую можно провести отъ устья этой послѣдней до верховьевъ Ветлуги Вятская губернія представляетъ длинный рядъ рѣчныхъ названій пермскаго происхожденія: въ Глазовскомъ уѣздѣ Кострома,

Барма, Дизма, Лекма, Сизма, Сима, Лема, Ухтым-ка, Кузема, Урома, Елом-ка, Бухма, Пижда, Пожда, Кенма, Обма; въ Малмыжскомъ уѣздѣ: Ирма, Лекма, Болма, Кульма, Тушма, Вошторма. Тыжда, Шошма, Шурма, въ Яранскомъ Шошма, Удюрма, Уртыма, Курема, Шуйма, Урма, Има, Нурма, Ошма, Пижда, Турма, въ Котельницкомъ Молома, Пижда, Опшма, Идома, Содом-ка, въ Уржумскомъ Сукма, Олма, Вочерма, Шекма, Кичма, Торма, Вошма, въ Елабужскомъ Тойма. Кромѣ этихъ имѣющихъ полную Пермскую форму названій мы имѣемъ названія типа Мыль, утратившія свои суффиксы:

Коса || Косва
 Лоза || Лозва
 Юсь || Юсьва
 Иж || Иж-ва (ма).

Для того, чтобы яснѣе показать пермское происхожденіе этихъ названій позволяетъ себѣ выписать изъ очерка „Вотяки“ списокъ, въ которомъ сопоставлены многія изъ этихъ названій съ Пермскими на ва

Пож-ма	въ	Вятск. губ.	Пож-ва	въ	Пермязц. краѣ.
Виль-ма	—	—	Виль-ва	—	—
Нерт-ма	—	—	Нерт-ва	—	—
Сик-ма	—	—	Сик-овка	—	—
			(отъ Сиг-ва)		
Сизь-ма	—	—	Сизь-ва	—	—
Ур-ма	—	—	Ур-ва	—	—
Пол-о-ма	—	—	Пол-овка	—	—
Мол-овка	—	—	Мол-овская	—	—
			(Мыльва)		
Ед-о-ма	—	—	Яд-ва	—	—
Кос-ма	—	—	Кос-ва	—	—
Урд-о-ма	—	—	Урд-ва	—	—
Нур-ма	—	—	Нор-о-ва	—	—
Ош-е-ма	—	—	Ош-евва	—	—

Си-ма	—	—	—	Си-ва	—	—	—
Чол-ма	—	—	—	Чел-ва	—	—	—
Шош-ма	—	—	—	Сос-ва	—	—	—
Об-ма	—	—	—	Об-ва	—	—	—

Не однѣ названія рѣкъ Вятской губерніи говорятъ о быломъ Пермскомъ населеніи ея. Названія нѣкоторыхъ Чепецкихъ городищъ объясняются также изъ личныхъ Пермскихъ именъ. Таково напр. названіе Дондыкаръ; вспомнимъ Долды въ Черд. уѣздѣ, р. Донд-жолъ, притокъ р. Лѣтки. Изъ совокупности этихъ данныхъ можно вывести заключеніе, что Чудью Вятской губерніи, какъ и Пермской, были древніе Коми.

Рѣки съ пермяцкими окончаніями встрѣчаемъ мы и на В. отъ Урала въ бассейнѣ Оби: Лоз-ва, Сос-ва, Как-ва, Нязь-ва. Онѣ исчезаютъ только на Ю. отъ Верхотурья. Можно предположить, что названіе самой Оби имѣетъ пермское происхожденіе. Вспомнимъ случай исчезновенія суффикса в а въ названіи рѣкъ Мыл-вы съ одной стороны и названіе одного изъ притоковъ Камы Об-ва. Исторія превращенія Мылвы въ Мылъ-Мыло можетъ дать намъ основаніе для того, чтобы предположить аналогичное превращеніе Об-вы въ Обь. Наше предположеніе имѣетъ за себя еще то основаніе, что Маньзы (Остакы и Вогулы) называютъ эту рѣку по своему Ась. Страна по нижнему теченію Оби носитъ зырянское названіе Обдорія, Обдоръ (Обь + дор — край, Пообье). Не однѣ рѣки западной окраины Сибири говорятъ намъ о Коми; расположенные по ихъ теченію городки имѣютъ также пермяцкія названія.

Въ книгѣ Б. Ч. мы читаемъ: „а отъ Носоваго семьдесятъ верстъ съ правой стороны Оби градъ Ирка (Ир-каръ?).

А отъ Ирки сорокъ верстъ В о й-к а р ь и л и н о ч н о й.

А выше Войкара У р к а р ь и л и Б ѣ л ы й.

А на устьѣ тоя рѣки (Казыма) градъ Казымъ.

А выше того на другой странѣ сорокъ верстъ рѣка Казымъ, а на ней градъ Кенчикаръ.

А выше Чамаша семьдесятъ верстѣ градъ Шорварь.

А выше семьдесятъ верстѣ Нецкгагорь.

А выше того сто пятьдесятъ верстѣ на Оби Карымкань (кар).

А по рѣкѣ - жь по Оби по другому по лѣвому берегу ниже рѣки Пумини рѣки пала рѣка Падъ. А на устьѣ тоя рѣки градъ Сабдинъ (Саб + динъ).

А выше двадцать верстѣ Сускаръ или Роговой.

А по Сосвѣ ниже Лапина градъ Искаръ.

А ниже Воронья пятьдесятъ верстѣ Хюликваръ.

А ниже Хюлквара шестьдесятъ верстѣ Естынь.

И на усть рѣки Сосвы съ вышнія страны Хахтынъ (ин. Мах-тынъ).

Почти всѣ города носятъ названія, которыя въ полной формѣ имѣютъ на концѣ пермское слово каръ — городъ. Если-бы наше предположеніе относительно основателей городищ покоилось только на одномъ суффиксѣ каръ, можно было - бы возразить, что это слово могло быть въ этой-же формѣ и у Маньсовъ. Но мы имѣемъ въ книгѣ Б. Ч. переводъ нѣкоторыхъ названій, который ясно обнаруживаетъ ихъ пермское происхожденіе: Вой-коръ — ночной (вой-ночь, сѣверъ + коръ — городъ), Ур-коръ = бѣлій, бѣличій (ур-бѣлка + каръ). Относительно перевода Сус-коръ мы можемъ замѣтить, что онъ не совпадаетъ съ пермскими значеніями *suš* и *sos*; не объясняется-ли неправильность перевода ошибкой въ рукописи?

Городки, которые занесены были на Большой Чертежъ, извѣстны были еще подъ тѣми-же названіями въ началѣ XVIII. Въ „Описаніи народа Остяцкаго“ у Новицкаго мы встрѣчаемъ напр. Шоркарскіе юрты.

Рядъ страницъ занятыхъ данными, позволяющими констатировать слѣды пребыванія Пермскаго племени, даетъ намъ возможность начертать границы территоріи, на которой могло жить это племя. На В. этой границей можно считать рѣку Обь до Березова. Южнѣе этого пункта восточной границей является линія между Б. и сл. Нейвой.

Южная граница, начинаясь у устья Нейвы идетъ по Чусовой и отъ ея устья по Камѣ до устья Вятки, затѣмъ ломаной линіи по верховьямъ южныхъ притоковъ Вятки до Кукарки, гдѣ черезъ Пижму она переходитъ въ область сѣверныхъ притоковъ Ветлуги—Вохмы, Векмы, Шоймы; отсюда она идетъ по границѣ между губерніями Костромской и Вологодской до верховьевъ Костромы и спускается по теченію этой рѣки до Клязьмы. Въ предѣлахъ Владимірской губерніи она идетъ по Клязьмѣ, въ Московской спускается еще южнѣе и идетъ по Протвѣ, захватывая маленькій уголь Калужской губерніи.

Мы дошли до крайней югозападной точки Пермской территоріи. Отъ верховьевъ Протвы мы начнемъ обзоръ западныхъ и сѣверныхъ границъ. Въ предѣлахъ Московской губерніи границами Перми служить З. и С. границы губ.; вступая въ предѣлы Владимірской губерніи, граница идетъ по с. и с. з. границамъ этой послѣдней, затѣмъ по границѣ между Ярославской и Костромской губерніи до верховьевъ Костромы и предѣловъ Вологодской губерніи. Въ Вологодской губерніи граница Пермскихъ названій совпадаетъ по большей части съ границами этой губерніи и Новгородской (отклоняясь въ область послѣдней черезъ притоки Шексны), Олонецкой, Архангельской и по теченію Вашки идетъ до Усть-Вашки, отсюда по линіи, которую можно провести до верховьевъ Цильмы, затѣмъ по Цильмѣ, Печерѣ до устья Усы, по Усѣ до точки, гдѣ она поворачиваетъ на С. и идетъ параллельно Уральскому хребту; проведя линію отъ этой точки до Обдорска мы замкнемъ территорію, въ предѣлахъ которой имѣемъ слѣды пребыванія Перми.

Отмежевавъ для Перми (Коми) громадное пространство, мы далеки отъ того, чтобы утверждать, будто она занимала его 1) одновременно, 2) на всемъ протяженіи 3) и безъ со сѣдей — совладѣльцевъ. Это — предѣлы, въ которыхъ совершалось въ теченіи вѣковъ передвиженіе племени, послѣ борьбы съ болѣе ранними насельниками страны. Оставивъ на время за-уральскую часть Перми, мы

можемъ раздѣлить территорію ея отъ Урала до меридіана Бѣла-озера линіей теченія Сухоны и Вычегды на двѣ крупныя части: сѣверную и южную. На С. мы будемъ имѣть страну, которую Пермь нашла уже ранѣе населенною. Страна на Ю. отъ названныхъ рѣкъ въ свою очередь дѣлится на двѣ части теченіемъ р. Юга. На З. отъ этой рѣки до истоковъ Сухоны, захватывая обширную территорію на С. до Ледовитаго океана и на Ю. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти до Волги, жило какое-то племя, которое давало рѣкамъ названія на н га. Этому народу принадлежатъ прежде всего, по нашему мнѣнію, названія самыхъ крупныхъ рѣкъ очерченной территоріи—Сухоны, Двины и Мезени. Какъ названія рѣкъ, которыя чаще всего обращались въ устахъ русскихъ, эти названія должны были сильнѣе всего исказиться. Мы думаемъ, что первоначальныя, хотя тоже руссифицированныя отчасти формы двухъ изъ нихъ сохранилось въ названіяхъ мелкихъ рѣчекъ — Суконька (Суконьга) и Меженга. Можно предположить, что и Двина образовалась изъ болѣе ранняго Двинга.

За этими названіями крупныхъ рѣкъ слѣдуютъ массы болѣе мелкихъ.

Въ бассейнѣ Сухоны между Кадниковымъ и Тотьмой—Уфтанга, Нобянга, Норинга, Печенга, Войманга, Моланга, Паршанга, Луженга, Велшенга; между Тотьмой и Устюгомъ—Леденга, Юрмонга, Рудинга, Единга, Норинга, Шуйшинга, Шукшинга, Шевинга, Печенга, Суконька, Карженга, Коченга, Саланга, Нюксен-ица, Селменга, Сученга.

Около Тотьмы рѣчныя названія на н га переходятъ массой въ многоводный бассейнъ Ваги: Тавренга, Силенга, Роменга, Шадреньга, Гавренга, Наренга, Нарменга, Шадранга, Меженга, Ратен(ская), Пекшенга (притоки Вели); Кокшенга, Коленга, Яхренга, Терменга, Печенга, Сельменга, Коленьга, Сивенга, Меленга, Тевтенга, Кокшенга, Колендренга, Шадреньга, Соденьга (2), Орсанга, Пакшенга, Шеренга, Вамшеранга, Сельменга, Леменга, Киршинга, Певшереньга, Паденьга, Неленга, Егрэнга, Двиница (притоки Вага).

Бассейнъ Вага соприкасается съ бассейнами Кубенскаго и Чарондскаго озеръ и верховьями Сѣверной Двины. Здѣсь имѣютъ мѣсто Сямженга, Шиченга, Пулчинга, Полчинга, Кубина, Молменга, Яхренъга, Верденьга, Печенга, Уненга, Пухманга, въ бассейнѣ Чарондскаго озера Модлана, Вонданга, Шавен - скій, въ бассейнѣ Двиницы Карбона, Каржинка, Шоренга, Левинга, Волонка.

Далѣе на С. разсматриваемыя названія подходятъ къ озеру Лачъ: Нермонга, Нименга, Чаженга, Тихменга; оди-ночно онѣ встрѣчаются въ бассейнѣ Онежскаго озера и р. Онеги: Куржанга, Ялчанга, Елменга, Нименга.

По С. Двинѣ разсматриваемыя названія поднимаются ниже слиянія Сухоны и Вычегды по обѣ стороны почти до Холмогоръ; отсюда онѣ расходятся на В. къ Мезенской губѣ, на З. къ Кольскому полуострову.

На Ю. отъ линіи Сухоны-Вычегды мы встрѣчаемъ большой массой эти названія въ бассейнахъ Юга и примыкающихъ къ нему своими верховьями Ветлуги и Унжи. Притоками Юга являются: Шаржанга, Шепшенга, Анданга, Ляменга, Шишменга, Корманга, Нюненга; Нуренка, Кичменга, Ваденьга, Шанженга, Шобанга, Монманга, Шаржинка, Енанга, Кулозенга, Кильченга, Яхренга, Шарденьга, Луженга, Кершенга, Шарженга, Анданга, Шепшенга, Ляменга, Кипшенга, га, Киншенга, Кержен-ецъ, Ладонга, Шишинга, Кунданга, Печен - ижка, Куушинга, Пеженга, Андронга, Курденьга, Еванга.

Притоки Унжи (въ Костромской губерніи): Шишменга, Корманга, Нюненга, Лунданъ, Нуренка, Морханга, Пеженга, Корманга, Ломенга, Пойманка, Першенка, Юрманка, Пумена, Суеманка, Сеженка, Лоймина, Печенка, Езанъ.

Притоки Ветлуги: Сырденка, Якшенка, Вохтонка, Яшанга, Ляленка, Лапшинга, Юранга (Йорынгъ въ устахъ Черемисъ), Лупшанга, Шуванга; Кержен-ецъ, Пумина.

Чтобы облегчить лингвистическое изслѣдованіе этихъ названій, приводимъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ:

Анданга,
Андронга,
Важн-ица,
Вайенга,
Вамшеранга,
Велшенга,
Верденьга,
Весленга,
Визенга,
Воденга,
Войманга,
Волонка,
Вонданга,
Вохтонка,
Гавренга,
Единга,
Езань,
Елменга,
Енанга,
Карбона,
Карженга,
Кержен-ецъ,
Кершенга,
Кильченга,
Клишенга,
Кипшенга,
Киршинга,
Кичменга,
Кокшенга,
Коленга,
Колендренга,
Коржинка,
Карманга,
Кочинга,
Кубина,

Кукшинга,
Кулозенга,
Кунданга,
Курденьга,
Куржанга,
Ладонга,
Левинга,
Леденга,
Леменга,
Лойминга,
Ломенга,
Луженга,
Лунданъ,
Лупольга (?),
Лупшанга,
Ляменга,
Меженга,
Меленга,
Модланга,
Моланга,
Молменга,
Мопманга,
Морханга,
Наренга,
Небянга,
Нермонга,
Нименга,
Норинга,
Норменга,
Нуренка,
Нюксен-ица,
Нюенга,
Орсанга,
Паденьга,
Пакшенга,

Паршенга,	Терменга,
Пеженга,	Тихменга,
Пекшенга,	Уненга,
Пекшеренга,	Уфтанга,
Пеленга,	Чаженга,
Першенга,	Шабанга,
Печенга,	Шадренга,
Пойманка,	Шанженга,
Полчинга,	Шаржонга,
Пулчинга,	Шарденьга
Пумина,	Шевинга,
Пухманга,	Шепшенга,
Роменга,	Шеренга,
Рудинга,	Шиченга,
Сананга,	Шипинга,
Сеженка,	Шоренга,
Селменга,	Шуванга,
Сивенга,	Шуйшинга,
Силенга,	Шукшинга,
Соденьга,	Юрманка,
Суконька,	Юронга,
Сученга,	Ягремка (?),
Сямженга,	Яшшенга,
Тавен-скій,	Ялчанка,
Тавреньга,	Яхренга,
Таменка,	Яшанга.
Тевтенга,	

Существованіе такой массы однородныхъ названій за-
 ставляетъ предположить въ намѣченномъ краѣ тоже явленіе,
 которое имѣетъ мѣсто въ областяхъ съ массами однородныхъ
 названій на ва (Пермскій край) и лей (Поволжье отъ
 Нижняго до Саратова) — т. е. бывшее присутствіе какой-то
 крупной народности. Определить эту народность можно бу-
 детъ тогда только, когда всѣ данныя ею названія будутъ

научно истолкованы при помощи живых Финнских нарѣчій.

Если-бы при опредѣленіи мѣстныхъ названій въ обру-сѣвшихъ инородческихъ краяхъ можно было руководствоваться тѣмъ, въ области какого живаго Финнскаго народа имѣютъ мѣсто названія даннаго типа, тогда пришлось-бы всѣ наши названія счесть Лопарскими: на Кольскомъ полу-островѣ, гдѣ на памяти исторіи жили и живутъ только западныя Финны и Лопари, мы имѣемъ рядъ не только такихъ по типу, но прямо тождественныхъ названій. Исходя изъ этого факта, мы могли-бы предположить, что народъ, оставившій на пространствѣ между Волгой и Ледовитымъ океаномъ многочисленныя рѣчныя названія съ окончаніями на нга, были Лопари. Въ пользу этого предположенія можно было бы привести нѣсколько фактовъ. Въ Лопарской народной поэзіи сохранилось воспоминаніе о великанахъ Калмезахъ, съ которыми ихъ предки вели когда-то борьбу. Имя Калмезовъ извѣстно и въ настоящее время. Его носитъ часть Вотяковъ, живущая на Ю. отъ Чепцы до Камы. Затѣмъ одинъ изъ корифеевъ современной Финнской филологіи, мадьярскій академикъ Буденць высказываетъ убѣжденіе, что Лопари нѣкогда входили въ составъ сѣверно-финнской группы вмѣстѣ Пермскими и Угорскими племенами (Пермяками-Зырянами, Вотяками, Мадьярами, Вогулами и Остяками)¹⁾. Почти одновременно съ Буденцомъ Коскиненъ въ своей „Финнской исторіи“ высказалъ—къ сожалѣнію, ничѣмъ не мотивируя и не подтверждая его, — предположеніе, что западныя Финны жили когда-то по среднему теченію Волги и двинулись на С. по теченію Юга. Путь, намѣчаемый для Финновъ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, Коскинепомъ, совпадаетъ съ путемъ, по которому распространяются названія на нга: бассейнъ Юга почти соприкасается съ бассейномъ Ветлуги, а въ этомъ послѣднемъ мы имѣемъ крайній южный предѣлъ распространенія этихъ названій.

¹⁾ Prichard. Naturgesch. d. Menschh. III, 356. Budenz. Über die Verzw. d. Ugr. Spr. 38.

Какъ ни привлекательна однако гипотеза о быломъ со-
сѣдствѣ Лопарей и Қоми въ бассейнахъ Сухоны и Вычегды,
она можетъ быть окончательно принята только въ томъ случаѣ,
если конструкція и значеніе разсматриваемой группы названій
будетъ истолковано научно изъ Лопарскаго языка, если
будетъ объяснено, почему въ названіяхъ рѣкъ, несомнѣнно
данныхъ Лопарями, нѣтъ суффикса *ng* или *nga* съ пред-
шествующимъ гласнымъ, и если наконецъ будетъ доказано,
что на Кольскомъ полуостровѣ не было до Лопарей другихъ
населенниковъ. Пока изслѣдованій въ этомъ направленіи не про-
изведено, историкъ долженъ считаться съ другой гипотезой на
счетъ народности, которая оставила послѣ себя рассматри-
ваемые названія. Эта гипотеза принадлежитъ г. Европеусу.
Авторъ извѣстныхъ статей „Объ Угорскомъ народѣ...“ и „О
племенахъ, жившихъ въ С. В. Россіи до пришествія русскихъ“
считаетъ названія съ окончаніями на *nga* Угорскими и истол-
ковываетъ ихъ двояко—или какъ прилагательная (*Petseng* —
сосновый) или какъ составленные изъ остяцкаго *jink* (*eng* у
Erdman'a) + опредѣляющее слово.

Второе толкованіе по конструкціи болѣе соотвѣтствуетъ
общимъ условіямъ образованія мѣстныхъ Финскихъ назва-
ній, но противъ него можно сказать, что у современныхъ
Угровъ мы не знаемъ рѣчныхъ названій такого типа.

Правдоподобнѣе первое толкованіе. Г. Европеусъ не со-
всѣмъ точно возстановилъ древне-угорскую форму такихъ
названій, какъ Печенга. Онъ довольствуется формой Печенг,
между тѣмъ современные Угры, употребляя въ названіи
прилагательное, сопровождаютъ его словомъ обозначающимъ
рѣку—*ja*. Наиболѣе крупный примѣръ представляетъ назва-
ніе Сосвы — Ляпинг-*ja*. Печенга также могла образоваться
изъ формы *Petseng-ja* — (сосновая рѣка). Переходъ отъ таковой
формы къ современной черезъ форму Печенга вполне возмо-
женъ. Принадлежность названій на *nga* древнимъ угорскимъ
населенникамъ можетъ быть доказана однако только тогда,

когда онѣ будутъ истолкованы изъ словарей Остяцко-Вогульскихъ нарѣчій. Вѣроятность такого факта можно допустить, принимая во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ угорскихъ названіяхъ урочищъ на В. склонѣ Урала имѣютъ мѣсто прилагательныя, близкія къ изслѣдуемымъ.

Мезень	Мэзынг
Пеленга	Палянг
Сырденга	Сортынг
Тевенга	Тѣбинг

Въ пользу гипотезы г. Европеуса говоритъ и то обстоятельство, что названія на нга встрѣчаются съ другими несомнѣнно угорскаго происхожденія; таковы напр. Унжа (р. въ Костр. г.), объяснимое изъ ост. *унжа* = сосна, Тафта въ бассейнѣ Сухоны между Тотьмой и Кадниковымъ, близкое къ вогульскому названію Лозвы. Тавт (*Taut*, р. Тавда) = рукавъ, притоки ея Важ-болъ, Сон-болъ, имѣющіе своихъ родичей близъ Урала. При настоящихъ условіяхъ Финской филологіи, когда нѣтъ ни Лопарскихъ, ни Югорскихъ словарей, достойныхъ этого названія, вопросъ о народности, населявшей бассейнъ Сухоны и земли на С. и Ю. отъ него, долженъ оставаться открытымъ.

Не касаясь вопроса о народности населявшей этотъ край, мы отмѣтимъ одинъ фактъ, до нѣкоторой степени характеризующій отношенія ея къ Коми.

Этотъ фактъ какъ будто намекаетъ на то, что неизвѣстный народъ, сосѣдя съ Коми, захватывалъ у этихъ послѣднихъ занятія ими рѣчи и называлъ ихъ пермскими именами съ приставкой своего слова, обозначающаго рѣку.

Нѣкоторыя изъ названій на нга представляются сложными изъ пермскихъ названій съ окончаніями на ма (ва) и шоръ съ угорскимъ или лопарскимъ (?) суффиксомъ нга

Молм-анга	ср. Молома (В. г.)	+ нг
Вамшер-анга	— Вамшоръ	+ —

Пекшер-анга	— Пекшоръ	+ нг
Кичм-енга	— Кичма	+ —
Норм-анга	— Нурма (В. г. + Норова П. г.)	+ —
Пойм-анга	— Пойма	+ —
Пухм-анга	— Пухма	+ —
Сукм-анга	— Сукма	+ —
Войм-анга	— Войма	+ —
Корм-анга	— Корма	+ —
Лойм-анга	— Лойма	+ —
Терм-анга	— Терма	+ —
Тихм-енга	— Тихма	+ —
Юрм-анга	— Юрма	+ —

Еслибы Коскиненъ далъ какое нибудь обоснованіе своей гипотезѣ о движеніи западныхъ Финновъ съ Волги на С. по бассейну Юга, отмѣчаемый нами вполнѣ былъ-бы понятенъ, какъ понятно было-бы и то, что названія на нга какъ будто разрываютъ территорію Коми, отбрасывая Пермскія названія на Э. къ Тотъмѣ, на В. къ бассейну Сысолы.

Вопросъ о народности, которую встрѣтили Коми въ области Вычегды, разрѣшается болѣе положительнымъ образомъ. Что Коми не одни населяли берега Вычегды, несомнѣнно. Всѣ болѣе или менѣе крупныя воды края имѣютъ двойныя названія: Вычегда у Зырянъ называется Йож-ва, Вымъ—Йом-ва, Сысола—Сыктыл-ва, Ухта (притоки Выма)—Сыква. Какой народъ далъ незырянскія названія, отчасти выяснилъ г. Европеусъ. Онъ очень удачно истолковалъ названіе Вычегды изъ Югорскихъ словъ *vut* (трава) + *šaget* (рукавъ). Югорское названіе Вычегды должно, конечно, свидѣтельствовать о томъ, что первыми насельниками на ея берегахъ—или по крайней мѣрѣ сѣверномъ—была Югра и что русскіе застали ее здѣсь, вступая впервые въ край.

Въ пользу пребыванія Югры на всемъ теченіи Вычегды говорятъ и другія мѣстныя названія: названіе притока Вычегды Воль можетъ быть истолковано изъ вогульскаго уоль-

рукавъ; названіе озера Син-доръ послѣдней своей частью обличаетъ несомнѣнно угорское происхожденіе. Названіе р. Егры (Йогра), впадающей въ Сухону на З. отъ Устюга, можетъ свидѣтельствовать, что Югра заходила на З. дальше устья своей Вычегды.

Выводы относительно территоріи Югры, сдѣланные нами на основаніи мѣстныхъ названій, подтверждаются нѣкоторыми, хотя и скудными историческими данными. У Епифанія въ „плачѣ Пермскихъ людей“ мы читаемъ: „быхомъ попошеніе с у д ѣ д о м ѣ нашимъ иноязычникомъ Лопи, В о г у л и ц а м ѣ , Ю г р ѣ и Пинезѣ“ „...иноязычницы Вогулицы наступаютъ...“ Югра, стало быть, были ближайшими сосѣдями Вымпчей еще въ XIV в. Въ первой половинѣ XV в. епископъ Питиримъ, имѣвшій свое пребываніе въ Вымѣ, обращаетъ въ христіанство какихъ-то Вогуличей и дѣлается затѣмъ жертвой своей миссіонерской ревности. Вогульскій князь Асыка нападаетъ на Вымъ и Питиримъ гибнетъ въ его рукахъ¹⁾. Данные, которыми мы располагаемъ относительно этого событія позволяютъ предположить, что Вогуличи эти кочевали неподалеку отъ усть - Выма по Вычегдѣ. Въ пользу ихъ ближайшаго сосѣдства говоритъ сопоставленіе датъ ихъ крещенія и крещенія Перми Великой: Камскіе Пермьки были крещены восемь лѣтъ спустя послѣ смерти Питирима въ 1463 г. его преемникомъ Іоной. Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на отношенія Асыки къ Вятской вольницѣ, съ которой онъ вмѣстѣ предпринимаетъ набѣгъ на Усть - Вымъ. Едвали это соглашеніе могло - бы имѣть мѣсто, еслибы Асыка кочевалъ гдѣ нибудь около Урала. Вятчанамъ безспорно хорошо была извѣстна область Асыки. Черезъ 12 лѣтъ послѣ услуги, оказанной вогульскому князю, они уже опустошаютъ его область вмѣстѣ съ Пермьками и захватываютъ его самого въ плѣнъ. Надеждинъ въ статьѣ „Вогулы“ въ Энци. Лекс. Плюшара приво-

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 147. Мак. «Ист. Цер.» 17, 320.

дить выдержку изъ Вымской рукописи, въ которой положительно заявляется, что Вогулы жили недалеко отъ Выма. Въ той - же статьѣ онъ, не указывая источника, заявляетъ, что Вогулы еще въ нынѣшнемъ столѣтїи забредали въ Усть-Сысолскій уѣздъ. Съ конца XV в. мы имѣемъ рядъ историческихъ свидѣтельствъ объ отношенїяхъ Югры къ Перми. Въ 1481 г. Андрей Мишневъ побилъ Вогуличъ подъ Чердынемъ ¹⁾. Откуда могли явиться подъ Чердынь Вогуличи, мы узнаемъ изъ грамоты 1607 г., которой констатируется присутствїе ясачныхъ Вогуловъ на Вишерѣ. Вслѣдствїе затрудненїй по платежу ясака эти Вогуличи разбрелись розно по городамъ, на Березовъ и на Верхотурье и на Пермь Великую ²⁾. Грамата, данная въ 1653 Ныробскому причту, упоминаетъ о томъ, что въ 1652 „завоевали въ Чердынскомъ уѣздѣ Вогуличи“, не опредѣляя точно, гдѣ жили эти Вогуличи ³⁾. Въ 164 писецъ Михаилъ Кайсаровъ не нашелъ Вогуловъ на Вишерѣ, но это обстоятельство было объяснено: „Вишерскїе Вогуличи въ одномъ мѣстѣ юртами не живутъ, а живутъ переходя по малымъ рѣчкамъ, гдѣ кому добыча... а иные Вогуличи для соболиныя добычи ходятъ въ сибирскїя мѣста за Камень ⁴⁾“. Изъ грамоты данной Вишерскимъ Вогуличамъ въ 1689 г. мы узнаемъ о существованїи вогульскихъ поселенїй на верхнемъ теченїи Печеры ⁵⁾. Извѣстїя о пребыванїи Югры на Печерѣ восходятъ къ болѣе раннему времени. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1185 г. заключаются извѣстїе, что нъ Печерѣ были побиты печерскїе и югорскїе данники. Кромѣ того можно сдѣлать предположенїе о кочевьяхъ Вогуличъ въ бассейнѣ Колвы, такъ какъ по показанїямъ Вогуличъ Русскїе не ходили за Березовый

---

¹⁾ Перм. Лѣтоп. I, 31. Ср. Арханг. Лѣт.

²⁾ Ibid. ib. I, 175.

³⁾ Ibid. ib. III, 306.

⁴⁾ Ibid. ib. III, 1090.

⁵⁾ Ibid. ib. V₁, 404.

Камень—гору, съ которой беретъ начало крупнѣйшій притокъ Колвы Березовка. Историческія данныя позволяютъ констатировать пребываніе Югры — Вогуловъ и Остяковъ— и на другихъ южнѣе впадающихъ лѣвыхъ притокахъ Камы— Яйвъ, Косьвъ и наконецъ Чусовой. Сибирская лѣтопись подъ 1582 годомъ сообщаетъ, что пелымскій вогульскій князь увлекъ къ борьбѣ съ Русскими Сылвинскихъ и Косвинскихъ инородцевъ ¹⁾).

Изъ житія Преп. Трифона очевидно, что Остяцкія кочевья были на мѣстѣ нынѣшняго города Перми и захватывали всю Чусовую. Остяки въ Чердынскомъ уѣздѣ упоминаются вмѣстѣ съ Вогулами. Отъ 1662 г. мы имѣемъ документъ, свидѣтельствующій между прочимъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, имѣвшихъ у нихъ мѣсто въ важныхъ случаяхъ общественной жизни ²⁾). Кайсаровъ нашелъ на Вишерѣ Остяцкую деревню ³⁾). Прибавимъ къ тому, что говорятъ историческія свидѣтельства, названія, въ которыхъ звучитъ имя Вогуловъ: рѣчка Вогулка—притокъ Иньвы близъ Купроса, рѣчка Вогулка притокъ Косьвы, рѣчка Вогулка притокъ Печеры, селенія Вогулята, Вогульскій, Юрта Вогула на Печерѣ— и мы будемъ имѣть рядъ безспорныхъ доказательствъ въ пользу того, что въ періодъ отъ половины XV до конца XVII в. Маньсы жили еще на пространствѣ между Усть - Вымомъ и Ураломъ по рѣкамъ Вычегдѣ, Печерѣ и восточнымъ притокамъ Камы—Колвъ, Вишерѣ, Яйвъ, Косьвъ и Чусовой.

Установивши на почвѣ историческихъ данныхъ выводъ, слѣданный относительно Югры на основаніи мѣстныхъ названій, мы позволяемъ себѣ мимоходомъ указать, что догадки относительно былаго пребыванія Югры въ намѣченныхъ нами предѣлахъ высказывались еще въ XVIII в. Татищевъ и Бол-

---

¹⁾ Перм. Лѣтоп. I, 49.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1857. XCIII, 245.

³⁾ Писц. кн. Черд. у.

тинъ считаютъ бассейнъ Юга областью Югры ¹⁾, Шлецеръ считаетъ Вычегду южной границей югорской земли ²⁾. Ни одинъ изъ этихъ изслѣдователей, по справедливому замѣчанію Лерберга, не обставилъ однако своихъ догадокъ доказательствами ³⁾. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей въ области русской исторической географіи проф. Замысловскій высказываетъ близкое къ нашему предположеніе: „по всей вѣроятности югорская земля, платившая Новгороду дань, лежала въ предѣлахъ великой европейской равнины и не переходила за естественный рубежъ ея на С. В.“ ⁴⁾.

Въ бассейнѣ Печеры Югра держалась до недавняго сравнительно времени и дала названія одному изъ верхнихъ притоковъ Илыча — Манзейгумъ-я (рѣка Манза), Шугуру и его притокамъ Халмеръ — Сале-урръ, Панг-соры-я, восточнымъ притокамъ Кось-ю — Юнь-яга, Наябу-яга, Хам-болъ, Лимпега, Хай-яга — и Лемвы — Парны-яга, Ньгаде-юганъ, Тум-болова-юганъ, Мудази-юганъ.

Передвиженіе Югры на В. представляетъ собою результатъ борьбы, въ которой Югрѣ принадлежала оборонительная роль. Югра ассимирировалась, отступала, пока главная масса ея не перешла наконецъ черезъ Уралъ. Тогда, вѣроятно, сложились вогульскія опредѣленія восточнаго и западнаго склоновъ Урала — зырянская сторона, вогульская сторона. Борьба эта не остановилась у подножія Урала: мы видимъ ее еще и теперь. Югра уступаетъ постепенно оба склона Урала Перми—Зырянамъ. Н. И. Кузнецовъ въ своей статьѣ „Природа и жители восточнаго Урала“ констатируетъ тотъ фактъ, что среди Вогуловъ въ слѣдствіе того слабо развито въ настоящее время оленеводство, что на уральскихъ горныхъ пастбищахъ они встрѣчаютъ себѣ конкурентовъ въ

---

¹⁾ И. Р. II, 424; I, 48.

²⁾ «Несторъ». II, 50, 51; III, 112

³⁾ Лербергъ. Изслѣдованія.—Югрія, 4.

⁴⁾ «Герберштейнъ». 138.

Зырянахъ, которые постоянно съ ними ссорятся ¹⁾). Латвинъ съ другой стороны говоритъ, что Зыряне съ Усть-Мылвы (Мыл-динъ, Троицкій погостъ) ходятъ артелями въ зауральскіе лѣса на звѣриный промыселъ ²⁾). Это вторженіе въ область Югры не обходится, конечно, безъ борьбы. Тотъ-же Латвинъ рассказываетъ, что зауральскіе Маньсы, случалось, обижали зырянскихъ промышленниковъ; бывали драки и насилія; бывало и такъ, что промышленники платили зауральской Югрѣ нѣчто въ родѣ оброка свинцомъ и порошкомъ за право охотиться въ ея лѣсахъ ³⁾). О томъ, какъ въ былое время Пермь вытѣсняла Югру, можно догадываться, смотря на отношенія между Ижемскими Зырянами и Самоѣдами больше-земельской тундры. Въ прошломъ столѣтіи, читаемъ мы у Латкина, Ижемцы имѣли едва 10,000 оленей, тогда какъ Самоѣды владѣли 150,000 головъ. Въ 40-хъ годахъ картина была уже другая: „въ настоящее время, пишетъ Латвинъ, бѣдные жители тундры едва имѣютъ свободный просторъ на своей родовой собственности. Стада Ижемцевъ многочисленны. Они уже по необходимости должны были завладѣть лучшими пастбищами. И въ Малоземельской тундрѣ дѣйствуютъ Ижемцы ⁴⁾“. Стада Самоѣдовъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ-же авторъ, перешли въ руки Ижемцевъ, а сами Манчи (?Самоѣды?) превратились въ пожизненныхъ работниковъ у своихъ смѣлыхъ, предприимчивыхъ сосѣдей ⁵⁾).

Факты, которые мы до сихъ поръ привели, свидѣтельствуютъ, что на очерченномъ нами пространствѣ Коми жили 1) не одни 2) не одновременно, а передвигались постепенно съ Ю. на С. въ область Югры. Отношенія Коми къ народу, кото-

¹⁾ Изв. Р. И. Г. О. т. XX, 742.

²⁾ Зап. Р. Г. О. VII, 57.

³⁾ Ibid. 80.

⁴⁾ Ibid. 107.

⁵⁾ Ibid. 150.

рый жилъ на З. отъ р. Юга, недостаточно ясны. Что онъ изстари занималъ теченіе Сухоны, слѣдуетъ уже изъ самаго названіе этой рѣки. Но какимъ образомъ Коми являются на З., въ бассейнѣ Костромы, Вязьмы, Москвы - рѣки, занимая островъ окруженный югорскими и болгарскими Финнами? Этотъ вопросъ равно какъ и вопросъ о томъ, когда жила Пермь за Ураломъ въ области Обскаго бассейна и жила-ли она тамъ или только заходила на промыслы, мы оставляемъ открытымъ. Если-бы Кастреновская гипотеза о движеніи всѣхъ Финновъ съ Алтая имѣла подъ собой болѣе прочный фундаментъ, фактъ былъ-бы объяснимъ. Мы могли-бы предположить, что часть Перми и Югры оторвалась отъ своихъ восточныхъ родичей, зашла далеко на З. и образовала территорию Мери, Московско-Клязьменской Перми и Веси, отдѣленные потомъ отъ своихъ восточныхъ родичей народомъ, который создалъ рѣчныя названія на вг. Къ сожалѣнію гипотеза Кастрена только остроумна, но мало доказательна. Можно было-бы объяснить Пермскій островъ на З. и при помощи догадки Коскинена: западные Финны, двигаясь съ Волги по Югу разорвали бывшія тамъ пермскія поселенія и отбросили часть Перми на З. Къ сожалѣнію эта гипотеза еще менѣе доказана, чѣмъ Кастреновская. По отношенію къ Сибири можно замѣтить, что мѣстныя названія при всей своей импозантности еще не могутъ въ данномъ случаѣ имѣть рѣшающаго значенія. Русскіе шли за Уралъ, несомнѣнно, по зырянскимъ дорогамъ и съ зырянскими проводниками. Эти проводники называли имъ рѣки и городки по своему; въ то же время исконное угорское населеніе называли тѣ и другіе на своемъ языкѣ, другими именами, но эти имена становятся извѣстными только благодаря любознательности позднѣйшихъ изслѣдователей: Сосва фигурируетъ на всѣхъ картахъ, Ляпин-ја только у новѣйшихъ путешественниковъ. Аналогію этому явленію можно указать въ бассейнѣ Усы, гдѣ всѣмъ Русскимъ извѣстны Зырянскія названія притоковъ, а Самоѣдскія нашли себѣ мѣсто, вѣдается, у одного только Латкина.

Въ странѣ на З. и на С. З. отъ Устюга нужно предполагать кромѣ Югры и собственно финское или корельское населеніе. Въ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ, справедливо говорить Шюгрень, видны слѣды большаго смѣшенія языковъ и народовъ, какъ будто три сливающіяся здѣсь рѣки — Сухона, Югъ и Вычегда привлекли ихъ сюда изъ разныхъ областей. Слѣды Кореловъ остались въ личныхъ именахъ (фамиліяхъ) туземнаго населенія (Корелинъ). Шюгрень указываетъ ихъ и въ мѣстныхъ названіяхъ, но въ виду неопредѣленности, которая отличаетъ у него этотъ родъ основаній, мы не имѣемъ возможности придавать ему большаго значенія. Воспоминаніемъ о Финнахъ является здѣсь и въ Яренскомъ уѣздѣ, по Шюгреву, названіе области Гамская (Емь).

Исслѣдованіе мѣстныхъ названій показало намъ, что на пространствѣ, которое нынѣ занимаютъ и прежде занимали Коми, нѣтъ другихъ слѣдовъ, кромѣ оставленныхъ этими послѣдними и Югрой (+ Лопари?). Слѣдовъ какой бы то ни было другой народности не въ состояніи открыть самое тщательное исслѣдованіе. Между тѣмъ преданія пывѣшняго Пермскаго края говорятъ объ исчезнувшей Чудь. Территорія, занятая Чудью и покрытая ихъ опустѣвшими жилищами, начиналась, по указаніямъ Строгановскихъ актовъ, по берегамъ Камы ниже Перми. По правымъ притокамъ ея Тулвѣ, Лысьвѣ, Сюзвѣ, Нытвѣ, Югу, Очеру и Ошпапу и ихъ притокамъ отъ устья до вершинъ были „селища чудскія и заросли и озерка и островки и наволочки дикіе“.

Чудь представляетъ собою тотъ народъ, который застали, по преданіямъ, и Русскіе при своемъ появленіи въ Соликамскомъ краю. Одни изъ пермскихъ разсказовъ о ней тождественны съ тѣми, которые въ ходу на всемъ пространствѣ между Двиной и Ураломъ—Чудь зарывалась въ ямы и погребала себя подъ землей (Берхъ)—другіе отличаются по мотиву: г. Ивановъ близъ деревни Побоище слышалъ преданіе, по

второму Русскіе, появившіеся въ этомъ краѣ, встрѣтивши Чудь побили ее.

Мы имѣли уже случай разсматривать вопросъ о Чуди въ очеркѣ „Вотяки“ и выразили тамъ предположеніе, что Чудь, о которой говорятъ предки Вотяковъ, принадлежала къ Пермской группѣ. Въ настоящее время мы болѣе опредѣленно формулируемъ тоже воззрѣніе: Чудь народныхъ преданій и Русскихъ актовъ представляетъ одно и тоже съ предками современнаго населенія Сѣверо-Западной части Пермской губ.—Пермяками на З., Уграми на В. вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что имя Чудь не представляетъ собою созданія народовъ Пермской группы, а заимствовано ими у Русскихъ пришельцевъ, которые имъ обозначали туземное населеніе. Доказательствомъ этого служитъ между прочимъ то, что названіе, которымъ Пермяки обозначаютъ древнее населеніе „Чучвѣ“ и которое встрѣчается въ сложныхъ именахъ, Чучка - шоръ напр. — есть испорченное русское прилагательное чудскіе. Одно этого обстоятельства достаточно было бы для того, чтобы предположить, что Чудью назывались предки нынѣшнихъ Пермяковъ. Но мы имѣемъ рядъ другихъ доказательствъ.

Памятникомъ исчезнувшей якобы Чуди должны, конечно, служить тѣ названія урочищъ, которыя мы встрѣчаемъ на ея опустѣвшей территоріи. Что же говорятъ намъ эти названія? Городокъ, въ которомъ засѣли первые колонисты, привлеченные Строгановыми на пустопорожнюю землю, называется Кам-горъ. Въ верстѣ отъ этого городка находилась рѣчка, которая носила названіе Пыскор - ки. Оба названія объясняются изъ Пермскаго языка и означаютъ Камскій городъ и Пыскскій городъ; оба города называются по рѣкамъ, на которыхъ они стоятъ. Рѣки покинутаго якобы Чудью края носятъ также Пермскія названія—Сива, Обва, Лысва и т. д.

Переписныя книги и другіе акты XVI и XVII ст. даютъ намъ новый матеріалъ для рѣшенія вопроса о Чуди. Встрѣчая здѣсь прозвища Чудиновъ, Чудинъ, урочища съ

названіями „Чудинова новина“, мы имѣемъ полное основаніе заключить, что та Чудь, которая будто бы оставила свои жилища на Строгановскихъ земляхъ, и съ которой, по русскимъ преданіямъ, пришлось столкнуться первымъ колонистамъ, не перевелась вся—представители ея жили среди призванныхъ Строгановыми Русиновъ, Вотинновъ—и обособлялись отъ этихъ послѣднихъ прозвищами. Чудины распахивали новыя нетронутыя еще плугомъ земли. Эти Чудины и потомки ихъ Чудиновы были Пермьяками. Въ пользу тождества тѣхъ и другихъ говорить то, что среди разнообразныхъ прозвищъ по народностямъ мы не встрѣчаемъ въ Пермскомъ краѣ прозвищъ Перминновъ или Пермьяковъ. Пермяне, явившіеся съ С. на Строгановскія земли, въ отличіе отъ представителей другихъ народностей назывались Чудинами. Потомки этихъ Чудиновъ Чудиновы до сихъ поръ существуютъ въ Пермскомъ краѣ, образуя цѣлыя поселки и ничѣмъ не отличаются отъ соседнихъ Пермьяковъ. Мы имѣли случай познакомиться съ населеніемъ дер. Чигасовой Бѣловской волости Соликамскаго уѣзда. Деревня составляетъ исключительное достояніе одного рода Чудиновыхъ; выселокъ изъ нея Виль-Чигасова имѣетъ уже припущенниковъ съ другими родовыми прозвищами. По языку и быту Чудиновы ничѣмъ не отличаются отъ другихъ Пермьяковъ. Обособляются какъ будто нѣкоторые Чигасовцы черными густыми волосами и черными глазами, но заключать изъ этого, что они сохранили физическія черты старой Чуди и считать эту послѣднюю антропологически обособленной отъ Пермьяковъ группой мы не имѣемъ основаній. Вспомнимъ, что Чудь или Пермь стояла въ торговыхъ сношеніяхъ съ Болгарами, Татарами, подвергалась нашествіемъ Тюрковъ съ Ю., соседила съ Угорскими племенами, которые характеризуетъ черный цвѣтъ волосъ и глазъ, и мы будемъ имѣть простое объясненіе того, что среди Пермьяковъ имѣютъ мѣсто черповолосыя особи.

Памятники, приписываемые Чуди, также говорятъ въ

пользу тождества ея и Перми. Крупнѣйшимъ изъ нихъ являются, конечно, городища—кары или карилы.

Перечень городищъ, находящихся въ предѣлахъ Пермскаго края — въ уѣздахъ Оханскомъ, Пермскомъ, Соликамскомъ и Чердынскомъ — находится у Рычкова („Дневныя Записки“), Попова („Хозяйств. Опис.“), Мельникова („Путевыя письма“), въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ“ и у А. П. Иванова („Къ антропологии Пермскаго края“—наиболѣе полный). Мы имѣли случай во время нашего путешествія по Соликамскому и Чердынскому уѣздамъ напасть на слѣды нѣсколькихъ новыхъ городищъ въ бассейнѣ Иньвы, которыя и приводимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ рядомъ съ извѣстными уже.

На крайнемъ западѣ бассейна въ истокахъ Кувы и Иньвы мы предположили на основаніи рѣчнаго названія Кочкоръ существованіе городища (Кочкоръ разлагается на корь—городъ + Кочъ—личное пермяцкое имя) и городища по этой рѣчкѣ дѣйствительно оказались: на одномъ изъ нихъ и теперь стоитъ деревня Городище; около него находится озеро, которое въ поземельныхъ книгахъ волости носитъ названіе „Чудское городище“, въ Васюковской десятнѣ у дер. Карпъ-Васькиной имѣется паръ, который въ тѣхъ-же книгахъ пишется „кэръ-туй“. Неопредѣленность написанія не позволяетъ сказать съ увѣренностью, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ городищемъ или просто съ возвышенностью.

Въ Верхъ-Инвенской волости въ Вижайской десятнѣ по статейнымъ книгамъ значатся: городище близъ дер. Ярашовой, городище близъ дер. Зотиной, въ Визяевской десятнѣ рѣчка Городище-шоръ, во Внуковской десятнѣ урочище близъ дер. Внуковой кыр'-илъ, которое своимъ названіемъ напоминаетъ вотяцкіе и зырянскіе кар-илы. Въ Йогвинской волости, въ Новожиловскомъ обществѣ имѣется урочище Кошкыръ, въ названіи котораго кыръ можетъ обозначать возвышенность и городище.

Въ Ошибской волости урочище Городище имѣется въ Патраковскомъ обществѣ, въ Бѣлоевской волости въ Мальцевской десятнѣ есть городище близъ дер. Першиной и тутъ же Мечкорь-ягъ, Мечкорь-ыбъ, въ Перковской десятнѣ Городищенскій логъ, Кэръ - туй, въ Бѣлоевской десятнѣ городище у дер. Бражвиной, рѣчка Кочкорь.

Въ Архангельской волости въ Пронинской десятнѣ городище у дер. Капилиной и Слудиной, городище у дер. Чакилевой, по р. Чуткомашору, въ Антипинской десятнѣ дер. Дойварь (2 городища), въ Архангельской десятнѣ имѣется урочище Кырь - увтъ, въ Баяндипской десятнѣ урочище Чумь-корь, въ Мартинской городище у дер. Карасовой и связанное съ нимъ урочище Кыр-ив-йыръ, городище у дер. Мартинной (у этой деревни, кажется, есть и другое городище), городище у дер. Габовой, урочище Кыр - ив - йыръ у дер. Верх. Волпы. Въ Кудымкорской волости урочище Кыр-ив-йыръ у дер. Сервы. Любезности П. А. Вологодина, редактора „Перм. Губ. Вѣд.“, мы обязаны рукописными свѣдѣніями о городищахъ въ приходѣ села Верх-Юсвенскаго близъ деревни Гырчиковой на берегу Юсвы и Ручевой около р. Сивашера, о чудесномъ кладбищѣ по близости села Верхъ-Юсвы и Чучкомъ молитвищѣ или мольбищѣ въ 1¹/₂ верстахъ отъ деревни Шкъ на правомъ берегу Иньвы (груда истлѣвшихъ лошадиныхъ и коровьихъ костей).

Рядомъ съ названіями городищъ считаемъ умѣстнымъ привести извлеченныя изъ тѣхъ-же постатейныхъ книгъ названія Чудесныхъ и вообще старыхъ урочищъ: въ В. Инвенской волости въ Харипскомъ обществѣ Ва жъ - г о р д ѣ, м о г и л ь н и к ѣ - й ы р ѣ, ж и л и щ е, — въ Визяевскомъ обществѣ старое жилище, старое дворище, въ Таскаевскомъ обществѣ кладбище, Чучкой мысь у дер. Пестеровой, Чучкой логъ и Чучкой мысь у починка Карабатова, въ Калининскомъ обществѣ Ва ж - г о р д ы м ѣ, во Внуковскомъ обществѣ Ва ж - г о р т ѣ; въ Йогвинской волости въ Йогвинскомъ обществѣ Ва ж - о в а н у дер.

Чишиловой, Ва ж-о-в-а-н у дер. Тереневой, Ва ж-г-о-р-т-у-л-т вь Поносовскомъ обществѣ, вь Новожиловскомъ обществѣ Ва ж-д-в-о-р-и-щ-е, вь Сергинскомъ обществѣ д-в-о-р-и-щ-е; вь Ошибской волости — Ч у ч-к-о-й в-и-ч-ь (покось, лугъ), старое дворище, вь Бѣловской волости вь Гуриной десяти старое дворище, Ч у т-к-а ш-о-р-ь.

Старое дворище, вь Карбасовской десяти у дер. Ра-стригиной Ч у д-о-в-с-к-о, вь Бѣловской десяти — Ва ж-г-о-р-т-ь, вь Кувинской вол. починокъ Ч у д-о-в-ь, вь Васюковской десяти Ч у т-с-к-і-й Г-э-б-ь по р. Кочкору (озерко), могильникъ, — вь Архангельской вол. р. Ч у ч-к-о-м-а ш-о-р-ь, поч. Чютовъ, вь Баядинской десяти ч у т-с-к-о-й могильникъ; вь Купросской волости вь Аксеновскомъ обществѣ курганъ, вь Кудымкорской волости Ч е-д-в-и-ч-ь (?), С ю-с-ь-к-а-й-ы-р-ь близъ дер. Якиной, вь Шадринскомъ обществѣ Ва ж-г-о-р-т-ь, жилище, у-б-о-и-щ-е, ч у д-с-к-о-е ж-и-л-и-щ-е, старое жилище (у дер. Остаковой), вь Борисовскомъ обществѣ могильникъ у дер. Софоновой (ча-стію распаханъ, частью подь покосомъ), старое жилище у дер. Солдатовой, вь Петрушинскомъ обществѣ м-о-г-и-л-ь-н-и-к-ь (гарь и пашня) у дер. Петрушино.

Мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ предположить, что вь предѣлахъ Соликамскаго и западной половины Чердынскаго уѣзда такъ называемыя Чудскія городища и селища принадлежать предкамъ нынѣшнихъ Пермиковъ и старыхъ Коми, а не какой нибудь особой исчезнувшей народности. Вь этомъ прежде всего убѣждаетъ насъ языкъ. Разъ Коми и вся пермская группа имѣетъ слово для обозначенія города, городища (варъ), ей несомнѣнно извѣстно было сооруженіе, обозначаемое этимъ словомъ. Затѣмъ весьма важнымъ является то обстоятельство, что не одинъ суффиксъ к а р-ь вь названіяхъ чудскихъ городищъ можетъ быть признанъ достояніемъ пермской группы. Опредѣляющія части нѣкоторыхъ изъ этихъ названій также несомнѣнно пермскаго происхожденія. Они состоятъ изъ лич-

ныхъ пермяцкихъ (языческихъ) именъ. Приведемъ названія чудскихъ городищъ, извѣстныхъ въ пермскомъ краѣ и сопоставимъ ихъ съ пермяцкими личными именами, извлеченными изъ нашихъ списковъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что и тѣ названiя, которыя не поддаются въ настоящее время точному опредѣленiю, выяснятся, когда мы будемъ располагать большимъ количествомъ старо-пермяцкихъ личныхъ именъ.

Названiя городищъ.   Личныя имена.

Въ бассейнѣ Иньвы, пачиная съ ея верховьевъ

Кыс-коръ (Солык. у. на Ю. отъ р. Обвы).

Коч-коръ	Коч-
Ноп-кыръ	?
Меч-коръ	Мич-ко, Меч-(кино озеро)
Кудым-коръ	Кудым-овы
Дой-каръ	?
Чумъ-коръ	?
Май-коръ	?
Апюш-коръ	?

въ Чердынскомъ уѣздѣ

Геди-коръ	Рид-инъ
Гяб-(ого городище)	Гяб-овъ (починокъ въ Бѣлоевск. вол. Соликамскаго у.)
Крым-коръ	
Рябово городище	Рябъ...
Лаш-каръ	?
Патр-(ино городище)	Патр-аковы
Гурд-(ино городище)	?
Атламыш-(его городище)	?
Аш-кар(ка)	?
Уд-каръ	Ут-евъ
Коп-кар-(его городище)	Копкаревъ.

Уже этихъ основанiй было-бы достаточно для того, чтобы поставить внѣ сомнѣнiя принадлежность по крайней

мѣрѣ части Чудскихъ городищъ Перми. Но мы располагаемъ еще однимъ, историческимъ аргументомъ. Городища Ис-коръ (точнѣе Изъ-каръ) и Покча (малое) были въ концѣ XV в., въ эпоху покоренія Перми, достояніемъ Пермскихъ князей. Лѣтопись, называетъ ихъ, рассказывая о покореніи Перми. Важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу Пермскаго происхожденія каровъ является затѣмъ то обстоятельство, что въ области Западныхъ Коми (Зырянъ) мы встрѣчаемъ кары въ ихъ живомъ значеніи на цѣлыхъ 2½ столѣтія ранѣе чѣмъ на Камѣ. Подъ 1219 г. мы читаемъ въ первой Новгородской лѣтописи: „поиде Семьюнъ Ъминъ на Тоймокары и не пусти ихъ Ярославъ свозе свою землю“. Шюгрень давно уже указалъ, гдѣ находились эти кары—недалеко отъ границы Солвычегодскаго уѣзда съ Архангельской губерніей по рѣкамъ верхней и нижней Тоймамъ, гдѣ до сихъ поръ сохраняются городища, называемыя народомъ Чудскими ¹⁾. Мы называемъ Тоймокары пермскимъ словомъ, такъ какъ оно очевидно состоитъ изъ двухъ Пермскихъ словъ каръ городъ и Тойма моховая рѣка и значить Тойминскіе городки. Въ состояніи покинутыхъ укрѣпленій кары встрѣчаются на всей территоріи нынѣшней Зырянскаго племени. Въ писцовыхъ книгахъ встрѣчаются указанія на Княжой городокъ и „Княжой мысъ“ на р. Яренгѣ выше г. Яренска. Преданіе о князѣ, жившемъ на этомъ мысу, слышалъ еще въ нынѣшнемъ столѣтіи Шюгрень во время своего путешествія. Въ томъ же уѣздѣ по писцовой книгѣ 1707 г. значится деревня Новоселокъ, что было Чудское городище надъ рѣкой Вычегдой, да къ ней припущена деревня Карабиль (вершина городищенскаго поля—по Зыр.)“, тутъ же находится рѣчка Карашоръ (городищенская). Въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ на р. Вотчѣ неподалеку отъ границы Вятской губерніи писцовая книга показываетъ городокъ, который до сихъ поръ у Зырянъ называется Кариль.

---

¹⁾ Шерр. I. с. 336.

Писцовая книга говорить еще объ одномъ Чудскомъ городкѣ неподалеку ¹⁾).

Въ числѣ памятниковъ Чуди оказываются далѣе серебряные слитки въ видѣ прутьевъ въ палецъ толщиной и аршинъ длиной ²⁾). Если наше предложеніе, что Чудь была предками нынѣшнихъ Пермьковъ, основательно, мы должны были бы найти въ языкѣ или преданіяхъ послѣднихъ какіе нибудь слѣды знакомства съ такими слитками. Обратимся съ этимъ соображеніемъ къ главнѣйшему памятнику Пермьцкой старины языку. Выбирая изъ словарей Рогова и Видемана термины, относящіеся къ торговлѣ и монетѣ, мы встрѣчаемся съ словомъ *ш а т ь*, которое имѣетъ значеніе *п р у т а* и *р у б л я*. Замѣтимъ, что это слово, не представляетъ собою какого нибудь архаизма: оно до сихъ поръ живетъ въ устахъ народа и замѣняетъ употребляющіяся у другихъ нашихъ инородцевъ слова *м а н е т ь*, *т е н ь г а*, *а к ч а*. Несомнѣнно, стало быть, что Пермьки жили въ краю городищъ въ то время, когда *р у б л ь-п р у т ь* былъ мѣловой единицей.

Послѣднимъ самымъ загадочнымъ родомъ памятниковъ Чуди являются въ Пермскомъ краѣ разнообразныя подвѣски и литыя изъ бронзы изображенія животныхъ. Назначеніе массы этихъ предметовъ, наполняющихъ между прочимъ цѣлые шкафы въ знаменитой коллекціи Ѳ. А. Теплоухова, выяснилось бы, если бы мы имѣли передъ собою достаточно полныя собранія предметовъ, характеризующихъ бытъ Сибирскихъ инородцевъ. Ключъ къ Чудской загадкѣ находится, несомнѣнно, въ Сибири. Оттуда шли металлы, изъ которыхъ изготовлялись Чудскія вещи, такъ какъ сѣверный Уралъ не обнаруживаетъ признаковъ Чудскихъ монетъ; оттуда приходили съ матеріаломъ и формы.

Обстоятельнаго изслѣдованія Чудскихъ древностей русская археологическая наука ожидаетъ отъ Ѳ. А. Теплоухова,

¹⁾ Шегр. I. с. 423—428.

²⁾ Роговъ. Матер. 49.

обладающего самой большой и систематической их коллекцией. Мы затрогиваемъ этотъ вопросъ въ самыхъ общихъ чертахъ на основаніи матеріала, имѣющагося въ музеѣ Казанскаго Археологическаго Общества. Разберемъ прежде всего въ этихъ Чудскихъ находкахъ и установимъ категоріи, на которыя онѣ распадаются. Въ первую категорію мы должны выдѣлить вещи, которыя имѣютъ всеобщее распространеніе до сихъ поръ и отличаются только нѣкоторыми особенностями формы—кресты, серьги, перстни, пряжки, изъ орудій труда топоры, ральники и пр. За вычетомъ этихъ послѣднихъ вещей у насъ останется 1) немногочисленная группа предметовъ ясно восточнаго происхожденія (сассанидскія и арабскія монеты и утварь) 2) группа мѣдныхъ предметовъ, составляющая самое таинственное во всемъ „Чудскомъ“ наслѣдствѣ. Въ эту послѣднюю группу входятъ: изображенія животныхъ и птицъ, пестрая масса предметовъ, которые обозначаются неопредѣленнымъ именемъ подвѣсокъ. Всмотриваясь во всѣ эти предметы, мы замѣчаемъ, что большая часть ихъ—даже изображенія животныхъ и птицъ, дѣйствительно, приспособлены къ подвѣшиванію. Догадка, которую мы дѣлаемъ на основаніи характера Чудскихъ вещей, вполне оправдывается данными, которыя мы имѣемъ въ литературѣ. На рисункахъ Ешевскаго, Вологодина, въ коллекціи Чудскихъ вещей покойнаго Первухина можно видѣть маленькія сердцевидныя бляшки, относительно которыхъ можно было предположить, что онѣ нашивались на какую нибудь часть одежды. Въ „Дневныхъ Запискахъ“ Рычкова мы имѣемъ извѣстіе, что около городища у села Рождественскаго на Обвѣ былъ найденъ въ числѣ другихъ предметовъ кожаный поясъ „украшенный множествомъ бляхъ на подобіе сердечекъ“...¹⁾; такой же поясъ найденъ въ 1889 г. Шатровымъ. Раскопки, произведенныя г. Шатровымъ въ Зюздн-

---

¹⁾ Дн. Зап. II, 76.

скомъ краѣ, показали, какъ много можетъ выясниться, если вмѣстѣ съ покупкой «находокъ» будутъ вестись правильныя археологическія изслѣдованія мѣстностей, содержащихъ чудскія вещи. На одномъ изъ склоновъ Тиминскаго городища на р. Колычѣ г. Шатровъ нашелъ обычныя чудскія подвѣски, но при этомъ обнаружилъ вещь, о которой можно было только догадываться, рассматривая находки: «каждая подвѣска была прикрѣплена къ какой-то части костюма при помощи ремешка, продѣтаго чрезъ особое отверстіе въ верху бляшки и снабженнаго 4—6 мѣдными бусами». На Носковскомъ городищѣ г. Шатровъ нашелъ бляхи прикрѣпленныя къ кожѣ и обрывки покрытыхъ ими кожаныхъ поясовъ¹⁾. Изъ этихъ фактовъ очевидно, что древній Чудской костюмъ состоялъ изъ кожаныхъ одеждъ, украшенныхъ подвѣсками, которыя прикрѣплялись къ одеждѣ ремнями.

Не находя въ современномъ пермяцкомъ костюмѣ никакихъ указаній на то, чтобы Пермьки когда нибудь употребляли металлическія подвѣски, мы имѣли-бы основаніе отрицать древне-пермяцкое происхожденіе этихъ вещей. Но не слѣдуетъ забывать, что современный пермяцкій костюмъ есть костюмъ русскій и заключать на основаніи его о костюмѣ дорусскихъ временъ нѣтъ основанія. О древнемъ, оригинально-пермяцкомъ костюмѣ можно только догадываться на основаніи данныхъ языка. Уже въ Очеркѣ „Вотяки“ мы имѣли случай констатировать, что древній костюмъ Пермина состоялъ изъ выдѣланныхъ шкуръ. Основные элементы костюма чудскаго и древне-пермяцкаго, стало быть, совпадаютъ и предположеніе, что онъ украшался подвѣсками, становится вполне правдоподобнымъ. Понятіе о такомъ костюмѣ можно составить, обратившись къ Сибирскимъ инородцамъ. Въ Музеѣ Отечества въ Казанскомъ Университетѣ нахо-

¹⁾ В. Г. В. 1889 г. № 60—62.

дится костюмъ „сибирскаго шамана“—къ сожалѣнію, безъ точнаго обозначенія народности, отъ которой онъ полученъ. Детальное разсмотрѣніе этого костюма можетъ привести къ очень поучительнымъ сближеніямъ. Костюмъ состоитъ изъ вожаной рубашки съ капюшономъ. Капюшонъ отдѣланъ громаднымъ количествомъ подвѣшенныхъ на ремешкахъ изображеній людей, животныхъ, рыбъ. Отмѣчая напередъ различіе въ металлѣ, въ формахъ, остановимся на томъ, что типически характеризуетъ нашъ шаманскій костюмъ и проливаетъ свѣтъ на чудскія находки: мы видимъ костюмъ, сдѣланный изъ звѣриной кожи и отдѣланный массой гремучихъ предметовъ, между которыми фигурируютъ и изображенія живыхъ существъ. На фотографіяхъ Первухинской коллекціи мы видимъ нѣчто въ родѣ петель, по своей формѣ тождественныхъ съ такими-же петлями на нашемъ шаманскомъ костюмѣ. Эти послѣднія въ состояніи намъ объяснить и способъ прикрѣпленія чудскихъ петель и ихъ назначеніе. Такіе-же погремушки подъ именемъ „цать“ и „взоровъ“ упоминаетъ Новицкій въ своемъ „Описаніи о народѣ Остяцкомъ“. Устанавливая аналогію между новѣйшимъ шаманскимъ костюмомъ и древне-Чудскимъ, мы не хотимъ сказать, что всѣ подвѣски и фигурки, которыя извлечены изъ пермской почвы принадлежали къ костюму пермскихъ шамановъ: костюмъ шамана того или другаго народа въ наше время можетъ быть переживаніемъ костюма, который ранѣе носили всѣ его родичи. — Кромѣ декоративнаго назначенія фигурокъ можно предположить и другое. Бывшій Вологодскій губернаторъ Мельгуновъ нашелъ въ зырянской сторонѣ мѣдныя фигурки, изображавшія соболей, лисицъ. Зыряне на счетъ этихъ находокъ сообщили ему, что эти фигурки отливались Вогулами для приношенія въ жертву богамъ ¹⁾; ту-же роль могли онѣ играть и у Чуди-Перми.

---

¹⁾ Перм. Лѣт. I,

Послѣднимъ важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу прямой связи между Чудью и Пермью является обычай „помянуть Чудаковъ“. Этотъ обычай впервые отмѣченъ А. П. Ивановымъ. Въ селѣ Гндаевѣ, по его словамъ, въ семикъ дѣти носятъ на чудскія кладбища блины и оставляютъ ихъ тамъ, говоря: „помяни Господи Чудскаго дѣдушку, Чудскую бабушку“)“. Мы обратились, съ цѣлью изслѣдовать распространеніе этого обычая, къ г. Шатрову въ Зюзино Глазовскаго уѣзда съ вопросомъ, не практикуется-ли онъ и тамъ и получали утвердительный отвѣтъ. „Въ семикъ, пишетъ намъ г. Шатровъ, и въ прочіе поминальные дни, какъ въ старину было принято, носятъ на Чудскіе могильники яства, полагая ихъ въ берестяныя коробочки („чуплюшки“) съ личнымъ перевѣсельцомъ. Вѣшая эти коробочки на сосны и ели, растущія на могильникахъ, говорятъ: „помяни Господи Чудака NN (называютъ имя, которое переходитъ изъ рода въ родъ)“. Въ этомъ обычаѣ слѣдуетъ видѣть прямое свидѣтельство о родствѣ, соединяющемъ нынѣшнихъ Пермяковъ и былую Чудь.

Установивши тождество Чуди и Перми, обращаемся къ тѣмъ даннымъ, которыя характеризуютъ культуру древнихъ Пермяковъ. Въ нашей литературѣ имѣется не малочисленная группа изслѣдователей, которая разсматриваетъ настоящее Пермяковъ, какъ результатъ упадка нѣкогда высоко-культурнаго племени. „Въ древности Біармія была богатой и славной страной, читаемъ мы одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей Пермяковъ г. Маліева, она имѣла своихъ князей, укрѣпленные города; жители ея занимались выплавкой металловъ, торговлей мѣхами... Судя по оставшимся въ предѣлахъ губерніи многочисленнымъ городищамъ и укрѣпленнымъ мѣстамъ... нужно думать, что населеніе древней Перми было очень густое и что оно стояло на довольно высокой ступени развитія“²⁾. Въ преувеличенныхъ представленіяхъ на

²⁾ «Къ антроп. Пермскаго края». 12.

¹⁾ «Матеріалы для антроп. Пермяковъ». Тр. К. О. Е. т. XVI, в. 4.

счетъ пермской культуры винять обыкновенно Норманновъ съ ихъ сагами. Мы видѣли однако, какъ мало неправдоподобнаго по существу имѣють саги. Если о Пермьякахъ, отождествляя ихъ съ Біарміяцами, рассуждаютъ, какъ о павшемъ величіи, виноваты не Норманны, а тѣ позднѣйшіе изслѣдователи, которые или не достаточно точно передавали свѣдѣнія сагъ или прилагали къ явленіямъ древне-пермскаго быта не тотъ масштабъ, который былъ нуженъ. Г. Маліевъ напр. изъ того факта, что Чудь-Пермяки имѣли б о р ы, отъ которыхъ остались городища, и князей, дѣлаетъ, измѣряя эти явленія европейской исторической мѣркой, совершенно правильно ложныя заключенія: „Біармія была богатой и славной страной. . . имѣла очень густое населеніе и довольно высокую степень развитія. . .“ Мы увидимъ ниже, какіе выводы можно дѣлать, оставаясь на той-же фактической почвѣ. Для правильныхъ выводовъ относительно древне-пермской культуры нуженъ прежде всего настоящій масштабъ. Этотъ масштабъ мы можемъ установить на основаніи данныхъ языка и аналогіи съ явленіями быта родственныхъ народовъ. Въ очеркѣ „Вотьяки“ мы дали сжатую характеристику древняго быта Пермской группы на основаніи культурныхъ словъ. Здѣсь мы приводимъ ее, дополняя чертами, относящимися собственно къ Коми и извлеченными изъ зыряно-пермяцкихъ словарей Рогова, Латкина и Видемана.

Жилищемъ Коми была первоначально землянка, затѣмъ появившаяся на поверхности земли постройка. Въ пользу этого предположенія говоритъ исторія слова *gort* у Зырянъ: оно значитъ землянка, домъ, деревня. Уже Кастрень, основываясь на данныхъ языка, приписывалъ Зырянамъ чудскія ямы Мезенской и Печерской областей. Землянки внутри могли выкладываться деревомъ. Около с. Ильинскаго въ былое время находили нѣчто въ родѣ погребовъ съ опущенными въ землю срубамн. Значеніе этихъ срубовъ уясняется характеромъ древнихъ остоацкихъ построекъ. „А живутъ въ лѣсахъ темныхъ, читаемъ мы въ „Описаніи новой земли

сирѣчь Сибирскаго царства“, надъ водами; зимные юрты деревянные въ земляхъ, аки въ погребяхъ отъ великихъ мразовъ“¹⁾). Постройки, возвышающіяся надъ поверхностью земли, распадаются на два типа, для обозначенія которыхъ служатъ слова вичь - ку, керъ - ку. Оба слова сложные и состоятъ изъ ку съ опредѣляющими вичь и керъ. Что такое представляетъ собою слово ку, представляемъ рѣшать филологамъ. Позволимъ однако себѣ высказать предположеніе, что ка или ку въ языкѣ Коми можетъ оказаться близкимъ къ вотяцкому куа съ одной стороны и куд, куда, кот въ другихъ финскихъ нарѣчіяхъ съ другой. Сочетаніе слова кота съ словомъ, обозначающимъ матеріалъ, изъ котораго сдѣлана постройка, имѣетъ мѣсто въ архитектурной терминологіи западныхъ Финновъ (Heikel). Можно думать, что по этому - же типу построены и пермяцкія названія. Керъ означаетъ бревно, вичь — жердь; керку представляетъ собою, стало быть, бревенчатую постройку, вичь-ку постройку изъ жердей. Настоящее значеніе слова вичку—церковь—какъ будто не допускаетъ отнести его къ числу старыхъ пермяцкихъ архитектурныхъ терминовъ, но мы думаемъ, что есть основаніе считать терминъ вичку предшествующимъ христіанству и получившимъ благодаря этому послѣднему новое значеніе. Пермяки одни изъ извѣстныхъ намъ ивородцевъ имѣютъ собственный терминъ для обозначенія христіанскаго храма; Вотяки употребляютъ искаженный русскій терминъ tserk, Черемисы цѣркэ (черкэ), Чувани—шюръгэ. Не значить-ли это, что у нихъ еще въ языческую пору былъ специальный терминъ для обозначенія храмовъ, тѣхъ кумирницъ, о которыхъ говорить между прочимъ Елифаній въ жптїи св. Стефана, и этимъ терминомъ было вич-ку? То обстоятельство, что въ техническомъ отношеніи вич-ку пред-

---

¹⁾ Сибирь въ XVII в. М. 1890, 73. Ср. Добровъ. Пермяки. В. Е. 1883, III. 234.

ставляетъ низшую ступень по сравненію съ кер-ку, не можетъ служить возраженіемъ. Вотяцкая куала также представляетъ болѣе первобытную постройку по сравненію съ избой, а между тѣмъ она служитъ и домовымъ и общественнымъ храмомъ. Первобытный типъ постройки является даже условіемъ пребыванія въ ней божества. Вотяцкій воршудъ, какъ богъ-предокъ, обитаетъ въ куалѣ и тѣсно связанъ съ ея очагомъ. У Пермяковъ также обиталищемъ боговъ могли служить постройки древнѣйшаго типа (не эти-ли вич-ку разумѣются у Епифанія подъ словомъ „привѣжки“, въ которыхъ стояли идолы?).

Вич-ку, какъ легкая постройка, занимаетъ мѣсто среди ряда подобныхъ построекъ, которыя были извѣстны Коми и имѣли назначеніе лѣтнаго жилища. Общими терминами для обозначенія такихъ сооружений являются чомъ, чомья. Слово чомъ, какъ и обозначаемое имъ явленіе, принадлежитъ безспорно къ самому глубокому періоду пермяцкой старины. На зырянскомъ сѣверѣ оно имѣетъ значеніе такого-же основнаго термина для обозначенія жилища, какъ слово куд а у Черемисъ, какъ домъ у Русскихъ. Стоитъ всмотрѣться въ тѣ значенія и сочетанія, съ которыми оно является у Видемана: шалашъ, клѣтъ, jen-tšom — божница, ron-tšom — собачья клѣтка, затѣмъ dōra-tšom холстовая палатка, lobosa tšom, lus-tšom — шалашъ изъ вѣтвей и листьевъ, pōl-tšom балаганъ изъ досокъ. Имѣющееся въ словарѣ Видемана мѣсто stšamja шалашъ, ш а л а ш ъ л ѣ т н і й (щамья) намъ кажется неправильно записаннымъ шамья, которое имѣетъ общее съ словомъ чомъ происхожденіе. Въ перечисленныхъ значеніяхъ отразилась вся исторія чума. Было время, когда чомъ былъ единственной формой жилища, извѣстной Коми рядомъ съ пещерой - землянкой: затѣмъ съ появленіемъ бревенчатаго жилища онъ обратился въ лѣтній шалашъ или клѣтъ, соответствующую вотской к у а. Этотъ моментъ засталъ въ Перми св. Стефанъ. Вспомнимъ, что онъ искалъ идоловъ Пермяцкихъ въ привѣжкахъ, т. е. въ постройкахъ при „вѣжахъ“.

Такими постройками могли быть, какъ у современныхъ Вогуловъ, легкіе чомы или чомји. Матеріаль и формы чомы были, вѣроятно, различны. Въ самую раннюю пору онѣ могъ сооружаться изъ древесныхъ вѣтвей и набросанныхъ на нихъ листьевъ.

Къ позднѣйшему времени относится чомъ изъ бревенъ—кер-ва, кер-ву. Древнѣйшимъ типомъ его является современный пывсянъ или пылсянъ. Эта бревенчатая постройка, служащая бащей при другомъ жильѣ и единственнымъ жильемъ охотника. Названіе пывсянъ представляетъ собою эпитетъ (парильная), которымъ обозначалась кер-ву опредѣленнаго назначенія; у Видемана мы находимъ его въ древнемъ сочетаніи съ кер-ву—пывсянъ кер-ву. Объ устройствѣ пывсян кер-ву можно догадываться—независимо отъ положительныхъ указаній путешественниковъ—изъ тѣхъ пермацкихъ словъ, которыя имѣютъ отношеніе къ жилищу. У Коми существуютъ слова для обозначенія потолка—jirk, пола (помоста) джодж, окна—öşun (ср. öşinmös), двери—ыбös, ödzös, ös, крыши—велт.

Назначаясь преимущественно для зимняго жилья, бревенчатая постройка имѣла постоянное огнище. Древнѣйшій типъ его сохранился въ землянкахъ, о которыхъ говорятъ пермацкія преданія. Это было просто костеръ, расположенный посреди ямы. Высшую стадію развитія огнища представляетъ гор, вот. гур. Въ словаряхъ Видемана, Лыткина и Рогова слово гор переводится по русски печь. Изъ этого перевода нельзя сдѣлать никакихъ заключеній о типѣ огнища, обозначаемого даннымъ словомъ. Типъ этотъ разъясняется, когда мы обратимся къ помощи языка. Альвистъ ставитъ вотацкій терминъ для обозначенія огнища гур въ связь съ угорскими—вогульскимъ kûrg, останацкимъ kog или kug. Эту связь можно, конечно, распространить и на пермскій г о р. Общность термина для обозначенія огнища даетъ намъ право искать его древній типъ у Угорскихъ родичей Перми. Исслѣдователи быта Маньсовъ, г.г. Гондатти,

Кузнецовъ и др. сообщаютъ, что въ зимнихъ юртахъ этихъ инородцевъ помѣщается въ углу нѣчто въ родѣ камина — „остовъ камина и трубы, говоритъ г. Кузнецовъ состоитъ изъ жердей и все это замазано усердно глиной, а два-три большихъ камня служатъ очагомъ ¹⁾“. Г. Гондатти описывая вогульскую печь, говоритъ, что она сдѣлана „въ видѣ дупла съ выемкой спереди ²⁾“. Въ подобной печи можно только варить на разведенномъ огнѣ; у Вогуловъ надъ огнищемъ, дѣйствительно, спускается крюкъ, на который привѣшивается котель съ тѣмъ или другимъ варевомъ. Такъ пользовались своимъ гор и старые Коми. Котель (пѳрт) былъ у нихъ единственной посудой для приготовленія кушанья; не даромъ его вляли всегда съ умершимъ въ могилу. Данные языка позволяютъ предположить, что часть Коми, сѣверные Зыряне, и до сихъ поръ не забыли этого стараго способа готовить кушанье. Мы имѣемъ у С. Коми слова gor - mödtšan, kl'uka, myttšan—крюкъ передъ печкой, patšvodz, би-видзянь, би-точјан, гогпа — очагъ.

Огонь, составлявшій насущную принадлежность такого жилья, добывался въ раннюю пору треніемъ двухъ кусковъ дерева, позднѣе при помощи огнива (бива) и кремня (бивартанъ, bi-pestan, б і я-и з).

Мебель первобытнаго Пермскаго жилья составляли: столъ (пызанъ) и обрубки дерева, замѣнявшіе стулья (джѳкъ, пукѳсъ, увѳсъ пукалынь).

Постелью Коми служила звѣриная шеура (оль-пасј).

Незагороженное пространство около дома—дворъ, улица—называлось ѳтѳр, ругуs', lud. Загороженное—rotšѳs, kyt-šyl, ругјѳг для скота karta, jѳz, gid. Это послѣднее слово въ послѣдствіи получило значеніе хлѣва. Передъ избой устраивалось нѣчто въ родѣ сѣней — зар, зар-vidz'jan. Въ виду

¹⁾ Изв. И. Р. Георг. О. т. XVIII, 740.

²⁾ Предв. отч. о поѳздкѣ въ С. В. Сибирь. М. 1838. 66.

того, что гортъ значить и домъ и деревня, мы имѣемъ основаніе утверждать, что Пермское селеніе составлялось постепенно изъ жилищъ разрастающагося рода. Сѣверные Коми выработали для обозначенія деревни особые термины — грездь, сить. У Пермяковъ за гортгомъ слѣдуетъ непосредственно к а р ь. Въ XVI—XVII вѣкахъ слово каръ служило для обозначенія городища, въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ Пермскаго края Пермяки уже перестали понимать его, взятое отдѣльно. Съ былымъ своимъ значеніемъ оно до сихъ поръ сохранилось у Вотяковъ и Зырянъ.

Для того, чтобы имѣть правильное понятіе о древней культурѣ Перми, слѣдуетъ по возможности точно выяснить смыслъ явленія обозначаемого словомъ каръ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ названіяхъ древнихъ каровъ по большей части заключаются личныя имена. Это-же явленіе имѣетъ мѣсто и въ названіяхъ нынѣшнихъ деревень. Принимая во вниманіе то, что происходящія отъ личныхъ именъ названія деревень объясняются обыкновенно именемъ перваго насельника, родоначальника ея настоящихъ обитателей, можно предположить, что древне-пермскіе кары были также поселеніями родовъ, объединенныхъ воспоминаніями о предкѣ и основателѣ кара. Съ такимъ предположеніемъ согласны вполнѣ размѣры каровъ. Отличіе древнихъ каровъ отъ современныхъ деревень состояло только въ томъ, что первые были защищены рвами и валомъ, а вторые являются открытыми.

Картину Пермской страны въ эпоху существованія каровъ мы можемъ возстановить путемъ аналогіи съ явленіями быта родственныхъ Коми Угорскихъ племенъ. На рубежѣ XV и XVI в.в. былъ предпринятъ завоевательный походъ за Уралъ въ бассейнъ Оби. Занесенные въ лѣтопись результаты этого похода для насъ въ высшей степени поучительны. Воеводы, начавши свой походъ съ Ляпина городка, „поимали 33 города, да взяли 1009 лучшихъ людей, да 50 кня-

зей привели. Да Василей же Бражникъ взялъ 50 городовъ да 50 головъ...¹⁾“

Изъ количества городковъ и отношенія его къ количеству князей и лучшихъ людей очевидно, что городки были поселеніями чрезвычайно мелкихъ общественныхъ союзовъ, вѣроятнѣе всего родовъ.

Первая Новгородская лѣтопись даетъ отчетливую по своимъ деталямъ и единственную, если не ошибаемся, картину жизни древнихъ югорскихъ городковъ. Въ 1192 г. Новгородскіе данщики отправились въ Югру за данью, взяли одинъ городъ, подошли къ другому. Югра, имѣвшая во главѣ князя, затворилась въ городѣ. Новгородцы стояли 5 недѣль и ничего не могли сдѣлать. Югра просила „данщиковъ“ потерпѣть, не губить своихъ смердовъ, а на самомъ дѣлѣ „копила вой“. Сколько этихъ воевъ могло помѣститься въ градѣ, можно догадываться по тому, что Югра не рѣшалась сразу напасть на Новгородцевъ, а завлекала ихъ въ градъ обманомъ сначала 12, потомъ 30, потомъ 50 и такъ истребляла и только послѣ этого сдѣлала вылазку и перебила большую часть остальныхъ (уцѣлѣло только 80 человекъ). Новгородцевъ, судя по этимъ цифрамъ, было самое большее 300 человекъ; столько-же приблизительно въ теченіи 5 недѣль оказалось возможнымъ собрать изъ района, въ которомъ находился сильный по сравненію съ другими градъ. Аналогія съ явленіями Югорскаго быта, намъ кажется, должна разсѣять туманъ, который заутываетъ Чудскія городища и заставляеть видѣть грандіозныя картины тамъ, гдѣ имѣеть мѣсто очень скромная дѣйствительность.

Стоя у устьевъ рѣчекъ, впадающихъ въ какую нибудь крупную рѣку, эти кары служили укрѣпленіями, которыя были постояннымъ жительствою для князька, прикрытіемъ для рѣки, по которой промышлялъ родъ, и убѣжищемъ въ минуту опасности.

---

¹⁾ Замѣсл. «Гербершт.» 435; ср. Бѣляевъ. «Геогр. свѣд.» 247—250.

Главнымъ занятіемъ предковъ нынѣшнихъ Коми была охота. Объ этомъ свидѣтельствуесть обиліе относящихся къ ней терминовъ. Для ловли звѣрей мы имѣемъ западни (кулѣмъ), сѣти (кыйѣтъ, кыйанъ, везѣтъ), для мелкихъ звѣрей ловушки-западни (налькѣ, пилемъ). Терминъ, который служитъ для обозначенія охоты, указываетъ точно на ея характеръ — кы й ны-в ы й ны — ловить-убивать. Охотничьимъ и боевымъ оружіемъ являются лукъ и стрѣла (вуджъ, нјолъ); стрѣлы носились въ волчанѣ (нјол - доз). Для рыбной ловли служила острога (адзъвас). Наконечники стрѣлъ въ отдаленную эпоху были костяные. О широкомъ употребленіи кости для этой цѣли свидѣлствуютъ многочисленныя костища Пермской и Вятской губерній. Металлы въ примѣненіи къ вооруженію являются у Коми, кажется, подъ влияніемъ сосѣднихъ народовъ. Чудь, настолько позволяетъ объ этомъ судить языкъ, знала только два металла—серебро и мѣдь, для нихъ она имѣетъ свои названія. При этомъ мѣдь имѣетъ общее названіе у восточныхъ и западныхъ Финновъ. Утилизировала-ли она мѣдь для вооруженія и въ какой мѣрѣ — могутъ выяснитъ однѣ археологическія изслѣдованія. Языкъ можетъ констатировать только, что процессъковки былъ извѣстенъ предкамъ Коми; мы имѣемъ въ языкѣ ихъ собственные слова для обозначеніяковки и ея орудій: дорны—ковать, dorög—кузнечная работа, ушканъ (пушканъ?) — кузнечный мѣхъ, вартанъ—молоть (било). Можно думать что эти термины возникли при обработкѣ мѣди.

Рядомъ съ охотой у древнихъ Коми занимало мѣсто и земледѣліе, хотя и не въ значительной степени. Они знали пшевицу (шогды), ячмень (id), овесъ (zör, tör, tes'). Относительно ржи Альквистъ высказываетъ предположеніе, что Финны познакомились съ ней позднѣе благодаря Германцамъ, Литовцамъ и Славянамъ; Кеппенъ напротивъ думаетъ, что всѣ эти народы узнали роль отъ Финновъ. Орудіемъ обработки земли у Коми служили, какъ показываютъ согласно съ языкомъ преданія, копыль (gör). вмѣстѣ съ копыломъ

употреблялась примитивная борона. Это орудіе называется у Коми пинја—зубастая. Первичной формой ея былъ древесный стволъ съ обрубленными слегка сучьями. Удобрение земли до знакомства съ Русскими, какъ мы увидимъ ниже, Пермьякамъ было неизвѣстно. Въ XVI в. по извѣстіямъ писцовыхъ книгъ у Коми имѣла мѣсто переложная система. Для жнитва употреблялся серпъ (черла, черва). Изъ растений, дающихъ волокно, Коми пользовались коноплемъ (пышь, вѣн?).

Вопросъ о домашнихъ животныхъ, которыя извѣстны были первобытнымъ Коми, представляетъ значительныя затрудненія. Мы имѣемъ для обозначенія коровы *mös*, быка *öška*, *öš*, овцы *теж*, лошади *völ*. Представляютъ-ли эти слова продуктъ собственнаго творчества или они заимствованы въ отдаленное время у сосѣднихъ народовъ, рѣшается различно. Въ виду того обстоятельства, что, по Альевисту, западные Финны заимствовали у Германцевъ названія для коровы, лошади, овцы, вozy, свиньи, можно считать несомнѣннымъ, что въ пору отдѣленія своего отъ общаго корня западные Финны не были знакомы съ скотоводствомъ даже въ его элементарныхъ формахъ. По аналогіи можно было-бы предположить, что и Коми познакомились съ названными домашними животными позднѣе, чрезъ сосѣдей. Трудна, подобнаго тому, который выполненъ Альевистомъ для западныхъ Финновъ,—сравненія финскихъ культурныхъ словъ съ однозначными словами въ языкахъ сосѣднихъ народовъ—мы не имѣемъ для Финновъ восточныхъ, не имѣемъ поэтому и прочныхъ основаній для рѣшенія этого сложнаго вопроса. Представляя эту сторону дѣла послѣдующимъ изслѣдователямъ-лингвистамъ мы приведемъ лишь матеріалы для него. Гриммъ сопоставилъ западно-финское названіе теленка *vasikka* съ санскр. *vaska*, имѣющимъ тоже значеніе. Доннеръ собралъ изъ западно-финскихъ нарѣчій (вепсск., эстонск., лопарск.) всѣ слова имѣющія родство съ словомъ *vasikka*, Буденць присоединилъ къ нимъ зырянское *mös* (*v || m*), Андерсонъ съ формой *vasikas* сблизилъ чер. *üşküzh*, пер. *öška*.

Прибавимъ съ своей стороны слѣдующія сопоставленія:

Зыр. теѣ—овца, зенд. *maescha*.

Зыр. *völ*—лошадь, гот. *folo*.

Представляемъ специалистамъ судить, въ какой степени основательны эти сближенія, касающіяся коровы, овцы и лошади и какъ слѣдуетъ на нихъ смотрѣть.

До нѣкоторой степени вопросъ о животныхъ, извѣстныхъ Коми, можно рѣшить и на основаніи историческихъ данныхъ. Лошадь была еще въ X вѣкѣ рѣдкимъ животнымъ на С. В., какъ свидѣлствуютъ Арабы. Въ пермскомъ краѣ ѣзда и позже происходила на собакахъ (Лербергъ. Изсл. Югр. 15). Свидѣтельство Герберштейна, что Пермь платила дань конями и мѣхами, не противорѣчитъ нашему положенію. Герберштейнъ включаетъ въ составъ Перми земли, занятыя Тюркскими кочевниками, и они-то, конечно, давали Москвѣ коней въ то время, когда Пермь давала мѣха. Рядомъ съ собакой для передвиженія у Коми употреблялся олень (вѣр). Въ настоящее время только сѣверные, Ижемскіе Зыряне занимаются оленеводствомъ. Но было время, когда оленя, какъ домашнее животное, знало и южные Коми—Пермяки и Вологодскіе Зыряне. Въ пользу этого говоритъ сохранившееся у тѣхъ и другихъ воспоминаніе объ обычѣ оленеводовъ приносить оленей въ жертву богамъ. Въ с. Гидаевѣ Слободскаго уѣзда А. П. Ивановъ, въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ г. Кл. Поповъ записали преданія, въ которыхъ олень фигурируетъ въ видѣ жертвы. „Въ день св. Ильи пророка, рассказывали г. Иванову обрусѣвшіе Пермяки села Гидаева, въ опредѣленный часъ прибѣгалъ на площадь олень. Народъ приносилъ его въ жертву святому. Но какъ-то олень въ урочный часъ не явился. Рѣшили заколоть быка. Запоздавшій олень все таки прибѣжалъ, но, видя, что все кончено, убѣжалъ обратно въ лѣсъ...“¹⁾.

---

¹⁾ 1. с. 13.

Экипажъ, въ который запрягался олень, представляли собою сани (додј). Колесныхъ экипажей Коми не знали. Объ этомъ свидѣтельствуеъ языкъ: для обозначенія понятія запрягать Коми употребляютъ слово д о д ж а н ы, происходящее отъ додж. Нѣкоторыя изъ принадлежностей упряжи восходятъ своимъ происхожденіемъ къ періоду нераздѣльной жизни всѣхъ Финновъ. Для обозначенія оглобли у Коми имѣется слово о ж , которое стоитъ безъ сомнѣнія въ связи съ мордовскимъ аѣжа, финск. aisa, эстонск. ais, вепск. aiš. Другіе термины, повидимому, составляютъ достояніе пермской группы, напр. мегыр-дуга. Заговоривши о способахъ передвиженія, приведемъ и другія данныя, представляемыя въ этомъ отношеніи языкомъ. Орудіемъ передвиженія по свѣгу служили лыжи (лѣампа), по водѣ лодки (пыж), снабженныя веслами (певыс).

Простѣйшіе способы обработки продуктовъ земледѣлія и скотоводства сложились у Пермьяковъ, несомнѣнно, самостоятельнымъ путемъ. Приготовленіе муки, которая имѣетъ у Коми собственное названіе, производилось при помощи камней. Процессъ размола обозначается словомъ и з а н , которое можно перевести дѣйствовать камнемъ. Для той же цѣли могла служить, какъ она служитъ въ специальныхъ случаяхъ и теперь у родичей Коми Черемись, ступа съ пескомъ (гыр, тоин). Употребленіе ручныхъ жернововъ, имѣющее мѣсто у Пермьяковъ и теперь, восходитъ своимъ началомъ также къ отдаленной эпохѣ исторіи Коми. Коми имѣетъ специальный глаголъ для обозначенія процесса приготовления жернововъ (сидзыны).

Употребляя въ пищу продукты скотоводства, Коми умѣли вялить мясо (шурѣтны), печь или жарить (пѣжавны, пѣжны), знали сметану (нѣк), творогъ, сыр (рис').

Въ до-русскій періодъ Коми познакомились съ растеніями, дающими волокно (сѣдзј), научились добывать это послѣднее при помощи мялки (нѣарнѣак), сучить изъ него

нити (суңјсј, тучмыны), дѣлать изъ нитовъ моты (ректан, шорт), заготовлять основу (рокас).

Изъ орудій пряжи, тканья и шитья имъ были извѣстны станъ (таб), берды (кісј, анј-борд), веретено (чера), челнокъ (суса), прялка (печјкан), игла (рѳт), шило (пышјан).

Самостоятельно (по крайней мѣрѣ по отношенію къ Русскимъ) Коми дошли до потребности измѣрять пространство и вѣсь. Для обозначенія разстояній у нихъ служили чумкасы (разстоянія отъ одного колѣна рѣки до другаго) и величина, соотвѣтствующая сажени (сыв). Единицей вѣса является величина, которая обозначается словомъ синј, ѡшан, ѡшлан и переводится Русскими—фунтъ.

Въ пору, предшествующую подчиненію подъ власть Москвы, Коми ознакомились съ торговлей и мѣновыми единицами. Въ словарь Коми имѣются слова для обозначенія купли (нѳбны-купить), продажи (вузалыны-продавать), цѣны (дон), мѣновыхъ единицъ и денежныхъ знаковъ (шатј-прутъ, рубль, сјам-чешуя, деньги, гым-грошъ), прибыли (сѳдтѳм), убытка (чынтѳтѳм). Кредитныя отношенія также сдѣлались извѣстными Коми еще въ эту эпоху. Они имѣютъ слова для обозначенія займа (одзјесј). Объ основахъ пермскаго кредита мы уже имѣли случай говорить въ изслѣдованіи „Вотяки“.

Общественныя отношенія у древнихъ Коми отличались уже нѣкоторой сложностью. Кромѣ семьи съ ея членами Коми знали и болѣе сложный союзъ, во главѣ котораго стояли князья. Для обозначенія группы, связанной отношеніями родства, общностью происхожденія Коми имѣютъ нѣсколько терминовъ: телец, увтыр. Нѣсколько терминовъ служатъ и для обозначенія совокупности людей, не связанныхъ такою общностью: јѳз (народъ, люди, ч у ж і е), отир (народъ, община), чјукѳр (случайное собраніе, толпа, шайка).

Для исторіи семьи языкъ не представляетъ у Коми такого богатаго и прозрачнаго матеріала, какъ у Черемисъ и Вотяковъ. Древнѣйшее состояніе пермской семьи мы представили уже въ книгѣ „Вотяки“. На первоначальную не-

опредѣленность родственныхъ отношеній указываютъ значенія словъ ныль (дочь, дѣвушка), зон (парень, сынъ). На позднѣйшія стадіи развитія половыхъ отношеній указываетъ появленіе словъ модзь (любовница) рядомъ съ словомъ, означающимъ жену (гѣтырь, инѣка), bygyl', tsutka для обозначенія ребенка, рожденнаго внѣ брака. Можно предполагать, что терминъ для обозначенія тестя (сѣор-аи = поздній отецъ) имѣетъ не случайное происхожденіе и возникъ въ ту пору, когда мужъ не бралъ въ свой домъ жену, а самъ поступалъ въ домъ ея родителей и, стало-быть, становился ихъ позднимъ сыномъ. Къ отдаленной порѣ жизни Пермяковъ, относится явленіе усыновленія. Коми имѣютъ два термина для обозначенія пріемнаго дитяти, которые заключаютъ въ себѣ, кажется, темный намекъ на символику усыновленія (пи = пауза, пріемное дитя, гѣг-пи = пушковое дитя).

Говоря объ общественной организаціи Пермяковъ, мы должны упомянуть, конечно, и о князькахъ (ѳвсы). Терминъ, обозначающій князя, находится, кажется, въ близкомъ родствѣ съ словомъ, означающимъ собраніе, сходка (ѳвсѣан, ѳвсѣм) и можетъ обозначать человѣка, который собираетъ около себя народъ. Составить себѣ представленіе о томъ, что представляли собою Пермскіе князья, мы будемъ въ состояніи только тогда, когда сопоставимъ историческія данныя о Пермскихъ князьяхъ съ народными преданіями и аналогичными явленіями изъ жизни родственныхъ племенъ.

Историческія свидѣтельства о пермскихъ князьяхъ относятся къ XV ст. Князья этой эпохи — уже христіане — извѣстны на Вымѣ, въ Искорѣ, Покчѣ. Преданія называютъ и другихъ князьковъ, сидѣвшихъ по городкамъ (вары). Въ „Дневныхъ Запискахъ“ Рычкова мы имѣемъ извѣстія о князькахъ Купросскаго городка и Вильгора. Пермская земля дѣлилась такимъ образомъ между многими князьками, сидѣвшими въ отдѣльныхъ городкахъ, и представляла картину, аналогичную съ той, которую констатируютъ для Югріи наши лѣтописи съ XII до конца XV в. Князья жили постоянно въ город-

вахъ, которые обыкновенно ставились въ устьяхъ рѣчекъ и обезпечивали обладанія этими послѣдними; подданные, собирались къ нимъ въ случаѣ опасности и защищались за земляными валами.

Проникновеніе христіанства въ Великую Пермь сопровождалось несомнѣнными переменами въ гражданскихъ отношеніяхъ. Въ Пермскомъ краѣ явились церкви и монастыри, источникомъ существованія для которыхъ обыкновенно служили жалованныя земли. Удовлетвореніе первыхъ потребностей ихъ свидѣтельствуется, что князья Пермскіе имѣли поземельную собственность, изъ которой дѣлали влады. Съ первыми дарами церкви почувствовалась впервые и потребность въ грамотѣ: дареніе по русскому обычаю было скрѣпляемо соотвѣтствующимъ актомъ. Позднѣе, когда, вѣроятно, между церковными учрежденіями и мѣстнымъ населеніемъ возникли поземельныя тяжбы и стали доходить до князьковъ, явилась потребность облекать въ писанную форму судебныя постановленія князей. Такъ могли явиться „судебныя и правящія грамоты“ Пермскихъ князей, которыя были дѣйствительны до 1553 г. почти въ теченіи полустолѣтія со времени превращенія власти самостоятельныхъ Пермскихъ князьковъ. Скучные факты, которыми мы располагаемъ относительно Пермскихъ князей, позволяютъ сказать, что государственное развитіе Перми прекратилось, дойдя до такой ступени, до которой оно не доходило ни у одного изъ сѣверно-финскихъ, а, можетъ быть, и вообще у всѣхъ Финскихъ племенъ.

Та несложная культура, которой обладало племя Коми, съ очень ранняго времени пришла въ соприкосновеніе съ болѣе сложной культурой арійскаго, семитическаго и туранскаго востока. Хронологію этого соприкосновенія можно установить приблизительно благодаря предметамъ восточнаго производства. Первое мѣсто между ними въ смыслѣ хронологическаго показателя занимаютъ монеты. Въ 1846 г. во владѣніяхъ графа Строганова было найдено 11 сассанидскихъ монетъ, которыя по опредѣленію академика Дорна относятся къ 441—594 г.

нашей эры. ¹⁾ Къ V-же вѣку, къ эпохѣ императора Анастасія (491 — 518), относится византійская серебряная чаша, найденная въ 16 верстахъ отъ Чердыни. Персидскими издѣліями Сассанидской эпохи оказались вещи найденныя въ Красноуфимскомъ уѣздѣ. Не позже V вѣка, стало быть, прямо или черезъ посредство Булгаръ въ Пермскомъ краѣ возникло знакомство съ востокомъ и его произведениями. Чего искали здѣсь восточные купцы извѣстно. Они вывозили съ С. прежде всего мѣха, рѣже мамонтовы кости, которыя поступали въ подѣлки. Для уясненія древней культуры Перми важны тѣ восточные предметы, которые поступали въ обмѣнъ за мѣстные товары. По предметамъ ввоза мы судимъ обыкновенно о потребностяхъ населенія и его экономическихъ ресурсахъ. Нѣкоторыя изъ вещей привознаго происхожденія могутъ легко ввести изслѣдователя въ заблужденіе на счетъ покупныхъ способностей древней Перми: можно подумать напр., что быть тѣхъ людей, которые вымѣнивали свои мѣха на драгоценныя чаши, соответствовалъ и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ сказывающейся въ этихъ покупкахъ роскоши утвари. Явленія изъ быта родственней Перми Югры въ состояніи однако разъяснить присутствіе такихъ дорогихъ блюдъ въ Перми. Къ числу несомнѣнныхъ заслугъ составителей III выпуска „Рус. Др.“ принадлежитъ разъясненіе того значенія, которое имѣли онѣ въ бытѣ древнихъ Пермлянъ. Намъ указываютъ на современныхъ Вогуловъ, о культурѣ которыхъ не можетъ быть спора и у которыхъ Бремъ и Финшъ нашли возлѣ идоловъ оловянные англійскія и двѣ серебряныя тарелки стараго происхожденія. На употребленіе металлическихъ блюдъ Вогулами при жертвоприношеніяхъ мы имѣемъ указаніе и въ статьѣ А. О. Теплоухова.

---

¹⁾ Сав. Мух. Нумизм. 159.

Точныя данныя о восточномъ ввозѣ въ Пермь мы будемъ имѣть только тогда, когда въ нашихъ рукахъ будетъ подробный перечень и описаніе восточныхъ предметовъ, найденныхъ въ предѣлахъ Пермской и Вятской губерній. Такого описанія русская наука ожидаетъ отъ Ѡ. А. Теплоухова. Пока приходится довольствоваться тѣми категоріями, которыя установилъ для всего сѣвера Савельевъ. Восточные купцы сбывали, говоритъ онъ, сѣверянамъ бисеръ, бусы, цѣпочки, ожерелья, запастья, кольца, булавки, пуговицы, бляхи для украшенія одеждъ и конской сбруи, стальные клинки ¹⁾). Почти всѣ эти категоріи предметовъ мы встрѣчаемъ и въ Пермскихъ находкахъ. Вліяніе сношеній съ востокомъ отразилось такимъ образомъ всего виднѣе на туалетныхъ украшенияхъ. Между привозными вещами съ трудомъ можно выдѣлить вещи, приготовлявшіяся ближе въ Болгарахъ. На громадномъ пространствѣ отъ Ярославской губерніи до Пермской встрѣчаются характерныя гребенки—съ двумя конскими головами, обращенными въ противоположныя стороны. Уже покойный графъ А. С. Уваровъ высказалъ предположеніе, что въ землю Мери коньки проникали съ востока изъ Волжской Булгаріи. Мы думаемъ, что въ самой Булгаріи эти вещи были сначала привозныя, а потомъ фабриковались по привознымъ образцамъ. Мотивъ двухъ соединенныхъ шеями и обращенныхъ въ противоположныя стороны коней представляетъ несомнѣнное достояніе иранскаго, персидскаго искусства. Мы видимъ его очень часто на капителяхъ древне - персидскихъ колоннъ. Какъ всѣ любимые мотивы, онъ, конечно, примѣнялся къ массѣ другихъ вещей и такимъ образомъ былъ занесенъ на Волгу и Каму.

Чтобы представить себѣ народъ съ тѣми несложными формами быта, которыя мы намѣтили на основаніи языка, и съ тѣми потребностями, о которыхъ говорятъ археологическія данныя, обратимся еще разъ къ аналогіи. Вотъ что расска-

---

¹⁾ Сав. Мух. Нумизм. XC.

зываетъ Страбонъ о Массгетахъ; „одни изъ Массгетовъ живутъ на горахъ, другіе на равнинахъ, третьи въ рѣчныхъ болотахъ, четвертые на островахъ среди болотъ... Массгеты хорошіе пѣхотинцы и всадники, употребляютъ луки, мечи, панцири и мѣдныя сѣвиры, пояса у нихъ золотые, какъ и діадемы... Живя на островахъ и не имѣя посѣвовъ, ѣдятъ они коренья и дикіе плоды, одѣваются древесною корою, такъ какъ не имѣютъ стадъ, пьютъ сокъ, выжатый изъ древесныхъ плодовъ. Обитатели болотъ питаются рыбой, одѣваются въ шкуры тюленей, выходящихъ изъ моря. Горные жители питаются также плодами деревьевъ, овецъ имѣютъ мало и не убиваютъ ихъ, ради шерсти и молока... Жители равнинъ не обрабатываютъ земли, а питаются стадами и рыбой, какъ кочевники, по свифски...¹⁾“. Въ этой драгоценной для историка и археолога картинѣ, мы имѣемъ ключъ къ вопросу о томъ, въ какой степени употребленіе драгоценныхъ вещей служитъ показателемъ высокой культуры. Такъ-же мало, какъ золотыя діадемы Массгетовъ, могутъ говорить о высокой культурѣ народа и тѣ серебряныя вещи, которыя найдены въ Перми.

Археологическія данныя говорятъ главнымъ образомъ о серебряныхъ издѣліяхъ. Данныя языка позволяютъ констатировать, что при помощи восточныхъ и притомъ иранскихъ торговцевъ Чудь и Югра ознакомилась и съ другими металлами. Золото у представителей обѣихъ группъ имѣетъ иранское названіе — зарни (зенд. *zaganja*). Предполагаютъ, что и бронза, для которой нѣтъ названія въ угоро-финскихъ языкахъ, была первоначально неизвѣстна Финскимъ народамъ²⁾. Съ этимъ сплавомъ и издѣліями изъ него познакомили Чудь Иранцы-сосѣди или торговцы. Въ послѣднее время значительное ко-

¹⁾ Рус. Древ. III, 19.

²⁾ Ahlquist. Culturwört. 66.

личество ученыхъ склоняется къ мысли, что ближайшимъ къ угро-финскимъ племенамъ и наиболѣе повліявшимъ на нихъ иранскимъ племенемъ были Массагеты. Они заняли склоны Алтая, оттиснувши на С. по Енисею Сибирскія племена и ввели въ употребленіе сплавъ, составные элементы котораго имъ въ обилии давалъ алтайскій хребетъ. Они же оставили на Югѣ Сибири свои памятники. Иранцы въ очередь усвоили бронзу у Ассирійцевъ. Третьимъ металломъ, съ которымъ Чудь ознакомилась чрезъ Иранцевъ, нужно считать желѣзо. Пермскія и Угорскія слова для обозначенія желѣза — ост. *kart*, вот. *kort*, Зыр. *kört*, Вогул. *ker* — Шрадеръ сопоставляетъ съ староиран. *kageta*, новоперс. *kârd*, бухар. *gard*, Курд. *ker*, означающими желѣзный ножъ и предполагаетъ, что Финны назвали желѣзо именемъ вещи, которая изъ него дѣлалась и привозилась къ нимъ ¹⁾. Въ пользу предположенія Шрадера говоритъ безспорно то, что одной изъ важныхъ статей торговли съ С. начиная съ XI в. было желѣзо. Вспомнимъ лѣтописный рассказъ Гюраты Новгородца.

Не безъ вліянія восточныхъ, иранскихъ и тюркскихъ элементовъ развивалось у Коми и земледѣліе. Филологи обратили вниманіе на совпаденіе значеній западно-Финнскаго *kar-hu* и иран. *kar-schi* копать, пахать. Можетъ быть въ связи съ Финскимъ *kar-hu* стоитъ и корень *gör*—встрѣчающійся въ Пермскихъ терминахъ для обозначенія сохи-копыла и процесса паханія (копанія). Капитальные продукты земледѣлія—зерно и печеный хлѣбъ у Коми носятъ также заимствованныя, восточныя названія. Пермское *p'an'* Мункачи сближаетъ съ перс.—осман. *pan*, татар. *кирг.* и *джагатайскимъ pan*, *tus'* съ татар. *töŝ*, чуваш. *töŝ*, *воиб-вар*, *tus'* ²⁾. Слово *sur* пиво еще Альевистъ сопоставлялъ съ чувашскимъ *sra*; Мункачи прибавляетъ *tat*.

¹⁾ Шрадеръ. Сравни. языкозн. 282.

²⁾ *Munkacsi. Votjak Nyelymutat. Bud. 1884. 162.*

siġa, коиб. serġa, алт. siġa, куманское siġa. Кеппенъ, отвергая заимствованіе изъ татарскаго и допуская обратный переходъ, припоминаетъ, что Bolleg въ своемъ изслѣдованіи „Die Finnischen Sprachen“ отмѣтилъ сходство Финнскаго слова съ санскр. siġā, и спрашиваетъ: „нельзя-ли признать въ словахъ первобытное родство?“

Благодаря тюркамъ, можетъ быть, Коми познакомились и съ лошадыю. Названіе животнаго, повидимому, не тюркское, но тѣ приборы, съ помощью которыхъ лошадь приспособляется для верховой ѣзды, несомнѣнно, заимствованы у тюрковъ. Сѣдло ѡпуг, безспорно, находится въ родствѣ съ вотяцкимъ епер, а это послѣднее Мункачи ставитъ въ связь съ чуваш. in'eg, якут, inig, джагат. igeg. Узда сермечъ есть также Тюркское слово (ср. чуваш. чермечъ). Съ данными языка относительно сѣдла вполнѣ согласны извѣстія старыхъ путешественниковъ. Лепехинъ напр. не нашелъ сѣдла у Сысольскихъ Зырянъ.

Тюрки познакомили Пермьковъ и съ овощами: лукомъ—сугоні (ср. тат. sugan, осм. sogan, алт. sogono, чув. sogano), рѣдкой—кушманъ (чув. kušman), рѣпой—сјортни (чув. saġik) ¹⁾.

Проводниками Тюркскаго вліянія въ Пермь служили главнымъ образомъ Булгары. Изслѣдователи давно уже обратили вниманіе на сходство многихъ „Чудскихъ“ и Булгарскихъ вещей. Можно предполагать, что Булгары являлись среди Пермязъ не только торговцами, но и колонистами. На такую мысль наводитъ существованіе селеній съ названіями Булгары на Югѣ Пермязкаго края въ уѣздахъ Оханскомъ и Пермскомъ. (Ср. нас. м. №№ 25, 4515).

Позднѣе, чѣмъ связь съ Востокомъ, зараждаются отношенія въ Славянскимъ племенамъ Руси. Уже въ XII в. Пермь платила дань Новгородцамъ. Судя по извѣстіямъ о

---

¹⁾ Munkacsi. I. с. 140, 142.

ближайших сосѣдяхъ Перми—Югрѣ—дань состояла въ мѣхахъ и серебрѣ. Уплативши сборщикамъ известное количество того и другаго, Коми жили вполнѣ самостоятельно своей несложной жизнью. До XV в. они сохранили своихъ князьковъ, до конца XVII самостоятельно избираемыхъ судей.—Не подчиняя долгое время Коми политически, Русскіе постепенно завоевываютъ ихъ культурно. Достаточно обратить вниманіе на заимствованныя у Русскихъ слова, чтобы видѣть, какъ разносторонне сказалось на Коми сосѣдство съ ними. Прежде всего это вліяніе обнаружилось на жилищѣ. Въ к е р в ѣ Коми рядомъ съ обрубками дерева, представлявшими единственную мебель, явились л а в ы, л а в н ц ы (вабичъ); изба стала строиться съ подъизбицей, голбцемъ (голубничја); въ избѣ явился отдѣльный отъ крыши п о т о л о к ъ съ м а т и ц е й (матичја), полати (повать) у оконъ оконницы (рамы). Рядомъ съ старымъ огнищемъ гор появилась русская печь (patš). Изъ занятій больше всего русскому вліянію подверглось земледѣліе. Какъ ни низко стояло и теперь стоитъ русское земледѣліе, для Коми, ковырявшаго землю копыломъ, оно все же было образцомъ, достойнымъ подражанія. Русскій земледѣлецъ хотя плохо, но удобрялъ землю назмомъ (навозомъ), и Пермскій заимствовалъ у него обычай вмѣстѣ съ словомъ (назжомъ). Вмѣсто выжженныхъ въ лѣсу полянъ, гдѣ зерна засѣвались между пнями подчерченныхъ деревьевъ, Коми нашли у Русскаго обширныя поля, раздѣленные м е ж а м и на полосы, вмѣсто копыла соху съ желѣзными ральниками, которыми можно было взрывать почву правильными бороздами. Всѣ эти вещи съ обозначающими ихъ словами вошли въ пермяцкій обиходъ. Мы видимъ въ пермяцкомъ языкѣ слова м е ж а, п о л о с а, з а г о н ъ, р а л ь н и к ѣ. Число культурныхъ растений увеличилось л ь н о м ѣ (лѣонъ), я б л о н е й (ябвонь). Подъ одно заимствовано было еще нѣсколько орудій—вилы (вива), лопата (зопата). Съ русской системой земледѣлія неразрывно связана и жизнь сравнительно крупными группами—деревнями съ

дворами расположенными въ линію и улицей между двумя рядами домовъ. Коми заимствовали у русскихъ сосѣдей слова деревня, улица. Подъ вліяніемъ сосѣдства Русскихъ у Перми явились мельницы въ видѣ особыхъ, общественныхъ сооруженийъ внѣ дома (мельничја). На дворѣ съ развитіемъ земледѣлія явились новыя постройки—жытннкъ. Изъ животныхъ благодаря Русскимъ Коми ознакомились съ свиньей; любопытно, что другой терминъ для обозначенія этого животного заимствованъ у тюрковъ (донгусъ). Въ костюмъ благодаря сосѣдству съ Русскими стали проникать овчина вмѣсто шкуръ дикихъ звѣрей, затѣмъ сапоги, сарафаны.

Изъ посуды появились ставечъ, воканъ, стопча, сулеја, ыжбонъ. Матеріалы для построекъ увеличились тјосомъ.

Особенно сильное вліяніе произвелъ на Пермьковъ семейный строй Русскихъ съ его богатой терминологіей, приспособленной къ обозначенію тонкихъ оттѣнковъ отношеній. Коми заимствовали слова родня, семья, тесть, свать, женихъ, невѣста, дѣдъ, (в)дова, зеть, наслѣдникъ, (в)нукъ, челядь. Мы рассмотримъ позднѣе, въ главѣ о семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, культурно-историческое значеніе этихъ заимствованій.

Ознакомивъ сосѣдей Пермьковъ съ жизнью болѣе или менѣе крупными сочетаніями, Русскіе дали имъ и рядъ новыхъ словъ для обозначенія вытекающихъ изъ такой жизни отношеній — артиль, вытј, завадъ, законъ, имѣнјо, козяинъ, навадъ, помочј, рјаднитны, с(т)рошнй, суѣдъ.

Въ концѣ XIV вѣка произошло событіе, которое далеко подвинуло ассимиляцію Коми съ Русскими—среди нихъ благодаря проповѣди св. Стефана утвердилось христіанство. Дѣятельность Пермскаго просвѣтителя представляетъ собою оригинальнѣйшую картину изъ исторіи старой Руси. Аналогію для нея указать только можно въ дѣятельности Кирилла и Меодія. Юноша изъ причетнической семьи въ Устюгѣ, увлека-

емый жаждою знанія, поступаетъ въ монастырь, который обладалъ большою по тогдашнимъ понятіямъ бібліотекою. Здѣсь онъ дѣлитъ свое время между монашескими подвигами и чтеніемъ, жадно ловить случаи побѣсѣдовать съ начитанными людьми. Изученіе Св. Писанія и духовной литературы оказывается не въ состояніи наполнить всей его жизни. У него зараждается мысль о другой болѣе широкой дѣятельности. Стефанъ рѣшаетъ сдѣлаться просвѣтителемъ Перми, приступаетъ къ изученію пермскаго языка, переводитъ на пермскій языкъ русскія богослужебныя книги и составляетъ для Пермяковъ новую азбуку—однимъ словомъ воспроизводитъ все то, что было сдѣлано для Славянства Кирилломъ и Меѳодіемъ. Исполнивъ эти предварительныя работы, онъ отправляется въ Москву, чтобы получить отъ митрополита благословеніе на свой миссіонерскій подвигъ. Епископъ Коломенскій, занимавшій тогда временно вакантную митрополичью кафедру съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ предпріятію молодого монаха. Стефанъ проливаетъ въ Пермь и начинаетъ свою проповѣдь. Каковы были вѣрованія, съ которыми приходилось бороться проповѣднику, мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, въ главѣ о религіи Пермяковъ. Здѣсь мы будемъ только разсматривать условія, при которыхъ происходила миссіонерская дѣятельность св. Стефана. Крещеніе Пермянъ совершилось не такъ, какъ крещеніе другихъ нашихъ инородцевъ—Черемисъ, Чувашъ, Вотяковъ. Тамъ миссіонерская дѣятельность предпринималась по почину государства; миссіонеры шли на проповѣдь, снабженные для обращающихся льготами отъ податей и повинностей и подарками, но въ тоже время опираясь на ресурсы государства въ борьбѣ съ формами языческой старины. Здѣсь миссіонеръ выступаетъ на свое поприще одинъ, имѣя лишь нравственную поддержку русской церкви. Успѣхъ его проповѣди цѣлкомъ зависѣлъ отъ того обаянія, которое производила на дикихъ Пермянъ его нравственная сила. Не разъ его жизни грозила опасность, но онъ шелъ неуклонно къ своей цѣли. Безстрашное спокойствіе, съ которымъ онъ разрушалъ

жертвища и встрѣчалъ смерть, обезоруживала язычниковъ. На первыхъ порахъ у него мало было учениковъ, но это были убѣжденные прозелиты, которые находились въ постоянномъ духовномъ общеніи съ своимъ учителемъ. Они составляли духовную дружину, съ которой ему было уже легче вести свое дѣло. Для удовлетворенія потребностей своей маленькой паствы св. Стефанъ устроилъ церковь на мѣстѣ слиянія Выма и Вычегды. Съ этой позиціи открывалась возможность дѣйствовать на С. по Выму и В. по Вычегдѣ. Послѣ каждаго столкновенія съ язычниками около Стефана оставалось нѣсколько новыхъ прозелитовъ; люди, пытавшіеся дѣйствовать противъ него оружіемъ, возвращались къ нему для мирнаго состязанія на словахъ; были и такіе, которыхъ привлекало къ Стефану любопытство взглянуть на воздвигнутую имъ невиданную постройку — церковь. Какъ ни просты были ея формы, она все-же производила сильное впечатлѣніе на людей, которые знали чумы, землянки да грубыя керки; эти люди расходились, унося смутное предчувствіе на счетъ предстоящей побѣды новой вѣры. Биографъ не говоритъ, какъ долго продолжалась такая дѣятельность св. Стефана, и констатируетъ прямо ея результатъ. Пермане раздѣлились исподволь на двѣ половины: одна усвоила новую вѣру, другая осталась вѣрна старинѣ и пыталась насиліями надъ христианами остановить распространеніе новаго ученія. Послѣ того, какъ эти попытки не привели въ желанному результату, масса приняла новое ученіе. Съ этого момента наступить новый фазисъ въ дѣятельности пермскаго апостола. Настала пора пустить въ дѣло изобрѣтенную азбуку и книги. Св. Стефанъ убѣждаетъ всѣхъ и старыхъ и малыхъ учиться грамотѣ и самостоятельно дополнять свое духовное развитіе. Этотъ призывъ также не остался безъ результата. Нашлась кучка неофитовъ, которая овладѣла созданной Стефаномъ Пермской грамотой. Стефанъ назначилъ ихъ священниками, чтецами и пѣвцами и съ ихъ содѣйствіемъ сдѣлалъ новые переводы священныхъ книгъ на Пермскій языкъ. Эти

первые зырянскіе грамотѣи сдѣлались помощниками его и въ дѣлѣ обученія народа. Для потребностей обширной пасты одной церкви оказалось уже недостаточно и Стефанъ соорудилъ рядъ новыхъ по мелкимъ рѣчкамъ и погостамъ. Язычникамъ изъ наступательнаго положенія пришлось перейти въ оборонительное и спасать своихъ боговъ отъ Стефана и его учениковъ, которые обходили, истребляя идоловъ, лѣса, погосты, поля, дома и привѣжки. Въ этотъ моментъ выступаетъ въ имя языческой старины Памъ, бывшій и шаманомъ и правителемъ (сотникомъ) въ Вымской сторонѣ. Онъ пытается бороться противъ Стефана его - же оружіемъ, убѣжденіемъ и ласками. Судя по неяснымъ намекамъ Епифанія, его политика не оставалась безъ результата. Стефанъ скорбѣлъ, что Памъ разрушаетъ то, что онъ создаетъ. Памъ между тѣмъ все шире и шире развертывалъ свою дѣятельность. Опираясь на значеніе, которое Пермаки, подобно другимъ сѣвернымъ инородцамъ, приписывали шаманамъ, онъ вызвалъ Стефана на обычное у шамановъ состязаніе, которое должно было рѣшить, кто изъ нихъ двухъ сильнѣе.

Сначала соперники должны были взявшись за руки пройти черезъ разоженный костеръ. Если-бы это испытаніе кончилось безъ рѣшительнаго перевѣса для того или другаго, оба должны были опуститься въ прорубь на дно Вычегды и выйдти изъ другой проруби въ условленномъ мѣстѣ. Народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ рѣшеніе, которое должно было положить конецъ постояннымъ спорамъ и раздорамъ. По предложенію Стефана зажгли какою - то постройку. Когда постройка разгорѣлась, Стефанъ протянулъ руку Паму, чтобы двинуться вмѣстѣ съ нимъ въ огонь. Наступилъ рѣшительный психическій моментъ. Отъ твердости духа противниковъ зависѣло все. Шаманомъ овладѣлъ страхъ и онъ отшатнулся. Побѣда Стефана была рѣшена. Чтобы сильнѣе повліять на толпу, онъ начинаетъ силою тащить соперника къ огню и доводитъ его до того, что тотъ бросается

предъ нимъ на колѣна и умоляетъ о пощадѣ. Торжествующій Стефанъ смѣло вызываетъ его на слѣдующее испытаніе — водой. И здѣсь шаманъ въ послѣднюю минуту обнаружилъ страхъ. Язычество потерпѣло въ лицѣ его рѣшительное пораженіе. Стефанъ безпрепятственно могъ теперь заканчивать начатое дѣло—крестилъ тѣхъ, которые еще оставались язычниками, переводилъ на пермскій языкъ книги съ русскаго и даже съ греческаго, и наконецъ отправился въ Москву хлопотать объ основаніи Пермской епископіи. Выборъ митрополита естественно остановился на самомъ просвѣтителѣ Пермьянъ. Не объ одномъ этомъ пришлось Стефану хлопотать въ Москвѣ; онъ долженъ былъ защищать и свою пермянскую азбуку и свои переводы. Рядомъ съ восторженными почитателями своей дѣятельности Стефанъ встрѣтилъ въ Москвѣ людей, которые говорили, что если ужъ Пермьянамъ нужна грамота, то этой грамотой должна быть русская: она уже выработана; оставалось только научить ей Пермьяковъ. Въ этихъ рѣчахъ какъ-будто чувствуется смутное стремленіе къ сознательной ассимиляціи инородцевъ. Но большинство было еще далеко отъ этихъ стремленій. Въ дѣятельности Стефана привѣтствовали новую побѣду христіанства, припоминали Кирилла и Меѳодія и не заботились о томъ, будетъ ли отъ этой побѣды выгода Руси. Толки означеніи дѣятельности Стефана, кажется, занимали Москву и Русь до самой его смерти. Въ страницахъ Епифаніевскаго житія чувствуется живой полемическій задоръ. Епифаній называетъ противниковъ Стефана людьми скудными умомъ, выдвигаетъ въ защиту его дѣла то, что съ раздѣленіемъ языковъ явилось раздѣленіе культурное — „раздѣлилася и нрави, и обычаи, и уставы и законы и хитрости...“ Въ отвѣтъ на замѣчанія о несовершенствахъ Стефановой азбуки — „яко нѣсть гораздо устроена азбука си, достойно есть починивати ю...“—Епифаній говоритъ, что и греческую азбуку много-разъ исправляли и совершенствовали.

Взглядъ Епифанія былъ, повидимому, господствующимъ взглядомъ на дѣло Стефана русскихъ людей. Его ближайшіе преемники считали себя обязанными идти по его пути, изучали Пермскій языкъ и пользовались имъ въ своихъ сношеніяхъ съ паствою. Москва спокойно смотрѣла на событія, происходившія въ Перми. При наличности такихъ условій судьба, которую имѣло созданіе Стефана, пріобрѣтаетъ высокій историческій интересъ. Возводя пермскій языкъ на степень книжнаго, обособляя Пермлянъ кромѣ того отъ единовѣрныхъ Русскихъ и алфавитомъ, Стефанъ заложилъ зданіе самобытной пермской культуры. Русская власть, въ его пору уже чувствовавшаяся надъ Пермью, не ставила препятствій для того, чтобы вести дальше его начинаніе. Въ обществѣ большинство, какъ мы видимъ у Епифанія, сочувствовало зарожденію новой христіанской культуры. Исторіи предстояло рѣшить, могло ли Пермское племя выполнить возложенную на него просвѣтителемъ задачу. Со времени крещенія Перми до полного подчиненія ея власти Москвы прошло столѣтіе. За это время Пермiane могли безпрепятственно продолжать начатое Стефаномъ дѣло, даже распространить его на родственныхъ Вотавовъ и Югру. На дѣлѣ получилось другое—новыхъ пермскихъ книгъ, кажется, не появлялось, а тѣ, которыя были написаны Стефаномъ, со временемъ затерялись. Величавая мечта молодого устюжанина кончилась ничѣмъ. Исторія направила пермскій народъ на иной путь—на путь слиянія съ русскимъ народомъ.

Полукочевому народу, проводившему почти все время въ охотѣ и рыбной ловлѣ, не имѣвшему крупныхъ центровъ осѣлости, класса людей, свободныхъ отъ заботы о насущномъ хлѣбѣ, отдѣленному громадными лѣсными пространствами даже отъ такихъ культурныхъ центровъ, какъ Москва, обязалась не подъ силу задача, возложенная на него св. Стефаномъ. Разливающаяся русская колонизація, возникновеніе политическихъ отношеній къ Москвѣ съ своей стороны дѣлали лишнимъ для немногихъ людей, выдѣлявшихся изъ пермской тол-

пы, трудъ перевода книгъ, которыя были для нихъ понятны и на русскомъ языкѣ.

Преемники св. Стефана на Усть - Вымской каедрѣ исподволь продолжали его дѣло. Исаакій крестилъ Печерцевъ, Пятиримъ Вогуличей. Въ 1456 г. христіанская проповѣдь проникла на Каму. Іона крестилъ нынѣшнихъ Пермьяковъ. Это событіе не нашло такого историка, какъ Елифаній. Въ лѣтописяхъ вкраткѣ сказано: «крести Великую Пермь и князя ихъ и церкви поставилъ и игумены и попы» ¹⁾. Извѣстіе лѣтописи, кажется, относится къ Чердыни и ближайшимъ окрестностямъ. Около 30 лѣтъ спустя Герберштейну говорили въ Москвѣ, что Пермьяки далеко не всѣ крещены: «до сихъ поръ многіе изъ нихъ остаются идолопоклонниками, живя разбѣянно въ лѣсахъ; монахи и отшельники не перестаютъ обращать ихъ отъ заблужденій и суетнаго служенія идоламъ» ²⁾. Самая проповѣдь не имѣла, повидимому, такого глубоко - захватывающаго вліянія, какъ проповѣдь Стефана. Пермьяки внѣшнимъ образомъ принимали христіанство, но продолжали держаться своихъ старыхъ обычаевъ, приносили жертвы идоламъ, вступали въ браки, недопускаемые церковью. Христіанскій культъ былъ понятъ ими, какъ и другими нашими инородцами, грубо, примѣнительно къ формамъ своего стараго. Первые церкви были воздвигнуты, по преданію, на мѣстахъ языческихъ мольбищъ. Въ новыхъ храмахъ, новому Богу они продолжали служить такъ же, какъ и своимъ старымъ богамъ. Въ пермяцкомъ краѣ до сихъ поръ существуютъ часовни, куда въ опредѣленные дни приносятъ мясо куриць, барановъ, коровъ. Есть пунеты, гдѣ въ собственномъ смыслѣ приносились въ жертву гекатомбы. Еще лѣтъ 10—15 тому назадъ въ Кочѣ Чердынскаго уѣзда закалалось до 80 быковъ, которые тутъ-же по-

¹⁾ Карамз. И. Г. Р. VI. Прим. 629.

²⁾ Замѣсл. «Гербершт.» 421.

ѣдались и раздавались нищимъ. Можно съ полной увѣренностью сказать, что всѣ часовни, куда приносятся до сихъ поръ жертвы, существуютъ на мѣстахъ языческихъ моленій. Относительно зырянскаго края на этотъ счетъ существуютъ положительныя указанія. Когда въ Вымѣ разламывали деревянную Архангельскую церковь, подъ алтаремъ нашли сгнившій пень священной березы, который Зыряне разобрали по кусочкамъ ¹⁾.

Съ водвореніемъ христіанства въ пермскомъ краѣ устанавливается духовная связь его съ Москвой. Епископы Велико-Пермскіе, будучи поставлены Московскими митрополитами, явились естественными проводниками московскихъ политическихъ стремленій. Пермь почти до самаго паденія Новгорода считалась въ числѣ Новгородскихъ областей, но прочная власть Новгородцевъ въ краѣ едва-ли простиралась далѣе XIII в. Съ того момента, какъ на водномъ пути Новгородцевъ въ Пермь, Печеру и Югру выросъ Устюгъ, опиравшійся на Ростовскую землю, господство Новгорода на Востокѣ было поколеблено. Въ XIV в. Устюжане нападаютъ на Новгородскихъ сборщиковъ дани. Съ переходомъ Устюга подъ власть Москвы положеніе Новгородцевъ становится еще болѣе шаткимъ. Иванъ Калита въ 1332 уже требуетъ съ Новгородцевъ сребра закаменскаго и подкрѣпляетъ это требованіе посланкой отряда въ Заволочье, на двинскія волости. Переходъ Устюга въ руки Москвы знаменуетъ собою начало водворенія политической власти Москвы среди Перми. Тѣ изъ Пермьковъ, которые жили въ Устюжской области по Сухонѣ и Югу, подпали, вѣроятно, вмѣстѣ съ Устюгомъ подъ власть Москвы. Допуская такое предположеніе, мы приобретаемъ возможность примирить данныя актовъ съ извѣстіями біографа ст. Стефана. Акты говорятъ намъ, что до 1471 г. Новгородъ считалъ Пермь своей волостью, біографъ Стефана между тѣмъ

---

¹⁾ Шишонко. Перм. Лѣт. I, 5.

вкладываетъ въ уста Пама жалобы на Москву, откуда идутъ “дани тяжкія и тіуны и приставницы“. Эти жалобы представляютъ дѣло такъ, какъ будто Пермь Вычегодская въ эпоху Стефана не имѣла уже самостоятельнаго существованія и управлялась московскими чиновниками. Въ плачѣ Пермскихъ людей заключаются намеки на тѣ же отношенія — Пермяки скорбятъ, что лишились печальника передъ Московскимъ княземъ. Несостоятельность такихъ извѣстій по отношенію къ Перми Вычегодской очевидна изъ того, что еще въ XV в. мы имѣемъ въ лѣтописяхъ указанія на Вымскихъ князей ¹⁾. Князья фигурируютъ и на надписяхъ, которыя сопровождаютъ рѣзбу на посохѣ св. Стефана, исполненную въ XV—XVI в. ²⁾. — Москва дѣйствовала въ отношеніи Перми съ большою осторожностью. Пермяки имѣли своихъ князей, Новгородцамъ Московскіе князья не препятствуютъ назвать Пермь своей волостью и въ то же время съ 1449 г. именуютъ себя князьями Ростовскими и Пермскими. Въ то же время московскій митрополитъ Іона называетъ области Вымъ, Сысолу и Вычегду вотчиной великаго князя. Новгородцы фактически сами смотрѣли уже на эти области, какъ на чужія. Они воевали въ нихъ и уводили въ полонъ тысячи жителей ³⁾. Подчиненіе Вятки въ 1459 г. увеличивало наступательныя силы Москвы. Въ 1471 г. въ качествѣ исконнаго владѣнія князя Московскаго упоминается уже бассейнъ Важи съ соприкасающими мѣстностями по теченію Вычегды ⁴⁾. Въ то же время къ Москвѣ окончательно перешла вся Вологодская область ⁵⁾. Пермь Вымская и Камская были теперь отрѣзаны отъ Новгорода владѣніями Московскаго князя. Присоединить ихъ къ Москвѣ не составляло уже затрудненія.

¹⁾ Подробности у Дмитріева. «Перм. Ст.» I, 158—165.

²⁾ Перм. Лѣтоп. I, 16.

³⁾ Акты Ист. I, № 261.

⁴⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 94.

⁵⁾ Кар. И. Г. Р. VI, 366.

Предлогъ нашелся въ видѣ обиды, нанесенный гдѣ то въ Перми Московскимъ торговцамъ. Какимъ путемъ была присоединена Пермь Вымская, источники не говорятъ. Архангельская лѣтопись рассказываетъ только о походѣ на Пермь Камскую. Князь Ѳеодоръ Пестрый и Гаврила Нелидовъ овладѣли нынѣшнимъ Чердынскимъ Покамьемъ—разрушили пермскіе городки, въ числѣ которыхъ были Искоръ, Покча, Уросъ, Чердынь, взяли въ плѣнъ князьковъ пермскихъ Коча, Бурмата, Мичкана, Зырана и Михаила Чердынскаго. Любопытна добыча, которую послали побѣдители въ Москву — 16 сороковъ соболей, 29 поставовъ нѣмецкаго сукна, 3 панцыря, шлемъ и 2 булатныя сабли. Глухое воспоминаніе о борьбѣ съ Русскими подъ Чердынемъ до сихъ поръ живеть среди Пермяковъ. Забывъ о томъ, что они были когда-то независимыми, Пермяки помнятъ объ этой борьбѣ и думаютъ, что она должна повториться передъ кончиной міра.

Изъ скудныхъ свѣдѣній о завоеваніи Перми очевидно, что Москвичи мирнымъ путемъ проникали ранѣе туда уже. Есть извѣстія, позволяющія предположить, что русская колонизація предшествовала здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, завоеванію. Берхъ относитъ къ 1430 г. основаніе перваго Русскаго поселенія на Усоли. Посадскіе Калининковы основали будто-бы въ это время соляныя варницы близъ села Верхъ-Боровскаго, и потомъ перенесли ихъ на р. Усолку¹⁾. Предположеніе, что самый Чердынь основанъ въ XV в. Новгородцами не выдерживаетъ критики: во первыхъ Чердынь былъ политическимъ центромъ Перми и находился подъ властью туземнаго князя, во вторыхъ Новгородцамъ въ XV в. было уже не до колонизаціи такихъ далекихъ владѣній, когда приходилось бороться за ближайшія—за Вологду и Двинскую область.

---

¹⁾ Путеш. въ Черд. и Сол. у. 3.

Событія 1472 г. измѣнили главнымъ образомъ отношенія Перми къ сосѣдямъ. Независимые пока еще вогульскіе князья стали видѣть теперь уже въ князьяхъ пермскихъ своихъ враговъ и слугъ Москвы и избрали Пермскія области предметомъ своихъ нападеній. Въ 1481 г. Чердынъ пришлось уже русскими силами спасать отъ подошедшихъ Вогуловъ. Опасность грозила и Вымской Перми. Объ этомъ можно заключать изъ того, что стараніями Вымскаго епископа Филофея было достигнуто въ 1485 г. соглашеніе между Югорскими и Вымскими князьями, по условіямъ котораго Югры клялись не нападать на Пермичей. Тревога Югры была основательна. Въ 1483 г. мы видимъ, дѣйствительно, Пермяковъ бою о бою съ Русскими въ походѣ противъ Югры за Уралъ ¹⁾. По отношенію къ внутреннему положенію на первыхъ порахъ никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ не произошло. По прежнему Пермяки управлялись своими собственными князьями; по прежнему платили дань—только не въ Новгородъ, а въ Москву. Тридцать лѣтъ держались эти отношенія. Сынъ и преемникъ Московскаго подручника въ Чердынѣ Михаила—Матвѣй сдѣлалъ, кажется, попытку обратить зависимыя отношенія отъ Москвы въ номинальныя—уклонаясь отъ платежа дани, не обращалъ вниманія на требованія Московскаго князя. Изъ Москвы было сдѣлано предостереженіе, но Матвѣй не обратилъ на него вниманія. Въ 1505 г. ему пришлось однако убѣдиться, что Москва не номинальная власть по отношенію къ Перми. Воспользовавшись пожаромъ, случившимся въ Чердыни Иванъ свелъ съ княжескаго стола пермскаго князя, какъ нерадащаго о своей странѣ и замѣнилъ его своимъ намѣстникомъ ²⁾. Пермяки съ полнымъ спокойствіемъ отнеслись къ этой перемѣнѣ. Умирая, Иванъ передалъ своему сыну Василию III Вычегду, Вымь, Удору, Сысолу и Пермь Великую, какъ волости Московскаго государства.

---

¹⁾ Перм. Лѣт. I, 31.

²⁾ Ibid. 33.

Послѣ прекращенія власти національныхъ князьковъ Пермьки стали управляться Московскимъ намѣстникомъ, который имѣлъ своей резиденціей Чердынь. Переходъ власти не означалъ измѣненія стараго порядка. Намѣстники не имѣли права перерѣшать приговоровъ или отиѣнять грамотъ Пермскихъ князей. Намѣстникъ собиралъ съ Пермьковъ дань, чинилъ судъ, оберегалъ отъ враждебныхъ сосѣдей-инородцевъ. Онъ имѣлъ цѣлый штатъ подчиненныхъ ему чиновниковъ—тіуновъ, цѣловальниковъ, доводчиковъ и праведчиковъ. Тіуны вѣдали по преимуществу судебныя дѣла, цѣловальники собирали подать, пошлины, производили торговлю регаліями—виномъ и пр. Подати собирались особыми чиновниками—данниками или бѣльщиками. Намѣстникъ получалъ свое содержаніе натурой: извѣстное количество денегъ при пріѣздѣ и по праздникамъ Рождества, Пасхи и Петрова дня.

Отношенія Пермьковъ къ намѣстнику и размѣръ тѣхъ повинностей, которыя они должны были ему уплачивать опредѣлялись спеціальнымъ государственнымъ актомъ—установной грамотой. Пермское населеніе высоко цѣнило этотъ актъ, которымъ дѣятельность намѣстника ставилась въ опредѣленныя границы. Когда эта грамота сгорѣла и администрація начала дѣйствовать произвольно—судить безъ цѣловальниковъ—населеніе Перми отправило въ Москву депутатовъ отъ городскихъ и сельскихъ людей съ тѣмъ, чтобы выхлопотать новое подтвержденіе ея. Эти депутаты представляли въ числѣ другихъ интересовъ и интересы ясачныхъ Пермьковъ. Пермьки, судя по грамотѣ, жили тогда исключительно охотой и платили налогъ (ясакъ) съ лука. Злоупотребленія намѣстничьихъ агентовъ выражались между прочимъ въ томъ, что они писали лишніе луки.

Желаніе Пермьковъ было удовлетворено. Новая грамота опредѣляла размѣръ содержанія, которое должны были платить ясачныя Пермьки намѣстнику и его штату. „Съ пятнадцати сотъ луковъ, со шти сотъ сорова пяти луковъ на

Рождество Христово за 1400 бѣлокъ четырнадцать рублей, по двѣ деньги за бѣлку, на Великъ день — за 700 бѣлокъ 7 рублей, на Петровъ день за 700 бѣлокъ 7 руб.“ Сборъ повинностей по грамотѣ должны были производить старосты и люди добрые, Пермьки сами. Чиновники намѣстника не имѣли права ѣздить по погостамъ писать луки. Распредѣленіе повинностей между собою Пермьки должны были производить также сами. Въ избѣжаніе лишнихъ расходовъ намѣстникъ не долженъ былъ ранѣе года мѣнять чиновниковъ или переводить доводчиковъ изъ одного погоста въ другой. Грамата входитъ въ мельчайшія подробности отношеній чиновниковъ къ поселенію. Предусматривая возможность злоупотребленій при требованіи доводчиками прокорма при поѣздкахъ, грамата говоритъ: „что (Пермькѣ) самъ ѣсть, тѣмъ и доводчика кормить“.

Помимо тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ грамата для опредѣленія отношеній населенія къ намѣстникамъ, мы находимъ въ ней указанія на юридическіе обычаи, имѣвшіе мѣсто въ Пермской землѣ (у Пермьковъ специально, или у всего населенія?). Спорные вопросы — по поводу займа, грабежа или драки, воровства, убійства, поджега, клеветы и ябедничества, рѣшались, овазывается, полемъ, т. е. поединкомъ. Судъ долженъ былъ производиться съ участіемъ выборныхъ цѣловальниковъ, старосты и лучшихъ людей. „Лихихъ“ людей, преступность которыхъ засвидѣлствуютъ подъ присягой 5—6 „добрыхъ людей“, Пермьки имѣли право выгонять вонъ изъ своей земли.

Для уясненія той организаціи, которую имѣли Пермьки въ эпоху уставной грамоты, важно счисленіе луковъ сотнями по двумъ группамъ и взиманіе поборовъ со знамени. Мы имѣемъ здѣсь, повидимому, указанія на троекое дѣленіе Пермьковъ: о первой крупнѣйшей группѣ можно догадываться по тому, что число луковъ сосчитано не въ общей суммѣ — а пятнадцать сотъ и 645; другую группу представляетъ сотня луковъ, третью знамя. Подъ знаменемъ слѣдуетъ ра-

зумѣть родъ, имѣющій общій знакъ собственности—тамгу *).

Въ началѣ XVI в. прекратилась политическая самостоятельность Перми. Во второй половинѣ его были заложены основы для другаго крупнаго явленія въ исторіи Пермьяковъ—закрѣпощенія большей части ихъ за русскими помѣщиками. Въ 1558 г. громадная территория по обѣ стороны Камы отъ устья р. Лысвы до устья Чусовой переходитъ въ собственность Аникія Строганова. Для того, чтобы понять это явленіе нужно перенести въ ту эпоху колоссальныхъ территориальныхъ пріобрѣтеній, которая открывается покореніемъ Казани и заканчивается у береговъ Восточнаго Океана. Въ 1552 г. падаетъ Казань, въ 1554 г. Астрахань и въ

---

*) Грамата, съ содержаніемъ которой мы ознакомились, относится обыкновенно къ 1553 г. Берхъ, который ее отыскалъ и издалъ, думалъ, что она была дана въ 1505 г. когда князей замѣнили намѣстники. Г. Дмитріевъ, перепечатавшій ее въ своей «Пермской старинѣ» (1 вып.) раздѣляетъ мнѣніе Берха. Мы думаемъ, что это единственно-правильный взглядъ на время дарованія грамоты. Въ грамотѣ есть мѣсто, которое по нашему мнѣнію ясно показываетъ, что оригиналъ ея данъ непосредственно за установленіемъ намѣстничества. «О земляхъ и о рѣкахъ и озерахъ и всякихъ угодьяхъ судъ за три года, а далѣ того о земляхъ не судити; и первнхъ судовъ и грамотъ князей Пермскихъ не посужи вати «читаемъ мы въ ней. Это мѣсто свидѣлствуетъ, что грамота была издана въ такое время, когда власти имѣли дѣло съ массой споровъ изъ за права владѣнія землями и угодьями. Правительство считало нужнымъ назначить довольно долгій срокъ для улаженія этихъ споровъ и предупредить, что оно не беретъ перерѣшать постановленія Пермскихъ князей. Такимъ періодомъ, когда Пермцамъ могло показаться, что теперь должны измѣниться всѣ основы владѣнія и пользованія землями и угодьями (включая сюда и права, данныя Пермскими князьями), могъ быть только періодъ перехода отъ самостоятельнаго управленія къ намѣстническому.

Другимъ свидѣтельствомъ въ пользу принадлежности грамоты къ началу XVI в. служитъ характеръ пермскаго быта. Грамата представляетъ Пермьяковъ охотниками, считаетъ ихъ по лукамъ, опредѣляетъ платежи обьлками. Писцовая книга Яхонтова говоритъ уже исключительно о земледѣльцахъ; само собою разумѣется, больше вѣроятности предположить, что эта перемена совершилась въ 70 лѣтъ подъ вліяніемъ прилива русскихъ колонистовъ, чѣмъ въ 25, отдѣляющія эту книгу отъ 1553 г.

руки Москвы переходят громадныя земли Поволжья отъ Василя до Каспійскаго моря. Одновременно основывается русская власть въ земляхъ Башкиріи. Въ 1655 г. територіальныя пріобрѣтенія *de jure* переходятъ за Уралъ. Князь Сибирскій Едигеръ отдается съ своими людьми подъ власть Москвы. Если мы прибавимъ къ этому пріобрѣтенныя въ началѣ XVI в. Югорскія земли и перешедшую въ непосредственное вѣдѣніе московскаго правительства Пермь, то окажется, что въ распоряженіе Москвы поступила колоссальная территорія отъ Ледовитаго моря до Каспійскаго съ С. на Ю. отъ устья Суры до Урала съ З. на В. Эта территорія была извѣстна Русскимъ людямъ лишь настолько, насколько можно было ознакомиться съ ней, плывя по главнымъ воднымъ артеріямъ—Вычегдѣ, Печерѣ, Камѣ, Бѣлой и Волгѣ.

Обратить громадный край въ дѣйствительное достояніе русскаго народа и государства предстояло не безъ борьбы. Борьба приходилося прежде всего съ кочевниками, занимавшими земли на Югъ отъ Камы и Чусовой и все Зауралье. Между тѣмъ государственныя ресурсы нужно было какъ разъ въ это время напрягать для борьбы на два фронта—съ Ногаями, отрѣзывавшими Москву отъ Чернаго моря, и Нѣмцами, державшими въ своихъ рукахъ Балтійское. Государство страшно нуждалось въ приспособленныхъ къ военному дѣлу служилыхъ людяхъ и отпускало ихъ на В. въ комически маломъ числѣ. Понятно при такихъ условіяхъ, что оно хваталось за всякое средство удержать за собой безъ затраты служилыхъ людей новопріобрѣтенныя земли и не стояло за тѣмъ, чтобы вознаграждать людей, которые изыскивали такія средства, даже обширными пространствами пустопорожней земли. Человѣкомъ, предложившимъ такое средство для Перми, явился Аникій Строгановъ—богатый Вологодскій (точнѣе Соль-Вычегодскій) солепромышленникъ и землевладѣлецъ. Онъ испрашиваетъ для своего сына Григорія „пустопорожнія земли“ по Камѣ съ обязательствомъ устроить на нихъ „городки за свой счетъ и въ городкахъ пушки и пищали учинити и пушкарей и пи-

щальниковъ и воротниковъ устроить для береженія отъ Нагайскихъ людей и иныхъ ордъ¹⁾. Заселить земли онъ обязывался не письменными, не тяглыми людьми, рудъ серебряныхъ, мѣдныхъ, и оловяныхъ не разрабатывать¹⁾. Принимая на себя въ замѣнъ за пустопорожнія земли защиту отъ враждебныхъ инородцевъ заселенныхъ земель Перми Великой, Строгановы по условіямъ XVI в. предлагали государству выгодный договоръ. Вопросъ заключался въ томъ, дѣйствительно - ли эти земли были пустопорожними, не нарушала - ли отдача ихъ чьихъ нибудь интересовъ. Москва не имѣла обычая, отобравши у покоренныхъ народовъ земли, обращать туземцевъ въ рабовъ для завоевателей. Предъ царскими фискомъ были равны Русскій, Черемисинъ, Пермскій и Вогуль. При добрыхъ намѣреніяхъ Московскому правительству недоставало, къ сожалѣнію, знаній на счетъ того, что ему попало въ руки. Аника Строгановъ не считалъ нужнымъ просвѣщать въ географіи грознаго царя. Въ своей челобитной онъ сообщаетъ только перечникъ того пространства, которое намѣревался прибавить къ рукамъ. Какую ширину имѣла просимая территорія, представлялось догадываться изъ ходатайства о позволеніи по рѣчкѣ, впадающимъ въ Каму до вершинъ и по озерамъ „лѣсъ сѣчь, пашни расчистя пахать и дворы ставить“. Что это были за рѣчки, какъ онѣ назывались, въ просьбѣ не было даже упомянуто; между тѣмъ въ числѣ ихъ оказываются съ правой стороны Инва, вытекающая изъ Глазовскаго у. Вятской губерніи и имѣющая 160 в. длины, Обва, начинающаяся также по близости Вятской губерніи и занимающая своимъ бассейномъ на протяженіи 200 верстъ обширное пространство въ нынѣшнихъ уѣздахъ Оханскомъ и Пермскомъ; съ лѣвой стороны Яйва берущая начало на Уралѣ и имѣющая длину 300 в., Косьва, впадающая въ Каму нѣ-

---

¹⁾ Перм. Лѣтоп. I, 51.

сколько ниже Иньвы, съ теченіемъ въ 280—300 в¹⁾. Испрашивая для себя земли по теченію этихъ рѣчекъ до ихъ вершинъ, Строгановъ простиралъ свои желанія на громадное пространство отъ границъ между нынѣшними губерніями Вятской и Пермской до Урала съ З. на В. и отъ Ласвы до Чусовой съ С. на Ю. Это пространство опредѣляется въ 3,415,840 десятинъ²⁾. Вопросъ о принадлежности его былъ разрѣшенъ въ челобитной самымъ короткимъ образомъ: Строгановъ категорически заявлялъ, что испрашиваемыя земли пусты, „пашни на нихъ не паханы, дворы не ставвали, въ цареву казну ни какого дохода не бывало и нынѣ не отданы никому и въ писцовыхъ книгахъ, и въ вучихъ и въ правожныхъ то мѣсто не написано ни у кого“. Дѣло представлялось вполне вѣрнымъ; для пущей убѣдительности сдѣлана была даже ссылка на писцовыя книги, которыхъ относительно Пермской области еще и не было. Не упомянуто было только о Пермяхахъ, которые могли имѣть здѣсь, если не постоянныя жилища, то угодыя. Но о нихъ догадались спросить въ Москвѣ. Дать справки могъ пріѣхавшій въ Москву съ пермской данью Пермякъ Кадауль. Кадауль сообщилъ правительству, что у Пермяковъ въ тѣхъ мѣстахъ ухожеевъ (промысловъ) нѣтъ. Предполагають, что Кадауль продалъ Строгановымъ свое свидѣтельство и интересы родичей Пермяковъ. Въ какой степени были точны его свѣдѣнія, можно судить изъ того, что Яхонтовъ, составившій по порученію Московскаго правительства въ 1579 г. т. е. черезъ 15 лѣтъ послѣ полученія Строгановыми дачи, писцовыя книги по Пермскимъ землямъ, отнесъ въ составъ отхожаго Чердынскаго станна бассейны тѣхъ-же Иньвы, Обвы, Яйвы и Косьвы. Это отчисленіе могло состояться лишь по тому, конечно, что на данной территоріи находились поселенія и угодыя

---

¹⁾ Сп. н. м. Перм. губ. Спб. 1874.

²⁾ Дмитр. «Перм. Стар.» I, 101.

государственныхъ крестьянъ. Границы отхожаго стана по направлению къ Камѣ видны изъ того, что по Яхонтову въ отхожемъ станѣ находятся на Иньвѣ Кудымборъ, Купросъ, Туманская, Юсьва на притокѣ Иньвы того-же названія, Кува на притокѣ Иньвы того-же названія, на Обвѣ—погость Обва (нынѣ Ильинское), Криваянаволока и Оедорово. Внѣ отхожаго стана оставалась сравнительно узкая полоса вдоль Камскаго берега до Ильинскаго по Обвѣ и Майкора по Иньвѣ ¹⁾). Уже одно существованіе цѣлыхъ погостовъ въ отхожемъ стану способно представить въ настоящемъ свѣтѣ Строгановскія увѣренія на счетъ пустопорожности камскихъ земель. Писцовыя книги заключаютъ и другія, косвенныя доказательства того, что пашни здѣсь были пахиваны и до Строгановскихъ поселенцевъ. Въ писцовыхъ книгахъ Яхонтова мы находимъ любопытныя соотношенія между числомъ населенія и количествомъ культивированной земли. Вокругъ Яйвенской слободки было три починка, которымъ принадлежали 399 четей пахатной земли и 111 дес. пашеннаго лѣса, т. е. всего 1112 дес., въ Сылвенскомъ округѣ за тремя деревнями и пятью починками значилось 2847 четей т. е. 7117 дес. пашни и 222 дес. пашеннаго лѣса. Трудно допустить, чтобы горсть людей въ состояніи была въ 15 лѣтъ обработать такую громадную площадь дикаго лѣса. Вѣроятно, старое населеніе было согнано.

Правительство само, повидимому, не совсѣмъ довѣряло просителю и отдало ему просимыя земли съ важной оговоркой „во всякія угоды Пермичамъ и въ земляныя и въ лѣсныя отъ Лысвы рѣки по Камѣ, по рѣчкамъ и озерамъ и до вершинъ и до Чусовыя рѣки у Григорія не вступаться ни въ которыя угоды въ новыя, а владѣютъ Пермичи старыми и ухожени, которыми изстари владѣли, и Григорій владѣетъ своими новыми ухожени, а что будетъ намъ

---

¹⁾ Дмитр. «Перм. Ст.», I, 84.

Григорій по своей челобитной ложно челомъ билъ и то ся моя грамата не въ грамату“¹⁾).

Правительство удерживало за собой такимъ образомъ право по полученіи новыхъ, противорѣчащихъ свѣдѣній взять свое рѣшеніе относительно отданныхъ земель назадъ. Такихъ свѣдѣній въ Москву не доходило. Пользуясь царскимъ довѣріемъ, Строгановы продолжаютъ выпрашивать новыя земли. Въ 1568 г. Строгановскія дачи были увеличены теченіемъ Чусовой и впадающихъ въ нее притоковъ съ обязательствомъ, чтобы владѣльцы за свой счетъ поставили тамъ городки и крѣпости. Черезъ 15 лѣтъ послѣ первой дачи благодаря работамъ Яхонтова Москва пріобрѣла возможность судить о томъ, ложно-ли билъ челомъ Григорій Строгановъ и воспользоваться оговореннымъ въ дарственной грамотѣ правомъ отобрать подаренныя земли, но ссориться съ Строгановыми въ эту пору было невыгодно. Съ утвержденіемъ Строгановыхъ на Чусовой возникаютъ враждебныя отношенія въ Остякамъ и Вогуличамъ, которые жили по этой рѣкѣ, и сибирскимъ ихъ родичамъ. Въ 1573 г. Пелымскій князь Бехбелей переходитъ Уралъ, опустошаетъ окрестности Чердыня и Кая, отсюда проникаетъ въ Строгановскія владѣнія и грозитъ Камгорту, Кергедану и городкамъ по Чусовой, Яйвѣ и Солвѣ. Строгановы напали на грабителей въ горахъ и съ трудомъ одолѣли ихъ. Въ томъ-же году на Чусовой городъ совершаетъ нападеніе братъ Сибирскаго царя Маметгуль. Результатомъ этого нападенія было то, что Строгановы получили отъ царя разрѣшеніе ходить на Сибиряковъ войной и бунтовщиковъ подъ царскую руку проводить. Въ 1574 г. имъ предоставленъ былъ во власть незавоеванный еще бассейнъ Тобола. Въ ту пору, какъ составлялась писцовая книга Яхонтова, Строгановы организовали уже Сибирскую экспедицію изъ волжскихъ викинговъ — промышленнаго разбоемъ донскаго

---

¹⁾ Перм. лѣт. I, 53.

казака Ермака съ товарищами. Казацкіе отряды быстро рѣшили дѣло въ пользу Руси и Строгановыхъ. Въ то время, какъ изъ Москвы шли въ послѣднимъ грозныя царскія грамоты, въ которыхъ они обвинялись въ нарушеніи государственныхъ интересовъ, изъ Сибири на Русь отправлялся Иванъ Кольцо, чтобы отдать покоренную страну подъ высуюю руку царя Московскаго.

Наслѣдникъ грознаго царя былъ не изъ тѣхъ людей, которые способны на энергическія дѣйствія. Строгановы при немъ не только удержали за собой свои колоссальныя владѣнія, но получили въ 1597 г. даже прибавку—земли лежащія по притокамъ Камы отъ Лысьвы (ниже Чусовой) до Ошана отъ устья до вершинъ. Этими притоками были Лысьва (60 верстъ длины), Сюзьва (50 в.), Нытва (50 в.), Очеръ (80 в.)¹⁾. Новый участокъ прекрасно закруглялъ Строгановскія дачи по правому берегу Камы. Верховья полученныхъ рѣчекъ сходились съ верховьями рѣчекъ бассейна Обвы. Первому царю изъ дома Романовыхъ было также не совсѣмъ удобно заводить съ Строгановыми счеты. Строгановы были кредиторами казны въ тяжелую пору водворенія на Руси порядка. Они ссудили до вступленія на престолъ Михаила на нужды государства 423,706, ссужали его и послѣ (въ 1673 г. при Алексѣѣ Михайловичѣ эта ссуда, не смотря на платежи, достигала до 417,056 рублей)²⁾. Михаилъ Федоровичъ не только не поднималъ вопросовъ о Камскихъ рѣчкахъ, но даже подарилъ въ 1615 г. Строгановымъ еще нѣсколько новыхъ отъ устья Ошана до устья Тулвы близъ Осы; такъ что Строгановскія владѣнія на всемъ югозападѣ почти совпали съ границами Пермской губерніи и Вятской.

Когда въ 1623 г. поручена была Кайсарову новая опись Пермскихъ земель, Строгановы, повидимому, не считали болѣе нужнымъ играть съ правительствомъ въ жмурки и

¹⁾ Перм. Лѣтоп. I, 121.

²⁾ Дмитр. «Перм. Ст.» II, 156.

показали, какія рѣчи и они считаютъ своей собственностью: „да въ рѣку-же Каму, читаемъ мы у Кайсарова въ писцовой книгѣ Строгановскихъ вотчинъ, впали въ той-же ихъ межѣ рѣка Обва, да рѣка Косьва, да рѣка Иньва“. Слѣдующая за тѣмъ фраза показываетъ, какъ составлялъ Кайсаровъ свои книги. Онъ находитъ возможнымъ утверждать послѣ того, какъ Яхонтовъ описалъ „отхожіе“ погосты и деревни на Обвѣ и Иньвѣ, что „по тѣмъ рѣкамъ по обѣ стороны отъ устей до вершинъ и въ той межѣ берега пустыя и острова и рѣки малыя, которыя впали... въ Обву, и въ Косьву и въ Иньву отъ устей и до вершинъ и озера лѣшія съ истока и лѣса дикіе съ рыбными и звѣринными ловлями и со всякими угодами ихъ Максимовы да Ивановы ¹⁾... Писецъ безцеремонно обходитъ существованіе ряда извѣстныхъ правительству селеній въ бассейнѣ Иньвы и Обвы и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ маленькую поправку къ дарственной 1558—1564 г.: не однѣ ужь рѣчки Иньва, Обва и Косьва оазываются въ Строгановской межѣ, но и ихъ притоки отъ устьевъ и до вершинъ. „Часть отхожаго стана“ Чердынцевъ благодаря этому канцелярскому приему обращалась для правительства въ пріятное воспоминаніе.

Москва пока не обращала на невыгодныя для нея бумаги вниманія и продолжала распоряжаться населеніемъ отданныхъ земель и самими землями. Въ писцовой книгѣ Усольскаго уѣзда, составленной въ 1647 г. Елизаровымъ, Иньва и Обва все еще считаются государственнымъ достояніемъ. Елизаровъ показываетъ здѣсь новыя погосты—Купросъ, Майворъ, Нижнюю Юсьву, на Обвѣ Рождественскій, Карагай, Георгіевскій, Богородицкій. Обвинскія селенія составляли особую Обвинскую соху.

Книги Елизарова вводятъ насъ въ новый періодъ отношеній Строгановыхъ къ правительству. Строгановы выража-

---

¹⁾ Перм. стар. I, 127.

ютъ уже притязанія на владѣннѣ погостами, которые были основаны государевыми крестьянами. Елизаровъ заноситъ Майборъ въ число селеній, принадлежащихъ Дан. Ив. Строганову ¹⁾. Этотъ захватъ встрѣтилъ протестъ съ стороны населенія. Затѣмъ нѣсколько ранѣе по жалобѣ „Чердынцевъ и Усольцевъ“ подъячій Антипинъ на основаніи царскаго указа отписалъ въ Обвинской сохѣ отъ вотчины Дан. Строганова одна дцать деревень; тутъ было между прочимъ село Кыласово на Иньвѣ. Строгановы продолжали однако предъавлять на нихъ свои притязанія и Елизаровъ вноситъ ихъ въ свою переписную книгу Строгановскихъ владѣній въ качествѣ отписныхъ деревень, которыми нынѣ владѣетъ Данила-жь Строгановъ ²⁾.

Населеніе Инвенскаго и Обвинскаго бассейновъ между тѣмъ быстро расло. „Изъ многихъ мѣстъ на Обву и на Иньву крестьяне селятся многіе и пашни у нихъ великія и мѣсто теплое и земли родимые и хлѣбъ и медъ и хмѣль у нихъ родится на всѣ годы...“, читаемъ мы въ одной мѣстной крестьянской челобитной. Въ числѣ переселенцевъ на Обву и Иньву были и Чердынцы—Пермичи ³⁾.

Черезъ 15 лѣтъ со времени составленія Кайсаровскихъ книгъ Инвенскій и Обвинской районъ уже называется станомъ, жители его продолжаютъ считать себя государевыми крестьянами, но уже не Чердынскаго, а Усольскаго уѣзда.

Путаница отношеній съ 40-хъ годовъ XVII в. все болѣе и болѣе увеличивается. Въ 1560 г. оказалось, что и Лысьва, которую въ качествѣ безлюдной и никому не принадлежащей рѣви получилъ Строгановъ и пожертвовалъ Пыскорскому монастырю, была занята Усольцами: „Пыскорскаго монастыря архимандритъ съ братьей... по рѣкѣ по Лысьвѣ, писали Усольцы царю—и до вершины сѣнными покосы и пашенными

¹⁾ Перм. Стар. II, 92.

²⁾ Ibid. 98.

³⁾ Ibid. 50—51.

землями и лѣсами и рыбными ловлями завладѣли насильствомъ и нашу Усольскую тяглую землю у податныхъ тяглыхъ людей поотнимали и подѣ заеладъ и вкладомъ поимали ¹⁾“.

Государство продолжаетъ держаться за свои права до самаго конца XVII в. Писцовыя книги Бѣльскаго въ числѣ государственныхъ владѣній считаютъ извѣстную уже намъ Обвинскую соху. Въ числѣ прибылыхъ погостовъ и селеній мы видимъ у Бѣльскаго на Обвѣ погосты Срѣтенскій (дер. Вотчина), Георгіевскій (Кривецъ), Николаевскій. На Иньвѣ также государственные крестьяне еще держались противъ Строгановскихъ захватовъ: „деревня Майкорь... да деревня Мартынова на устьѣ рѣки Оны, а въ ней крестьянскихъ дворовъ девять и тѣ послѣдніе той деревни Майнора крестьяне живутъ за Великимъ государемъ въ деревнѣ Быковѣ, а деревни Мартыновы живутъ за В. Г. и писаны въ тѣхъ деревняхъ въ погосту Майкору...“ ²⁾.

Всматриваясь въ исторію отношеній между Строгановыми и правительствомъ мы приходимъ къ заключенію, что эти отношенія при постоянномъ ростѣ населенія могли кончиться двояко — или возвращеніемъ уступленныхъ Строгановымъ земель по Камѣ по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ отхожаго стана въ казну или отдачей Строгановымъ поселившихся на ихъ земляхъ людей. Отхожій станъ обращалъ въ фикцію владѣніе рѣчками до ихъ вершинъ; „владѣніе рѣчками“ въ свою очередь дѣлало невозможнымъ существованіе въ ихъ области государевыхъ крестьянъ. Игнорировать грамоты, данныя въ пору полного невѣдѣнія о размѣрахъ государственной территоріи, становилось затруднительнымъ. Въ концѣ XVII в. эти запутанныя отношенія выяснились въ интересахъ Строгановыхъ. Размежеваться съ Строгановыми, выдѣлить по недоразумѣнію отданный имъ отхожій станъ на

---

¹⁾ Перм. Стар. II, 106.

²⁾ Ibid. 167.

ослованіи оговорки въ грамотахъ 1558—64 г., правительство не сочло удобнымъ. Строгановскіе интересы представлялъ тогда хитрый дѣлецъ Григорій Дмитріевичъ, государственные—молодой, размашисто-щедрый къ своимъ любимцамъ Петръ. Строгановъ ловко повернулъ дѣло въ свою пользу. Сначала, въ 1688 г. онъ заручился обычнымъ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ грамотъ. Въ 1691 сдѣланъ былъ новый шагъ въ смыслѣ устраненія государства отъ Пермскихъ земель. До сихъ поръ государство было ихъ верховныхъ собственникомъ и утверждало во владѣніи ими каждое новое лицо. Григорій Строгановъ добился того, что всѣ, когда бы то ни было пожалованныя земли обращались въ вѣчное и потомственное владѣніе Строгановскаго рода. Этотъ государственный актъ не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, что было сдѣлано Грознымъ. Тамъ государство дѣйствовало въ географическихъ и статистическихъ потемкахъ, но все-же пыталось оградить интересы народа. Здѣсь отреченіе отъ территоріи отхожаго стана наступаетъ послѣ того, какъ этотъ станъ былъ изслѣдованъ и описанъ Яхонтовымъ, Кайсаровымъ, Елизаровымъ и Бѣльскимъ, послѣ того, какъ была получена возможность сопоставленіемъ данныхъ, добытыхъ писцами, съ утвержденіями челобитныхъ обличить ихъ несостоятельность. Добившись полного отреченія правительства отъ Пермской территоріи, ловкій дѣлецъ далъ правительству немножко вздохнуть, занимая его сравнительно мелкими просьбами—въ 1695 г. относительно притока Косы Лолога, въ 1697 относительно Лены и Зырянскихъ соляныхъ промысловъ. Въ 1700 онъ сдѣлалъ послѣдній ходъ, въ результатахъ котораго трудно было уже сомнѣваться. Основываясь на признанномъ уже фактѣ, что со времени жалованныхъ грамотъ Грознаго земли по Обвѣ, Инвѣ, Косьвѣ и другимъ камскимъ притокамъ явились въ межахъ, въ дачахъ и урочищахъ Строгановыхъ, Григорій Строгановъ обращаетъ вниманіе правительства на то, что на тѣхъ его вотчинныхъ земляхъ „крестьяне и бобыли поселились до писцовъ и послѣ писцовъ и къ уѣзду Соли Камской припи-

сались и живутъ въ тѣхъ мѣстахъ и всякими угодами владѣютъ... самовольствомъ своимъ, безъ государева указа и безъ крѣпостей“ и на этомъ основаніи испрашиваетъ себѣ погосты бывшаго отхожаго стана. Если-бы правительство дорожило свободной тяглою силой, оно могло - бы свести своихъ крестьянъ или вознаградить Строгановыхъ другой свободной территоріей — но въ эпоху Петра такое рѣшеніе было невозможно. Петръ мало цѣнилъ свободную народную силу. Указомъ 1 іюля 1700 г. погосты отхожаго стана были отписаны къ Григорію Строганову; 22 мая 1702 г. это приврѣпленіе было утверждено на вѣчныя времена ¹⁾). 14 тысячъ человѣкъ м. п. обратились изъ свободныхъ людей въ Строгановскихъ крѣпостныхъ. Черезъ 15 лѣтъ правительство увидало, какимъ результатомъ сопровождался его распоряженіе. Во всѣхъ Пермскихъ имѣніяхъ Строгановыхъ оказалось 5,324 пустыхъ двора и 33,235 человѣкъ обоего пола бѣжавшихъ съ своихъ земель. Въ этихъ тысячахъ были, конечно, въ немаломъ числѣ и крестьяне бывшаго отхожаго стана.

Не однимъ закрѣпощеніемъ сопровождался для Пермиковъ тотъ фактъ, что значительная часть ихъ очутилась на Строгановскихъ земляхъ. Съ этой поры начинается и ихъ постепенное обрусѣніе. Путешественникъ, имѣвшій возможность ознакомиться только съ Пермскими волостями по Иньвѣ отъ вершинъ ея до Купроса, можетъ сказать, что вѣка, въ теченіи которыхъ Пермь прожила подъ русской властью, прошли безслѣдно въ смыслѣ ихъ уподобленія съ государствующей народностью. Но стоитъ припомнить ту массу пермяцкихъ названій рѣчекъ и селеній, которую предлагаетъ намъ Русскій Обвинскій край и Пермскій уѣздъ вообще, чтобы увидѣть результаты сожительства Русскихъ съ Пермцами.

Сѣверо-Западная часть Пермской губерніи (уѣзды Оханскій, Пермскій, Соликамскій и Чердынскій) представляетъ

---

¹⁾ Перм. стар. II, 176.

на значительномъ пространствѣ картину, которую мы видимъ въ средней Россіи — въ губерніяхъ Владимірской, Ярославской, Московской: массу нерусскихъ названій урочищъ и населенныхъ мѣстъ при сплошь русскомъ населеніи. Различіе заключается въ томъ, что здѣсь мы по большей части оказываемся въ состояніи опредѣлить чуждыя русскому духу имена, назвать народность, которая оставила ихъ послѣ себя. Справляясь съ данными выше списками личныхъ Пермскихъ именъ и типами мѣстныхъ названій, читатель не затруднится признать, что южные уѣзды намѣченнаго края заключаютъ въ своихъ мѣстоназваніяхъ массу слѣдовъ, оставленныхъ жившихъ тамъ Пермяками. Таковы въ О х а н с к о м ъ у ѣ з д ѣ: Тельканы, Олекаина, Коналы, Лунева, Пермечата, Рябовской, Леушканова, Волегова, Видящерскій, Габова, Челпановскій, Мошевскій, Чекулаевскій, Перемка, Перемскій, Даньки, Пачина, Мартинъ, Пермязовъ, Кочешевъ, Зайганова, Лышово, Чалово, Кочева, Гавина, Кусцерская, Козгова, Ярина, Омигина, Ожегова, Зюкайское, Леханова, Бакина, Шитоева, Микова, Кышева, Мошова, Т(п?)ыстогова, Пермязова, Чудинова, Рочева, Ужегова, Оськанова, Чикулева (Чакули), Поткина, Габенкова, Кычанова, Тулпышева, Канаева, Самылова, Жакова, Поцылка, Омпышова, Азова, Кашарова, Дюльдина, Челпанова, Патруково, Зенкова, Кучманова, Пермяки, Кычева, Данькова, Сашилова; въ Пермскомъ кромѣ перечисленныхъ уже на стр. 90: Кычанова, Копылы, Качва, Поспа, Суадалы, Чиеилева, Шульгина, Самкова, Пермязова, Дылдина, въ Соликамскомъ по лѣвую сторону Камы: Тунегова, Олековъ, Кырдымъ, по правую Пыскоръ, Накарная, Рунева, Патрушевъ мысъ, Данской, Касибъ, Кычибъ, Вяткина, Кысьва, Чузева, Ошвожа, Кокшарова, Лечканова (по Ласьвѣ и Кондасу), по Иньвѣ Азовская, Кыласовская, Турья-шоръ, Зелева, Мочга, Якина, Чикманова, Корева, Сюзева, Сыскина, Перина, Пастыгова, Шабова, Онохова, Ярина, Пачева, Юшманова, Чузева, [Олекова (по бер. Камы), Якинская, Алиновской], Азовъ,

Дзюгыровъ, въ Чердынскомъ уѣздѣ по Колвѣ Кушпелева, Якина, Ручибъ, Езова, Колчагортъ, Камгортъ, Гавина, Кушова, Зуева, Курсыбъ, Мысагортъ, Искоръ, Ныробъ, Селькова, Исанева, Ветланъ, Урцова, Раешерь, Гадья, Тулпанъ, Першина,—Янидоръ, Черпосыбъ, Ускаебъ, Лекмартовская,— по Вишерѣ Редикоръ, Велгуръ, Мартина, по Язвѣ—Суибъ, по Печерѣ Пачгина.

Всматриваясь въ поднимающуюся предъ нами картину обрусѣнія мы замѣчаемъ, что оно находится въ зависимости отъ почвы—на годной для земледѣлія песчано-глинистой почвѣ Пермскаго, Оханскаго и Ю. З. части Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ оно совершилось скорѣе, чѣмъ на С. Эта зависимость не парадоксъ. Ассимилировалъ Пермяка не чиновникъ, не учитель, а русскій крестьянинъ - колонистъ; крестьянину же нужны были главнымъ образомъ годныя для земледѣлія почвы; онъ садился гуще и раньше тамъ, гдѣ почва была лучше; по мѣрѣ того, какъ такія почвы занимались, онъ постепенно поднимался на С. Въ верховьяхъ Иньвы русскіе переселенцы явились лишь въ текущемъ столѣтіи. Въ связи съ ходомъ и направлениемъ русской колонизаціи стоитъ и обрусѣніе Пермяковъ. Въ 1629 г. Пермяки жили въ округѣ Очерскаго острожка на Ю. З. отъ г. Перми. Въ раздѣльномъ актѣ Строгановыхъ мы встрѣчаемъ деревню „Средняя Дуброва Пермская, что Пермяки живутъ“, и деревню Пермскую „надъ Камой рѣкой въ заостровкѣ“¹⁾. Въ переписныхъ книгахъ по Строгановскимъ владѣніямъ въ этомъ краѣ на крестьянскихъ дворахъ фигурируютъ рядомъ съ захребетниками и подворниками въ качествѣ особаго элемента Чердынцы и Усолецы. Теперь въ этомъ краѣ живетъ чисто русское населеніе.

Обрусѣніе Пермяковъ продолжается медленными, но вѣрными шагами, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ и не оставляя

---

¹⁾ Перм. стар. II, 74.

въ русьющемъ населеніи никакой горечи противъ господствующей народности. Въ настоящее время наиболѣе чисто сохранившіеся Пермьки занимають долину Иньвы, но и здѣсь дѣло обрусѣнія дало уже важные результаты. Заводы—Майборскій и Пожвинскій на В., Кувинскій на З.—являются пунктами, изъ которыхъ исходитъ естественная русификація. Волости Майборская и Купросская—и въ особенности селенія, по имени которыхъ носятъ онѣ свои названія—представляются уже въ значительной степени обрусѣвшими. Здѣсь все говоритъ объ изчезновеніи Пермьцовой старины: типическія Пермьцкія двускатныя крыши съ зобастыми коньками (охлупнами) на крышахъ, съ расписанными дегтемъ уключинами, уступаютъ мѣсто избѣ съ четырехскатной крышей, въ женской одеждѣ шамшура уступаетъ мѣсто платку, пермьцкій языкъ вытѣсняется замѣтно русскимъ. Здѣшній Пермькъ желалъ-бы, чтобы его принимали за Русскаго и на категорическій вопросъ: „ты Пермькъ?“ нехотя отвѣчаетъ: „не скроешь, Пермькъ“. Пермьцкій духъ начинаетъ ясно чувствоваться только тогда, когда путешественникъ вступить въ область Архангельскаго прихода. Здѣсь, затѣмъ въ приходахъ Йогвинскомъ, Ошибкомъ, Бѣловескомъ и Верхъ-Инвенскомъ можно еще изучать болѣе или менѣе чистаго Пермька. Русскіе элементы проникли, конечно, и сюда, но ихъ вліяніе еще не на столько сильно, чтобы стереть съ населенія печать его индивидуальности. Дальше на З. мы вступаемъ опять въ полосу русифицированнаго Пермьчества. Кувинская и примыкающія къ ней съ С. Юмская и Юрлинская волости Чердынскаго уѣзда населены уже такими Пермьками, дѣти которыхъ будутъ только смутно помнить, что когда-то въ ихъ краю говорили на другомъ, нерусскомъ языкѣ. Типичнымъ образцомъ обрусѣвшаго Пермьцваго селенія является село Юрма. Здѣсь не слышно уже другой рѣчи, кромѣ русской; на вопросъ, живутъ-ли въ селѣ Пермьки, отвѣчаютъ отрицательно. Наблюдатель, который при опредѣленіи народности населенія, основался - бы только на этихъ данныхъ,

неминуемо заключилъ - бы, что село населено Русскими, но стоитъ заглянуть въ списки обывателей, переполненные Пермскими фамиліями, стоитъ прислушаться въ характерному русскому языку, въ которомъ вмѣсто *ф, х, я* слышатся *н, к, зя*, всмотрѣться въ названія урочищъ, которыя встрѣчаются въ рѣшеніяхъ волостнаго суда, и наконецъ въ костюмъ обывателей, чтобы ихъ національность опредѣлилась. Типичный рыжій Пермякъ съ характернымъ пермяцкимъ выговоромъ — ямщикъ, везшій меня отсюда въ Усть-Зулу—на вопросъ, не Пермякъ - ли онъ, отвѣтилъ: „нѣтъ, я Русской“, — но, когда я спросилъ его, не говорили-ли у нихъ въ селѣ прежде по пермяцки, онъ отвѣтилъ, что у него только три года тому назадъ умеръ дѣдушка, который постоянно дома говорилъ по пермяцки. Этотъ - же ямщикъ по моей просьбѣ сообщилъ мнѣ, гдѣ въ ихъ приходѣ живутъ „Русскіе, которые говорятъ дома по Пермяцки“. Такихъ селеній оказалось въ приходѣ три-четыре близъ Юрлы, но и въ нихъ Русскій языкъ употребляется безразлично наравнѣ съ Пермяцкимъ. Юмская волость представляется уже чисто-русской. Сосѣдняя съ Юрлинской волостью Усть-Зулинская также въ сильной степени руссифицирована. Во всѣхъ трехъ названныхъ волостяхъ Чердынскаго уѣзда жители считаютъ уже себя русскими и говорятъ, что пермяки живутъ за р. Косой (на С.).

Перебравшись за Косу въ Кочевскую волость, мы, дѣйствительно, попадаемъ въ область чистаго пермяцкаго населенія—снова на улицахъ и въ домахъ слышится пермяцкая рѣчь, видны мелкія особенности Пермской архитектуры. Лѣтъ 30 тому назадъ здѣсь нельзя еще было найти человѣка, который могъ-бы говорить по русски. Въ настоящее время картина уже измѣняется. Обрусѣніе начинается и здѣсь и идетъ тѣмъ-же путемъ, что и въ другомъ глухомъ лѣсномъ уголкѣ Пермскаго края, въ Ошибскомъ приходѣ. Въ высокой степени интересны съ психологической точки зрѣнія тѣ пути, по которымъ идетъ начинающаяся ассимиляція. Русскій

языкъ, какъ языкъ обыденнаго домашняго разговора, не имѣетъ еще здѣсь права гражданства: говорятъ всѣ по Пермяцки, но русская пѣсня и русская загадка на игрищахъ, русскія присказки на свадьбахъ, русскіе наговоры и заговоры въ различныхъ случаяхъ, требующихъ участія колдуна, являются въ нѣкоторомъ родѣ обязательными. Женщины и дѣвушки, обыкновенно едва умѣющія связать нѣсколько словъ по русски, поютъ съ величайшимъ усердіемъ русскія пѣсни, въ мѣру своего усердія, конечно, искажая ихъ, и выслушиваютъ длинныя, цвѣтистыя, заученныя отъ русскихъ рѣчи и прибаутки дружекъ на свадебныхъ пирахъ. Произведенія русскаго народнаго творчества проникаютъ такимъ образомъ къ Пермякамъ раньше языка, завоевывая и подготавливая почву для этого послѣдняго. Прежде чѣмъ Пермякъ научается говорить болѣе или менѣе правильно по русски, онъ является уже русскимъ въ выдающіеся моменты своей жизни. Не менѣе сильно обрусѣніе въ верховьяхъ Камы. Здѣсь Кеппенъ насчитывалъ въ 40-хъ годахъ до 4600 Пермяковъ. Въ настоящее время людей, говорящихъ переполненнымъ руссизмами Пермяцкимъ языкомъ можно только найти въ двухъ-трехъ деревняхъ. Нагляднымъ примѣромъ обрусѣнія здѣшнихъ Пермяковъ служитъ слѣдующій фактъ. Учитель Зюздинской церковно - приходской школы г. Шатровъ собиралъ для насъ по данной ему программѣ свѣдѣнія о Зюздинскихъ Пермякахъ. Въ программу между прочимъ входилъ вопросъ: какъ называется у мѣстныхъ Пермяковъ душа, какъ тѣнь. Распрашивая по этому поводу своихъ земляковъ, г. Шатровъ только отъ стариковъ могъ добиться, что въ старину душа обозначалась словомъ л о л ь. Вятскій статистикъ г. Романовъ полагаетъ, что населеніе сосѣдней Кайской области сплошь состоитъ изъ обрусѣвшихъ Пермяковъ ¹⁾. Факторами обрусѣнія и здѣсь являются заводы—Омутницкій, Залазнин-

---

¹⁾ Добр. Перм. В. Е. 1883 III, 400.

скій, на которые, по словамъ А. П. Иванова, Верхо-Камскіе Пермязи чуть не поголовно отправляются по зимамъ. Г. Добротворскій, наблюдавшій Пермязковъ Орловскаго уѣзда, говорить, что особенно сильно обрусѣніе замѣчается въ смѣшанныхъ деревняхъ; здѣсь Пермязи говорятъ по русски, роднятся съ ними и перенимаютъ всѣ мелочи быта. „Русскій крестьянинъ для такого Пермяза идеаль, онъ копируетъ его даже въ мелочахъ, въ походѣхъ, въ одеждѣ, въ постройкахъ, во всемъ“ — Русскій крестьянинъ колонистъ, исподволь занимая край, также исподволь ассимилировалъ и продолжаетъ ассимилировать коренное пермязское населеніе. Государство здѣсь еще менѣе, чѣмъ въ Черемисскомъ и Вотязкомъ краяхъ, проявляло ассимиляторскія наклонности; до 1861 г. оно было въ сторонѣ отъ главной массы Пермязковъ — Инвенскихъ. Съ тѣхъ поръ оно дѣйствуетъ путемъ школы (пока еще очень слабо). Въ интересахъ дѣла было - бы въ высшей степени важно, если - бы при обученіи русскому языку принимались указанія жизни т. е. наибольшее вниманіе отдавалось - бы произведеніямъ русскаго народнаго творчества, обаяніе котораго такъ замѣтно испытываютъ Пермязи.

Глава III.

Внѣшній бытъ Пермязковъ.

Приступая къ очерку современнаго быта Пермязковъ, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу того, въ чемъ полагаемъ главную задачу его и чѣмъ обусловливаемъ придаваемый изложенію порядокъ.

Задача частной этнографіи заключается, думаемъ мы, въ томъ, чтобы раскрыть тѣ особенности духа, которыми отличается данный народъ и которыя сказываются въ его творчествѣ, въ созданной имъ культурѣ. Система, въ которой мы будемъ излагать факты, опредѣляется отношеніемъ между различными видами человѣческаго творчества. Первымъ и элементарнымъ видомъ творческой дѣятельности человѣка, первымъ показателемъ творческихъ силъ его духа является, конечно, приспособленіе природы въ основнымъ его потребностямъ—творчество въ области внѣшняго быта: добыча и приготовленіе пищи, устройство жилья, одежда. Направленіе и характеръ этой дѣятельности опредѣляется свойствами среды, окружающей человѣка, и тѣми силами тѣла и духа, которыми онъ располагаетъ. Понятно поэтому, что и въ нашемъ случаѣ на первомъ планѣ должна стоять характеристика природы, среди которой живетъ Пермязкъ, и его собственныхъ свойствъ. Слѣдующая категорія явленій, на которой мы остановимъ наше вниманіе, опредѣляется безъ труда. За потребностями въ пищѣ и кровѣ слѣдуетъ потребность продолженія рода.

Изслѣдованіе условий, которыми обставляется удовлетвореніе этой потребности, приводит насъ одновременно къ первобытнымъ формамъ общественнаго союза и брака. Къ тѣмъ-же вопросамъ можетъ подойти изслѣдователь и съ другой стороны. Знакомясь съ родомъ пищи и способами ея добыванія, мы знакомимся попутно и съ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣетъ тотъ или другой способъ удовлетворенія первыхъ жизненныхъ потребностей на отношенія человѣческихъ особей другъ къ другу, другими словами на размѣры и формы сотрудничества. Изъ отношеній, основанныхъ на потребности продолженія рода и сотрудничествѣ, вытекаетъ такимъ образомъ цѣлая масса явленій, которыя обнимаются терминами „семейныя и общественныя отношенія“.—Это творчество соціальныхъ формъ.

Около человѣческаго трупа зараждается рядъ явленій высшаго порядка — идеи о сверхчувственномъ и культъ усопшихъ. Здѣсь демаркаціонная черта между человѣкомъ и животнымъ. По одну сторону ея въ области творчества, направленнаго на сохраненіе особи и рода, возможны аналогіи мажду тѣмъ и другими,—по другую всякая возможность такихъ аналогій исчезаетъ. Мы вступаемъ въ высшую область творчества, въ область идей о происхожденіи, сущности и взаимныхъ отношеніяхъ явленій окружающаго міра, въ область первобытной философіи и религіи природы. Эта область обнимаетъ собою языкъ, поэзію, вѣрованія и культъ.

Сдѣлавши эти вводныя замѣчанія, мы считаемъ возможнымъ перейти непосредственно къ предмету.

Область, занятая поселеніями Пермьковъ, захватываетъ въ Пермской губерніи западную половину уѣздовъ Чердынскаго, Соликамскаго (считая отъ Камы) и С. З. уголь Оханскаго, въ Вятской губерніи С. В. уголь Глазовскаго уѣзда. Чтобы составить общее понятіе о природѣ этого обширнаго края, возьмемъ соотвѣтствующіе листы карты Стрѣльбицкаго. Краски, которыми они покрыты, скажутъ намъ, въ чемъ заключаются ея характеристическія особенности. Зеленая краска

означаетъ лѣса, синяя или сѣрая — покрытыя жидкимъ лѣсомъ болота, бѣлое, незакрашенное пространство — пашни. Сѣверная половина края приблизительно до бассейна Иньвы представляетъ на картѣ, за вычетомъ небольшого пространства въ бассейнѣ Зулы и Юма, почти сплошное зеленое пространство съ вкрапленными въ него крупными синими и сѣрыми пятнами; бѣлыя пятна выглядятъ на этомъ зеленомъ морѣ маленькими, одиноко стоящими островками. По теченію Иньвы и въ особенности на югъ отъ нея въ бассейнѣ Обвы незакрашенное пространство постепенно занимаетъ все большіе и большіе размѣры.

Показанія карты въ настоящее время уже только приблизительно. Не смотря на короткій срокъ, отдѣляющій насъ отъ времени ея составленія, зеленую краску во многихъ и многихъ мѣстахъ приходится теперь считать, путешественникъ проѣзжаетъ открытыми полями тамъ, гдѣ можно было бы предполагать сплошной волокъ.

За то было время, когда для карты только и нужны были двѣ краски зеленая и синяя. Когда, въ половинѣ XVI в., земли нынѣшнихъ Пермиковъ переходили во владѣніе Строгановыхъ, по Обвѣ, Иньвѣ и ихъ притокамъ стояли „дикіе лѣса“.

Въ эту далекую пору для Пермяка былъ важнѣе всего тотъ животный міръ, который населялъ лѣса и воды края — онъ его питалъ и одѣвалъ. И этотъ міръ былъ достаточно разнообразенъ. Многочисленныя рѣки и озера были богаты рыбой, въ лѣсахъ водились соболи, куницы, бобры, лисицы, олени, лоси, не говоря уже о медвѣдяхъ, волкахъ, бѣлкахъ и множествѣ пернатой дичи — тетеревовъ, рябцовъ и т. п.

Воспоминаніемъ объ этомъ богатствѣ является уставная грамота, данная Пермичамъ въ началѣ XVI в. Въ ней еще идетъ рѣчь о соболяхъ, счетъ дани и разнаго рода поборовъ ведется на бѣлки.

Когда въ краю появились русскіе колонисты-земледѣльцы, лѣса стали убывать, вмѣстѣ съ ними стала убывать и доро-

гая дичь и Пермяку пришлось обратить побольше вниманія на ту почву, на которой стояли питавшіе его когда-то лѣса. Результаты ознакомленія оказались неутѣшительные. Пермякъ увидалъ, что низкія мѣста совсѣмъ негодны для земледѣлія: на нихъ—по мѣстамъ на протяженіи цѣлыхъ десятокъ квадратныхъ верстъ—цѣлое лѣто стояла, какъ стоитъ и теперь, вода. Немногимъ лучше оказались и болѣе возвышенныя лѣсистыя пространства Чердынскаго и сѣверной части Соликамскаго уѣздовъ. Громадный Юксѣевскій волокъ, который на протяженіи 90 верстъ тянется по дорогѣ изъ Соликамска въ Кай, рядомъ съ болотами тогда, какъ и теперь, заключалъ песчаныя пространства, на которыхъ росли лишь сосна да верескъ (показатель бесплодной почвы). Бесплодныя земли подъ такими лѣсами шли и дальше на З. въ предѣлы Вятской губерніи по р. Вурламу ¹⁾. Тамъ они сливались съ громадными болотистыми пространствами Слободскаго и С. части Глазовскаго уѣздовъ ²⁾. Не легко оказалось воздѣлывать хлѣбъ даже и тамъ, гдѣ землю находили болѣе или менѣе подходящей. Сосѣдство громадныхъ болотъ порождало такія климатическія явленія, при которыхъ урожай могъ считаться рѣдкимъ счастьемъ: на С. Чердынскаго уѣзда и теперь до іюня возможны убивающіе растительность морозы. Кто хотѣлъ заниматься земледѣліемъ, шелъ на Ю. въ „Отхожій станъ“, на Иньву, на Обву. Тамъ подъ смѣшанными лѣсами изъ сосны, ели, пихты, лиственницы Пермякъ находилъ „родимыя“ земли. Въ теченіе XVI—XVII в. здѣсь, какъ мы знаемъ уже, выросъ цѣлый рядъ деревень и погостовъ, окруженныхъ на далекое пространство „пальниками“, „пашенными лѣсами“, „шутемами“ и пожнями. Сѣверъ до половины нынѣшняго столѣтія оставался, отчасти и теперь остается страной, гдѣ вѣрнымъ промысломъ можетъ быть только охота: и Пермякъ, и Русскій каждый годъ запахиваютъ свои

¹⁾ Поповъ. Хозяйст. опис. Перм. губ. I, 89.

²⁾ О природѣ этого края см. Ивановъ «Кама—рѣка» Волж. Вѣст. 1883.

поля, но не каждый годъ жнуть; хлѣба то вымерзають, то вымокають, то подвергаются какимъ нибудь другимъ стихійнымъ бѣдствіямъ.

Мы познакомились съ средой, которую Пермяку предстояло приспособить къ своимъ потребностямъ. Познакомимся теперь съ нимъ самимъ, съ тѣми физическими и духовными силами, которыми онъ располагалъ и располагаетъ для приспособляющей творческой работы. Здѣсь этнографу нужна помощь антрополога. Дѣло антрополога опредѣлить достоинство сложной машины, каковой является тѣло представителя данной народности, выразить въ цифрахъ maximum и minimum работы, которую она способна выполнить, и дать рядъ другихъ необходимыхъ указаній. Къ сожалѣнію эта помощь—дѣло будущаго и, кажется, неблизкаго.

Антропологическія изслѣдованія проф. Маліева не нашли продолжителей, какъ будто измѣреніями, которыя были произведены надъ 100 субъектами изъ 80 т. Соликамскихъ и Чердынскихъ Пермяковъ сдѣлано все. Г.г. земскіе врачи могли бы, конечно, детальными мѣстными изслѣдованіями внести не мало важныхъ поправокъ въ выводы г. Маліева, но объ этихъ изслѣдованіяхъ что-то не слышно. А между тѣмъ такія изслѣдованія могли-бы имѣть не одинъ теоретическій интересъ.

Г. Добротворскій, изучавшій Пермяковъ Вятской губерніи и главнымъ образомъ Орловскихъ говоритъ очень рѣшительно о ихъ вырожденіи. „Племя это идетъ быстрыми шагами къ вырожденію и можно съ увѣренностью сказать, что ему не долго существовать на бѣломъ свѣтѣ, что оно уже доживаетъ свои послѣднія минуты. Свѣтлаго народа тамъ нѣтъ—говорятъ Русскіе про Пермяковъ—изродился. По собственному сознанію Пермяковъ, они стали б о л ь н о ж и д к и. И дѣйствительно, жидки. Рѣдкій изъ нихъ доживаетъ до 50 лѣтъ. Къ 35 годамъ женщина теряетъ уже способность дѣтороженія ¹⁾“. „Пермяки вырождаются—это несомнѣнно,

¹⁾ Вѣст. Евр. 2883, III, 252.

говоритъ тотъ-же авторъ въ другомъ мѣстѣ. Признаковъ этого вырожденія и кромѣ сифилиса очень много. Мелкій ростъ и слабосиліе Пермьковъ зависятъ не только отъ климатическихъ условій и племенной организаціи, но и имѣютъ характеръ патологическій и составляютъ одинъ изъ признаковъ дегенераціи. Мало того, высшее выраженіе дегенераціи—безплодіе встрѣчается здѣсь очень часто. Причины этого факта ясны: проституція, относительное неравенство лѣтъ мужа и жены, распространившееся за послѣднее время пьянство и вообще эксцессы *in Bascho et Venere* какъ выражаются ученые доктора ¹⁾. Въ числѣ факторовъ вырожденія г. Добротворскій считаетъ и соприкосновеніе Пермьковъ съ Русскими. „Среди всеобщаго разложенія сохранились только тѣ семьи, которыя живутъ въ лѣсныхъ починкахъ, вдали отъ большой дороги, городовъ и русскихъ поселеній. Чистота крови спасла ихъ отъ вырожденія ²⁾“.

Нельзя сказать, чтобы условія, при которыхъ г. Добротворскій дѣлаетъ свой конечный выводъ, внушали особенное довѣріе. Авторъ видимо смѣшиваетъ физическое вырожденіе и разложеніе національныхъ нравовъ и формъ быта: рядомъ съ признаками физическаго вырожденія—малымъ ростомъ, слабосиліемъ, безплодіемъ—у него фигурируютъ такія вещи, какъ русское сосѣдство, пьянство, проституція—эксцессы *in Bascho et Venere* (по отношенію къ послѣднимъ, скажемъ мимоходомъ, Русскіе сосѣди уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны отвѣтственными). Этому смѣшенію двухъ разнородныхъ явленій слѣдуетъ приписать, конечно, и ту спасительную роль, которую, кажется, одинъ г. Добротворскій приписываетъ чистотѣ крови. Затѣмъ относительно каждаго изъ признаковъ вырожденія г. Добротворскому приходится вѣрить на слово: что Пермьки мельчаютъ, вытекаетъ будто-бы изъ наблюденій мѣстныхъ русскихъ му-

¹⁾ Вѣст. Евр. 1883. III, 264.

²⁾ Ibid.

жиковъ; что жизнь у нихъ сокращается, слабосиліе увеличивается, бесплодіе становится замѣтнымъ, категорически утверждаетъ самъ авторъ, статистики въ подобныхъ дѣлахъ онъ не признаетъ.

Сообщенія г. Добротворскаго заинтересовали антропологовъ - специалистовъ и вызвали, если не ошибаемся, путешествіе къ Пермьякамъ проф. Маліева. Г. Маліевъ отправился въ Пермскую губернію, произвелъ тамъ сотню измѣреній, собралъ свѣдѣнія о рождаемости и такъ-же категорически, какъ и г. Добротворскій, высказался въ противоположномъ смыслѣ—никакихъ признаковъ вырожденія у Пермьяковъ констатировать нельзя. Получилось два категорическихъ и противоположныхъ, но трактующихъ въ сущности о разныхъ предметахъ положенія: Пермьяки (Вятскіе) вырождаются, говоритъ г. Добротворскій; нѣтъ, Пермьяки (Пермскіе) не вырождаются, возражаетъ г. Маліевъ. Охотниковъ разобратъ въ этомъ недоразумѣніи не нашлось. Ни одинъ обладающій специальной подготовкой человекъ не далъ себѣ труда продѣлать по отношенію къ Вятскимъ, Орловскимъ и Глазовскимъ Пермьякамъ то, что сдѣлалъ г. Маліевъ относительно Ивненскихъ, или взялся за разработку одного изъ частныхъ вопросовъ, затронутыхъ г. Добротворскимъ (таковы напр. вопросы о предполагаемомъ уменьшеніи роста, долговѣчности, плодовитости и т. п.). Вопросы эти, можетъ быть, мелки, но отъ невниманія къ нимъ, отъ теоретической необоснованности связанныхъ съ ними конечныхъ выводовъ сами эти выводы лишаются того практическаго, прикладнаго значенія, которое они могли бы имѣть при другихъ условіяхъ.

Представимъ себѣ слѣдующее, не выходящее изъ сферы возможнаго, положеніе: земство (Вятское или Пермское) прислушивается къ тому, что говоритъ наука о населеніи, интересу котораго оно призвано блюсти, представимъ, что оно готово принять къ свѣдѣнію и руководству вещи, въ теоретическихъ интересахъ констатированныя учеными. Къ чему прійдетъ такое просвѣщенное земство, ознакомившись съ ра-

ботами гг. Добротворскаго и Маліева?—Кто ихъ знаетъ, въ лучшемъ случаѣ скажетъ всякій практикъ, можетъ быть, наши Пермьки вырождаются, а можетъ быть и не вырождаются; подождемъ, когда будетъ яснѣе.

Не лучше выйдетъ, когда мы взглянемъ на дѣло и съ другой стороны. Еслибы кто нибудь предложилъ „жаждущимъ дѣла“ представителямъ мѣстной интеллигенціи прослѣдить, какъ велико среди Пермьковъ число блондиновъ и брюнетовъ, особей съ темными и свѣтлыми глазами, не отличаются-ли по плодовитости въ ту или другую сторону смѣшанные браки между представителями свѣтлаго и темнаго типовъ, вся эта интеллигенція—въ Перми, въ Вяткѣ, къ Казани—сочла-бы для себя такое предложеніе жестокой обидой, насмѣшкой. А между тѣмъ отъ такой обидчивости и лежащихъ въ основаніи ея понятій о дѣлѣ остались-бы въ убыткѣ тѣ-же воображаемые просвѣщенные земцы. Предположимъ, что они, не дожидаясь, когда наши мѣстные антропологи заблагоразсудятъ заняться вопросомъ о вырожденіи Пермьковъ, зададутся на всякій случай вопросомъ, не даетъ-ли наука какихъ нибудь указаній на противодѣйствующія вырожденію условія и нѣтъ-ли такихъ условій въ области, занятой Пермьками. Намекъ на присутствіе этихъ предохраняющихъ условій даетъ между прочимъ г. Добротворскій (хотя онъ и не совсѣмъ „наука“): Пермька можетъ спасти чистота крови, огражденіе отъ смѣшенія съ Русскими. Настоящая наука скажетъ тѣмъ-же земцамъ, что обновленіе крови посредствомъ метисаціи наоборотъ является однимъ изъ факторовъ, противодѣйствующихъ вырожденію. Захочется нашимъ земцамъ выяснить, имѣеть-ли у Пермьковъ мѣсто метисація и какими послѣдствіями на самомъ дѣлѣ она сопровождается. . . и прійдется снаряжать для рѣшенія этихъ вопросовъ экспедицію на подобіе хозяйственно-статистическихъ: литература даетъ до нельзя тускляя указанія. И еще разъ бесплодно опустится поднятая практикомъ рука.

Констатируя такое неутѣшительное положеніе дѣла, мы не преувеличиваемъ. Сопоставимъ, въ самомъ дѣлѣ, то, что даетъ намъ литература. „Съ виду Пермьяки сухіе, тощіе, съ какимъ-то грязно-желтымъ цвѣтомъ кожи, говоритъ г. Добротворскій. Узкія плечи, тонкая и короткая шея, плоская, недоразвитая грудь, кривыя, короткія ноги—все это указываетъ на слабость и хилость сложенія. Голова небольшая, угловатая, бѣлокурые жидкіе волосы... никогда не выются и не сѣдѣютъ. Между 20—22 годами у Пермьяковъ появляется маленькая бородка; у многихъ ея совсѣмъ не бываетъ. Глаза узкіе, подслѣповатые, по большей части голубые, какъ и у всѣхъ народовъ финскаго племени... Вздернутый носъ и носдри, нѣсколько вывороченные наружу... Скулы у многихъ сильно выдвигаются... Ростомъ они, по крайней мѣрѣ, на 1¹/₂, вершка ниже средняго типа, который мы привыкли встрѣчать въ Великороссіи. Точно также не обладаютъ и физической силой...¹⁾“.

За 25 лѣтъ почти до г. Добротворскаго въ 1859 г. антропологическую характеристику Инвенскихъ Пермьяковъ далъ г. Роговъ. „Пермьяки по преимуществу мелкаго роста, сухощавы, но крѣпки, широкоплечіи, имѣютъ короткую тонкую шею, грудь плоскую; голова чаще малая, чѣмъ большая, угловатая, носъ чаще короткій слегка вздернутый, волосы русые, рѣдко черные, глаза зелено-сѣрые, каріе, рѣдко сѣрые и еще рѣже голубые и черные... Всмотриваясь въ фізіономію Пермьяковъ легко отличить два различныя типа. Одинъ типъ главный: свѣтлорусые или рыжеватые волосы, широкое лице, сѣрые глаза, вздернутый широкій носъ, толстые губы, круглый подбородокъ. Другой типъ: волосы темнорусые, лице продолговатое, кожа смуглая, глаза каріе или темноваріе, носъ прямой, узкій, губы тонкія, подбородокъ острый²⁾“.

---

¹⁾ Добр. I. с. 251.

²⁾ Роговъ. Ж. М. В. Д. 1859. т. 29, 65—66.

Капитальное отличіе Роговской характеристики отъ характеристики г. Добротворскаго заключается въ томъ, что первый констатируетъ среди Пермяковъ два типа. Отдѣльныя черты, которыми характеризуются тотъ и другой типъ, намѣчены только приблизительно. Мы не производили спеціальныхъ антропологическихъ наблюденій во время своего путешествія по Пермскому краю, но общее впечатлѣніе, которое осталось у насъ послѣ соприкосновенія съ сотнями Пермяковъ, не совсѣмъ совпадаетъ съ характеристикой г. Рогова. Узкое лице, тонкій, прямой носъ, тонкія губы, сѣрые глаза мы видѣли напр. у чистыхъ блондиновъ и наоборотъ у людей съ смолисто-черными волосами въ Верхъ-Инвенской, Бѣловеской и Йогвинской волостяхъ мы встрѣчаемъ довольно часто широкія скуластыя лица, вогнутые широкіе носы. Иногда вмѣстѣ съ густыми смолисто-черными волосами встрѣчались сѣрые глаза и бѣлокурая скудная растительность на бородѣ и усахъ. Вопросъ о чертахъ характерныхъ для представителей обоихъ типовъ, можетъ быть рѣшено только статистическимъ путемъ и не теперь. Г. Маліевъ въ своемъ антропологическомъ очеркѣ Пермяковъ даетъ намъ, правда, цифры—на 100 наблюдавшихся имъ субъектовъ онъ отмѣчаетъ 63 блондина, 32 брюнета съ темной кожей и 5 шатеновъ, 44 человека съ голубыми глазами, 42 съ сѣрыми, 14 съ карими, 61 человекъ съ прямымъ тонкимъ носомъ, 16 съ приплюснутымъ, 17 съ широкимъ—но изъ этихъ цифръ не видно, какъ сочетаются эти отдѣльныя черты, какой процентъ представляютъ напр. сочетанія бѣлокурыхъ волосъ, сѣрыхъ глазъ, прямого носа и тонкихъ зубъ и т. п.

Въ матеріалахъ, которые даетъ литература какъ будто намѣчается, что на В. въ предѣлахъ Соликамскаго у. Пермяки скрещивались съ какой то народностью темнаго типа—да простятъ намъ антропологи эту вольность терминологіи—но въ какомъ отношеніи стоитъ этотъ фактъ къ физическому превосходству Инвенскихъ Пермяковъ надъ ихъ Вятскими родичами, остается неяснымъ.

Въ ожиданіи лучшаго будущаго, когда мѣстные изслѣдователи подарятъ науку рядомъ спеціальныхъ антропологическихъ работъ по поводу Пермяковъ, подберемъ то немногое, что даетъ наличная литература: на З. въ предѣлахъ Вятской губерніи Пермяки обладаютъ меньшимъ запасомъ физическихъ ресурсовъ для борьбы съ природой, чѣмъ на В. въ Пермской — тамъ они мельче, слабѣе. Забравъ этотъ несложный антропологическій багажъ, мы направляемся къ нашей основной цѣли—духовной характеристикѣ народа. . . и останавливаемся на распутии. Передъ нами двѣ дороги. Ступивши на одну, мы должны напередъ дать читателю свои обобщенія и приводить факты, какъ иллюстрирующій матеріалъ; по другой мы можемъ идти къ нашей цѣли объ руку съ читателемъ, вмѣстѣ съ нимъ всматриваться въ факты, анализировать ихъ, вмѣстѣ обобщать и дѣлать изъ нихъ выводы. Мы избираемъ эту вторую дорогу: мы будемъ раскрывать черты духовной природы Пермяка въ его творествѣ, въ явленіяхъ созданной имъ культуры.

Наше знакомство съ Пермякомъ должно начаться съ дѣятельности, направленной на добываніе пищи. Было время, когда Пермякъ жилъ охотой; мы знаемъ это время еще изъ актовъ начала XVI в. Позже охота и рыболовство удерживались только на С. въ Чердынскомъ уѣздѣ. Въ настоящее время и тамъ Пермякъ живетъ уже главнымъ образомъ земледѣіемъ. Земледѣльческая техника Пермяковъ не сложна. До сихъ поръ еще легко прослѣдить Пермяцкое земледѣіе до его первоначальныхъ, исходныхъ формъ. Пока была возможность безпрепятственно пользоваться казенными и помѣщичьими лѣсами, Пермякъ работалъ огнемъ: его посѣвы дѣлались или на „гаревыхъ мѣстахъ“ или на „пальникахъ“. Въ виду того, что „пальникъ“ есть уже созданіе человѣка, а „гаревое мѣсто“ даръ природы слѣдуетъ предполагать, что пермяцкое земледѣіе началось съ приспособленія къ посѣву выгорѣвшихъ отъ тѣхъ или другихъ причинъ—напр. отъ молніи, зажегшей лѣтомъ дерево—лѣсныхъ пространствъ.

Позже Пермязь самъ уже сталъ „пускать огонь“, пользуясь идеей, которую дала ему природа. Эти выгорѣвшія и выжженныя пространства Пермязь воздѣлывалъ при помощи копуши (гѣръ) и сучкастой еловой плахи—раскапывалъ копушей землю между обгорѣвшими пнями, бросалъ въ нее сѣмена и заборанивалъ „зубастой“ плахой (пинья).

Воспоминаніе о такомъ способѣ обработки земли еще до недавняго времени сохранялось у Пермязковъ Глазовскаго уѣзда, какъ и у родичей ихъ Вотязковъ ¹⁾. На пальникѣ или гари Пермязь дѣлалъ одинъ за другимъ нѣсколько посѣвовъ и, истощивши почву, выжигалъ новую кулигу или „пальникъ“. Брошенный пальникъ („шутѣмъ“) постепенно заросталъ мелкимъ лѣсомъ и лѣтъ черезъ 15 снова выжигался. Въ настоящее время ни на государственныхъ, ни на помѣщичьихъ земляхъ Пермязь уже не можетъ дѣлать новыхъ „пальниковъ“: размежеваніе съ помѣщиками въ 1871 г., законъ объ охраненіи государственныхъ лѣсовъ изданный въ 1864 г. положили конецъ старой системѣ хозяйства. Пермязки нашего времени переживаютъ критическій періодъ: приемы хозяйства у нихъ остались почти безъ измѣненія, а земли стало меньше, не говоря уже о томъ, что она истощена. Нѣкоторое время послѣ 1861—1864 г. г. Пермязки еще могли перебиваться: земли было еще въ особенности у государственныхъ крестьянъ столько, что они могли оставлять часть ея отдыхать въ „шутѣмахъ“. Съ приростомъ населенія бывшіе Строгановскіе крѣпостные оказались уже не въ состояніи широко практиковать систему перелога и пришлось вести обычное русское хозяйство. Только еще въ лѣсныхъ волостяхъ — Верхъ-Инвенской, Ошибской, Тиминской и отчасти Бѣлоевской возможны „пальники“ на остаткахъ общественныхъ лѣсовъ. Не знавшій въ былое время обычая удобрять свою ниву, Пермязь постепенно былъ вынужденъ уважывать ее. Доходность земли оказалась въ полной зависимости отъ ко-

---

¹⁾ Блиновъ. Инородцы. С. В. части Глаз. у.

личества скота, которымъ располагалъ Пермскъ, а оно было въ общемъ не велико. Въ Инвенской дачѣ въ 1850 г. на 35000 населенія на площадь въ 92 т. десятинъ пахатной земли съ „шутемами“ считалось 10 т. лошадей, 6 т. жеребятъ, 8 т. коровъ, 9,500 телятъ, 6 т. свиней, 16 т. овецъ и 2 т. возъ. Попятно что при такихъ условіяхъ даже состоятельный Пермскъ могъ уваживать только $\frac{1}{7}$ своей пашни, а бѣднякъ могъ покрыть удобреніемъ всего какунибудь $\frac{1}{11}$ долю пахатной площади ¹⁾. Съ тѣхъ поръ условія въ общемъ не улучшились. Недостатокъ удобрения заставляеть Пермска выбирать для посѣва такіе сорта хлѣба, которые требуютъ его меньше. Наименѣе прихотливымъ сортомъ оказался ячмень. Въ Вятской губерніи, по словамъ г. Добро-творскаго, ячменемъ засѣвается большая часть яроваго и озимаго поля. Въ Инвенской дачѣ, въ лучшихъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, ячмень уступаетъ мѣсто ржи и овсу — въ особенности послѣднему. Не имѣя подъ руками новѣйшихъ статистическихъ данныхъ, мы не можемъ сказать, въ какомъ отношеніи стоитъ количество добываемаго Пермскими хлѣба къ ихъ потребностямъ. Смотра на бросающуюся въ глаза худобу Пермска сравнительно съ нашими Казанскими инородцами, на мелкій и тощій скотъ его, мы въ прачѣ однако предположить, что Пермскъ недостаточно удовлетворяеть свои первыя потребности. Очень вѣроятно, что хлѣба, производимаго Пермскими полями, хватило бы на ихъ прокормленіе, еслибы часть его не приходилось продавать для уплаты повинностей.

Прокормиться годъ ржанымъ или ячменнымъ хлѣбомъ, не прибѣгая къ разнымъ неудобоваримымъ суррогатамъ въ родѣ сосновой коры—идеаль Пермска. Объ особенномъ разнообразіи пищи онъ не мечтаетъ. Овощи въ Пермскомъ хозяйствѣ не пользуются расположеніемъ. Въ 1850 г. въ Инвенской дачѣ на домохозяина приходилось не болѣе 55 кв.

---

¹⁾ Поповъ. «Инвен. дача». Ж. М. В. Д. 1855. X, 35.

саж. назначенной подь овощи земли. Если прибавить къ этому, что эти влочки земли совсѣмъ не уваживаются и за посѣянными овощами не бываетъ почти никакого ухода, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что овощи у Пермьяковъ родятся и скудно и плохого качества. Лукъ и картофель Пермьякъ поѣдаетъ весь еще осенью; рѣдки и капусты хватаетъ едва до половины зимы ¹⁾). Въ Вятской губерніи картофель составляетъ, по словамъ г. Добротворскаго, лакомство и подается только къ большимъ праздникамъ или больнымъ ²⁾). Еще меньшее, чѣмъ овощи, мѣсто въ продовольствіи Пермьяка занимаетъ животная пища. Мясо домашнихъ животныхъ годно въ пищу только лѣтомъ. Зимой благодаря плохому питанію—исключительно соломой—коровы и овцы представляютъ только кости да кожу. По той же причинѣ зимой недоступны для Пермьяка и молочные продукты—коровы даже новотелья отъ дурнаго питанія совсѣмъ перестаютъ доить. О подспорьи, представляемомъ домашними птицами, напрасно было-бы и говорить: гусей и утокъ имѣеть далеко не каждый Пермьякъ; куры въ количествѣ 5—10 составляютъ достояніе дѣвицъ: г. Добротворскій сообщаетъ, что въ Вятской губерніи весь запасъ яицъ, которымъ располагаетъ домъ, уходитъ у нихъ на угощеніе кавалеровъ. Если Пермьякъ по временамъ лакомится животной пищей, то это благодаря охотѣ. Въ лѣсахъ Пермьяцкаго края до сихъ поръ водится много мелкой дичи—зайцевъ, бѣлокъ, рябцовъ и тетеревовъ. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Глазовскаго и Чердынскаго уѣзловъ Пермьяки въ двѣ-три осеннихъ недѣли настрѣливаютъ и надавливаютъ столько мелкой дичи, что вывозять ее возами ³⁾). Было время, когда Пермьякъ съѣдалъ самъ или вымѣнивалъ на хлѣбъ большую часть добытой дичи; теперь онъ обращаетъ ее въ деньги—очень маленькія замѣтнымъ мимоходомъ: пара рябчиковъ напр. продается на мѣстѣ за 10—15 коп.

---

¹⁾ Поповъ. I. с. 47—48.

²⁾ I. с. III, 250.

³⁾ Ивановъ. I. с.

Обработка, которой въ видахъ приготовленія пищи подвергаются продукты земледѣлія и скотоводства, такъ-же несложна, какъ и обработка почвы. На первыхъ порахъ своего знакомства съ земледѣліемъ Пермякъ приготовлялъ муку, раздробляя зерна камнемъ. Позднѣе для этой цѣли была приспособлена ступа съ пестомъ. Дальнѣйшую стадію развитія составляютъ жерновки, которые до сихъ поръ можно встрѣтить почти въ каждой Пермской избѣ. Жерновки бывають двухъ родовъ — одни для приготовленія крупы, другіе для муки. Жерновки для крупы устраиваются у Пермяковъ такъ-же, какъ у Черемисъ, Чувашъ, Башкиръ; въ два ровныхъ деревянныхъ круга вколачиваются лучеобразно обломки косъ и ножей. Жерновки для размолы муки представляютъ уже неизвѣстное въ нашемъ краѣ явленіе. Они дѣлаются изъ дровы—нижній больше, верхній меньше; для вращенія служить рычагъ, который однимъ концемъ упирается въ углубленіе, сдѣланное въ потолокъ или брусъ палатей, а другимъ въ верхній жерновокъ. За ручными мельницами слѣдуютъ первобытная по своей конструкціи водяная мельница—такъ называемая „мутовка“. Войдя въ верхнее помѣщеніе такой мельницы мы видимъ, какъ и въ ручной мельницѣ, два горизонтально положенныхъ жернова — нижній неподвижный, верхній вращающійся. Отличіе отъ ручной мельницы заключается въ томъ, что тамъ жерновъ вращается рукой при помощи рычага; здѣсь-же оба жернова надѣты на столбъ—нижній свободно, верхній плотно. Столбъ спускается внизъ, въ помѣщеніе, куда падаетъ вода. Тамъ около него устраивается, также горизонтально, нѣчто въ родѣ парходнаго колеса съ косвенно расположенными плитами; вода, падая на плиты, приводитъ столбъ въ вращательное движеніе и „мутовка“, ворочая, верхній жерновъ, начинаетъ молоть. Зерно держится надъ жерновами въ наклонно повѣшенномъ лубочномъ ящикѣ съ узкимъ и открытымъ нижнимъ конусомъ; къ ящику придѣлана полочка съ сръзаннымъ наискось концемъ, которая упирается въ верхній жерновъ. Вращающійся жерновъ под-

талкиваетъ палочку и приводитъ въ легкое сотрясеніе коробокъ съ житою. Отъ этихъ сотрясеній жито по зернышку вытекаетъ изъ коробка и падаетъ въ жернова. Такая мельница работаетъ, понятно, чрезвычайно медленно. Въ теченіе цѣлаго дня на парѣ жерновковъ можно смолоть не болѣе пяти пудовъ муки. Приготовленную такимъ образомъ муку Пермякъ не считаетъ нужнымъ просѣвать. Въ непросѣянномъ видѣ мука идетъ и на хлѣбъ и въ жидкое пермяцкое кушанье — шидъ. Шидъ обыкновенно переводятъ русскимъ словомъ щи; на самомъ дѣлѣ это горячая болтушка или, выражаясь деликатно, мучной супъ; кромѣ овсяной муки и кислаго молока — въ постъ коноплянаго масла въ праздники рыбы, — въ этихъ щахъ ничего нѣтъ.

Молоко въ чистомъ видѣ никогда не поступаетъ въ пищу Пермяка. Онъ ѣстъ его или сквашенномъ или въ видѣ сыра (круто посоленные и высушенные кружки творога). Непривлекательныя подробности о качествахъ пермяцкаго квашенаго молока читатель можетъ найти въ не разъ указанной уже статьѣ г. Добротворскаго. Изъ хлѣба, шиды и сквашенаго молока состоитъ повседневная пища средняго Пермяка. Нѣкоторымъ дополненіемъ въ ней служитъ любимое питье Пермяка суръ (брага) изъ солода и овсяной муки. Суръ — густое, мутно-бѣлое, пѣнистое пиво — по питательности, навѣрное, стоитъ выше пермяцкихъ щей. Выпиваютъ его Пермяки чудовищно-много. Въ большой семьѣ, состоящей изъ трехъ брачныхъ паръ съ старикомъ отцемъ и дѣтьми на приготовленіе его уходитъ до 200 пудовъ овса. Одной изъ нелегкихъ обязанностей женщины въ такой семьѣ является цѣлый день бѣгать за „суромъ“ въ погребъ. Принесетъ Пермячка большую деревянную чашку браги; кажется, хватитъ напоить трехъ-четырехъ человекъ, а черезъ четверть часа въ погребъ бѣжитъ ужъ другая: который нибудь изъ мужчинъ одинъ вытянулъ всю чашку.

Переходимъ къ жилищу Пермяка. Подобно другимъ финскимъ народностямъ, Пермяки въ отдаленную пору своей

жизни пользовался, какъ убѣжищемъ отъ непогоды и дикихъ звѣрей тѣмъ, что давала окружающая его природа — прежде всего пещерами на берегахъ рѣкъ. Позднѣе по образцу пещеры онъ самъ сталъ рыть землянку и укрѣплять ее кусками дерева. О такихъ землянкахъ и теперь еще живы воспоминанія у Пермиковъ Орловскаго уѣзда ¹⁾. За этимъ первымъ шагомъ въ области строительнаго творчества послѣдовали другіе. Рядомъ съ землянкой, которая удобна зимой, явился рядъ легкихъ сооружений на поверхности земли — *ч о м о в ы*. За чомами явилась бревенчатая постройка — *к е р к у*, формы которой постепенно сближались съ формами русской избы. На то, чтобы перейти отъ одной формы жилища къ другой потребовались вѣка; каждая новая, болѣе совершенная форма жилья не вытѣсняла старыхъ, а становилась рядомъ съ ними. Такъ постепенно образовались различные типы сооружений, которые мы видимъ въ пермяцкомъ краѣ на службѣ человѣку и окружающимъ его домашнимъ животнымъ. Наблюдая эти типы, мы изучаемъ исторію пермяцкаго творчества въ области архитектуры, приобретаемъ представленіе о размѣрѣ его творческихъ способностей.

Современнымъ жилищемъ Пермяка является изба, внѣшній и внутренній видъ которой въ наиболѣе обрусѣвшихъ селеніяхъ почти не отличается отъ русскаго. Въ бассейнѣ Обвы, нѣкогда населенномъ Пермяками, на нижнемъ теченіи Иньвы до предѣловъ Архангельской волости (въ волостяхъ Майкорской и Купросской) мы встрѣчаемъ обычныя на С. русскія избы съ четырехъ-скатной крышей. Только вступивши въ область средняго теченія Иньвы и ея притоковъ, мы начинаемъ замѣчать непривычныя для нашего глаза формы. Двускатная крыша укрѣплена шеломомъ, конецъ котораго обработанъ въ видѣ конской головы съ чудовищно-непропорціоной грудью. Это — *о х л у п е н ь*. Самые лучшіе образцы его можно видѣть въ Архангельской и Верхъ-Юсвинской волостяхъ. На обработку конька Пермякъ

¹⁾ Добрет. «Пермяки». I с. III, 235; ср. Поповъ. «Зыряне», 20 — прим.

владеть всю свою изобрѣтательность. Одинъ придаетъ головѣ какой-то придатокъ въ видѣ рога, долженствующій замѣнять ухо, другой просверливаетъ глазъ, третій тщательно обрабатываетъ морду и глубоко прорѣзываетъ ротъ. Мотивъ конька примѣняется не исключительно для шелома. Застрѣхи Пермскихъ избъ поддерживаются рядомъ уключинъ, концы которыхъ также обработаны въ видѣ конской головы и кромѣ того—въ Чердынскомъ уѣздѣ—разрисованы ломаными линиями и точками при помощи дегтя. Откуда попалъ въ пермскій край этотъ мотивъ—занесли-ли его Русскіе съ С. или онъ навѣянъ „чуждыми“ вещами, среди которыхъ попадаются изображенія животныхъ съ такими-же чудовищными пропорціями—рѣшить не беремся. Рядомъ съ этими декорированными избами встрѣчаются постройки, крыши которыхъ не покрыты шеломомъ, а сдерживаются, какъ крыши черемисскихъ вудъ, рамой изъ двухъ жердей, наложенныхъ на крышу поперекъ дрянницъ и скрѣпленныхъ по двумъ концамъ досками.

Всмотрѣвшись въ пермскій домъ, который выходитъ на улицу чаще всего не фасадомъ, а профилемъ, мы замѣчаемъ, что онъ состоитъ изъ трехъ совершенно обособленныхъ частей—избы, сѣней въ столбахъ и клѣти. Видно, что на первыхъ порахъ пермское жилье составляла одна изба и только съ развитіемъ домашняго хозяйства къ ней стали присоединять клѣть. Такую первоначальную форму дома можно видѣть и теперь, но уже только у бѣдняковъ. Близкую къ подобной бѣднѣйшей и болѣе старой по типу постройку представляютъ собой съ одной стороны баня, съ другой лѣсная охотничья избушка (обѣ носятъ одно названія—пывсянъ-жерку). Это четырехугольный срубъ съ односкатной крышей изъ луба, бересты или досокъ, а зачастую и вовсе безъ крыши съ покрытымъ землей или пихтовыми и еловыми вѣтвями потолкомъ. На верховьяхъ Камы сохранилась еще болѣе древняя, служившая когда-то жилищемъ человѣку постройка—это коническій, сдѣланный изъ тонкихъ жердей овинъ, остовъ благо чума. Такія постройки составляютъ достояніе всего

финскаго міра. Мы знаемъ ихъ у Мордвы, Черемисъ и болѣе развитыхъ западныхъ Финновъ. Рядомъ съ ней, какъ бывшее зимнее жильё, приспособленное теперь уже къ хозяйственнымъ потребностямъ, стоитъ погребъ.

Къ избѣ Пермьяка въ настоящее время примыкаютъ непосредственно сѣни. Въ настоящее время это покрытый также, какъ и домъ, помость съ стѣнами, забранными въ столбы. Передъ сѣнной дверью выступаютъ аршина на два изъ подъ помоста сѣней два бревна, на которыхъ устраивается внѣшній „мостъ“ для крыльца. Для подъема на этотъ мостъ служить не лѣстница общерусскаго типа—ни такихъ лѣстницъ, ни нашихъ переносныхъ Пермьяки дѣлать не умѣютъ (вмѣсто переносныхъ служить дерево съ коротко обрубленными сучьями) а нѣчто глубоко первобытное: подъ „мостомъ“ складывается безъ всякихъ скрѣпленій въ клѣтку нѣсколько толстыхъ плахъ такъ, чтобы два ряда плахъ шли вверхъ уступами, на эти уступы владутся такія-же плахи—ступени. Это—сооруженіе народа, который не знаетъ еще пилы. Глядя на такія старыя, почернѣвшія крыльца, чувствуешь невольную тревогу за людей, которые вынуждены ими пользоваться. Кажется, что стоитъ подуть сильному вѣтру и отъ такого крыльца не останется и слѣда.—Нехитрыя сѣни, съ которыми мы познакомились сейчасъ представляютъ собою уже нѣчто болѣе сложное по сравненію съ тѣмъ первообразомъ сѣней, который имѣетъ мѣсто при болѣе древнихъ формахъ пермяцкаго жилья. Этотъ первообразъ мы можемъ представить себѣ, смотря на передбанникъ пермяцкой бани. Передбанникъ устраивается двояко—въ однихъ случаяхъ къ фасаду бани просто ставятся наклонно жерди или доски, въ другихъ онъ представляетъ собою часть сруба, назначеннаго подъ баню: бревна, назначенныя для боковыхъ стѣнъ, рубятся такъ, что съ той стороны, гдѣ предполагается дверь, остается запасъ примѣрно въ аршинъ; такъ получается съ трехъ сторонъ закрытое пространство—преддверіе. Отсюда уже только шагъ

въ пятистѣнному срубу, но у Пермьяка не хватило силъ сдѣлать его самостоятельно.

Сѣни въ современномъ жильѣ Пермьяка соединяють избу съ влѣтью — чомомъ. Теперь это въ большинствѣ случаевъ двухъ-этажное деревянное сооруженіе для храненія одежды и разнаго домашняго скарба (вверху) и хлѣбныхъ запасовъ (внизу). Название (чомъ) показываетъ, что влѣть образовалась изъ прежняго жилья или строилось по его типу, такъ-же, какъ у современныхъ Вогуловъ чамья, у Черемисъ одноэтажныя влѣти. По аналогіи съ вогульской чамьей можно предполагать, что и пермскій чомъ-влѣть стоялъ въ былое время особнякомъ отъ дома, какъ стоятъ и теперь амбары.

Уже наружный осмотръ пермяцкихъ построекъ показываетъ намъ, какой культурно-историческій матеріалъ представляютъ собою всѣмъ, въ особенности на мѣстѣ, присмотрѣвшимся вещи. Не менѣе поучительнымъ оказывается знакомство съ внутреннимъ устройствомъ пермяцкаго жилья. И здѣсь въ предѣлахъ одного хозяйства (двора) мы найдемъ рядъ переходныхъ ступеней отъ простѣйшихъ и въ то же время древнѣйшихъ формъ къ болѣе сложнымъ, новѣйшимъ.

Землянка, овинокъ, баня и изба имѣютъ одну общую черту, свидѣтельствующую о томъ, что они развились изъ жилья человѣка; это огнище. Переходя изъ древнѣйшихъ по типу построекъ къ новѣйшимъ, мы будемъ наблюдать картину его постепеннаго развитія. Въ землянкѣ и въ томъ коническомъ сооруженіи, которое теперь по мѣстамъ служитъ овиномъ, огонь раскладывается по срединѣ, прямо на землѣ. Печи здѣсь еще нѣтъ даже въ самой первобытной ея формѣ. Безъ печи оказываются и другія формы пермяцкаго овина. Прямо на землѣ по срединѣ раскладывается огонь и въ охотничьей избушкѣ. Въ банѣ мы встрѣчаемся уже съ „каменкой“, печью, сложенной изъ песчаника. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ — и эти случаи особенно характеристичны — печь занимаетъ въ банѣ тоже мѣсто, что и огнище, т. е. располагается посерединѣ. Здѣсь видно еще дѣйствіе традиціи. По большей части однако

„каменка“ помѣщается въ банѣ въ одномъ изъ угловъ— устьемъ къ боковой стѣнѣ. Въ избахъ Пермяковъ мы встрѣчаемся новый видъ печи—глинобитную. Такъ-же, какъ и въ баняхъ, глинобитная печь помѣщается неодинаково. Въ Глазовскомъ уѣздѣ въ старинныхъ пермяцкихъ избахъ печь занимаетъ мѣсто въ одномъ изъ переднихъ угловъ и обращена устьемъ къ двери ¹⁾). Это положеніе будетъ для насъ вполне понятнымъ, если мы припомнимъ, что избѣ предшествовала у Пермяка землянка, у которой единственнымъ пропускающимъ свѣтъ отверстіемъ была дверь. Печь приходилось ставить въ той сторонѣ, которая была всего болѣе освѣщена, обращать устьемъ туда, откуда единственно проникалъ въ землянку свѣтъ. По традиціи это положеніе печь сохранила и въ надземныхъ, бревенчатыхъ постройкахъ. Въ новыхъ избахъ, съ нѣсколькими окнами по стѣнамъ, печь ставится въ одномъ изъ угловъ около двери—у Орловскихъ Пермяковъ влѣво отъ входа, у Глазовскихъ и Соликамскихъ чаще вправо, чѣмъ влѣво.

Уже изъ положенія печи въ пермяцкой избѣ мы можемъ заключить, что у Пермяковъ Глазовскаго уѣзда сохранились болѣе древнія, первобытныя формы жилья. Къ тому-же заключенію прійдемъ мы и послѣ того, какъ подробнѣе ознакомимся съ здѣшней пермяцкой избой. Въ Глазовскомъ уѣздѣ еще уцѣлѣли избы съ землянымъ поломъ ²⁾). Такія избы составляютъ теперь исключеніе; въ болѣе части избъ имѣется уже „мостъ“, но даже обладая имъ, Глазовскія избы отличаются отъ Соликамскихъ и Чердынскихъ. Онѣ почти всѣ одноэтажны—безъ подпольнаго помѣщенія, которое называется въ Перми „подъизбицей“, иногда голбцемъ.

Избы Соликамскихъ и Чердынскихъ Пермяковъ почти всѣ имѣютъ эту подъизбицу, которая служитъ складомъ для различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей; иногда изъ таковой

---

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

²⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

постройки развивается настоящее двух - этажное жилье ¹⁾. Внутренний видъ пермяцкой избы рѣзко отличается отъ избы, которыя представляетъ нашъ край. Составные элементы жилья тѣ-же—мы видимъ здѣсь полати, лежанку у печи (голубецъ), лавки и полки вдоль стѣнъ, но пропорціи, размѣры этихъ частей другія. Пермяцкая изба вообще выше казанскихъ русскихъ. Благодаря этому оказывается возможнымъ то, что полати, на которыхъ у насъ можно только лежать и развѣ согнувшись сидѣть, достигаютъ у Пермяковъ такой высоты, что на нихъ можетъ стоять не касаясь головой потолка самый высокій человѣкъ. Зимой въ сильные холода такія полати служатъ для пермяцкой семьи и спальни и столовой и рабочей комнатою.

Присматриваясь къ обстановкѣ избы, мы имѣемъ возможность расширить составленное уже отчасти представленіе объ изобрѣтательности и техническихъ способностяхъ Пермяка. Передъ нами житье-бытье человѣка, который все добываетъ „трудами рукъ своихъ“ и очень смутно подозреваетъ подѣль о возможномъ раздѣленіи труда. Для сидѣнья служатъ вдоль стѣнъ лавки (лавицы, вабицы), которыя онъ научился дѣлать у Русскихъ. Дополнительная мебель, сработанная самимъ Пермякомъ, верхъ первобытности: это во первыхъ обрубокъ дерева, пень можно сказать — замѣняющій собою стулъ, во вторыхъ своеобразная скамейка, описать которую въ двухъ словахъ нелегко. Пермякъ отыскиваетъ въ лѣсу дерево, нѣсколько корней котораго (два-три) идутъ не въ глубь, а какъ-бы стелятся по землѣ. Такое дерево онъ выкорчевываетъ, обрубаемъ начисто всѣ корни кромѣ двухъ горизонтальныхъ, у которыхъ обрубаемъ только тонкія части, обрубаемъ стволъ на разстояніи полутора-двухъ аршинъ отъ корня, обтесываетъ этотъ стволъ и получаетъ вещь, которая

---

¹⁾ Ходъ въ подвѣзбицу бываетъ черезъ голбецъ или черезъ западню, которая устраивается въ полу за печью, если печь отдалена отъ стѣнъ примѣрно на аршинъ.

можетъ служить сидѣньемъ, если дерево съ корнями-ножками положить концомъ на лавку или на такой-же обрубокъ дерева, какъ джокъ ¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Глазовскомъ уѣздѣ встрѣчается въ пермяцкихъ избахъ „ступка“—подобіе табурета. Устраивается она такъ: изъ четырехъ нетолстыхъ березовыхъ полѣньевъ вытесываются четыре ножки, основанія и вершины ихъ укрѣпляются въ двухъ крестообразныхъ черемуховыхъ или ивовыхъ вязахъ, а сверху къ нимъ приколачивается доска—сидѣнье ²⁾). Не хитрая пермяцкая мебель дополняется столомъ, простѣйшую форму котораго представляетъ доска съ двумя парами скрещивающихся ножекъ; болѣе сложнымъ является столъ — ящикъ, обшитый со всѣхъ сторонъ досками.

Посуда, которой пользуется Пермь, гармонируетъ съ его мебелью. Она состоитъ изъ покупныхъ котловъ, кадокъ, ложекъ, блюде и самодѣльныхъ деревянныхъ чашекъ, ковшей, поваренокъ (черпаковъ) и глиняныхъ горшковъ. Чашки, ковши и поваренки приготовляются изъ наростовъ, которые въ обилии встрѣчаются на березовыхъ корняхъ. Смотри по тому, что предполагается сдѣлать—чашку или ковшъ съ ручкой—вырубается или одинъ наростъ или съ прилегающей къ нему частью ствола. Наростъ въ свѣжемъ видѣ мягокъ и легко поддается ножу, выдалбливается и обдѣлывается. Въ Музей Отечества въ дѣлннн при Казанскомъ университетѣ имѣются образцы такихъ подѣлокъ изъ Соликамскаго, Чердынскаго и Глазовскаго уѣздовъ.

Важную роль въ древнемъ, а отчасти и современномъ хозяйствѣ Пермья играетъ ступа. Она изготовляется изъ толстаго березоваго обрубка способомъ, на который стоитъ обратить вниманіе. На одномъ концѣ обрубка высѣкается топоромъ небольшое углубленіе, въ которое накладываются

---

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

²⁾ Также.

или горячіе угли или раскаленные куски чугуна; перемѣняя нѣсколько разъ тѣ или другіе, Пермьякъ достигаетъ того, что получается нужное ему углубленіе ¹⁾. Снаружи ступа почти не обрабатывается и здѣшніе русскіе, чувашскіе и черемисскіе родичи ея выглядятъ передъ ней совсѣмъ элегантными. Было время, когда такая ступа служила мельницей.

Предметовъ, которые мы описали достаточно было — бы уже для того, чтобы сдѣлать кое-какіе выводы относительно техническаго развитія Пермьяка—но мы повременимъ нѣсколько съ этой работой и познакомимся предварительно съ пермяцкимъ дворомъ.

Мы знаемъ уже большую часть тѣхъ хозяйственныхъ построекъ, которыя входятъ въ составъ пермяцкаго двора. Если мы присоединимъ сюда хлѣвы (гидъ) съ помѣщающимися надъ ними сѣнницами и погребъ, картина средняго пермяцкаго двора будетъ закончена. Не вездѣ совокупность построекъ, принадлежащихъ данной семьѣ отгорожена отъ другой. Въ Соликамскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ намъ случалось бывать въ деревняхъ, гдѣ отдѣльные хозяева не отгораживаются одинъ отъ другого. Въ Вятской губерніи дворъ повсюду уже обнесенъ бревенчатымъ заборомъ. Въ Соликамскомъ уѣздѣ въ особенности въ починкахъ встрѣчаются и крытые на одинъ скатъ дворы на подобіе тѣхъ, которые распространены у Русскихъ въ губерніяхъ Нижегородской, Костромской и Вятской.

На дворѣ помѣщаются разнообразныя хозяйственныя принадлежности, характеризующія своимъ видомъ изобрѣтательность Пермьяка. Вотъ у забора стоитъ мялка для льна и конопля. Для устройства ея Пермьяку немного пришлось подумать. Онъ взялъ ту самую „самородную скамейку“ которую мы видѣли въ избѣ, вырубилъ въ ней вдоль углубленіе, приврѣшилъ подходящій въ углубленію рычагъ и мялка готова.

---

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

Вообще дерево съ однимъ или нѣсколькими горизонтально идущими корнями Пермьякъ приспособляетъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей.

Изъ пары тонкихъ саженой длины стволовъ съ однимъ коротко обрубленнымъ корнемъ у каждаго онъ дѣлаетъ волокушу—орудіе для лѣтней перевозки тяжестей. Стволы для этой цѣли обращаются корнями вверхъ и скрѣпляются поперекъ корней перекладиной. Пара стволовъ образуетъ оглобли, а перекладина—мѣсто прикрѣпленія тяжестей, напр. бревенъ.

Волокуша вводитъ насъ въ кругъ тѣхъ приспособленій, которыми Пермьякъ пользуется для перевозки тяжестей. Не такъ далеко еще отъ насъ то время, когда единственнымъ для зимы и лѣта перевозочнымъ орудіемъ у Пермьяка были сани—и при томъ не тѣ снабженные полозьями сани, которыя знаемъ мы. Старыя пермяцкія сани—это большая коробка, сшитая изъ бересты, такъ называемый чуманъ. Въ такихъ коробкахъ кое-гдѣ—напр. въ Глазовскомъ уѣздѣ—и теперь еще свозятъ на поля навозъ.

Полозья Пермьяки увидали впервые у русскихъ и поспѣшили ихъ заимствовать: самыя не хитрыя сани съ полозьями были удобнѣе, легче для животныхъ, чѣмъ пермяцкіей чуманъ. вмѣстѣ съ предметомъ Пермьяки заимствовали и его названіе (повозъ, полозъ). Сани до сихъ поръ остаются у Пермьяковъ главнымъ орудіемъ перевозки во всякое время года. Оригинальное зрѣлище представляетъ для непривычнаго челоуѣка дорога въ Пермьяцвомъ краю. На прекрасныхъ усыпанныхъ галькой, окопанныхъ рвами, земскихъ и Строгановскихъ полотнахъ путешественникъ съ величайшимъ удивленіемъ можетъ въ разгаръ лѣта встрѣтить Пермьяка, который везетъ кладъ на саняхъ. Присмотрѣвшись, онъ откроетъ, что въ Соликамскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ на колесныхъ экипажахъ лѣтомъ ѣздятъ только коренные русскіе—крестьяне и торговые—да чиновники. Въ сторону отъ почтовыхъ и земскихъ трактовъ, въ деревни, расположенныя среди лѣсовъ

нельзя проѣхать иначе, какъ верхомъ. Кто не можетъ ѣхать верхомъ, того везутъ на саняхъ. Такая участь ждетъ обыкновенно священника, не способнаго по старости или не привычекъ воспользоваться сѣдломъ. Если деревня далеко—а въ Пермскомъ краю случается, что деревня отстоитъ отъ прихода верстъ за 30—священника влечетъ цѣлый поѣздъ: въ сани впрягаются гусемъ 2—3 лошади, на каждой сидитъ по Пермью; священникъ запасается войлокомъ, подушкой, укладывается на узкихъ саняхъ и поѣздъ трогается. Уѣздный Чердынскій землемѣръ рассказывалъ намъ, что когда онъ отважился проѣхать въ отстоящую отъ с. Кочева верстъ на 30 деревню на телѣгѣ, его пріѣздъ составилъ для жителей цѣлое событіе. Старикъ лѣтъ 80 выплелся посмотреть на смѣлаго путника и благодарилъ Бога за то что онъ привелъ его еще разъ увидать на старости лѣтъ телѣгу. Для края это было открытіе. Съ тѣхъ поръ деревня вступила такъ сказать въ колесный вѣкъ изъ саннаго. Но пионеръ за это заплатился бовами. Пробраться на тележкѣ въ деревню было еще не такъ трудно, какъ на ней-же выбраться. Съ грѣхомъ пополамъ удалось запречь не привычныхъ лошадей въ страшный для нихъ экипажъ. Стоило за тѣмъ телѣгѣмъ захохотать на покрытой корнями деревьевъ дорогѣ—и лошади пугались и несли. На помощь ямщика, такъ-же привычнаго къ телѣгѣ, какъ и его лошади, напрасно было рассчитывать: онъ пугался самъ, бросалъ возжи и хватался за сидѣнье, чтобы удержаться и не упасть.—Старики рассказывали намъ, что въ пору ихъ молодости даже по большимъ дорогамъ ѣзда происходила лѣтомъ на саняхъ; такъ возили изъ Кочева въ Чердынь за 280 верстъ подати—ишьши съ тяжелыми Николаевскими мѣдяками.

Въ краѣ, гдѣ сани играютъ такую роль, волокуша уже прогрессивное явленіе. Она не такъ тяжела для лошади, какъ сани, въ особенности въ сухое время или на твердомъ грунтѣ. Въ Соликамскомъ уѣздѣ волокуша дѣлаетъ шагъ, упрочивающій ея побѣду надъ санями: она поднимается и

ось съ первобытными колесами-кругляшами въ родѣ тѣхъ, которыя мы видимъ на деревенскихъ игрушечныхъ тѣлѣжкахъ. Такъ возникаетъ первообразъ телѣги. Въ Орловскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ только такія телѣги Пермьякамъ и извѣстны. Въ Соликамскомъ уѣздѣ рядомъ съ такой телѣгой занимаютъ мѣсто для перевозки тяжестей небольшія платформы и ящики на оси съ колесами-кругляшами.

Четырехколесная телега, съ колесами обыкновеннаго типа составляетъ уже у Пермьяковъ чрезвычайную рѣдкость. Чаше можно встрѣтить на такихъ колесахъ тарантасъ или плетенку—у людей, которые „ямщичать“. Колеса и ящики для тарантасовъ Пермьяки покупаютъ у Вятчанъ на торжкахъ или сельскихъ армарвахъ и совершаютъ для этого поѣздки верстъ за 80, за 100. Сами Пермьяки часто не умѣютъ даже починить колеса. Въ Кочевской волости Чердынскаго уѣзда, говорилъ намъ одинъ Пермьякъ, едва найдется два—три челоуѣва, которые сумѣютъ выполнить такую работу.

Продолжимъ образъ тѣхъ предметовъ, которые можно видѣть на пермяцкомъ дворѣ. Рядомъ съ волокушей мы видимъ въ большинствѣ случаевъ соху. Она устроена изъ того же матеріала, что и волокуша; разница только въ томъ, что на этотъ разъ стволы обращены корнями внизъ и на концы корней насажены ральники. Чтобы покончить съ матеріалами, характеризующими уровень технического развитія Пермьяка, скажемъ нѣсколько словъ—несовсѣмъ своевременно—еще объ одномъ видѣ утилизаціи дерева съ идущимъ подъ угломъ корнемъ. Мы видѣли приготовленные изъ него швейки: коротко обрубленный стволъ обрабатывается для донца или сидѣнья, обтесанный корень для приврѣпленія шитва.

Прежде, чѣмъ перейти въ выводамъ, познакомимся съ одеждой Пермьяка. Первой одеждой его была звѣриная шкура. Въ настоящее время Пермьякъ носить ткани, по формѣ нѣкоторыхъ принадлежностей костюма сохранилось до сихъ поръ отъ этой старой поры; стоитъ напр. сравнить пермяц-

вія лапти съ обувью Вогуловъ и Остяковъ, чтобы убѣдиться въ ихъ родствѣ.

Костюмъ современнаго Пермьяка не сложенъ: отъ русскаго крестьянина Пермьякъ отличается круглой войлочной татарскаго образца шляпой, синимъ холщевымъ круглымъ или сборчатымъ шабуромъ, лаптями и кушакомъ. Кушаки составляютъ гордость пермяцкихъ рукодѣльницъ: они ткуются изъ шерстей и отличаются правильными геометрическими узорами. Въ костюмѣ Чердынскихъ Пермьяковъ можно отмѣтить еще одну черту, отличающую ихъ отъ Русскихъ: они носятъ (теперь уже не всѣ) бѣлыя рубашки съ двумя широкими красными вытканными каймами на подолѣ. Въ старину бѣлый цвѣтъ пользовался болѣе широкимъ распространеніемъ.

Женскій костюмъ повсюду въ Пермьскомъ краѣ не отличается отъ обыкновеннаго русскаго: онъ состоитъ изъ сарафана (чаще синяго) и бѣлой рубашки съ вытканными на плечахъ и запястьяхъ рукавовъ узорами, которые многими принимаютъ за вышивку. Чердынскихъ и Соликамскихъ Пермьячекъ можно отличить по головнымъ уборамъ: первыя носили прежде сороку (въ родѣ Черемисской), носятъ теперь кокошникъ, вторыя — шамшуру.

Мы не будемъ описывать обоихъ этихъ уборовъ: тутъ нужны рисунки. Скажемъ только, что въ украшеніи шамшуръ и кокошниковъ развертываются художественныя способности пермяцкихъ женщинъ. Сравнивая фигуры, которыя они создаютъ изъ бисера и грубаго жемчуга, съ узорами шелковыхъ вышивокъ у Вотячекъ и въ особенности у Черемисокъ, мы можемъ замѣтить, что эти способности у Пермьячекъ ниже, чѣмъ у другихъ нашихъ инородковъ.

Мы познакомились теперь со всѣмъ, что создалъ и создаетъ Пермьякъ для удовлетворенія потребностей въ пищѣ, жилищѣ, одеждѣ, и можемъ перейти къ выводамъ. Стоитъ сдѣлать маленькое усиліе мысли, чтобы найти черту, объединяющую всѣ разсмотрѣнныя нами издѣлія Пермьяковъ — чашки, ковши, поваренки, ступы, швейки, волокуши. Выдѣлывая эти

вещи, Пермякъ стоитъ на зачаточной ступени творчества: онъ еще не господинъ того матеріала, который предполагаетъ приспособить къ своимъ потребностямъ, не въ состояніи дать ему ту форму, которая ему желательна; онъ беретъ у природы формы вмѣстѣ съ матеріаломъ. Лѣса окружающіе Пермяка, въ изобиліи предлагали его вниманію наросты на корняхъ березъ. Рано или поздно Пермяку должна была прійти мысль какъ нибудь приспособить эти наросты для своихъ потребностей. Онъ обрубаешь такой наростъ, выдалбливаетъ ножомъ его внутренность, слегка очищаетъ снаружи и готова первобытная чашка; случайно или намѣренно онъ обрубаешь такой наростъ съ частью корня или ствола и получается сосудъ съ ручкой—ковшъ, поваренка. Тутъ все дано природой; человѣку принадлежитъ лишь идея приспособить готовое къ своимъ цѣлямъ. Такъ начинается творчество въ каждой области техники. Слѣдующія ступени развитія состоятъ въ томъ, что человѣкъ видоизмѣняетъ данныя формы, создаетъ новыя, даетъ матеріалу ту или другую форму по усмотрѣнію. Пермякъ не дошелъ до нихъ. Онъ остался работою природы—и въ этомъ мѣрка его творческихъ силъ. Первоначальная зависимость въ своемъ творествѣ отъ природы—удѣлъ каждаго народа. Создавшіе высокую культуру Египтяне своими первыми идеями въ области архитектурнаго орнамента обязаны природѣ Нильскаго бассейна, но богатство ихъ творческихъ силъ сказалось въ томъ употребленіи, которое они сдѣлали изъ этого матеріала, въ обиліи видоизмѣненій, въ разнообразіи сочетаній. Разстояніе, отдѣляющее любое изъ такихъ видоизмѣненій отъ даннаго природой первообраза, и служитъ показателемъ тѣхъ творческихъ силъ, которыми располагаетъ народъ. Пермякъ не пошелъ дальше простаго приспособленія готоваго. Чтобы сдѣлать своей женѣ или дочери швейку, онъ долженъ бродить по лѣсу, отыскивая дерево съ подходящимъ расположеніемъ корней; онъ не дошелъ до мысли, что такого-же рода швейку можно гораздо скорѣе приготовить изъ двухъ отдѣльныхъ

и небольших сравнительно кусковъ дерева; здѣсь ужъ нужно создавать, а не приспособлять только.

Достоинство пермяцкихъ издѣлій зависитъ, конечно, не отъ одного размѣра техническихъ способностей народа. Не создавая новыхъ формъ Пермьякъ, могъ-бы тоньше обработать то, что дано вчера природой, но для этого нужны уже не тѣ орудія, которыми пользуется Пермьякъ, и не столько. На примѣрѣ приготовления ступы мы имѣли уже случай замѣтить, что Пермьякъ мастерить въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ, какъ мастерилъ человекъ въ ту далекую пору, когда онъ только что овладѣлъ огнемъ. Способъ приготовления остальныхъ пермяцкихъ вещей показываетъ, что Пермьякъ не всегда пользуется даже такими орудіями, какъ долото и пила. Пила представляетъ собою инструментъ, назначеніе котораго знаетъ далеко не всякій Пермьякъ. На почтовомъ трактѣ, въ селѣ Кочевѣ Чердынскаго уѣзда, еще недавно были возможны такіе случаи, что Пермьяки, заготовляя дрова, не пилили, а рубили вывезенныя изъ лѣса деревья. Судебный приставъ, поселившійся здѣсь, рассказывалъ намъ, что ему для этой цѣли пришлось самому купить пилу. Когда онъ разставилъ ее, какъ слѣдуетъ, и далъ Пермьяку—рабочему, тотъ повертѣлъ ее съ удивленіемъ въ рукахъ и заявилъ, что не знаетъ, что съ ней дѣлать.

Въ неподвижности, которая характеризуетъ Пермьяцкое творчество въ области предметовъ домашняго обихода, сказывается и другая черта духовной природы Пермьяка—слабое развитіе, если не отсутствіе потребности перемѣны, лучшаго, потребности, которая является условіемъ развитія въ каждой области.

~~~~~

Глава IV.

Семейныя и общественныя отношенія.

Мы покончили съ тѣмъ отдѣломъ произведеній Пермскаго творчества, который коренится въ удовлетвореніи потребностей въ пищѣ, вровѣ и одеждѣ. Всматриваясь во всю совокупность относящихся къ нему предметовъ, читатель могъ сдѣлать одно—очень важное, какъ мы увидимъ—наблюденіе: не всѣ вещи, которыми пользуется современный Пермскій, находятся въ строгомъ соотвѣтствіи съ его наличнымъ техническимъ развитіемъ; онъ можетъ напр. сдѣлать глинобитную, подъ часъ даже кирпичную печь, а въ овиноу огонь раскладываетъ прямо на землѣ, т. е. дѣлаетъ то, что дѣлали въ своемъ жилищѣ его отдаленные предки. Старое, оказывается, выживаетъ, остается на службѣ Пермскаго, не смотря на ростъ техническаго развитія. Эту живучесть того, что разъ было создано человѣкомъ, мы замѣтимъ и въ области творчества общественно-бытоваго. И здѣсь при внимательномъ изслѣдованіи въ современности окажется масса обломковъ далекой старины. Разница будетъ только въ томъ, что тамъ—въ области вѣшняго быта—старое не соотвѣтствуетъ техническому развитію современныхъ Пермскихъ, здѣсь—въ области творчества общественно-бытоваго—оно не будетъ соотвѣтствовать его современнымъ взглядамъ, понятіямъ и чувствамъ. Жизнь прихотливо комбинируетъ обломки старины—обычаи, которые выполняются по преданію, не зная, зачѣмъ—и рядъ сознательныхъ дѣйствій, вытекающихъ изъ современ-

ныхъ понятій. Этнографъ можетъ двояко отнестись къ этой „натурѣ“. Онъ можетъ тщательно черта за чертой переносить въ свои записи то, что даетъ жизнь заботясь только о томъ, чтобы его запись какъ можно точнѣ воспроизводила дѣйствительность. Онъ можетъ вести дѣло и дальше, можетъ подвергнуть анализу детали скопированной картины, отдѣлать въ ней живое отъ обломковъ старины, отодвинуть старое съ перваго плана въ глубь ея, дать картинѣ культурно-историческую перспективу. Трудность этой операціи заключается въ томъ, чтобы найти для того или другаго обломка настоящее мѣсто въ глубинѣ картины. Основанія этой перспективы, указанія на то, что слѣдуетъ поставить ближе, что дальше даетъ исторія культуры. Условимся еще разъ на счетъ признаковъ стараго. Мы будемъ признавать обломками старины то, что не вытекаетъ изъ современныхъ воззрѣній Пермьа, что продѣлывается имъ безотчетно по преданію.

Для безпрепятственнаго и правильнаго удовлетворенія потребности въ продолженіи рода современный Пермьа вступаетъ въ бракъ и избираетъ себѣ одну женщину на всю жизнь. Въ выборѣ этой женщины онъ ограниченъ гражданскими законами о совершеннолѣтіи, церковнымъ правомъ и вытекающими изъ него общественными понятіями о дозволенномъ и не дозволенномъ: онъ не можетъ напр. жениться на родственницѣ ближе извѣстной степени. Здѣсь все мотивировано господствующими въ настоящее время понятіями. Рядомъ жизнь даетъ другую картину, которая стоитъ въ полномъ противорѣчьи съ этими воззрѣніями. Прежде чѣмъ молодые люди обоого пола вступаютъ въ освященный общественнымъ мнѣніемъ, закономъ и церковью отношенія, они живутъ половой жизнью цѣлые годы. Законъ для вступленія въ бракъ требуютъ извѣстнаго возраста; для внѣбрачныхъ отношеній нѣтъ другихъ ограниченій, кромѣ естественныхъ. Половая жизнь дѣвушки начинается съ 12—13 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ у Пермьковъ, какъ и у Вотавковъ, почти каждая дѣвушка имѣетъ любовника. Церковь ставитъ

извѣстную степень родства границей для вступленія въ бракъ; въ своихъ вѣнчаемыхъ отношеніяхъ пермяцкая молодежь не признаетъ за родствомъ никакого стѣсняющаго значенія. Г. Добротворскому сообщали, что въ глухихъ отдаленныхъ Пермскихъ починкахъ зачастую встрѣчаются случаи сожительства братьевъ съ сестрами ¹⁾). Г. Шатровъ, живущій въ Пермскомъ приходѣ Глазовскаго у., на вопросъ о вѣнчаемыхъ отношеніяхъ между родственниками отвѣчаетъ намъ: „среди Пермяковъ, населяющихъ Зюдинскій край, не составляютъ рѣдкости половыя сношенія между очень близкой родней; не считается предосудительнымъ имѣть и дѣтей, прижитыхъ въ кровосмѣшеніи“. Нашъ корреспондентъ знакомить и съ нѣкоторыми изъ условій, вызывающихъ кровосмѣшенія. „Всѣ виды кровосмѣшенія совершаются зимою на посидѣнкахъ. Собравшіяся здѣсь молодыя женщины и дѣвушки снимаютъ съ своихъ рукъ по кольцу и складываютъ ихъ всѣ въ одну шапку или коробицу, откуда каждый изъ присутствующихъ на игрищѣ парней не глядя беретъ кольцо. Женщина или дѣвушка, которой принадлежитъ кольцо, переходитъ въ его полное распоряженіе. Онъ сажаетъ ее къ себѣ на колѣни и играя съ нею проводитъ съ нею вечеръ и часть ночи; передъ разсвѣтомъ кто нибудь изъ играющихъ внезапно гаситъ огонь и всѣ присутствующіе на игрищѣ предаются разврату“. Г. Шатровъ къ сожалѣнію не сообщаетъ, такое-ли же значеніе имѣетъ жеребій во время лѣтнихъ игрищъ.

Мы имѣемъ основанія утверждать, что такіе факты, какъ сожительство брата съ сестрой, извѣстны и въ Пермскомъ краѣ — по крайней мѣрѣ въ Соликамскомъ уѣздѣ. Изучая „книги явокъ и жалобъ“ и „книги рѣшеній волостныхъ судовъ“ въ волостяхъ, населенныхъ Пермяками, мы имѣли случаѣ натолкнуться не на одинъ случай, когда Пермякъ привлекается къ волостному суду за то, что назвалъ

¹⁾ 1. с. IV, 565. Ср. Роговъ. Ж. М. В. Д. 29, 74.

другого такимъ именемъ, въ которомъ заключается указаніе на сожительство съ сестрой (одни писаря приводятъ его en toutes lettres, другіе переводятъ словомъ сестро-наильникъ). То обстоятельство, что обнаруженіе такого факта считается позорящимъ человѣка, показываетъ, что у Соликамскихъ Пермьяковъ родство начинаетъ уже считаться препятствіемъ для половыхъ отношеній. Какъ психопатологическій фактъ, можно отмѣтить встрѣченныя нами въ книгахъ явокъ указанія, что сынъ покушался произвести насиліе надъ матерью. Въ рукописи, доставленной намъ П. А. Вологдинымъ, мы находимъ преданіе, записанное въ Архангельской волости. Преданіе это гласитъ что Чудаки, родство которыхъ съ Пермьяками мы уже выяснили, не уважали при удовлетвореніи своихъ половыхъ потребностей родственныхъ связей. Свойство еще менѣе, чѣмъ кровное родство, служить у Пермьяковъ препятствіемъ для внѣбрачныхъ отношеній. А. П. Ивановъ въ своемъ очеркѣ „Кама-рѣка“ отмѣчаетъ между прочимъ, что въ одномъ пермяцкомъ домѣ Зюдинскаго края родители безъ всякаго стѣсненія сообщили ему, что ихъ дочь прижила ребенка съ мужемъ сестры ¹⁾. Волостнымъ судамъ Пермцакаго края приходится по временамъ рѣшать ссоры между братьями изъ за того, что холостой живетъ въ связи съ законной половиной женатаго. Случай, когда два брата живутъ внѣбрачныхъ отношеніяхъ съ двумя родными сестрами, не составляютъ рѣдкости. Пермьякъ не прочь игнорировать свойство и при заключеніи брака, но сдерживается церковными установленіями.

Какъ слѣдуетъ смотрѣть на факты, подобныя тѣмъ, которые мы только что провели? Наблюдатель, признающій излишнимъ для этнографическихъ цѣлей знакомство съ общей исторіей культуры и исторіей данной народности, безъ колебаній объявитъ эти факты выраженіемъ глубокаго нравственнаго упадка народа. Но дѣло можетъ представлять-

¹⁾ Волж. Вѣст. 1883.

ся и иначе. Мы имѣемъ отъ 1501 г. драгоцѣнный въ этомъ отношеніи матеріалъ. Черезъ 35 лѣтъ послѣ крещенія Чердынскихъ Пермьяковъ, Московскій митрополитъ Симонъ ставитъ на видъ новообращеннымъ Пермьякамъ и ихъ князю различныя несогласныя съ христіанскими требованіями факты въ жизни ихъ. Между этими фактами мы отмѣчаемъ одинъ: Пермьяки вступали въ браки, не стѣсняясь родствомъ („женитьбѣ незаконныхъ не чините, якоже слышу о васъ, что поймаются въ племени по ветхому, по татарскому обычаю: кто у васъ умретъ, а второй его братъ жену его поймаетъ, третій его братъ также творить '...). Сопоставимъ эти раздѣленные почти четырьмя вѣками бытовья картины и мы приобрѣтемъ настоящій взглядъ на вѣббрачныя отношенія Пермьяковъ: недопускаемое христіанскою моралью и закономъ, осуждаемое общественнымъ мнѣніемъ является обломкомъ, переживаніемъ стараго до-христіанскаго порядка вещей. Въ пермяцкой дѣйствительности намѣчаются двѣ крупныхъ группы явленій: явленія новыя, навѣяныя христіанствомъ и явленія до-христіанской, самобытно-Пермяцкой старины. Разбираясь въ явленіяхъ этой послѣдней группы, мы замѣтимъ что и они не всѣ могутъ относиться по своему возникновенію къ одной эпохѣ. Одни носятъ на себѣ печать извѣстнаго и можетъ быть даже заимствованнаго порядка (обычай младшаго брата жениться на вдовѣ старшаго), другія характеризуются полнымъ отсутствіемъ чего-либо упорядочивающаго, обязательнаго (вѣббрачныя половыя отношенія на игрищахъ и т. п.). И здѣсь должна быть та или другая преемственность явленій. Установить эту преемственность позволяютъ намъ 1) сравненіе съ исторіей развитія семейныхъ отношеній у ближайшихъ родичей Пермьяковъ—Вотьяковъ, 2) та схема развитія семьи, которую даетъ исторія культуры, точнѣе сравнительное бытовѣднiе. Въ семейномъ бытѣ Вотьяковъ извѣстны случаи, а) когда отецъ

1) Перм. лѣт. I, 33. Ср. наши «Черемисы» 127.

пользуется совмѣстно съ сыномъ его женой, в) когда братья и родственники жениха символически заявляютъ о своихъ правахъ на его будущую жену, с) когда парни селенія, изъ котораго уходитъ дѣвица, такъ же символически заявляютъ о своихъ правахъ на нее, d) когда молодежь обоего пола вступаетъ въ кратковременныя связи, разрывая ихъ по первому побужденію инстинкта. Сравнительное бытовѣдѣніе показываетъ, что эти явленія извѣстны въ жизни почти всѣхъ народовъ, находятся въ извѣстной преемственности и составляютъ моменты, изъ которыхъ складывается исторія семьи: первый случай (снохачество) представляетъ собою форму выраждающейя полиандріи (многомужества), второй—выживающей въ формѣ символа остатокъ той-же полиандріи, третій—такой же остатокъ эндогаміи (половыхъ отношеній внутри группы, связанной кровнымъ родствомъ), четвертый—переживаніе эпохи неупорядоченныхъ еще половыхъ отношеній (коммунальнаго брака, гетеризма).

Исходя изъ указаній, которыя даютъ намъ жизнь Вотяковъ и сравнительное бытовѣдѣніе, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что и обломки старины, сохранившіеся въ современномъ бытѣ Пермьяковъ, относятся къ различнымъ періодамъ въ исторіи Пермьяцкой до-христіанской семьи. Обычай, противъ котораго ратуетъ митрополитъ Симонъ, представляетъ собою одну изъ формъ угасающей полиандріи—левиратъ. Другое переживаніе той-же полиандріи представляетъ собою снохачество. Въ настоящее время оно считается уже позорнымъ явленіемъ. Пермьякъ, назвавшій другаго снохачемъ, привлекается за обиду къ суду. Но было время, когда оно представлялось неизбѣжнымъ при заключеніи брака между мальчикомъ и взрослой дѣвицей. Воспоминаніемъ объ этой порѣ до сихъ поръ служитъ тотъ фактъ, что жена бываетъ на много лѣтъ старше мужа.

Внѣбрачныя половыя отношенія пермяцкой молодежи представляютъ собою переживаніе еще болѣе отдаленной эпохи коммунальнаго брака или гетеризма, эпохи, когда не одна

молодежь, но и всѣ взрослые представители обоихъ половъ жили безпорядочною половой жизнью. Въ пользу того, что Пермьки пережили такой періодъ, свидѣтельствуеетъ ихъ терминологія семейныхъ отношеній. Эта терминологія такъ же, какъ и вотяцкая, не вается съ современнымъ строемъ Пермьцкой жизни. Въ настоящее время жевщина различаетъ мужчину, съ которымъ она связана брачнымъ союзомъ, отъ всякаго другаго представителя мужскаго пола, мужчина въ свою очередь выдѣляетъ изъ среды женщинъ одну, съ которой онъ находится въ бракѣ, оба отличаютъ среди массы дѣтей и подростковъ нѣсколько особей, къ которымъ они стоятъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, какъ родители. Если бы такой порядокъ вещей существовалъ издавна, естественно было бы ожидать, что въ языкѣ Пермьковъ съ давнихъ поръ существовали бы различныя слова для обозначенія мужа и мужчины, жены и женщины, сына и дочери съ одной стороны, мальчика и дѣвочки съ другой. Словарь современныхъ Пермьковъ между тѣмъ не оправдываетъ этихъ ожиданій. А й к а (мужъ) значитъ въ сущности отецъ, самецъ (ај + суф. к а), инј, инјка (жена) значитъ самка, женщина. Специальное слово г ѳ т ы р не ясно по своему значенію; ныл, нылка — дѣвка, дочь, зон, зонка — парень, сынъ. Несотвѣтствіе терминологіи съ современнымъ строемъ жизни можетъ быть объяснено только тѣмъ, что она сложилась при другихъ отношеніяхъ между полами и пережила ихъ. Каковы были эти отношенія, не трудно опредѣлить. Если языкъ не дѣлаетъ различій между мужемъ и мужчиной, между женой и женщиной, то это значитъ что въ эпоху возникновенія терминовъ родства отношенія между мужчинами и женщинами имѣли такой-же неустойчивый и неупорядоченный характеръ, какъ современные виѣбрачныя отношенія пермьцкой молодежи: особыхъ терминовъ не могло явиться, когда не было особыхъ отношеній къ одной особи изъ цѣлой массы ей подобныхъ.

Состояніе беспорядочнаго сожителства половъ порождаетъ рядъ явленій, которымъ нѣтъ мѣста при нашемъ строѣ жизни. При такомъ состояніи общества прежде всего не можетъ быть, конечно, и рѣчи о какихъ нибудь стѣсненіяхъ родственными отношеніями; половой инстинктъ не подчиняется здѣсь никакимъ ограниченіямъ. Какъ мало подчинялся онъ какимъ бы то ни было ограниченіямъ у древнихъ Пермяковъ, можно судить по вѣбращнымъ отношеніямъ ихъ потомковъ. Затѣмъ съ беспорядочнымъ половымъ сожителствомъ тѣсно связана преобладающая роль женщины-матери относительно дѣтей: мать и рожденные ей дѣти составляютъ единственное устойчивое, покоящееся на твердомъ сознаніи взаимной близости сочетаніе. Это сочетаніе—зародышъ будущей семьи. Мы не считаемъ нужнымъ входить въ подробности на счетъ того, въ чемъ выражается матриархальный порядокъ, зараждающійся на почвѣ гетеризма. Отмѣтимъ изъ связанныхъ съ нимъ явленій только тѣ, намеки на которые даетъ намъ пермяцкая жизнь. При матриархальномъ строѣ въ роли покровителя женщины и ея дѣтей является наиболѣе близкій къ ней мужчина—ея братъ. Понятно, что въ обществѣ, сохраняющемъ даже только слѣды пережитаго матриархата, братъ и дядя по матери пользуются особымъ значеніемъ и почетомъ. Проблески этого особаго почтенія съ стороны женщины къ брату замѣтны по мѣстамъ въ современномъ Пермяцкомъ свадебномъ обрядѣ. Г. Добротворскій говоритъ, что у Пермяковъ Вятской губерніи (Орловскихъ?) невѣста передъ свадьбой приноситъ прежде всѣхъ благодарность „милому брату за то, что вспоилъ, вскормилъ ее и не далъ никому въ обиду“ и въ заключеніи отду съ матерью ¹⁾). Въ Чердынскомъ уѣздѣ братъ запираетъ ворота передъ поѣзжанами, пріѣхавшими за невѣстой, и символически защищаетъ ее отъ предполагаемыхъ похитителей. Тайлоръ ставитъ въ связь съ выживающимъ матриархатомъ обычай, чтобы зять

¹⁾ I. с. IV, 561.

поселялся въ домъ жены ¹⁾). Въ настоящее время этотъ обычай составляетъ у Пермьковъ рѣдкое явленіе—и, конечно, въ силу того безправія, на которое обрекается въ домъ тестя приемный зять. У Пермьковъ Вятской губерніи онъ теряетъ связь съ своимъ родомъ, свое фамильное имя и принимаетъ имя тестя совершенно также, какъ работникъ въ Пермской губерніи. Его дѣти увеличиваютъ родъ тестя и носятъ также фамильное имя послѣдняго ²⁾). По отношенію къ своимъ дѣтямъ онъ значитъ равно столько, сколько любовникъ незамужной дѣвушки, такъ какъ и тамъ дѣти величаются по отцу матери. Можно думать однако, что этотъ порядокъ въ былое время имѣлъ большее распространеніе. Любопытно то обстоятельство, что Пермьки не имѣютъ особыхъ словъ для обозначенія зятя и тестя: первый обозначается однимъ терминомъ съ пасынкомъ, второй однимъ съ вотчимомъ. Результаты этой своеобразности въ терминологіи, замѣтимъ мимоходомъ, выражаются между прочимъ въ томъ, что Пермьки путаютъ Русскіе термины зять и „пасынокъ“ и среди жалобъ разбираемыхъ волостными судами можно встрѣтить такия, гдѣ Пермькъ проситъ судъ отобрать у п а с ы н к а (т. е. у зятя) имущество умершей безъ дѣтей дочери. Такое отождествленіе отношеній, съ современной точки зрѣнія различныхъ, могло возникнуть только тамъ, гдѣ зять, какъ и пасынокъ, жили въ домѣ тестя.

Слѣдующую за безпорядочнымъ половымъ сожителествомъ студень въ развитіи семьи представляетъ порядокъ, при которомъ обладаніе женщиной индивидуализируется, дѣлается болѣе устойчивымъ и господство матери по отношенію къ дѣтямъ уступаетъ мѣсто господству отца. Эта перемѣна обыкновенно ставится въ связь съ возникновеніемъ обычая похищать женщинъ. Такъ-ли шло развитіе пермьцкой семьи, мы точно не знаемъ. Несомнѣнно одно—похищеніе невѣсты, „умыканіе“ было въ обычай у

¹⁾ Этногр. Обзор. V, 7, 8.

²⁾ Добр. I. с. IV, 567.

Пермяковъ. Воспоминанія о немъ, не говоря уже о фѣтвномъ умыканіи невѣсты по соглашенію съ ней, до сихъ поръ сохраняются въ Пермскомъ свадебномъ обрядѣ. Какъ весь современный бытъ Пермяка, свадебный обрядъ заключаетъ въ себѣ черты, которыя не вяжутся съ современными основами жизни. Въ настоящее время бракъ является у Пермяковъ результатомъ соглашенія между родителями обѣихъ сторонъ и до извѣстной степени—доброй воли самихъ брачащихся. Согласно съ этимъ свадьба начинается сватовствомъ, которое ведется совершенно такъ - же, какъ и у Русскихъ. Для переговоровъ съ родными намѣченной невѣсты выбирается свать. Свать заходитъ предварительно къ сосѣдямъ невѣстина отца, наводитъ у нихъ справки и потомъ уже отправляется къ нему въ домъ. Здѣсь начинаются переговоры. Отецъ ссылается на мать, мать замѣчаетъ, что для домашнихъ работъ ей нужна была бы помощница, но выше отца она не станетъ. Дѣло оканчивается тѣмъ, что родители получаютъ за невѣсту задатокъ. Черезъ нѣкоторое время наступаетъ рукобитье. Женихъ ѣдетъ съ отцемъ, крестнымъ братомъ, тысяцкимъ. Въ домъ невѣсты къ невѣстѣ собираются всѣ сосѣди. Женихъ съ отцемъ садятся за столъ и угощаются. Потомъ начинается рукобитье. Отецъ жениха кладетъ свою руку на руку невѣстина отца; оба поднимаютъ сложенные руки и спрашиваютъ присутствующихъ, видѣли-ли рукобитье. Покончивъ рукобитье, родные жениха вызываютъ невѣсту. Невѣста выходитъ изъ кутнаго угла и подаетъ вина женихову отцу. Отецъ проситъ, чтобы она выпила первая сама; невѣста выпиваетъ и подноситъ жениху. Послѣ рукобитья цѣлую ночь идутъ игры. Дѣвушки—подруги невѣсты переходятъ съ рувъ на руки отъ одного гостя къ другому. Неженатая молодежь въ Чердынскомъ уѣздѣ на этотъ вечеръ не допускается (не слѣдуетъ-ли видѣть въ этомъ обычѣ остатокъ гостепріимнаго гетеризма?). Во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ „женихается“ напротивъ она. Черезъ нѣсколько дней послѣ рукобитья назначается сватьба. Наступаетъ моментъ, когда женихъ долженъ

увести невесту въ свой домъ, и въ обрядѣ являются черты, несогласныя съ дружественнымъ характеромъ всего предшествующаго. Въ деревню, гдѣ живетъ невеста, въѣзжаетъ группа всадниковъ, размѣры которой зависятъ отъ того, какъ велика родня жениха. Отецъ невесты немедленно запираетъ на запоръ ворота. Деревенская молодежь, которую собираютъ на этотъ случай въ домъ невесты, держитъ на готовѣ ружья и стрѣляетъ изъ нихъ въ поѣзжанъ изъ воротъ и сѣней, отецъ невесты между тѣмъ ведетъ съ старшимъ дружкой жениха ведетъ по русски миролюбивые переговоры на счетъ угощенья. Молодежь, собранная женихомъ, въ свою очередь поднимаетъ коней на дыбы, какъ будто готовясь перескочить черезъ ограду. Послѣ долгихъ переговоровъ братъ невесты за известный выкупъ—въ видѣ бутылки водки напр.—отпираетъ ворота и поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ. Дружки вынимаютъ дары и направляются въ избу. Отецъ невесты принимаетъ дары и передаетъ ихъ женѣ, та дочери. Только послѣ даровъ отецъ отпираетъ дверь избы и впускаетъ поѣзжанъ. Женихъ входитъ въ избу, какъ врагъ—шапки не снимаетъ, богу не молится.

Поѣзжане усаживаются безъ приглашенія за столъ, на который невеста ставитъ пиво и рыбный пирогъ. Съ ними усаживается уже безъ шапки и помолясь женихъ. Старшій дружка жениха выкликаетъ теперь невестина отца. Ему подносятъ пива и вина; дружка приговариваетъ: „батюшка родимый, за этимъ пивцомъ, за этимъ винцомъ, за этой ѣстой намъ бы нужно было огня летучаго“. Отецъ невесты приноситъ лучину, огнивомъ высѣкаютъ огонь и зажигаютъ свѣчу. Дружка выкликаетъ мать невесты и требуетъ отъ нея „княгиню молодую“. Невеста сидитъ между тѣмъ въ кутномъ углу. Дружка отъ имени жениха вызываетъ ее къ жениху. „NN, приступись ко мнѣ поближе, поклонись пониже“. Отецъ подводитъ невесту и кланяется вмѣстѣ съ ней поѣзжанамъ трижды въ землю. Происходитъ обрученіе. Невеста опять уходитъ въ кутный уголь. Поѣзжане угощаются и дружка

вызываетъ обрученную невѣсту за столъ. Отецъ ведетъ дочь за платокъ, который она держитъ въ рукахъ, и передаетъ черезъ этотъ платокъ жениху, приговаривая по Пермьцки: у меня хорошо жила, живите и вы хорошо, добрымъ людямъ на похвалу, худымъ на зависть“. Получивъ невѣсту, поѣзжане требуютъ отъ ея родителей угощенія. Начинается свадебный столъ, который проходитъ съ тѣми-же церемоніями, что и у Русскихъ. По окончаніи стола невѣсту увозятъ въ церковь и оттуда въ домъ жениха. Въ Орловскомъ уѣздѣ, прежде чѣмъ выводить невѣсту изъ избы, старшій изъ поѣзжанъ— дядя жениха — связываетъ ей руки лычкомъ или мочаломъ. Въ такомъ видѣ ее везутъ до церкви; здѣсь уже самъ женихъ развязываетъ ей руки¹⁾. Въ Глазовскомъ уѣздѣ женихъ беретъ невѣсту въ охабку и сажаетъ на приведенную для нея лошадь.

Сопоставляя обряды, при которыхъ невѣста увозится въ домъ жениха, съ предшествующими, мы приходимъ къ заключенію, что женихъ и его родня вступаютъ въ домъ отца невѣсты, берутъ ее и увозятъ совсѣмъ не такъ, какъ можно было бы ожидать на основаніи состоявшагося раньше соглашенія. вмѣсто доброй воли обѣихъ сторонъ мы видимъ здѣсь сплошь насиліе—хотя не дѣйствительное, а символическое, разыгрываемое женихомъ и его спутниками. Несоответствіе сдѣлается понятнымъ, если мы предположимъ, что современный свадебный обрядъ слагается въ сущности изъ двухъ обрядовъ: новаго, основаннаго на соглашеніи сторонъ и стараго, воспроизводящаго „умыканіе“. Логичность свадебнаго ритуала тотчасъ возстановится, лишь только мы отодвинемъ въ глубь картины этотъ кусокъ старинны и дадимъ на первомъ планѣ тотчасъ за рукобитіемъ мѣсто вѣчанію и послѣдующимъ обрядамъ. Съ „умыканіемъ“, конечно, стоитъ въ связи до сихъ поръ господствующій у Пермьяковъ Вятской губерніи обычай брать невѣсту непременно въ другой

¹⁾ Добр. I. с. IV, 562.

деревнѣ (экзогамія вмѣсто первичной эндогаміи, на которую указываетъ вѣтбрачныя отношенія). Теперь это объясняютъ желаніемъ имѣть мѣсто, куда можно было-бы на праздники ѣздить въ гости.

Умыканіе и замѣняющая его купля невѣсты измѣняютъ строй семьи: на первое мѣсто въ замѣнѣ матери выступаетъ отецъ. О характерѣ благо патріархальнаго строя можно судить по современной роли отца и мужа. Съ тѣми правами, которыя въ современной Пермской семьѣ принадлежатъ отцу, знакомитъ насъ прежде всего затронутый уже нами свадебный обрядъ. Мы видѣли уже, что въ настоящее время бракъ возникаетъ на основѣ соглашенія, но соглашеніе это устраивается не между брачащимися, а между ихъ родителями. Одинъ изъ нихъ продаетъ свою дочь въ настоящее время по большей части только символически ¹⁾, другой покупаетъ ее для сына, не считая нужнымъ справиться съ его волей. Символическая продажа дѣтей имѣетъ мѣсто и въ другихъ случаяхъ. Въ случаѣ упорной болѣзни ребенка мать отдаетъ его первому встрѣчному на улицѣ и беретъ съ него въ видѣ платы какую нибудь мѣдную монету. Человѣкъ, купившій ребенка, вноситъ его за тѣмъ въ избу и отдаетъ родителямъ, которые дѣлаютъ видъ, что берутъ уже другаго ребенка. На половину уже не символической, а дѣйствительной является продажа, когда отецъ отдаетъ сына въ дѣти — за отчужденіе ребенка обыкновенно уплачивается тѣмъ или другимъ количествомъ хлѣба. Символическая продажа стоитъ на границѣ между современными ограниченными обычаями правами отца и бывшей безграничной властью его надъ личностью и жизнью дѣтей. По одну сторону этой границы въ прошедшемъ мы видимъ намеки на то, что отецъ воленъ былъ принять или непринять родившагося ребенка: у Глазовскихъ Пер-

¹⁾ Калымъ берется за невѣсту только въ Чердынскомъ уѣздѣ. На этомъ основаніи между прочимъ Инвенскіе Пермяки не берутъ женъ у Чердынскихъ.

мяковъ повитуха, вымыши новорожденнаго, передаетъ его отцу, который принявши владеть его или въ зыбку, если она не приготовлена, или на лавку ¹⁾. По другую сторону—въ современномъ быту мы видимъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что отецъ является хозяиномъ если не личности сына или дочери, то по крайней мѣрѣ ихъ труда: онъ отдаетъ дѣтей въ работники, „строшныя“. Отецъ произвольно располагаетъ сыномъ и въ дѣлѣ выбора ему невѣсты. Въ 40-хъ годахъ сынъ не зналъ даже по имени невѣсты. Въ настоящее время въ Чердынскомъ уѣздѣ отъ таковаго порядка осталось воспоминаніе въ свадебномъ обрядѣ: старшій дружка учитъ жениха, какъ звать невѣсту—сообщаетъ ему имя и отчество ея. О томъ произволѣ, который въ этомъ отношеніи предоставленъ обычаемъ отцу, можетъ дать понятіе слѣдующій случай, извлеченный нами изъ дѣлъ одного волостнаго суда: Пермскъ почему-то разсердился на выбранную невѣсту, выбѣжалъ на улицу, увидалъ около церкви совершенно неизвѣстную ему до сихъ поръ дѣвушку и порѣшилъ, что она будетъ женой его сыну. Не располагая лично своей судьбой и дѣятельностью, дѣти не несутъ и личной отвѣтственности за свои проступки. Передъ судомъ общества за нихъ отвѣчаетъ отецъ (отецъ отвѣчаетъ за дочь, обвиненную въ кражѣ). Положеніе жены въ общемъ соотвѣтствуетъ положенію дѣтей. Передъ обществомъ интересы ея представляетъ мужъ. Мужъ условливается относительно вознагражденія за побои, нанесенные кѣмъ-либо его женѣ. Жизнь создаетъ на этой почвѣ весьма своеобразныя положенія. Мужъ ведетъ на примѣръ за жену тяжбу съ ея любовникомъ, который избилъ ее стягомъ, и взыскиваетъ съ него вознагражденіе.

Судя по приведеннымъ примѣрамъ отцевской власти, можно было-бы ожидать, что главы семьи должны быть единственнымъ и полноправнымъ хозяиномъ своего имущества. На дѣлѣ мы видимъ не то. Въ распоряженіи семейнымъ имуще-

¹⁾ Сообщ. А. Н. Шатровымъ.

ствомъ отецъ находится подъ контролемъ цѣлой семьи. Онъ не имѣетъ напр. права на произвольное отчужденіе принадлежащихъ семьямъ земель. Въ дѣлахъ Кочевскаго волостнаго правленія мы нашли жалобу сына на отца за то, что тотъ безъ его согласія отдалъ крестьянину изъ сосѣдней Юксѣвской волости въ вѣчное пользованіе покосъ. Здѣсь вступаетъ въ дѣйствіе трудовое начало, которымъ опредѣляется право пользованія и собственности. Это начало регулируетъ экономическія отношенія родичей.

Если большакъ лишаетъ младшаго члена семьи участія въ пользованіи имуществомъ, заведеннымъ общими трудами, судъ приговариваетъ его предоставить младшему его долю (племянникъ жалуется, что дядя не даетъ ему донть корову, которую они купили вмѣстѣ; судъ постановляетъ, чтобы дядя пользовался молокомъ два дня, племянникъ въ третій). Младшій имѣетъ право на долю имущества, если участвовалъ въ приобрѣтеніи его не лично, а черезъ жену (солдатъ). Мать-вдова, выйдя за мужъ вторично, имѣетъ право на долю имущества, которое нажито ея трудомъ.

Права, которыми пользуется въ пермяцкой семьѣ отецъ, распространяются и на всякаго большака—которымъ въ нераздѣлившейся семьѣ является старшій изъ братьевъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ „большину“ правитъ мать—старуха. Большакъ такъ-же распоряжается трудомъ младшихъ членовъ семьи—отдаетъ напр. братьевъ и сестеръ въ работу („въ наймы“). Если кто нибудь безъ согласія старшаго брата, беретъ младшаго въ работники и платитъ ему непосредственно, большакъ взыскиваетъ съ него судомъ вознагражденіе за причиненную хозяйству убыль рабочей силы. Въ настоящее время безъ отца, безъ матери братья рѣдко уживаются вмѣстѣ. Большія семьи (иногда состоящія изъ 8 братьевъ) тотчасъ расходятся по смерти естественнаго главы. Раздѣлъ происходитъ съ вѣдома общества и при его участіи, если дѣлящіеся не могутъ покончить мирно сами. Безъ разрѣшенія общества сынъ отъ отца, братъ отъ брата не можетъ отойти. На

отцовскомъ гнѣздѣ остается обыкновенно младшій сынъ. Если въ числѣ дѣтей, оставленныхъ отцомъ семейства, находится дочь, имѣющая одного или нѣсколькихъ незаконныхъ сыновей, она участвуетъ въ дѣлѣхъ движимаго и недвижимаго имущества и остается съ своими дѣтьми на гнѣздѣ отца. По воззрѣніямъ Пермьяковъ такая дочь является прямой наслѣдницей отца и притязанія боковыхъ родственниковъ, напр. сыновей ея отдѣленнаго брата не могутъ считаться справедливыми.

Стройная, дисциплинированная семья, которая рисуется предъ нашими глазами на основаніи знакомства съ обычнымъ правомъ, представляетъ собою идеаль. Дѣйствительность— фактическія отношенія между членами семьи — лежитъ въ серединѣ между этимъ идеаломъ и тѣми явленіями жизни, въ которыхъ заключается его полнѣйшее отрицаніе— проступками, подлежащими суду общества. „Книги явоуъ и жалобъ“, „книги рѣшеній волостныхъ судовъ“ заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для сужденія о томъ, въ какой степени идеаль осуществляется въ жизни, какія стороны въ природѣ Пермьяка препятствуютъ полному его осуществленію. Мы будемъ рисовать оборотную сторону медали, набрасывая сначала мелкія черты. Вотъ 17-лѣтній сынъ убиваетъ въ раздраженіи на отца его корову. Вотъ другой наноситъ отцу побой рычагомъ и переламываетъ ему руку, третій бьетъ отца на полѣ стагомъ, четвертый въ пьяномъ видѣ вытаскиваетъ отца изъ избы и сбрасываетъ съ крыльца. Дальше отецъ заявляетъ волостному правленію, что сынъ хочетъ лишить его жизни. Въ другомъ мѣстѣ сынъ грозитъ убить отца и потомъ покончить съ собой. Эти угрозы не пустыя слова. Мы встрѣчаемъ въ одной книгѣ заявленіе отца, что сынъ гонялся за нимъ съ топоромъ, въ другой, что сынъ убилъ отца. Положеніе матери также не всегда совпадаетъ съ идеаломъ. Сынъ не всегда стѣсняется опозорить мать предъ обществомъ доносомъ, что мать въ его домѣ пьянствуетъ и непотребствуетъ съ разными людьми. Подобно отцамъ, матери выносятъ отъ дѣтей и побой, хотя рѣже.

Не лучше выглядят и отношенія родителей къ дѣтямъ. Одинъ отецъ, поссорившись съ сыномъ, не пускаетъ его мыться въ банѣ, которую самъ строилъ, и уносить изъ нея печь-каменку, другой при выдѣлѣ сына не даетъ ему полнаго пая, третій выдѣляетъ себѣ лучшую долю изъ земли. Отецъ, побитый сыномъ, требуетъ отъ него судомъ вознагражденія въ видѣ куска пахатной земли ($\frac{1}{4}$ переѣзда). Здѣсь сынъ заявляетъ суду, что отецъ грозитъ лишить его жизни и даже покушался на это, тамъ женщина является въ волостное правленіе и заявляетъ, что ея мужа отецъ забилъ, кажется, до смерти. Споры изъ за земли между родителями и дѣтьми кончаются иногда такъ-же трагически, какъ и домашнія распри. Мы нашли въ одной книгѣ явockъ заявленіе, что отецъ изъ-за пашни зарубилъ сына топоромъ.

Отношенія между братьями представляютъ такія-же рѣзкія уклоненія отъ идеала братской любви. Книги, изъ которыхъ мы черпаемъ свои данныя, представляютъ по этой части обильный матеріалъ. Вотъ братья, которые жестоко подрались изъ-за бастрига, который стоитъ одну копѣйку. Вотъ братаникъ грозитъ выпустить кишки другому изъ-за амбара, который тотъ получилъ при раздѣлѣ. Дальше мы видимъ брата, который грозитъ убить другаго, если тотъ поѣдетъ въ устроенныя имъ ворота. Угрозы убійствомъ составляютъ обычный исходъ братскихъ ссоръ. Одинъ грозитъ убить самаго брата, другой присоединяетъ жену, третій похваляется, что изуродуетъ или убьетъ братова сына.

И здѣсь угрозы бросаются не на вѣтеръ. Книги явockъ заключаютъ заявленія, что въ одномъ мѣстѣ братъ гонялся за братомъ съ топоромъ, въ другомъ мѣстѣ братъ съ своимъ сыномъ нападаютъ въ полѣ на другаго брата и бьютъ его—одинъ рычагомъ, другой обухомъ топора. Имущество такъ-же мало гарантировано, какъ и личность: одинъ жалуется, что у него братъ свезъ со двора на свое поле навозъ, другой—что братъ у него отнялъ покось или гуменникъ, сестра жалуется, что братъ захватилъ ея имущество и выгналъ изъ дома.

Для того, чтобы подобные факты получили все то научное значение, которое они могут имѣть, нужны статистическія операціи—нужно выразить въ цифрахъ отношеніе между зарегистрированными и незарегистрированными фактами этой категоріи, отношеніе общей суммы ихъ къ числу семей или дворовъ, сравнить ‰, который при этомъ получится, съ ‰ аналогичныхъ фактовъ у другихъ родственныхъ и сосѣднихъ народностей. Изъ ряда этихъ статистическихъ операцій получится то, что нужно этнографу—черта, отличающая Пермяковъ отъ другихъ народностей въ этомъ спеціальномъ отношеніи.

Пока наши факты представляютъ во первыхъ коррективъ для тѣхъ выводовъ, которые можно сдѣлать изъ требованій обычая, во вторыхъ указываютъ на ту силу, которая разрушаетъ крѣпость пермяцкой семьи.— Эта сила рѣзко прорывающійся—особенно въ сферѣ экономическихъ отношеній—индивидуализмъ.

Отмѣтить область, въ которой у Пермяка проявляется индивидуализмъ, существенно важно, такъ какъ въ вопросахъ, касающихся личности, Пермякъ живетъ еще идеями и чувствами родового быта. Въ высокой степени характерный матеріалъ въ этомъ отношеніи представляютъ угрозы местию и самые акты мести, занесенныя въ источники, которыми мы пользуемся. Обиженный Пермякъ мститъ не своему обидчику исключительно, а лицамъ, связаннымъ съ нимъ узами крови. Въ одной явкѣ мы читаемъ, что обиженный пригрозилъ обидчику, что онъ украдетъ у него сына и безъ вѣсти спрячетъ. Другой грозитъ обидчику, что застрѣлитъ или его самого или его сыновей. Третій грозитъ убить или обидчика или его отца. Четвертый похваляется, что убьетъ или самого обидчика или кого-либо изъ его семейства.

Вредныя послѣдствія индивидуализма, конечно, сильнѣе, чѣмъ въ естественной семьѣ, должны чувствоваться въ искусственной, которая создается путемъ усыновленія, особенно когда усыновляемый взрослый человѣкъ или имѣетъ самъ семью. Отношенія въ такой семьѣ принимаютъ уже договорный характеръ. Съ усыновленнымъ заключается условіе въ волостномъ правленіи. Усыновляющій обязуется передать приемышу свое движимое и недвижимое имущество—все, если у него нѣтъ другихъ дѣтей, часть, если есть родной сынъ. Усыновляемый обязуется пропитывать названнаго отца до смерти. На тѣхъ же условіяхъ, какъ и отдѣльныя лица, принимаются у Пермяковъ въ домъ и цѣлыя семьи. Среди разнообразныхъ сдѣлокъ и договоровъ, которые намъ приходилось просматривать, мы нашли одно условіе въ этомъ отношеніи весьма любопытное. Пермякъ, не имѣя родныхъ дѣтей, принялъ въ домъ другаго съ женой двумя малолѣтками — сыновьями и одной дѣвочкой. Приемышъ обязывался пропитывать старика съ женой до смерти, а ранѣе еще принятую ими дочь до замужества. Въ условіи заключенномъ съ приемышемъ старикъ выговариваетъ себѣ право до своей смерти свободно распоряжаться имуществомъ, обязуясь однако не растерять таковое безъ дѣла. Приемышъ съ своей стороны выговариваетъ себѣ, на случай прекращенія сдѣлки, вознагражденіе за каждый прожитый годъ въ размѣрѣ ста рублей за годъ или половины всего движимаго и недвижимаго имущества усыновителя, не считая того, что принесъ съ собою усыновленный (скота). Нарушеніе условія влечетъ для стороны, которая является въ этомъ виновной, денежную отвѣтственность. Если приемышъ уйдетъ отъ усыновителя, этотъ послѣдній взыскиваетъ съ него денежное вознагражденіе.

Кромѣ родовыхъ связей Пермяковъ объединяетъ во многихъ случаяхъ сотрудничество. Въ исключительныхъ случаяхъ оно пріобрѣтаетъ постоянный характеръ на почвѣ земледѣлія. Одинъ Пермякъ отдаетъ напр. другому свой душевный надѣлъ и поселяется въ его домѣ. Чаше оно имѣетъ мѣсто

въ промыслахъ и въ сооруженіи хозяйственныхъ построекъ. Самый распространенной формой союза, основаннаго на общности труда и капитала, является у Пермьяковъ мельничныя компаніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мельницы строятся трудами и на средства цѣлой деревни и каждый домохозяинъ, когда ему нужно, приходитъ на мельницу и мелеть самъ свой хлѣбъ (чаще это дѣлають женщины). По большей части мельницы находятся во владѣніи товариществъ иногда очень крупныхъ—человѣкъ въ 40. Доходъ отъ такой мельницы дѣлится по „суткамъ“. Въмѣсто того, чтобы черезъ извѣстный періодъ производить дѣлежъ всего вырученнаго дохода, пайщики по очереди пользуются въ теченіе сутокъ доходомъ, который даетъ мельница. Участіе въ товариществѣ прекращается, какъ только пайщикъ пересталъ участвовать въ ремонтѣ мельницы и въ платѣ повинностей. На мѣсто выбывшаго пайщика приглашается другой или его „сутки“ отдаются въ кортому. Товарищество принимаетъ въ свою среду и такихъ лицъ, которые не участвовали въ сооруженіи мельницы, если такое лице вноситъ за уступаемаю ему „сутки“ опредѣленную сумму денегъ. По смерти пайщика, участвовавшаго въ устройствѣ мельницы, паемъ можетъ пользоваться его вдова до новаго замужества. Вступая въ новый бракъ, вдова пайщика не можетъ уже безъ согласія другихъ пайщиковъ передать свой пай новому мужу. О лишеніи пая заявляется волостному правленію.

Кромѣ сравнительно крупныхъ мельничныхъ товариществъ въ жизни Пермьяковъ имѣютъ мѣсто товарищества болѣе мелкія. Таковы напр. товарищества, возникающія при постройкѣ бань, овиновъ, при покупкѣ пилы у пильщиковъ. Самымъ распространеннымъ видомъ сотрудничества являются помочи. Пермьяки охотно устраиваютъ ихъ, когда приходится рубить лѣсъ для постройки дома, влать срубы, жать хлѣбъ, расчищать новины подъ пашни и покосы, и распахивать ихъ, вывозить навозъ ¹⁾.

¹⁾ Роговъ. I. с. 85.

Просматривая книги явокъ и жалобъ, книги рѣшеній волостныхъ судовъ, мы можемъ предположить, что имѣемъ дѣло съ людьми, которые не подозрѣваютъ о существованіи учрежденій, призванныхъ ограждать личность и собственность обывателя. Пермякъ самъ является въ своихъ дѣлахъ и судьей и исполнителемъ. Въ ссорѣ онъ пускаетъ въ дѣло стягъ, ножъ или топоръ, не задумываясь надъ послѣдствіями, которыя можетъ имѣть его поступокъ. Пермякъ не знаетъ жалости, ни колебаній, когда уязвлено его чувство и въ особенности когда затронуты его интересы. Стоить завидѣть ему на своемъ огородѣ, скверно защищенномъ покосѣ или на полосѣ чужую скотину и онъ весь проникается желаніемъ нанести и этой скотинѣ и ея хозяину возможно большій вредъ. Онъ хватается первое, что попадается ему подъ руку — стягъ, оглоблю, топоръ — и бросается на забредшую скотину. Свиньи чаще всего зарубаются на смерть, коровы и лошади засѣкаются и получаютъ такія увѣчья, которыя дѣлаютъ ихъ негодными на службу человѣку. Одинъ разсѣкаетъ у лошади бокъ топоромъ, другой наноситъ лошади, забравшейся на скверно огороженное озимое поле, 18 ударовъ стягомъ и переламываетъ ей ногу, третій разрубаетъ попавшей въ изгородь лошади голову. Если хозяинъ забредшей скотины прибѣгаетъ выручить ее отъ вѣрной гибели, животные остаются въ сторонѣ и тѣже орудія обращаются на человѣка. Завязывается тяжелая ссора. Сосѣди бьютъ другъ друга стягами, обухами топора („замѣтимъ мимоходомъ — это тоже распространенный способъ драки; у Пермяковъ даже „воевать“ обозначается словомъ „бить обухомъ“). Если дѣло дошло до стяговъ, а Пермякъ довольно часто прибѣгаетъ къ нимъ, ссора легко можетъ кончиться убійствомъ. Пермякъ пользуется стягомъ такъ, что только счастливецъ можетъ избѣжать ранъ или увѣчья. Онъ бьетъ по головѣ и, конечно, не будетъ удивляться, если раздробитъ ее. Эта тяжелая манера драться, кажется, можетъ быть названа типическою для Пермяковъ. Стягомъ въ голову бьетъ въ ссорѣ и женщина женщину. По головѣ же маленькими

батошками дерутся и дѣти, которые въ своихъ забавахъ и ссорахъ являются точной копіей взрослыхъ. Въ с. Верхъ-Иньвѣ намъ пришлось наблюдать слѣдующую уличную сцену. Дѣти шли играть маленькой кучкой, которая состояла большею частію изъ дѣвочекъ. Игравшіе быстро поссорились и тотчасъ-же пошли въ ходъ палочки бывшія у нихъ въ рукахъ. Одна изъ дѣвочекъ нанесла другой пермяцкій ударъ въ голову, другая схватилась за камень. Только окончилась эта ссора, началась другая. Играющіе, повидимому, порѣшили выгнать изъ своей среды дѣвочку лѣтъ 5—6 съ маленькимъ мальчуганомъ лѣтъ 2—3. Ударъ палочкой въ голову началъ ссору. Дѣвочка начала отступать, прикрывая братишку отъ летѣвшихъ щепокъ и палокъ отъ времени до времени она медленно возвращалась съ палкой въ рукѣ, подходила совсѣмъ близко къ кучкѣ и на вѣрномъ разстояніи бросала палку въ голову обидчику; за тѣмъ она отступала также медленно, отбрасываясь палками, которыхъ у нея въ рукахъ образовалась цѣлая куча.

О результатахъ и характерѣ пермяцкой ссоры можетъ дать понятіе слѣдующій случай. Къ дому Пермяка подошли со стягами однодеревенцы и начали бить вышедшаго хозяина. Жена съ полугодовымъ ребенкомъ вышла разнимать. Одинъ изъ пришедшихъ замахнулся на нее стягомъ и разсѣкъ на двѣ части голову ребенка.

Убійство совершенное въ дракѣ для Пермяка естественное явленіе. Даже христіанство съ своимъ ученіемъ объ отвѣтственности въ загробной жизни не измѣнило его воззрѣній на душегубство. Пермякъ не считаетъ грѣхомъ убить человѣка въ дракѣ или за дѣло, т. е. за нарушеніе чьего-либо интереса ¹⁾.

За полученную обиду онъ грозитъ смертию обидчику или его роднымъ („брюхо распорю“, „кишки выпущу“, „попадешься одинъ на одинъ, живъ не будешь“, „долго ли ты про-

¹⁾ Добротв. I. с. IV, 576

живешь“), чаще обѣщаетъ загубить какую нибудь скотину обидчика и дѣйствительно губить; рѣже всего встрѣчаются угрозы поджегомъ. Среди явокъ и жалобъ, которыя намъ приходилось просматривать, особенно часты явки о загубленной изъ мести скотинѣ. Въ явкахъ до свѣдѣнія волостныхъ правленій доводится о заколотой на полѣ коровѣ, о лошадяхъ, пораненныхъ на подножномъ корму топоромъ. Пермскъ изобрѣтателемъ на способы удовлетворенія своего мстительнаго чувства и бываетъ по временамъ виртуозно жестокъ. Вотъ два сосѣда повончили тяжбу изъ-за земли. Проигравшій ловить въ полѣ лошадь своего счастливо противника, заматываетъ ей шею вицей (прутомъ) и пытается такимъ образомъ задушить. Въ другой явкѣ мы читаемъ, что лошадь пострадавшаго загнали въ узкій заулочъ, заперли съ двухъ сторонъ и прокололи ей острымъ коломъ грудь между лопатками. Дальше въ явкахъ фигурируютъ лошадь заколотая на смерть коломъ, корова заманенная въ болото и тамъ убитая, овца, у которой сначала топоромъ посѣчены заднія ноги и потомъ обухомъ раздроблена лопатка. Рядомъ съ убитыми (застрѣленными, заколотыми) животными въ качествѣ жертвъ пермскою мести являются отравленные или окормленные коровы и овцы.

Видами мести у Пермскихъ являются кромѣ вышеуказанныхъ покража скота, уничтоженіе и порча (изрубленные изгороди) имущества, потрава полей. Покража лошадей въ угрозахъ фигурируетъ, какъ актъ равнозначащій съ ихъ убійствомъ.

Припоминая факты, въ которыхъ сказывается мстительное чувство Пермяка, мы въ правѣ ожидать, что привлекая противника къ суду Пермскъ проявитъ ту-же неумолимость въ отношеніи требуемаго за обиду вознагражденія. Дѣйствительность не оправдываетъ этихъ ожиданій. Пермскъ дешево цѣнить свои страданія, если уже не успѣлъ воздать око за око. Приведемъ для примѣра нѣсколько образчиковъ современной пермскою виры. Два брата, бывшіе своего одноде-

ревенца стягами, уплачиваютъ ему одинъ пять пудовъ ржи, другой—три. Крестьянинъ, избившій жену другаго, предлагаетъ мужу 50 к. За ударъ, нанесенный стягомъ по головѣ, 1 р., за побои палкой—2 р., за два выбитыхъ палкой зуба—6 р., за ударъ, нанесенный женщиной ведромъ, 25 к. Несоотвѣтствіе денежнаго вознагражденія съ тѣмъ удовлетвореніемъ, которое доставляетъ себѣ Пермязъ местию, громадно. Мы не беремся рѣшить, чѣмъ оно объясняется, въ какой степени сильно здѣсь вліяніе экономическихъ условій, высокой цѣнности денегъ. Для рѣшенія этого вопроса нужно особое морально-статистическое изслѣдованіе.

Обозрѣвая всю область общественно-бытоваго творчества, мы намѣтимъ прежде всего его основное направленіе. Согласно природѣ фактовъ творческая дѣятельность должна сказаться здѣсь въ созданіи нормъ, которыя регулировали-бы инстинкты, первыя побужденія человѣка. Мы видѣли, какъ выразилась эта дѣятельность въ области инстинкта продолженія рода. Пермязъ предоставленный самому себѣ до сихъ поръ остается подъ дѣйствіемъ перваго побужденія инстинкта. Инстинктъ опредѣляетъ выборъ и продолжительность половой связи: ни ограниченій узами родства, ни ограниченій возрастомъ, ни опредѣленія времени онъ не признаетъ.

Бракъ самъ по себѣ не вездѣ еще предоставляетъ мужчйнѣ исключительныя права на обладаніе женщиной: въ Глазовскомъ уѣздѣ на извѣстныхъ по своему значенію сборахъ молодежи участвуютъ и молодыя женщины. Можно думать, что онъ предоставляетъ мужу право на трудъ, но не на личность жены.

Отношенія между родителями и дѣтьми въ основѣ своей имѣютъ физическое преобладаніе родителей. Когда этотъ факторъ прекращаетъ свое дѣйствіе, мы видимъ случаи прекращенія родительскаго авторитета: авторитетъ нравственный, покоящійся на установившихся понятіяхъ, обезпеченный общественной поддержкой, только заражается и одно сравнитель-

ное изслѣдованіе въ состояніи установить, насколько самостоятельно.

Наиболѣе отчетливо выступающей нормой является у Пермяковъ трудовое начало: мы видимъ его одинаково дѣйствующимъ въ семьѣ и сотрудничествѣ; оно одно налагаетъ узду на инстинкты сильнаго и кладетъ границы его притязаніямъ.

Въ сферѣ тѣхъ общественныхъ явленій, которыя вызываются столкновеніемъ интересовъ, мы видимъ Пермяка подѣйствіемъ перваго побужденія аффекта: почувствовавши личную обиду или ущербъ своимъ интересамъ, онъ стремится немедленно и лично нанести ущербъ или причинить боль обидчику. Сдерживающихъ эти аффекты факторовъ у Пермяка мы не замѣчаемъ: Пермякъ не ждетъ суда, не признаетъ нужнымъ соразмѣрить ущербъ, нанесенный ему, съ вредомъ, который въ видѣ мести онъ наноситъ другому, предоставляя мѣру вознагражденія третьему. Нормы, опредѣляющія поведеніе его въ этой сферѣ, наложены извнѣ и онъ не усвоилъ еще ихъ сознательно. Всѣ эти явленія имѣютъ общую черту—близость къ первому побужденію и эта черта объединяетъ творчество общественно бытовое съ творчествомъ въ области внѣшняго быта, гдѣ мы констатировали уже зависимость отъ формъ, данныхъ природой.

~~~~~

Глава V.

Духовное творчество Пермяковъ.

Языкѣ. — Первымъ продуктомъ духовнаго творчества Пермяка является языкѣ. Обозначивши извѣстную группу предметовъ однимъ или нѣсколькими отдѣльными именами, онъ сдѣлалъ первую попытку разобратъ въ окружающихъ вещахъ и классифицировать ихъ. Въ глагольныхъ корняхъ Пермяцкаго языка заключаются представленія Пермяка объ отношеніи между вещами, между окружающей природой и имъ самимъ и наконецъ о происхожденіи вещей—то, что у другихъ народовъ въ развитой формѣ является натур - философій. Изучая съ этой точки зрѣнія пермяцкій языкѣ, значеніе пермяцкихъ словъ, мы приобретаемъ представленія объ особенностяхъ пермяцкаго ума или, можетъ быть, точнѣе—особенностяхъ человѣческаго ума въ тотъ моментъ развитія, на которомъ находятся Пермяки. Какъ ни скудны въ общемъ тѣ свѣдѣнія, которыми располагаетъ наука относительно финскаго міра, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она поднялась уже подъ уровнемъ пестрой массы единичныхъ фактовъ, установила крупныя группы, въ которыя они укладываются въ настоящее время, и отношеніе этихъ группъ къ тому единому цѣлому, которое дало имъ начало. Область этихъ единственныхъ захватывающихъ весь финскій міръ обобщеній представляетъ собою языкѣ. Идя вслѣдъ за лингвистами, которые установили звуковыя отношенія между различными финскими нарѣчійми, пользуясь уже обработаннымъ ими матеріаломъ,

этнографъ имѣетъ возможность въ свою очередь дѣлать извѣстныя обобщенія на счетъ философской стороны языка, тѣхъ особенностей, которыми въ области повнманія себя и окружающаго міра обнаруживаетъ объединенная на основаніи часто филологическихъ данныхъ группа. Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ либо, этнографъ имѣетъ право предполагать у данной народности существованіе явленій, которыя констатированы у ближайшихъ родичей.

Въ очеркѣ „Вотяки“ мы ознакомились съ нѣкоторыми особенностями вотяцкаго творчества въ области языка и тѣмъ уровнемъ развитія мысли, который породилъ эти особенности. Мы видѣли, что Вотякъ проявляетъ слабое развитіе обобщающей способности: такія слова, какъ дитя, братья, слова въ которыхъ являются объединенными одними существенными свойствами объекты, отличающіеся въ одномъ случаѣ поломъ, въ другомъ возрастомъ, замѣняются у Вотяковъ сложными, описательными: дитя—пиналь (сынъ - дочь), братья—агайовыно (старшій - младшій). Другой пробѣлъ въ языкѣ Вотяковъ составляютъ слова отвлеченнаго характера, напр. выражающія состояніе. Затѣмъ изучая значеніе отдѣльныхъ словъ мы отмѣтили, что Вотякъ по случайному признаку—сходству формы напр.—обозначаетъ общимъ терминомъ различныя явленія: ошмесь—глазъ и родникъ, собственно отверстіе, изъ котораго бьетъ вода. Въ виду того, что Вотяки являются ближайшими родичами Пермьковъ по языку, мы имѣемъ право ожидать, что встрѣтимъ такія-же явленія и въ пермяцкомъ словарѣ. Изученіе пермяцкаго языка со стороны значеній вполне подтверждаетъ это предположеніе. Черты, намѣченныя у Вотяковъ, даже съ большей рельефностью выступаютъ въ пермяцкомъ языкѣ. Стремленіе къ сложнымъ словамъ для обозначенія понятій, являющихся на почвѣ нѣкотораго обобщенія, выражается въ цѣломъ рядѣ словъ: родители—ай-мамъ (отецъ - мать), сутки—ой-вунъ (ночь - день), одежда—пасј - комъ (шуба - сапоги), обувь—вѣмъ-вѣтъ, охотиться—кыйны-кыйны (стрѣлять-ловить) и т. д.

Рядомъ съ такими словами мы видимъ слова, которыми объединены рѣзко обособленныя вещи: пым = потъ, кипятокъ; тѡвъ = вѣтеръ, зима; тусј = крупа, зерно, ягоды; гѡнъ = шерсть, пухъ, мелкія перья. Къ категоріи такихъ словъ относятся слова, означающія цвѣта: веж = зеленый, желтый, лѡз = синій и какой-то цвѣтъ (масть) лошадиной шерсти мы встрѣчаемъ въ дѣлахъ названіе лошади синекъ, синько, но не могли узнать, какую масть тутъ слѣдуетъ разумѣть. Было бы любопытно изслѣдовать эти факты съ точки зрѣнія чутья Пермьяками цвѣтовъ (Farbensinn). Типическимъ для Пермьякаго языка сравнительно съ Вотьяцкимъ является стремленіемъ обозначать одно дѣйствіе различными терминами по различію предметовъ на которыя оно направляется: мы имѣемъ напр. лемавны—собирать ягоды черемухи (лемъ—черемуха), ошавны—охотиться на медвѣдя (ошъ—медвѣдь), кѡчјавны—зайцевъ ловить, бить (кѡчј—заяць).

П р и м ѣ т ы.—Примѣты являются тѣмъ видомъ творчества, въ которомъ связываются представленія народа объ отношеніяхъ, связи между явленіями. Говоря о вотьяцкихъ примѣтахъ, мы имѣли случай замѣтить, что въ нихъ связаны причинной связью явленія, не имѣющія ничего общаго, кромѣ отношеній простой послѣдовательности. То же можно сказать и о Пермьяцкихъ примѣтахъ.

Приводимъ нѣсколько образчиковъ этихъ примѣтъ.

Хорошій топоръ продавать не слѣдуетъ; купишь новый, ломаться будетъ, да пожалуй онъ и коровъ со двора выведеть.

Одежду ношеную тоже продавать не слѣдуетъ, другая будетъ скоро драться.

Волосы встають дыбомъ къ смерти.

Если весной дѣти играя собирають галю, хлѣбъ родится;—шишки, не родится.

Зимой курицы роются въ шестѣ къ пургѣ.

Если зимой у горящей лучины уголь долго держится и изъ трещины идетъ дымъ, будетъ снѣгъ и мятель; если отскакиваетъ, будетъ морозъ.

Если рыба не попадаетъ, будетъ гроза.

Если ястреба неподвижно держатся въ небѣ, будетъ дождь.

Если весной первый громъ загремитъ въ скоромный (молочный) день, будетъ много молока; — въ постный, рыбы.

Если при таяніи снѣга весной у желобовъ образуются длинныя сосульки, будетъ длинный лень.

Если весной много цвѣта на вербѣ, будетъ много овса, на березѣ—ржи, на ели—льна ¹⁾).

Погребальныя обряды и культъ умершихъ (представленія о жизни и смерти, о душѣ).—Общіе термины, сохранившіеся въ языкѣ Пермьковъ и Вотьяковъ для обозначенія важнѣйшихъ явленій, связанныхъ съ смертію и тѣми послѣдствіями, которыми она сопровождается въ жизни родичей (дул потонъ—исходъ духа, висьтонъ—поминки, мыжъ—кара, несомая усопшими за попоченіе), даютъ намъ право и въ этой спеціальной области идей держаться на почвѣ сравнительнаго изслѣдованія. Но прежде, чѣмъ воспользоваться этимъ матеріаломъ, взглянемъ на то, что даетъ намъ современная пермяцкая жизнь. Познакомимся прежде всего съ пермяцкимъ кладбищемъ.

Для того, чтобы составить себѣ представленіе о томъ, каково было въ недавнее время христіанско-пермяцкое кладбище въ Соликамскомъ уѣздѣ, взглянемъ на „могильникъ“ села Ошиба. Заброшенный въ лѣсную глушь, недавно лишь пріобрѣтшій собственную церковь и приходъ, чисто-пермяцкій по своему населенію, Ошибъ больше, чѣмъ любой старый „погостъ“ Соликамскаго уѣзда, сохранилъ въ своей жизни пермяцкой старины.

Здѣсь можно наблюдать такія особенности погребальнаго обряда, о которыхъ только со словъ узнаешь въ другихъ мѣстахъ. Свообразную картину представляетъ собою этотъ могильникъ. Первое, что бросается въ глаза на легкомъ сledo-

---

¹⁾ Другія примѣты см. у Попова «Ив. дача».

нѣ занятой имъ площади — это обиліе саней оставленныхъ въ разныхъ положеніяхъ. Одни опрокинуты вверхъ полозьями прямо надъ могилой, другія лежатъ около на боку, третья также возлѣ могилы, но въ обычномъ при ѣздѣ положеніи; цѣлая группа стоитъ около часовни, въ которую привозятъ покойниковъ. Хорошія сани Пермязъ теперь уже оставляетъ не на могилѣ, а по дорогѣ къ дому и черезъ шесть недѣль забираетъ ихъ. Вступая въ предѣлы самаго могильника, мы замѣчаемъ, что сани далеко не всегда остаются въ цѣломъ видѣ на могилѣ усопшаго: между могилами и въ ложбинкахъ кладбища встрѣчаются отдѣльныя полозья и вязы. Полозья служатъ для нѣкоторыхъ могилъ вмѣсто креста, вставляются въ могилу и поднимаются подъ ней своей загнутой частью. Тоже назначеніе выполняютъ на другихъ могилахъ оглобли. Своеобразное употребленіе оглобель и полозьевъ краснорѣчиво говоритъ о томъ, сколько христіанскаго имѣется въ погребальномъ обрядѣ предоставленнаго себѣ Пермязка. Пермязъ смотритъ на крестъ, какъ на примѣту, по которой онъ можетъ отличить могилу близкаго ему чловѣка отъ чужой. Чтобы отличить эту могилу, онъ не прочь воспользоваться полозомъ и оглоблей.

Кто не хочетъ ломать сани, втыкаетъ въ могилу въ головы лопату, воль, столбъ съ грубо вырубленной шейкой и закругленной верхней частью, или роетъ могилу такъ, чтобы она пришлась къ пню срубленнаго дерева. Кресты, которые мы встрѣчаемъ на Ошибскомъ кладбищѣ по своей формѣ очень далеко они тѣхъ, которые можно встрѣтить на кладбищахъ нашихъ инородцевъ. И тутъ Пермязъ старается воспользоваться матеріаломъ, который представляетъ сани: въ дыру одного изъ брусковъ продѣвается кусокъ дерева и получается крестъ. Въ лучшемъ случаѣ крестъ сдѣланъ изъ двухъ палокъ и чуть-чуть поднимается надъ могилой. Взма-триваясь ближе въ обстановку пермязцакаго кладбища, мы замѣчаемъ тамъ и сямъ валяющіеся обрывки или обрѣзки тканей — холста, пестради. Одни лежатъ прямо на землѣ, дру-

гіе, повидимому, были обернуты около могильныхъ крестовъ и сползли съ нихъ.

Таже картина, но съ новыми деталями, представится намъ, если мы взглянемъ на „могильникъ“ села Кочева Чердынскаго уѣзда. Могильникъ примыкаетъ къ волочку еловаго лѣса и возвышается надъ селомъ, которое расположено по склону къ рѣкѣ Сеполю. На этомъ могильникѣ рядомъ съ знакомыми предметами мы встрѣчаемъ и нѣчто новое. Кромѣ саней, брошенныхъ тамъ и сямъ, почти около всѣхъ могилъ можно найти легкій деревянный срубъ, чаще влѣтку въ одинъ рядъ; въ этотъ срубъ закладывается вырытая изъ могилы земля. На могильной насыпи въ ногахъ стоитъ грубый глиняный горшокъ—иногда съ небольшимъ количествомъ углей. Иногда такіе горшки опрокинуты надъ могильной насыпью и вдавлены въ нее, иногда они просто валяются около могилы. Тутъ-же разбросаны орудія, которыми были выкопаны могилы—лопаты и деревянные кирки, на которыхъ насаживается ральникъ. Въмѣсто горшковъ около иныхъ могилъ встрѣчаются сломанные, продыравленные желѣзные ковши и уполовники. Направленіе могилы во всемъ пермяцкомъ краѣ одинаково—съ З. на В.

Въ настоящее время умершіе съ цѣлаго прихода хоронятся на общемъ приходскомъ могильникѣ. Въ былое время каждая болѣе или менѣе отдаленная или крупная деревня имѣла свой особый могильникъ. Такіе могильники легко можно издали узнать въ Чердынскомъ уѣздѣ: они выглядятъ лѣсистыми островками среди окружающихъ полей. О существованіи такихъ особыхъ могильниковъ по деревнямъ Соликамскаго уѣзда мы знаемъ изъ земельныхъ статистическихъ книгъ волостныхъ правленій и изъ рассказовъ Пермяковъ. Старики хоронили, говорили намъ, около деревень на веселыхъ, то есть возвышенныхъ съ обширнымъ горизонтомъ мѣстахъ. Около деревень хоронили и некрещеныхъ. Сохранились такія старыя отдѣльныя кладбища и въ Глазовскомъ уѣздѣ. Здѣсь замѣчается въ ихъ положеніи особенность, объединяющая

старыхъ Пермьяковъ и Вотьяковъ: могильники располагаются не только на возвышенностяхъ, но и по берегамъ рѣкъ. Г. Шатровъ сообщаетъ намъ, что въ старину, когда Зюздинскій край не былъ раздѣленъ на приходы, покойниковъ хоронили здѣсь и отдѣльно — въ лѣсу или въ полѣ, поодаль отъ жилья.

Обзоръ пермяцкаго кладбища оставляетъ открытымъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся погребенія—таковы вопросы о глубинѣ могилы, способѣ погребенія тѣла и обстановкѣ, которой окружается усопшій; еще менѣе онъ въ состраніи дать намъ матеріалъ для исторіи погребальнаго обряда, а она въ богатомъ чудскими могилами пермяцкомъ краѣ существенно важна. Для рѣшенія этихъ вопросовъ намъ прійдется прибѣгнуть къ языку, повѣрьямъ, рассказамъ и наконецъ къ аналогіи съ явленіями изъ жизни ближайшихъ родичей нашей народности.

Языкъ свидѣтельствуетъ, что Пермьяки издавна „прятали“ (хоронить—дзевавны || прятать) трупы своихъ усопшихъ. Первоначально мѣстомъ, гдѣ прятался покойникъ, служили естественныя углубленія въ землѣ—ямы. Можетъ быть самой ранней формой погребенія было просто оставленіе умершаго въ томъ чумѣ, который ему принадлежалъ. Намекъ на это какъ будто заключается въ ходячихъ въ Чердынскомъ уѣздѣ рассказахъ, что въ большихъ волокахъ встрѣчаются одинокія избушки съ лежащими въ нихъ покойниками, которые хранятъ съ собой большія сокровища. Позднѣе мѣсто естественныхъ ямъ заступили искусственныя могилы. Могилы рылись очень неглубоко—на $\frac{3}{4}$ аршина—1 аршинъ. О такихъ мелкихъ могилахъ помнятъ до сихъ поръ Пермьяки Зюздинскаго края. Раскольники-Пермьяки роютъ такия могилы здѣсь и до сихъ поръ ¹⁾.

Зюздинскіе Пермьяки сохраняютъ до сихъ поръ воспоминаніе о томъ, какъ въ старину полагались въ могилу усоп-

---

¹⁾ Сообщено А. П. Шатровымъ.

шіе. Трупъ обвертывался берестой и опускался въ такомъ видѣ въ яму безъ всякаго гроба ¹⁾. Дѣтей здѣсь по словамъ г. Шатрова хоронятъ такимъ образомъ нѣкоторые и теперь. Въ настоящее время этотъ обычай по отношенію къ взрослымъ уже вышелъ изъ употребленія. Одни погребаютъ умершихъ въ колодахъ (раскольники; мугортъ — земляной домъ), другіе въ досчатыхъ гробахъ, сшитыхъ лыками. Послѣдній способъ распространенъ въ Соликамскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ; сверху гробъ прикрывается здѣсь еще берестой. Въ Инвенской дачѣ лѣтъ 30 тому назадъ нѣкоторые Пермьки сами заготовляли себѣ гроба. Въ гробѣ или безъ него покойникъ кладется въ настоящее время въ направленіи съ З. на В. Но было время, когда Пермькъ клалъ своихъ усопшихъ въ направленіи съ С. на Ю. Мы предполагаемъ это прежде всего на основаніи аналогіи съ обычаями, которые въ этомъ отношеніи имѣютъ мѣсто у Финновъ нашего края. У Вотяковъ-язычниковъ, какъ и у язычниковъ-Черемисъ рядомъ съ усвоеннымъ у мусульманскихъ сосѣдей обычаемъ власть покойника въ направленіи съ З. на В. существуетъ свой собственный обычай — власть трупъ въ направленіи съ С. на Ю. ²⁾). Кромѣ аналогіи мы имѣемъ указаніе на господство этого обычая у предковъ современныхъ Пермьковъ въ одной пермяцкой примѣтѣ. Пермьки Инвенской дачи наблюдаютъ весной передъ выгономъ скотины на поля, какъ лежитъ она на дворѣ: если животное лежитъ головой на С., хозяинъ соображаетъ, что лѣтомъ она умретъ ³⁾). На счетъ объясненія этой примѣты не можетъ быть затрудненій: соображенія на счетъ грозящей животному смерти основаны, конечно, на томъ, что оно лежитъ въ томъ положеніи, въ которомъ кладется мертвецъ. Примѣта возникла въ пору, когда

---

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

²⁾ См. наши «Черемисы», 159 и «Вотяки».

³⁾ Поповъ. «Инв. дача».

Пермяки клали усопшихъ головой на С., и пережила этотъ обычай. Констатировать намеки на существованіе разсматриваемаго обычая у древнихъ Пермяковъ существенно важно въ виду того, что мы приобрѣтаемъ благодаря этому новую связь, объединяющую Пермяковъ и Чудь: чудскія могилы на всемъ пространствѣ занятаго Пермскаго края имѣютъ, какъ и древнія Вотяцкія, направленіе съ С. на Ю. и костяки обращены головой на С. ¹⁾ Изъ обстановки погребенія мы имѣемъ уже возможность вывести кое-какія данныя на счетъ Пермскихъ представлений объ усопшемъ и смерти.

Пермякъ снабжается пищей и одеждой, получаетъ для чего-то палку и деньги. Около его могилы остается все, съ чѣмъ онъ имѣлъ то или другое соприкосновеніе въ послѣдніе моменты своего земнаго бытія. Очевидно, онъ и въ могилѣ сохраняетъ кое-какія потребности живаго существа.

Взгляды Пермяковъ на смерть и усопшаго выяснятся предъ нами съ большей отчетливостью, если мы всмотримся въ тѣ обряды, которые имѣютъ мѣсто около умершаго въ домѣ Пермяка и при позднѣйшемъ поминаеніи его.

Въ Зюздинскомъ краѣ, по словамъ г. Шатрова, Пермяки-раскольники, сохранившіе какъ мы уже видѣли, повидимому, въ большей чистотѣ старыя пермяцкіе обычаи, выносятъ умирающаго изъ избы въ сѣни, на дворъ, на улицу. Что значитъ этотъ обычай, Пермяки не знаютъ; но его можно объяснить, обратившись къ обычаямъ родственныхъ финскихъ народностей ²⁾).

Большинство Пермяковъ оставляетъ умершаго въ избѣ. Когда онъ испуститъ духъ, семейныхъ зовутъ когонибудь изъ родственниковъ, живущихъ отдѣльными домами или постороннихъ людей обмыть покойника и сдѣлать гробъ. Въ Инвенской дачѣ для изготовленія гроба приглашается нечет-

---

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатовымъ. Ср. Перм. Сборникъ. II, 36.

²⁾ Ср. наши «Черемисы», 152.

ное число 3, 5, 7 чел. ¹⁾). Хозяйка принимается тѣмъ временемъ дѣлать пельняни. Лице, призванное обмывать покойника, обращается къ нему съ просьбой не сердиться: „не сердись на меня; я тебя хочу ополоскать“. Съ такими же просьбами обращаются къ усопшему люди, которые дѣлають ему гробъ, когда приступаютъ къ устройству гроба и когда кладутъ усопшаго въ его домовину. Гробъ дѣлается на улицѣ, потомъ вносится въ избу и ставится на полъ около стола. Въ него складываютъ инструменты, которыми его дѣлали. Потомъ покойника и гробъ окуриваютъ верескомъ или ладаномъ, вещи выбираютъ и кладутъ покойника съ запасомъ одежды на перемѣну. Гробъ съ покойникомъ ставится на лавку или скамейку передъ столомъ, въ старину ставился на полу. На другой скамейкѣ, стоящей около стола, въ Зюзинскомъ краѣ усаживаются родные покойнаго и, помолившись Богу, обращаются къ усопшему съ приглашеніемъ раздѣлить ихъ трапезу: „приходи въ послѣдній разъ поѣсть съ нами хлѣба—соли ²⁾“. Въ Соликамскомъ уѣздѣ около покойника въ головахъ ставится ярушникъ и чашка съ брагой и покойника приглашаютъ ѣсть — не сердиться: „с'ой, эн выгас“ — говорятъ усопшему родные. Подъ подушку въ гробъ кладутъ одну перемѣну бѣлья; около покойника кладется палка, въ руку ему дается мелкая монета, чтобы онъ могъ окупить могилу. Дѣлавшіе гробъ получаютъ въ даръ вещи покойнаго черезъ гробъ. Въ старину ставили стлянку съ водкой, туасокъ съ пивомъ и рыбный пирогъ. Покончивъ эти обряды, Пермьки покойника торопятся отвезти на кладбище, запрягаютъ въ сани гусемъ пару или тройку лошадей и поскорѣе гонятъ со двора. На гробъ покойника въ голову кладется хлѣбецъ (челпанъ), который на дорогѣ кидаютъ первому встрѣчному. Повидимому это остатокъ какой-то жертвы, но какой, пока трудно сказать. Съ гробомъ на саняхъ помѣ-

¹⁾ Роговъ. Перм. Сборн. II, 122.

²⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

щается и береста. Пермьякъ издали готовится въ этому путешествію. Онъ прячетъ обрѣзываемыя ногти, чтобы его легче было везти на могильникъ. Въ 40-хъ годахъ, по словамъ Хлопина, провожавшіе садились на гробъ и пѣли дорогой въ честь усопшаго во всю мочь хвалебные гимны особымъ напѣвомъ ¹⁾. Хоронили безъ священника, который прѣѣзжалъ послѣ. Опуская умершаго въ могилу, Пермьяки открываютъ крышку гроба, чтобы покойникъ взглянулъ на свѣтъ въ послѣдній разъ ²⁾. Изъ обрядовъ, которые выполняются въ домѣ умершаго, оказывается, что Пермьяки, подобно Вотьякамъ, предполагаютъ у умершаго тѣ же потребности, что и у живаго: его вормятъ, поятъ, снабжаютъ одеждой.

Эти потребности умершій сохраняетъ и послѣ погребенія. Родные считаютъ своей обязанностью снабжать его отъ времени до времени пищей. Обыкновенно это дѣлается по субботамъ или воскресеньямъ. Въ настоящее время старый обычай утратилъ уже свои первоначальныя формы. Угощеніе усопшему носятъ въ церковь и потомъ съѣдаютъ дома сами родные.

Орловскіе Пермьяки въ продолженіе трехъ дней послѣ смерти ходятъ на могилу усопшаго, носятъ ярушниковъ, шанегъ, иногда водку ³⁾. На третій день въ Орловскомъ уѣздѣ зовутъ за поминальный столъ сосѣдей. Передъ началомъ стола зажигаютъ нѣсколько восковыхъ свѣчъ и ставятъ ихъ на окна и по обѣ стороны порога. Потомъ на нѣсколько времени дверь отворяется, гости садятся за столъ и приглашаютъ душу тѣнь (лола) за общую трапезу. Въ передній уголъ кладется шапка или платокъ смотря по тому, мужчина или женщина былъ усопшій. Мѣсто, гдѣ лежитъ шапка, нигѣмъ не занимается; противъ него на столѣ ставится особая чашка, которую до верху наполняютъ блинами, вислымъ

¹⁾ Изв. Р. Геогр. Общ. 1849, I, 31.

²⁾ Добр. I. с. IV, 577.

³⁾ Ibid.

молокомъ, ярушниками, водкой. Всякій гость считаетъ своей обязанностью положить въ чашку покойнаго часть каждаго кушанья, которое подается на столъ, говоря при этомъ: „ѣшь, сватушка“ или „пей брательникъ“. Послѣ обѣда блюдо это выносятъ въ огородъ и ставятъ тамъ въ крапиву, въ какойнибудь укромный уголокъ, чтобы собаки не съѣли. Черезъ три дня смотреть, осталось-ли что въ чашкѣ или нѣтъ. Если вороны не успѣли растаскать всего и въ чашкѣ чтонибудь осталось, — значитъ ѣсть не хочетъ, сердится“¹⁾).

Въ Соликамскомъ уѣздѣ угощеніе покойника происходило у богатыхъ ежедневно въ теченіе шести дней.

Въ 9-й день за покрытый яствами столъ садятся родные умершаго и сидятъ нѣсколько минутъ безмолвно. Въ это время, предполагается, душа принимаетъ предложенныя ей яства. Потомъ кушанья убираются до появленія гостей²⁾).

Торжественное угощеніе усопшему устраивается въ 40-й день и въ годины. Остатками языческой старины поминальный обрядъ изобилуетъ у Чердынскихъ—Косинскихъ Пермь-ковъ. Приступая къ устройству поминальнаго стола, большавъ ставитъ для покойника чашку, ложку, посуду съ брагой. До прибора усопшаго никто изъ поминальныхъ не долженъ дотрагиваться. На столъ ставятся затѣмъ приготовленныя для поминаемыхъ кушанья — рыбный пирогъ, ячница, каша, на блюдахъ съ обими послѣдними кушаньями лежатъ ложки, которыми должны ѣсть ихъ умершіе. Когда все приготовлено, большавъ беретъ свѣчку и три раза обходитъ съ ней вокругъ стола, окуривая яства дымомъ отъ него. Затѣмъ онъ беретъ горячій рыбный пирогъ и разламывая его называетъ имя усопшаго и говоритъ „аз' вошшы“ — да дойдетъ. Пожеланіе относится къ горячему цару, который поднимается изъ пирога и составляетъ то, что потребляетъ изъ пред-

¹⁾ Добр. I. с. IV, 577—578. Ср. «Черемисы».

²⁾ Роговъ. Мат. Пер. Сб. II, 126.

лагаемаго яства душа усопшаго. Съ такимъ-же пожеланіемъ разламываетъ и ѣсть свою часть и каждый изъ присутствующихъ родичей. Затѣмъ устраивается столъ для постороннихъ и нищихъ. Главнымъ лицомъ здѣсь является человекъ, который дѣлалъ гробъ или обмывалъ покойнаго. Онъ возсѣдаетъ за столомъ вмѣстѣ съ нищими. На поминкахъ присутствуетъ не одинъ усопшій. Въ Чердынскомъ уѣздѣ приглашаются вмѣстѣ съ поминаемымъ усопшимъ „влюшники, ларешники, дѣдушки, бабушки, души безродныхъ, въ лѣсу заблудшіе, въ водѣ утопшіе“. Пермьки убѣждены, что всѣ приглашаемые невидимо присутствуютъ на поминальномъ пирѣ. При этомъ замѣчаютъ обыкновенно, что такія посѣщенія земли не для всѣхъ усопшихъ легки. Вору должны въ такихъ случаяхъ таскать съ собой то, что было ими украдено. Кто увралъ напр. соху, борону, сани, тотъ обязательно съ ними является на пиръ, и страшно мается, стараясь протащить въ избу громоздкую ношу.

Когда поминальная трапеза оканчивается, человекъ, обмывавшій умершаго и представляющій его своей особой встаетъ и выходитъ первый изъ избы. Родные его провожаютъ со свѣчами, съ нимъ уходитъ душа поминаемаго родителя. Въ Соликамскомъ уѣздѣ за нимъ ѣдутъ изъ села до перваго перекрестка¹⁾. Въ Глазовскомъ уѣздѣ, по сообщенію г. Шатрова, поминки устраиваются нѣсколько иначе. Хозяева накрываютъ столъ, ставятъ на него кушанья, очищаютъ и разрѣзаютъ на части свареное яйцо, открываютъ жбанъ съ брагой, свертываютъ на подобіе треугольника блины, кладутъ на кушанья по ложкѣ, ставятъ передъ иконами горшечекъ съ ладномъ на каленыхъ угляхъ и отодвигаютъ волововое окно, чтобы душа могла прилѣтѣть въ избу и насладиться приготовленнымъ ей угощеніемъ. Предполагается, что душа успѣваетъ воспользоваться трапезой пока родные молятся. Здѣсь-же, когда поминаютъ усопшихъ на улицѣ

---

¹⁾ Роговъ. Перм. Сборн. II, 127.

близь церкви, бросают остатки поминальных яствъ на траву и просятъ птичекъ помянуть усопшихъ. Въ години поминальная трапеза устраивается на могилѣ. Разстилается скатерть, на нее ставятся кушанья, вино, пиво. Старшій изъ поминающихъ и здѣсь обращается отъ имени всѣхъ къ усопшему: „вотъ мы годъ къ тебѣ не ходили, теперь пришли, принесли тебѣ угощеніе; пей, ѣшь, къ намъ не ходи“. За одно съ поминаемымъ родичемъ приглашаются и ранѣе умершіе. По окончаніи поминальнаго пира остатокъ пива выливается или прямо на могилу или, какъ это было въ 40-хъ годахъ, въ особое углубленіе на ней. Въ Чердынскомъ уѣздѣ помянуть покойнаго на кладбище ходили женщины, выкапывали въ могилѣ ямку противъ рта покойнаго и лили туда брагу, приговаривая „ю, ю!“ (пей, пей!) ¹⁾. Годичными поминками оканчивается кругъ періодическихъ угощеній усопшаго. Затѣмъ онъ наравнѣ съ старыми покойниками получаетъ отъ живыхъ родичей угощеніе въ семьѣ и радоницу.

Въ Глазовскомъ уѣздѣ такія угощенія сохраняютъ въ наибольшей чистотѣ старую форму. Родные кладутъ яства въ берестяныя коробочки, уносятъ на могильники и вѣшаютъ на вѣтвяхъ растущихъ тамъ деревьевъ, призывая усопшихъ ѣсть. Мы уже имѣли случай указать на то, что такія дары умершимъ уносятся и на чудскіе могильники ²⁾.

Сопоставляя поминальный и погребальные обряды Пермяковъ съ Вотяцкими, мы замѣчаемъ, что они больше, чѣмъ эти послѣдніе, подверглись христіанскому вліянію, но подъ слоємъ этихъ позднѣйшихъ вѣрованій скрываются старыя и составляющія достоинствіе всей пермской группы. Для Пермяка, какъ и для Вотяка, смерть не означаетъ прекращенія бытія; это только перемѣна мѣста, переселеніе въ иную область. Усопшій, въ особенности если онъ колдунъ (знаткой), можетъ

¹⁾ Поповъ. Ж. М. В. Д. 1852, т. 29, 463.

²⁾ Сообщ. А. Н. Шатровымъ.

посѣщать своихъ родныхъ. Разказы о такихъ посѣщеніяхъ распространены между Пермьями, какъ и между Вотьями. Приведемъ нѣсколько подобныхъ разказовъ, чтобы уяснить представленія Пермьяковъ объ умершихъ.

Пермьякъ, умирая наказываетъ женѣ, чтобы она не боялась, если онъ будетъ приходить въ свою избу послѣ смерти. Стоитъ затенуть подъ матицу обломкомъ стальной косы и онъ ничего не сдѣлаетъ худаго. Умеръ Пермьякъ, похоронили его и онъ дѣйствительно сталъ посѣщать свой домъ не только днемъ, но и ночью. Когда жена уходила куда нибудь или уѣзжала и оставляла дома однихъ ребятъ, ребята разсказывали ей потомъ, что у нихъ былъ татяка, весь въ бѣломъ—сидѣлъ на скамейкѣ и ничего не говорилъ. Однажды ночью, когда всѣ спали, Пермьякъ-покойникъ сталъ стучаться въ дверь и просить жену, чтобы она его пустила. Жена проснулась и крикнула „не пуцу, убирайся!“. Покойникъ въ отвѣтъ на это сталъ грызть дверные косяки, но въ избу не попалъ (почему?). На утро, когда всѣ встали, оказалось, что ворота и двери хлѣвовъ растворены и скотина вся выпущена ¹⁾.

Какъ совершаютъ свои путешествія умершіе, показываетъ другой разказъ, записанный тамъ-же. Умершій мужъ одной Пермьяки пришелъ однажды ночью домой. Вставъ передъ постелью жены, онъ разбудилъ ее и, дрожа отъ холода, сталъ просить погрѣть ему руки. Женщина взяла его руки, но сейчасъ-же выпустила ихъ: вмѣсто человѣческихъ рукъ она ощутила собачьи лапы. Бросивши руки покойника, женщина стала добывать огонь. Покойникъ тѣмъ временемъ бросился въ подполье; женщина услышала, какъ стукнула ведущая туда западня. Съ зажженной лучиной въ рукахъ женщина спустилась въ подполье и увидѣла, какъ покойникъ выпорхнулъ въ отдушину на улицу ²⁾.

---

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

²⁾ Также.

Относительно утопленниковъ Пермьки, какъ и Вотьяки, убѣждены, что они не умираютъ, а поступаютъ на службу къ водяному. Если черезъ нѣкоторое время тѣло утопленника и выбрасывается иногда на берегъ или всплываетъ на поверхность рѣки, то это на самомъ дѣлѣ не трупъ, а обрубокъ дерева, которому водяной придаетъ видъ мертвого человека („обороченный“, „подмѣненный“, в ѣ ж ѝ м). На счетъ этихъ „важѝм'овъ“ существуетъ не мало разсказовъ. Приводимъ одинъ изъ нихъ, доставленный намъ г. Шатровымъ.

Человѣкъ утонулъ въ рѣкѣ. Черезъ нѣкоторое время тѣло его было выброшено и родные его похоронили. Послѣ похоронъ былъ устроенъ поминальный столъ. Жена пошла въ погребъ за пивомъ и видитъ: ея похороненный мужъ сидитъ тамъ нагой и говоритъ: вы не меня похоронили, а осиноый чурбанъ. Когда я тонулъ, водяные подхватили меня, сняли съ меня одежду, надѣли ее на этотъ чурбанъ, а на меня надѣли другую одежду. Водяные („ичетики“) вмѣстѣ со мной вышли на лугъ погулять и наказали мнѣ не проходить мимо травы огневика. Я не послушался, прошелъ мимо этой травы, одежда моя загорѣлась, опалила „ичетиковъ“, они разбѣжались, а я пришелъ сюда. Надѣла баба на мужа одежду, привела его въ избу, потомъ пошли на могилу, разрыли ее и въ самомъ дѣлѣ нашли тамъ осиноый чурбанъ.

Тождественный по содержанію разсказъ мы слышали въ селѣ Ошибѣ Соликамскаго уѣзда.

Подобно Вотьякамъ, Пермьки убѣждены, что покойники пріобрѣтаютъ способность невидимо присутствовать среди людей. Эту способность можно заимствовать у нихъ, взявши что нибудь принадлежащее покойнику. На этомъ вѣрованіи сложились спеціальныя воровскія предметы. Если отнять у покойника руку, зубы или взять его рубашку или монету, съ которой онъ погребается, то можно невидимо для другихъ красть. Въ Чердынскомъ уѣздѣ это-же вѣрованіе породило болѣе мрачную примѣту: если убить женщину, снять съ нея кожу и надѣть на себя, то сдѣлаешься невидимымъ.

Имѣя одинаковыя съ Вотяками представленія на счетъ смерти и умершихъ, Пермьки естественно такъ-же, какъ и Вотяки, чтутъ ихъ, какъ сверхъестественныхъ дѣателей. Поконникъ, по пермяцкимъ вѣрованіямъ, не разрываетъ связи съ живыми. За то пропитаніе, которое они ему доставляютъ, онъ охраняетъ ихъ интересы, бережетъ скотину. Благодарное дѣйствіе усопшаго простирается однако лишь до тѣхъ поръ, пока родные его не забываютъ. Забывчивымъ усопшій напоминаетъ о себѣ щипками, послѣ которыхъ на тѣлѣ остаются синія пятна. Если родные и послѣ такихъ напоминаній продолжаютъ не обращать вниманія на него, усопшій караетъ ихъ. Вѣра въ кару усопшаго составляетъ общее достояніе пермской группы, какъ и служащее для обозначенія этой кары слово—м и ж ъ. Поконники караютъ, насылая на своихъ потомковъ болѣзни или падежъ на скотину.

Въ ряду усопшихъ имѣются такіе, въ дѣятельности которыхъ зло составляетъ преобладающую черту. Это духи убитыхъ, самоубійцъ и утопленныхъ матерями младенцевъ. Духъ самоубійцы или убитаго остается на мѣстѣ, гдѣ совершено убійство. Проѣзжая мимо такихъ мѣстъ, слышать свистъ или стоны. Духи такихъ усопшихъ гоняются за людьми. Духи утопленныхъ въ водѣ младенцевъ обращаются во враждебныхъ человѣку духовъ „ичетиковъ“ (маленькіе). Ичетики—маленькія существа съ длинными волосами. Живутъ по большей части въ глубовихъ рѣвахъ. Въ представленіяхъ современныхъ Пермьковъ „ичетики“ сливаются съ водяными, т. е. испытываютъ ту же участь, что и родственные имъ по происхожденію вотяцкіе духи—кутыси. Ичетики начинаютъ разсматриваться, какъ владыки водъ и рыбы; рыбаки бросаютъ имъ передъ ловомъ частицы: яйца, блины, хлѣбъ, деньги, клочки ситца¹⁾.

Изъ пермяцкихъ представленій о самоубійцахъ и „ичетикахъ“ очевидно, что первоначальнымъ новымъ жилищемъ

---

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

усопшаго они считали то мѣсто, гдѣ погребено было его тѣло. Христіанство внесло представленія о загробномъ мірѣ—раѣ (свѣтломъ мѣстѣ) и адѣ (черномъ мѣстѣ). Для обозначенія ада Пермьян употребляютъ слово, которое можетъ озадачить любого изслѣдователя незнакомаго съ народнымъ языкомъ—**в а к р а м е ж ѣ**. Слово это отсутствуетъ у Вотяковъ; нѣтъ его и у Зырянъ. Оно составилось, безъ сомнѣнія, изъ русскаго выраженія: **в ѣ а д ѣ к р о м ѣ ш н ѣ и**.

Съ сложившимися у Пермьяковъ подъ вліяніемъ христіанства понятіями о загробной жизни мы отчасти уже познакомились благодаря приглашеніямъ, съ которыми обращаются къ обитателямъ его во время поминальныхъ трапезъ. Загробный міръ находится въ вѣдѣніи какихъ-то ключниковъ и ларешниковъ, которые, повидному, завѣдуютъ имъ и приглашаются вмѣстѣ съ усопшими родными за поминальную трапезу. Въ этомъ мірѣ усопшіе терпятъ наказаніе за свои грѣхи: воры осуждены напр. таскать съ собой украденные предметы. Въ Глазовскомъ уѣздѣ на счетъ веревъ—полуночниковъ существуетъ другой разсказъ. Они ходятъ по заостренному „князьку“ (кошкѣ) высокаго дома и до крови изрѣзываютъ себѣ ноги. Другіе грѣшники брошены въ огненную рѣку, изъ которой видны только головы ихъ (черезъ эту рѣку,—замѣтимъ мимоходомъ—нужно переправиться на тотъ свѣтъ каждому умершему. Праведныхъ черезъ нее перевозятъ ангелы)¹⁾. Представленія на счетъ рая блѣднѣе. Дѣти, повидному, превращаются тамъ въ ангеловъ: тѣ, которые передъ смертью были приобщены, имѣютъ по два крылышка; неприобщенныя—одно²⁾.

Остатки языческихъ воззрѣній на природу.—Сходство, которое мы обнаружили между Пермьцами и Вотяцкими вѣрованіями относительно смерти и загробной жизни, даетъ намъ право предполагать, что и въ области

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

²⁾ Также.

остальныхъ вѣрованій окажется также близость. Это предположеніе имѣетъ для насъ существенное значеніе. Было время, когда Пермь и Вотьяки исповѣдывали одну и ту же религію; но Пермь крестилась 400 лѣтъ назадъ тому, Вотьяки только 150—да и то не всѣ; часть ихъ до сихъ поръ остается язычниками. Понятно поэтому, что, пользуясь современными Вотьяцкими вѣрованіями, мы можемъ возстановить въ Пермцахъ то, что или стерто исторіей или покрылось слоями позднѣйшихъ, чуждыхъ идей.

Современный Пермь—усердный христіанинъ. Духовенство края довольно его усердіемъ въ церкви и въ особенности его стойкостью предъ расколомъ. Въ какой степени онъ усвоилъ себѣ міросозерпаніе христіанства, каковы его представленія о природѣ божества, не легко узнать. Пермь не большой любитель точныхъ формулъ и опредѣленій. Одинъ казанскій офицеръ рассказываетъ намъ, какъ онъ бесѣдовалъ съ пермякомъ—деньщикомъ о Богѣ. Въ первый разъ столкнувшись съ представителемъ незнакомой ему народности, некушанный въ добываніи этнографическихъ свѣдѣній, офицеръ вознамѣрился узнать; какъ смотритъ его деньщикъ на природу Бога. Ты знаешь, что есть Богъ.— „Знаю, в. б.“ Гдѣ же онъ?— „Вотъ в. б. (показываетъ на уголь, гдѣ висѣла икона).— „Это икона; не знаешь-ли ты другаго Бога, кромѣ нея?“— „Какъ же, в. б. (сообщаетъ цѣлый рядъ другихъ „боровъ“—и все это образа святыхъ)“.—Послѣ долгихъ и безплодныхъ разговоровъ офицеръ долженъ былъ отказаться отъ своего замысла. Этотъ случай очень характеристиченъ и поучителенъ для этнографовъ. Для человѣка, знакомаго съ религіознымъ міровоззрѣніемъ Пермца, онъ не заключаетъ въ себѣ ничего удивительнаго. Любой Пермь, поставленный въ такое положеніе, давалъ-бы тѣ-же отвѣты. Нужно прожить годы среди Пермцевъ, ловить отдѣльныя, случайно брошенныя фразы, чтобы составить себѣ картину пермцаго міровоззрѣнія. Этнографъ, не располагающій такими условіями для изслѣдованія, поступить цѣлесообразнѣе, если бу-

дѣтъ заключать о пермяцкихъ возрѣвнѣхъ на божество, по тѣмъ отношеніямъ, въ которыя становится къ нему вѣрующій.

Въ честь христіанскаго Бога, который „хочетъ милости, а не жертвъ“, Пермякъ колетъ коровъ и мелкую скотину.

Въ Чердынскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Кочѣ имѣется часовня, возлѣ которой почти въ буквальномъ смыслѣ привосятся гекатомбы. Лѣтъ 20 тому назадъ здѣсь заколалось до 80 коровъ. Коча является своего рода религіознымъ центромъ Пермяцкаго края. Сюда въ 18 августа идутъ, ѣдутъ, ведутъ обѣщанную скотину, больныхъ лошадей со всего Соликамскаго и Чердынскаго уѣзда. Въ жертву приносится скотина, которая была передъ этимъ больна. Пермякъ изъ болѣзни животнаго заключаетъ, что она нужна Богу и обѣщаетъ привести ее въ Кочу, если она выздоровѣетъ. Обѣтныя животныя колятся наканунѣ 18 числа. Священники прѣзжаютъ благословить заколотыхъ животныхъ и получаютъ для себя лопатки, для церкви кожу. Остальное мясо частью варится и поѣдается толкающимися здѣсь въ массѣ богомольцами, частью разрѣзывается на куски и раздается нищимъ, которые собираются сюда со всего Пермяцкаго края. Хворые кони вводятся въ рѣчку, протекающую близъ часовни, и стоятъ, пока совершается молебствіе и обвящается вода. Коней и ихъ хозяевъ набирается въ рѣчку такая масса, что рѣчка запруживается и вода, раньше едва доходившая человѣку до пояса, поднимается до плечъ. По окончаніи молебна хозяева въ былое время сажались на выведенныхъ изъ рѣки коней и скакали на нихъ что есть мочи отъ берега. Въ настоящее время этотъ обычай преслѣдуется полиціей, такъ какъ при этомъ однажды скачущіе затоптали мужика. Благословеніе коней въ день Фрола и Лавра—замѣтнымъ мимоходомъ—имѣетъ мѣсто во всемъ Пермскомъ краѣ, какъ и на всемъ нашемъ сѣверѣ. Въ селѣ Бѣлоевѣ всадники по окончаніи молебствія становятся въ два ряда въ ожиданіи священника, который кропитъ лошадей святой водой, и за тѣмъ тихо разъѣзжаются.

Пермякъ глубоко вѣрить въ то, что Богу нужны кровавыя жертвы. Даже скотина, по его мнѣнію, чувствуетъ важность той цѣли, для которой ее ведутъ въ Кочу. „Не повѣришь, говорилъ мнѣ одинъ ямщикъ, рассказывая о томъ, какъ онъ водилъ свою обѣщанную корову въ Кочу, сама бѣжала всю дорогу, ни раза не пришлось подогнать ее“. Другимъ пунктомъ, куда пригоняются крупныя животныя (быки) является деревня Панино Гайнской волости Чердынскаго уѣзда. Часовень, въ которыя приносятся живыя или заколотыя телята, поросята, бараны, курицы, имѣется въ каждомъ приходѣ по нѣскольбу. Въ однихъ часовняхъ жертвы приносятся на новый годъ (володые поросята и свищи, надъ которыми служатъ молебны)¹⁾. Въ нѣкоторыхъ часовни изъ дальнихъ мѣстъ осенью приносятъ курицъ (въ Мелехиной Ошиб. прих. въ день Маріи Галиндухи). Въ Сарвѣ Кудымкорской волости при этомъ соблюдается такой порядокъ: одни кладутъ птицу на столъ, другіе даютъ кому нибудь поддерживать птицу надъ головой и потомъ раздають нищимъ.

Живыя жертвы приводятся по преимуществу въ Чердынскомъ уѣздѣ. Въ обрусѣвшемъ Юрлинскомъ приходѣ имѣется часовня, куда приводятъ и колятъ живыхъ телятъ и агнать.

Въ Гайнской волости въ часовню при деревнѣ Лупъ, въ Юсьвѣ, въ д. Сіѣ Гайской вол. въ дер. Гайинцахъ, въ дд. Деминой, Новинской Кочевской вол. къ Рождеству со всего Пермскаго края приводятъ живыхъ барановъ, пускаютъ на нѣсколько минутъ, въ часовню, гдѣ животное бѣгаетъ, и затѣмъ рѣжутъ и часть съѣдаютъ сами, часть отдають нищимъ. Живые бараны приводятся и въ деревню Половину Юрлинской волости. Въ Соликамскомъ уѣздѣ въ часовни приносятся уже и поступають „попамъ“ части волоятаго мяса — лопатка овцы, свиньи.

¹⁾ Роговъ Мат. Перм. Сбор. II, 26.

Обязательнымъ является приношеніе колотаго мяса въ Ильинъ день. На этотъ разъ по мѣстамъ (напр. въ с. Ошибѣ) въ церкви устанавливаются скамьи, на которыя молящіеся раскладываютъ жертвенное мясо. Жертвой является или плечо или головы барановъ. Роговъ кромѣ того упоминаетъ возы головы и горохъ ¹⁾).

Часовни съ жертвоприношеніями встрѣчаются въ приходяхъ, гдѣ Пермьки наиболѣе обрусѣли — въ Майгорскомъ, Курросскомъ, Архангельскомъ.

Убѣжденіе, что богу нужны кровавыя жертвы и что онъ указываетъ на нужное ему животное, посылая на него болѣзнь, имѣетъ всеобщее распространеніе среди Пермьковъ. Не всякій Пермькъ ведетъ такое животное въ Кочу, но почти всякій общается ее по выздоровленіи „богу“ въ ту или другую часовню, „попамъ“, „на міръ“—выраженія варьируются, смотря по степени приближенія хозяина къ христіанскимъ понятіямъ о богѣ. Въ Ошибскомъ приходѣ въ исполненіе своего обѣта хозяинъ такой скотины колетъ ее, отдаетъ часть священнику, остальное сѣдаетъ самъ съ приглашеннымъ народомъ. Рѣжутъ „попамъ“ коровъ и въ другихъ случаяхъ напр. при новосельи. Часть зарѣзаннаго животного поступаетъ духовенству, часть сѣдается.

Богъ или „боги“, по Пермьцки т. е. святые изображенные на иконахъ, стоящихъ въ тѣхъ или другихъ часовняхъ, добиваются отъ челоуѣка жертвъ, посылая болѣзнь или на скотъ или на него самого. Они поступаютъ въ данномъ случаѣ совершенно такъ же, какъ души умершихъ: для обозначенія ихъ кари служить тоже слово м ѣ ж ѣ. Первой заботой пораженнаго болѣзнью челоуѣка является узнать, кто поразилъ его („нашелъ“ на него, какъ переводятъ Пермьки слово м ѣ ж ѣ м ѣ) — умершій родственникъ или „богъ“ изъ какой нибудь часовни. Рѣшить этотъ вопросъ берутся особенныя гадальщицы. Гадальщикъ беретъ щепотку соли съ

---

¹⁾ Перм. Сборн. II,

божницы, бросают ее на раскаленные уголья, надъ угольями онъ вѣшаетъ, какъ безмѣнь, на шнурѣ топоръ и начинаеть перебирать имена умершихъ родныхъ и затѣмъ святыхъ; при чьемъ имени топоръ колыхнется, тотъ наслалъ кару. Если поваравшимъ оказался „богъ“, знахарь указываетъ, куда надо сходить къ нему и что принести. Въ жертву поваравшему богу приносится особеннаго рода завитая въ спираль свѣчка и нѣсколько копѣжекъ „на прикладъ“. Размѣръ свѣчки опредѣляется характеромъ болѣзни. Если большой испытываетъ общее недомоганіе, свѣчка дѣлается въ ростъ человека, если болитъ рука—въ длину руки, если болитъ голова—въ объѣмъ головы.

Уже въ жертвоприношеніяхъ Инвенскихъ и Чердынскихъ Пермяковъ замѣтна ихъ приуроченность къ извѣстному времени. (У Пермяковъ Вятской губерніи, какъ у Зырянъ Вологодской губ., связь жертвоприношеній съ періодами хозяйственной жизни и ихъ общественный характеръ выступаютъ съ полной опредѣленностью. Въ высшей степени цѣнный матеріалъ въ этомъ отношеніи представляютъ сообщенія г. Добротворскаго.

Пермяки встрѣчаютъ, читаемъ мы у этого автора, праздниками первое вскрытіе рѣки, первую овинь, празднують нѣсколько дней передъ посѣвомъ хлѣба и послѣ уборки его; праздникомъ завершаютъ они и осеннюю охоту¹⁾). Къ величайшему сожалѣнію г. Добротворскій не считалъ нужнымъ сообщать, какъ называются всѣ эти праздники, къ каковымъ христіанскимъ приурочены, какими обрядами сопровождаются. Пожелаемъ Вятскимъ изслѣдователямъ восполнить этотъ пробѣлъ и отмѣтимъ тѣ изъ связанныхъ съ общественными праздниками явленій, которыя нашли себѣ мѣсто въ очеркѣ г. Добротворскаго.

Весной, когда оголится земля и наступитъ время вѣзжать съ сохой, собирается сходъ, на которомъ за водной

¹⁾ 1. с. IV, 578.

обсуждается, какъ распорядиться участками маломочныхъ работниковъ. Обряды, которые предшествуютъ распиванію водки, являются единственнымъ намекомъ на тотъ характеръ, который имѣло это весеннее собраніе въ старину: изъ толпы выдѣляется старшій по возрасту Пермякъ, наливаетъ водки въ деревянную чашку и долго пристально смотритъ въ нее. затѣмъ онъ выливаетъ водку на землю и объявляетъ, какого урожая слѣдуетъ ждать въ этотъ годъ. За старшимъ къ водкѣ поочереды подходятъ остальные члены схода и каждый льетъ остатки своей водки на землю ¹⁾).

Въ Ильинъ день на общественныя деньги покупается быкъ (въ былое время, какъ мы уже знаемъ, олень). Деньги собираются старостой, размѣръ жертвованія не установленъ, жертвующій даетъ отъ себя и отъ своихъ родителей. Колятъ жертву за селомъ на берегу рѣки особымъ священнымъ ножомъ, который хранится у наиболѣе уважаемаго въ деревнѣ старика. Часть мяса поступаетъ духовенству, остальное варится въ общественномъ котлѣ, который хранится при церкви. Жертвенное мясо частью съѣдается, частью хранится, какъ талисманъ, частью относится на могилу къ родителямъ или зарывается въ землю на полосы, чтобы хлѣбъ родился лучше. — Небольшія деревни соединяются вмѣстѣ; роль священника исполняетъ мѣстный старикъ, который импровизируетъ молитву. По мѣстамъ такіа жертвоприношенія бывають передъ началомъ или окончаніемъ полевыхъ работъ ²⁾). Въ виду того, что обычаи приносятъ отъ имени общества въ жертву была объединяетъ Вятскихъ Пермяковъ и Вологодскихъ Зырянъ, мы позволяемъ себѣ дополнить картину жертвоприношенія нѣкоторыми деталями, можетъ быть недосмотрѣнными г. Добротворскимъ. Зыряне приносятъ жертвы предъ началомъ сѣва, при выгонѣ скота на подножный кормъ, въ случаѣ обществен-

¹⁾ I. с. IV, 547.

²⁾ Ibid. 579.

ных бѣдствій. Мясо употребляется также, какъ и у Пермиковъ, но кости и отваръ зарывають въ землю — чтобы не съѣли животныя, говорятъ теперь Зыряне¹⁾.

Отношеніе къ иконамъ („богамъ“), которыя держатся въ домахъ, отличаются своеобразностью. Пермикъ приписываетъ иконѣ, которая стоитъ у него на божницѣ добро и зло своей домашней жизни. Онъ свыкается съ извѣстной иконой, если жизнь его не выдается изъ жизни другихъ особенной неудачностью. Когда икона устарѣетъ—выцвѣтетъ и является необходимость купить новую, Пермикъ старается приобрести изображеніе того-же святаго и не возьметъ иконы съ другимъ святымъ: новый богъ можетъ натворить зла. Если все-же случается, что Пермикъ—хотя бы по ошибкѣ—приобрѣтаетъ новую икону и за этой покупкой въ домъ слѣдуютъ какія нибудь неприятели, Пермикъ торопится куда нибудь—чаще всего въ церковь—убрать неподходящаго бога. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Пермикъ пытается наказать карающаго „бога“. Духовенству приходится иногда видѣть на божницѣ Пермика икону поставленную внизъ головой. На вопросы, почему такъ стоитъ икона, Пермикъ отвѣчаетъ, не стѣняясь, что въ домѣ случилась бѣда и онъ наказываетъ допустившаго ее „бога“. Особенной способностью творить зло, по мнѣнію Пермиковъ, отличается Николай—Чудотворецъ. Образъ св. Николая странно раздвоился въ сознаніи Пермиковъ. Св. Николай, „Никола - богъ“, безъ эпитета чудотворецъ пользуется громаднымъ почтеніемъ Пермиковъ. Но тотъ-же святой, если въ иконной подписи ему данъ эпитетъ чудотворецъ, считается особымъ и притомъ способнымъ производить всякое зло „богомъ“²⁾. Корень этого недоразумѣнія лежитъ въ своеобразномъ представленіи о „чудѣ“. Пермикъ понимаетъ „чудо“ какъ бѣдствіе, которое можетъ произвести „богъ“; почему, мы увидимъ ниже. Образъ

¹⁾ Кл. Поповъ. «Зыряне». 47.

²⁾ Перм. Еп. Вѣд. 1889, № 14.

Николая Чудотворца Пермякъ купить только по ошибкѣ и немедленно водворить его въ церковь, лишь только ошибка раскроется.

Въ виду фактовъ, которые мы привели, читатель не найдетъ ничего удивительнаго въ томъ, что Пермякъ не проявляетъ особаго уваженія къ христіанскому храму и держитъ въ немъ себя, какъ на базарѣ. Шумъ, громкіе разговоры въ церкви составляютъ обычное явленіе. Пермякъ не прочь забрести въ церковь пьяный, завести тамъ ссору и подчасъ прибѣгнуть къ кулаку. До какой степени далеко могутъ доходить уклоненія отъ церковной дисциплины, показываетъ слѣдующій случай: Пермячка поручила кому-то изъ молящихся поставить свѣчу Божіей Матери; принявшій свѣчу началъ ее между тѣмъ ставить передъ другой иконой; „какому ты лѣшему ставишь, кривнула на весь храмъ разсерженная Пермячка: я богородичѣ велѣла“.

Дополнимъ эту картину нѣсколькими деталями, которыя дасть намъ священникъ, прослужившій въ чисто-Пермяцкомъ (Ошибскомъ) приходѣ 12 лѣтъ. До 70-хъ годовъ въ средніе праздники Пермяки считали лишнимъ ходить въ церковь и въ тѣхъ случаяхъ, когда нужны были люди — напр. нести иконы на воду—духовенство обращалось къ содѣйствію волостныхъ властей, которые оповѣщали, точнѣе стогнали, народъ. Исповѣдуются коренные Пермяки очень рѣдко, иные доживаютъ безъ исповѣди до старости; причащаются еще рѣже. Бываютъ впрочемъ случаи, когда Пермякъ самъ проявляетъ готовность исповѣдываться, но въ побужденіяхъ для этого мало религіознаго; такъ бываетъ послѣ драки, когда побитый хочетъ напугать обидчика, показать, что тотъ избилъ его смертельно.

Всматриваясь въ картину вѣрованій и обычаевъ, сложившихся у Пермяковъ на почвѣ христіанства, мы прійдемъ къ неизбѣжному заключенію, что эта картина не вяжется съ сущностью христіанства. Въ ней слишкомъ много чертъ, чуждыхъ христіанству. „Боги“, которыхъ нашелъ въ христіан-

ствѣ Пермскѣ, вполнѣ человѣчны по своей природѣ и всего ближе напоминаютъ покойниковъ; какъ покойники, они нуждаются въ жертвахъ, точнѣе въ пищѣ и питъѣ, какъ покойники, требуютъ отъ людей удовлетворенія своихъ потребностей, насылая на нихъ лично или на свѣтъ болѣзни; ихъ кару, какъ и кару усопшихъ, узнаютъ и возвѣщаютъ пораженному одни и тѣже гадатели и однимъ способомъ.

Подъ какимъ вліяніемъ христіанскія представленія такъ исказились въ сознаніи Пермскѣ? Перенесемся за пять столѣтій назадъ, къ той картинѣ, которую встрѣтилъ св. Стефанъ, явившись съ христіанскою проповѣдью къ сѣвернымъ Коми. „Бяху бо въ Перми, читаемъ мы у Епифанія, кумири разноличніи, овии болшіи и меншіи, другіи-же средніи, а иніи нарочитіи и словутніи... овѣмъ у бо рѣдци м о л я х у с я и х у д у ч е с т ь в о з д а я х у , а д р у г и м ѣ ж е м н о з и н е т о к м о б л и ж н і и , н о и д а л ь н і и п о г о с т о в е , с у т ь ж е у н и х ѣ е т е р и к у м и р и , к ѣ н и м ѣ ж е и з д а л е ч а п р и х о ж д а х у и о т ѣ д а л ь н и х ѣ м ѣ с т ѣ п о м и н к и п р и н о ш а х у и з а т р и д н я и з а ч е т ы р е и з а н е д ѣ л ю с у щ і “¹⁾. „Боги ихъ раскопа, говоритъ тотъ-же Епифаній въ другомъ мѣстѣ, еже суть болваны истузаннны, извааннны, издѣленнны, вырѣзомъ вырѣзаемы... самъ по лѣсу обходя безъ лѣности съ ученики своими и по погостомъ распытуя и въ домѣхъ изысвуга и въ лѣсѣхъ находя и въ привѣжкахъ обрѣтая... А еже повѣшанное оволо идоля, или кровля надъ ними или на приношеніе или на украшеніе имъ принесенное или соболи или куніцы или... мѣдвѣдка или рыси или бѣлки—то все сбравъ во едину вѣщу складе и огневи предасть я...²⁾“. „Вшедъ въ етеро мѣсто, идѣже нарочитая ихъ кумирница и покушашеса идолы ихъ разорити, и опроверже требища ихъ и боги ихъ раскопа, и божією силою нарочитую кумирницу ихъ зажже и пламенемъ

¹⁾ Пам. Стар. Р. Лры. III, 136.

²⁾ Ibid.

запали ю... кумирникомъ не бывшимъ ту ¹⁾». Дополнимъ эту картину тѣми данными, которыми мы располагаемъ относительно обращенія съ своими домашними идолами Остяковъ и Богуловъ, припомнимъ преданія о томъ, что часовни возникли на мѣстѣ древнихъ языческихъ требищъ и мы восстановимъ тѣ старыя языческія мѣхи, въ которые было влито новое вино христіанства. Сожженныя языческія кумирницы смѣнились христіанскими часовнями, идолы—иконами, но въ душѣ Пермьака эта перемѣна не отразилась. На старомъ мѣстѣ, но уже новымъ богамъ приносить онъ по прежнему жертвы. Въ 1501 г. черезъ 30 лѣтъ послѣ водворенія на Камѣ христіанства, митрополитъ Симонъ считалъ нужнымъ наставлять Пермьаковъ и ихъ князя, чтобы они кумирамъ не служили ²⁾. Измѣнившіяся экономическія условія измѣнили родъ жертвъ—земледѣлецъ и скотоводъ приносить не то, что приносилъ охотникъ, но идея жертвы, которой требуетъ богъ, осталась старая. По прежнему Пермьакъ знаетъ многихъ боговъ, и между этими богами есть такіе, которымъ молятся немногіе, и есть такіе „нарочитые“, къ которымъ сходятся съ дальнихъ погостовъ, за три, четыре дня и даже за недѣлю пѣшаго пути. По прежнему Пермьакъ считаетъ возможнымъ ругать неизвѣстнаго „бога“, наславшаго на него „мыжь“ и наказывать бога, охраняющаго интересы его дома, когда тотъ допускаетъ какое нибудь семейное несчастье. Начавши съ христіанскихъ воззрѣній Пермьака, мы незамѣтно переходимъ въ языческую старину.

Туда-же придемъ мы, если вмѣсто историческихъ справокъ обратимся къ сопоставленію пермьацкихъ обрядовъ съ вотяцкими. Мы знаемъ уже, съ какими временами года совпадаютъ праздники Пермьаковъ, какъ они проходятъ и кто въ нихъ играетъ главную роль. Все это не согласно съ ду-

---

¹⁾ Пам. Стар. р. Лрм. III, 132.

²⁾ Перм. лѣт. I, 33. Солов. V, 276.

домъ христіанства, но вполнѣ гармонируетъ съ вотяцкимъ язычествомъ.

Первый праздникъ Вятскихъ Пермяковъ совпадаетъ съ вскрытіемъ рѣкъ; этотъ же моментъ въ жизни природы привѣтствуетъ и Глазовскими Вотяками (приводы льда, а-желань) ¹⁾.

За вскрытіемъ рѣкъ наступаетъ пора, когда начинается зеленѣть озимь, появляется травка на покотинахъ и поля просыхаютъ для яровой пашни. Пермякъ привѣтствуетъ и этотъ періодъ: въ однихъ мѣстахъ льютъ при этомъ на землю воду, въ другихъ рѣжутъ на общій счетъ какое нибудь животное и часть мяса зарываютъ на полосы (Зыряне—кости и отваръ въ землю). Мольбы къ богу возносятъ отъ имени общества старикъ, молятъ Пермяки о томъ, чтобы богъ далъ хорошей сѣновосъ, уродилъ обильно хлѣбъ.

У Вотяковъ-язычниковъ или язычествующихъ въ это-же время совершается напольное моленіе (бусы-вось), приносятся кровавыя жертвы—лошади, быки, овцы (смотря по мѣстности); моленіе совершаетъ картъ (жрецъ), жертвующіе сѣдаютъ жертву, богамъ остаются кости и наваръ, которыя или сжигаются или зарываются въ землю, въ былое время кожа жертвеннаго быка, которая оставалась на деревѣ; въ видѣ питья отливается по немногу кумышка. Приступая къ пашнѣ, хозяинъ Вотякъ зарываетъ въ землю кусокъ говядины, яйцо и блинъ ²⁾. Въ Глазовскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ въ мѣстностяхъ, гдѣ христіанство уже завоевало для себя кое-какую почву, наблюдается компромиссъ — надъ заколотымъ быкомъ совершаетъ сначала моленіе языческой жрецъ, потомъ его благословляетъ христіанскій священникъ.

Слѣдующій моментъ, когда Пермяки всюду приносятъ кровавую жертву является Ильинъ день, совпадающій съ окончаніемъ сѣновоса, началомъ озимой жатвы и пригото-

¹⁾ Первухинъ. Эск. II, 22.

²⁾ См. наши «Вотяки».

нѣмъ въ озимой пашнѣ и сѣву; какъ происходитъ у нихъ праздникъ, мы уже знаемъ. Отмѣтимъ здѣсь тѣ черты его, которыя мы встрѣчаемъ въ языческихъ праздниковъ Вотяковъ. Передъ началомъ сѣновоса у Вотяковъ совершается поминовеніе предковъ (закалается баранъ). вмѣстѣ съ тѣмъ совершается большое моленіе стихійнымъ божествамъ (гѣрберъ), совпадающее обыкновенно съ Петровымъ днемъ. У Вотяковъ Малмыжскаго и Сарапульскаго уѣздовъ въ это время, какъ и весной, при участіи языческаго жреца и христіанскаго священника совершается напольное моленіе надъ жертвеннымъ быкомъ, голова и кости котораго зарываются въ ржаномъ полѣ въ особо вырытой ямѣ богу земли — Му-кличину. Не смотря на свою приуроченность къ Петрову дню, этотъ праздникъ связанъ несомнѣнно съ началомъ озимой жатвы: въ Глазовскомъ уѣздѣ моментами его являются смотрѣніе и чествованіе ржи; объ этой связи говоритъ и тотъ фактъ, что жертва приносится въ ржаномъ полѣ. Съ Ильинымъ днемъ у Глазовскихъ Вотяковъ совпадаетъ такъ называемый почи-гѣрберъ — закалается старшимъ въ домѣ бѣлый баранъ, кости котораго уносятся въ лѣсъ и сжигаются — и путемъ переноса, праздникъ осенней пашни, при которомъ каждый хозяинъ на своей полосѣ также приносить въ жертву барана, выпуская въ землю его кровь ¹⁾).

Если пермяцкое жертвоприношеніе совершается осенью по окончаніи полевыхъ работъ, оно совпадаетъ съ таковымъ же вотяцкимъ, которое носитъ названіе сизиль-курбонъ (осенняя жертва). Различіе заключается лишь въ томъ, что Вотякъ, обязательно закалающій крупную жертву весной и въ Петровъ день, обходится на этотъ разъ бараномъ, кровь котораго выливается на очагъ.

Звеномъ, соединяющимъ современныя пермяцкія и вотяцкія жертвоприношенія, являются сохранившіяся среди Пермьковъ преданія о культѣ некрещеныхъ Чудаковъ. Въ

¹⁾ Первухинъ. Эскизы, II, 78.

полтора верстахъ отъ деревни Игъ (Инвенской волости) на правомъ берегу р. Иньвы Пермьки показываютъ мѣсто, покрытое массой лошадиныхъ и коровьихъ костей. Груды костей образуетъ маленький холмъ. Это—„чучкое молитвище“. Чудаки, принуждаемые принять христіанство, собрались сюда, закололи сорокъ животныхъ, съѣли ихъ, сложили кости ихъ въ груды и потомъ задавили себя землей. Другое преданіе о чудскомъ молитвищѣ находимъ мы въ статьѣ покойнаго А. Ѡ. Теплоухова „Die Opferstätte...“¹⁾.

Всматриваясь въ характеръ современнаго христіанскаго культа у Пермьковъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что формы стараго языческаго культа пережили смѣну вѣрованій. Не сохранились-ли и старыя вѣрованія подъ тонкимъ слоемъ новыхъ христіанскихъ? Дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, повидимому, не трудно. Мы имѣемъ извѣстія о древней религіи Коми въ жизнеописаніи Стефана Пермскаго, лѣтописяхъ и посланіи митрополита Симона. Но этотъ матеріалъ возбуждаетъ у изслѣдователя нѣкоторыя недоразумѣнія. Епифаній, какъ мы уже знаемъ, не считаетъ нужнымъ излагать вѣрованія Пермьковъ. Все богословіе ихъ укладывается у него въ рѣчи, вложенной въ уста Пама. „У насъ мнози боги... тѣ намъ даютъ ловлю и все елико на водахъ и елико на воздусѣ и елико въ блатахъ и дубровахъ и въ борѣхъ и въ лузѣхъ и въ порослѣхъ и въ чащахъ и въ березнякѣ и соснякѣ... бѣлки или соболи или куницы и прочая ловля наша“²⁾.... Если къ этому прибавить, что боги, по пермьскимъ вѣрованіямъ, корчили человѣка, который осмѣлился-бы воспользоваться тѣмъ, что принесено имъ въ жертву, то мы исчерпаемъ всѣ данныя, заключающіяся въ трудѣ Епифанія.

Въ неопредѣленныхъ фразахъ Епифанія вырисовываются фигуры боговъ, завѣдующихъ воздухомъ, водами, лѣсомъ; какъ представляли себѣ Коми этихъ существъ, исчерпывался-ли

¹⁾ Изъ рукописи П. А. Вологодина. Ср. Archiv für Anthropologie, 1879.

²⁾ Пам. Стар. р. Лит. III, 141.

ими міръ духовъ, которымъ они поклонялись, остается неяснымъ. Лѣтописи даютъ голый перечень предметовъ, которымъ поклонялся Коми: мы узнаемъ, что они воздавали божескія почести солнцу, огню, водѣ, камнямъ, деревьямъ, животнымъ и золотой бабѣ ¹⁾). Златая баба вмѣстѣ съ Войпелемъ-болваномъ фигурируетъ и въ посланіи митрополита Симона. И Златая Баба и Войпель, очевидно, названія идоловъ, которымъ рядомъ съ явленіями природы поклонялись древніе Коми. Лѣтописи даютъ намъ право сказать, что въ пору св. Стефана религія Пермьнъ слагалась изъ поклоненія явленіямъ природы непосредственно и изъ служенія многочисленнымъ человѣкообразнымъ идоламъ. Что такое представляли собою идолы, находились-ли они въ какихъ-нибудь отношеніяхъ къ явленіямъ природы, остается темнымъ. Относительно Войпеля еще можно возлагать нѣкоторыя надежды на языкъ, на значеніе названія. Ислѣдователи Пермской старины дѣлали уже попытки истолковать это названіе изъ Пермцакаго языка, но предлагавшіяся до сихъ поръ объясненія отдають комизмомъ: Войпель — вой—сѣверъ + пель — ухо = сѣверное ухо. Мы думаемъ, что отъ попытокъ опредѣлять значеніе слова „Войпель“ изъ нарѣчій пермской группы слѣдуетъ отказаться. Ключъ къ объясненію его долженъ находиться въ языкѣ Югры—Вогуловъ и Остяковъ. Пермьки заимствовали поклоненіе Войпелю и Золотой Бабѣ у вытѣсняемой Югры (если только—что представляется весьма правдоподобнымъ—русское духовенство не смѣшало предметовъ поклоненія Вымскихъ Вогуличей и Пермьнъ собственно). Въ пользу такого предположенія говорить прежде всего тотъ фактъ, что идолъ Золотой Бабы стоялъ по свидѣтельству писателей XVI в. за Ураломъ въ Обдоріи ²⁾), затѣмъ обычай золотить идоловъ, который существовалъ у Югры въ началѣ XVIII в. по словамъ Новицкаго ³⁾). Писатели, отождествляющіе древнихъ Коми и Біар-

¹⁾ Перм. Лѣтоп. I, 5, 17.

²⁾ Гваньини. *ibid.* 17.

³⁾ Описаніе о нар. ост.

мійцевъ, сближаютъ Золотую Бабу съ идоломъ Біармійскаго Юмалы, который яко-бы изображался въ видѣ безобразной бабы. Это сближеніе слѣдуетъ признать безусловно несостоятельнымъ. Мы знаемъ уже, что между Коми и Біармійцами Скандинавовъ нѣтъ ничего общаго. Утвержденіе - же, что Юмала изображался въ видѣ женщины, противорѣчатъ всему тому, что мы знаемъ о немъ изъ источниковъ. Небо представлялось язычествующимъ Суоми (лопарямъ), какъ и Пермскій Іенъ мужскимъ существомъ. Идолъ Юмалы въ сагахъ также называется богомъ, а не богиней. Г. Поповъ думаетъ, что воспоминаніе о культѣ Юмалы-бабы сохранилось въ мифической, повидимому, йома-баба (злая баба), которая фигурируетъ въ зырянской пословицѣ йома-баба кодъ лжокъ (золь, какъ жома-баба)¹⁾. Созвучіе въ данномъ случаѣ ничего однако не говоритъ. Йома по Зырянски значитъ просто злой и имя йома-баба по значенію тождественно съ именемъ 'яга-баба. У Зырянъ былъ собственный богъ, соотвѣтствующій Финнскому Юмалу по значенію, Іенъ—небо.

Оставляя въ сторонѣ болѣе, чѣмъ сомнительное, родство Йумалы съ Золотой Бабой, мы имѣемъ возможность установить, что древняя религія Коми была поклоненіемъ природѣ. Объ источникѣ этого поклоненія, о возрѣніяхъ на сущность окружающихъ Пермскаго предметовъ мы можемъ догадываться по легендѣ о св. Стефанѣ и „прокудливой“ березѣ. Чтобы побѣдить языческое упорство Пермлянъ, св. Стефанъ рѣшилъ срубить священную березу, стоявшую на мѣстѣ нынѣшняго Усть-Выма. Едва онъ прикоснулся къ священному дереву топоромъ, въ воздухѣ раздались жалобные стоны и крики: „Стефанъ, Стефанъ! за что ты насъ гонишь; это наше старое жилище!“; изъ надрубленныхъ мѣстъ дерева полилась кровь²⁾. Легенда сильно испорчена, безъ сомнѣнія; кромѣ г. Михайлова, который украсилъ ее цвѣтами своей реторики,

---

¹⁾ Поповъ. «Зыряне», 18.

²⁾ Ibid. 25.

она потерпѣла уже отъ того ритора-христіанина, который ее впервые записалъ. Къ числу такихъ прикрасъ слѣдуетъ отнести слова о женскихъ, мужскихъ, старческихъ и младенческихъ голосахъ, раздавшихся изъ березы. Береза представляется обиталищемъ цѣлаго сонма разнообразныхъ духовъ. Мы не можемъ допустить того, чтобы такъ представлялось дѣло въ первоначальной редакціи легенды. Возстановляя ея старыя черты при помощи сравненія съ родственными вѣрованіями западныхъ, восточныхъ и южныхъ родичей Коми—Лопарей, Югры и Вотяковъ, мы можемъ допустить три предположенія: или культъ воздавался непосредственно березѣ, какъ одухотворенному существу ¹⁾ или она была временнымъ обиталищемъ того духа, для котораго назначалась кумирня ²⁾ или наконецъ его метаморфозомъ ³⁾; въ каждомъ изъ этихъ случаевъ аналогія не допускаетъ рѣчи о множествѣ связанныхъ съ деревомъ духовъ. Кровь, льющаяся изъ дерева и человѣческіе звуки, которые оно издаетъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что древнему Коми дерево представлялось живымъ одухотвореннымъ существомъ. Это возрѣніе даетъ намъ основаніе предполагать, что такой-же анимистическій источникъ имѣло поклоненіе и остальнымъ явленіямъ окружающаго міра.

Остатки этого стараго анимизма въ представленіяхъ о природѣ можно и теперь, черезъ 500 лѣтъ, наблюдать въ міровозрѣніи и бытѣ Пермьяка.

Первымъ изъ фетишей, которыхъ предлагала древнему Коми природа, было небо—Іенъ. Въ настоящее время Іенъ, какъ вотяцкій Инмаръ, черемисскій Юмо и западно-финскій Юмала, означаетъ прежде всего Бога въ христіанскомъ смыслѣ этого слова, затѣмъ терминъ для обозначенія всякаго высшаго сверхъ-естественнаго существа. Первичное значеніе его однако

---

¹⁾ Ср. Лопарей.

²⁾ Ср. Вотяковъ.

³⁾ Ср. Остяковъ.

можно возстановить тѣмъ-же путемъ, каковымъ мы опредѣлили назначеніе вотяцкаго Инмара.

Приводимъ рядъ фразъ въ которыхъ слово *јенъ* употребляется въ значеніи неба: *јенъ југдѣ* = свѣтаеть, *јен пѣмдѣ* = Темнѣть, *јен пемдысь* = небо потемнѣло („Богъ потемнѣлъ“), *јен* = небо просвѣтлѣло („Богъ засвѣталъ“), *јен-курегъ* (звѣзда, „Божья, небесная курица“) „*јен-ошва*“ = небесный быкъ, радуга, *јен зорѣ* = дождить, *јен-уткѣ* = небесная утка, зарница, *јен гымылѣ*, *чарлалѣ* = гремитъ, *јен вирдѣлѣ* = молнія блеститъ, *јенъ лымја* = снѣгъ идетъ. Непосредственное поклоненіе смѣнилось позднѣе культомъ челоуѣкообразнаго существа, владѣющаго небомъ. Первоначальныя представленія объ этомъ существѣ живы у Пермьяковъ до сихъ поръ, перейдя на христіанскаго Бога. Орловскимъ Пермьякамъ *Іенъ* рисуется въ видѣ челоуѣка громаднаго роста и одареннаго необыкновенной физической силой. Онъ живетъ на небѣ въ прекрасно устроенной кереѣ и можетъ прожить тысячу лѣтъ.

Слѣды религіозныхъ возрѣній, съ которыми повнакомился Пермьякъ въ теченіи своей исторіи, обнаруживаются въ томъ, что *Іенъ* является источникомъ добра и врагомъ зла, которое нашло себѣ воплощеніе въ *Кулѣ* или *шайтанѣ*. Образъ *Куля* слѣдуетъ признать заимствованіемъ въ виду того, что имя, которымъ онъ называется, не принадлежитъ языкамъ пермской группы. Въстѣ съ *Кулемъ* въ Пермьяцкія вѣрованія проникли и дуалистическія представленія о борьбѣ *Іена* и *Куля*, о роли того и другаго въ мірозданіи (*Куль* создалъ мошекъ, комаровъ, посылаетъ морозы, жары, дожди).

За небомъ въ каждой религіи природы слѣдуютъ небесныя свѣтила. Лѣтописъ говоритъ, что Пермьяне полавнялись солнцу; Вотяки чтутъ до сихъ поръ солнце-мать или солнцеву мать. У Пермьяковъ слѣдовъ этого почитанія мы не нашли, но предположить его мы имѣемъ основаніе въ виду того отношенія къ нему, которое Пермьякъ обнаруживаетъ въ своихъ сказкахъ. Въ селѣ *Йогвѣ* мы записали сказку о мальчикѣ „трехъ отцевъ сынѣ“. Сущность сказки заключается

въ томъ, что три разбойника захватили къ себѣ мальчика, отечески заботились о немъ и при смерти предостерегали не брать пера жарь-птицы. Когда умеръ послѣдній разбойникъ, мальчикъ поѣхалъ по свѣту, встрѣтилъ на дорогѣ перо жарь-птицы, поднялъ его и съ этихъ поръ для него начались испытанія, которыя онъ счастливо проходитъ благодаря своему коню. Для нашей цѣли имѣетъ значеніе по картинѣ, которую рисуетъ рассказчикъ, и въ особенности по вставочнымъ замѣчаніямъ то мѣсто сказки, гдѣ рассказывается, какъ мальчика баринъ послалъ узнать отъ Солнца Праведнаго, отчего оно бываетъ и утромъ красно и вечеромъ красно.

„Поѣхалъ паренекъ. Ъхалъ-ѣхалъ, подѣбжаетъ къ солнцевой избушкѣ. Выходитъ изъ избушки мужикъ, умывается, увидалъ мужикъ паренька и спрашиваетъ „ты трехъ отцевъ сынъ“ („какъ богу не знаты!“) Мальчикъ говоритъ: приѣхалъ узнать, отчего ты бываешь каждое утро краснымъ. Входи въ избу, сегодня ужъ запоздали. На утро солнце окунулось въ котлѣ, гдѣ было вскипячено молоко отъ трехъ кобылицъ и красное вышло на небо.—Замѣчаніе, брошенное рассказчикомъ, въ высшей степени характеристично: оно до сихъ поръ показываетъ, что Пермякъ смотритъ на солнце, какъ на божественное существо. Уваженіе, которое они оказываютъ лунѣ, является, конечно, обломкомъ стараго культа этого свѣтила. Сообщая намъ извѣстное у Вотяковъ повѣрье о дѣвушкѣ на лунѣ, Пермякъ-рассказчикъ выразился такъ: „Господь мѣсяцъ праведный поднялъ ее“.

Періодъ цвѣтенія ржи представляетъ собой у Пермяковъ время дѣятельности новой сверхъ-естественной силы: это время, вунъ-шорики, полудницы. Вунъ-шорика расхаживаетъ по межамъ и волнуетъ цвѣтущую рожь. Пермякъ, не желающій разсердить ее, не долженъ выходить въ полдень въ поле, на межи. Забота о томъ, чтобы угодить вун-шорикѣ, доходила въ былое время до того, что Пермяки въ полдень забирались въ избы, закрывали окна кошмами и сидѣли тихо;

дѣтей въ теченіе нѣсколькихъ дней не выпускали въ полдень на улицу, у бабъ, которые выходили волотить холсты, десятники отбирали ихъ ¹⁾).

За духами одиночныхъ явленій природы слѣдуютъ духи лѣсовъ и водъ. О томъ, въ какомъ видѣ представляютъ себѣ Пермьки этихъ духовъ, свидѣтельствуютъ названія вѣрысь-мортъ, ваисъ-мортъ, т. е. лѣсной человѣкъ, водяной человѣкъ. Эти названія слѣдуетъ считать древнѣйшими, оставшимися еще отъ эпохи совѣстной жизни съ Вотяками. Подъ вліяніемъ тюрско-мусульманскихъ и христіанскихъ идей мортъ сталъ замѣняться въ нихъ словомъ кул и теперь мы чаще слышимъ ва-куль, кул-піапъ, чѣмъ ваисъ-мортъ; въ названіи лѣшаго мортъ замѣнилось почтительнымъ дядя. Сходные съ вотяцкими по именамъ, пермяцкіе лѣшій и водяной оказываются тождественными съ ними и по существу. Богатый матеріалъ для ознакомленія съ природой обоихъ существъ предлагаютъ рассказы о нихъ.

Утробный, подоврительный, скрытный Пермькъ въ особенности въ большой компаніи не скупится на рассказы о лѣсномъ дядѣ или ваисъ-мортѣ. Въ богатыхъ еще лѣсами приходахъ Ошибскомъ, Верхъ-Инвенскомъ, Кочевскомъ можно записать не десятки, а сотни рассказовъ; въ которыхъ при однообразіи основнаго содержанія будутъ попадаться масса интересныхъ деталей, раскрывающихъ представленія Пермьковъ о сверхъ-естественномъ. Этотъ матеріалъ еще почти не тронутъ. Приводимъ въ сокращеніи нѣсколько такихъ рассказовъ.

Рассказы о лѣшемъ.—1. Пошелъ Пермькъ (для рассказчика) за рабками въ лѣсъ. Стрѣляетъ, рабки падаютъ, а найти ихъ Пермькъ не можетъ. Что за диво? Тутъ явился ему молодецъ въ синей шабурѣ и говоритъ: „убирайся, ты моихъ курицъ стрѣляешь!“

¹⁾ Все это имѣетъ мѣсто у Вотяковъ въ такъ называемый Вождиръ. Ср. Первухинъ. Эск. I, 59—60.

2. Ночевали Пермяки около Кувинского завода. Вотъ ночью забирается къ нимъ человекъ громаднаго роста и присаживается съ ними къ огню. Погрѣлся, всталъ и говоритъ одному „не хочешь-ли посмотрѣть мою скотину?“ Пермякъ вышелъ съ нимъ и видятъ—кругомъ черно отъ всякаго звѣрья. Свиснуль лѣсникъ и всѣ звѣри съ шумомъ бросились въ одну сторону.

3. Пошелъ лѣсникъ въ лѣсъ. Идетъ мимо плотины и видитъ—лѣсникъ сражается съ водяными. Водяныхъ выгнать видимо-невидимо и всѣ кидаютъ въ него камнями, а лѣсникъ одинъ и отбивается отъ нихъ деревомъ, вывороченнымъ съ корнемъ. Водяные начали одолевать лѣснаго, лѣсникъ кричитъ лѣснику: помоги мнѣ—выйдетъ сейчасъ ихъ набоольшій, стрѣлай въ него, а съ мелочью я одинъ управлюсь. Только сказалъ онъ это, изъ воды выходитъ главный вансъ—въ золотой одеждѣ и золотой шапкѣ. Лѣсникъ какъ хватилъ въ него изъ ружья—водяной повалился, а лѣсникъ тѣмъ временемъ разогналъ маленькихъ куль-шановъ. Потомъ лѣсникъ взялъ мужика къ себѣ въ избу, угостилъ его и далъ денегъ.

4. Запутался Пермякъ и попалъ къ лѣшему въ избу. Лѣсникъ совсѣмъ какъ мужикъ. Только приходятъ въ избу три его дочери и лицъ не показываютъ. Тутъ только мужикъ догадается, у кого онъ въ гостяхъ¹⁾.

5. Лежатъ Пермяки въ охотничьей избушкѣ ночью. Среди избушки огонь горитъ, не спятъ. Вотъ приходитъ къ нимъ старуха съ прялкой, въ черной одеждѣ. Одинъ старикъ догадался, кто эта старуха и бросилъ въ нее полномъ. Тутъ вскочили собаки и прогнали лѣшачиху въ лѣсъ.

6. Лѣсникъ утащилъ дѣвку, покормилъ ее и держитъ у себя. Прошло немного времени ведетъ онъ парня и угощаетъ его своимъ хлѣбомъ. Дѣвка говоритъ—не ѣшь. Парень не сталъ ѣсть. Лѣсникъ подержалъ, подержалъ его и унесъ на старое мѣсто.

¹⁾ Ср. у Потанина Вот. сказку о Шуралѣ-лѣшемъ. Изв. Каз. Общ. Арх. Ист. и Эт. III,

7. Жилъ богатый мужикъ-знахарь. У него были срочные (работники). Разъ срочные въ воскресенье плетутъ лапти. Вдругъ въ избу заходитъ мужикъ — не высокій, толстый, въ русской одеждѣ — помолился образамъ и спрашиваетъ, дома-ли хозяинъ. Говорятъ: спитъ. Велѣлъ разбудить. Хозяинъ проснулся, выслалъ работниковъ и остался одинъ съ гостемъ въ избѣ. Спустия немного гость вышелъ, хозяинъ его проводилъ, зашелъ къ работникамъ и говоритъ: „посмотрите-ка, гдѣ гость“. А онъ на другой горѣ, версть за 8, вихремъ несется.

8. Шелъ мужикъ и увидалъ — вихрь вертитъ пылъ на одномъ мѣстѣ. Мужикъ бросилъ въ середину столба ножикъ, вихрь пропалъ, пропалъ и ножикъ. Прошло немного времени, пошелъ онъ въ лѣсъ и забрелъ въ избушку. Въ избушкѣ сидитъ старуха, увидала его, посадила за столъ и начала рѣзать хлѣбъ. Смотритъ мужикъ на ножикъ въ рукахъ старухи и признаетъ его. Что смотришь — спрашиваетъ старуха. — Ножикъ какъ будто мой. — Твой, спасибо, что бросилъ имъ въ сына; ты поранилъ ему правый бокъ; теперь его не возьмутъ на службу. Навормила лѣшачиха мужика обѣдомъ, а лѣшакъ вывелъ его изъ лѣсу и отдалъ ножикъ.

9. Заплутался и попалъ мужикъ къ лѣшему въ избу. Лѣшій держалъ его у себя мѣсяца два, потомъ уѣхалъ въ городъ со скотиной — продавать. Мужикъ благословился и убѣжалъ. Приходитъ домой, а тамъ ужъ его поминали, какъ мертваго.

10. Лѣшакъ разбрасывалъ у Пермяка сѣно. Пермякъ не сталъ его ругать, а сталъ молиться: „не ходи, пожалуйста, оставь мою работу, я одинъ, мое дѣло жалко“. Лѣшакъ пересталъ трогать его сѣно, а у тѣхъ, кто его ругалъ, все побросалъ въ воду.

11. Развели лѣсники на пустырькѣ съ сухимъ, выбитымъ лѣсомъ огонь. Вотъ несется вихрь-лѣшакъ. Кто позволилъ на моей дорогѣ огонь раскладывать! — весь костеръ разбросалъ.

12. Пошла баба въ лѣсъ за грибами. Незадолго до нея вышелъ изъ дому къ лѣсу изъ того-же мѣста мужикъ знахарь. Баба смотритъ, что съ мужикомъ: скачетъ на сажень отъ земли, ватается по травѣ. Потомъ самъ мужикъ рассказалъ ей: его трепалъ лѣшій за то, что по пусту кабалы ему писалъ, подналъ выше себя, бросилъ на земь и давай трепать: зачѣмъ попусту кабалы пишешь, скотину звѣрь ѣсть, а ты меня тревожишь.

13. Ломаеть вихрь у Пермяка крышу. Пермякъ взмолился: пощади, я лучше тебѣ водки привезу, пожди немного. Ждалъ-ждалъ лѣшій, догадался, что у мужика денегъ нѣтъ. Выѣхалъ Пермякъ боронить, боронить—вдругъ мѣднныи котель съ серебряными деньгами. Мужикъ подобралъ деньги и говорить—ну теперь надо дядѣ вина поставить. Тутъ показался старикъ и спрашиваетъ, куда поставишь? Мужикъ поѣхалъ, купилъ три ведра водки и поставилъ за гумномъ. Лѣшаекъ скорехонько выпилъ.

14. Ёдетъ Пермякъ въ Юмъ за хлѣбомъ. Попадается ему въ лѣсу человекъ и не сторонится. Пермякъ стегнулъ его плетью и ёдетъ дальше. Вдругъ остановка. Смотритъ мужикъ—лошади нѣтъ. Искали, искали, черезъ 12 дней нашли въ лѣсу, привязана къ дереву.

15. Одинъ „зваткой человекъ“ изъ деревни Новожиловой, Бисеровской волости, подружился съ „долгимъ“, принималъ его по ночамъ къ себѣ въ гости и выпивалъ ему по ведру пива и по четверти ведра водки. Долгій помогалъ ему обворовывать сосѣдей и крестьянъ прочихъ деревень, съ условіемъ, чтобы часть добычи зваткой ему отдавалъ за труды. Когда мужикъ разбогатѣлъ и пересталъ воровать, ему вздумалось раздружиться съ „долгимъ“. „Долгій“ на это разсердился, разломалъ крышу у амбара, въ которомъ хранилось все награбленное и попытался похитить его, мужикъ замѣтилъ продѣлку „долгаго“, закрылъ крышу и начертилъ на ней крестъ. „Долгій“ еще пуще разсердился, въ глазахъ народа схватилъ у мужика съ поскотинны корову, поднялъ ее вверхъ

высоко и бросилъ въ низъ головою, корова тутъ-же и сдохла, ушла рогами въ землю ¹⁾).

16. Напустился „долгій“ на одного мужика и частенько началъ раззорять его: то утащить у него скотину въ лѣсъ куда-нибудь, то развѣсть сѣно на лугу, то раскроетъ хоромину (крышу у избы) и т. под. Мужикъ долго терпѣлъ напастн отъ „долгаго“, вышелъ изъ терпѣнья и потомъ подмѣтилъ, какъ „долгій“ началъ во дворѣ у него подымать щепки, солому, хворостъ и т. под., выхватилъ изъ за пояски ножъ и бросилъ имъ въ верхъ. Послѣ этого, вдолгъ уже, идетъ мужикъ по лѣсу и видитъ на встрѣчу шагаетъ большой человекъ въ бѣлой одеждѣ и обь одномъ глазѣ. Повстрѣчались, мужикъ и спрашиваетъ большаго человека: „гдѣ у тебя другой глазъ?“—а помнишь, тотъ отвѣчаетъ ему:— какъ ты ножемъ-то бросилъ въ верхъ, тогда и выкололъ у меня глазъ-то. Мужикъ понялъ, что съ нимъ разговариваетъ „долгій“, а большой человекъ исчезъ и больше ужъ не зорилъ мужика“.

Разсказы о водянномъ.—1. Пошелъ одинъ Пермякъ стрѣлять утокъ, замѣтилъ кучку и крадется къ ней. Видитъ вайсъ-куль спитъ на солнышкѣ за рѣкой, а къ нему крадется медвѣдь, хочетъ его съѣсть. Пермякъ крикнулъ вайсъ-кулю: „вставай, тебя хочетъ съѣсть медвѣдь“. Вайсъ-куль всочилъ и бросился въ воду. Пришелъ Пермякъ вечеромъ домой и легъ спать. Въ полночь къ нему приходитъ вайсъ-куль и зоветъ къ себѣ въ гости. Пошелъ Пермякъ съ водяннмъ, залѣзла въ воду. Водяной угостилъ его, вывелъ изъ воды и отпустилъ.

2. Пошелъ Пермякъ стрѣлять утокъ. Приходилось переходить черезъ рѣку. По небу тѣмъ временемъ туча идетъ, огнемъ палить; вайсъ-куль вышелъ изъ воды и дразнить бога (тучу), поколачивая себя по задю. Пермякъ подкрался и какъ треснетъ его. Вайсъ не успѣлъ броситься въ воду и богъ

---

¹⁾ Сообщено А. Н. Шатровымъ.

его спалилъ. Съ тѣхъ поръ у Пермяка ружье стало мѣткое и онъ много настрѣливалъ дичи.

3. Сидитъ ваисъ-вуль на плотинѣ. Пермякъ выстрѣлилъ въ него изъ ружья.—Водяной упалъ въ воду. Маленькіе водяные вылѣзли изъ воды и погнались за мужикомъ. Нѣсколько ночей потому они ревѣли у его крыльца: „зачѣмъ убилъ у насъ отца!“

4. Жила старуха съ сыномъ. Сынъ былъ дуракъ. Идетъ онъ разъ мимо рѣки, видитъ—рыбаки поймали маленькаго водяного. Парень проситъ—„дайте мнѣ его“. Ночью ваисъ-вули вышли изъ воды, собрались вокругъ дома старухи и просятъ—„отдай ребенка, дадимъ казны“. Парень выкопалъ ямку и поставилъ надъ нею колпакъ съ дырой; водяные сыпали-сыпали деньги, насыпали полную ямку.

5. Пошелъ мужикъ не благословясь ловить рыбу. Водяной сидитъ на берегу и чешетъ волосы. Пермякъ забранилъ его. Ваисъ схватилъ его за полу и утащилъ съ собою въ воду.

6. Идетъ Пермякъ по плотинѣ и видитъ — держится у мельничнаго затвора громадная щука сажени въ три длиной. Пермякъ ударилъ ее острогой, щука ушла. Ночью къ Пермяку пришелъ ваисъ-вуль и кричитъ: „пускайте, вашъ мужикъ засѣкъ моего сына; загублю вашу семью“. Маялись, маялись люди и придумали: пошли къ мѣсту, гдѣ былъ засѣченъ ваисъ, развели огонь, положили около него чурбанъ, одѣтый въ тряпки, и спрятались. Ваисъ-вуль вылѣзъ и идетъ схватить спящаго. Тутъ его засѣкли острогой.

7. Маленькій водяной пугалъ у рыбака рыбу. Рыбакъ его ударилъ острогой. Водяной вышелъ изъ воды и говоритъ рыбаку: поидемъ за мной, защурь глаза. Пошелъ Пермякъ, видитъ въ водѣ большой домъ, въ немъ водяной съ острогой въ тѣлѣ. Пермякъ вынулъ ее, ему дали денегъ и проводили на берегъ.

8. Спалъ старикъ Пермякъ на мельницѣ въ избушкѣ. Пришли водяные, вытащили его до половины изъ избушки

и стали давить; пальцы у нихъ холодные. „Кто вы“—спрашиваетъ старикъ,—„Мы водолазы, тундру ѣдимъ“—говорятъ водяные.

9. Шель Пермякъ-охотникъ по берегу, на бережкѣ сидитъ водяной. Пермякъ подстрѣлилъ его. Водяной упалъ въ воду и рѣчка окрасилась синею кровью. Тутъ вышли три водяныхъ и говорятъ: „зачѣмъ убилъ нашего товарища“,—схватили его и засунули до поясицы въ болото.

10. Попалъ солдатъ къ водяному въ омутъ, женился тамъ на его дочери и выжилъ много лѣтъ. Потомъ какъ-то ему удалось уйти отъ водянаго. Приходить онъ домой. Войти въ избу нельзя—мѣшаетъ крестъ. А тамъ въ это время была пирушка—жена выходила за другого за мужъ. Пошелъ солдатъ въ погребъ и сталъ ждать, когда пойдетъ жена за брагой. Вотъ приходитъ жена. Солдатъ здоровается съ ней; жена его не видитъ. Солдатъ говорить — ступай, принеси мнѣ вѣнчальную одежду и видай въ меня на отмашь. Жена сдѣлала все, какъ онъ велѣлъ. Солдатъ одѣлся и стало всѣмъ его видно. Спрашиваютъ солдата сосѣди: а какъ-же мы тебя похоронили—тебя выбросило на берегъ. Ступайте, говоритъ солдатъ, на могильникъ и посмотрите, что тамъ зарыто. Пошли мужики, разрыли могилу, нашли тамъ березовую чурку (чурбанъ).

Мы уже имѣли случай замѣтить, что души утопленныхъ младенцевъ начинаютъ въ представленіи Пермяковъ сливаться съ водяными. Приводимъ здѣсь разсказъ, характерный въ этомъ отношеніи.

„Однажды мужикъ пріѣхалъ на мельницу, засыпалъ свою рожь въ жерновы тюрникъ, а самъ прилегъ рядомъ съ мельницею въ „дербенѣ“ въ ожиданіи, пока смелется засыпанная рожь. Въ дербенѣ и на мельницѣ кромѣ его никого не было. Вдругъ, изъ подъ полу выходятъ „ичетики“—маленькіе мохнатенькіе человѣчки, садятся мужику на руки, ноги и грудь и начинаютъ просить у него пудовку муки и въ случаѣ отказа грозятъ задавить мужика и утащить его къ себѣ въ

воду. Мужикъ общается имъ пудовку ржи, оговариваясь только тѣмъ лишь, что печѣмъ муки свѣнать. Ичетики говорятъ, что вѣсы у нихъ найдутся, и тотчасъ-же исчезаютъ. Мужикъ послѣ этого поспѣшно встаетъ и бросивъ засыпанную рожь, съ испугу уѣзжаетъ домой.

Къ разряду водяныхъ-же духовъ относится „шишига“, которая обитаетъ преимущественно въ озерахъ и прудахъ. „Шишига“ по виду будетъ съ взрослою женщиною, одежды у ней нѣтъ, на головѣ имѣетъ длинныя волосы, которые она перѣдко чешетъ гребнемъ, выходя на землю изъ воды. „Одинъ рыбакъ Зюдино-Воскресенскаго прихода, выйдя однажды на известное всѣмъ „чертово озеро“ порыбачить, увидѣлъ „шишигу“ которая сидѣла на кочкѣ и заплетала свои волосы въ косы. „Шишига“ замѣтивъ мужика и испугавшись его, нырнула въ воду, а гребень, которымъ чесала свои волосы, оставила на кочкѣ. Рыбакъ подплылъ къ кочкѣ на лодкѣ, взялъ гребень оставленный „шишигою“ и принесъ его къ себѣ въ избу. Въ тотъ-же день, лишь-только с ерклось и все семейство рыбака улеглось спать, послышалось постукиванье въ дверь и голосъ „шишиги“, жалобно умолявшей рыбака возвратить ей гребень. Рыбакъ отворилъ окно и выбросилъ гребень,—схватила его проворно „шишига“ и исчезла“ (Шатровъ).

Прежде чѣмъ дѣлать выводы изъ того матеріала, который заключается въ предложенныхъ разсказахъ, сдѣлаемъ кое-какія поясненія къ деталямъ, которыя представляются непонятными. Въ 4 разсказѣ мужикъ узнаетъ дочерей лѣшаго по тому, что онѣ не показываютъ своихъ лицъ. Ключъ къ этой примѣтѣ, мы думаемъ, заключается въ вотяцкой сказкѣ о лѣшемъ и его дочери, въ которой эта послѣдняя представляется. Въ 13-мъ разсказѣ мы видимъ, что лѣшій треплетъ знахаря за то, что онъ пишетъ кабалы. Объ этихъ кабалахъ первое упоминаніе въ литературѣ встрѣчаемъ мы у Подосенова. Пермякъ въ случаѣ пропажи скотины считаетъ нужнымъ обратиться къ лѣшему съ просьбой, чтобы онъ воротилъ се. Писать кабалы берутся особые знахаря. Кабала пи-

шется на кускѣ бересты углемъ и состоитъ по рассказамъ лицъ, видавшихъ ихъ случайно въ лѣсахъ, изъ подобія геометрическихъ фигуръ, нацарапанныхъ въ серединѣ куска. Знахарь украдкой, чтобы никто не видалъ, относитъ ее въ лѣсъ и вѣшаетъ на дерево или кладетъ на пенъ. Если скотина не заѣдена звѣремъ, лѣшій иногда исполняетъ просьбу. Назойливымъ знахарямъ за то подъ часъ отъ него достается ¹⁾).

Подбирая изъ приведенныхъ рассказовъ черты, характеризующія лѣшихъ и водяныхъ, мы видимъ, что родъ этихъ стихійныхъ духовъ представляется Пермьякамъ такъ-же, какъ и Вотякамъ. „Лѣсной человѣкъ“ живетъ, какъ и всякій Пермьякъ, въ домѣ, ведетъ хозяйство, держитъ скотину, работниковъ, торгуетъ. Избы его указываютъ очень опредѣленно въ глухихъ лѣсахъ той или другой волости. И скотъ, и людей онъ забираетъ въ лѣсу и возвращаетъ, если его объ этомъ стануть просить. Появляясь среди людей, онъ принимаетъ видъ человѣка то обыкновеннаго, то очень высокаго роста и одѣвается въ бѣлый шабуръ (какъ одѣвались прежде и сами Пермьяки—замѣтимъ мимоходомъ). По словамъ Хлопина, лѣшаго все-же можно узнать по отсутствію рѣсницъ и бровей ²⁾). Отличительный признакъ „долгаго“ у Зюздяковъ это бѣлый „зицунъ“ (армякъ) запахнутый лѣвою полою наверхъ. Запахнувшихъ лѣвою полою наверхъ, хотя-бы и невзначай, въ Зюздинѣ считаютъ людьми подозрительными и непременно имѣющими сношенія съ „долгимъ“. Лѣшіе живутъ семьями, вступаютъ въ бракъ и плодятся. Во время свадебъ у нихъ бываютъ такіе-же поѣзды, какъ и у людей. Путь, по которому проѣхалъ свадебный поѣздъ лѣшихъ, можно узнать по сломаннымъ деревьямъ. Подобно своему Вотяцкому тезкѣ, пермяцкій лѣшій путешествуетъ и совершаетъ свои проѣзды

¹⁾ Тоже имѣетъ мѣсто у Олонецъ крестьянъ. Этн. Сборн. VI, 12.

²⁾ Изв. Р. Геогр. Общ. 1849, 24.

ви надъ людьми — въ особенности похищаетъ женщинъ—въ видѣ вихря. Въ силу такого воззрѣнія на природу вихря женщины особенно его боятся. Въ селѣ Верхъ-Инвенскомъ мы имѣли случай наблюдать характерную въ этомъ отноше- нии сцену. На пригоркѣ надъ р. Иньвой собралась кучка дѣвушекъ и молодыхъ людей—пѣли пѣсни, ходили кругомъ. Вдругъ на дорогѣ между огородами показалось несущее пря- мо на игрище облачко пыли. „Лѣшакъ, лѣшакъ!“ закричали дѣвушки и разсыпались по сторонамъ.

Сходство пермяцкаго лѣшаго съ вотяцкимъ этимъ не исчерпывается. Мы имѣли случай замѣтить въ очеркѣ „Во- тьяки“, что лѣшій играетъ въ жизни Вотяка видную роль въ такихъ случаяхъ, которые не вяжутся съ его прямымъ сти- хійнымъ значеніемъ: онъ является покровителемъ семьи и до- машняго благополучія. Тамъ-же мы дали и объясненіе для этого явленія. Съ такой-же ролью является верысь-мортъ и у Пермяковъ. „Власть Вѣрчена, говоритъ г. Добротворскій не ограничивается однимъ лѣсомъ, какъ у Русскаго лѣшаго; она обнимаетъ всю жизнь Пермяка, одинаково чувствительна въ верѣ, въ семьѣ и въ полѣ. . . Захвораетъ-ли жена или кто либо изъ домашнихъ, отправляется-ли онъ въ извозъ, случится-ли какое несчастіе—ездѣ и всегда призываетъ онъ на помощь Вѣрчена, принося ему посильную жертву“)“. Слѣ- ды такого отношенія можно замѣтить и у Инвенскихъ Пер- мяковъ. Мы припоминаемъ, съ какою грустью отвѣтилъ намъ Пермякъ на вопросъ, участвуетъ-ли лѣшій въ войнахъ: „те- перь пушки пошли, дядѣ нѣтъ больше дѣла до рабовъ („ра- бами“ до сихъ поръ часто называютъ себя Пермяки, бывшіе Строгановскіе крѣпостные). Кажется, подобно Вотяцкимъ повитухамъ въ случаѣ трудныхъ родовъ обращаются къ лѣ- шему и Пермякія. Главной областью вліянія „дяди“ остает-

---

¹⁾ Добр. I. с. IV, 574. Замѣтимъ, что слова Вѣрченъ мы у Пермя- ковъ не встрѣтили. Намъ кажется, что вмѣсто него должно быть Вѣрнѣ- жекъ лѣсной богъ.

ся все же лѣсъ и его населеніе. Лѣшій перегоняетъ съ мѣста на мѣсто звѣрей и въ силу этого въ одинъ годъ здѣсь бываетъ удачная охота, въ другой — тамъ. Возрѣнія Пермяковъ на счетъ водяного „ваисъ - морта“ такъ-же не отличаются отъ вотяцкихъ. Водяной — человѣкообразное, смертное существо, живетъ въ водѣ въ хорошо устроенной избѣ, забираетъ къ себѣ въ работники утопленниковъ, подмѣнивая ихъ чурками. Человѣкъ можетъ проникнуть въ его жилище, но для этого такъ-же, какъ и по Вотяцкимъ вѣрованіямъ, долженъ закрыть себѣ глаза. Вопросъ о томъ, какъ человѣкъ живетъ въ водѣ, Пермяки разрѣшаютъ одинаковымъ съ Вотяками образомъ: водяные обладаютъ какой-то тайной, которая даетъ имъ возможность свободно передвигаться въ водѣ; болѣе простое рѣшеніе заключается въ общемъ обоимъ народамъ повѣрью, что водяной принимаетъ видъ рыбы — щуки.

Послѣ водяного и лѣшава, образы которыхъ отчетливѣе всего сохранились въ воображеніи Пермяковъ, можно указать слѣды былого поклоненія вѣтрамъ и землѣ. Духи вѣтровъ блѣдно рисуются, какъ и въ вотяцкой мифологіи, сливаясь съ лѣшимъ-вихремъ. Только изъ выраженія „тыл-пэри шукемъ“ которое употреблялось для обозначенія паралича, можно догадываться, что Вотяки приписываютъ нѣкоторыя болѣзни вѣтрамъ. Отголоски этого вѣрованія слышатся и у Пермяковъ въ названіи судороги ой-тов (сѣверный вѣтеръ).

На былой культъ земли указываетъ обычай зарывать въ землю кости жертвеннаго животнаго, лить при празднествахъ, водку, класть при закладкѣ дома мясо и шерсть и оставлять на полосѣ нѣсколько несжатыхъ колосьевъ.

Съ культомъ растений мы уже до извѣстной степени знакомы по легендѣ о „провудливой березѣ“. Кромѣ березы большимъ уваженіемъ Пермяковъ пользуется верескъ, вѣтвями котораго они, какъ и Вотяки, запасаются въ великій четвергъ, чтобы отгонять злыхъ духовъ. Въ то же время, по словамъ Хлопина, приносятся пихтовые кражики, которые остаются цѣлый годъ у печки. На культъ растений указываетъ и обы-

чай приносить при закладѣ дома изъ лѣса небольшую елочку, вырванную съ корнемъ, ставить ее въ переднемъ углу и произносить около нея различныя пожеланія. Этотъ обычай имѣеть мѣсто и у Вотяковъ и находится, какъ мы показали въ своемъ мѣстѣ, въ связи съ поклоненіемъ деревьямъ-покровителямъ. Хлопинъ говоритъ объ обычаяхъ Пермьяковъ носить во время путешествія на шеѣ ладонку „съ завѣтными травами и кореньями“. Когда Пермьякъ дома, такая ладонка хранится на божницѣ и чествуется, какъ святыня ¹⁾. По словамъ Рогова, пихтовое помело, сдѣланное въ Великій четвергъ, защищаетъ печь отъ разрушенія ²⁾.

Лѣтописи говорятъ намъ о культѣ животныхъ. Не вполне довѣряя ея показаніямъ, мы можемъ сказать, что Пермьяки не чужды были тому культу медвѣдя, который такъ развитъ у ихъ восточныхъ родичей—потомковъ древней Югры. Медвѣдь рисуется въ пермяцкихъ сказкахъ, какъ существо челоѣкообразное и обладающее сверхъ-естественными свойствами. Приводимъ двѣ характерныхъ сказки о медвѣдѣ.

Пошли три дѣвочки въ лѣсъ за ягодами, заплутались и ночью пришли въ избушку медвѣдя. Спустя немного времени пришелъ медвѣдь и началъ варить кашу; варить и бросаетъ въ нее съ себя шерсть. Когда каша поспѣла, медвѣдь велитъ дѣвочкамъ ѣсть. Двѣ старшія дѣвочки поѣли этой каши, младшая отказалась. Когда дѣвочки поѣли, медвѣдь принесъ ступу и велѣлъ дѣвочкамъ черезъ нее прыгать: которая изъ дѣвочекъ перепрыгнетъ, ту онъ отпуститъ. Двѣ старшія перепрыгнули, младшая не смогла и попала въ ступу. Пришлось ей остаться у медвѣдя. Медвѣдь принесъ зыбку, влѣзъ въ нее и велѣлъ дѣвочкѣ качать, приговаривая: „спи медвѣдь, спи толстой!“ Такъ прожила дѣвочка нѣскольکو дней. Приходитъ къ ней баранъ и предлагаетъ увезти ее. Дѣвочка сѣла на барана и поѣхала. Медвѣдь проснулся,

¹⁾ Извѣст. Р. Геогр. Общ. 1849, 24.

²⁾ Перм. Сборн. II, 28.

догналъ дѣвочку и снова посадилъ ее качать. Въ другой разъ, когда медвѣдь спалъ, дѣвушка убѣжала на быкъ.

Пошелъ мужикъ охотится на медвѣдей. Убилъ одного медвѣдя, содралъ съ него шкуру и идетъ домой. Вдругъ слышитъ, кто-то за нимъ гонится, оборачивается — медвѣдь. Испугался мужикъ, не знаетъ, что дѣлать. Тутъ появляется передъ нимъ старичекъ и говоритъ: „сдѣлай липовый лукъ, липовую стрѣлу и выстрѣли въ медвѣдя, потомъ забей ему козь въ голову и изруби все его тѣло на части—тогда уже медвѣдь не встанетъ“. Мужикъ такъ и сдѣлалъ.

Въ связи съ этой способностью медвѣдя мстить своему убійцѣ стоитъ безъ сомнѣнія повѣрье, что если подъ строящійся домъ подбросить медвѣжьи кости, то домъ будетъ несчастливый.

Къ былому культу огня слѣдуетъ отнести обычай разводить „живой огонь“, „деревянный огонь“ (д'урт-би). Огонь этотъ добывается треніемъ одинъ о другой двухъ кусковъ дерева. Одинъ кусокъ устанавливается неподвижно, другой вращается въ горизонтальномъ направленіи при помощи ремня. Когда огонь добытъ, выходы изъ деревни закладываются зажженными торфяными вочками и черезъ нихъ перегоняютъ скотину. „Живой огонь“ разводится осенью или когда скотина болѣетъ. Анимистическое воззрѣніе на огонь сказывается въ томъ, что Пермьякъ, желая сказать „огонь не гаснетъ“—говоритъ „огонь живетъ“.

За существами, которыхъ Пермьякъ видитъ въ окружающей природѣ, слѣдуетъ рядъ существъ, которые связаны такъ или иначе съ жилищемъ человѣка. Главнымъ изъ нихъ является—домовой. Но кромѣ „сусѣда“ Пермьяки знали въ былое время рядъ другихъ существъ.

Въ настоящее время Пермьякъ, не отдавая отчета—почему, считаетъ необходимымъ заколоть и съѣсть въ новоотстроенномъ овицѣ пѣтуха. Разгадка этого обычая заключается въ обрядахъ и вѣрованіяхъ Вотьяковъ. И Вотьякъ въ известное время — по окончаніи молотбы — относитъ въ овинную яму

хлѣба и кумышки или колетъ тамъ утку, но онъ знаетъ, для чего это дѣлаетъ. Передъ тѣмъ, какъ совершить жертву и приступить къ трапезѣ, онъ молится Обинь-мурту— „овицному человѣку“ (дуку) ¹⁾ и благодарить его за то, что тотъ берегъ овинъ.

Въ заброшенныхъ постройкахъ и нежилыхъ старыхъ избахъ поселяется „кусь-дядя“ (долгій дядя или дѣдушка — глѣсной, глѣшій?). Сначала „кусь-дядя“ поселяется одинъ себѣ, а потомъ съ подругою „виниморой“, вскорѣ у нихъ нарождаются дѣти. Нѣкоторые изъ Пермяковъ, проходя мимо такихъ мѣстъ въ ночную пору, слыхивали дѣтскій плачь и говоръ... При большомъ плодородіи, наполнивъ амбары хлѣбомъ, зюдаки поручаютъ храненіе такового „кусь-дядѣ“. — Если хлѣбъ долго пролежитъ въ амбарѣ и запахнетъ, то „кусь дядя“ старается такой хлѣбъ забрать въ свою собственность. Рассказываетъ одинъ крестьянинъ, что залежавшюся у него въ амбарѣ рожь онъ вздумалъ продать мѣстному торговцу. Но не смотря на усилія какъ собственныя, такъ равно и своихъ семейныхъ, онъ не могъ отворить амбарной двери, хотя замокъ державшій дверь хорошо отперся. Кто-то посоветовалъ этому крестьянину купить табакъ и подарить его „кусь-дядѣ“. Купивъ табакъ, крестьянинъ побросалъ его на крышу амбара. На другой-же день смотритъ: табакъ на крышѣ нѣтъ, а дверь ведущая въ амбаръ свободно отворяется (Шатровъ). На основаніи обычая относить въ ночь на 1 января (Васильевъ вечеръ) въ хлѣвъ кости отъ свиныхъ и овечьихъ головъ и ногъ можно предположить, что Пермяки вѣкогда приносили жертвы духу, охраняющему хлѣвъ и скотину ²⁾. Къ числу существъ, связанныхъ съ жилими постройками, относятся у Пермяковъ „чуды“. У Зырянъ Вологодской и Архангельской губерній существуетъ обычай свакать въ

¹⁾ Первухинъ. Эскизы. I, 96.

²⁾ Ср. Первухинъ. Эскизы.

Крещенье на лошадяхъ по улицамъ ¹⁾. Мы нашли этотъ обычай широко-распространеннымъ во всемъ Пермскомъ краѣ и имѣемъ возможность объяснить его. Скачка эта называется у Пермяковъ „Чуддз вашетлыны“, Чудовъ топтать, гонать. Въ Крещенье между заутреней и обѣдней („какъ богъ засвѣтаетъ“) оволо церкви собирается народъ—верхомъ на лошадяхъ, съ вольями, нагайками, челоуѣкъ до сотни и скачутъ, топчутъ Чудовъ и гонать до другой деревни. Чуды бѣгутъ изъ деревень въ воду, въ избу зайти они не могутъ. Изъ распросовъ о томъ, что это за существа Чуды, оказалось, что они появляются на землѣ въ то время, которое приходится ровно черезъ полгода со времени цвѣтенія ржи („двѣтье“ — р. святки) и расхаживаютъ, указывая людямъ, что съ ними будетъ. Къ этому времени у Пермяковъ приурочиваются разнообразнаго рода гаданья на счетъ будущаго. Пермяки ходятъ „слушаются“. Собирается нѣсколько челоуѣкъ, выходятъ на рѣчку на ледъ, обводятъ три круга, садятся въ немъ съ иконой и слушаютъ. Кому умереть,—Чуды стругаютъ доски, вколачиваютъ гвозди, у кого пожаръ будетъ,—услышать шумъ, крикъ народа, у кого коровы пропадутъ, начнутъ Чуды ногами божки набрасывать. Чтобы узнать, какой хлѣбъ будетъ, ходятъ на гумно: если услышать пѣсни, хорошій урожай будетъ. По описаніямъ Пермяковъ Чуды—маленькіе челоуѣчки. Одинъ Пермякъ чуть отбился отъ нихъ на своемъ гумнѣ. Въ остальное время года Чуды живутъ въ пустыхъ, заброшенныхъ домахъ и поѣдаютъ всякаго, кто туда забредеть: „не ходи въ пустой домъ, Чуды свѣдятъ“—говорятъ Чердынскіе Пермяки. Живутъ Чуды и въ баняхъ („чудъ-ціаны“) и похищаютъ, перемѣняютъ людей, которые царятся тамъ не благословясь. Одного старика Чуды „перемѣнили“ и онъ сталъ страшнымъ обжорой—сѣдалъ по 5 челпановъ хлѣба.

Что такое представляютъ собою чуды, остается неяснымъ. По имени можно было-бы предположить, что это духи ста-

---

¹⁾ Максимовъ. Годъ на сѣверѣ.

рыкъ Чудаковъ, освобождающіеся временно изъ другаго міра. У Пермиковъ чудлѣтъ означаетъ и Чуда, какъ дука, и Чудака, ч у ч к а г о—древнѣйшаго обитателя края. Въ пользу таковаго предположенія говоритъ какъ будто и то, что и Чуды и Чучкіе представляются Пермикамъ съ одинаковыми физическими признаками: тѣ и другіе маленькіе человѣчки. Такъ по крайней мѣрѣ рисуются чучкіе въ Пермичьихъ разсказахъ, которые безъ сомнѣнія лежатъ въ основаніи насмѣшливыхъ разсказовъ о „Вятскихъ“, „попехонцахъ“. Позволяемъ себѣ привести здѣсь одинъ изъ такихъ разсказовъ, потерявшій свой смыслъ въ русской передачѣ. — Чучкіе были маленькіе человѣчки, жали хлѣбъ шилами, складывали его въ мѣшки размѣромъ съ нывѣшній чулокъ. Однажды 40 чучкиныхъ жали. До полдня они нажали одинъ суслонъ и легли спать. Пока они спали, пришелъ Іенъ съ серпомъ, нажалъ 40 суслоновъ и оставилъ серпъ (черла, по южн. черва) въ суслонѣ. Чучкіе проснулись, увидали незнакомую вещь, приняли ее за живое существо и порѣшили утопить: привязали къ ручкѣ веревку, сѣли въ лодку, дернули и опрокинулись въ воду.—Было-бы очень желательно собрать нобогѣе разсказовъ о Чудахъ, чтобы выяснитъ ихъ природу¹⁾.

Языческіе боги, до сихъ поръ живущіе въ воображеніи Пермика, какъ и боги, данные христіанствомъ, требуютъ отъ человѣка жертвъ — и эти жертвы иногда превосходятъ то, что можетъ предложить Пермякъ новымъ богамъ. Среди Чердынскихъ и Солявскихъ Пермиковъ распространено убѣжденіе, что мельникъ, устраивающій новую мельницу, отдаетъ водяному одного или нѣсколько человѣкъ изъ рабочей артели. Этотъ обѣтъ, остатокъ былого обычая приноситъ

---

¹⁾ Природа Чудовъ, время ихъ дѣятельности и отношенія къ нимъ Пермиковъ соответствуетъ тому, что мы знаемъ у Глазовскихъ Вотиковъ относительно Вожа. Въ Крещенье у нихъ также бываютъ «проводы Вожа», которые подобно Чудамъ разгуливаютъ по землѣ въ теченіе всѣхъ святокъ (зимняго цвѣтя). Ср. Первухинъ. Эск. II, 195—в. III—сказки о Вожа.

человѣческія жертвы—обычая, который имѣлъ мѣсто у Коми, Югры и Суоми. Вятскіе, Орловскіе Пермьки сохранили до сихъ поръ воспоминаніе о томъ, что у ихъ предковъ былъ богъ, который требовалъ человѣческихъ жертвъ ¹⁾). Стоитъ послѣ того какъ устроена мельница, по близости ея утонуть человѣку и Пермьки говорятъ, что это ваясь - куль взялъ обѣщанную ему мельникомъ жертву. Бойкіе на языкъ люди сообщаютъ, сколько обѣщаль человѣкъ мельникъ. Въ Ошибѣ намъ рассказывали, что въ ихъ волости строилась въ одномъ мѣстѣ мельница. Хозяинъ обѣщаль 9 человѣкъ помочанъ водяному и водяной началъ ихъ вскорѣ забирать. Подошелъ праздникъ. Одинъ молодецъ ходилъ въ часовню, напился и сталъ переходить рѣку — ледъ въ это время уже таялъ — и нрвалился: водяной взялъ его, осталось еще 8 человѣкъ. Водяной, который извелъ одного мельника, даетъ уже другому свободу. — Въмѣсто человѣка въ настоящее время даютъ водяному кошекъ, собакъ. Представленіе о томъ, что духи могутъ требовать человѣческихъ жертвъ—несомнѣнный остатокъ былого обычая человѣческихъ жертвоприношеній—имѣеть мѣсто и у Глазовскихъ Пермьковъ. Г.: Спицынъ, со словъ А. Н. Шатрова, сообщаетъ любопытное въ этомъ отношеніи преданіе о „чудскомъ вампѣ“ близъ деревни Подгорной Бисеровской волости. Въ былое время въ семикъ, въ Петровъ день и въ Ивановъ день старики приносили на чудской камень яства. Тотъ, кому назначались эти приношенія, видимо не вполне оставался ими доволенъ: разъ передъ однимъ изъ стариковъ явился изъ подъ камня человѣкъ и сказалъ по пермяцки: „дай мнѣ человѣка съѣсть — и я тебѣ выкачу три корчаги денегъ“ ²⁾).

Приступая къ постройкѣ новаго дома, Пермькъ владеть въ землю нѣсколько мѣдныхъ монетъ, разной зерновой хлѣбъ и разныхъ цвѣтовъ овечью шерсть. Въ насто-

¹⁾ Добротв. III, 230. Шурма (не Турма? Ср. вогул. Торомъ).

²⁾ Вят. Губ. Вѣд. 1889, Ж 62.

ящее время этотъ обычай истолковываютъ желаніемъ, чтобы въ новомъ домѣ водились деньги, хлѣбъ и скотъ ¹⁾). Когда положить овладные вѣнцы на мѣсто, хозяйка приноситъ хорошую овчину и стелеть ее въ верхъ шерстью на землю по срединѣ сруба. На овчину кладутся приготовленные яства и питья и начинается пиръ помочанъ ²⁾). Поднявъ избу до матицы, хозяинъ предлагаетъ помочанамъ новое угощеніе и опять на овчинѣ посреди пола; въ маточныя гнѣзда кладется разноцвѣтная шерсть. Переходятъ въ новый домъ около полуночи. Хозяинъ дома, взявши съ божицы икону, подходитъ въ голбцу и зоветъ домоваго: „сусѣдушко, братунушко, пойдѣмъ въ новый домъ; какъ жили въ старомъ домѣ хорошо, такъ будемъ жить и въ новомъ — люби мой скотъ и семейство ³⁾). Затѣмъ всѣ отправляются въ новый домъ. Прежде, чѣмъ войдти, хозяинъ пускаетъ въ избу пѣтуха и курицу и ждетъ до тѣхъ поръ, пока пѣтухъ пропоетъ. Икона ставится на божицу, сусѣдо приглашается въ новый голбець.

Наканунѣ Рождества въ каждомъ домѣ готовились изъ тѣста фигурки разныхъ домашнихъ животныхъ—овець, свиней, телятъ и т. д. и складывались на божицу, гдѣ ихъ держали до Брещеня ⁴⁾). Въ связи съ старыми вѣрованіями стоять, конечно, нѣкоторые трудно объяснимые въ настоящее время обычай. Таковъ напр. обычай во время грозы выбрасывать въ окно икону, косу, не ѣсть, во время града выбрасывать метелку, икону, яйца, топоры, косы. Въ этихъ обычаяхъ какъ будто перепутались два отношенія къ духамъ, производящимъ грозу и градъ: желаніе умиловить (выбрасываніе яицъ) и желаніе напугать духа отогнать его новымъ для него предметомъ (икона, желѣзная вещь).

¹⁾ Роговъ. Мат. 98.

²⁾ Ibid. 99—100.

³⁾ Ibid. 102.

⁴⁾ Перм. Сборн. II, 31.

Посредниками между людьми и богами были у древних Пермьковъ волхвы, обаянники. Типомъ ихъ является противникъ св. Стефана Намъ. Намъ былъ сотникомъ въ Вымской области, „держалъ своимъ волшебствомъ всю Пермскую землю“; онъ являлся между прочимъ рѣшителемъ судьбы виновнаго въ святотатствѣ. По отношенію къ богамъ его роль выражается въ томъ, что онъ выдавалъ себя способнымъ напустить боговъ на своего противника и узнавать при помощи ихъ, что дѣлается въ дальнихъ странахъ. Эту способность или искусство Намъ, какъ и другіе „волхвы“, приобрѣтали по наслѣдству отъ родителей и, конечно, передавали дѣтямъ¹⁾. Для выполненія священнои миссиіи волхвы должны были приходиться въ особенное возбужденное состояніе. На это намекаетъ выраженіе— „волшебствемъ одержимые“. Сила волхвовъ выражалась въ господствѣ надъ стихіями.—Всматриваясь въ черты, которыми характеризуется Пермскій волхвъ, мы открываемъ полное тождество его съ Лопарскимъ нойдомъ и Остяцкимъ шаманомъ. Христіанство уничтожило общественную роль волхвовъ. У новыхъ боговъ явились новые служители. Даже тамъ, гдѣ сохранились общественныя богослуженія, старшій въ деревнѣ только при отсутствіи священника выдвигается впередъ. „Вѣжливыцы“ сохранили однако свое значеніе въ области христіанскаго культа. Мы знаемъ уже, какъ грубо-матеріалистически смотритъ Пермькъ на свои отношенія къ „богамъ“: имъ нужны жертвы, пища и чтобы получить ее, они посылаютъ мыжь. Задача постигнутого мыжемъ заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, какой „богъ“ требуетъ угощенія и разрѣшить ее можетъ только „вѣжливецъ“, черешванникъ. „Вѣжливецъ“ въ данномъ случаѣ выполняетъ точь въ точь ту роль, которая у Черемисъ принадлежитъ мужедамъ, у Вотьяковъ туно.

Искусство напускать боговъ не чуждо и современнымъ вѣжливыцамъ съ той разницей, что теперь вѣжливецъ напу-

---

¹⁾ Пам. Стар. р. Лит. III, 145. «У батка своего сего не навькохомъ».

скаеть болѣзни или какое нибудь другое бѣдствіе. Вѣжливецъ можетъ испортить человѣка прикосновеніемъ, дуновеніемъ, взглядомъ. Подобно вотяцѣмъ туно и Лопарскимъ войдамъ, „вѣжливцы“ обладаютъ способностью оборачиваться разными животными сами и оборачивать другихъ. Въ особенности опасными являются „знаткіе“ во время свадебъ: тутъ они могутъ оборотить въ волковъ или другихъ звѣрей цѣлый свадебный поѣздъ. Чтобы предупредить такую бѣду, въ поѣздъ обязательно приглашаютъ человѣка, извѣстнаго за знаткаго. Если въ деревнѣ или околицѣ есть другой „знаткой“, между противниками возникаетъ формальное состязаніе: одинъ обернется напримѣръ коровой и норовитъ загадить дорогу, другой оборачивается волкомъ или медвѣдемъ и бросается за коровой. Результаты этого состязанія выражаются послѣ въ томъ, что одинъ изъ знаткихъ является помятымъ и лежитъ нѣкоторое время въ постели. Старая близость войдовъ къ богамъ выражается въ настоящее время въ томъ, что знаткіе дружатъ съ лѣшими, водяными и при помощи ихъ пользуются удачей въ охотѣ. „Знаткой“ ловитъ, напр., рыбу безъ сѣтей, прямо руками. Къ „знаткимъ“, какъ мы уже знаемъ, обращаются Пермьки и въ томъ случаѣ, когда нужно написать кабалу лѣшему.

„Знаткимъ“, конечно, принадлежитъ изобрѣтеніе разнаго рода гаданій, которые въ настоящее время являются извѣстными каждому Пермьку. Въ случаѣ кражи всѣмъ сосѣдямъ раздаются ровныя лучинки въ видѣ спиць. Вора узнаютъ по тому, что онъ обкусываетъ свою лучинку, чтобы сдѣлать незамѣтнымъ ея ростъ. Если воръ остается неизвѣстнымъ, стараются узнать, найдется-ли вещь. Для этого одинъ бросаетъ рукавицу и смотрятъ, какъ она легла: если пальцемъ вверхъ, найдется; другіе запутываютъ длинное лычко, рѣжутъ на части, потомъ связываютъ на узелки и если изъ связанныхъ частей лычка образуется цѣльная лента, воображаютъ, что пропажа нашла дорогу, т. е. ее не найти. Чер-ашванщики дѣлаютъ видъ, что они гадая приходятъ въ особенное состояніе. Выраженіемъ этого состоянія является усиленная зѣвота.

Въ 40-хъ годахъ по свидѣтельству Хлюпина искусствомъ колдовать славились особенно Чердынскіе знахари. Имъ ничего не стоило сглазить человѣка, вселить въ него гадинь, прицѣпить вилу ¹⁾. Вѣжливцы являются у Пермяковъ и наиболѣе пользующимися довѣріемъ лекарями. Христіанское духовенство и вѣжливцы не вытравили однако воспоминанія о былой жреческой роли отца семейства. Въ Великій четвергъ онъ еще въ 60-хъ годахъ приносилъ по обычаю жертву домашнему „богу“: ставилъ передъ иконами въ рѣшетѣ зерновой хлѣбъ, челпанъ и соль ²⁾. Въ другіе праздники онъ зажигалъ передъ иконами свѣчу, курилъ ладаномъ и молился во главѣ семьи надъ столомъ, покрытымъ праздничными яствами, которыя потомъ на время убирались ³⁾. Яствами этими въ Васильевъ вечеръ служили овечьи и свиныя головы.

Мы обозрѣли всю область духовнаго творчества Пермьяка. Явленія, въ которыхъ оно выражается, показываютъ, что и здѣсь, какъ въ области приспособленія къ своимъ нуждамъ природы и въ области творчества общественно-бытоваго Пермьякъ не пошелъ дальше зачаточныхъ стадій. Въ языкѣ, который служитъ выраженіемъ его понятій о вещахъ и явленіяхъ, онъ не пошелъ дальше конкретныхъ терминовъ; разбираясь въ отношеніяхъ между явленіями, стараясь отыскать ихъ связь, онъ руководствуется исключительно послѣдовательностью ихъ; вопросъ о сущности явленій онъ разрѣшилъ анимистически, признавши жизнь, духъ въ каждомъ предметѣ окружающаго міра; въ культѣ этихъ явленій - духовъ онъ не пошелъ далѣе удовлетворенія ихъ потребностей въ пищу и нитьѣ.

Нашъ очеркъ конченъ. Для того, чтобы матеріалъ собранный нами относительно Пермской группы, пригодился для болѣе широкихъ выводовъ, желательно обсто-

¹⁾ Изв. Геогр. Общ. 1849, ср. Москвит. 1847.

²⁾ Роговъ. Перм. Сбор. II, 27.

³⁾ *ibid.* 25.

ятельное изслѣдованіе сѣверныхъ Коми (Зырянахъ). Эта работа уже начата параллельно Императорскимъ Географическимъ Обществомъ и Московскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи. Пожелаемъ-же ей скорого и успѣшнаго конца.

ПОПРАВКА.

На стр. 104, 5 стр. снизу напечатано Со с в и, должно быть Сыгви.

Содержаніе ранѣе вышедшихъ томовъ „Извѣстій Общества
Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ
Казанскомъ Университетѣ“.

Т. X. Уставъ Общества, списокъ членовъ-учредителей Общества, Протоколы засѣданій Совѣта и Общаго Собранія. Проектъ Публичнаго Историко-Этнографическаго Музея, сост. В. М. Флоринскимъ.—Приложенія. Свѣдѣнія о древностяхъ, найденныхъ близъ деревни Увекъ. Описание русскихъ монетъ клада 4 сентября 1878 г. *В. К. Савельева* и *Н. А. Толмачева*. О нѣкоторыхъ малознакомыхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію исторіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова*. Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. *И. А. Изюмова*. О замѣчательной Китайской монетѣ конца X или начала XI в., прибрѣтенной въ селѣ Болгарахъ. *В. П. Васильева*. 1879. Ц. 1 р.

Т. XI. Годовой отчетъ за 1878 г. Протоколы засѣданій Общества.—Приложенія. Два городища Спасскаго уѣзда. *И. Фанаторскаго*. Объ историческомъ значеніи библиотекы Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академіи. *И. В. Владыкірова*. Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древн. жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. *И. А. Изюмова*. Описание части клада русскихъ денегъ XV в., открытаго въ Казанскомъ кремлѣ 4 сент. 1878 г. *А. Ф. Лихачева*. Замѣтка о харатейномъ Евангеліи к. XIV или нач. XV в. *И. Д. Шестакова*. Нѣсколько словъ о могильникѣ, находящемся близъ деревни Ананьиной. *И. Д. Шестакова*. Описание монетъ, найденныхъ въ д. Карташихъ Каз. г. *В. К. Савельева*. Описание городищъ и кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ г. Сенгилея Симб. губ. *М. И. Изюмщикова*. О старинномъ кладбищѣ близъ с. Беляморскаго Вят. губ. *А. Рязанцева*. Попытка объясненія одного мѣста изъ Булгарской лѣтописи Шерефъ-Эддина. *И. Д. Шестакова*. Выдержки изъ архива Елабужскаго духовнаго Правленія. *Ею-же*. Описание дополнительной лекціи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Увека. *В. К. Савельева*. Описание чудскихъ вещей, пожертвованныхъ въ музей Общества А. Е. Теплоуховымъ. Бытъ Вотяковъ Саранульскаго уѣзда. *В. Котурникова*. К. 1880. Ц. 1 р.

Т. XII. О задачахъ дѣятельности К. О. Н. А. и Э. С. М. *Шнилевскаго*. Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биларъ и Моркваша. *Н. И. Золотницкаго*. По поводу сообщенія Н. И. Золотницкаго. *И. Д. Шестакова*. Замѣтка о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. губ. *И. А. Изюмова*. Объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Биларскѣ. *Ею-же*. Описание Биларскихъ и Барынскаго городищъ. *В. А. Казаринова*. Замѣтка о Калмыкахъ Астрахан. губерніи. *И. Смирнова*. Изъ поѣздки въ село Шуматово Ядр. у. Каз. губ. (бытъ Чуваши) *Б. К. Маинтскаго*. О раскопкахъ близъ д. Палекиной на р. Чусовой. *И. И. Кротова*. У Вотяковъ Елабужскаго уѣзда. *Г. И. Потанина*. Изъ дорожныхъ замѣтокъ во время этногр. экскурсіи. *С. К. Кузнецова*. О Чалдынскомъ городищѣ. *А. М. Зайцева*. Одно изъ древнихъ булгаро-татарскихъ городищъ

въ Тет. у. *Е. Т. Соловьева*. Преданія Чувашъ и Татаръ Чебокс. у. Каз. г. *М. А. Арамазова*. Остатки древности въ с. Увекѣ. *Г. С. Саблукова*. Предварительное сообщеніе о раскопкахъ близъ с. Шурана. *П. А. Пономарева*. Предп. сообщеніе о раскопкахъ надъ Ройскимъ истокомъ. *С. К. Кузнецова*. Замѣтки о вышенномъ раскопкахъ. *А. А. Штукенберга*. Краткое описаніе Краснослободскаго муж. монастыря (Пенз. г.). *Д. В. Ильченко*. Описаніе рус. сер. копѣекъ изъ склада 1881 г. *В. К. Савельева*. Описаніе двухъ коллекцій джуч. монетъ пожерт. обществу. *Его-же*. Описаніе клада золотордынскихъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. П. Заюскаина*. Атамановы кости. *С. К. Кузнецова*. К. 1884. Ц. 2 п. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1880—88 г. Приложенія.—Духовная *В. П. Татищева*. Ѳ Мишаряхъ чистот. уѣзда *В. А. Казаринова*. Свѣдѣнія о Мишаряхъ. *Е. А. Малова*

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—1884 гг. Скопскій слѣдъ на бильерской почвѣ. *А. Ѳ. Лихачева*. Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. г. *В. К. Мамитскаго*. Сѣмь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1 и 2. Нѣсколько словъ о русскомъ вліяніи на инородцевъ Казанскаго края. *И. Н. Смирнова*. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. Ѳ. Высоцкаго*. Развалины древнихъ зданій при селѣ Болгарахъ. *В. А. Казаринова*. Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Станицына*. Нензданныя грамоты изъ Аювскихъ архивовъ. *В. В. Качановскаго*. Матеріалы для русскаго словаря. *А. Д. Жилина*. Обычай колядованія въ Симб. г. *М. Извоицкова*. Каз. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Исслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемискаго языка *М. П. Веске*. Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Ѳ. Высоцкаго*. Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитриева*. Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева*. Старая церковь въ селѣ Богородскомъ. *Н. В. Сорокина*. Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова*. Каз. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. I. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. *М. П. Веске*.

— Вып. II. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ *И. Н. Смирнова*. Каз. 1890. Ц. 2 р. 25 к.

— Вып. III. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній Каз. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. I. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ Коммисіи. *Н. Н. Ѳирсова*. Памяти П. Д. Шестакова. *Н. А. Ѳирсова*. Толкованіе икона села Царицына (съ фотографіей). *Н. В. Сорокина*. Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. *Н. З. Тилова*. Ирихи у Чувашъ. *В. К. Мамитскаго*. Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. И. Соколова*. Свадебные обичаи Казанскихъ татаръ. *М. Н. Липецка*. Каз. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

Вып. II. Пермьки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова*. Каз. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

Всѣ изданія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получать въ Казани у книгопродавцевъ *А. А. Дубровина* и *Н. Я. Вашмакова*, въ С.-Петербургѣ у *А. С. Суворина* и *Карбасникова*.

RETURN CIRCULATION DEPARTMENT
TO → 202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

RENEWALS AND RECHARGES MAY BE MADE 4 DAYS PRIOR TO DUE DATE.
 LOAN PERIODS ARE 1-MONTH, 3-MONTHS, AND 1-YEAR.
 RENEWALS: CALL (415) 642-3405

OCT 13 1990 (DUE AS STAMPED BELOW)

JAN 14 1991

APR 08 '91

AUTO DISC AUG 22 '91

**JAN 04 1993
 AUTO DISC CIRC**

JUL 13 '93

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
 FORM NO. DD6, 60m, 1/83 BERKELEY, CA 94720

©s

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C031946534

